

В
ВГ

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ИСКАТЕЛИ
СМЕРТИ

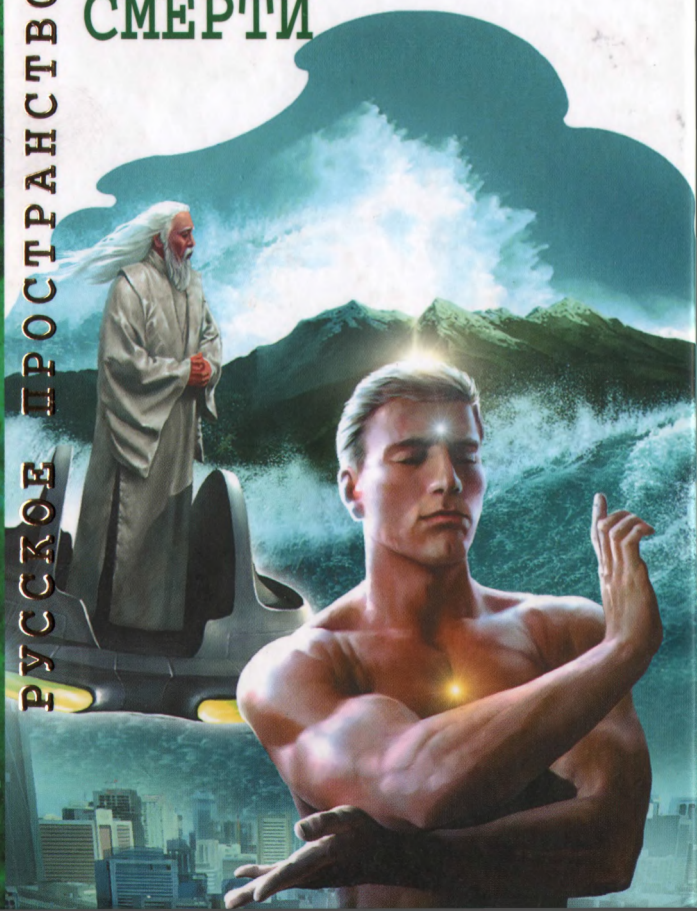
ЭКСМО

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ИСКАТЕЛИ
СМЕРТИ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

**ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ
ПРАВИЛА БОЯ
СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ
ГАСИТЕЛИ СОЛНЦ
ЛИК БЕСА
БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ
ВОЙНА РЕАЛЬНОСТЕЙ
ИСКАТЕЛИ СМЕРТИ**

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ИСКАТЕЛИ СМЕРТИ

БЕСПОЩАДНЫЙ
КО ВРЕМЕНИ МОИХ СЛЕЗ

Москва

2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Г 61 Головачев В. В.
Искатели смерти: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 704 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

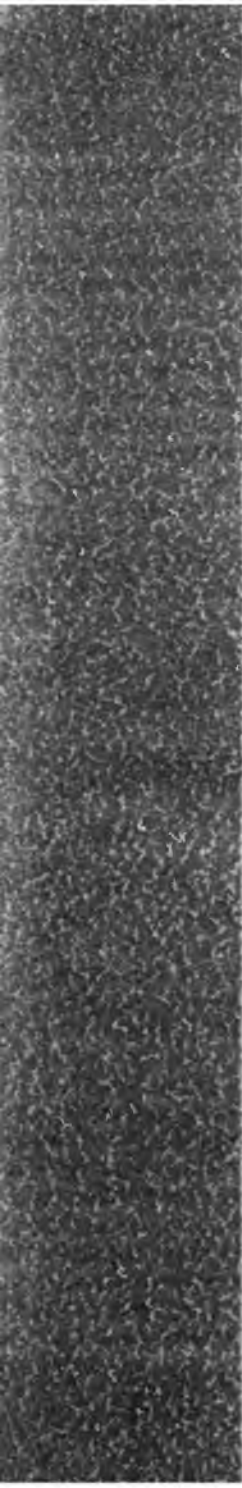
ISBN 5-699-14039-5

Их пытались сделать врагами, но они стали друзьями. Из них рассчитывали сделать убийц, но они стали лишь мстителями, руководимые справедливостью и возмездием. Их лишили прошлого, но они устремились в будущее, творя его собственными руками. Андрей Данилин, Гордей Буй-Тур и Владислав Тарасов — воины новой армии, армии Света и Добра, призванной Русью в час беды. Верные Отчизне, сильные духом, беспощадные ко злу. Их битва начинается...

**УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 5-699-14039-5

© Головачев В. В., 2005
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2005

БЕСПОЩАДНЫЙ

Пробудись от сна, душа,
Огляди в раздумье строго
Все, что живо:
Как проходит жизнь, спеша,
Как подходит смерть к порогу
Молчаливо.

*Хорхе Манрике,
испанский поэт,
1440—1479 гг.*

Но есть еще одна святая сила.
Она меня любовью осенила,
Благословение дала свое —
Не женщина, не смертная —
Россия,
Великое отечество мое.

*Николай Грибачев,
русский поэт, р. 1910 г.*

*В романе использованы стихи
М. Алигер, В. Брюсова, В. Вишневского,
И. Васильевой, А. Кравцова, С. Пав-
лишина, В. Высоцкого.*

ULTIMA THULE

11652 ГОД ДО Н.Э.

ДЕНЬ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

Впервые за многие сотни лет небо над горой очистилось от туч, и на величественный белый терем Храма Китовраса упал первый луч солнца, превратив его в сияющий снежно-золотой кристалл.

На верхней террасе Храма, венчающей главную маковку терема, стояли двое в бело-алых одеждах, глядя с высоты гигантского сооружения, единственного уцелевшего во время войны, на склоны горы, испещренные шрамами и трещинами, и на руины древнего города, засыпанные слоем пепла и обломками скал. Гора и остров представляли собой остатки некогда великой Гипербореи, исчезнувшей в волнах океана. Они медленно, но неотвратимо погружались в воду, со всех сторон окруженные подступающими льдами.

— Цена заплачена высокая, — глухо проговорил старший из жрецов, высокий, седой, с сияющими желтым огнем глазами провидца. — Может быть, слишком высокая.

— Но заставит ли это потомков наших следовать законам Прави? — отозвался второй, пониже ростом, но плотнее, с иссеченным морщинами жестким волевым лицом; глаза его казались прозрачными аквамаринами, подсвеченными изнутри. — Я не вижу будущего, оно для меня закрыто. А что видишь ты, Сварг?

Седой долго молчал, подставив лицо солнцу и полузакрыв глаза. Наконец он заговорил:

— Цель достигнута. Ликвидированы две последние тайные системы, паразитирующие на человечестве. Но я предвижу появление новых систем управления, еще более изощренных и агрессивных. Они превратят род человеческий в стадо, послушно кормящее избранных. Одна из систем искусственно создаст новый вид рабов, который станет носителем удивительной, но жестокой религии.

— Такое уже было, — покачал головой спутник седого.

— Эволюция идет по спирали, — рассеянно сказал седой. — Циклы повторяются. Структура контроля реальности создавалась уже не один раз.

— Коррекция популяции динозавров, — кивнул морщинистолитый. — Распад Лемурии. Теперь очередь Атлантиды и Гипербореи... Что дальше?

— Маги уходят. Останутся жрецы-бессмертные, хранители знаний. Социум изменится, но вместе с появлением новых пастухов появятся и новые носители ответственности. Структура контроля проснется и очистит землю от тех, кто жаждет абсолютной власти. Это Закон.

— И все вернется на круги своя, — усмехнулся его собеседник. — О нас будут сложены легенды, как слагались они о тех, кто чтит законы Прави до нас, потом легенды воспоют подвиги потомков, и так далее, и так далее. Кончится ли этот процесс когда-нибудь?

— Творец вернется, — убежденно сказал седой, — чтобы проверить, как живут Его Дети и Его Творение. Возможно, людям придется выпить океан страданий, прежде чем они окончательно сбросят пастухов. Но для этого им прежде всего надо изменить себя.

Помолчали, разглядывая стаю серебристых птиц, облетающих остров и гору с Храмом на вершине.

— Грустно уходить, — вздохнул спутник седого по имени Дажь. — Знаю, что это необходимо, но все равно грустно. Хочется пожить еще пару циклов, чтобы посмотреть на тех, кто придет нам на смену. Какими они будут?

— Смелыми, отважными, — улыбнулся седой, — справедливыми. Они будут нашими потомками, потомками богов, хотя и вспомнят о своих корнях не скоро. Их назовут славоположими русами, то есть светловолосыми. Они заселят Святой материк и никому эту землю не отдадут. Несмотря ни на что!

— Ты... знаешь, Сварг?

— Я верю, Дажь, — ответил седой Сварг. — Верю и надеюсь. Пошли к остальным. Время не ждет, пора уходить и нам.

Один за другим они спустились по белокаменной лестнице вниз, в недра Храма, хотя могли бы перенестись туда мысленным усилием, так как оба владели легкоступом, то есть умели уменьшать вес тела, проходить сквозь стены и преодолевать мгновенно большие расстояния. В центральном зале Храма, где стояла фигура Китовраса, его основателя, высотой в пятьдесят локтей, сделанная из цельной глыбы железного метеорита, вокруг которой постоянно вились струйки золотистого сияния, уже собрались соратники Сварга и Дажь. Они представляли собой команду, исполнившую закон Прави: «Никого над нами, кроме Творца!» Команда выполнила свою задачу, сбросив путы пастухов, пытавшихся управлять человечеством согласно своим принципам.

Дорогой ценой, но выполнила, хотя при этом война магов Атлантиды и Гипербореи-Арктиды уничтожила цивилизации, сбросив социум на уровень нулевого отбора. Но человечество уцелело, и у него еще был шанс восстановить свой потенциал и достигнуть вершин духовной зрелости, преодолев все свои комплексы, звериные инстинкты и неумную жажду власти. Команде пришла пора уходить со сцены истории. Так велел Закон, установленный Творцом. Но только Сварг, пресветлый Князь Собора — водитель команды знал, что не за горами время активации Закона, следующего за самоликвидацией команды. Им еще предстояло вернуться в земной мир, хотя и в другом обличье, ибо на смену уничтоженным поводырям людей уже двигались их последователи.

Уходящие стояли в центре зала — две сотни владык в белых с пурпуром одеждах, седые и темноволосые, старцы и мужчины в расцвете сил, молодые женщины и старухи-ведуньи, и молча смотрели на водителя, понимая все без слов.

— Мы уходим, — заговорил Сварг, и звучный голос его взлетел птицей над всеми, странным образом не создающими впечатление покорной толпы, вернулся обратно вибрирующим эхом, от которого шатнулось пространство зала. — Мы уходим, но мы останемся здесь, на Земле. У каждого из вас есть своя личная задача и есть общая — хранить традиции Рода и передавать их потомкам нашим неискаженными. Это трудная задача, но ее надо выполнить. Слава Роду!

— Слава Роду! — отозвались сподвижники Сварга, будущие прародители и водители славопроносящих племен, наполнив гулом гигантское помещение.

— Прощайте! И да хранит вас Род!

Эхо последних слов Сварга метнулось между резными колоннами и статуями зала, колыхнуло световую вуаль, окутавшую фигуру Китовраса красивой феерической радугой. Люди в белопурпурных одеяниях двинулись мимо нее к арке из белого, с блестками, камня. Проходя по одному под аркой, они замирали на короткое время, закрывая глаза, и шли дальше уже с иным выражением просветленных лиц. С этого момента они переставали быть бессмертными носителями Закона и становились защитниками Рода. Их ждала нелегкая судьба хранителей знаний.

Храм опустел.

Соратники Сварга и Даждя, витязи и ведуны, сели в летающие лодки — раманы и отбыли на материк, названный впоследствии Евразией. Руководитель команды и его уладич, заместитель, снова поднялись на террасу, венчающую Храм.

Стая птиц все так же продолжала летать над горой и Храмом, словно предчувствуя их скорое исчезновение и прощаясь с ними. Последние зеркально-прозрачные блики раман скрылись за горизонтом. Теперь двое магов на террасе остались последними представителями некогда могучей северной цивилизации, пережившими ее распад. Но пришло и их время уходить в Навь.

— Мы вернемся, — едва слышно пообещал Сварг.

И словно дождавшись его слов, остров под горой вздрогнул, низкий гул раскатился по водам океана, гора затряслась, завибрировала, длинные трещины разорвали ее основание. Храм на вершине горы закачался, задрожал, стал разваливаться.

Два мага поднялись в воздух мысленно-волевым усилием, продолжая наблюдать за развивающимся катаклизмом с высоты четырех тысяч локтей.

Из трещин в основании горы ударили вверх струи пара. Остров стал погружаться в воду быстрее. От него во все стороны прынула волна цунами, достигла льдов на горизонте, обрушилась на них, ломая огромной толщины поле на отдельные плиты и айсберги.

Затем буквально в несколько мгновений остров и гора ушли под воду, вверх взлетел гигантский пароводяной фонтан, с торжественной медлительностью оплыл, и вторая волна цунами помчалась к ледяным полям, довершая их ломку. Однако волнение воды продолжалось недолго, вскоре океан успокоился, превратился в зеркало — при полном безветрии, пряча под толщей вод утонувший материк — Арктиду, и лучи низкого солнца образовали золотой ореол вокруг двух крохотных фигурок, висящих в воздухе. Миг — и их не стало!

Защитники человечества, которым суждено было много тысяч лет спустя стать в памяти людей богами, ушли в иные сферы бытия...

Где океан, век за веком, стучась о граниты,
Тайны свои разглашает в задумчивом гуле,
Высится остров, давно моряками забытый, —
Ultima Thule.

Остров, где *нет* ничего и все только *было*,
Краем желанным ты кажешься мне потому ли?
Властно к тебе я влеком неизведанной силой,
Ultima Thule.

Пусть на твоих плоскогорьях я буду *единым*!
Я посету ряд могил, где герои уснули,
Я поклонюсь твоим древним угрюмым руинам,
Ultima Thule...

КОСТРОМА

XXI ВЕК

15 ноября, вечер

К вечеру пошел густой мокрый снег, и мир сразу преобразился, став плоским, двухмерным и двухцветным, серо-белым. Снег облепил ветви деревьев, скрыл под собой изъяны городского пейзажа и выглядывающие кое-где зеленые стрелочки елей, а пятна травы лишь подчеркивали всевластие наступающей зимы.

Преобразились и люди, уставшие от осенней распутицы и грязи. На лицах прохожих замелькали улыбки. И хотя до Нового года было еще далеко, целых полтора месяца, все ощущали приближение праздника, чему способствовали и отреагировавшая заранее реклама, и появившиеся в продаже елочные игрушки.

Однако настроение Андрея Данилина, бывшего инструктора спецназа по выживанию в экстремальных условиях, а теперь учителя физкультуры, было минорным. Во-первых, он окончательно разошелся с женой, переставшей терпеть покладистость мужа по отношению к начальству и его малые заработки.

Длилась эта агония совместной жизни уже много лет и наконец разрешилась естественным образом. Жена устроила Андрею очередной скандал (в молодости она была красавицей и знала себе цену), обвинила его во всех смертных грехах, в том числе — в наличии любовницы, чего он себе никогда не позволял, — и Андрей ушел из дома. Собрал вещи, книги, сел в машину — унего была двухлетнего возраста вазовская «Лада 2120» «Надежда» — и уехал. Теперь он снимал комнату у Анны Игнатьевны Резниченко, семидесятивосьмилетней старушки, бывшей учительницы русского языка, в доме по улице Беговой, недалеко от ресторана «Север» и гимназии, в которой работал. Естественно, данное обстоятельство не способствовало хорошему настроению. Но были и другие, не позволяющие чувствовать себя хозяином положения.

К примеру, в гимназии появилась в восьмом классе новая ученица. Девочка привыкла помыкать родителями, считала ниже своего достоинства заниматься физкультурой, за что и получала соответствующие оценки. А родители, особенно ее мать Эльвира Жановна, тут же начали жаловаться директору гимназии на «притеснение их любимого чада». Кроме того, отец пообещал даже устроить учителю физкультуры «сладкую жизнь», кое обещание недавно вылилось в открытый конфликт между друзьями отца девочки и Андреем.

К нему на квартиру заявились четверо подвыпивших мужчин и агрессивно потребовали «не издеваться над ребенком» и по-

ставить дочери Эльвиры Жановны пятерку в четверти. Конечно, Данилин выставил за дверь всех четверых, но мужчины пообещали вернуться и «как следует проучить строптивого училищника», что, в общем-то, вполне могло случиться.

Второе обстоятельство было сродни первому.

Три раза в неделю Данилин вел в городском Дворце спорта секцию русского боевого искусства «Характерник». В секцию ходили как молодые люди восемнадцати-двадцати лет, так и взрослые дяди и тети тридцати-сорокалетнего возраста. И вот однажды в середине октября к Андрею в зал ввалились крутые парни в одинаковых фиолетовых костюмах и потребовали научить их «сворачивать челюсти и ломать кости». Андрея покорила их фамильярность и безапелляционность, но он, наверное, не стал бы противиться и принял парней в группу, если бы случайно не выяснил, что все пятеро являются телохранителями депутата Костромской городской Думы Иосифа Ивановича Лазарева, бывшего подполковника милиции, сколотившего состояние на посредничестве между криминальными структурами и государственными органами. Пришлось «фиолетовым» отказать, на что они отреагировали крайне болезненно и тоже пообещали Данилину «надрать задницу, чтоб не залупался», и если не согласится учить — засадить его на нары. В серьезности их намерений Андрей не сомневался. Эти люди, не знающие и не пытающиеся принять нормы нравственности и общественной жизни, жили по волчьим законам и считали себя хозяевами страны.

В шесть часов стемнело, на улице зажглись фонари, высвечивая торжественно-медленный, тихий снегопад, а Андрей все сидел у окна в темной комнате, смотрел на снег и думал о своей судьбе, впервые оценив одиночество не как дар, а как испытание. Данилину недавно исполнилось сорок шесть лет. Рост он имел высокий — под метр девяносто, седина только появилась в его темных, не очень длинных волосах. А в карих глазах, да и во всем облике чувствовалась дремлющая сила и доброжелательность. Друзья у Андрея были, но далеко: Толя Гармаш в Киеве, Юра Георгиади в Тбилиси, Слава Кондратьев, с которым он проучился в школе, в одном классе, все одиннадцать лет, в Москве. В Костроме же друзья так и не появились, были только хорошие приятели, с которыми он изредка встречался на работе, в спортзале или на вечеринках. Все-таки этот город не стал для него родным, хотя он и прожил в Костроме двадцать лет, переехав сюда — к жене — после свадьбы.

Впрочем, один друг все-таки имелся в наличии — Лёва, или Лев Людвигович Федоров, инженер-механик, кандидат технических наук, пятидесяти четырех лет от роду. Познакомился с ним

Андрей десять лет назад, случайно, на дне рождения у двоюродного брата жены, также инженера. С тех пор они довольно часто встречались, особенно в те дни, когда Лев Людвигович возвращался в Кострому из длительных командировок, и с удовольствием проводили время в беседах. Федоров был старше Андрея на восемь лет, но живой и общительный характер, увлеченность идеями и работой делали его намного моложе своего возраста, а если к этому прибавить отменное физическое здоровье — Лев Людвигович выглядел атлетом, — то получался облик спортсмена, а не заморенного кабинетной тишиной ученого. Недаром коллеги Федорова из Института прикладной механики шутили, что он — первый силач среди инженеров и первый инженер среди силачей. Иногда шутка сводилась к тому, что Льву Людвиговичу в институте нет равных по физическому развитию. После паузы следовало продолжение: и по физико-математическому тоже. Что, кстати, вполне соответствовало истине, потому что математическим аппаратом Федоров владел на уровне доктора физматнаук и все свои инженерные решения обосновывал и обсчитывал сам.

Правда, в последнее время, примерно с год, Андрей виделся с ним всего два раза, да и то минутно. У Льва Людвиговича началась полоса каких-то жизненных неурядиц, он ушел из института, некоторое время работал в Брянске у знаменитого на весь мир Владимира Леонова, отца-основателя теории упругой квантованной среды, потом жил в Москве, еще где-то, и Андрей почти потерял его след. Подумав об этом, он потянулся к телефону, собираясь тут же позвонить другу, но телефон вдруг зазвонил сам, будто ждал этого момента.

— Алло, — сказал Андрей, сняв трубку.

— Привет, дружище, — зарокотал в мембране голос Федорова. — Жутко рад, что застал тебя дома!

— И я рад! — искренне ответил Андрей. — Только что о тебе подумал, и тут ты звонишь! Прямо мистика. Ты где?

— Час назад из столицы. Не забежишь? А то я завтра опять уеду. Бог знает, когда еще свидимся.

— Непременно зайду. Лена с тобой?

— Нет, жена в Брянской губернии осталась, у родственников, я один прискакал. Но через месяц и она придет. Так когда тебя ждать?

— У меня с семи до девяти тренировка, поэтому жди не раньше половины десятого.

— Обнимаю. — В трубке послышались гудочки отбоя.

Андрей, улыбаясь, положил трубку и стал собираться, чувствуя легкое нетерпение и теплое дуновение положительных эмо-

ций. Хотелось бежать к другу немедленно, однако пропустить занятия с группой он себе позволить не мог.

— Я на тренировку, — предупредил Андрей хозяйку. — Буду поздно, друг приехал неожиданно, я к нему загляну. Так что вы меня не ждите, я буду сыт и весел.

— Ты уж поосторожней там, Андрюша, — озабоченно покачала головой худенькая, с лучиками-морщинками на добром лице и прозрачно-голубыми глазами Анна Игнатьевна. — Неровен час, хулиганы встретят. Вон что творится в городе-то — чуть ли не каждый день стреляют!

— Ничего, я тихонечко пройду, как тень, — пообещал Андрей.

Анна Игнатьевна улыбнулась, глаза ее молодо блеснули, и он вспомнил стихотворение:

Вот женщина — она не молода.
Вот женщина — она не хороша.
Но в ней стоит, как вешняя вода,
Высокая и светлая душа.

Поцеловав старушку, ставшую ему чуть ли не матерью, Данилин вышел с сумкой через плечо, но вынужден был остановиться, так как хозяйка догнала его и протянула зимнюю шапку.

— Зима уже на дворе, — сказала она строго, — голову простишь.

Пришлось надевать шапку, хотя во все времена года он предпочитал обходиться без головного убора, потому что умел регулировать тепловой обмен организма и не мерз даже в лютые морозы.

В семь часов вечера Андрей был уже во Дворце спорта.

Свою секцию он организовал семь лет назад по образу и подобию Школы русского воинского искусства «Любки» (с ударением на последнем слого), с руководителем московского филиала которой Данилин познакомился много лет назад, еще будучи инструктором минюстовского спецназа. Свою работу с членами секции он построил точно так же: сначала изучение законов движения и строения тела человека — через видение русской традиционной культуры, исследование возможностей своего тела, укрепление здоровья, изучение основ народного целительства, а уж потом — обучение способам самозащиты против одного или нескольких противников и работа с оружием. Такая практика принесла свои плоды. Кроме детской группы, набралась еще и взрослая, люди ходили на занятия с удовольствием, потому что в отличие от «сэнсэев» других школ боевых искусств их учитель никогда ни на кого не повышал голос, не муштровал,

не заставлял бездумно выполнять приемы и уж тем более не наказывал, хотя дисциплину на занятиях поддерживал достаточно строгую. За это его любили, уважали и готовы были выполнить любое распоряжение.

На этот раз к началу занятий взрослой группы пришли трое новеньких, двое парней и девушка, которые услышали о секции от своих друзей и решили попробовать себя в новом для них деле. Андрей усадил их на скамеечке за пределами тренировочной зоны, посоветовал сначала присмотреться к занятию, а уж потом прийти на следующий «сход» в спортивной форме — если они за это время не раздумают стать «характерниками», как называли сами себя члены группы.

— Сегодня наша теоретическая часть такова, — начал Данилин, когда группа рассредоточилась по залу так, как было удобно всем; одевались ученики по-разному, кто в спортивное трико, кто в кимоно, но большинство все же предпочитали носить обычные холщовые свободные штаны и такие же рубахи с вырезом на груди, как и сам Андрей. — Поговорим об экспресс-оценке возможностей противника. За несколько секунд до нападения вы должны выяснить много важных вещей: физические данные противника, наличие оружия, степень готовности к реальному бою, нервно-психическое состояние и уровень опьянения, если таковое имеется. Последние два аспекта наиболее важны, так как вам могут встретиться люди, которых в народе прозвали отморозками. Это в большинстве своем психопаты и акцентуированные личности, пребывающие в постоянном нервном напряжении, разряжать которое они могут только агрессией, издевательством и физическим насилием. Они отличаются крайней жестокостью, пониженной чувствительностью к боли и притуплением инстинкта самосохранения. И вот с ними-то надо уметь общаться и вести себя достойно.

— Это значит — надо их не раздражать? — спросила одна из женщин, крупнотелая и мощная, способная, наверное, как говорил поэт, и коня на скаку остановить.

— Это значит, — улыбнулся Андрей, — что надо ясно понимать, с кем вы имеете дело. Отморозки, равно как пьяные и наркоманы, способны на что угодно. Многим из них убить человека так же легко, как раздавить муху. Поэтому для общения с ними надо не выглядеть сильным, а быть сильным, и демонстрировать не показное умение строить «японские» позы, а реальное умение драться до конца, невзирая на боль и раны. В ином случае лучше сразу же обратиться в бегство или сдаться на «милость» победителя — со всеми вытекающими последствиями.

Члены группы — в этот вечер их собралось больше тридцати — зашумели и смолкли.

— Но есть ли смысл начинать бой, если они вооружены? — задал вопрос пожилой мужчина с окладистой бородой, Багратион Петрович Самохин, сторож санатория, которого все за глаза почему-то прозвали Кутузовым.

— Вот об этом и побеседуем, — сказал Андрей. — А потом приступим к физическим упражнениям.

Однако побеседовать с учениками ему не дали.

В зал вдруг вошли плотной группой человек семь — все крепкие, накачанные, в одинаковых фиолетовых костюмах, и Андрей узнал среди них своих недавних визитеров, пожелавших поучиться боевому мастерству. Затем из-за их спин не спеша выдвинулся невзрачный господин в желтом костюме, худой, лысоватый, заросший рыжей щетиной, обозначающей, очевидно, бородку. Глаза его закрывали модные «витрины» — зеркальные очки, покрытые светоотражающей, как мыльный пузырь, пленкой. Это был депутат городской Думы Иосиф Иванович Лазарев собственной персоной.

— Мне тут сообщили, — сказал он жирным мурлыкающим голосом, не здороваясь, — что ты отказался учить моих мальчиков. Подумал о последствиях?

Андрей переглянулся с Багратионом Петровичем, прочитал вопрос в его глазах и отрицательно качнул головой. Затевать скандал не хотелось.

— Прошу вас выйти из зала, — сказал он с максимальной вежливостью и убедительностью. — Если вы хотите поговорить со мной, я сейчас подойду.

— Ты отказал моим пацанам, — не обратил на его слова внимания депутат. — Без всякого повода. Меня это сильно огорчило. Ну, раз ты такой крутой и не хочешь их учить, тогда мы тебя слегка поучим. Мальчики, сделайте мастеру бо-бо.

Семеро крепышей двинулись к Данилину, поигрывая появившимися в руках резиновыми дубинками и бейсбольными битами.

Ученики Андрея, ошеломленные таким оборотом дела, в замешательстве начали переглядываться, роптать, кое-кто из парней шагнул вперед, собираясь защитить учителя, но он их остановил.

— Урок продолжается. Вспомните, о чем мы с вами только что говорили. Это те самые отморозки, и с ними надо вести себя соответственно. Никаких переговоров! Голая правда жизни! Передвигайтесь мягко и быстро, не отрывая стопы от пола. Не под-

прыгивайте на носках, как боксеры на ринге, не делайте финты, не тратьте время и силы. Смотрите и запоминайте.

Андрей спирально-сложным движением уклонился от ударов двух дубинок сразу, ускорился и уложил обоих атакующих не-сильными с виду тычками костяшек пальцев в шоковые точки на шее и на затылке. Парни еще не успели упасть на пол, как он достал третьего — сильным ударом в локоть выбил бейсбольную биту, а вторым — ногой в голень — заставил молодого человека с криком отскочить на одной ноге.

На несколько мгновений движение остановилось.

— Может, хватит? — миролюбиво спросил Андрей, продолжая контролировать ситуацию. — Поговорим как цивилизованные люди.

— Я т-тебе покажу цивилизованных! — прошипел Лазарев, ощерясь. — Поломайте ему ребра! Шамиль!

Смуглолицый, с черными усами и гривой черных волос парень достал из чехла на лодыжке нож и, пригибаясь, раскачиваясь с ноги на ногу, держа в одной руке биту, а в другой нож, пошел на Андрея.

— Уровень два, — обратился Андрей к ученикам, словно продолжая лекцию. — Нападение с применением холодного оружия. Никакие спортивные схемы в таких случаях не действуют. И бить противника надо в полную силу, без пощады.

Он дождался, когда подкравшийся со спины парень ударит его дубинкой, ушел с вектора удара и тут же рывком за руку подставил нападавшего под удар черноусого Шамиля, не то чеченца, не то аварца. Раздался крик. Бита легла прямо на плечо парня, перебив ему ключицу. В то же мгновение Андрей оказался сбоку от противника, сжал железными пальцами запястье руки с ножом и сильным ударом в нос отбросил черноусого на двух еще не принимавших участия в схватке приятелей. Затем добил крепкого, который вознамерился было напасть на него с тыла.

Вскрикнувший Шамиль выронил нож, упал, закатывая глаза. У него был сломан нос.

Двое парней с дубинками попятились было, оглянулись на своего босса, потом, повинувшись его жесту, бросились на Андрея.

Ему понадобилось ровно четыре секунды, чтобы справиться с ними.

Русская школа боя культивирует около двух десятков приемов, позволяющих остановить противника сильной болью, не причиняющих при этом существенного вреда здоровью, и Андрей воспользовался двумя из них. Первому парню он, соскользнув с дубинки, нанес удар в бровь, второму — также выкрутившись с траектории дубинки — в спину меж лопат-

ками. С криками боли оба отскочили к своему господину, уже не помышляя о нападении.

Движение в зале снова прекратилось.

Ученики Андрея, восхищенные демонстрацией мастерства своего учителя, замерли и смотрели то на него, то на охающих гостей, то на их обескураженного предводителя.

Очнувшийся Шамиль сунул было руку под борт пиджака, где у него находился пистолет в наплечной кобуре, но Лазарев не стал доводить ситуацию до криминального завершения. Свидетели вооруженного нападения ему были не нужны.

— Уходим! — каркнул он, отступая. — Ну ты и козел, мастер! Ведь мы ж тебя теперь...

Андрей шагнул к нему, и депутат отшатнулся, замолчал, бледнея, попятился к выходу из зала.

Послышался смех — это засмеялись зрители удавшегося спектакля, парни и девушка, впервые пришедшие на тренировку.

Скрипя зубами, прихрамывая, морщась, держась за головы и травмированные части тела, грозные визитеры удалились, оставив несколько дубинок и бит.

— Соберите и выбросьте, — кивнул на них Андрей.

Ученики помолоче с охотой выполнили просьбу.

— Ну а теперь продолжим наши занятия.

— Андрей Брониславович, — сказал Кутузов, теребя бороду, — я не понял, как вы уложили первых двух гангстеров. Что это за приемы?

— Это приемы из арсенала «отравленный коготь» — удары по нервным центрам и чувствительным точкам. У японцев это искусство называется Дим-Мак — искусство «ядовитой руки», у китайцев — Да-цзе-шу — искусство пресечения боя. В русских стилях нет специального термина, хотя некоторые инструкторы и дают данной области единоборств свои названия типа «отравленный коготь» или «техника смертельного касания». Мы тоже будем изучать эту технику, но прежде научимся находить обезболивающие нервные узлы и точки реанимации, что намного важнее. Все, разговорам конец, начинаем заниматься.

Обступившие было учителя взволнованные происшедшим ученики быстро построились, и Андрей мимолетно подумал, что визит депутата Лазарева со своими телохранителями сделал доброе дело — показал всем возможности русского стиля боевых искусств. Более удачных «показательных выступлений» придумать было невозможно.

Тренировка прошла исключительно продуктивно. Воодушевленные примером учителя члены секции занимались познанием техники самореализации с небывалым рвением. Заставлять их

добиваться максимальной точности выполнения приемов Андрею не пришлось ни разу.

Закончив занятия, он принял душ и поехал к Федорову, по пути зайдя в магазин и купив коробку конфет. Как и он сам, Лев Людвигович алкоголь не употреблял, зато любил сладкое и соки.

Они обнялись.

Хозяин сжал гостя так, что у того затрещали ребра. Одет он был в цветастый китайский халат, в котором могли уместиться двое таких, как Андрей.

— Рад тебя видеть, мастер. Есть хочешь?

— А что ты можешь предложить? — полюбопытствовал Андрей, разглядывая необычно худое, с темными кругами под глазами, лицо друга. — Ты неважно выглядишь, Людвигович. Али случилось что?

— Ничего не случилось, — отмахнулся Федоров, смурнея, жестом пригласил гостя на кухню. — Лечит меня жизнь, лечит от наивности, да все никак вылечить не может. Может, возраст еще детский, раз я в идеалы продолжаю верить? От искушений отказываюсь?

— Возраст не приносит мудрости, — покачал головой Андрей. — Он лишь позволяет видеть дальше: как вперед, так и назад. И очень грустно бывает оглядываться на искушения, которые ты вовремя не поддался. Так что пора и тебе над этим задуматься.

— Прямо афоризмами заговорил.

— А это и есть афоризм. Роберту Хайнлайну принадлежит, был такой американский фантаст.

— Читал в детстве, хотя ничего не помню. Из еды у меня жареная картошка и селедочка, соленья всякие. Будешь?

— Не откажусь после тренировки. Пить что-нибудь в твоём доме имеется?

— Молоко, чай, вишневый сок. Да, я от деда из Брянской губернии сбितень малиновый привез, хочешь попробовать? Только он хмельной, в голову будь здоров как ударяет.

— Нет, лучше соку налей.

— Вольному воля, спасенному рай. А я хлебну дедового сбитня, мне можно, я не спортсмен.

Они чокнулись стаканами, выпили каждый свой напиток. Потом Лев Людвигович поставил на стол сковороду с картошкой, открыл банку с консервированным салатом, и оба принялись жевать, поглядывая друг на друга.

— Я не понял твоего высказывания насчет искушений, — сказал Андрей. — Что ты имел в виду?

— Не то, о чем ты подумал, — ухмыльнулся Федоров; глаза его заблестели. — Как известно, пророков в родном отечестве не любят и не замечают. Попробовал я сунуться со своими предложениями в госструктуры и получил от ворот поворот. Осмеяли и даже пообещали посадить «за попытку получения государственных средств в личное пользование».

— Ну, тупости нашим чиновникам не занимать, — согласился Андрей. — Давно известно, что самый страшный на свете зверь — российский чиновник, защищающий свою персональную кормушку.

— Вот я и говорю — выперли меня на всех уровнях. Только в военном ведомстве пообещали рассмотреть мою заявку, да уже почти год прошел, а от них ни слуху ни духу. Зато американцы готовы взять меня на полный кошт, обеспечить всем необходимым, дать квартиру, машину, счет в банке...

— Искушение действительно великое, — кивнул Андрей. — Неужели ты не согласился?

— Я русский человек, — с прорвавшейся горечью вздохнул Лев Людвигович. — Не могу я жить за границей, вдали от родины, и не хочу. К тому же янки практически в кабалу загоняют, так как по условиям контракта я не имел бы права не то что в Россию ездить, родителей навещать, но и вообще носа высовывать с территории научного центра. Отказался я, разумеется. Вот и маюсь теперь, деньги ищу на исследования и создание опытной установки.

— О чем речь?

— Ты об эффекте Ушеренко что-либо слышал?

— Нет.

— А о теории упругой квантованной среды?

— Ничего, — виновато развел руками Андрей. — Честно говоря, я наукой не сильно интересуюсь.

— Не ты один. Эту теорию создал мой учитель Владимир Семенович Леонов, еще в прошлом веке, в девяносто шестом году. Сейчас он в Белоруссии работает, строит первый У-реактор и кое-что еще. Но не суть. Его теория УКС, естественно, не признается ортодоксальной наукой, в том числе и нашими академиками, ибо это сразу выбивает у них почву из-под ног, но подтверждений правильности теории уже накопилось столько, что отмахнуться от нее никому не удастся. За ней будущее. К тому же Владимир Семенович шел к своей теории от практики, как инженер, поэтому все его постулаты и формулы *р а б о т а ю т*, то есть проверены в реальных условиях.

— И что конкретно проверено? — скептически хмыкнул Андрей.

— Да все! В том числе созданы первые «летающие блюда» на эффекте деформации вакуума и энергоустановки, КПД которых достигает семидесяти процентов. Да и это далеко не предел.

— Ну и ну! — качнул головой Андрей. — Ни о чем подобном не слышал. Неужели это возможно?

— Я сам такие фокусы показываю, — махнул рукой Лев Людвигович. — Могу тебе продемонстрировать. Я в деревне под Костромой хату купил и лабораторию соорудил, так как никто из больших начальников ни рубля не дал на проведение экспериментов, вот и пришлось из подручных средств сварганить испытательный стенд и приборную линейку. У меня там энлоид стоит, хочешь посмотреть?

— Что стоит? — не понял Андрей.

— Это я так назвал свой опытный образец летающей «тарелки», она использует те же принципы, что и настоящие НЛО.

— Хотелось бы взглянуть.

— Съезжу в столицу по одному делу, приеду обратно и повезу тебя на экскурсию. Тут недалеко, всего-то восемнадцать километров от Костромы, деревня Суконниково.

— Хорошее название.

— Деревня блинами знаменита, так что гарантирую блинную жизнь, а почему ее Суконниковым называют, не знаю. Веселого, кстати, в деревенской жизни мало. — Лев Людвигович погрустнел.

— Иногда мне кажется, что страдания народа российского закономерны. Ведь что материальный достаток и благополучие сделали с Америкой и Европой? Превратили тамошний народ в зажравшееся тупое стадо! Правильно наш известный сатирик Миша Задорнов утверждал: это цивилизация тел, цивилизация жратвы. Мы же вечно находимся в поиске смысла жизни, правды и справедливости, поэтому еще не ожирели и не расслабились, а потому наша цивилизация, Русь — духовна!

— И среди наших соплеменников немало моральных уродов и просто равнодушных ко всему людей.

— Ницше устами Заратустры говорил: «Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?»

Лев Людвигович сморщился.

— Такими вопросами интересуются единицы, большинство же довольствуется животной жизнью, удовлетворением инстинктов. Мессии от этой болезни не спасают, ибо требуют изменить себя и свой образ жизни. А кому охота изменять себя, ограничивать свои желания и потребности? Ты много знаешь таких?

Андрей подумал.

— В моей группе есть вполне адекватные ребята, искренне желающие изменить мир к лучшему.

— Все равно их мало и всегда будет мало. Таков человек — хомо стадный. Мой школьный приятель, ставший успешным писателем, недавно бросил писать. Я ему: Серега, ты с ума сошел? У тебя же все хорошо, твои книги раскупаются, пишешь ты интересно... А он в ответ: я всю жизнь писал не о том, понимаешь? Работал не на людей, а на определенную систему идей, оказавшихся ложными. Мои произведения отвлекали читателей от истинного пути, направляли их не в ту сторону, не к тому богу. Я понял это слишком поздно, но хорошо, что понял... Теперь он работает редактором в каком-то издательстве.

— Я его знаю?

— Фантастику читаешь?

— Редко.

— Тогда можешь и не знать. Его зовут Сергей Чесноков. Мне его по-человечески жаль, но ведь нашел же он силы бросить писать. Это многого стоит.

— Волевой мужик. — Андрей отодвинулся от стола. — Все, спасибо, насытился. Расскажи о своей работе. Что такое теория УКС? Над чем ты сейчас работаешь конкретно?

— Теория УКС очень проста. Владимир Семенович доказал, что так называемая «пустота» — вакуум представляет собой на самом деле высокопотенциальную энергетическую среду, своеобразный «вакуумный кристалл», включающий «примеси» — атомы, планеты, звезды и галактики, то есть материю. Он же открыл электромагнитный квадруполь или квантон — элементарный квант пространства, состоящий из четырех безмассовых зарядов: двух электрических и двух магнитных. Вот из этих «кирпичиков» и состоит вакуум, образуя сверхупругую среду. Их поляризация определяет электромагнитные свойства Вселенной, а деформация — гравитационные.

— В школе я учил, что гравитация является искривлением пространства, как доказал Эйнштейн.

— Ничего он не доказал. Он вцепился в свою теорию относительности и проглядел выход на теорию единого поля. УКС же как раз и представляет собой эту теорию, объясняющую не определенную область взаимодействий, а буквально все диапазоны силовых взаимодействий.

— Тогда твоему учителю надо срочно давать Нобелевскую премию.

— Я тебе уже говорил о пророках в родном отечестве, — усмехнулся Лев Людвигович. — Владимир Семенович не исключение. Его просто-напросто не пускают на сцену науки, замалчи-

вают открытия, не дают выхода в печать. Да и мне, кстати, тоже. Я не могу заявить о своих достижениях ни в одном серьезном научном журнале.

Федоров налил полный стакан сбитня и залпом выпил.

— Хрен с ними, с академиками, для них наука — кормушка, а для меня — область применения знаний. Проживу и без их признания. — Он оживился. — А работаю я сейчас над моделью У-реактора. Один УР мы с Владимиром Семеновичем запустили, маленький, всего на сто киловатт. Теперь я скоро запущу реактор на один мегаватт. Ни тебе нефти не надо, ни газа, ни радиоактивных расщепляющихся материалов типа урана и плутония. Знаешь, каковы будут его размеры?

— Величиной с комариный член, — хмыкнул Андрей.

— Подкальываешь? — погрозил ему пальцем Федоров. — Если бы у меня были деньги, я бы, конечно, не экономил на материалах, а так мой УР будет занимать всего лишь багажник автомобиля. В перспективе его можно будет упаковать и в дипломат.

— Неплохо, — сказал Андрей. — Хотя и непонятно, на чем он будет работать. Разве для него топливо не нужно?

— Абсолютно! Необходим некий расходный материал, но им вполне может быть обыкновенный песок. Сам понимаешь, насколько выгодна такая технология. Кремниевого песка на Земле хоть отбавляй.

— Неужели никто из твоих оппонентов этого не понимает?

— Как раз понимают все, да только ничего не хотят делать. Им это невыгодно, теряет смысл собственная работа.

— Ну, хорошо, так реагируют ученые, их понять можно, а практики? Почему они тоже не берутся помочь?

— Потому что многие не хотят рисковать положением, вкладывать деньги в проекты, которые не дают скорого результата. — Лев Людвигович махнул рукой, потянулся было к банке со сбитнем, но передумал. — За все нужно платить. Никто не желает платить вперед и думать о завтрашнем дне, вот я и бегаю по кабинетам олигархов, пытаюсь найти спонсора.

— К сожалению, у меня нет друзей с такими связями.

— Ничего, справимся. Хочешь, фокус покажу?

— Валяй.

Лев Людвигович поспешил из кухни, жестом пригласив гостя следовать за ним. Открыл шкаф в прихожей, вытащил оттуда штангу с коромыслом и железной коробочкой на одном конце коромысла размером с два кулака. Подключил устройство к розетке в гостиной.

— Что это? — любопытствовал Андрей.

— Демонстратор антигравитации, — прищурился Лев Людвигович.

Зашелестел, разгоняясь, гироскоп.

Федоров подождал немного, глядя на экранчик какого-то прибора, укрепленного на штанге, щелкнул переключателем, и коромысло с коробочкой, опущенное прежде почти до пола, вдруг начало подниматься вверх.

— Мощность образца всего пятьдесят ватт, — сказал Лев Людвигович, — а поднимает килограмм массы. Точнее — нейтрализует вес тела массой в один килограмм. Моя летающая «тарелка» в деревне уже может поднять человека. Ну, как?

— Здорово! — искренне восхитился Андрей. — Если только это не розыгрыш.

— Обижаешь, начальник, — с улыбкой сказал Федоров. — Этот опыт известен давно, однако лишь теория упругой квантованной среды объясняет его эффект правильно. Конечно, это не прямая антигравитация, надо признаться, но тем не менее изменение квантовой плотности вакуумного поля налицо. Когда увидишь мой энлоид в действии — поймешь, что я занимаюсь серьезными вещами.

— Я и так тебе верю.

Зазвонил телефон.

Лев Людвигович вздрогнул, меняясь в лице.

— Неужели они?..

— Кого-то ждешь? — спросил Андрей, удивляясь перемене настроения инженера.

— Никого не жду. — Лев Людвигович снял трубку. — Слушаю.

Что ему ответили, Андрей не услышал, но увидел, как потемнело лицо друга и побелели крылья носа.

— Пошли вы все!.. — Федоров резко бросил трубку на аппарат, помял лицо ладонями, криво улыбнулся, поймав недоумевающий взгляд гостя. — Сволочи!

— В чем дело?

— Уже не первый раз звонят какие-то типы, страшат, грозят башку оторвать... Откуда только телефоны мои узнают! Даже по мобильному находят.

— Ну, это в нынешние времена не проблема. Что они от тебя хотят?

— Требуют, чтобы я прекратил работу над своими проектами. Андрей выпятил губы.

— Ерунда какая-то! Кому это понадобилось — запрещать ученому работать над какими-то теоретическими проектами?

— В том-то все и дело, что это не теоретические проекты, а

практические, дающие реальный результат. Больше всего этих «доброжелателей» волнует как раз мой УР.

— Реактор?

— Да.

— В чем там соль?

— Все энергетические процессы в конечном итоге сводятся к освобождению энергии из вакуумного поля, независимо от того, зажигаем ли мы свечу или взрываем атомную бомбу. В У-реакторе мы разгоняем с помощью кумулятивных взрывов микрочастицы — обыкновенные песчинки, которые ударяются о мишень и порождают ливни ядерных реакций с очень приличным энерговыделением — до десяти миллиардов джоулей на килограмм массы. Хотя и это не предел. Представляешь?

— Нет.

— Короче, одна опытная установка уже работает, та, которую мы создали с Леоновым, она сейчас в Белоруссии. А вторую я потихоньку монтирую, вот только средств не хватает. Из-за нее и разгорелся сыр-бор. Кстати, начались звонки аккуратно после моей встречи с представителями Министерства обороны. Сначала уговаривали не лезть в «закрытые» области науки, потом начали грозить.

Лев Людвигович снова изобразил кривую улыбку.

— И ты не знаешь, кто именно?

— Увы, не знаю. Поэтому и перестраховываюсь, поселил Леночку у родственников, чтобы одна не оставалась, пока я по кабинетам бегаю. Ничего, не бери в голову, прорвемся, мне не впервой воевать с чинушами и рэкетирами. Пойдем еще чайку глотнем.

— Нет, спасибо, поздно уже, хозяйка будет волноваться. — Андрей встал. — Рад был повидаться. В следующий раз уже ты ко мне заявишься.

Лев Людвигович проводил гостя до порога.

— Диана не звонит?

— Встретились как-то раз в универмаге, случайно, с ней какой-то мужичок был молодой, весь в коже, ну я и прошел мимо. А так не звонит.

— Правильно сделал, что ушел, — сказал Федоров. — Она в нашей компании никогда о тебе доброго слова не говорила, да и... — Он осекся.

— Дело прошлое, — слабо улыбнулся Андрей. — Не будем ворошить. Пусть живет, как хочет. А тебе я посоветовал бы заявить в милицию об анонимных угрозах. Делать они ничего не станут, но не принять заявление не имеют права. Если же угрозы будут повторяться, то можно и в Федеральную службу расследований пожаловаться.

- Я подумаю.
- Позвони, как вернешься.
- Обязательно.

Они обменялись рукопожатием, и Андрей вызвал лифт.

По дороге домой он думал о том, что не перевелись на Руси гениальные умельцы, идущие на шаг впереди всей цивилизации, и что их по-прежнему не признают ловкие дельцы от науки и преследуют «авторитеты» всех мастей.

Анна Игнатьевна не спала.

— Тебе только что звонили.

— Кто? — Андрей посмотрел на часы, спохватился. — Извините, Анна Игнатьевна, что так поздно появился, у друга задержался, давно не виделись. Так кто звонил?

— Он не представился, — пожала плечами старая учительница. — Голос какой-то неприятный, ядовитый. Я его спросила: что передать? А он помолчал и выдал: пусть гостей ждет, должок за ним. Что за гости, Андрюша?

Данилин вспомнил недавний «урок» во Дворце спорта и понял, что в покое его не оставят. Надо было срочно вырабатывать стратегию поведения с обиженным господином Лазаревым.

ОСТРОВ МАУИ, ГАВАЙИ
XXI век, 16 ноября

Небо было странным, темно-бордовым, кристаллическим, с блестками звезд, и эти звезды мерцали не как звезды, а как искры костра. Впрочем, это и в самом деле были не звезды — кристаллики полевого шпата, и смотрел Владислав не на небо, а на стену пещеры, в центре которой горел костер.

Послышались голоса:

- Гроза возвращается.
- Надо сказать командиру...
- Успеем, пусть поспит еще пару минут...

Однако командир группы спецназа, полковник Владислав Захарович Тарасов, не спал. Он вспоминал...

Сначала случился кошмар с «Норд-Остом», когда чеченские боевики захватили ДК на Дубровке с восемью сотнями зрителей, среди которых оказались и родители Тарасова, решившие сводить на мюзикл внучку — двенадцатилетнюю Марину, дочку Владислава. Жена Светлана на представление не пошла, она такие шумные молодежные тусовки не любила, поэтому и оста-

лась в живых. Родители же и дочка домой так и не вернулись, став жертвами террористов в числе других ста двадцати восьми официально зарегистрированных погибших.

Сам Тарасов в это время находился в Северной Корее, будучи сотрудником Службы внешней разведки. Узнав о трагедии, он вылетел в Москву на третий день после штурма Дворца, но успел лишь на похороны близких. В гибель дочери он поверил, только увидев ее в гробу. В одну минуту он поседел и держался лишь на самообладании и силе воли. Рядом находилась превратившаяся в тень жена, которую надо было во что бы то ни стало поддерживать.

Ему дали отпуск, и он две недели провел в Москве и на родине отца — в Рязанской губернии, в деревне Чернава, вместе с женой, почти потерявшей интерес к жизни. Лишь его присутствие и терпеливое ухаживание, а в особенности желание родить еще одного ребенка, не позволили Светлане замкнуться и уйти в депрессию. В конце сентября они вернулись домой, и Светлана вышла на работу: она работала старшим продавцом в детском универсаме на улице Народного Ополчения. Владислав же снова улетел в Корею, хотя думал о своей работе меньше всего.

Новая драма разыгралась уже в его отсутствие.

Десятого октября в подсобное помещение магазина, где Светлана разбирала товар, вошел высокий и широкий, как шкаф, рыжий мужчина с усиками соломенного цвета и уставился на нее немигающим взглядом.

— Сюда, к сожалению, нельзя, — мягко проговорила женщина. — Пройдите, пожалуйста, в торговый зал.

Мужчина продолжал молча смотреть на нее стеклянными глазами.

— В это помещение посторонним вход воспрещен, — продолжала Светлана, почувствовав закрадывающийся в душу страх. — Вы наш покупатель? Пойдемте, я помогу вам выбрать покупку.

— Почему нельзя? — с трудом выговорил посетитель; говорил он с отчетливым акцентом.

Светлана повторила свои слова, добавив, что это служебное помещение не является торговой зоной.

— Почему? — снова спросил незнакомец.

Светлана растерялась. Посетитель явно не понимал русского языка. Она позвала подругу Женю, но та не отозвалась, в то время как посетитель все продолжал твердить, как попугай, свое «почему». Затем он внезапно схватил Светлану за волосы и потащил за собой.

— Это было очень страшно! — рассказывали потом Влади-

славу шокированные происшедшим продавщицы. — Огромный разъяренный рыжий мужик таскал Свету по всему магазину за волосы, кидал на витрины, бросил ее в стеклянную дверь! Мы кинулись к нему, а он вдруг отпустил Свету, фыркнул, как верблюд, повернулся к нам спиной и спокойно удалился.

Охранник подскочил было к нему, но он показал какую-то книжечку, сказал с акцентом: я есть дипломат неприкосновенный, — и ушел.

Хулиганом оказался тридцатидевятилетний британец Роджер Джордж Уилсон. В родной Шотландии мистер Уилсон занимался посредническими операциями, но разорился и решил поработать в России в качестве поставщика в Шотландию русских девушек. В универмаг на улице Народного Ополчения он завернул случайно, посетив до этого ирландский паб, где выпил несколько кружек пива.

Все это Владислав выяснил уже потом, спустя несколько дней после случившегося. Светлана не стала беспокоить мужа по таким «пустякам», однако по совету коллег написала заявление в милицию, которое подписали все свидетели хулиганской выходки иностранца.

Но ходу ее заявлению не дали.

Сначала Светлану Тарасову вызвали в ОВД «Шукино» и попросили забрать заявление в связи с тем, что мистер Уилсон «очень раскаивается и является ценным партнером» российских бизнесменов. Что, кстати, соответствовало истине. Светлана с таким поворотом дела не согласилась.

Тогда ее вызвали в районную прокуратуру и снова попросили не затевать тяжбу с иностранцем, ссылаясь на «некие важные обстоятельства». Светлана показала работникам прокуратуры свои синяки и царапины, медицинское заключение о побоях, гневно спросила, сколько им заплатили, чтобы они замяли скандал, и ее отпустили. А на следующий день ее сбила машина, которую милиции так и не удалось найти. Через час Светлана умерла по дороге в больницу, прямо в салоне «Скорой помощи».

Владислав прилетел из Кореи на следующий день. Отпускать его не хотели, Москва не дала добро на похороны жены в связи с важными переговорами делегации России в Пхеньяне, но Тарасов все же не послушался, бросил все дела и примчался в столицу хоронить любимую. Его попытались вызвать «на ковер» к руководству, применить методы увещевания и давления, и тогда он просто положил на стол непосредственному начальнику рапорт об увольнении «по жизненно важным личным обстоятельствам». И поскольку российская Фемида не спешила с поисками

преступников, начал собственное расследование причин гибели Светланы.

Благодаря многочисленным служебным связям, он сумел установить обстоятельства случившегося, нашел сначала иностранца — в Шотландии, умело пользуясь навыками спецназа, и жестоко избил его, сломав обе руки и челюсть. Расчетливо, с холодной яростью потерявшего всех своих близких человека.

Потом вышел на след убийц, исполнителей преступления, сбивших Светлану, и убил их одного за другим, не пощадив никого!

Его взяли, когда он вышел на заказчика убийства — помощника депутата Госдумы Сяикова, непосредственно занимавшегося прибыльным ремеслом — торговлей девушками и отправкой их за рубеж.

Взяли грамотно, быстро и жестко, так как обеспокоенные начавшейся на них охотой чиновники высшего эшелона власти, коррумпированного чуть ли не на все сто процентов, задействовали лучшие силы Федеральной службы расследований (ФСР) — команду «Рэкс». Конечно, Владислав, в совершенстве владевший искусством рукопашного боя, мог, наверное, освободиться, но для этого надо было действовать на поражение, убивать, а убивать профессионалов, виноватых лишь в том, что они выполняют приказы командования, он не хотел.

Допрашивали его на резервной базе ФСР в подмосковном Дягилеве. Он молчал. Его начали бить. На третий день допросов Владислав понял, что долго не протянет. Следователи не хотели выяснять истину, им было приказано во что бы то ни стало вытащить из пленника, что он з н а е т, а останется ли он после этого живым и здоровым, никого не интересовало. И тогда Тарасов разработал и привел в исполнение план побега, настолько дерзкого и внезапного, что охрана базы не смогла ему помешать. Правда, пришлось драться на пределе сил и стрелять, и, возможно, во время побега он ранил не одного охранника, однако все-таки смог уйти и скрыться от преследователей.

Домой забежал буквально на несколько минут; запасные ключи от квартиры хранились у соседки. Умылся, переоделся, собрал самые необходимые вещи, одежду, забрал спрятанные в тайнике и не найденные операми при обыске деньги и тут же ушел. Нагрянувшие на квартиру по плану перехвата охотники ФСР его там уже не застали.

Зато на следующий день — Владислав переночевал у приятеля — к нему прямо в метро подошли мужчина и девушка, на которых он не обратил внимания, хотя следил за всеми подозрительными лицами, зная, что его усиленно ищут, и предложили

ему следовать за ними. Предложили тихо, спокойно, не повышая голоса.

Одно мгновение он колебался, начинать ли схватку в переполненном вагоне метро или подчиниться судьбе, но девушка, уловив его колебания, с мягкой полуулыбкой добавила: «Мы не из Федеральной службы расследований», — и Владислав расслабился, вдруг почуяв изменение психофизического фона: люди, выследившие его, не желали ему зла.

На площади Маяковского они вышли из метро и сели в поджидавшую их отечественную «Волгу-3111». Мужчина сел рядом с Тарасовым, девушка — рядом с водителем, белобрысым парнем с веснушчатым лицом.

— Кто вы? — повернул голову к соседу Владислав.

Тот молча отвернул мочку левого уха, на которой с обратной стороны был вытатуирован силуэт летящего сокола.

— Не понял.

— Русский национальный орден, — оглянулась девушка.

— Никогда не слышал о существовании такого ордена, — озадаченно покачал головой Тарасов. — Что это такое и с чем его едят?

— Все скоро узнаете, — пообещал спутник девушки; внешность его была так неприметна, что забывалась тут же, как только Владислав отворачивался.

— Значит, вы не имеете отношения к силовым структурам?

— Имеем, но совсем не такое, о каком вы думаете.

— Интересно... А вы, часом, не ошиблись?

— Нет.

Владислав хмыкнул, ощущая волну уверенности, исходившую от спутников.

— Как вам удалось меня выследить? Я вроде бы профессионал, но слежки не заметил.

— Мы тоже профессионалы, — буднично, без тени рисовки или насмешки ответил мужчина.

Больше они не разговаривали.

«Волга» выехала на Волоколамское шоссе, пересекла МКАД и свернула направо, по указателю «Пенягино». Проехали Пенягинское кладбище, свернули за заправкой налево и через полкилометра остановились у сплошного бетонного забора с металлическими воротами, окрашенными в зеленый цвет, с красными звездами на створках. Рядом с воротами, врезанное в забор, располагалось небольшое одноэтажное строение без окон, но с дверью, на которой красовалась табличка: «В/ч 2112. Посторонним вход воспрещен».

Владислав напрягся.

Девушка достала мобильный телефон, сказала негромко:

— Мы прибыли.

Вysłушала ответ, спрятала телефон.

Владислав, понимая, что машина подъехала к какой-то военной базе, начал было прикидывать варианты бегства отсюда, но в это время дверь строения распахнулась и порог переступил плотного телосложения мужчина в форме полковника Российской Армии. Выглянувший охранник проводил его глазами до «Волги» и скрылся за дверью.

Девушка вышла.

Полковник сел на ее место, снял фуражку. Волосы на его крупной круглой голове были короткими и седыми.

— Поехали, лейтенант.

«Волга» развернулась и оставила за собой площадку въезда на территорию неизвестной базы.

Полковник оглянулся. Глаза у него были светло-серые, цепкие, умные и — в глубине — властно-беспощадные.

— Кто вы? — разжал челюсти Тарасов.

— Полковник Родарев, Всеслав Антонович, начальник двенадцатой базы Управления спецопераций ФСБ. Остальное узнаете чуть позже, Владислав Захарович, не возражаете?

— Откуда вы меня знаете?

— Поговорим и об этом.

— Куда мы едем?

— Ко мне домой. Я живу тут рядом, в Пенягине, потерпите несколько минут.

Попетляв немного, «Волга» остановилась у шестиэтажного жилого дома, стоящего на берегу довольно большого пруда. Высадив пассажиров, она тут же уехала.

Родарев повел Владислава и молчаливого коллегу к дому.

Поднялись на третий этаж недавно отремонтированного, судя по запахам, здания. Ни консьержа, ни охранника в подъезде Тарасов не увидел, но почему-то был уверен, что дом охраняется и не слабо.

Квартира начальника базы ФСБ оказалась трехкомнатной, но лишенной уюта и жилого духа. То ли полковник здесь почти не жил, то ли не был женат, и квартиру заботливые женские руки не убрали.

— Проходите, — отступил он в сторону, — обувь можете не снимать. Жена уже полгода гостит у родственников, сын недавно женился и живет у тещи, и я обитаю тут один. Да и то редко. Степаныч, сварь кофейку, пока мы побеседуем с полковником Тарасовым.

Спутник Родарева без слов удалился на кухню.

Хозяин пропустил гостя в большую комнату, где располагались старинный комод, стол с вычурными ножками, диван и пианино. На крышке комода стояла цветная фотография в рамке: улыбающийся, загорелый хозяин квартиры, лет на двадцать пять моложе нынешнего, хотя уже с сединой в волосах, милостивая женщина с косой через плечо и юноша — копия отца, лет четырнадцати от роду.

Родарев поймал взгляд Тарасова, кивнул.

— Моя семья: жена Нина и сын Ратибор. Присаживайтесь, Владислав Захарович, разговор у нас будет долгий.

— На какую тему? — осведомился Тарасов, не двигаясь с места.

— Не торопите события, я все скажу.

— Надо понимать так, что я ваш пленник?

— Отнюдь.

— А если я сейчас повернусь и уйду, ваш Степаныч не выстрелит мне в спину?

— Конечно, нет, — спокойно сказал Родарев. — Вы свободны, полковник, хотя и в пределах допустимого. Я имею в виду, что следки ФСР вас рано или поздно вычислят и возьмут, и тогда даже мы будем бессильны чем-либо вам помочь.

— Я умею прятать концы в воду.

— Не сомневаюсь, и тем не менее...

— Вы хотите предложить мне «крышу»?

— Нечто в этом роде. — По жестким губам полковника скользнула беглая улыбка. — Садитесь, в ногах правды нет.

Владислав подумал и сел на диван.

Родарев скрылся в спальне, вернулся уже переодетым в домашнее и расположился на стуле, по другую сторону стола.

— Начну издадека, если позволите.

— С вашего Русского ордена, если можно.

— С нашего, — усмехнулся Родарев. — Это организация общего российского пространства, объединенная идеей возрождения традиций русского Рода. В принципе, я не имею права раскрывать вам герметические принципы ордена. Могу лишь дать о нем самое общее представление.

— Что ж, давайте.

— Русский национальный орден был создан в конце прошлого столетия как ответ на распад советской империи, спровоцированный конкурирующими структурами управления. Всего структур три. Одна захватила Америку, вторая Европу, третья исламский мир.

— А Китай? — не выдержал Владислав. — Корея, Япония?

— Китай и Азия вообще — наша надежда... с некоторыми

нюансами. Менталитет этих народов таков, что не приемлет никакого давления сверху. Но об этом позже. Таким образом Россия оказалась в кольце чужеродных управлений и в конце концов подчинилась одному из них. Окончательную точку в захвате власти в стране поставили, как ни странно, чеченские боевики, захватив Дом культуры на Дубровке в октябре две тысячи второго года.

— Они-то какое отношение имеют к захвату власти?

— Терпение, Владислав Захарович. После событий с захватом почти тысячи заложников и гибели ста двадцати восьми из них стало ясно, что стране требуется не только глобальная просветительская и учебная система, которую начал создавать Русский орден, но и организация типа «Стопкрим», описанная в известных книгах. Эта организация должна была нести разведывательно-карательные функции, чтобы успешно очистить государство в первую очередь от террористов и бандитов, во вторую — от коррумпированных чиновников.

— В рамках существующего правового поля?

— Вне всяких рамок и ограничений. Официально такую организацию не дали бы создать те же чиновники и наши рьяные «правозащитники», показавшие себя прямыми предателями России, а также истеричные СМИ, уже давно управляемые той самой сатанинской системой. Поэтому «Стопкрим» пришлось создавать в строжайшем секрете. Хотя название организация получила иное.

— Но это же незаконно!

Родарев изобразил улыбку.

— Если судишь по закону — забудь о справедливости, если же судишь по совести — забудь про закон. Я продолжу, с вашего позволения. Думаю, вы вполне согласитесь с тем, что страна катится — при всем внешнем благополучии — в пропасть. Президент откровенно слаб и не может освободиться от влияния известных всем криминальных кланов. Представители власти либо идиоты, либо подчиняются командам сверху. Защитить народ некому! Государство сегодня не обеспечивает выражение интересов российского общества в целом и его корневого ядра — русского народа. Оно обслуживает интересы лишь самого богатого и ничтожного социального среза общества и транснациональных сил. В финансовых структурах, информационном пространстве, идеологической сфере доминируют представители определенных масонских националистически-клановых образований, относящихся к совершенно иному культурно-историческому типу и насаждающих чуждые русскому и другим коренным народам России духовные, точнее — бездуховные цен-

ности. Налицо культурная революция, сопровождающаяся деградацией российских народов, разрушением их многовековых общинных традиций, насильственным подавлением русской самобытности, свободолюбия и творческой инициативы.

— Пропганда... — пробормотал Тарасов.

— Правда, — грустно качнул головой Родарев. — Это правда, Владислав Захарович. И никуда от нее не деться, не спрятаться. Сегодня операция по ослаблению и расчленению Российского государства вошла в заключительную стадию, и если этому не помешать, будет окончательно разрушена внутренняя система управления страной, начнется разлад хозяйственной жизни, сопровождающийся ростом сепаратистских устремлений и агрессивного национализма. Вы в курсе, что некие силы пытаются приватизировать военно-промышленный комплекс России?

— Нет.

— А к чему это приведет, понимаете?

— Будет потерян контроль за потенциалом Вооруженных Сил... — осторожно сказал Тарасов.

— С их последующим уничтожением... В общем, нет смысла перечислять, что произойдет. Этот процесс уже идет.

— И вы решили...

— И руководство ордена решило: хватит унижений! Пора мочить всех предателей и торговцев Россией! Пора запускать программу ликвидации управляющей нами транснациональной Системы! В результате была создана особая служба, которую ныне возглавляю я.

— Чистилище...

— Что? А-а... Нет, наша служба имеет другое название. — Всеслав Антонович помедлил немного и добавил с едва заметным колебанием: — Она называется СОС.

— СОС? — удивился Владислав. — «Спасите наши души», что ли?

— Не совсем, — улыбнулся собеседник, — хотя и близко по значению. Это аббревиатура слов «суд отложенной смерти». Позже вы поймете, почему она так называется.

— И чем же она занимается? — скептически поджал губы Тарасов.

— Как бы высокопарно это ни звучало, служба рассматривает себя как порождение внутреннего времени российского су-перэтнoса, его эксперта, хранителя и гаранта.

— Гаранта чего?

— Гаранта сохранения духовной вертикали и связи с коллективным бессознательным русского народа в первую очередь. Служба ставит своей целью такое развитие событий в объектив-

ной реальности, при котором максимально сохраняется структура и естественная динамика внутреннего пространства российского этноса.

— Это все общие слова, а конкретно?

— Конкретно роль службы можно сравнить с деятельностью психоаналитика и хирурга, пациентом которых является не отдельный человек, а целое государство. Уговаривать — значит уговаривать, резать — значит резать!

— Круто! — усмехнулся Владислав. — И при этом вы, разумеется, оставляете за собой право решать, в каком случае — уговаривать, в каком — резать.

Родарев остался невозмутимым, хотя глаза его на мгновение стали вдруг как наждачная бумага.

— Да, мы считаем, что у нас есть такое право, хотя мы не играем ни по правилам бандитов, ни по правилам государства, прогнившего насквозь. Политики, торгующие жизнями солдат, и высшие армейские чины, получающие свою часть прибыли от этой торговли, доигрались в войну, не понимая, что мир изменился. Пора с этим кончать! Да вы и сами недавно прошли через это ощущение, потеряв всю свою семью. Не так ли?

Владислав сжал челюсти, отвернулся. Выдавил через силу:

— Я не философ...

— Дело не в философии, Владислав Захарович, вам необходимо осознать то, что осознали мы: пора менять концепцию власти в стране. Нами никто не должен управлять, кроме тех, кого выберет русская идея! Согласны с этим?

Владислав помолчал, пытаясь найти в рассуждениях полковника слабое звено.

— Согласен.

— Чудесно. Идем дальше.

— Я понял. Это... вербовка?

— Скорее предложение о сотрудничестве.

— А если я все же откажусь?

— Не откажетесь, Владислав Захарович. В настоящее время наши интересы совпадают. Мы не только хотим остановить беспредел преступности в стране, но и воздать по заслугам некоторым конкретным деятелям политики, экономики, финансовых и силовых структур. Ваш опыт работы за рубежом очень пригодился бы.

— Что вы хотите сказать?

— Мы дадим вам возможность отыскать спонсоров и помощников чеченских боевиков в Москве, не ради мести, ради восстановления справедливости. В одиночку вам с этим делом не

справиться. Кроме того, мы выведем вас на тех, кто прикрывал убийцу вашей жены.

Владислав выдохнул воздух сквозь сжатые зубы, закрыл глаза, успокаивая разогнавшееся сердце. Мышцы рук напряглись, пальцы скрючились... и расслабились.

— Допустим, я соглашусь, — глухо сказал он. — Что потом? Что вы потребуете от меня? Я убежден, что за все надо платить.

— Мы не являемся эмиссарами дьявола, — улыбнулся Родарев. — Мы на другой стороне. Но придется поработать на благо Родины.

— За рубежом?

— В силу ваших возможностей, образования и опыта. Специалистов по России и у нас хватает, но таких, как вы, знающих языки и специфику забугорной жизни, мало. Насколько я осведомлен, вы владеете четырьмя языками? Английским, французским, китайским и корейским.

— Немного знаю латышский и финский.

— Тем более. У России за рубежом нет друзей, как бы сладко ни пели политики и журналисты, уверяя нас в обратном. У нас есть только враги, явные и скрытые, и деловые партнеры. Президент, кстати, этого не понимает, иначе не способствовал бы приближению НАТО к границам России и не закрывал бы наши военные базы на Кубе, во Вьетнаме, в Корее и Индии, в странах СНГ. Кольцо врагов сжимается, а он целуется с президентом США даже после войны в Ираке и любит себя.

— Не надо так... о президенте...

— Извините, если я слишком резок, но ведь за державу обидно. Но это к слову. Я не люблю Америку, их паразитарное отношение к природе и остальным народам. Не люблю чиновников, политиков, высокопоставленных говорунов, ненавидящих все русское, и не люблю весь американский народ, давно превратившийся в стадо баранов. Вы не ловили себя на мысли, просматривая американские фильмы, что вам никого не жалко? Ни бандитов, ни героев, ни так называемых простых граждан?

— Я редко смотрю боевики...

— Правильно делаете. Так вот мне ни кого в этих фильмах не жалко! Да и кого жалеть, если в них отъявленный негодяй сражается за место под солнцем с не менее отъявленным героем, как правило — бывшим бандитом или киллером. И все они действуют по принципу Флеминга: живи и дай умереть другим.

Тарасов усмехнулся.

— Ваша команда разве не пользуется тем же принципом?

— Нет! — отрезал полковник. — Мы пользуемся другим принципом: живи и дай жить другим! Вот почему наша команда

называется СОС — «Суд отложенной смерти». Убиваем мы по крайней необходимости, если у наших врагов из террористического интернационала руки по локоть в крови и если объект коррекции не внял предупреждению. Вы еще убедитесь в этом.

В гостиную бочком вошел помощник Родарева с подносом, на котором стояли кофейный прибор, конфеты и сахар.

— Спасибо, Степаныч, — кивнул хозяин. — Подсаживайтесь, Владислав Захарович, кофе отменный, привезен прямо из Бразилии. Я растворимого не употребляю.

Молчаливый помощник полковника присел рядом с Тарасовым, взял чашку. Владислав встрепнулся, подвинулся ближе к столу, размышляя о полученной информации. В глубине души он уже принял предложение Родарева, но оглашать свое согласие не спешил.

— Я бы хотел кое-что уточнить.

— Ради Бога.

— Русский орден... это масонская организация? Он как-то связан с другими тайными орденами?

Родарев и Степаныч, возраст которого был трудно уловим, переглянулись. Полковник дернул уголком губ, обозначая усмешку.

— Нет, мы не связаны с другими орденами. Более того, мы с большинством из них антагонисты, хотя едва ли они догадываются об этом. Ведь нас как бы нет. Это тот самый единственный случай, когда страна не должна знать своих героев.

Улыбнулся и Владислав.

— Это я понимаю. Еще вопрос: орден — военная организация?

— Орден — нет, команда СОС — да. Все мы русские офицеры и люди чести. Вы тоже офицер, кадровый разведчик, и понимаете толк в дисциплине, так что для вас не составит труда войти в наш коллектив. Единственное, что вы должны будете усвоить: добровольно принимая на себя обязанность служить высоким целям ордена, его кавалер не ищет в том личных выгод и почестей и подчиняется его правилам и распоряжениям иерархов.

— Добровольно... — скривил губы Владислав.

— Я уже сказал: вы можете уйти отсюда в любой момент. Разумеется, дав обязательство хранить в тайне полученные сведения.

— Этого достаточно?

— Для вас вполне, — кивнул Родарев, и глаза его снова на миг цапапнули лицо Тарасова наждачной бумагой. — Вы человек чести, Владислав Захарович, иначе этот разговор не состоялся

бы. Могу вас заверить, что РуНО всегда поддержит вас в должной мере и в должное время. Итак, ваше решение?

Владислав допил кофе, действительно оказавшийся ароматным и вкусным.

— Мне надо исчезнуть.

Родарев понял.

— Завтра ваше тело найдут среди участников автокатастрофы в районе Тулы. У вас есть на теле какие-либо заметные пигментные образования, наколки?

— Родинка на животе... и вот это. — Владислав показал выколотую на сгибе указательного пальца букву С.

— С вашего позволения мы скопируем их, а также папиллярный узор на пальцах. Судмедэксперты должны опознать личность погибшего.

— Вы что же, заранее подготовили варианты моего исчезновения?

— У нас большой опыт, — заговорил индифферентным тоном Степаныч, кинув на Тарасова безразличный взгляд. — В командах СОС только двое — живые и реальные люди, не прошедшие «спецотбор», я и Всеслав Антонович. Остальные — «мертвецы».

— И много таких команд?

— Две: СОС-1 и СОС-2. Одна специализируется на Азии, другая на Европе и Америке.

— Понятно. Я хотел бы оставить свое имя.

— Боюсь, это невозможно, — качнул головой Родарев.

— А фамилию?

Собеседники Тарасова обменялись взглядами.

— Это уже технические детали... — начал полковник.

— Фамилию можно оставить, — сказал Степаныч. — Все равно после смерти его никто не будет искать. Хотя не факт. Но имя и отчество придется изменить. Как вам — Роман Алексеевич, подойдет?

— Не имеет особого значения. Пусть будет Роман Алексеевич. Последний вопрос: что я должен делать?

— Придется кое-чему подучиться. — Степаныч собрал чашки, унес на кухню и вернулся. — Методам отвлечения внимания, психотехнике внушения, стимуляции организма, возбуждению экстрасенсорики и другим важным вещам. Через месяц начнете работать самостоятельно. Идемте, я провожу вас.

Тарасов выбрался из-за стола.

— Куда?

— Будете жить и тренироваться на базе. Там вас никто не найдет и никто из посторонних не увидит.

— Удачи. — Родарев протянул крепкую руку. — Мы будем встречаться с вами часто, Владислав... э-э, Роман Алексеевич.

— Вы хороший психолог, Всеслав Антонович. Так быстро меня еще никто не обрабатывал. Кто вы в иерархии ордена?

— Первый князь. Что касается психологии, то, во-первых, вы были готовы к восприятию данной информации.

— А во-вторых?

— Во-вторых, я не только полковник Федеральной службы безопасности, но и доктор психологии.

Владислав встретил полный скрытой озабоченности взгляд Родарева, сквозь которую на мгновение проскочила веселая искра, и они расстались, чтобы встретиться на другой день уже на базе и послушать сообщение по телевизору о крупной автокатастрофе, в которой погибли члены одной из дагестанских криминальных группировок и бывший работник посольства России в Корее Владислав Захарович Тарасов.

Месяц Тарасов провел на базе ФСБ, занимаясь спецподготовкой под руководством Степаныча — Николая Степановича Корнейчука, оказавшегося воеводой Русского ордена и инструктором команды СОС.

В декабре Тарасов получил первое задание — разобраться с чеченскими спонсорами теракта в Москве и с покровителями поставщиков русских девушек за границу.

В конце января он впервые провел операцию за рубежом — в Дании, уничтожив руководителей датского Комитета в защиту Чечни. Затем началась череда других зарубежных операций, и Роман Алексеевич Макаров — фамилию ему все-таки сменили — на год поселился за пределами России. Сердце его после смерти родителей, дочери и жены так и не оттаяло...

Чья-то рука дотронулась до плеча:

— Командир, Гроза вернулся.

Владислав открыл глаза, рывком сел, помассировал шею и оглядел свою гвардию «сосунков».

В наличии имелись все шестеро, запакованные в камуфляжные комбезы, в том числе посланный на разведку Иван Пантелеев по кличке Гроза; они все носили клички и отзывались только на них.

Самым старшим в группе был пятидесятилетний белорус Егор Лукаш, отзывающийся на псевдо Нос. Самым примечательным в его облике действительно был нос — картошкой, причем весьма приличных размеров. И хотя ни на силача, ни на бойца спецназа он не походил никак — с виду обыкновенный

мужичонка с пегими волосами и хитрым прищуром глаз, Егор Лукаш на самом деле был высококлассным профессионалом-подрывником и вообще мастером на все руки.

Под стать ему в группе был еще один малороссиянин — сорокалетний Сергей Сергиевский по прозвищу Хохол, также с виду мало напоминающий мастера воинских искусств. Обстоятельный, неторопливый, малоразговорчивый, он больше походил на запорожского казака, торгующего арбузами, хотя в нужное время демонстрировал великолепную сообразительность, подвижность и реакцию. В группе он исполнял обязанности водителя и пилота, а также по совместительству повара, хозяйственника и стрелка.

Остальные были моложе: татарин Резван Темирхан по кличке Хан, тридцати шести лет от роду, снайпер от бога, владеющий всеми видами огнестрельного и холодного оружия, тридцатитрехлетний Гогия Донелиади по прозвищу Батон, тридцатилетний Иван Пантелеев — Гроза и самый молодой боец группы двадцативосьмилетний Анатолий Юрчик по кличке Инженер, спец по компьютерам, устройствам связи и вообще дока в электронной технике любого назначения.

Самому Тарасову исполнилось в июне этого года тридцать пять лет. Был он высок — под сто девяносто сантиметров, широкоплеч, русоволос, голубоглаз, с весьма симпатичным «нордическим» лицом, в данную минуту угрюмым. Угрюмость эта, подчеркнутая сжатыми губами, поселилась на его лице с момента похорон жены и редко уступала место выражению приязни или улыбки.

Бывший полковник Службы внешней разведки был наделен хищной энергией и грацией спортсмена-гимнаста. По природе своей он был скрытен, внимателен к собеседнику, привык держать под контролем собственные эмоции, ценил физическую и психологическую независимость. Иногда он бывал высокомерен — в пределах необходимого, особенно когда этого требовала ситуация, но никогда никого не подводил, был целеустремлен и надежен.

Полковником и помощником пресс-атташе российского посольства в Корее он стал рано, в тридцать два года, а до этого окончил Академию Генерального Штаба, был направлен в Главное разведуправление Министерства обороны, а потом переведен в СВР. Если бы не случившаяся трагедия с захватом заложников и гибелью семьи, Владислав Тарасов добился бы многого на поприще разведчика и дипломата. Теперь же он был «мертв» — официально и носил другое имя: Роман Алексеевич Макаров.

Впрочем, все бойцы группы тоже прошли через это — гибель близких и «собственные похороны».

— Что у тебя? — посмотрел на Пантелеева Тарасов.

— Их шестеро, не считая трех аборигенок, — доложил Гроза. — Можем устроить маленькую победоносную войну в любой момент.

— Нам не нужна война, ни маленькая, ни большая. — Владислав перевел взгляд на Юрчика-Инженера. — Эфир?

— Чист, — отозвался белобрысый крепыш, прослушивающий местный радиоэфир с помощью компьютеризированного сканера. Комплекс в его ранце включал широкодиапазонный пеленгатор и позволял не только перехватывать радиоразговоры в радиусе полсотни километров, но и быстро расшифровывать кодовые передачи.

— Он считает себя в полной безопасности, — подал голос педантичный Хохол-Сергиевский. — Его прятало здесь ФБР, пообещав, что никто не найдет. К тому же он родом отсюда и знает местность как свои пять пальцев.

— Переходим на режим «стойка», — сказал Владислав, поднимаясь с надувного пленочного матраса, на котором спал. — Запускайте «стрекозу». Объект должен услышать «глас божий» не позднее двух часов ночи. В половине третьего за нами прилетит челнок.

Лукаш-Нос кивнул и извлек из контейнера «стрекозу» — летательный аппарат размером с ладонь в виде натуральной стрекозы. Насекомое имело ультраоптику, позволяющую вести видеосъемку днем и ночью, в любую погоду, телепередатчик и систему управления и слышала все звуки в пределах трехсот метров. Использовалась «стрекоза» для разведки и состояла на вооружении израильских спецслужб. Российские спецслужбы тоже имели подобную технику, отечественного производства, но группы СОС за рубежом всегда использовали чужие разработки.

Объект ликвидации, о котором шла речь, был не просто наемником, воевавшим в Чечне на стороне боевиков, но, во-первых, осведомителем Федерального бюро расследований США, во-вторых, журналистом, в-третьих, кинооператором, снимавшим фильм о деятельности чеченских «борцов за свободу». Звали его Аукей Роллинг. Он родился на Гавайях, учился в Канаде, стал корреспондентом журнала «Серые гуси», несколько лет провел в Афганистане, Кашмире, в Косове и, наконец, в Чечне. Себя он считал профессиональным «воином ислама», сражающимся с «неверными». Хотя при этом он служил тем же «неверным» верой и правдой, как пес, выполняя весьма деликатные поручения фэбээровцев. Однако в вину ему вменялась не его ра-

бота на спецслужбы США, а кровавая дорожка, оставленная Роллингом в Чечне. Он убивал русских солдат так же бездумно и жестоко, как и его приятели-боевики, и снимал все убийства на пленку. А когда у него под ногами загорелась земля, «воин джихада» сбежал к своим покровителям в Америке, которые попытались спрятать полезного слугу, знающего слишком много, подальше от людских глаз.

Разведка СОС искала его полгода, пока, наконец, не обнаружила на бывшей родине — на острове Мауи, втором по величине из островов Гавайского архипелага. Аукей Роллинг построил себе бунгало на гребне вулкана Халеакала и устроился там со всеми удобствами в окружении пятерки телохранителей и трех девиц, не то жен, не то наложниц. Связь с прибрежными поселениями и столицей Гавайского штата Хало он осуществлял с помощью вертолета, поставляющего воду и продукты. Кроме того, по сведениям разведки СОС, проникшей почти во все структуры американских и западных служб, над Гавайями каждые три часа пролетал американский военный спутник, контролирующий территорию архипелага, через который Аукей Роллинг поддерживал связь со своими боссами из ФБР.

— Поехали, — сказал Толя Юрчик, надвигая на голову дугу с наушниками. — Спутник только что прошел, все тихо.

Владислав подсел к раскрытому на камне кейсу с пультом управления «стрекозой» и экраном наблюдения.

Аппарат шевельнул крылышками, тихо зажуужал и взлетел под потолок пещеры, в которой уже третий день пряталась группа. Сделав круг над головами бойцов, он вылетел в расщелину выхода.

Засветился экран видеопередачи. Стали видны уплывающие вниз склоны кратера.

Халеакалу, воспетую еще Джеком Лондоном, открыл на Мауи в тысяча семьсот семьдесят восьмом году Джеймс Кук. Вулкан высотой три километра доминировал над островом. В переводе с полинезийского Халеакала — Дом Солнца. Местные легенды связывали вулкан с богом Мауи, в честь которого был назван остров.

Ни Тарасов, ни члены его команды никогда не были на Гавайях, поэтому им пришлось сначала изучить географию островов и особенности климата, чтобы ориентироваться на Мауи без проводников. Однако красота Халеакалы превзошла все их ожидания, и если бы не задание, все бойцы, наверное, не преминули бы побродить по окрестностям вулкана, производящего на всех туристов неизгладимое впечатление. Когда они впервые встретили здесь рассвет, членов отряда охватило странное ощущение: надо было смотреть не вниз, на дно кратера, чтобы разглядеть

его детали, а вверх! Этот своеобразный обман зрения сопровождал их и дальше, и понадобилось время, чтобы приспособиться к явлению.

«Стрекоза» изменила курс. Стал виден белый конус бунгало Роллинга, выделяющийся на фоне красно-бурых, с сиреневым оттенком, скал. До него от пещеры, в которой расположился отряд, было около трех километров по прямой. Пещеру удалось найти с помощью особой аппаратуры, способной обнаруживать пустоты в горных породах, а также распознавать человека с оружием и даже определять направление ствола оружия противника по характерному ряду резонансов в выходном отверстии пистолета или автомата.

Солнце готовилось нырнуть за гребень противоположной стороны кратера, по дну которого от скал, более мелких вулканических конусов и валунов, протянулись длинные тени.

Аппарат завис в двух сотнях метров от строения, окруженного цепью столбов с металлической сеткой. Стала видна ровная площадка с торчащим посреди вертолетом — легким «ФН-1100» фирмы «Роджерсон хиллер корпорейшн». Никакого движения в радиусе километра от двухэтажной пирамиды Роллинга телекамера «стрекозы» не отмечала.

Солнце зашло.

Вулкан сразу погрузился в полумрак, лишь некоторое время еще светились алым стены бунгало, отражая быстро тускнеющий закат. Восточную часть небосклона затянули приближающиеся полосы облаков.

— Выступаем, — коротко скомандовал Тарасов.

Бойцы группы закинули за плечи ранцы, надели шлемы и превратились в кибер-солдат, принадлежащих неизвестной армии. Маскировочные комбинезоны на них были американского производства, оружие — бельгийское и немецкое, органайзеры и системы связи — японские. Это не говорило о том, что подобные устройства, оружие и обмундирование не имелись в наличии у отечественных спецслужб, но группа действовала за границами России, и во избежание огласки при обнаружении и несчастливом стечении обстоятельств экипировку для бойцов подбирали такую, чтобы нельзя было вычислить государственную принадлежность команды. Правда, с отрядом Тарасова такие случаи еще не происходили. А вооружен он был несколько иначе, в отличие от подчиненных, имеющих бельгийские снайперские винтовки, немецкие пистолеты-пулеметы бесшумного боя и немецкие ножи. Кроме пистолета — Владислав предпочитал испанскую девятимиллиметровую «астру-100», — он имел еще абсолютно секретное оружие, снабженное на всякий случай системой самоликвидации. Любой, кто попытался бы выстре-

лить из него или просто взять в руки, кроме самого Тарасова, неминуемо был бы уничтожен. Этим оружием был инфран — излучатель инфразвука, поражающего внутренние органы человека без видимых внешних повреждений кожи и мышц. В зависимости от мощности импульс инфрана, настроенный на резонансы с колебаниями внутренних органов человека, мог вызывать страшную боль, ослеплять, парализовывать и убивать.

Для ликвидации Аукея Роллинга Тарасов настроил инфран на мгновенное поражение сердца киллера. Мысль помучить «воина ислама», убившего по крайней мере два десятка российских солдат и офицеров, не один раз возникала в голове, но садистом Владислав не был и наслаждаться болью и муками людей, даже таких законченных отмороzków как Аукей Роллинг, не умел.

Краска заката поблекли. Небо налилось фиолетовой глубиной. Темнота в кратере сгустилась.

Все включили приборы ночного видения, переходя на инфракрасное зрение. Нагретые за день скалы щедро отдавали тепло, поэтому ориентироваться в горном хаосе было достаточно легко.

Три с лишним километра от пещеры до бунгало Роллинга, по кромке обрыва, отряд преодолел за час.

Залегли в десяти метрах от сетчатого забора. Юрчик включил малый СЭР¹, сканируя местность, и через две минуты доложил:

— Сетка под током, но телекамер и лазерных охранных систем периметр не имеет.

— Я вижу на крыше антенну, — сообщил Донелиади; Батонм его прозвали не за любовь к белому хлебу, а в связи с грузинским *батано* — сударь, пан.

— Это спутниковый коммуникатор. Территория дома никакой электроникой не контролируется.

— Тем лучше.

— Собаки? — подал голос Владислав.

— Снаружи ни одной. Внутри как будто одна имеется, хотя это может быть и кошка и любое другое животное.

— Начинаем! — скомандовал Тарасов. — До пролета спутника осталось чуть больше часа, так что торопиться особо не стоит.

Инженер и Нос вернули «стрекозу», затем бесшумно выдвинулись вперед и занялись вырезанием отверстия в сетке, используя специальные керамические кусачки. Через минуту метрового диаметра дыра была проделана. Группа переместилась на территорию бунгало, подобралась к стенам строения, сделанного из туфа и покрашенного серебристой краской для лучшего отраже-

¹ СЭР — система электронной разведки.

ния свето-теплового потока. Все же Мауи был тропическим островом и температура воздуха в районе Халеакалы даже зимой не опускалась ниже плюс пятнадцати градусов.

На несколько мгновений все замерли, прислушиваясь к звукам, долетавшим сюда из глубины кратера; на дне вулкана водились дикие свиньи, козы, гавайские гуси и белохвостые кочурки, чьи крики изредка доносились до гребня.

В самом бунгало играла музыка, раздавались голоса хозяев, женский смех и шаги. Включилась душевая кабина. Заработал кондиционер. Все эти звуки ловили спецприборы в ранцах за спиной бойцов и передавали им через наушники. А включенный СЭР, имеющий лазер терагерцового диапазона, мог не только определить количество движущихся людей — по сердцебиению, дыханию и магнитной модуляции крови, текущей по сосудам¹, но и видеть их сквозь стены.

На уточнение расположения всех присутствующих в доме мужчин и женщин ушло четыре минуты. Затем началось движение.

Гроза и Батон подобралась к главному входу в дом и занялась замками.

Хан проник в бунгало через вторую дверь, играющую роль запасного аварийного выхода.

Хохол и Нос аккуратно выдавили стекло окна на первом этаже и забрались в одно из пустующих помещений дома.

Юрчик-Инженер страховал всех, прослушивая эфир и контролируя территорию бунгало системой электромагнитного сканирования. В непосредственном действии он не участвовал, выполняя более важную задачу идентификации объекта ликвидации и слежения за пространством действия.

Тарасов вошел в бунгало последним, вслед за Грозой и Батоном.

Операция разбилась на фазы.

Первую исполнили Хан и Нос, проникнув в комнату, где располагалось оборудование спутниковой связи, и уничтожили коммуникатор.

Вторую фазу завершил Инженер, определив точное местонахождение Аукей Роллинга и дав соответствующее целеуказание. «Воин джихада» занимался любовью одновременно с двумя девушками в спальне на втором этаже.

Третья фаза означала общее движение к цели — с попутным устранением помех. Каждый член команды делал это по-своему,

¹ Благодаря эритроцитам, включающим атомы железа, кровь имеет магнитные свойства.

но — не убивая тех, кого не следовало убивать без нужды, а только отключая сознание — ударом ли в голову, в шею, или тихим удушением.

На второй этаж поднялись только двое, Тарасов и Хан. Несколько мгновений прислушивались к возне в спальне, сопровождающейся стонами, ахами, возгласами и смехом.

— Все тихо, — доложил по рации Инженер. — У нас в запасе двенадцать рабочих минут плюс полчаса на отход.

Владислав посмотрел на спутника. Хан поднял ствол пистолета-пулемета, ударом ноги распахнул дверь и вскочил в спальню, слабо освещенную синеватым ночником.

Тарасов вошел следом.

Это была не просто спальня, но будуар, оборудованный всем необходимым для получения плотских утех. Но больше всего поражала необъятная кровать, на которой смогли бы, наверное, расположиться сразу не менее десяти человек.

Занятые любовью обитатели будуара не сразу поняли, что произошло.

— Какого черта?.. — начал было хозяин бунгало по-английски, абсолютно голый, волосатый, бритоголовый, с роскошной «моджахедовской» бородой, и замер.

Девицы под ним завизжали, заметив наконец две темные фигуры в спальне.

Вспыхнула люстра — Гроза нашарил выключатель.

— Аукей Роллинг? — равнодушно задал вопрос Тарасов.

Бывший наемник оторвался от девиц, сел, потянулся к двери в стене за кроватью, но до нее было далеко.

— Кто вы?!

— Аукей Роллинг? — повторил вопрос Тарасов, не обращая внимания на девиц, отползших в угол кровати и пытавшихся прикрыться простынями; одна из них была явно аборигенкой, вторая — белой.

— Не знаю никакого Роллинга! — огрызнулся блестящий от пота хозяин бунгало. — Я Абу Муджад.

— Это он, командир, — доложил Инженер. — Аукей. Звуковая карта голоса совпадает полностью.

Тарасов достал инфран, направил ствол на грудь Роллинга и нажал спусковую скобу. Сказал глухо:

— Don't worry, be happy!¹

Роллинг вздрогнул, широко раскрывая глаза, перевел взгляд на грудь, схватился за нее руками. Еще раз вздрогнул, лицо его

¹ Не тревожься, будь счастлив (англ.).

искажилось, и он ничком повалился на кровать. Конвульсивно дернулся несколько раз, затих.

Девушки снова завизжали.

Хан навел на них пистолет-пулемет, они умолкли.

— Контрольный выстрел не понадобится, командир?

Тарасов подошел к Роллингу, дотронулся пальцем до шеи, покачал головой.

— Он умер.

— Жаль, что слишком легко.

— Уходим!

— Сидите тихо! — приказал Хан девушкам по-английски.

Они выскользнули из спальни, где остался лежать остывающий труп бывшего наемника, служившего многим хозяевам. Возмездие настигло его там, где он меньше всего ждал.

Через несколько минут группа расположилась в вертолете Роллинга и вылетела за пределы территории бунгало и вулкана Халеакалы, а затем высадилась на южном побережье Мауи. Еще через двадцать минут, переждав пролет спутника, группу забрал катер и доставил на борт подводной лодки, дожидавшейся их вторые сутки. О миссии группы не знал даже ее капитан, получивший приказ снять с острова отряд численностью в семь человек, который выполнял какое-то секретное задание.

БУЙ-ТУР

27–29 ноября

Он не пощадил никого...

Банда промышляла в Уфе грабежом и разбоем. Всего в ней насчитывалось девять человек, уроженцев Чечни, Таджикистана, Грузии и Украины. Управлял бандой молодой отморозок Вано Доридзе по кличке Президент. В августе ему исполнилось двадцать шесть лет.

Во вторник третьего сентября они подстерегли ученого секретаря Академии наук Башкортостана, профессора Нургаллина Зинура Амирхановича, шестидесяти шести лет, отца пятерых детей, деда семерых внуков, в подъезде дома и напали на него, очевидно, зная, что ученый получил зарплату за три месяца и нес семье. На беду свидетелями расправы стали сестра Ирина и мать Буй-Тура, проживающие в этом же подъезде, этажом выше. Свидетели бандитам были не нужны, поэтому женщин тоже избили, жестоко и беспощадно.

Все трое: профессор, мать и Ирина скончались, не доехав до больницы. Спасти никого не удалось.

Гордей Буй-Тур, будучи подполковником Национальной гвардии¹, узнал о случившемся, находясь в Чечне, спустя сутки после трагедии. Ему дали пятидневный отпуск, и подполковник улетел в Уфу, чтобы похоронить близких.

По горячим следам задержать бандитов не смогли.

Их давно подозревали в подобного рода преступлениях, искали, но найти не могли. Как потом выяснилось, в милиции у них были свои покровители, прикрывающие деятельность банды. Не удовлетворенный темпами следствия, Буй-Тур позвонил в Управление гвардии в Грозном и попросил командира дать ему еще неделю отпуска. Командир не разрешил. Тогда Гордей слетал в Грозный, написал рапорт об увольнении и положил на стол командующего группировкой. И вернулся в Уфу. Считая себя свободным от воинских обязательств, он начал собственное расследование обстоятельств гибели семьи; отец, сраженный происшедшим, военный химик в отставке, слег в больницу с инфарктом и умер на третий день после похорон жены и дочери. Таким образом Гордей Миронович Буй-Тур остался один, не считая стариков-родственников, разбросанных по необъятным просторам России.

В мае этого года Гордею исполнилось тридцать шесть лет. Со своим небольшим ростом — метр семьдесят восемь — он не выглядел ни силачом, ни спортсменом, ни мастером воинских искусств. Впрочем, он таковым себя и не считал. Но защищать себя научился, обладая феноменальной для такого невидного мужчины силой и умением ориентироваться в пространстве боя. Родившись на окраине Уфы, в неблагополучном районе Нижегородка, он все детство провел среди хулиганов и шпаны, терроризирующей все местное население, и к совершеннолетию превратился в гения драки, не знающего ни одного «классического» приема, но всегда выходящего победителем из любой потасовки.

Потом была армия, служба в воздушно-десантных войсках, где из него сделали отличного бойца-профессионала, хотя адептом какой-то определенной боевой системы он так и не стал. Приемы рукопашного боя Гордей учил, но оставался все тем же характерником, то есть знатоком своих возможностей и прекрасным мастером их спонтанного применения.

После отбытия обязательного срока службы в армии он остался служить контрактником, перешел в Национальную гвардию и быстро поднялся по служебной лестнице от прапорщика, командира взвода, до капитана, командира батальона. Закончил

¹ Внутренние войска МВД стали Национальной гвардией в 2004 г.

высшие курсы МВД, получил в тридцать лет звание майора... и едва не отсидел срок за «неадекватное превышение служебных обязанностей». В те времена он служил в Дагестане и перекрыл одну из троп наркотрафика, контролируемого кем-то из высших чинов МВД.

Его понизили в звании до старшего лейтенанта, но он снова поднялся и в тридцать четыре года стал подполковником Национальной гвардии. В тридцать шесть Буй-Тур уже командовал полком, расквартированным в пригороде Грозного.

Волосы у него были темные, глаза зеленоватые, нос пуговкой. А по натуре Гордей был жестким, грубоватым, прямым человеком, иногда вспыльчивым, хотя отходил быстро. Данное кому-либо обещание он выполнял непременно, любой ценой, за что был уважаем всеми, от рядового до командира бригады. По жизни он всегда испытывал потребность в справедливости, за что и попадал в разные неприятные ситуации. Однако никогда не жаловался на судьбу, любил приключения, часто шутил и прямо шел к цели.

В силу своего характера он и дал себе обещание найти убийц сестры и мамы и покарать. Невзирая ни на что!

В конце концов Буй-Тур нашел их, всех девятерых. Но это были исполнители, а существовал еще высокопоставленный чиновник, предоставлявший бандитам «крышу», который был весьма заинтересован в сокрытии тайных контактов с криминалом. По своим каналам он быстро выяснил о Буй-Туре все и сообщил командованию Национальной гвардии о «связи подполковника с мафией».

Гордея взяли на другой день после его операции возмездия, спящим у друга на квартире. Командир башкирского ОПОНа¹ получил приказ ликвидировать задержанного при попытке сопротивления, однако Буй-Тур не сопротивлялся и остался жив.

Его допрашивали сначала в местной прокуратуре, потом отослали в Москву по требованию Генпрокуратуры. А там, на следующее утро, пятого августа, к нему прямо в камеру в Лефортово пришли двое мужчин в штатском, один помоложе, с короткой стрижкой и шрамом на виске, второй постарше, лет под пятьдесят, седой, с удивительно прозрачными глазами. Иногда он хмурился, хотя это и не относилось к нюансам беседы. Просто он скорее всего вспоминал какие-то неприятные моменты своей работы.

— Здравствуйте, Гордей Миронович, — сказал седой глухова-

¹ ОПОН — Отряд полиции особого назначения.

тым голосом. — Мы в курсе ваших злоключений, поэтому пришли побеседовать о вашей судьбе. Она повернулась к вам темной стороной, а это несправедливо.

— Спасибо за сочувствие, — иронически хмыкнул Буй-Тур. — Хотя видит Бог, я в нем не нуждаюсь. Сесть не предлагаю, негде. Кто вы и с чем пожаловали?

— У нас к вам деловое предложение.

— У кого это — у нас?

— Мы из службы ППП.

— Никогда не слышал о существовании такой службы.

— Надеюсь, вы в курсе событий, происходящих в стране. Поголовная коррупция, криминал ползет из всех щелей во власть, беспредельщики отстреливают бизнесменов, мэров и губернаторов десятками, разгул бандитизма достиг критической точки, террористы перешли в наступление... в общем, дела неважные. Вы и сами ощутили, что такое криминальная структура, поддерживаемая чиновниками всех уровней, политиками, силовиками и правительством.

Буй-Тур глянул на визитеров исподлобья.

— Выразайтесь конкретнее, я лекций не люблю.

— Мы знаем, — без эмоций кивнул младший из гостей.

— Вас повязали не потому, что вы без суда и следствия замочили банду, — продолжал седой, — а в связи с тем, что вы осмелились пойти дальше, замахнулись на «крышу» бандитов. Ваш настоящий противник сидит в милицеских сферах, большой начальник, и добраться до него нелегко. Даже нам. А пока в милиции, полиции и Национальной гвардии будут работать подонки, обиратели и вымогатели, идиоты, карьеристы и предатели, порядка в стране не будет.

— А вы, значит, этот самый порядок наводите? ППП — это случайно не «прямое поддержание порядка»?

— Это служба профилактики и пресечения преступлений. Она создана в недрах... одной тайной организации, сведения о которой вы получите, когда согласитесь работать с нами.

— А если не соглашусь?

— Тогда вы просто забудете о нашем визите. Но вы согласитесь.

— Почему вы так уверены?

— Потому что страна требует глобальной чистки от всякой мрази, — убежденно сказал молодой, со шрамом. — Потому что только наша служба сможет это сделать. Потому, наконец, что только с нами вы сможете восстановить справедливость, найти мерзавца, торгующего человеческим горем, и покарать его.

Буй-Тур закрыл глаза, откинулся спиной на стенку камеры. Сказал после паузы:

— Ваша служба... законна?

— В рамках Конституции — нет, — улыбнулся седой. — В глобальном человеческом ведическом смысле — да.

Гордей не обратил внимания на слово «ведический».

— Допустим, я согласен. Что дальше? Как вы меня вытащите из тюрьмы? Что потом? Кто вы?

— Официально мы работаем в Управлении специальных операций ФСБ, а неофициально — на организацию, которая называется Русским национальным орденом.

Буй-Тур невольно качнул головой.

— Не слышал. И чем он занимается, ваш орден?

— О целях и задачах ордена вам расскажут позднее, но обязательно, гарантирую. Главное сегодня — ваше согласие.

— Чем я буду заниматься?

— Ликвидацией бандитов и деятелей, до которых наше правосудие не доходит. Без суда и следствия, разумеется. Точнее — без гражданского суда. Суд будет — наш!

— А вы не находите, что это жестоко? Вдруг произойдет ошибка и вы накажете не того человека?

— Мы еще ни разу не ошиблись, — пожал плечами молодой.

— Ну а если?

— Наше общество вообще жестоко, — сказал седой. — Жестоко по отношению к тысячам детей в детских домах, к беспризорникам, к старикам, инвалидам, к тем, кто оказался на дне не по своей воле. Мы сталкиваемся с жестокостью каждый день, и вы это отлично знаете. Вовсе не факт, к примеру, что подростки и молодые люди, участники групповых драк и беспорядков, — нетрезвые или «обкуренные».

— Они «волки»...

— Верно, «волки», не знающие и не пытающиеся понять законы общественной жизни и нравственности. Но кто их сделал такими? Кто провоцирует их на «стихийные протесты»?

— Телевидение...

— Не только, хотя за ним стоят конкретные люди, кому выгодно, чтобы страна все время воевала сама с собой и всего боялась. Вот от них вам и предстоит избавить общество.

— Их миллионы, — усмехнулся Буй-Тур. — А я один.

— У вас будет группа.

— Все равно.

— Таких групп у нас несколько. Одни работают за рубежом, отстаивают интересы государства, другие внутри страны. Но об этом мы еще поговорим.

Буй-Тур еще раз покачал головой, собираясь с мыслями, помял ладонями лицо.

— Вы меня озадачили...

— К сожалению, времени на размышления у вас нет, — немного мягче сказал седой. — Ваше дело хотят запустить как «образцово-показательное», наказать «по всей строгости закона», чтобы убедить общественность в «справедливости власти». Поэтому решайте сейчас.

— Уже решил. Я с вами. Как вы меня вытащите отсюда?

— Завтра вас повезут для допроса в Генпрокуратуру. По дороге вы попытаетесь бежать, и вас «убьют».

— Круто!

— Здесь подробности операции. — Молодой передал Гордею два листочка папиросной бумаги. — Прочтите и съешьте.

— Хорошо. Что еще?

— Больше у меня все, как говорил один генерал, — с улыбкой развел руками седой.

— Дальнейшие инструкции получите после освобождения, — добавил парень со шрамом. — До встречи.

Седой протянул руку.

— Удачи, полковник.

Буй-Тур пожал сухую и жесткую ладонь гостя, затем второго, и они ушли. Звякнули засовы на двери камеры. Гордей остался один. Спыхватился, что не спросил имен вербовщиков неведомой службы ППП, потом прочитал два раза текст инструкции, разжевал листочки папиросной бумаги и проглотил. В душе поднялось волнение, которое он попытался успокоить хождением по камере и физическими упражнениями. Затем лег и уснул.

На следующий день его «убили» при попытке к бегству.

Так бывший подполковник Национальной гвардии Гордей Буй-Тур оказался в сверхсекретной службе ППП Русского орденa и получил в подчинение группу «Сокол» в количестве пяти человек. Через месяц он прошел «боевое крещение», уничтожив генерала уфимской милиции, покровительствовавшего бандитам...

Поезд замедлил ход.

Гордей открыл глаза, выглянул в окно.

Показались пригороды Нижнего Новгорода. Пора было готовиться к высадке.

В купе, кроме него, ехали двое пожилых мужчин, с увлечением обсуждавших газетные новости, и старушка с удивительно светлым лицом, с которого не сходила добрая полуулыбка. Она охотно участвовала в беседах мужчин, имея собственное мнение по всем вопросам, но никого, в отличие от них, не ругала и не обвиняла. Хотя более всего Буй-Туру понравилась ее готовность всем помочь и всех успокоить. У него тоже были еще живы бабушки, которые когда-то его воспитывали по очереди, и

теперь он с нетерпением ждал встречи с одной из них — бабулей Аграфеной, матерью отца. Жила Аграфена Поликарповна в Нижнем Новгороде одна, похоронив мужа еще в начале девяностых годов прошлого столетия, и недавно прислала письмо, в котором просила внука заступиться перед властью. Буй-Тур не понял толком, чего хотела бабушка, но отказать ей не мог и отпросился у начальства ППП на три дня «по личным обстоятельствам». Благо ему не надо было являться на работу к определенному часу каждый день. Операции же по «лечению» чиновного люда и ликвидации бандитов обычно случались не чаще одного раза в неделю.

Попрошавшись с попутчиками, Буй-Тур вышел на привокзальную площадь и поймал частника, согласившегося отвезти его в центр города, на Большую Покровскую улицу, всего за «скромных» две сотни рубликов.

Однако на улице Большой Покровской его ждал сюрприз.

Двухэтажный деревянный дом, в котором жили четыре семьи, в том числе — Аграфена Поликарповна с двумя кошками, оказался наполовину сгоревшим. Пожар случился уже давно, судя по убранной территории, но в воздухе все еще пахло гарью. Тем не менее жители дом не покинули, только забили досками и затянули полиэтиленовой пленкой окна. Подивившись такой любви к «малой родине», Гордей нашел квартиру бабушки Аграфены и постучал в обуглившуюся снаружи, обклеенную вокруг ручки газетами дверь.

— Входи, милоч, — послышался за дверью знакомый голос.

Буй-Тур потянул дверь за ручку, переступил порог, стараясь не испачкаться. Кутаясь в шаль — в доме температура явно была намного ниже оптимальной, на дворе стоял сырой и холодный ноябрь, — на гостя смотрела хозяйка квартиры, высокая, худая, с морщинистым суровым лицом и прозрачно-голубыми глазами, в глубине которых мерцал упрямый огонек. Бабушка Аграфена всегда казалась Гордею слишком строгой и требовательной, и все же он ее любил и в детстве слушался беспрекословно.

— Гордеюшка! — узнала гостя хозяйка, протянула к нему дрожащие руки. — Приехал! Уж и не чаяла увидеть!

Буй-Тур обнял старуху, чувствуя подступивший к горлу ком.

— Я письмо получил, вот и приехал. Что тут у вас случилось?

— Это я от отчаяния написала. Холода наступают, а жить в этой халупе зимой нельзя, никто не хочет ни ремонтировать, ни в новую квартиру переселять. Да ты проходи, раздевайся, — засуетилась Аграфена Поликарповна. — У меня на кухне газ горит, там теплее. А в комнате плюс десять всего.

Гордей снял куртку, прошел в комнату, оглядел небогатое ба-

бушкино хозяйство — все было знакомо и не менялось много лет, — кинул взгляд на фотографии в рамках на стене. Показал головой.

— Это я виноват. Давно надо было забрать тебя в город.

— Да я бы не поехала, Гордеюшка, — махнула рукой Аграфена Поликарповна. — Тут моя родина, тут я отца твоего родила и выходила, тут и помирать буду. Только вот хотя бы последние денечки хочется пожить в тепле и покое. Проходи, позавтракаешь, я тебе омлет сделаю царский, твой любимый.

— Не откажусь, — улыбнулся Буй-Тур.

Они прошли на крохотную кухню, и ожившая, повеселевшая старушка занялась плитой, начала пересказывать новости:

— Мы уже второй раз горим, Гордейша. Поджигают, антихристы, чтобы им пусто было, чуть не каждую неделю. Дома на улице старые, им по сто с хвостиком лет будет, но крепкие еще, столько же простоят, а кому-то в верхах очень хочется тут строительство многоэтажных гаражей развернуть, вот и выгоняют нас отсюда таким способом. Соседский дом тоже подожгли, все сараи сгорели, даже кирпичный с магазином пытались поджечь, спасибо, пожарные отстояли.

— Да глупости это все, — не поверил Гордей. — Никто в наше время не станет терроризировать население таким образом, ради новостройки, проще договориться с мэрией и выселить людей официальным путем. Дать им другие квартиры. Дешевле обойдется.

— Может, оно и так, да только слухи идут, что схватились какие-то крымальные группировки меж собой, нашу улицу не поделили, вот и поджигают дома друг другу в отместку.

— Наверное, не крымальные, а криминальные? — улыбнулся Буй-Тур.

— А один бес!

— Вы не пробовали в милицию обращаться, к властям?

— Как же, не один раз петиции писали и на прием ходили, да так ничего и не выходило. Если квартиры и дают, то у черта на куличках, в Гнилицах или в Сормове, где ни магазинов, ни рынка поблизости не видать, а куда мне старой ездить по магазинам, по транспортам клыпать, коли я еле ползаю? Как-никак девяносто пятый годок пошел. Да что это я все о себе? Рассказывай, как живешь. Женился иль бобылем ходишь? Давненько я от тебя весточки не получала.

Буй-Тур почувствовал угрызения совести, обнял бабушку, пробормотал виновато:

— Прости неразумного, я человек военный, подневольный, службу там, куда пошлют, оглянуться по сторонам не успеваю.

Но теперь обещаю приезжать чаще. Разберусь тут с вашими ЖЭ-Ками и хозяйственными службами, уеду, конечно, но по весне обязательно навещу.

— Да я не в обиде, — мягко сказала бабушка Аграфена. — Сама была молодая, родителей не часто вспоминала. Правда, время было другое, тяжелое, послевоенное, учиться надо было и работать. Погоди-ка, помешаю, а то стогит все.

Гордей сел за стол, любуясь суетой бабушки.

— Да и наши времена не из легких, бабуля. Без войны нас завоевали супостаты, до сих пор прийти в себя не могу, поверить, что великая Русь стала подневольной Россией. Куда ни кинь взгляд, что ни тронь — везде завоеватели у власти, нами управляют. Отсюда и все беды наши.

— Я тоже это вижу, внучек, не слепая, — пригорюнилась Аграфена Поликарповна. — Смотрю телевизор, а там все нерусские люди об устройстве русской жизни рассуждают. При коммунистах и то такого не было. А уж при царе — тем боле.

— Цари нынче другие пошли, — усмехнулся Гордей. — Президенты, премьер-министры, депутаты... и все норовят отхватить кусок пожирней, украсть или отнять. Живем, как в той песне:

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пытались.
А мы тоже не сидели,
Того дожидались.

Бабушка оглянулась на внука, с лукавой усмешкой погрозила ему пальцем.

— Ой, не верю я, что ты из тех, кто дожидается. Сызмальства упрямый был, упертый, как Мирон-покойник говорил, царство ему небесное. Всегда окорот хулиганам давал. Неужто изменился?

Буй-Тур засмеялся.

— Ты права, бабуля, не изменился. Терпеть ненавижу, когда врут, воруют, обижают маленьких и предают своих! Вмешиваюсь, знамо дело, за что и получаю подзатыльники. Вот недавно иду по улице, вижу, к торговой палатке машина милицейская подъезжает. Выходят двое бравых служителей порядка, что-то говорят женщине-продавице, и она безропотно начинает набивать пакет фруктами, протягивает им. Да еще деньги сует! Представляешь? Ну, я не удержался...

— Эх, удивил, — не обратила старушка внимания на обмолвку внука. — Все знают, что милиционеры дань собирают со всех торгашей. Я их не оправдываю, но и торговцев не привечаю. У нас в Нижнем всей торговлей кавказцы заправляют, чего их

жалеть? Ты где-нибудь в других городах видел, чтобы торговцы русскими были?

— Редко, — признался Гордей, жалея, что затронул эту тему.

— Вот и у нас все рынки в городе — черные заполонили. Азербайджаны, армяны, таджики и чечены... А власть берет с них мзду и ничего не делает, чтобы нас защитить.

— Ничего, все скоро изменится, — пообещал Гордей. — Найдутся люди, наведут порядок в стране. Будет и на нашей улице праздник.

Аграфена Поликарповна поставила на стол дымящуюся сковороду с омлетом.

— Ешь, вот грибочки соленные, капуста, огурчики, свое все. Летом-то я на участке живу, а зимой... Ладно, не буду жаловаться. Я так рада, что ты приехал! — Она села напротив, подперла кулачками голову. — Скучаю я по тебе, внучек. По мамке твоей скучаю тоже, по Светочке... — В глазах старушки набухли слезы. — Так хочется на могилку к ним сходить, да уж очень далеко Уфа-то...

Буй-Тур пережил сердечную судорогу, с трудом удержался, чтобы не заплакать самому.

— Весной я заберу тебя, и мы слетаем в Уфу.

— Доживем — увидим. Где ж ты теперь служишь? Все там же, в Чечне? Письмо я тебе на старый адрес послала.

— Мне его передали в Москве. Я теперь в столице живу, а работаю в одной секретной службе.

— Военной? Али в фэсэбэ?

— Не в ФСБ, но тоже в очень серьезной и крутой, — улыбнулся он. — Наводим страх на бандитов. Доберемся и до Нижнего Новгорода.

— Хорошо бы, — покивала старушка. — Только ты на рожон-то не лезь, знаю я тебя, бедового. Ты всегда норовил прежде всех в огонь кинуться.

— Не буду кидаться, — пообещал Гордей. — Я в начальниках хожу, других вперед посылаю.

— Генерал, что ль?

— Не генерал, но полковник. — Он не стал говорить бабушке правду. Ей ни к чему было знать, что полковник он теперь липовый, хотя в ППП его так и звали — полковник. — Расскажи-ка, к кому ты ходила по поводу ремонта и переселения.

— В ЖКУ ходила, к заместителю начальника Управы района ходила, и даже в МЧС вместе с соседями обращалась. А толку никакого.

— Ничего, будет толк. Сама-то ты чего хочешь? Переехать или здесь остаться?

— Я бы здесь осталась, Гордеюшка. Соседи переезжать хотят, их дело молодое, а я старая уже по квартирам бегать.

— Вряд ли Управа согласится ремонтировать дом, — покачал головой Буй-Тур. — Развалится он скоро, стены вон снаружи все в дырках и трещинах. Придется, наверное, переезжать.

— Я понимаю, прикажут — перееду, только не на Гнилицы же, поближе бы к родным местам. Ты уж там не шуми, Гордейша, а то еще в милицию заберут.

— Не беспокойся, бабуля, все будет хорошо. Я знаю, как надо разговаривать с этими деятелями.

Позавтракав, Гордей переоделся, выяснил адреса коммунальных служб района и, успокоив бабушку еще раз, отправился выяснять истинную подоплеку пожаров.

Сначала он посетил районное ЖКУ.

К начальнику управления была очередь. Буй-Тур терпеливо простоял час, потом понял, что может потерять весь день, и зашел в приемную.

— Мне к начальнику.

— Клара Тимофеевна занята, — бросила на него недовольный взгляд смазливая белобрысая секретарша, болтавшая с кем-то по телефону. — Выйдите, не мешайте работать.

— Я по делу, — сухо сказал Буй-Тур, показал красную книжечку и без дальнейших переговоров открыл обитую коричневым дерматином дверь с табличкой: «Начальник ЖКУ № 43 Сидорович К.Т.».

Кабинет начальника управления был невелик, но довольно уютен. За столом с компьютером сидела немолодая женщина с ярко напмаженными губами, в обтягивающей большую грудь белой кофте. У стола маялись два мужика в рабочих робах. Еще один посетитель — в дубленке — сидел напротив начальницы и курил. Все четверо оглянулись на вошедшего.

Брови начальницы сошлись над переносицей.

— Я занята! Кто вас пропустил?

Дверь приоткрылась, выглянула секретарша с виноватым выражением лица.

— Клара Тимофеевна, он...

— Я же сказала никого не пускать! Выйдите, гражданин! — сказала начальница ЖКУ. — Сегодня приема по личным вопросам не будет.

— У него удостоверение... — пискнула секретарша.

Начальница, собравшаяся было добавить что-то нелицеприятное, открыла и закрыла рот, окинула посетителя недобрым взглядом и, видимо, почувствовала в нем что-то необычное. Посмотрела на мужчину в дубленке.

— Найди материал и сделай к вечеру. Я проверю.

— А с пожарной сигнализацией что нам делать? — заискивающим тоном поинтересовался мужик в робе, худой и усатый.

— Отключите пока. Приедет комиссия, будет разбираться, почему она гудит. Все, идите.

Мужики вышли, дверь закрылась.

— Слушаю вас, — попыталась смягчить свой тон начальница ЖКУ. — Вы по какому вопросу?

Буй-Тур подошел к столу, сел без приглашения.

— Собственно, дело простое, хотя и требует кое-каких организационных усилий. Ваше управление обслуживает улицу Большую Покровскую?

— А что? — насторожилась Клара Тимофеевна.

— Меня интересует судьба жильцов сгоревшего дома номер шестьдесят дробь один.

— Во-первых, он не сгорел...

— Он горел! — перебил начальницу Гордей. — И жить в нем нельзя, тем более зимой. Вы должны это понимать. Или вы собираетесь ждать, пока жильцы благополучно перемерзнут?

— Кто вы такой? — возмутилась Клара Тимофеевна. — Я сейчас вызову органы...

— Органы уже здесь, — ухмыльнулся Буй-Тур, показывая книжечку с золотым тиснением: «МВД России». — Я задал вам вопрос.

Клара Тимофеевна ошеломленно похлопала ресницами, потянулась к телефону, и до нее наконец дошло.

— Вы... из милиции?

— Берите выше, — еще раз ухмыльнулся Буй-Тур. — Хотя это не имеет большого значения. Что вы собираетесь предпринять в связи с создавшимся положением?

Тон начальницы изменился.

— А что я могу? У нас в районе таких жилых домов целых семь! Четыре сгорели полностью! Все требуют сноса или капитального ремонта. Где найти средства? Город выделяет крохи. Будем, конечно, пытаться...

— Стоп! — Буй-Тур стукнул пальцем по столу. — Что значит — будем пытаться? На улице минус восемь, в квартире моей бабушки не намного выше! Если с ней что-либо случится, вы же первая под суд пойдете! Вы лично! Устраивает вас такая перспектива?

Клара Тимофеевна вдруг успокоилась.

— Это вы о Савельевой говорите, из второй квартиры? Скандальная старуха...

— Стоп! — угрюмо оборвал собеседницу Буй-Тур. — Это моя

родная бабушка, и оскорблять ее не надо. Ничего лишнего она не потребует.

— Мы уже предлагали ей переехать в новый дом...

— Знаю, в Гнилицы, но к каждому жильцу надо подходить индивидуально, как требует если и не закон, то совесть. Аграфене Поликарповне перевалило за девяносто, ей будет трудно жить в неблагоустроенном районе. Если не найдете старушке жилье по-качественнее, будем разбираться в другом месте. Вам это нужно?

— Вот и разбирайтесь, — совсем спокойно сказала хозяйка кабинета. — Что у меня есть, то я и предлагаю. Никакой суд не придерется, что я действую неправильно. А вы не боитесь, что вас снимут с работы после этого визита, как вас там? Кто вы по званию, лейтенант, капитан? — В голосе начальницы прорезались нотки пренебрежения.

Буй-Тур понял, что его собеседница вспомнила о своих покровителях, надеясь на их связи и защиту.

— Не капитан, — качнул он головой, — полковник. И мне нечего бояться, кроме страха. Но если я пойду вышше, уважаемая Клара Тимофеевна, вы в этом кресле долго не задержитесь. Это я вам обещаю. — Он встал. — Мы договорились?

— Я подумаю, что можно сделать для вашей... бабушки, — проговорила начальница ЖКУ, слерживаясь, хотя взгляд ее был красноречив: и не таких видали!

Выйдя из ЖКУ, Буй-Тур с минуту размышлял, что делать дальше, и решил продолжить свое хождение по коммунальным мукам. Над Klarой Тимофеевной Сидорович располагалась целая иерархия начальников, которые могли одним росчерком пера или просто телефонным звонком решить проблему.

Ему повезло. Зам главы районной Управы господин Веллер, отвечающий за коммунальное хозяйство района, был на месте и не рискнул отказать в приеме визитеру, представившемуся «полковником Тимошенко, сотрудником Федеральной службы расследований».

Кабинет заместителя главы Управы оказался не в пример больше и роскошнее кабинета начальницы ЖКУ. Он весь блистал стеклом, фарфором, никелем, полированным деревом и напоминал одну из комнат Эрмитажа, где Буй-Туру как-то посчастливилось побывать на экскурсии.

— Что привело столь высокого гостя в наши скромные владения? — вышел навстречу Гордею из-за роскошного стола Веллер. — Мне сказали, что вы из Москвы... э-э...

— Полковник Тимошенко, — небрежно сказал Буй-Тур, решив поменять тактику контактов с представителями местной власти. — Юлий Сергеевич. — Раскрыл и закрыл удостоверение,

которое не сдал еще со времени прошлой операции; по мере надобности паспортисты ППП снабжали оперативников поддельными документами любого уровня. — Подразделение «Р».

— Присаживайтесь, пожалуйста. — Невысокий, толстый, лысоватый Веллер галантно шаркнул ножкой. — Можете снять верхнюю одежду.

Буй-Тур расстегнул куртку, подсел к столу.

Веллер сел в свое черное кожаное кресло, выжидательно посмотрел на гостя.

— Слушаю вас.

— Мы начинаем негласное расследование поджогов домов в центральном районе города, — веско проговорил Буй-Тур. — Улицы Большая Покровская, Нижегородская, Трудовая. Что вы можете сказать по этому поводу?

— А что я могу сказать? — заскучал господин Веллер, отводя взгляд. — Ничего. Поджоги действительно имеют место, но этим делом занимаются прокуратура и милиция...

— Я знаю, кто занимается этим безобразием. Меня интересует ваша точка зрения. Что происходит? Кому это выгодно, по вашему мнению?

— Откуда же мне знать? — ненатурально удивился заместитель. — Мы-то здесь при чем?

— Послушайте, господин Веллер, — нахмурился Буй-Тур. — Если вы будете со мной откровенны, возможно, я помогу вам избавиться от неприятных дознавательных процедур. Надеюсь, вы меня понимаете? В противном случае мы включим вас в список лиц, подозреваемых в коррупции. Подходит вам такой вариант?

— Н-нет, — выдавил вспотевший Веллер. — Но я в самом деле не понимаю...

— Все вы прекрасно понимаете, иначе не сидели бы в этом удобном кресле. Итак, повторяю вопрос: кому выгодно отселять людей из старых домов таким диким способом? Я, например, знаю, что жильцы еще не сгоревших домов установили круглосуточное дежурство, чтобы поджигатели не смогли подобраться к ним. Да еще и вооружились. Представляете, чем это может закончиться?

— Честное слово...

— Ну, не надо, — поморщился Буй-Тур. — Давайте обойдемся без излишнего драматизма.

— Не знаю точно... только подозреваю...

— Смелее!

— Одна из крупных строительных фирм города хочет построить там коттеджный поселок...

— Я слышал — гаражи.

— И гаражи. — Веллер вытер взмокшую лысину платком. — Но у муниципальных властей другие намерения...

— То есть у вас. А вы что хотите там строить? Супермаркет? Рынок?

— Здание мэрии...

— Вот оно что! — Буй-Тур хмыкнул, разглядывая лицо собеседника. — Значит, никак не поделите землю? Не сошлись в цене? Кто же поджигает дома? Ваши люди или «шестерки» строительной фирмы?

— Я к этому делу не имею никакого отношения! — заторопился Веллер. — Лично я занимаюсь благоустройством района и отвечаю за теплоснабжение, подачу воды и тому подобное.

— А за отселение и ремонт разве не вы отвечаете?

— Я только составляю списки... утверждает же их Любовь Егоровна Салазка... начальник Управы.

— Это интересно. Документы у вас под рукой? Давайте посмотрим, что вы собираетесь делать с жильцами аварийных домов. К примеру, дом номер шестьдесят по улице Большой Покровской. Сигнал в нашу службу поступил от них.

— Сию минуту. — Веллер нажал клавишу селектора. — Аврора Свиридовна, принесите мне папку номер тринадцать.

— Проверочную? — слышался голос секретарши.

— Рабочую, — покосился на гостя Веллер. — По Большой Покровской.

— Сейчас принесу, Герберт Эмильевич.

Через минуту дородная секретарша Веллера принесла бювар из черной кожи, внутри которого лежала обычная папка из белого картона с номером 13.

— Может, кофе, Герберт Эмильевич?

— Да, сварь, Аврора... э-э, Свиридовна. — Веллер посмотрел на гостя. — По капельке коньячку для бодрости, Юлий... э-э, Сергеевич?

— Спасибо, по капельке можно — в кофе, — разрешил Буй-Тур, руководствуясь китайской стратагемой «кнута и пряника».

— Вот, нашел. — Веллер открыл папку и вытащил стопку листов. — В шестидесятом три семьи и гражданка Савельева, очень скандальная старуха, скажу я вам.

Буй-Тур сжал зубы, чтобы не выругаться, сохраняя на лице строго-барскую мину.

— Может быть, она просто ищет справедливости?

— Слишком часто жалуется... так... дом ремонту не подлежит, — продолжал Герберт Эмильевич, — и мы предложили жильцам переселиться...

— В Гнилицы и Сормово, — закончил Буй-Тур.

— Да. Так вы знаете? — растерянно поднял на него глаза заместитель начальника Управы. — Они же отказались...

— Еще бы, — усмехнулся Гордей. — На их месте любой бы отказался. Во-первых, далеко от центра, во-вторых, районы не благоустроены, это еще когда инфраструктура обслуживания там появится, и, в-третьих, транспортное сообщение с левобережьем аж никакое.

— Но у нас ведь не только они на очереди...

— Бросьте, — перебил его Буй-Тур. — Не надо мне вешать лапшу на уши, Герберт Самойлович!

— Эмильевич...

— Я все отлично понимаю. Хотите совет?

— Я весь внимание...

— Переселите жильцов втихую туда, куда они хотят. И сразу избавитесь от всех проблем. У нас был родственник этой вашей... бабушки Савельевой, тоже сотрудник спецслужб, между прочим. Полковник Буй-Тур. У него весьма большие связи. Если вы обидите старуху...

— Я понял, — закивал Веллер. — Переселим к рынку, там у нас шестнадцатизэтажка скоро сдается. Всего в двух кварталах от Большой Покровской.

— Это правильно, — снисходительно кивнул Гордей, берясь за чашку с кофе. — Одной заботой у вас будет меньше.

— А остальных?

— Разберитесь и с остальными. Мы будем следить за ходом дела. У нас везде свои люди.

— Я понимаю... Но вы в случае чего...

— Можете рассчитывать, — подобрел Гордей. — Будете сотрудничать с нами, вам это зачтется. Скоро выборы в городскую Думу, и вы должны успокаивать людей, а не возбуждать.

— Я понимаю...

— Вот и отлично. А о моем визите вашему начальству знать не обязательно. Если понадобится, мы сами его известим.

— Ее... глава Управы — Любовь Егоровна...

— Само собой разумеется. Вот телефончик. — Буй-Тур протянул хозяину кабинета кусочек картона с золотой птичкой и номером телефона, без имени и фамилии. — Если у вас появится информация — позвоните мне.

Телефон был настоящий, мобильный, хотя им Гордей пользовался редко. Определить по нему настоящего владельца номера было невозможно. Однако заместителю начальника Управы знать это было не нужно.

— Конечно, конечно, Юлий... э-э, Сергеевич. — Веллер спрятал визитку.

Допив кофе, Буй-Тур пожал вялую потную руку Герберта Эмильевича и вышел, пообещав навеститься «через неделю». Он не был уверен в действенности своей «терапии», но не сомневался, что коммунальный начальник все же исполнит данное обещание и переселит бабушку Аграфену поближе к ее нынешнему жилью.

Вечером Гордей рассказал старушке историю своих вежливых бесед «с властями», и обрадованная Аграфена Поликарповна даже всплакнула, пораженная успешной попыткой внука восстановить справедливость. Уснула она нескоро.

Гордей тоже долго не ложился спать, прокручивая в памяти все свои перипетии разговоров с начальницей ЖКУ и замом главы Управы. В конце концов он согласился с собственной оценкой ситуации, что все закончится хорошо. Даже если начальница ЖКУ обратится в Управу, ей объяснят, что происходит, а ее «крыша» вряд ли захочет связываться с Управлением «Р» Федеральной службы расследований. Пусть представитель этого Управления полковник Тимошенко и не существовал в природе.

Однако на душе у Гордея так и осталась царапина: его метод восстановления справедливости был далеко не безупречен. А главное — не гарантировал стопроцентного результата.

Ничего, в случае чего я еще раз приеду, пообещал он сам себе, и уже не один, а с группой. Посмотрим тогда, чья возьмет. Внезапно зазвонил мобильник.

«Неужели Веллер? — удивился Буй-Тур. — Что там у него стряслось?»

Но это был не заместитель начальника Управы.

— Добрый вечер, Гордей Миронович, — раздался в трубке голос главного наводчика ППП Афанасия Петровича Лапина. — Ты где?

— В Нижнем, — ответил озадаченный Буй-Тур.

— Возвращайся, есть дело.

— Что случилось?

— В общем-то, что и обычно. Трупы.

— Конкретнее.

— Чеченский синдром.

— Где?

— Волгоград, Ростов, Челябинск. Убито двадцать семь человек, в основном русские, два украинца, армянин. В общем, дело не терпит отлагательств.

— Я давно говорил, что пора мочить этих гребаных «шахидов», житья не дают!

— Завтра в двенадцать сбор по сигналу «Вихрь».

— Есть.

Связь прервалась.

Буй-Тур выключил телефон и с грустью подумал, что побыть с бабушкой подольше и окончательно успокоить ее не удастся. Его ждала работа.

ФЕДОРОВ

КОСТРОМА — МОСКВА

1 декабря

Лев Людвигович с детства отличался упорством в достижении цели. В Московский инженерно-физический институт он поступил только с третьего раза, но все-таки добился своего, не изменив ни мечте, ни характеру. Закончив институт, он поступил в аспирантуру, хотя рано оставшаяся без мужа мать Федорова не могла реально помочь сыну деньгами, и ему пришлось учиться и одновременно зарабатывать на жизнь и платить за квартиру, которую он снимал на окраине Москвы.

В двадцать пять лет Лев Людвигович женился на студентке медицинского института, тоже иногородней, как и он сам. Но брак его неожиданно оказался настолько удачным, что вытерпел все жизненные потрясения, неудобства, отсутствие собственного жилья, денежных средств и перспектив. Единственное, с чем никак не мог смириться Лев Людвигович, это отсутствие детей. Лена по каким-то физиологическим причинам никак не могла родить, несмотря на все попытки медиков помочь супругам обзавестись ребенком. Спустя тридцать лет совместной жизни с женщиной, которую он любил, Федоров перестал мечтать о ребенке, всецело отдаваясь работе и своей выстраданной теории.

Конечно, он понимал, что добиться признания в столь консервативной среде, как академическая наука, очень трудно, если вообще возможно, однако упрямо шел вперед, экспериментировал, описывал опыты, писал статьи и книги и продолжал обивать пороги кабинетов академиков, известных ученых и чиновников, отвечающих за развитие науки в стране. Пока безуспешно. Его не пускали на академический Олимп, ибо его теория камня на камне не оставляла от фундамента признанных теорий, таких, как теория относительности или квантовая хромодинамика, хотя Лев Людвигович и не отрицал их важность и значение. Он просто отталкивался от них и шел вперед своим путем. Но главное — он мог доказать правильность своих расчетов не только теоретически, но и практически, так как подобрался к

апробации УКС со стороны эксперимента, а не теоретических выкладок и экзерсисов. Будучи инженером с изумительным чутьем и знанием математики, Лев Людвигович сначала строил реально действующие модели — как это делал и его учитель Владимир Семенович Леонов, также мало чего добившийся на поприще признания истинности теории УКС, а уж потом объяснял их действие. Другое дело, что даже эксперименты не производили на ученых и чиновный люд должного впечатления. А на создание полномасштабных моделей антигравитационных «летающих тарелок» и ударно-ядерных реакторов на эффекте Ушеренко у Федорова не хватало денег. Он и так всю свою институтскую зарплату тратил на приобретение аппаратуры и материалов. Жили они с Леной на ее скромную зарплату детского врача-терапевта.

И тем не менее Лев Людвигович не отчаивался, будучи оптимистом по натуре, и продолжал заниматься разработкой новых устройств на базе УКС и хождением по кабинетам в надежде на то, что когда-нибудь ему встретится влиятельный и умный чиновник или олигарх, который проникнется идеей создания мощных источников энергии с почти стопроцентным КПД, не зависящих от нефти и газа, и летательных аппаратов, способных в считанные часы доставить экспедицию землян на Марс или на любую другую планету Солнечной системы.

В Костроме тех, кто бы мог помочь Федорову создать научно-экспериментальный центр, не оказалось. Не нашлось энтузиастов, готовых рискнуть состоянием, и в Брянске, на родине Лены. Белорусы могли принять инженера, но в Минске уже работал Леонов, а расширять базу и увеличивать расходы на содержание ученых они не могли. Сам же Лев Людвигович не хотел стеснять учителя, справедливо полагая, что должен выйти из положения самостоятельно.

В принципе, он мог бы уехать за границу. Американцы предлагали ему место в Йеллоустоунском научном центре, работающем на Пентагон. Но, во-первых, по условиям предлагаемого контракта Федоров не должен был покидать территорию научного городка ни под каким предлогом. Мало того, он не имел права не только посещать родину, но и писать научные статьи и публиковать их в журналах. Во-вторых, Лев Людвигович не мыслил себя без России, так как был ее патриотом не на словах, а на деле.

Встреча с Андреем Данилиным, к которому он питал искренние дружеские чувства, взбодрила Льва Людвиговича, заставила его посмотреть на мир другими глазами и преодолеть апатию, владевшую душой последние несколько дней. Снова появилось

чувство уверенности в своих силах и убеждение, что он добьется-таки своего вопреки всем пронкам недоброжелателей.

Вообще уже не впервые Федоров уверялся, что после встреч с бывшим инструктором по рукопашному бою у него всегда повышается настроение, уходит усталость и тоска, «растут крылья», образно говоря. И он пришел к выводу, что Данилин не просто мастер воинских искусств, но мастер жизни, прекрасный психолог, способный работать целителем, восстанавливать у людей тонус и утраченное душевное равновесие. Лев Львович наутро после встречи даже хотел позвонить Андрею и поблагодарить его за «лечение», но передумал. Приеду с результатами и позвоню, решил он. Надеюсь, мне удастся в конце концов свернуть горы.

В тот же день он уехал в Москву, где ему пообещали устроить встречу с одним из бизнесменов, интересующихся, по слухам, наукой, чье имя уже вошло в первую двадцатку олигархов России. Звали этого бизнесмена Иван Кежеватович Шарипов, он был одним из директоров концерна «Ямалгаз».

Друзья из числа приближенных к властным структурам не подвели.

Утром первого декабря за Федоровым к гостинице «Академическая» подъехал сверкающий лаком джип «Лексус», и Лев Львович впервые почувствовал себя важной персоной. Правда, ненадолго, буквально до ворот подмосковной виллы, принадлежащей Ивану Шарипову.

Он даже улыбнулся, вдруг припомнив свой визит к одному из королей российского бизнеса Олегу Дерипасе. Ситуация повторилась даже в мелочах: у Дерипасы была точно такая же вилла — с виду, и за Федоровым он тоже прислал джип, только не «Лексус», а «Лендкрузер».

Льва Львовича провели через металлоискатель на входе в один из корпусов виллы, двухэтажный, из белого и бордового кирпича, с коричневой металлокерамической крышей в форме скопления конусов разных размеров, и когда он «зазвенел», велели открыть портфель. Пришлось показать охране «демонстрационный набор» и заверить, что к бомбе предметы в портфеле не имеют никакого отношения, и что он не камикадзе. Однако пропустили его в здание только после того, как портфель обнюхала собака — на предмет наличия взрывчатых веществ.

Владелец виллы Иван Кежеватович Шарипов ждал гостя в огромном холле, в котором он устроил самый настоящий японский сад камней.

— Точная копия сада Рёандзи, — сказал Шарипов, оценив взгляд гостя; подошел, пожал руку. — На меня он производит

изумительный успокаивающий эффект. Не удержался, сделал себе такой же.

Федоров бывал в Японии и видел сад камней храма Рёандзи в Киото. Зрелище действительно впечатляло. Одни созерцатели видели в скоплении камней образы тигрицы с маленькими тигрятами, другие — горы, окутанные облаками, третьи — китайский иероглиф сердца на фоне моря, сам же Лев Людвигович представлял сад в виде полевых взаимодействий квантонов — мельчайших «кирпичиков» пространства, заполняющих, точнее, образующих вакуум. Некоторые группы камней почти идеально соответствовали наглядным изображениям поляризации и деформации вакуума, ответственным за электромагнитные и гравитационные свойства Вселенной.

— Я гляжу, вас заинтересовало мое невинное увлечение? — улыбнулся Шарипов.

— Как иллюстрация моих идей, — очнулся Лев Людвигович.

— На композицию лучше всего смотреть именно с той точки, где вы сейчас стоите. А вообще по словам ученых, анализирующих влияние таких садов на психику человека, пространство между камнями образует как бы ствол дерева с ветвями, что подсознательно улавливает человек. При созерцании этого «дерева» человек расслабляется, отдыхает.

Шарипов бросил задумчивый взгляд на свой сад, повел рукой.

— Пойдемте наверх, в гостиную. Не хотите оставить портфель здесь?

— Нет, он мне понадобится для беседы, — сказал Федоров.

— Как пожелаете.

Хозяин повел гостя на второй этаж виллы.

Был он молод, высок, строен, черноволос, хотя в резковатых чертах лица проглядывали славянские «мотивы»: нос луковкой, широкие скулы, серые глаза.

Гостиная Льва Людвиговича привела в состояние ступора. Ее интерьер был выполнен в стиле «ню-мобайл», и разобраться в переплетениях и пересечениях труб, крученых решеток, лент, стоек и плоскостей было трудно. Казалось, вся комната представляет собой гротескно увеличенную кристаллическую решетку какого-то минерала, едва оставляющую место для небольшого стеклянного столика, дивана и пары кресел.

— Присаживайтесь, — кивнул Шарипов на одно из бесформенных с виду зеленоватых кресел. — Шампанское, вино, ром, коньяк?

— Сок, — ответил Федоров, осторожно устраиваясь в кресле. — Вишневый, если можно.

Тотчас же одна из «молекулярных панелей» интерьера отошла в сторону, и молодой человек в белом костюме вкатил в гостиную столик с напитками. Налил гостю в широкий фужер вишневого сока, бесшумно исчез.

— Слушаю вас, — проговорил Шарипов, изучая лицо инженера. — Я навел о вас справки, Лев Людвигович, на всякий случай, вы уж не обижайтесь. Все говорят о вас как о человеке дела.

— Понимаю, — кивнул Федоров. — Шарлатанов вокруг масса, и у всех «гениальные» идеи, требующие вложения больших сумм денег.

По губам директора «Ямалгаза» скользнула улыбка.

— Рад, что вы понимаете ситуацию. Говорят, вы недавно посещали Америку.

— Да, в составе научной делегации, на симпозиуме по проблемам высшего образования.

— Какое отношение вы имеете к образованию?

— Я читаю лекции в МИФИ по основам торсионной механики.

— И что же вы привезли из Америки?

Лев Людвигович скривил губы.

— Убеждение, что уровень русской школы преподавания, особенно в области математики и физики, намного выше американского и западноевропейского.

— Никто в этом не сомневается, — улыбнулся в ответ Шарипов. — Я иногда заседаю в ученом совете при президенте и знаю проблему. Кстати, как вы относитесь к очередной попытке реформаторов от науки ввести некий «стандарт знаний»?

— Отрицательно! — качнул головой Федоров. — Обсуждаемый проект предусматривает беспрецедентное снижение уровня образования в стране! Я абсолютно согласен с академиком Арнольдом: вслед за неизбежным снижением интеллектуального уровня населения реализация этого плана повлечет за собой и снижение индустриального и оборонного уровней. «Реформаторов» надо не просто остановить и лишить всех постов, их надо посадить за решетку!

Шарипов засмеялся.

— Не слишком ли вы драматизируете ситуацию?

— Нисколько! Франция увеличила затраты на науку и образование с пяти процентов национального валового дохода до семи, а мы, наоборот, снизили в десять раз! Куда же дальше? «Реформаторы» как раз и хотят добиться очередного снижения расходов, хотя суть их «благих намерений» в другом: их планы сводятся к снижению нашего образовательного уровня до американских стандартов. Я был в Калифорнии и встречался с чле-

нами комитета по подготовке студентов и школьников, возглавляемого известным физиком Гленом Сиборгом, так вот этот комитет стал требовать от абитуриентов при поступлении в вузы следующего стандарта знаний: поступающие должны уметь делить число сто одиннадцать на три без помощи компьютера.

Шарипов с недоверием посмотрел на гостя.

— Вы серьезно?

— Более чем, — кивнул Лев Людвигович. — Но и этот уровень для американских школьников оказался непосильным, поэтому вашингтонские федеральные власти потребовали отменить эти «антиконституционные и расистские» стандарты. Есть примеры и похлеще. По статистике Американского математического общества, в нынешних Штатах разделить число «одиннадцать вторых» на число «одна четвертая» могут от силы два процента школьных учителей математики. Представляете? И вот теперь нам предлагают стать такими же «образованными», как американцы! Впрочем, и европейцы недалеко ушли от этого уровня. Один студент-математик четвертого курса Второго парижского университета спросил меня на экзамене по теории динамических систем: «Скажите, пожалуйста, дробь четыре седьмых больше или меньше единицы»?

Иван Кежеватович снова засмеялся.

— Не может быть!

— Может, к сожалению. Так что я готов подписаться под любым письмом президенту, чтобы образумить наших мракобесов из Минобразования. Это не что иное, как диверсия, попытка направить Россию по пути уничтожения образования, науки и культуры. Принятие идиотских «стандартов» нанесет огромный ущерб государству. Наверное, даже больший, чем «утечка мозгов» за границу.

— Да, это в нынешние времена тоже большая проблема. Хотя мы пытаемся ее решить.

— Каким образом?

— Летом я у себя в Ямало-Ненецком округе выдал наиболее одаренным выпускникам школ вместе с аттестатами еще и специальные сертификаты. Те из них, кто останется в округе, а не уедет за рубеж, через пять лет получают по две тысячи долларов.

— Я слышал о подобном эксперименте в Нижнем Новгороде. — Лев Людвигович с интересом посмотрел на собеседника. — Но не очень верю, что идея сработает.

— Тем не менее что-то в этом направлении делать надо, раз государство ничего делать не желает.

— Согласен.

— А вы, оказывается, патриот России, — сказал Шарипов с некоторым удивлением.

— Это плохо?

— Почему же плохо, это хорошо. Слава Богу, в этом плане в стране начали появляться носители национальной идеи. По крови я наполовину мордвин, наполовину украинец, но по духу — русский, так что хорошо понимаю ваши чувства. Но к делу. О чем вы хотели поговорить со мной?

— О будущем.

Шарипов с сомнением приподнял бровь.

— О моем? Или о вашем?

— О будущем всего человечества.

— Тогда вы обратились не по адресу. Хотя если это шутка...

— Я редко шучу на деловых встречах. Здесь — расчеты и описание проектов. — Лев Людвигович достал из портфеля красную папку. — Не хотите взглянуть?

— Расчеты чего?

— Расчеты У-реактора с практическим выходом энергии до тысячи мегаватт и летательного аппарата на базе УКС.

— Что такое УКС?

— Теория упругой квантованной среды, разработанная моим учителем Владимиром Семеновичем Леоновым.

Шарипов снова шевельнул бровью, но папку взял. Открыв, начал рассматривать схемы и рисунки, нашел текст.

— Читайте только резюме, — посоветовал Федоров. — Этого пока достаточно. Я тоже наводил о вас справки, прежде чем идти к вам на прием, и мне понравился ваш деловой подход. Если вы рискнете вложить в эти проекты не такие уж и большие средства, отдача будет во сто крат больше. Это я вам гарантирую. У-реакторы могут быть какой угодно мощности и размеров. Их можно ставить хоть на автомобиле, хоть на корабле, хоть на самолеты. А моя «летающая тарелка» способна долететь до Марса за сорок два часа.

Шарипов дочитал пояснительную записку, вскинул на гостя глаза, в которых сквозь сомнения и колебания просверкивал огонек заинтересованности.

— Вы серьезно предлагаете мне вложить капиталы в эти проекты?

— Абсолютно, — кивнул Лев Людвигович. — Для начала хватит ста тысяч «зеленых» — для создания лаборатории и проведения полномасштабных экспериментов. Хотя я спокойно приму любое ваше решение. Отфутболивали меня много раз и на разных уровнях, так что я уже привык. Тем не менее хотел бы, чтобы ко мне не относились как к сумасшедшему.

— Это будет нелегко, — улыбнулся Иван Кежеватович. — Особенно после заявления о полете на Марс за сорок часов.

— Сорок два часа — не предел, этот срок просто отражает нынешнее состояние техники и материаловедения. В будущем длительность полета можно будет сократить вдвое.

— Тем более.

— Я понимаю, — усмехнулся Лев Людвигович. — Наверняка вам уже приходилось сталкиваться с разного рода фанатиками и псевдоучеными, обещающими грандиозную прибыль. Теоретическую. Я же — практик. У-реактор в действии я вам показать не могу, первая модель сейчас находится в Минске, а вторую я недоделал из-за отсутствия финансирования. Но модель «летающей тарелки» могу продемонстрировать.

— Она у вас с собой?

— Естественно. — Лев Людвигович вытащил из портфеля коробку из-под электроутюга. — Это уже второй образец. Первый я подарил генеральному директору концерна «Энергия». Все надеялся, что его заинтересует мой проект.

— Не заинтересовал?

— Увы. Ракетные технологии для наших космофирм гораздо привычнее и надежнее, да и поддерживаются на государственном уровне. Мои технологии для ракетчиков — темный лес, а конкурентов они не любят.

— Конкурентов никто не любит.

Лев Людвигович открыл коробку и достал оттуда обычную детскую юлу, только без центрального стержня.

— Вот мое творение.

— Юла?!

— Энлоид — летательный аппарат на базе сферической деформации вакуумного поля. Внутри — гироскоп, батарейка «Крона», чип и устройство возбуждения поперечных квантовых осцилляций. То есть, по сути, генератор гравитации. Очень маломощный, конечно.

— И это — летает?

Вместо ответа Лев Людвигович установил юлу на специальной подставке с конической выемкой, вытащил из портфеля пульт дистанционного управления и нажал кнопку включения аппарата.

Тонко свистнул гироскоп, разгоняясь до нужной скорости.

Подождав минуту, Лев Людвигович нажал другую кнопку.

Генератор изменил вакуумную плотность над юлой, и она вспорхнула в воздух как пушинка, словно внезапно потеряла вес. Поднялась к потолку гостиной, где сходились косые решетки и плоскости, образуя своеобразный шатер.

Лев Людвигович слегка уменьшил скорость вращения гироскопа, и юла начала плавать в воздухе, стучаясь иногда о металлические детали интерьера.

— Неплохой фокус, — хмыкнул Шарипов.

— Это не фокус, — возразил Федоров. — Конечно, в модели нельзя реализовать полную антигравитацию, для этого нужны другие мощности и двоянные торсионны, однако принцип тот же. Генератор изменяет квантовую плотность вакуумного поля, возникает градиент силы, и объект начинает двигаться в сторону отрицательного градиента. В пояснительной записке есть схема...

— Я видел. Значит, вы утверждаете, что открыли антигравитацию?

— Антигравитация — иллюзия, я создал летательный аппарат, использующий базовые эффекты УКС — деформацию и поляризацию вакуума. Но выглядит энлоид как описанный сотни раз в фантастических романах антиграв.

— Как долго он будет летать? — любопытствовал Шарипов, наблюдая за эволюциями юлы.

— Пока не кончится заряд батарейки. В этой модели я не стал монтировать управляющий контур, для демонстрации эффекта достаточно и просто подъема, но в принципе нет никаких препятствий для создания управляемого аппарата. У себя в деревне я строю «тарелку», способную поднять человека. Скоро она полетит.

— На какую высоту?

— На любую. Хотя за пределы атмосферы.

Иван Кежеватович покачал головой, налил себе соку.

— Неужели наши вояки отказались от этой штуки? Ведь антигравитационные двигатели — мечта всех транспортников, это переворот в технике, тем более — военной. Если только и в самом деле — не фокус.

— Можете не сомневаться. Хотя военных можно понять: с фантазией у них всегда были проблемы, а рисковать креслом не хочет ни один генерал.

— Идиотизм!

— Полностью с вами согласен. — Лев Людвигович выключил игрушку, юла тихо спланировала на пол. Он упаковал ее в коробку, выжидательно посмотрел на директора «Ямалгаза». — Вас это не заинтересовало?

— Как раз наоборот, — не согласился Шарипов. — Это революция в технике, колоссальный прорыв...

— И вы будете первым, кто оседлает этого коня.

— Допустим, я рискну... — Иван Кежеватович почесал горбинку носа, оттянул губу. — С чего начать? Меня же могут запросто придавить коллеги по бизнесу, получающие прибыль с продажи традиционных энергоносителей...

— Это уже детали.

— Для вас, может быть, и детали, для меня — вопрос безопасности, — слабо улыбнулся Иван Кежеватович. — Пожалуй, начну я с поддержки на правительственном уровне, позвоню Лойману...

— Кто это?

— Замминистра энергетики. Потом встречусь с... ладно, не буду вас больше задерживать. — Шарипов встал. — Это мои проблемы. — Он достал мобильный телефон, набрал номер, подождал ответа. — Куда он подевался, хотел бы я знать?

— Кто?

— Борис Абрамович... — Шарипов поймал взгляд гостя, добавил: — Я имею в виду Лоймана. — Позвал: — Саша, зайди.

В гостиной объявился давешний молодой человек в белом.

— Найди мне Бориса Абрамовича.

— Слушаюсь, Иван Кежеватович.

Шарипов кивнул на портфель Федорова:

— Вы оставите ваши доказательства?

— Конечно, у меня есть несколько копий на дискетах и комплект записки.

— А юлу... э-э, то есть энлоид?

Лев Людвигович посмотрел на коробку с моделью «летающей тарелки», поколебался немного, потом махнул рукой.

— Пусть остается. Но через пару дней я ее заберу.

— Двух дней мне будет достаточно для консультаций. Просто мне хочется произвести впечатление на господ чиновников. Как она управляется?

Федоров показал собеседнику нужные кнопки на пульте управления, и Шарипов проводил гостя к выходу.

— Куда вас отвезти, Лев Людвигович?

— Обрато к гостинице, если вас не затруднит.

— Ответ я вам дам завтра после обеда.

— Спасибо, буду ждать.

Охранники усадили инженера в джип, и он уехал.

Шарипов проводил машину задумчивым взглядом, передернул плечами — на улице было довольно холодно — и вернулся в здание. Несколько минут забавлялся новой игрушкой, запуская юлу. Пробормотал:

— Чем черт не шутит? Вдруг это и в самом деле великое открытие? Почему бы не стать первым, кто начнет его эксплуатировать?..

Зазвонил мобильный телефон.

— Слушаю, — поднес трубку к уху Шарипов.

— Ты меня искал, Иван?

Это был Лойман.

— Появилась интересная идея, Борис Абрамович. У меня

только что побывал один творческий чудак, оставил проект и действующую модель летательного аппарата. Не хочешь взглянуть?

— Кто был?

— Лев Людвигович Федоров, инженер, кандидат технических наук, слышал о таком?

— Еще бы, он нам все пороги пооббивал, пытаюсь доказать, что он гений, и требуя открыть финансирование для создания холодно-ядерного реактора нового поколения.

— А мне он показался вполне адекватным человеком.

— Наплюй и забудь! Это псих.

— Значит, не приедешь?

— У меня нет времени заниматься псевдонаучной галиматейей. И тебе не советую. Не суй нос в это дело, прищемят. Все, пока, я на совещании в главке, времени нет. Забегай как-нибудь, побеседуем.

В трубке засвирители сигналы отбоя.

Шарипов выключил телефон, полюбовался плавающей по комнате юлой, покачал головой.

— Что-то ты больно категоричен, Абрамыч. Да и проговорился, напомнив о чьих-то интересах. Как еще понимать твое: «не суй нос в это дело, прищемят»? Выходит, дело-то существует? Иначе за что будут мне нос прищемлять? Нет, тут разобраться надо. Уж не хочешь ли ты сам снять сливки, начав раскрутку проекта? Или наоборот — закрыть его наглухо...

Иван Кежеватович походил по гостиной, поглядывая на шелестящую гироскопом юлу, и снова взялся за телефон.

МОН-СЕН-МИШЕЛЬ

2 декабря

Маленький островок Мон-Сен-Мишель у юго-западного побережья Нормандии известен паломникам и путешественникам более тысячи лет. Много столетий назад он был частью материка и во времена древних римлян назывался Могильной горой — кельты использовали его как место захоронения предков. Друиды поклонялись здесь солнцу.

В пятом веке земля осела, а еще через сто лет гора стала островом. Во время прилива море полностью отрезало его от материка. Затем остров привлек внимание монахов, которые построили там маленькую часовню. Острову дали новое имя — Мон-Сен-Мишель, что означает — гора Св. Михаила. По преданию, явившийся во сне основателю часовни епископу Обберу

Авраншскому архангел Михаил указал источник пресной воды и велел воздвигнуть часовню. В девятьсот шестьдесят шестом году на этом месте был построен бенедиктинский монастырь. Возведение монастырской церкви, и поныне венчающей вершину скалы, было начато в тысяча двадцатом году, а достроено в пятнадцатом веке. Еще одно чудо архитектуры — готический монастырь Ла-Мервей был построен на северной стороне острова к тысяча двести двадцать восьмому году. В нынешние времена, после всех достроек и реставраций, Мон-Сен-Мишель является одной из основных туристических достопримечательностей Франции, наравне с Парижем и Версалем.

В тысяча четыреста шестьдесят девятом году король Людовик XI основал орден рыцарей Св. Михаила, и один из залов Ла-Мервея, разделенный на четыре части рядами каменных колонн, стал залом заседаний ордена.

Над островом и монастырем пронеслись пять столетий, изменился мир, изменились мораль и власть, наука и техника достигли небывалых высот, а в зале по-прежнему продолжались — сначала явно, потом тайно — заседания ордена Св. Михаила.

В двадцатом веке мистерии заседаний претерпели трансформацию, да и сам он изменился, подчиненный СТО — Союзу тайных орденов мира. К началу двадцать первого столетия его деятельность была уже так засекречена, что ни рядовые монахи, ни духовенство Ла-Мервея не знали ничего об истинном положении вещей. О том, что на территории Мон-Сен-Мишеля существует прекрасно оснащенный всеми чудесами техники эзотерический центр СТО — Синедрион, управляемый жрецами, так называемыми **б е с с м е р т н ы м и**, не догадывался даже управляемыми монастыря, отвечающий за его охрану.

Сначала Синедрион располагался в Египте, затем в Византии, перебазировался в Швейцарский Базель, но в конце девяностых годов двадцатого века был перенесен в Ла-Мервей. К этому времени на территории монастыря, точнее — в его недрах, был оборудован суперсовременный компьютерный центр, куда начали стекаться потоки информации о деятельности всех тайных орденов Земли.

Первым Великим Отцом СТО стал испанский архиепископ Маруцци, однако не преуспел на этом поприще, открыто выступив против «засилья» в Совете СТО американских пастырей. Его место занял датский епископ Акум III, молодой, жестокий, амбициозный, дерзнувший заявить о своих претензиях на **в л а с т ь**. В две тысячи втором году он был посвящен в главные тайны СТО и стал **б е с с м е р т н ы м**. Спустя еще два года его допустили до личного контакта с руководителем Криптосистемы,

осуществляющей надгосударственную концептуальную власть на Земле. Система эта именовалась Геократором. Направлял деятельность Геократора жрец Тивел, носящий сан Кондуктора Социума. Сколько ему исполнилось лет, не знал никто. Акум подозревал, что не менее двухсот.

Обитал Кондуктор Социума в Мировом центре Геократора, располагающемся в американском штате Аризона, в Долине памятников. Хотя никто из коренных жителей штата об этом не знал и не догадывался. Те, кто случайно становился свидетелем появления «неопознанных летающих объектов» — Геократор пользовался п р и н ц и п а л ь н о другой техникой — или удивительных «явлений природы», как правило, теряли память или вообще исчезали.

Акум дважды посещал центр управления Геократором и каждый раз восхищался его совершенной системой защиты и маскировки. Ни издали, ни вблизи, ни с высоты птичьего полета или со спутниковых орбит распознать центр в одном из гигантских каменных останцов Долины памятников было невозможно. Впрочем, и система защиты Синедриона была достаточно мощной, чтобы не допускать утечек информации о его существовании. Однако все же жрецы Геократора имели больше возможностей, чем б е с с м е р т н ы е, и главу СТО это задевало.

Первое декабря началось для него с плохих новостей от агентов влияния, внедренных практически во все правительства мира. Наметилось некое д в и ж е н и е, мешающее Союзу проводить свою политику, проявляющееся в участившихся провалах агентов и исчезновении некоторых наиболее ценных и активных исполнителей.

Рабочий кабинет аббата Ла-Мервея — официально — и главы СТО — неофициально — располагался в недрах монастыря, рядом с компьютерным центром Союза. По сути, это была комфортабельная «келья», в которой можно было работать и жить, не вылезая на божий свет. Рядовым монахам Ла-Мервея кабинет аббата был недоступен. На этот уровень допускались лишь маршалы и генералы орденов, если Акуму требовалось их личное присутствие, а также охранники и слуги. Плюс работники компьютерного центра Синедриона. Их насчитывалось всего шесть человек. Это были наиболее одаренные специалисты в области компьютерных технологий, отобранные кадровиками СТО и проверенные на молчание. Через них проходили все информационные потоки, объединяющие ордена, секты, научные центры и военные базы, подконтрольные Синедриону. Они могли вскрыть любые засекреченные и защищенные сети и знали столько, что их приходилось охранять как самого владыку СТО. Один из них

серьезно заболел, что тоже не повышало настроения Великого Отца, так как теперь он был вынужден искать замену компьютерщику, получившему инсульт.

Ознакомившись с перечнем первоочередных задач, которые надо было решить лично главе Синедриона, Акум вызвал своего ближайшего помощника и агента по особым поручениям Джеральда Махаевски, магистра ордена Раздела, пользующегося большим авторитетом среди руководителей европейских масонских лож.

Махаевски появился в кабинете Акума через пять минут. Он не имел личной «кельи», как его господин, так как резиденция ордена Раздела располагалась в Базеле, но большую часть времени магистр проводил в Мон-Сен-Мишеле.

Это был тридцатилетний американец, закончивший Московский государственный университет, а также Лондонский богословский институт и ставший профессором богословия. Кроме того, он всерьез занимался боевыми искусствами и овладел третьим «кольцом силы» древней боевой школы друидов «черная завеса». Эта школа славилась жестокостью приемов, а ее adeptы превосходили по мастерству широко известных монахов Шаолиня и других боевых эзотерических систем. На равных с ними могли сражаться лишь последователи гиперборейских боевых практик «жива» и «потоп», передаваемых из поколения в поколение славянскими правниками — витязями и волхвами. При всех своих достоинствах Джеральд Махаевски не выглядел атлетом, но Акум видел его в деле и знал, на что способен его помощник.

Волосы Махаевски носил до плеч, бледное равнодушное лицо тщательно брил и больше походил на учителя истории, нежели на монаха или мастера боевых искусств. Желтоватые глаза его оживлялись редко, да и то лишь в моменты принятия какого-либо важного решения или во время получения сексуального удовольствия. Вывести магистра из равновесия было практически невозможно. По сути, он являл собой достойного кандидата на пост Великого Отца и мог заменить Акума по многим вопросам. Что, с одной стороны, радовало владыку Синедриона, с другой — заставляло держать магистра на дистанции.

Одевался Махаевски подчеркнуто шегольски, «от кутюр», покупая костюмы известных во всем мире модельеров. Некоторые из его приобретений стоили немалых денег, так как изготавливались эксклюзивно, чуть ли не в единственном экземпляре, но Джеральд Махаевски мог позволить себе невинное развлечение и жил и одевался так, как хотел. По вызову Великого Отца СТО он явился в темно-коричневом, в желтоватую полоску,

костюме фирмы Альцгеймера. Такие костюмы носили только три человека в мире: премьер-министр Великобритании, президент России и сам мастер Альцгеймер. Джеральд Махаевски был четвертым обладателем престижной модели, цена которой зашкаливала за шестьдесят тысяч долларов. Однако мало кто знал, что основную долю стоимости костюма составлял особый материал подкладки, представляющий собой процессор компьютера. По сути, этот костюм был «распределенной» компьютерной системой, позволяющей владельцу в считанные секунды решать задачи связи с любым абонентом в любой точке земного шара, входить в Интернет и локальные компьютерные сети спецслужб, получать почтовые сообщения, анализировать политические и экономические новости, обходиться без переводчика при беседах с людьми на любом языке, управлять своими помощниками.

Акум знал об особенностях носимых Махаевски одежд, но сам предпочитал одеваться скромнее. Компьютеризированные пиджаки, фраки, штаны и свитера он не любил, хотя понимал, что за ними будущее. Техника уверенно шагала по пути создания «компьютерного человека», живущего виртуальной жизнью.

— Слушаю вас, лорд, — склонил голову магистр, переступив порог кабинета аббата.

— У нас проблемы, — сказал глава СТО, жестом приглашая помощника сесть.

— Все наши проблемы решаемы, — бесстрастно отозвался Махаевски.

— Надеюсь, что так. Вам придется вплотную заняться Россией.

— Разве наши люди в России не справляются со своими обязанностями? Маршал Буркин докладывает, что у них все в порядке.

— Уже не в порядке. Буркин не справляется со своей миссией контролера. Маршал Меллон предпочитает европейский климат и безвылазно сидит в Копенгагене. Маршал Российского ордена Власти Етанов докладывает, что все идет нормально, что во всех эшелонах властных структур сидят наши агенты, что наука и культура управляются нашими эмиссарами, а интегральный анализ показывает, что в России появилась неподконтрольная нам сила. Вы в курсе?

— Самая неконтролируемая сила в любом государстве — это его народ, — хладнокровно проговорил Махаевски. — Россия не исключение. Именно русский народ и порождает пассионарность, как обозначил это явление их ученый и наш ставленник Лев Гумилев. То есть — непокорность и непринятие иных ценностных ориентиров. Но мы работаем над этим...

— Я имел в виду другое явление. Наметила́сь некая негативная тенденция сопротивления нашей деятельности. Властные структуры России действительно подчиняются нам, но в ее социальных недрах родился слой носителей национальной идеи, достигший, судя по результатам, качества самовыражения.

— Русские до сих пор руководствовались нашей идеей, подsunутой им с подачи наших агентов влияния — получение материальных благ вне сферы созидания.

— Это хорошая идея, но в России она работает плохо. Мне кажется, наряду с реанимированием древних языческих традиций в России предпринята попытка перехвата управления. Есть у вас информация в этой области?

Джеральд Махавески на мгновение задумался. Лицо его при этом осталось абсолютно равнодушным. Ничего нельзя было прочесть на этом лице, и даже глаза магистра, подернутые флером легкого безумия, не выдавали его мыслей и настроения. Акуму захотелось причинить собеседнику сильную боль, чтобы тот наконец проявил хоть какие-нибудь эмоции.

— Последняя отчаянная попытка перехвата управления была предпринята в России в начале пятидесятых годов прошлого века, — сказал наконец Махавески. — Остальные не в счет. Управляя процессом наши люди. Приоритеты те же — методология, хронология, идеология, все они находятся под нашим контролем.

— Уже не все. Под второй приоритет давно копают объявившиеся в России аналитики и реаниматоры истории.

— Вы имеете в виду Фоменко, Носовского, Бузгинова, писателей Демина и Асова, историков Платонова и Леонова? Помогите, наши агенты успешно манипулируют общественным мнением, вымазав этих деятелей дерьмом, доказав, что они создают заказные исторические мифы. В то время как...

— В то время как все обстоит наоборот. Ну, это не наша заслуга, а наших предшественников. Вам предстоит усилить колонну агентов влияния в России. Для борьбы с новой силой нужны другие раскрученные имена.

— Солженицын...

— Солженицын, Лихачев, Волкогонов, Гумилев, Зюганов уходят в прошлое, как ушли Маркс, Троцкий, Ленин и Сахаров. Нужны такие люди, как Александр Мень, Виссарион, Кураев, хорошо зарекомендовавшие себя в навязывании религиозных «истин», подменяющих откровения божьи.

— Наши люди работают и в этом направлении. Мы создали вокруг России и внутри ее второй Террористический интернационал...

— Этого мало. Национальное самосознание русских не приемлет диктата, поэтому террор не пройдет. Нужны другие методы, более тонкие. Для того чтобы дискредитировать какое-либо общественное движение, его надо возглавить. Именно таким образом были перехвачены линии управления наукой и культурой. Хотя и этот метод не дает стопроцентного результата. Всегда находится гений-самоучка, который начинает ниспровергать столпы и колебать устои. Вы знаете, что в России появились ученые, непростительно близко подобравшиеся к истинному устройству Мироздания?

— Вы имеете в виду академика Леонова? Он под контролем.

— Я имею в виду его ученика Федорова. Этот изобретатель вышел на одного из молодых олигархов, трудно поддающихся разумным доводам, с предложением создать летательный аппарат на основе эффектов теории упругой квантованной среды и снабдить его реактором на принципе, открытом еще одним русским ученым...

— Ушеренко.

— Вы знаете?

По губам магистра скользнула едва заметная улыбка.

— Все под контролем, владыка.

Акум пережил приступ раздражения, тщательно скрытый от посторонних глаз. Ему еще ни разу не удалось поймать помощника на незнании предмета, уязвить его, заставить оправдываться. Но очень хотелось.

— Что ж, держите руку на пульсе, магистр. Русские не должны получить доступ к технологиям, открывающим прямой выход в космос и сберегающим экологию. Прорыв надо немедленно нейтрализовать.

— Будет сделано, лорд.

— А теперь о том, чего вы не знаете. Сила, мешающая нам полностью перехватить управление Россией, называется Русский национальный орден. Это секретная организация, не контролируемая государством, глубоко законспирированная, имеющая своих покровителей в военных кругах и отличных исполнителей. Основа ордена...

— Славянские, ведические, языческие национальные общины и союзы, казачество и хранители древней веры.

Акум встретил иронично блеснувший взгляд магистра и содрогнулся. Сведения, которые он получил от Кондуктора Социума, были достаточно целевыми, секретными, не доступными никому из генералов орденов и даже Высшим Посвященным. Но Махаевски откуда-то имел о них представление. Вспомнился универсальный принцип управления, используемый жрецами

Геократора: разделяй и властвуй! Вполне возможно, что Кондуктор Социума применял этот принцип и в отношениях с членами СТО, приближая одних и держа на дистанции других, а то и ставляя их между собой.

— Я займусь Русским орденом, лорд, — добавил магистр, почуяв сдерживаемое неудовольствие аббата. — Воевать с ним на шестом приоритете не стоит, мы справимся с ним изнутри, на третьем или на втором уровне¹ средств управления.

— Конкретнее.

— Мы ставим меж собой лидеров ордена, вечевой службы Рода и государственной власти. Это первая фаза перехвата управления. Вторая фаза: утверждение своих ставленников на руководящие места. Третья: изменение идеологии, а потом полный разворот системы в противоположную сторону. Точнее — в нужную нам сторону. Это проверено веками, лорд.

— Недурно, — усмехнулся Акум. — Я хотел то же самое предложить вам, а вы и сами все знаете. Что ж, свяжитесь с маршалом Етановым и задействуйте его профессионалов. У маршала есть неплохие наработки в данной области использования человеческого материала. Однако перехват управления дело долгое, а утечка информации может произойти в любой момент. Начните с ликвидации возможных источников утечки и с дискредитации идей этих русских гениев. Человеческому стаду еще рано думать о звездах, еще не все непокорные обращены в лоно нашей веры.

— Слушаюсь, лорд. Считайте, что так называемый Русский национальный орден уже вошел в наш Союз. Но я знаю, что он подчиняется высшим иерархам национальной русской элиты — волхвам. Разрешите внедрить агентов влияния в их систему?

— Волхвы — не ваш уровень, магистр. С ними напрямую не рискуют связываться даже наши покровители.

— Я бы рискнул.

— Не берите на себя... — Акум замолчал, вдруг подумав, что если магистр сломает на войне с волхвами шею, то это решит многие проблемы. — Впрочем, почему бы и не попытаться? Я подумаю над вашим предложением. А пока займитесь этим регионом вплотную. Вы хорошо знаете русский язык?

— Я пять лет учился в Москве.

— Ах да, я забыл. Что ж, ступайте. Жду вас с планом действий.

¹ Полная функция управления человеческим обществом подразделяется на шесть уровней или приоритетов: методология, хронология, идеология, экономика, средства геноцида, военные средства.

Джеральд Махаевски склонил голову и бесшумно покинул кабинет-келью Великого Отца Союза тайных орденов.

Акум проводил его темным взглядом, посмотрел на часы. В Аризоне, где находилась резиденция Кондуктора Социума, еще была ночь, но дело не терпело отлагательств. Глава СТО тронул клавишу с цифрой 1 на клавиатуре компьютера. Заработала спутниковая система связи. Через полминуты на экране монитора проявился красный паучок — символ защиты канала, и на хозяина кельи глянул жрец Тивел, Кондуктор Социума, колдун и маг, осуществляющий контроль деятельности тайных орденов. Его узкие синеватые губы шевельнулись:

— Что-нибудь случилось, владыка?

Акум выдержал черный огонь взгляда жреца, поежился, стараясь выглядеть таким же невозмутимым.

— Мой помощник получает откуда-то важную конфиденциальную информацию...

— Это нормально, — ровным голосом сказал Тивел. — У него должны быть свои каналы получения информации.

— Да, конечно, — согласился Акум, — только при этом он мне не отчитывается. Что настораживает. Но суть не в этом. Попытки полного подчинения России нашей идеологической системой не приводят к успеху. Мало того, наших людей начинают уничтожать. Причем везде: не только на территории самой России, но и за ее пределами. Требуется пересмотреть целевые установки...

— Я понял. Хотя... пересматривать наши идеологемы рано. Мы еще не полностью реализовали потенциал третьего приоритета. Дойдем и до второго, и до первого. Всему свое время. Ошибочно считать, что покорение России — дело одного-двух десятилетий. Мы работаем с ней уже две тысячи лет. А вашему Союзу — всего полстолетия. Работайте в прежнем режиме.

Акум поймал еще один высверк гипнотического взгляда собеседника, склонил голову.

— Согласен, господин.

— У вас все?

— Есть абсолютно неотложные мероприятия...

— Я в курсе. Ваш помощник вполне справится со всеми вашими поручениями.

— Он жаждет схватиться с Русским орденом, — ухмыльнулся аббат.

— Это ему не по зубам, но пусть попробует. Что-нибудь еще?

— Русский орден подчиняется вашим соперникам, волхвам...

— Это заблуждение. Орден действует самостоятельно, хотя контакты и возможны. Кстати, этим обстоятельством можно

воспользоваться для дискредитации движения и перехвата управления. Орден должен войти в СТО, под ваше крыло, дорогой лорд, и тогда мы займемся...

Он не договорил, но Акум и так понял, кем собирается заняться Кондуктор. Русские волхвы в самом деле были непримиримыми врагами жрецов и магов Криптосистемы. И несмотря на то что волхвы потерпели поражение в прямой войне с магами, еще во времена гипербореев, они не подчинились Геократору и продолжали готовить своих учеников, витязей, для новой освободительной войны. И становилось их — несущих идею русского возрождения — все больше и больше.

— Прощайте, лорд, — сказал Тивел. — Понадобитесь, я сам свяжусь с вами.

Он как бы подчеркивал, что не стоит беспокоить его по пустякам. Хотя Акум на сто процентов был уверен, что Стратега волнуют те же проблемы.

Экран монитора показал красного паучка и погас.

В кабинете тенью проявился слуга.

— Время омовения, владыка.

— Иду, — отозвался Великий Отец СТО.

ФЕДОРОВ

6 декабря

Лев Людвигович ехал из Москвы в Кострому буквально окрыленный.

Шарипов не только пообещал профинансировать проекты по созданию У-реактора и «летающей тарелки», но и построить научно-производственный центр, который должен был возглавить Федоров. Задачи центру пока не ставились, но и так было понятно, что главный спонсор ждет от этого начинания конкретной отдачи, воплощения в металле теоретических разработок инженера.

Договорились они и о том, что создание центра пока должно вестись тайно, тихо, без пиара и шума в прессе, чтобы идею не перехватили возможные конкуренты. Последняя просьба Шарипова показалась Льву Людвиговичу смешной, конкурентов у него не было, если не считать Владимира Семеновича, работавшего в Минске, но тем не менее обещание сохранить развертывание центра в тайне он дал.

— Поезжайте домой, — сказал ему на прощание директор «Ямалгаза», — подготовьте все материалы, модели и недостроенные аппараты к перевозке. Я еще не знаю, где мы будем устраи-

ваться, в столице или в Салехарде, где я ни от кого не завишу. Как только решение созреет, я дам вам знать. Желаю удачи.

С этим напутствием Лев Людвигович и уехал из Москвы. Сначала в Кострому, чтобы разобраться в документации, потом в Брянск, за женой, а оттуда снова в Кострому. Позвонил Данилину, чтобы обрадовать друга своими успехами, пригласил его к себе. Договорились встретиться в субботу седьмого декабря на квартире Федоровых, предвкушая теплую дружескую беседу.

Пятого декабря Лев Людвигович съездил в деревню Суконниково, полдня провозился в холодном сарае, заканчивая монтаж действующей «летающей тарелки», хотел было даже запустить ее, но отложил эксперимент: ударили морозы, температура воздуха упала ниже двадцати градусов, и полет был чреват обморожением. Нужно было подготовиться к летным испытаниям серьезно, приобрести летный комбинезон и унты.

Шестого декабря Лев Людвигович снова занялся упорядочиванием документации, хранящейся в шкафах, и копированием наиболее важных своих теоретических работ и расчетов. Переписав их на дискеты, он спрятал один комплект в стол, а второй положил в конверт, написал: «Андрюше Данилину», — и спрятал в карман зимней куртки, чтобы передать при встрече Андрею. Не то чтобы он подстраховывался на случай потери расчетной части проектов, не слишком надеясь, что она для кого-то будет представлять интерес, но все же считал, что документация должна храниться в надежных руках.

В принципе, он мог бы и отдохнуть дома после трудов праведных, расслабиться в компании с женой, привыкшей терпеливо ухаживать за мужем и сносить его образ жизни, но дом для Льва Людвиговича никогда не был тихой гаванью. Он везде работал, в том числе в собственной квартире, превратив ее в лабораторию, в небольшой испытательный стенд. Здесь он сделал первые расчеты стандартных квадрупольных генераторов, здесь провел первые опыты с антигравитационными весами, здесь построил и испытал первые модели «летающих тарелок».

Вечер шестого декабря застал Федорова за компьютером. Он все еще искал «изящное» решение конструкции космического корабля для полета на Марс. Хотелось окончательно сразить Шарипова и его экспертов, представив им детальный чертеж «тарелки», способной доставить на Красную планету экипаж в количестве семи человек.

— Может быть, сходим поужинать в ресторан? — робко заглянула в кабинет мужа Лена.

Лев Людвигович отрицательно мотнул головой, увлекшись работой. Жена тихо закрыла дверь, зная, что в минуты творчест-

ва мужу лучше не мешать. Она была идеальной супругой для такой увлекающейся натуры, как Федоров, и он иногда ловил себя на мысли, что ему крупно повезло в жизни. Женщины, подобные Елене, дарини и берегини, — встречаются на дороге жизни нечасто.

Подумав об этом, Лев Людвигович записал изображение «тарелки», вместе с расчетами, на «СиДи», прибавил несколько слов от себя — напутствие Данилину и решительно выключил компьютер. Надо было отдохнуть. Предложение жены пойти поужинать в ресторан прозвучало весьма кстати.

— Собирайся, Леноч, — объявил он, появляясь в гостиной, где жена смотрела телевизор. — Пойдем ужинать.

Елена расцвела, засуетилась, убежала в спальню переодеваться. Оделся для похода в ресторан и Лев Людвигович, вытащив из шкафа единственный «парадно-выходной» костюм в темно-синюю полоску, в котором он ездил в Москву.

Однако осуществить задуманное супругам не удалось.

В дверь позвонили.

— Открой, Лева, — попросила из спальни Елена. — Я еще не готова.

— Интересно, кто это решил навестить нас, — хмыкнул Лев Людвигович, глянув на часы: шел девятый час вечера. — Может, Андрей?

Он посмотрел в дверной «глазок».

На лестничной площадке перед дверью стояла молодая женщина в дубленке зеленоватого цвета и вязаной шапочке. В руках она держала блокнот и ручку.

— Кто там? — спросил Федоров.

— Я из ЖЭКа, — заговорила женщина. — Откройте, пожалуйста. Мы проводим опрос жильцов района и записываем их пожелания по улучшению качества обслуживания.

— Надо же, проснулись... — пробормотал Лев Людвигович. — Неужели у властей руки и до этого дошли? Не зря я за мэра голосовал.

Он открыл дверь.

И тотчас же возникшие буквально из воздуха дюжие молодые люди в обычной гражданской одежде — куртки, вязанные шапочки, кепки, шарфы — заломили за спину руки Льву Людвиговичу и втащили в прихожую.

Из спальни на шум выглянула Елена в темно-вишневом вечернем платье, округлила глаза.

— Что вы делаете?! Кто вы такие?!

Женщина в дубленке и третий молодой человек в меховой куртке подскочили к ней, схватили за руки, зажали рот. Затем

силой усадили на стул и связали принесенной с собой клейкой лентой, сноровисто заклеили рот.

Льва Людвиговича тоже попытались усадить в кресло, но он уже пришел в себя и начал сопротивляться. Обладая недюжинной физической силой, он буквально впечатал одного из держащих его парней в комод, а второму сломал палец, стряхивая его с себя. Однако брали его профессионалы, знающие приемы рукопашного боя, поэтому борьба длилась недолго.

Льва Людвиговича ударили в живот, в спину, по голове, скрутили, связали и впихнули в кресло. Женщина в дубленке подошла к нему, дернула за волосы, заставляя Федорова задрать голову к потолку.

— Где материалы?!

— Какие материалы? — с трудом выговорил инженер, перед глазами которого плыли огненные круги; от удара в живот внутренности плавилась и корчились, и он боялся, что его вот-вот вырвет.

— Те, что ты привозил Шарипову!

— Я ничего не...

Удар по затылку! Искры из глаз!

— Где расчеты У-реактора и «летающей тарелки»?! Говори, иначе умрешь!

— Подите вы на...

Еще удар!

— Не скажешь, герой, искалечим жену! Миха, выколи ей глаз!

— Нашел, — раздался из кабинета Федорова голос одного из непрошенных гостей. — У него все расчеты в компе и дискеты в столе.

— Должны быть еще копии.

— Вроде нет ничего.

Женщина сняла вязаную шапочку, приблизила странно неподвижное, равнодушное лицо со сверкающими фанатическим блеском глазами к лицу Льва Людвиговича. У нее были очень короткие льняные волосы, как у мальчишки. И еще Лев Людвигович заметил в ушах гостьи черные — не металлические, а как будто керамические — сережки в форме креста.

— Есть еще копии? Говори!

— Н-нет... — прохрипел Лев Людвигович.

— Миха, отрежь ей нос!

— Не надо! — дернулся Лев Людвигович, застонал, получив удар по лицу. — У меня все там... в компе... в кабинете... За что?! Чего вы хотите?!

— Ты влез не в ту сферу знаний, изобретатель, — усмехнулась

визитерша, провела ладонью по лицу; у нее были длинные ногти, покрашенные черным лаком с золотыми точечками. — Занялся бы лучше разработкой тракторов для сельского хозяйства, а не теорией УКС. Или спортом. Вон какой ты большой и здоровый. Как там говорит пословица? В здоровом теле — здоровый член?

Спутники допросчицы заржали.

Она тоже улыбнулась, и тут же глаза ее заledenели.

— Где твои экспериментальные образцы? Ну?!

— Я отдал...

— У Шарипова только один, игрушка, где остальные?

Удар в грудь!

Лев Людвигович задохнулся от боли, закашлялся.

— Говори!

— Дураки... будьте прокляты!.. у меня ничего не...

Удар, глухая темнота.

Женщина в дубленке недовольно скривилась, подошла к Елене. По ее жесту парень дернул с губ пленницы ленту.

— Может, ты знаешь, где муж прячет свои цацки?

— Здесь у него куча всяких приборов и устройств, — подал голос помощник женщины. — Две юлы, какие-то коробки...

— Шарипов признался, что инженер где-то строит образец в натуральную величину. Где он, моя милая? Говори, не то отрежу нос и уши!

— Я не знаю... — проговорила, содрогаясь, Елена, с ужасом глядя на допросчицу с мальчишеской прической. — Здесь ничего нет, только в деревне...

— Конкретнее!

— Лена, молчи! — пришел в себя Федоров.

Его ударили по затылку, но он вдруг неимоверным усилием разорвал путы, вскочил и страшным ударом в лицо отбросил повисшего на нем парня к стене, буквально расплющив ему нос.

Раздался выстрел.

Пуля попала Льву Людвиговичу в грудь.

Он с удивлением посмотрел на дырочку, появившуюся в белой рубашке на груди, поднял брови. Потом ноги его подкосились, и он мягко осел в кресло.

— Идиот! — гневно бросила предводительница группы. — Он был нам нужен живым!

— Он мне башку чуть не снес!

Завизжала Елена, пытаясь встать. Парень сзади ударил ее рукоятку пистолета по затылку, и она потеряла сознание.

Женщина склонилась над Федоровым.

— Кто еще знает о твоих разработках? Ну?! Где ты хранишь свою «тарелку»? Здесь? В Брянске? Ну?! Говори!

— В Брянске... — Лев Людвигович поднял на нее мутнеющие глаза; изо рта на подбородок и на рубашку стекла струйка крови. — Вас будут судить...

— Вряд ли. Но твои исследования мы закроем.

— Дураки... этот процесс... уже не остановить... по моим следам идут десятки других исследователей... а будут сотни и тысячи...

— Где ты спрятал аппарат?!

Лев Людвигович скосил глаза на скорчившуюся жену, прошептал:

— Прости, Леночка... — Затем пальцы его правой руки сложились в кукиш, он вздрогнул, широко раскрывая уже ничего не видящие глаза, и застыл. Пальцы разжались.

— Сволочь! — выругалась начальница группы, разгибаясь. — Ищи теперь...

— Она сказала — в Брянске, — заметил парень, который стрелял в Федорова, морщась и держась за голову. — Найдем.

— Обыщите квартиру.

— Здесь больше ничего нет.

— Уходим.

— А с ней что делать?

— Не оставлять же в живых, свидетели нам не нужны. Покойтесь в их вещах, заберите деньги и бижутерию, пусть менты думают, что это ограбление.

Раздался еще один негромкий выстрел...

ДАНИЛИН

7 декабря

Неделя закончилась спокойно, без инцидентов и конфликтов. Депутат городской Думы Лазарев и его «шестерки» больше не приставали с требованием «поучить мальчишек» рукопашному бою, в школе тоже установился благоприятный климат, и Андрей слегка расслабился, веря в окончательную победу здравого смысла над темными силами. Добавил приятных оттенков в настроение и звонок Федорова, который приехал из Брянска с женой и пригласил Данилина в гости, на семейный ужин.

Утром в субботу седьмого декабря Андрей встал рано, убрал кровать, позанимался полчаса растяжкой мышц и сухожилий — без особой нагрузки — и принялся разбирать сложенные стопками по углам комнаты книги. Единственный книжный шкаф был

забит под завязку, две полки над столом тоже ломились от книг, и надо было почистить библиотеку, освободиться от старых, ненужных и прочитанных книг.

В девять часов его позвала Анна Игнатьевна — завтракать.

Сначала он стеснялся такого проявления заботы со стороны старой учительницы, потом понял, что иначе она жить не может, не ухаживая за кем-нибудь, и смирился с положением «полуквартиранта-полуродственника».

На завтрак были манные котлеты, фруктовый салат и чай.

Бабушка Аня знала пищевые пристрастия постояльца и всегда готовила ему именно то, что он выбрал бы и сам.

— Прочитала тут газету недавно, — сказала она, наблюдая, как Андрей ест. — Правительство автор высмеивает. Как ты думаешь, имеет право?

— Наверное, имеет, — пожал плечами Данилин. — В нынешние времена всяк может слабого обидеть. А что пишут-то?

— Сейчас процитирую, — улыбулась Анна Игнатьевна, разворачивая газету. — Уж больно ерничает автор. Вот, нашла. — Она поправила очки. — «Наше правительство — это команда единомышленников. Артель профессионалов. Союз смелых и находчивых. Смешливых и добычливых. Это — наши Столыпины, Плеве и Витте. Наши битте-дритте. Наши грефы и трефы. Они — те, кто по первому зову, отбросив все лишнее, несущественное, могут тут же собраться и сыграть в преферанс».

Андрей не выдержал, засмеялся.

Рассмеялась и Анна Игнатьевна.

— Тут еще есть пассажи, про министров — кто за что отвечает, и даже про президента. Не бояться же такое писать! Раньше при коммунистах автор живо загремел бы на Соловки.

— Свобода слова, Анна Игнатьевна, ничего не поделаешь. А что про министров пишут?

— Пожалуйста. «У каждого свой участок, свое хобби. Военный министр отвечает за падающие вертолеты и взорванные бэтээры. Вице-премьер ответственна за голодовки учителей и самоубийство безденежных офицеров. Министр экономического развития отвечает за «экономическое чудо» в отдельно взятых родовых поместьях олигархов. Сельхозминистр — за лебеду. Министр образования — за неграмотность. Министр культуры, с привычным для элиты матерком, занимается реституцией».

Андрей опять засмеялся.

— Хорошо их припечатали, весело. Только вряд ли они читают газеты, наши супердорогие министры. Как занимались своими личными делами, не обращая внимания на критику, так и будут заниматься.

— Это верно, — грустно согласилась Анна Игнатьевна. — Что для наших чиновников глас народа? Пустой звук. Главное для них — добраться до властного кресла, а там хоть трава не расти. Ты куда сейчас собираешься?

— На тренировку.

— Отдохнул бы, а то вон какой худой, никак я тебя не откормлю.

— Я всегда такой был, Анна Игнатьевна. А отдыхать не приучен. Как говорит мой друг Лева: жизнь — это небольшой труд перед большим отдыхом.

— Это какой-то классик говорил, уж не помню, кто именно.

— Может быть.

— Лева — это Лев Людвигович, у которого ты в гостях был недавно?

— Он приехал с женой, сегодня посиделки устраиваем. Очень интересный человек и блестящий ученый. Открытие сделал.

— Какое?

— Как полететь на Марс, не применяя жидкотопливные ракеты.

— А какие же? Атомные, что ли?

— Говорит — антигравитационные. Игрушки у него действительно летают, так что чем черт не шутит? Вдруг получится.

— Ну, пожелай ему божеского просветления.

— Непременно передам.

Повозившись еще с полчаса с книгами, Андрей побрился и поехал на тренировку.

Собрались почти все. Отсутствовал только Кутузов, который передал через свою племянницу, тоже ходившую на занятия, что он в командировке.

— Сегодня мы продолжим знакомство с упражнениями, которые начали изучать на прошлом занятии, — сказал Андрей, привычно прикидывая готовность группы воспринимать его указания. — Медитативно-сенсорная гимнастика поможет вам раскрыть ранее неизвестные силовые возможности. Для того чтобы они проявились еще более мощно и помогли добиться цели, нужно прежде всего восстановить былую гибкость позвоночника, суставов и эластичность мышц. Упражнения, которые я вам предлагаю, предельно просты в исполнении, но прекрасно развивают суплес, помогают разработать суставы и добиться истинной молодости тела. Кстати, их можно выполнять вместо утренней гимнастики.

Итак, начнем с дыхания. Эта дыхательная система проверена опытом тысяч людей и зарекомендовала себя как эффективное

средство очищения организма от негативных энергий и «шлаков» — остатков психических перенапряжений.

— Вопрос можно? — поднял руку Жора Решетов, самый молодой член группы; его больше всех интересовал смысл каждой практической методики. — Дыхание ведь это один из методов подготовки медитации, так? Разве мы будем медитировать, а не тренироваться?

— Не спеши, — улыбнулся Андрей, — всему свое время. Вы должны научиться не только защищаться и калечить противника, но и самостоятельно лечиться, нормализовать сосудистые реакции, гармонизировать сердечную деятельность, укреплять мышцы диафрагмы, восстанавливать самочувствие и многое другое. Начинаем. Исходное положение: ноги чуть шире плеч, слегка согнуты в коленях, спина прямая, ладони повернуты к животу, кончики указательных и больших пальцев соприкасаются, образуя ромб.

Андрей прошелся по рядам учеников, показывая, на какой высоте устанавливаются ладони.

— Руки согнуты в локтях, локти разведены в стороны. А теперь делай, как я. Вдох начинаем медленно, ровно и одновременно поднимаем раскрытые ладони, повернутые вверх, к плечам...

Он показал упражнение, проверил выполнение каждым учеником. Затем продолжил занятие, показав вторую и третью фазу цикла, отличную от первых двух тем, что последний вдох задерживался в груди, и выдох делался за счет мышечного сокращения грудной клетки.

— Это стандартный «лотос», — закончил движение Андрей. — Если будете начинать день с этого упражнения и делать постоянно, по девять циклов в течение дня, то скоро почувствуете значительное повышение тонуса. Теперь займемся непосредственно системой восстановления позвоночника. На эту тему есть великолепные стихи, написанные одной целительницей:¹

Тихо замираю — силу собираю
И ее пускаю молнией-спиралью
Каждой клетке тела, чтобы тело пело,
Чтоб оно звенело, птицею летело!
Синей птицей счастья я парю над лесом,
Сила защищает от болезней, стрессов.
От хандры, от горя нет верней защиты.
Справа вижу моря зеркало в морщинках.

¹ И. А. Васильева, научный работник, специалист по аутотренингу.

В этом небе синем я над морем синим
Стану крепкой, сильной, молодой, красивой!
Я могу, я смею, человек все может!
Выстоять сумею. Сила мне поможет.
Сила в жилах потекла,
Позвоночник как стрела.
С-с-сила! Ставлю я замок,
Чтобы стресс пройти не смог.

Последние слова Андрей выговорил с мощной подачей вибрирующего звукового потока, и группа шатнулась, зароптала, слышались восклицания, вздохи восхищения, хлопки в ладоши.

— Приготовились, — поднял руку Андрей, покоряя шум. — Встанем в исходную стойку. Ноги шире плеч, слегка согнуты в коленях. Руки согнуты в локтях перед грудью...

Занятия продолжались еще час и закончились тренингом приемов рукопашного боя без оружия. В половине второго Андрей вышел из Дворца спорта, глубоко вдохнул морозный воздух и подумал, что, несмотря ни на что, жизнь продолжается. Хотя отношение к ней у разных людей разное. Вспомнились стихи Анны Ахматовой:

Все мы немного у жизни в гостях.
Жить — это только привычка.

Наверное, у поэтессы имелись причины так говорить, но Андрей в данную минуту был с ней не согласен. Он делал свое дело, учил детей, тренировал взрослых, ищущих способы самовыражения и самосовершенствования, он был востребован жизнью и любим учениками, и некоторые мешающие жить счастливо моменты погоды не портили. В конце концов, как говорил первый учитель Данилина по рукопашному бою: все проблемы решаемы, кроме смерти.

На деревья в парке напротив Дворца спорта села стая ворон. Одна из них сделала круг над Андреем, словно спрашивая, чего он остановился, и ему вспомнился случай, происшедший во дворе дома, где он теперь жил. В подъезде жила семья бездомных котят, которых кормили чуть ли не все жильцы дома. Андрей тоже иногда выносил им остатки еды и стал свидетелем того, как огромная ворона вдруг стала оттаскивать котят от площадки с кашей за хвосты! А тех котят, которые норовили подойти к своей кормушке снова, она тюкала клювом по голове. Пришлось отгонять наглуемую птицу, прославленную во многих сказках и легендах благодаря отнюдь не птичьему уму.

Андрей улыбнулся, зашагал к машине.

Ворона, наблюдавшая за ним, сорвалась с ветки и сделала над ним еще один круг.

Что за наваждение? Неужели он так ей понравился? Или, наоборот, птицу раздражает цвет его куртки — голубой, с белыми прострочками?

Андрей вдруг почувствовал легкую тревогу. Прислушался к себе, не понимая, чем вызвано беспокойство.

Субботный день был по-зимнему свеж, безмятежен, искрился снег под лучами низкого солнца, прохожие спешили по своим делам, не обращая внимания на застывшего Данилина, редкие машины проскакивали мимо, шелестя по асфальту шипованными шинами, ничто не задевало сознания и не привлекало взор. И тем не менее Андрею показалось, что небо закрыла грозовая туча.

Он поспешил к машине, подумав прежде всего об Анне Игнатьевне. Старушка часто жаловалась на быструю утомляемость и головные боли. Он лечил ее, снимал синдром хронической усталости, понимая, что старость не лечится никакими медикаментами, но всерьез за жизнь старой учительницы не беспокоился. Ее предел еще не наступил. Но вдруг случилось что-то более серьезное?..

Однако все его страхи оказались напрасными.

Анна Игнатьевна спокойно сидела в гостиной в своем уютном старом кресле и вязала.

— С вами все в порядке? — обрадовался он, сдерживая разогнавшееся сердце. — В магазин сбегать не надо?

— Да я уже сама сходила, — улыбнулась Анна Игнатьевна. — Тебе звонили из милиции, капитан Скры... Скры...

— Скрылев? — Андрей почувствовал, как напряглись мышцы живота. Интуиция его не подвела: что-то случилось. Но что? И с кем?

— Что он сказал?

— Просил позвонить, как только ты приедешь.

Андрей без лишних слов набрал номер мобильного телефона Скрылева. Кирилл Степанович был капитаном криминальной милиции, его сын занимался в спортивной секции в школе, где работал Данилин, и они были знакомы давно, уже несколько лет.

— Кирилл Степанович? Это Данилин. Вы мне звонили?

— Приезжайте на Советскую, срочно!

— Что случилось?

— Убиты ваши знакомые.

— Кто?!

— Лев Федоров и супруга.

Сердце оборвалось.

— Еду! — глухо проговорил Андрей, глядя перед собой невидящими глазами. Бросил трубку, зашагал к выходу.

— Что с тобой, Андрюша?! — всполошилась Анна Игнатьевна. — Случилось что?

— Леву убили... — выговорил Андрей замерзшими губами и стремительно вышел.

Возле дома Федорова стояли полицейский «уазик» с мигалкой и «Скорая помощь». У подъезда толпился народ. Тихо переговаривались мужчины, некоторые женщины плакали.

Андрей протиснулся сквозь толпу, по лестнице поднялся на третий этаж и на лестничной площадке, где беседовали какие-то люди в гражданской одежде и полицейские, был остановлен парнем в серой форме с погонами сержанта:

— Сюда нельзя.

— Там мой друг...

— Идет дознание, посторонним вход запрещен.

— Позовите капитана Скрылева.

Сержант хотел было привычно спровадить настырного гражданина, но встретил его взгляд, переменился в лице. Достал рацию:

— Товарищ капитан, вас тут спрашивают... Фамилия? — спросил он у Андрея.

— Данилин.

— Какой-то Данилин... понятно... — Сержант отступил в сторону. — Проходите.

Андрей вошел в приоткрытую дверь, наткнулся на работавших криминалистов, отметил беспорядок в прихожей: все вещи и одежда были разбросаны по полу, будто здесь шла нешуточная борьба. Из гостиной выглянул Скрылев в обычной гражданской одежде: распахнутый полушубок, свитер, шарф, форменные брюки. Увидев Данилина, мотнул головой:

— Они здесь.

Андрей вошел в гостиную и увидел сидящего на стуле Льва Людвиговича в окровавленной белой рубашке. Глаза инженера кто-то закрыл, поэтому казалось, он спит. Лицо его было спокойное, разгладившееся, только слегка удивленное и бледное.

— Пуля в сердце, — сказал Скрылев, наблюдая за Андреем. — Но умер он, судя по всему, не мгновенно. Очень сильный мужик был.

Андрей перевел взгляд на скорчившееся в кресле тело Елены. Было видно, что в нее стреляли с близкого расстояния, сзади, и пуля попала ей в затылок.

Эксперты, работавшие в квартире, мешали смотреть на по-

гибших, Андрей шагнул было к ним, но капитан удержал его за локоть.

— Не подходите, затопчете следы. Пойдемте на кухню.

Они прошли на кухню Федоровых, где тоже работали молчаливые криминалисты.

— Их обнаружили случайно, соседка позвонила в дверь, хотела попросить отвертку, а дверь открылась. Но убили их давно, еще вчера вечером.

— За что? — глухо спросил Андрей.

— Похоже на ограбление, но истинные мотивы станут известны позже. Вы давно их знаете?

— Десять лет.

— Когда виделись с ними в последний раз?

— Слевой... Львом Людвиговичем — несколько дней назад, он звонил мне, и мы встретились. Лена была у родственников в Брянске, еще с лета...

— Федоров был инженером, кандидатом технических наук и даже лауреатом Государственной премии — мы тут нашли кое-какие документы. Над чем он работал?

— Над практическим применением УКС.

— Уголовного кодекса, что ли?

— УКС — это теория упругой квантованной среды. Лев строил летательный аппарат на основе антигравитации и проектировал реактор на базе эффектов УКС.

Скрылев, полный, лысоватый, с длинными рыжеватыми бачками, превращавшими его в шкипера, слабо улыбнулся.

— Фантастика...

— Я видел его модели в действии. Они летают. Это прорыв в науке и технике, можете быть уверены.

— Да я не возражаю. Его убийство может быть связано с его научной деятельностью?

— Не знаю.

— А коммерческой деятельностью Федоров не занимался?

— Насколько мне известно — нет.

Андрей вспомнил чье-то¹ изречение, которое любил повторять Лев Людвигович: «Либо вы часть проблемы, либо вы часть решения». Очевидно, жизнь Федорова в чем-то подчинялась этой формуле. Его убили за то, что он стал частью проблемы. Но чьей?

— Следы какие-нибудь нашли?

— Следов много, но отпечатков пальцев ни одного. Работали явно профессионалы. И на мой взгляд, это не просто ограбление.

¹ Эдлридж Кливер, общественный деятель США.

— У них нечего было грабить, Лева вечно сидел без денег.

— Может быть, грабители приходили за его инженерными разработками?

— Возможно.

— Вы могли бы определить, что у него пропало? Патенты, изобретения, документы, чертежи какие-нибудь.

Андрей неопределенно дернул плечом.

— Не уверен.

— Сейчас следователь освободится, и мы посмотрим, что осталось у хозяина, а что пропало, не возражаете?

Данилин равнодушно кивнул.

Через несколько минут его пригласили в небольшой кабинет-спальню Федорова, где эксперты разбирали бумаги покойного. Однако помочь им Андрей ничем не смог. Лев Людвигович никогда не показывал ему свои чертежи и расчеты, за исключением последней встречи, поэтому судить о том, что именно пропало, а что нет, он не имел возможности.

Прощаясь с капитаном, Андрей спросил:

— Вы мне потом расскажете о результатах следствия?

— Вообще-то не имею права, — вздохнул Скрылев. — Но вам сообщу. Кстати, соседка вроде бы видела двоих мужчин и женщину, кутивших на лестничной площадке в тот вечер. Женщина была молодая, высокая, скуластая, в зеленоватой дубленке. Еще соседка заметила, что у этой дамы были черные сережки в форме креста и длинные ногти с черным лаком.

Андрей покачал головой.

— Наблюдательные у нас соседи. Вы хотите сказать, что это были грабители?

— Не обязательно, но весьма вероятно. И еще... — Скрылев колебался немного, что-то решая про себя. — Мы нашли в кармане пальто убитого конверт с дискетой...

Андрей подождал продолжения.

— Так вот эта дискета предназначалась вам, — закончил капитан. — Мы ее просмотрели. Там — несколько слов хозяина, что, мол, сохрани, Андрюша, для потомков, на всякий случай, и чертежи каких-то устройств, копии патентов. Сейчас отдать вам дискету мы не сможем, но вернем, как только закончится следствие.

— Спасибо. Это все, что там записано?

— Еще Федоров сообщил, что был у некоего Шарипова, и тот обещал ему всестороннюю поддержку.

— Кто такой Шарипов?

— Только один Шарипов имел возможность помочь вашему другу — Иван Кежеватович, директор компании «Ямалгаз». Но

он тоже убит. Вчера днем. У себя на даче, в бассейне. Такие вот дела.

Андрей постоял немного, переваривая услышанное, закрыл глаза, вспоминая басовитый смех Льва Людвиговича, его оптимизм, веру в людей и в себя, и мысленно поклялся найти убийц инженера. Во что бы то ни стало!

Хоронили Федоровых девятого декабря.

Из Брянской губернии прилетели родственники Елены: отец, мать, тетки, а также престарелый отец Льва Людвиговича. Мать инженера приехать не смогла, у нее случился сердечный приступ, и ее положили в больницу.

Всего в похоронах участвовало около тридцати человек, в том числе коллеги Льва Федорова по работе, институтское начальство, приятели и друзья. Андрей помогал нести гроб с телом друга, а потом долго успокаивал — своим присутствием, заговорами и энергетически — родичей Федоровых, среди которых почти не было молодежи, а возраст стариков перевалил за семьдесят. Он и с кладбища уходил одним из последних, вспоминая свои встречи слевой, беседы, споры, совместные походы на лодках по рекам и озерам Костромской губернии и на Урал.

Собственное расследование обстоятельств гибели Федоровых Андрей начал, не надеясь на российскую Фемиду, сразу же после второй — вечерней — встречи с капитаном Скрылевым. Выяснились дополнительные подробности происшествия, которыми Скрылев поделился с Данилиным, уступив его просьбам.

Во-первых, нашлись свидетели, которые тоже видели молодую женщину с очень короткой прической, в светло-зеленой дубленке. «Стриженная» садилась во дворе дома в новую «Ладу-151» цвета «брызги шампанского». С ней вместе якобы сели в ту же машину еще четверо молодых людей, хорошо одетых, но неразговорчивых и несуетливых. Как призналась свидетельница, выгуливавшая свою собаку породы чау-чау, она была удивлена поведением молодежной компании, не произнесшей ни одной шутки, ни одного слова. Все словно воды в рот набрали, и никто из них ни разу не улыбнулся. А двое из них передвигались с трудом. Один держался за голову, второй баюкал руку.

Во-вторых, убиты были Федоровы из одного и того же пистолета калибра четыре и пять десятых миллиметра иностранного производства, пули которого, попадая в тело жертвы, разворачивались лепестками, увеличивая объем поражения тканей. Бронжилет такие пули не пробивали, и использовалось оружие подобного типа исключительно в целях быстрой ликвидации плен-

ников интернациональными диверсионно-террористическими группировками, имеющими к этому времени собственные оружейные мастерские и конструкторские бюро.

В-третьих, еще один свидетель якобы видел, что за рулем «сто пятьдесят первой» «Лады» тоже сидела женщина, курившая сигарету.

— Нашли окурки? — поинтересовался Андрей.

— Мы нашли почти два десятка окурков, — ответил хмурый Скрылев, которому поручили расследование преступления; сам он считал, что это стопроцентный «висяк». — Один из них явно бросила женщина — на окурке остались следы помады. Сигарета без фильтра, с добавлением «травки», такие сейчас официально разрешены к употреблению во многих европейских странах, в том числе в Латвии.

— Женщины... — пробормотал Андрей.

— К сожалению, — вздохнул Скрылев. — Самый непредсказуемый и опасный контингент. Причем день ото дня количество преступлений, совершенных «слабой половиной» человечества, увеличивается. Мало того, если у мужской жестокости есть тормоза, то у женской — нет.

— Это ваш личный вывод?

— Это статистика, — снова вздохнул капитан. — Кстати, на лице Федорова и на шее его жены обнаружены ссадины и царапины от женских ногтей.

Андрей пристально посмотрел на собеседника, и тот добавил:

— Их били, пытали, требуя что-то отдать.

— Документы...

— Точно так. Поэтому я считаю, что убийство было заказным. Это не рядовое ограбление, как утверждает... — Скрылев замолчал.

— Кто?

— Начальство настаивает квалифицировать инцидент как ограбление и искать преступников среди уголовников.

— Вы тоже так считаете?

— Я считаю, что действовали профессионалы.

— Но они же оставили следы, прокололись с машиной...

— Полагаю, это группа некоего определенного круга, но не военные и не из спецслужб. Те сделали бы все тихо, без свидетелей.

— Наверное, вы правы. Номер «Лады» установили?

— Только цифры — 316.

— Можно найти машину по этому номеру?

— Мы уже ищем, но вряд ли он настоящий. Скорее всего гра-

бители перевесили номера, так что ничего мы доказать не сможем, несмотря на запоминающийся цвет минивэна. Однако искать будем.

— Фотороботы предполагаемых убийц будете составлять?

— Попытаемся.

— Мне нужны копии.

— Зачем это вам, Андрей Брониславович? — Скрылев с грустным недоумением посмотрел на Данилина. — Вы хотите участвовать в расследовании?

— Я хочу найти убийц.

— Едва ли мы их найдем. Знаете, каков у нас по стране средний процент раскрываемости особо тяжких? Всего восемь процентов!

— И все же я вас очень прошу помочь.

Скрылев помолчал, закуривая.

— Хорошо, Андрей Брониславович. Я вам позвоню. Кстати, вот ваша дискета. — Он достал из кармана куртки прозрачную коробочку с дискетой. — Мы скинули файл в наш компьютер.

— Спасибо.

— Не за что. Как там мой Вовка?

— Хороший парень, — усмехнулся Андрей. — Волевой, настырный, занимается с удовольствием.

— Он у меня философом растет, книжки всякие умные читает, библиотеку собирает. Спасибо, что вы его в секцию взяли.

— Не за что.

Этот разговор состоялся девятого декабря, сразу после похорон Федоровых. А вечером того же дня Андрею позвонили.

Сняла трубку Анна Игнатьевна:

— Але? Да, здесь... сейчас... Андрюша, тебя.

— Кто? — выглянул из спальни Данилин.

— Женщина какая-то, голос не узнаю.

Андрей взял трубку, подумав о жене.

— Слушаю.

— Будешь путаться под ногами — уберем! — раздался незнакомый женский голос, уверенный и грубый. — Понял?

— Кто говорит?

— Пиковая дама, — засмеялись на том конце провода. — Имей в виду, мы не шутим.

— О чем идет речь?

— Не притворяйся, ты знаешь. И если твой дружок дал тебе какие-нибудь бумаги на сохранение — лучше уничтожь, пока не поздно.

— Это все?

— А разве мало?

Андрея вдруг озарило: с ним разговаривала та самая молодая женщина в дубленке, которую видели соседи Федоровых. Она, очевидно, и руководила группой ликвидации.

— Я понял, — медленно проговорил он. — А теперь послушай, что я тебе скажу... пиковая дама. Обещаю приложить все усилия, чтобы найти всех убийц Левы! Даже если вы спрячетесь на дне океана!

— Ну-ну, — ответили ему с сарказмом. — Безумству храбрых поем мы песню... Прощай, учитель. Мы тебя предупредили.

— До встречи, — ответил Андрей, слушая раздавшиеся гудки.

До этого разговора он действительно колебался, стоит ли продолжать собственное расследование трагедии, теперь же вдруг понял, что стоит. Сомнения испарились.

РУССКИЙ ОРДЕН

8 декабря

Владимир Владимирович Белогор родился в тысяча девятьсот сорок пятом году в Смоленской губернии.

Окончил Московский химико-технологический институт имени Менделеева, затем экономический факультет МГУ.

Работал начальником цеха, главным инженером Карачаровского завода пластмасс, первым заместителем гендиректора НОП «Полимербыт».

В тысяча девятьсот девяносто первом году стал председателем Московского городского комитета по науке и технике, в девяносто втором — председателем совета директоров закрытого акционерного общества «Москомнаука». Защитил две диссертации, получив степени кандидата экономических наук и кандидата химических наук.

В тысяча девятьсот девяносто пятом году создал и возглавил корпорацию «Ком-С» («Компьютерные системы»), начавшую разработку новейших периферийных устройств для компьютерных сетей.

Женился поздно, в сорок лет, поэтому ребенок в семье был один — сын Руслан.

По всем отзывам Белогор слыл человеком целеустремленным, требовательным, жестким, не любил людей необязательных, не держащих слово, ленивых и болтливых. Увольнял таких безжалостно, даже если они были хорошими специалистами, следуя мудрости Софокла: «Много говорить и многое сказать — не одно и то же».

Однако мало кто из его коллег, приятелей и даже родствен-

ников знал, что Владимир Владимирович является еще и Пресветлым Князем Русского ордена, раскинувшего крылья над территорией многострадальной России от Калининграда до Владивостока. Эта организация была так глубоко законспирирована, что о ее существовании не ведала ни одна государственная спецслужба страны. Уровень ее возможностей был еще невелик, но уже начал вносить существенный вклад в расстановку политических сил внутри России. О чем опять же знали только несколько человек в высших эшелонах власти, ставшие адептами ордена.

Восьмого декабря Владимир Владимирович вызвал в свой офис, располагавшийся на территории корпорации «Ком-С», Первого князя ордена, занимавшего официальный пост начальника базы Управления спецопераций ФСБ. В одиннадцать часов утра Первый князь — полковник Всеслав Антонович Родарев переступил порог кабинета главы «Ком-С».

Они поклонились друг другу.

— Присаживайся, Всеслав Антонович, — повел рукой глава ордена.

Родарев подсел к Т-образному столу, на краю которого стоял плоский монитор современного компьютера, выполняющего роль защищенной системы связи и постоянно включенного.

— Слушаю, князь, — сказал полковник. — Плохие новости?

— Аналитические, — ответил Белогор без улыбки; в его устах это означало — «новости напряженные», то есть новости рабочего состояния. — Аналитики выдали последние расчеты, и по их прогнозам ничего хорошего ситуация нам в ближайшее время не сулит.

— Кто-нибудь из наших агентов провалился? — осторожно поинтересовался Родарев.

— Прямых провалов нет, однако наметились некие опасные тенденции. Разведка докладывает, что СТО начинает усиливать давление на Россию. В ближайшие дни следует ждать идеологической, а то и агентурной атаки. В связи с чем я забираю из-под твоего крыла, князь, тактическое подразделение и передаю твоему заместителю.

— Воеводе Николаю?

— Нет, князю Шельмину.

Родарев помолчал, обдумывая решение главы РуНО.

— Алексей не справится с ППП.

— Первое время ему будет действительно нелегко, пока он не войдет в курс дела. Но он справится. Ты же полностью переключишься на решение стратегических задач. Деятельность дружин СОС мало эффективна. Ликвидация лидеров бандформирова-

ний — не главная их головная боль. Лидерами СТО делается очередная попытка полного подчинения управления Россией. Они многого добились, надо признаться, расставив везде своих людей, контролируя сферы производства, финансов, культуры и образования, осталось только прибрать к рукам управление спецслужбами, институтом президентства, местными органами самоуправления и творческой реализацией.

— Ты имеешь в виду науку?

— Науку в том числе. По нашим сведениям, нападения на известных ученых, изобретателей и гениальных самоучек не случайны, все это часть плана СТО по уничтожению творческого потенциала России.

— Творческий потенциал народа уничтожить никому не под силу, — усмехнулся Родарев.

— Тем не менее реагировать на попытки уничтожения надо быстро и остро.

— Согласен.

— Вот почему я и разделил нашу оперативную базу. Для твоих людей есть цели поважнее: финансисты боевиков, агенты Синедриона, чиновники — торговцы людьми и ресурсами, министры-коррупционеры, разработчики планов дробления России, уничтожения ее культуры и традиций, духовного потенциала, прямые враги отечества за рубежом.

— Чем же тогда будет заниматься система ППП?

— Не беспокойся, у нее работы хватит. Предстоит очистить от скверны всю территорию страны. Но если ты против назначения Шельмина...

— Я плохо его знаю.

— Он молод, амбициозен, но проверен в деле, хороший тактик и многого добьется. В случае каких-либо негативных последствий назначения мы его заменим. Но ведь и молодежи надо приобретать опыт?

Родарев промолчал, не желая вслух высказывать свои сомнения. Алексей Харлампиевич Шельмин был сыном старого приятеля главы РуНО и давно зарекомендовал себя ярым последователем этнической чистки государственных властных структур.

— У тебя есть возражения по существу? — сузил пронизательные карие глаза Владимир Владимирович. — Зная присущую тебе осторожность...

Родарев качнул головой, по его губам скользнула тонкая усмешка.

— Мне как феномену присущ самовозрастающий логос.

Глава ордена поднял брови, откинулся на спинку стула, с не-

которым сомнением разглядывая твердое волевое лицо полковника.

— Очень интересное заявление.

— Я пошутил. Это не мои слова¹. Если ты решил назначить руководителем системы ППП князя Шельмина — ничего не имею против. До сих пор он действовал в пределах наших представлений и доктрин, выполнял все поручения, хотя мне и не нравится его упрямство и чрезмерная заносчивость. По опыту знаю, что гордыня — прекрасная база для ошибок и смены ценностных ориентиров.

— Тем не менее мы с тобой не боги и не в состоянии лично контролировать все сферы деятельности ордена. Пусть Алексей поработает.

— Ему придется несладко. Мы живем в эпоху великого равнодушия, и подвинуть инертную массу народа, полностью замомбированного телевидением и средствами массовой информации, на благое дело — почти невозможно.

— На первых порах ты ему поможешь. Он справится. И все на этом, вопрос с назначением решен. Давай поговорим о твоих собственных проблемах. По данным разведки, стало известно, что Синедриону требуется компьютерщик, и не просто компьютерщик, а высококласный специалист. Необходимо подсуетиться и устроить туда нашего человека. Сможешь?

Родарев провел ладонью по седому ежику волос.

— Такие задачи мы еще не решали. Сколько у меня времени?

— Вчера.

— Понятно.

— Если мы внедрим в СТО нашего агента, будем знать все о планах врагов.

— Меня агитировать по этому поводу не надо. Но и проваливаться бы не хотелось. Разреши позвонить?

— Звони.

Родарев включил свой сотовый:

— Николай? Найди Сашу Королева... Через полтора часа будьте у меня... все. — Выключил телефон. — Вторая проблема?

— В течение двух недель надо сделать два дела. Первое: обложить со всех сторон, как волка, одного религиозного деятеля — Етанова Николая Игоревича.

— Архимандрита РНХЦ?²

— По нашим предположениям, он является не только главой

¹ Венедикт Ерофеев.

² Русская неохристианская церковь.

церкви, но и маршалом Российского ордена Власти. Но учти, он дружен с самим Джеральдом Махаевски, Высшим Посвященным...

— Магистром датского ордена Раздела.

— Все-то то знаешь, князь. Махаевски — очень сильный противник. Адепт черной магии, мастер воинских искусств, философ, ученый, знаток России. Блестяще знает язык.

— У меня тоже есть орлы такого полета.

— Сомневаюсь. Поэтому будь осторожен. Вторая задача, которую тебе надо решить быстро, — Грузия. По нашим сведениям, на территории Грузии оборудованы схроны с переносными зенитно-ракетными комплексами «Игла-2» российского производства.

— Которыми боевики сбивают наши вертолеты на границе с Чечней?

— Теми самыми. Требуется уничтожить схроны, боевиков, использующих ПЗРК, а также грузинских чиновников, прикрывающих эти операции. Хватит цацкаться с ними и уговаривать коллег не зарабатывать на крови наших солдат и офицеров!

— Хватит, — согласился Родарев. — Может, заодно прихлопнуть и этого маразматика, грузинского президента? Попил кровушки своего родного народа, не одного хорошего человека в тюрьме сгноил, да и нам насолил крепко.

— Его свои уберут, надоел всем, так что не надо суетиться. Кроме этих двух первоочередных задач, тебе следует заняться и другими, не менее важными. Космонавтика, медицина, общее состояние науки — это тоже наши приоритетные направления работы. Науку разваливают практически в открытую, космонавтику в первую очередь.

— Для этого нужны специалисты.

— Получишь. Будешь работать с Андреевым и его молодыми и рьяными «лаборантами», которые разбираются в научных проблемах не хуже академиков.

— А что у нас с наукой? Я как-то не интересовался...

— А зря. В развитых странах в сфере науки и высоких технологий занято до двадцати пяти процентов трудовых ресурсов, в России — три. Финансирование НИОКР в странах ЕС достигает пятидесяти пяти процентов, в США — шестьдесят семь, у нас — двенадцать. Есть разница?

— Существенная. Причины проанализированы?

— Та же коррупция и прямое предательство. Чиновников, голосующих за сокращение расходов на высокие технологии и ратующих «за улучшение жизни народонаселения», будем убирать беспощадно! В отдельных областях знаний царит тот же беспредел. Космонавтика — яркий пример. Сейчас в космосе летает

более тысячи аппаратов, из них российских — сколько ты думаешь?

— Двести?

— Всего сто десять! О бюджете отечественной космонавтики и говорить не приходится, цифра просто смехотворна. А принимают решения о финансировании отрасли известные всем министры и лоббисты из Госдумы.

— Всех — мочить!

— Давно пора.

— А что в медицине?

— Тебе выдадут полный пакет данных по медицине. Один только пример: в Питере закрыли Институт мозга, ученые которого начали успешно лечить наркоманов стереотоксическими методами.

— Хотят, чтобы Россия стала «отстойником» алкоголиков и наркоманов...

— Именно. Те, кто начал кампанию травли медиков и дискредитации метода, известны.

— Понял.

— Я в тебе не сомневался, — улыбнулся Владимир Владимирович. — Теперь давай покумекаем над нашими проектами...

Через полчаса Всеслав Антонович покинул кабинет Пресветлого Князя, нагруженный информацией «под завязку». Однако привычка контролировать эмоции помогла выглядеть уверенным, невозмутимым, сильным, и подчиненные полковника увидели своего командира таким же подтянутым и деловито-сосредоточенным, как и прежде.

— На базу, — бросил он водителю новой «триста двенадцатой» «Волги», принадлежащей Управлению спецопераций.

В час дня Родарев встретился у себя в кабинете с воеводой ордена Николаем Степановичем и специалистом по компьютерным сетям Александром Королевым, который знал всех известных компьютерщиков мира. Только он мог порекомендовать специалиста из числа своих друзей или знакомых, кто согласился бы послужить ордену — и Отечеству — верой и правдой, внедрившись в святая святых СТО — Синедрион.

БУЙ-ТУР

8 декабря

Обычно задание Гордей получал через службу наведения ППП. На этот раз его вызвал к себе сам Спирин — воевода ордена, правая рука князя, руководившего операциями ППП на всей территории России.

Встретились они в профилактории «Благоево» Министерства обороны, располагавшемся в десяти километрах от Московской кольцевой автодороги по Новорижскому шоссе, где Русский орден создал базу службы ППП. Буй-Тур бывал здесь нечасто и не знал, где находится кабинет воеводы, но догадывался, что Спирин принадлежит скорее всего к руководству профилактория.

Так оно и оказалось. Кабинет под номером 3, куда ему велено было явиться, оказался владениями заместителя директора профилактория по хозяйственной части.

Встретил Буй-Тура средних лет мужчина с тяжелым мясистым лицом, на котором выделялись густые брови и прозрачно-серые цепкие глаза. Волосы у замначальника профилактория были черные, тоже густые, с проседью. Весь его облик дышал силой и властной непреклонностью.

— Садитесь, Гордей Миронович, — привстал он из-за стола, протягивая широкую ладонь. — Давайте сразу к делу, времени у меня мало.

Гордей оглянулся на дверь.

— Вы без охраны?

— Пусть вам так не кажется. Территория профилактория охраняется по высшему разряду.

— Я заметил только дежурного на входе.

— В устах профессионала это похвала. Итак, вашей группе поручено выполнить за десять дней два задания. Первое: надо физически устранить одного иркутского бизнесмена, возжелавшего обанкротить, а потом за бесценку купить Верхне-Ленское речное пароходство, и предупредить губернатора края, что если он будет и дальше поддерживать бандитов, сам отправится на тот свет. Фамилия бизнесмена — Добрынин, он, кроме всего прочего, еще и депутат краевой Думы. Второе задание — ликвидировать чеченскую бандитскую команду, терроризирующую весь юг России — от Ставрополя до Ростова и Волгограда. Нельзя допускать, чтобы бандиты диктовали свою волю местным властям и ставили на колени весь народ.

— Снова чеченцы?

— Вас что-то не устраивает, полковник?

— Просто это слово уже оскомину набило...

— К сожалению, оскомины — не главная наша беда. Хотите недавний пример? Позавчера кавказцы избили в кафе «Мартан» двух девочек-школьниц¹. Им не понравилось, что девочки не захотели с ними знакомиться. И что? Вы думаете, кто-нибудь встал на их защиту? Даже скины не почесались! Другой пример:

¹ Реальное событие.

в Корее американский пьяный офицер сбил на джипе двух девушек¹, так по всей Корее прокатилась волна антиамериканских выступлений! Избили полсотни американцев, солдат и туристов! Вот как надо защищать свой народ! И пока мы этого не поймем — над нами будут измываться все, кому не лень. Еще меры нужны?

— Нет.

— Вот, ознакомьтесь.

Спирин подал Буй-Туру стопку листов.

Гордей быстро прочитал отпечатанный на листах текст — донесения разведки ППП с мест событий. Всего донесений было шесть, и все они рассказывали о бесчинствах переселившихся из Чечни, Дагестана и Ингушетии жителей этих субъектов Федерации на территории Волгоградской, Ростовской, Челябинской, Курганской, Ярославской губерний и Ставропольского края.

Хмыкнув, Буй-Тур перечитал донесения внимательней.

В одном говорилось об убийстве на дискотеке в станице Клетской двумя чеченцами русского парня Романа Лопатина. Поминки по убитому переросли во всестаничный сход, потребовавший от властей выгнать всех кавказцев и запретить им селиться в районе. Как всегда, нашлись горячие головы, а возможно — провокаторы, ринувшиеся мстить и увлекшие за собой толпу. Сгорело общежитие, в котором проживали одна чеченская семья и три русских. Милиция перекрыла дороги и не пустила в станицу чеченскую подмогу. Но общая ситуация в Клетском районе осталась напряженной. Численность населения района составляет двадцать семь тысяч человек, чеченцев насчитывается всего около трехсот, но им удалось организовать сбор «дани» с местных жителей и держать в страхе даже милицию. Роман Лопатин был убит за то, что отказался платить свой «взнос». Следствие по этому делу, как водится, зашло в тупик «из-за отсутствия доказательств».

Второе донесение рассказывало о побоище между местными казаками и чеченцами в селе Богородицком Ростовской губернии. В нем участвовало более семидесяти человек, вооруженных металлическими прутьями, обрезками труб, топорами и ножами. Чеченцы к тому же имели и огнестрельное оружие — обрезы и самодельные пистолеты. Тяжелые ранения получили двенадцать человек.

Совет атаманов губернии закончился массовыми беспорядками. Чеченцы притихли, но не надолго.

Но больше всего Гордея поразило сообщение из поселка

¹ Реальный факт.

Черниговка Челябинской губернии. Жители поселка оказались жертвами систематического террора чеченцев из соседнего села Магнитка. Началось все с дискотеки, как и в станице Клетской. Группа чеченцев стала приставать к шестнадцатилетней Евгении Лошкиной. Вступившегося за нее Антона Седого пятнадцати лет выволокли на улицу и жестоко избили, угрожая пристрелить любого, кто попытается вмешаться. Покидая место конфликта, опьяневшие от злобы чеченцы въехали на «копейке» в толпу молодежи, сбив и покалечив несколько человек. В Агаповском РОВД жителям Черниговки в помощи отказали. И через неделю не получившие отпора хулиганы заявили на танцплощадку снова. Напали на парней, нанесли семь ножевых ран двум молодым людям — Соловьеву и Дьяченко, выкрикивая: мы вас, русских свиней, в Чечне резали и здесь будем резать!

Пятеро казаков во главе с атаманом Магнитогорского казачьего войска обратили банду в бегство, но при въезде в Магнитку все были задержаны милицией.

— И осуждены за разбой!.. — вслух дочитал Гордей. Поднял на воеводу посветлевшие от сдерживаемого гнева глаза. — Их засудили?!

— Казаков? Увы, да. Троим дали по три года, одному — два и атаману — четыре. Общего режима.

— А чеченцам?

— Ничего. Предупредили, что если будут безобразничать — их привлекут к ответственности.

— Но это же кретинизм!

— Согласен. Однако судьи у нас до сих пор легко продаются и покупаются. А чеченцы все так же издеваются над жителями Черниговки и всего района.

— Вожаков выявили?

— Вот все данные. — Спирин подвинул к Буй-Туру папочку алого цвета с тисненым серебряным соколом. — Я мог бы и не вызывать вас сюда, полковник, но хочу предупредить. Разборки с кавказцами — дело тонкое, требующее учета всех местных деталей, особенностей, отношений, традиций и менталитета. Бандитов, причастных к террору, надо наказать, рядовых чеченцев и других южан — предупредить, но так, чтобы они поняли. Нам не нужны грандиозные победоносные войны с тяжкими последствиями. Законопослушные граждане страны пострадать не должны.

— Меня уже инструктировали по этому поводу.

— И тем не менее я вынужден еще раз акцентировать внимание на подходе к проблеме. Нельзя наказывать всех чеченцев огулом, и нельзя дать повод «правозащитникам» кричать на каждом углу, что мы разжигаем межнациональную рознь.

— Мне кажется, разборки с шайками отмороженных — дело неблагодарное и второстепенное.

— Кому-то надо выполнять и эту далеко не чистую работу. Приграничные с Чечней районы — не последние очаги терроризма на территории России, и вам придется чистить ее всю, в том числе в сердце страны — на Южном Урале и в Сибири. Но вы правы, ликвидация бандитов — важная, хотя и вторичная проблема. Террор — дело интеллектуалов, а не «обколотых» исполнителей. Боевики, к великому нашему сожалению, имеют не только высоких покровителей у нас и за рубежом, получающих бешеные прибыли на использовании бандформирований, но и свои интеллектуальные центры, мозговые штабы экстремистских партий и международных «миротворческих» организаций.

— Вот ими и надо заниматься в первую очередь.

— Ими занимаются другие наши дружины.

— Тогда ладно. С какой задачи мне начать?

— По вашему выбору.

— Тогда начну с «лечения» чеченских отморозков и фанатиков.

— Не возражаю. Но помните...

— Не забуду, Михаил Константинович. — Буй-Тур встал. — Правду говорят, что у нас новый генеральный?

— Руководство ППП осуществляет теперь другой князь.

— А старый что ж, сплоховал?

— Он отвечает за другую область деятельности службы, — сухо ответил воевода, давая понять, что разговор окончен.

Гордей взял пакет с данными по решению конкретной задачи и вышел.

Уговаривать его «работать тихо, без последствий» не требовалось, он и сам понимал последствия возможной неудачи, утечки информации или неосторожного обращения с населением глубинки России. Люди должны были знать, что их защищают, но не должны были даже догадываться — кто этим занимается.

Каждую операцию Буй-Тур со товарищи готовил тщательно и проводил в шесть этапов.

Первым этапом шло изучение материалов дела, подробностей, фактов, документов следствия — если таковыми располагала группа, а также личных характеристик и привычек объектов воздействия.

На втором этапе группа изучала местность, где проживали объекты, на третьем — выбирала место, где должна была проходить операция, и готовила подходы к нему.

Четвертый этап включал в себя разработку основного и запасных вариантов воздействия на «клиентов» ППП, а также вариантов отхода группы.

Пятый представлял собой выбор средств доставки и воздействия, связь со службой обеспечения, экипировку и снабжение группы в соответствии с «легендой» ее передвижения по району операции.

Шестой завершал операцию, ибо по сути являлся ее вершиной — ликвидацией или иным способом воздействия на объект.

На все подготовительные этапы операции в Челябинской губернии, куда сначала направилась группа, ей потребовалось три дня.

До Челябинска летели из подмосковной Лялихи на военном транспортнике — как «армейские снабженцы», имеющие предписание доставить в столичный гарнизон новое обмундирование. Из Челябинска в Златоуст их отвезли на автобусе, заказанном в военной комендатуре Челябинска специально для «снабженцев». Из Златоуста в Магнитку, где проживали основные главарь чеченской диаспоры, терроризирующие местное население, а также их покровители из местной администрации и силовых структур, каждый член группы добирался самостоятельно, чтобы не вызвать подозрения у правоохранительных органов.

Одиннадцатого декабря, когда в округе слегка потеплело — температура воздуха повысилась с минус двадцати двух до минус двенадцати, все пять членов группы «Сокол» — включая Гордея — собрались на квартире, которую им сняла в Магнитке заранее квартирмейстерская служба ППП. Все они когда-то были офицерами Российской армии, служили в спецназе или в десантно-воздушных войсках, и это было все, что знал о них Буй-Тур. Настоящих фамилий своих подчиненных он не знал, во время операций они пользовались поддельными документами, как и он сам, и отзывались исключительно на имена: Влад, Борис, Жека-Евгений и Олег.

Влад был блондином, всегда тщательно брился, носил очки, хотя обладал острым зрением; в группе он выполнял роль снайпера.

Впрочем, все они отлично стреляли, владели приемами рукопашного боя и всеми навыками десантника-диверсанта, а главное — были хорошими актерами, легко при нужде перевоплощавшимися в стариков, женщин и «хлипких интеллигентов». За плечами всех четверых были два, а у кого и четыре года работы в службе ППП, поэтому свое дело они знали туго.

В списках объектов воздействия, которые имелись на руках у Буй-Тура, значилось двенадцать человек. Трех из них — двух

наиболее агрессивных, злобных и жестоких вожakov бандформирования, называвших себя «шахидами» — мстителями за веру, а также их покровителя из местных силовых структур, надо было убрать физически. К остальным следовало применить меры «административного воздействия»: четверых избить до полусмерти — эти люди также отличались жестокостью и агрессивным поведением и уважали только силу; троих напугать до такой степени, чтобы они до конца своих дней не решились выходить «на тропу войны» с исконными хозяевами земли русской; двоих предупредить.

После короткого совещания решено было начать операцию с «крайних мер», требующих особой осторожности. До сих пор операции по ликвидации бандитов, ушедших от возмездия со стороны правоохранительных органов, удавалось проводить без шума. Группа появлялась и исчезала как «небесная карающая сила», не оставляющая следов. Гордей надеялся, что и здесь им повезет, так как они не были простыми наемниками, работающими за деньги, но очищали свою землю от нелюдей, от подонков, не имеющих права жить. Правда, в их случае дело осложнялось тем, что операцию надо было проводить в зимних условиях, что накладывало дополнительные условия по маскировке группы и усложняло отход.

Первым в плане ликвидации стоял молодой чеченский отморозок Абдулла Темиров, родственник местного чеченского богача Аслаханова, сколотивший из шпаны, в основном — чеченского и ингушского происхождения, мобильную команду, вымогавшую у молодежи района дань за «крышу». Хотя жителям окрестных сел и поселков никакой «крыши» не требовалось, защищать их надо было скорее от самих «защитников».

Вторым в списке на уничтожение значился майор городского РОВД Мовсар Аллаулин, прикрывающий деятельность банды. Каким образом этот человек, воевавший против федеральных войск в тысяча девятьсот девяносто шестом году на стороне Дудаева, стал начальником РОВД Магнитки, еще предстояло выяснить. Очевидно, у него были очень влиятельные покровители в Челябинске, а может быть, и в Москве. Сомнений же в том, что именно Аллаулин закрыл несколько заведенных на чеченцев уголовных дел, у Буй-Тура не было.

Майора решено было брать в сауне, куда он любил заглядывать по четвергам в компании с местными красавицами.

Операция началась в семь часов вечера по местному времени.

В сауну, построенную на деньги Аслаханова, создавшего Общество с ограниченной ответственностью «Алко-борз», которое торговало пивом и алкогольными напитками, и располагавшую

ся в центре Магнитки, на улице Уральской, зашел средних лет мужчина в дорогой меховой шубе и не менее дорогой пыжиковой шапке, небольшого роста, с усиками «а-ля Чарли Чаплин».

— Прошу прощения, уважаемый, — сказал он, картавя. — Могу я погреться в вашем заведении?

— К сожалению, сауна сейчас занята, — развел руками охранник. — Моется один очень важный начальник. Если хотите — подождите до девяти часов вечера или приходите завтра, мы вас обслужим.

— Позовите вашего директора. Я хотел бы посмотреть на удобства.

— Он... ушел по делам, — замылся охранник. — Могу позвать кого-нибудь из обслуживающего персонала.

— Вас так много?

— Четверо. Напарник на запасном выходе дежурит и двое на обслуживании.

— Неужели двух официантов хватает, чтобы обслужить компанию клиентов?

— Как правило, приходят по трое-четверо, максимум — шестеро, так что справляемся. А вы хотите прийти один или с друзьями?

— С друзьями. А с этим вашим «важняком» много людей?

— Сегодня он один, — расплылся в улыбке охранник. — Если не считать девушек.

— Неужели он ничего не боится?

— А чего ему бояться, он сам из милиции. — Охранник виновато кашлянул, понимая, что сболтнул лишнее. — Я сейчас позову Мамеда...

Он повернулся спиной к посетителю... и упал лицом вниз от несильного, но точного удара по затылку.

Мужчина в шубе достал рацию.

— Начали.

Тотчас же в небольшой вестибюльчик сауны быстро вошли трое парней в одинаковых серых куртках, натянули на головы вязанные шапочки с прорезями для глаз.

— На улице все чисто, — обронил один из них.

— Второй охранник дежурит у запасного выхода, — сказал гость в шубе. — Снять тихо, без летального исхода.

— Обижаешь, командир, — проворчал тот же парень, доставая дистанционный электрошоковый разрядник. — Много их здесь?

— Охранников всего двое, плюс обслуга — два человека, плюс девочки и клиент.

— Он что же, без телохранов в сауну ходит?

— Зачем ему телохраны в родном поселке? К тому же вряд ли в его интересах светиться в саунах с компанией. Все, время пошло!

Парни в масках рассредоточились. Двое скользнули в дверь, ведущую в комнату обслуживающего персонала, третий направился по коридору в торец строения, где дежурил второй охранник. Мужчина в шубе подождал немного, прислушиваясь к звукам музыки, долетавшим в вестибюль из анфилады комнат, в которых располагались парилки, бассейн, бильярд и зона отдыха, потом не спеша двинулся вслед за двумя парнями, не снимая ни шубы, ни шапки.

Майор Мовсар Халилович Аллаулин, начальник РОВД Магнитки, плавал в бассейне, гоняясь за двумя девицами, когда в зал вошли трое незнакомцев: один в шубе, двое — в куртках, с шапочками на головах, скрывающими лица. Майор был волк битый и сразу все понял, но попытался выкрутиться из безнадежного положения.

— Вы что здесь делаете?! — заорал он, прячась за девиц. — Вон отсюда!

Девушки, заметив гостей, завизжали, но тут же притихли.

— Он? — спросил один из парней.

— Он, — подтвердил мужчина в шубе.

— Девочки — вон из бассейна!

Испуганные приятельницы майора поплыли к лесенке, полезли на бортик бассейна. Аллаулин ухватился было за одну из них, пытаясь прикрыться ею, снова заорал:

— Я начальник милиции! Немедленно убирайтесь! Не то вызову ОМОН!

— ОМОН уже здесь, — спокойно сказал мужчина в шубе. — Я полковник службы пресечения и предупреждения преступлений Русского ордена. Судья и палач в одном лице. Майор Аллаулин, ты приговорен к смерти за связь с бандитами и предательство своих товарищей. Пора отправляться на встречу со своим богом.

— Да я вас!..

Раздался тихий хлопок, почти не слышный на фоне музыки.

Во лбу майора расцвела красная розочка. Сила удара пули отбросила тело к стенке бассейна, затем оно без плеска ушло под окрасившуюся кровью воду.

— Уходим, — ровным голосом сказал мужчина в шубе; это был Буй-Тур.

Не торопясь, но и не медля, они покинули притихшее заведе-

ние для отдыха местной «элиты» и через несколько минут сели в поджидавший их микроавтобус «Баргузин» с челябинскими номерами, за рулем которого был пятый член группы «Сокол», круглолицый, с обманчиво добродушными глазами, Жека-Евгений.

— Удачно? — спросил он.

— Нормально, — ответил Буй-Тур, не испытывающий ни малейших угрызений совести. — У нас всего час времени, если девицы не поднимут шум раньше.

— Не поднимут, — отозвался Борис. — Я запер их на кухне вместе с обслуживающей и приказал сидеть тихо до двенадцати часов. Телефон обрезаю, а мобила была только у одного охранника.

— Все равно рано или поздно органы перекроют дороги района и придется напрягаться.

— Успеем, не впервой.

«Баргузин» резво помчался по улицам поселка, очищенным от снега только в центре. Выскочил на трассу, соединявшую Магнитку с городом Куса. В начале девятого он остановился на окраине поселка Октябрьский, куда, по данным разведки, направился следующий объект ликвидации Абдулла Темиров и его «кунаки», особенно отличившиеся в запугивании населения района.

— Что слышно? — повернул голову к Борису Буй-Тур; он уже снял шубу и пыжиковую шапку, отклеил усы и теперь передевался в спецназовский комбинезон для ведения боевых действий в зимних условиях. Остальные члены группы делали то же самое.

— Пока все тихо, — ответил Борис, прослушивающий с помощью монитора диапазоны милицейской связи. — Обычный служебный треп.

Буй-Тур включил рацию:

— «Две тройки», как слышите? Прием.

Позывной «две тройки» принадлежал группе разведки и обеспечения, контролирующей передвижение объектов воздействия по территории района.

— Слышим хорошо, «две единицы», — отозвался динамик рации. — Объект только что подъехал к магазину «Продукты» на улице Пугачева, там у них пиво-водочный склад. С ним трое неправильных пацанов.

— Охрана у магазина есть?

— Небритый дядя неопределенного возраста, изредка выходит на улицу покурить. Вооружен кобурой, но что в кобуре — неизвестно. На всякий случай будьте порасторопней. Склад же

охраняется двумя джигитами, у одного помповое ружье, второй что-то носит под курткой, скорее всего обрез.

— Понял, «две тройки». Из магазина на склад можно пройти?

— Можно, через подсобку.

— Мы уже в селе, начнем через четверть часа. Конец связи.

Буй-Тур выключил рацию, оглядел «соколов».

— Темиров со своими абреками сейчас в магазине. Более удобного случая не представится. Нас здесь не ждут, поэтому операцию можно повернуть за несколько минут. Все готовы?

— Как штык! — дружно ответили «соколы» ППП.

— Работаем на опережение, желательно — без лишней стрельбы. Мирные жители пострадать не должны.

— Да знаем... — начал было Олег.

— Отставить базар! — жестко перебил его Буй-Тур. — Я знаю, что вы знаете. Но буду всегда напоминать об осторожности. Люди должны быть уверены, что мы действуем безошибочно. Только тогда нам будут сочувствовать, доверять и помогать. Любой наш прокол или неосторожность обернутся против нас же. Поэтому ошибок не потерплю! Всем ясно?

Ответом Гордею было молчание.

— Вопросов нет. В таком случае поехали.

«Баргузин» устремился к центру поселка, освещенного оранжевыми фонарями.

Буй-Тур вспомнил одну из своих операций в Чечне, когда он с группой спецназа «зачищал» село Тамашки в горном районе республики. Операция закончилась провалом, потому что боевики успели уйти из тех домов, где они останавливались на ночлег. Их предупредили сами жители Тамашек, симпатизировавшие родичам, а не федеральным силам. Как только группа «зачистки» вошла в село, забрежали собаки, и тотчас же как по команде в некоторых домах загорелись окна. Причем не хаотично, а по определенной схеме, выстроившись в цепочку в сторону гор. Одновременно с оконной сигнализацией над печными трубами появились белые дымки, хорошо видимые издали.

Для этих целей пособники боевиков зимой всегда держали ворох кукурузной соломы, летом — промасленную бумагу, для черного дыма. Кинул спичку — и готово.

Когда спецназ подошел к домам, в которых, по агентурным данным, должны были отдыхать «воины гор», там уже никого не было.

Буй-Тур невольно бросил взгляд на проплывающие мимо дома Октябрьского. Тряхнул головой, сбрасывая наваждение. Это был русский поселок, и пособники бандитов среди его мир-

ного населения не водились, они сидели в начальнических кабинетах, как майор Аллаулин.

«Баргузин» остановился у освещенного магазина «Продукты».

Подождали, пока вышедшие оттуда две пожилые женщины скроются в переулках поселка.

— Начинаем, «две тройки», — включил рацию Буй-Тур.

— Горизонт чист, — отозвался наблюдатель группы обеспечения; Гордею очень хотелось бы знать, где он находится в данный момент, но ребята свое дело знали. — Объект все еще на складе.

— Не вижу его машины.

— Она во дворе, белая «девятка».

— Понял. Мы пошли.

Буй-Тур вылез из машины и, не мешкая, зашагал к магазину. Его подчиненные направились следом, на ходу перестраиваясь. Олег остался сзади прикрывать командира, остальные обогнули магазин, чтобы зайти на склад через другой вход.

Буй-Тур натянул шапочку поглубже, превращаясь в спецназовца без лица, имени и фамилии, открыл дверь, впуская в магазин клуб пара, и сразу увидел охранника, о котором предупреждали наводчики группы. Он сидел на стуле у игрового автомата (надо же — и в глубинку России проникла эта цивилизованная зараза!) и отреагировал на появление двух мужчин в камуфляже слишком поздно. Приблизившийся к нему Гордей вырубил небритого увальня одним ударом, стараясь не покалечить. Огляделся.

В торговом помещении магазина присутствовало всего три человека: двое покупателей — молодой парень в кожаном полуботинке, женщина в годах и продавщица в халате, натянутом на ватник. Все они оглянулись на входную дверь, проводили глазами упавшее тело охранника и теперь молча, в изумлении, дивились на спецназовцев, не понимая, что происходит.

— Спокойно, граждане, — сказал Буй-Тур скучным тоном. — Без паники. Просим всех оставаться на местах и не мешать работе ОМОНа. Мы проводим операцию по захвату бандитов, терроризирующих район. Пожалуйста, отойдите к прилавку и подождите. Как только операция закончится, мы вас отпустим. Сюда входили лица кавказской национальности?

— Трое, — кивнула на дверь подсобки за своей спиной ошеломленная продавщица. — Взяли деньги и пошли на склад.

— Они у вас всегда деньги берут?

— Магазин принадлежит их родственнику...

— Понятно. Хозяин, значит, тоже здесь?

— На складе.

— Понятно.

— А этот с ними был, — затараторила пожилая покупательница. — Он на рынке часто ошивается, тоже деньги собирает, моего племянника застрашал...

Парень в желтом полушубке с капюшоном сунул руку в карман, и тотчас же Олег прыгнул к нему через ящик с крупами, в два удара уложил на пол. Залез под мышку парня и достал старинный «наган».

— Ковбой хренов! Где они только такое коллекционное оружие достают? Плюс патроны к нему. Этой пукалке лет шестьдесят, не меньше.

Буй-Тур промолчал, огибая прилавок.

Дверь в подсобку скрипнула, открываясь. Из нее выглянула смуглая бородатая физиономия.

— Что тут у вас за шум?

Буй-Тур ударил мужика в лоб рукоятью пистолета, оглянулся на застывших женщин.

— Прошу вести себя тихо, на улицу не выходить, на помощь не звать. Везде наши люди.

Перешагнул тело бородатого, одного из тех, кто вместе со своим вожакom Абдуллою Темировым принимал участие в наведении «чеченского порядка» на территории района.

Короткий коридор с рядом закрытых дверей, последняя дверь — из толстых прокопченных досок — приоткрыта. Она и ведет на склад, принадлежащий родственнику Темирова, который контролирует в районе алкогольный бизнес.

— Где Шалва? — послышался из-за двери чей-то гортанный голос. — Пусть грузит товар.

Говорящему ответили не то на чеченском, не то на грузинском языке. Послышались приближающиеся шаги.

Буй-Тур оглянулся на Олега, придвинул к губам усик рации.

— Вы где?

— На месте, — ответил Жека. — Во дворе. Водитель «девяток» уснул, все тихо. Кто начинает?

— Время пошло!

— Яволь, командир. Как говорил поэт: «Вперед, заре навстречу, товарищи в борьбе! Штыками и картечью проложим путь себе»¹.

— Никакой картечи!

— Яволь! — Жеке-Евгению нравилась его работа.

Дверь открылась, пропуская молодого чеченца в стандартном

¹ А.И. Безыменский.

«кавказском мундире»: черная кожаная куртка, черные штаны, горные ботинки, вязаная шапочка. Едва ли он успел сообразить, что происходит, получив ослепляющий удар в лицо, сломавший ему нос и швырнувший в глубь полутемного помещения склада.

Буй-Тур и Олег ворвались туда мгновением позже, застав обитателей склада врасплох. Всего их там оказалось четверо, включая вожака банды Абдуллу Темирова и его дядю Асламбека Аслаханова, владельца сети ларьков и магазинов, торгующих, по данным разведки ППП, «паленой» водкой.

На появление гостей в камуфляже оперативно отреагировал лишь один человек из четверых — Абдулла Темиров. Он вдруг бросился бежать к другому выходу из помещения, на ходу вытаскивая из-под полы обрез.

— Не двигаться! — рывкнул Буй-Тур. — Всех перестреляем!

Темиров оглянулся, выстрелил.

И в этот момент дверь, ведущая из помещения склада во двор, распахнулась, в ней сформировалась из облака пара человеческая фигура, и в плечо полуобернувшегося Темирова вонзилась извилистая фиолетовая молния электроразряда. С диким воплем он выронил обрез, упал на четвереньки, очумело тряс головой.

Его приятели и подельники опомнились, вскакивая из-за стола, за которым играли в карты.

Но Олег, Жека и Влад в течение нескольких секунд скрутили чеченцев, уложили на пол лицом вниз, и операция по захвату «сборщиков дани» закончилась.

— В чем дело?! — обрел голос хозяин склада, все еще не понимая, что происходит. — Кто вы такие?!

— Лекари мы, — тем же скучным голосом проговорил Буй-Тур, подходя к Аслаханову. — Ассенизаторы. Насколько я понимаю, вы Асламбек Аслаханов, почтенный бизнесмен, торгующий подпольно изготовленной водкой.

— Какой еще подпольной? — возмутился чеченец, озираясь. — У меня лицензия... разрешение... меня начальник РОВД знает...

— С удовольствием отправил бы тебя к твоему другу начальнику РОВД, сволочь, — тем же тоном сказал Буй-Тур, — но у меня нынче другой заказ. Тебя же мы пока предупреждаем: не прекратишь поддерживать бандитов, финансировать боевиков, содержать притон — последуешь за ним.

Гордей кивнул Борису, и тот выстрелил в голову Темирова из его же пистолета.

Чеченец упал навзничь, раскинув руки.

— Это касается всех! — добавил Буй-Тур, повысив голос. — Будет лучше, если вы по-тихому уберетесь отсюда к себе в Ичкерия. А это вам за лозунг: «Мы вас в Чечне резали, русские свиньи, и здесь будем резать!» Помните?

Гордей снова кивнул.

Влад и Жека вывернули руки молодых подельников Темирова и прострелили им ладони. Оба с воплями схватились за простреленные места, попадали на пол от ударов по затылку, замолчали.

— Не переборщили? — недовольно хмыкнул Буй-Тур.

— Выживут, гниды! — мрачно процедил сквозь зубы Жека.

— Итак, повторяю вопрос: вы все поняли? — повернулся к Аслаханову Гордей.

— По-по-понял... — мелко закивал владелец склада.

— Учти, мы на ветер слов не бросаем. Будешь продолжать свою поганую политику — пойдешь вслед за этим волком.

— Н-не б-буду...

— Вот и славно.

Гордей кинул взгляд на Олега, и тот нанес Аслаханову точный удар в висок, погрузивший чеченского «бизнесмена» в долгое беспмятство.

— Уходим.

В ухе заговорила рация:

— «Две единицы», что у вас? «Вертушка» на подлете.

— Закончили, выходим, минут через пятнадцать будем на месте.

На сбор и посадку в машину потребовалась минута. Еще через десять минут «Баргузин» выехал за пределы поселка и остановился у приткнувшейся к заснеженной обочине шоссе белой «Волги». Из «Волги» вылез мужчина в полушубке, поднял вверх сжатый кулак. Это был один из сотрудников группы обеспечения ППП.

Буй-Тур и его «соколы» вышли из «Баргузина». Мужчина в полушубке пожал Гордею руку и сел на место водителя. «Баргузин» уехал. За ним умчалась «Волга». Оперативники «Сокола» остались одни в полной темноте. Однако через минуту послышался гул вертолетных винтов, на дорогу с неба упал сноп света, и над людьми зависла туша «Ми-8».

Когда в районе была объявлена тревога — в связи с убийством начальника Магнитского РОВД майора Аллаулина, группа «Сокол» в полном составе была далеко за пределами Челябинской губернии.

Что его потянуло в недавно построенный недалеко от Поклонной горы и запущенный в эксплуатацию аквариум-аттракцион «Океан», Владислав не знал. Тоска. Или, может быть, судьба, как говорят в таких случаях.

Аквариум был спроектирован и построен новозеландской фирмой «Marinescape» и вошел в Книгу рекордов Гиннесса как самое первое, самое большое и самое стильное заведение подобного рода в мире. Площадь его достигала двадцати пяти тысяч квадратных метров, а вмещал аквариум одиннадцать миллионов литров воды. Его изогнутый горизонтально акриловый тоннель — самый длинный в мире — для рассматривания подводной фауны и флоры являлся новым технологическим вывертом среди подобных развлечений. В аквариум было запущено около десяти тысяч рыб разных видов, в том числе двадцать трехметровых акул, а за жизнью обитателей аквариума можно было наблюдать часами. Недаром к кассам аквариума тянулись длинные очереди и даже существовал черный рынок входных билетов: тысячи россиян, жителей столицы и ее гостей, никогда не видевших жизнь моря «изнутри», стремились познакомиться с ней с веселой энергией энтузиастов-любителей аттракционов.

Увлекся и Тарасов, обойдя аквариум кругом и потратив на это занятие больше полутора часов.

Впрочем, посетителей аквариума ждало немало сюрпризов другого плана, способных задержать их еще больше. На его территории располагались и подводный ресторан, и подводный театр, и детский развлекательный комплекс, а также учебные аудитории, конференц-зал, пляж с тропическим лесом и клуб подводного плавания. Кроме того, встретившись под водой, влюбленные пары могли здесь же и пожениться — не выходя на поверхность, так как здание аквариума имело еще и подводный свадебный зал.

По слухам, на возведение этого развлекательного гиганта было потрачено больше пятидесяти миллионов долларов. Однако, во-первых, государство, по тем же слухам, не потратило при этом ни копейки, а во-вторых, заведение стоило того, чтобы его построили в столице России и о нем заговорили во всем мире, как об очередном технологическом «чуде».

Побродив по территории гигантского сооружения, Тарасов проникся восхищением к создателям «чуда» и простил правительству Москвы, что оно доверило строительство аквариума не отечественным, а зарубежным специалистам.

Полтора часа пролетели незаметно.

Прогуливаясь по тоннелю, Тарасов вдруг обратил внимание на очень красивую девушку с печальным лицом, длинноногую, стройную, с волной пышных рыжеватых волос, падающих на плечи. Ее сопровождали трое плечистых парней вполне определенного вида, в строгих костюмах песочного цвета, скорее всего не друзья, а телохранители, судя по их поведению, и они, очевидно, раздражали девушку своим присутствием, так как она все время пыталась дистанцироваться от них. Поймав ее тоскливо-равнодушный взгляд, Владислав понял, что она тяготится своим положением и с удовольствием осталась бы одна, но существовал некий порядок, установленный кем-то еще, мужем или отцом, который она не могла нарушить при всем своем желании.

Посочувствовав незнакомке с милым курносым носиком, Тарасов уже было забыл о ней, любуясь проплывающими над головой акулами, но тут к ней и компании охранников присоединился еще один молодой джентльмен в светло-коричневом костюме, отличавшийся от троицы бодигардов большей живостью лица и свободными манерами.

Он был длинноволос, длиннонос, смугл, носил галстук золотистого цвета и крупный перстень-печатку из желтого металла. Он часто улыбался, прикасаясь пальцами к локтю девушки, хотя улыбки эти Тарасову не понравились. Было в них нечто притворное, циничное, самоуверенное, будто молодой человек то и дело норовил показать собеседнице, что хозяин здесь он.

Тарасов невольно прислушался к разговору понравившейся ему незнакомки с ее кавалером.

Говорил больше молодой человек, продолжая прикасаться к локтю или к плечу девушки, что ее, судя по мимике, раздражало. Она морщилась, отклонялась и в конце концов отдернула локоть, бросив тихо-гневное:

— Не трогай меня! Я не хочу с тобой разговаривать!

— А ты пожалуйста отцу, — засмеялся длинноволосый. — Посмотрим, что он скажет.

Девушка закусила губку, бросила вокруг слепой взгляд человека, обреченного слушать собеседника, опустила голову. Видимо, она знала, что жаловаться отцу бесполезно. К тому же было неясно, кем является для нее самоуверенный молодой человек с длинными волосами и неприятными нагловатыми масляными глазами.

— Идем домой? — предложил длинноволосый.

— Не хочу, — сжала зубы его спутница.

Лицо парня на мгновение стало злым.

— Идем, я сказал! — прошипел он. — Не забывай, что мы помолвлены, и ты будешь делать то, что я велю, поняла?

Девушка снова оглянулась вокруг. Владиславу был знаком этот отчаянный молчаливый призыв — мольба о помощи, неприцельно брошенная в никуда и как пуля попавшая в цель! Целью же оказался Тарасов, подспудно готовый завладеть вниманием незнакомки.

Подошел к молодой паре. Сказал предельно вежливо, ловя боковым зрением встрепенувшихся атлетов в желтоватых костюмах:

— Прошу прощения, сударыня, я все слышал. Одно ваше слово — и я избавлю вас от этого надоедливое хамоватого кавалера.

В широко распахнувшихся глазах девушки сквозь тоску проглянуло изумление и радостное недоверие. Но тут же сменилось обреченностью.

— Спасибо, не надо.

— Ты чего, козел?! — опомнился спутник незнакомки. — Со всем оборзел?!

— Как знаете, — кивнул Тарасов и сделал одно мгновенное движение, почти незаметное со стороны, точно попав пальцем в нервный узел над верхней губой парня, начавшего угрожающе надвигаться на Владислава.

Парень застыл столбом, бессмысленно вытаращив глаза и потеряв дар речи.

Тарасов отошел и принялся неторопливо разглядывать очередные подводные «чудеса», одновременно удерживая в поле зрения всех спутников девушки. Они ничего не поняли, хотя и заговорили меж собой, кидая озадаченные взгляды на возмутителя спокойствия. Зато поняла девушка, которую они не то опекали, не то охраняли, не то содержали под стражей. Она посмотрела на своего кавалера, перевела взгляд на Тарасова, и в глазах ее зажглись искорки любопытства и удивления. Впрочем, ненадолго. Ее спутник очнулся, что-то сказал обступившим его приятелям, а может быть, подчиненным, и те одновременно оглянулись на оставшегося невозмутимым Владислава. Затем он, потирая губу, бросил что-то резкое спутнице, так что она возмущенно и беспомощно посмотрела на него, покраснела, и свет в ее глазах погас.

— Послушай, ты... — прошипел длинноволосый, подходя к Тарасову. — Я же тебя...

— Милейший, — перебил его Владислав ровным голосом, не глядя на него, — еще раз оскорбишь даму словом или действием

в моем присутствии, я тебе вобью язык в глотку. Же не компран? Донт андестенд? Или повторить?

Все замерли.

— Что ты сказал?! — обрел дар речи длинноволосый. — А ну, повтори!

Владислав посмотрел на него снизу вверх, усмехнулся.

— Я не то еще сказал бы. Про себя поберегу.

— Чего?!

— Да ты, оказывается, туговат на ухо. Был такой поэт, Твардовский, это его стихи. Вопросы еще есть?

— Ну, ты сам напросился! — Длинноволосый попытался ударить Тарасова в лицо, но кто-то вдруг дернул его за руку, и он промахнулся, оглядываясь: сзади стояла его собеседница, гневно хмурия брови.

— Геннадий, сейчас же прекрати!

— Да пошла ты на... — договорить он не успел.

Тарасов без замаха ткнул пальцем ему под кадык, и Геннадий онемел, захлебнулся собственной слюной, схватился за горло, скорчился, опускаясь на четвереньки. Прием этот назывался «шарик для гольфа» и входил в арсенал приемов смертельного касания, известный далеко не всем мастерам рукопашного боя. Заметить движение Тарасова никто не сумел, с такой быстротой оно было сделано.

— Он, наверное, что-то съел, — сказал Владислав озабоченно. — Вызовите врача на всякий случай, не помер бы.

Растерянные приятели Геннадия хлопотали вокруг босса, пытаясь привести его в чувство.

Владислав поймал удивленно-вопросительный взгляд незнакомки, виновато пожал плечами.

— Извините, пожалуйста. Так получилось, не сдержался. Однако я посоветовал бы вам сменить компанию. Скучноватая она какая-то.

Несколько секунд девушка смотрела на него невидящим взглядом, потом словно что-то вспомнила, повернулась к нему спиной и направилась к выходу из аквариума. Тарасов с сожалением вздохнул, понимая, что шанс познакомиться упущен. В поведении красивой незнакомки крылась какая-то загадка, и было видно, что она почему-то за в и с и м а от своего окружения.

— 3-3-задержите... ее... — прохрипел длинноволосый. — И этого... г-гребаного... к-каратиста...

Один из атлетов подскочил к девушке, дернул ее за руку.

Закусив губу, она попыталась вырваться.

Тарасов преодолел внутреннее сопротивление — была надежда на мирное урегулирование инцидента — и превратил себя в

боевую машину. Только с поправкой на реалии жизни: перед ним были не враги, которых можно и нужно было ликвидировать, а хамы и наглецы, не умеющие себя вести в приличном обществе, поэтому их надо было просто поставить на место в пределах «пресечения грубости».

Парень, схвативший и удерживающий девушку, внезапно отпустил ее и потерял всякий интерес к происходящему, согнулся и оперся о стену тоннеля, пугая посетителей. Глаза его остеклели.

Два его напарника, повернувшись к Тарасову, чтобы исполнить приказ своего вожака, успели увидеть лишь мелькнувшую перед глазами тень, затем тоже согнулись пополам, глотая воздух раскрытыми ртами. Бронежилетов на них не было, и Тарасов безошибочно «обработал» солнечное сплетение каждого, хотя и не в полную силу. Таким ударом — прием назывался «бросок кобры» — можно было и убить.

Девушка, вырвавшаяся из лап своего опекуна, быстро направилась, почти побежала к выходу из аквариума, провожаемая тихим шумом и возгласами посетителей, обративших внимание на эту сцену. Затем вдруг замедлила шаги, оглянулась и подбежала к медленно идущему следом Владиславу.

— У вас есть машина?

— «Субару», — кивнул Тарасов.

— Увезите меня отсюда!

— С удовольствием.

Длинноволосый, что-то бормочущий себе под нос, наконец разогнулся, ощерился, сунул руку под борт пиджака.

— Эй, ты!..

Тарасов и девушка оглянулись.

— Ты пожалеешь, что связался со мной, пидор! Оставь ее, иначе...

— Идемте, — взял незнакомку под руку Тарасов. — У него временное помутнение рассудка.

Они пошли к двери, навстречу двум молодым парням в белых рубашках с галстуками; это были охранники.

— Выпроводите их, — кивнул назад Тарасов. — Привязались, буянят. Только будьте осторожны, они, похоже, вооружены.

В машине девушка запахнула красивую бело-полосатую шубку из искусственного меха, притихла, прижав к груди кулачки.

Тарасов вырулил на шоссе, направил машину в сторону Кутузовского проспекта.

— Куда едем?

Девушка не сразу отвлеклась от своих невеселых мыслей, тряхнула головой.

— В Гнездники... Большой Гнездниковский, дом десять.

Владислав кинул на спутницу оценивающий взгляд. В центре Москвы по нынешним временам могли себе позволить жить лишь старожилы-москвичи, унаследовавшие жилплощадь, либо состоятельные граждане, бизнесмены, имеющие возможность купить квартиру за весьма солидную сумму.

— Мы недавно туда переехали, — добавила девушка, догадавшись о мыслях спутника. — Всего два года назад. Папа купил трехкомнатную квартиру...

— Кто же ваш папа, если не секрет?

— Директор авиакомпании «Росавиа».

Тарасов хмыкнул.

— Кажется, я зря затеял разборку. Это были ваши телохранители?

— Вы жалеете?

— Ни в коей мере. Не терплю хамского обращения, а тем более с женщинами. Как говорил мой приятель: сам не хам и другому не дам. Однако мне показалось, что тот молодой человек с длинными волосами вел себя не как простой охранник.

Девушка закусила губу, отвернувшись.

— Это партнер папы... и мой друг... бывший.

— Друзья себя так не ведут, даже бывшие. Но это к слову. Давайте не будем о грустном. Меня зовут Влади... э-э, Роман, а вас?

Дочь директора авиакомпании «Росавиа» не обратила внимания на обмолвку Тарасова.

— Меня зовут Яна.

— Очень приятно. Учитесь, работаете?

— Закончила МГИМО, работаю в МИДе секретарем-референтом.

— Я примерно так все и представлял. Ну и как работа, нравится?

Яна слегка оживилась.

— В общем, нравится, хотя есть свои плюсы и минусы. Очень мало свободного времени, много встреч, переговоров, аналитических совещаний и бумажной рутины.

— За границей бываете?

— Не часто, но бывала. К сожалению, перспектива роста слабая, поэтому иногда я хандрю.

— Как сегодня?

Яна улыбнулась.

— Нет, сегодня я просто повздорила с...

— Другом.

— Он работает в папиной фирме, и папа хочет, чтобы я... вышла за него замуж.

— А вы?

— А я не хочу!

— Полностью на вашей стороне. Я бы тоже не вышел за него замуж.

Яна снова улыбнулась, оценив способность спутника шутить.

— Ну а вы кто? Где работаете? Случайно не в спецназе? Уж больно лихо вы справились с телохранителями Геннадия.

— Так это были не ваши телохраны, а его?

— Конечно. Мне-то они зачем?

— Как я сразу не понял? Что ж, это совсем другой расклад. Одно дело — обижать ваших приятелей или охранников, другое — приятелей постороннего лица. А то у меня кошки на душе скребли. Не люблю конфликтных ситуаций, которые надо решать силовым путем. С другой стороны, такие амбалы понимают только силу, вежливость они воспринимают как проявление слабости. Что касается вашего предположения, то отдаю должное вашей проницательности: я действительно работаю в спецназе. Однако не спрашивайте — в каком, наша служба не любит утечек информации.

— Мне знакомы многие офицеры из ФСБ — через папу.

— Нет, я не служу в ФСБ. — Тарасов вспомнил изречение: если хочешь выглядеть умным в глазах женщины — заставь ее говорить. — Обычная рутинная служба, с частыми командировками, но тихая и спокойная. Как зовут вашего отца?

— Виталий Евгеньевич Гладышев.

— Кажется, я слышал эту фамилию. А маму?

— Мама — Галина Ивановна, работает в рекламной компании «Русь». Она у меня очень занятая женщина, я ее вижу реже, чем отца. Кстати, ее подруга — вице-спикер Госдумы Любовь Плискина.

— Слышал, — кивнул Тарасов. — Крутая женщина. Я гляжу, у вас суперсовременная бизнес-семья.

— Это следует понимать как порицание?

— Отнюдь. Ведь ваши родители достигли своего положения самостоятельно? Головой, руками, убеждениями, работой. За что же их осуждать? Это только люмпены считают, из зависти, что все богатые люди — бандиты, ворюги и коррупционеры. Я прекрасно знаю, что такое — работать директором крупной компании или менеджером.

Яна задумчиво посмотрела на профиль Тарасова, ведущего машину с обманчивой небрежностью профессионала.

— Вы странный...

— Чем же? — удивился он.

— Из моих знакомых никто не рассуждает так...

— Занудно?

— Здорово.

— Спасибо. Вот и ваш Большой Гнезниковский. Иногда я проезжаю мимо, теперь буду проезжать медленней. Как получилось, что вы переехали именно сюда? Кстати, откуда?

— Из старой шестнадцатизэтажки на Рогова. А почему именно сюда — это вопрос к папе. Хотя мне здесь нравится.

— Дом-то, по-моему, тоже довольно старый.

— Не старый, а старинный. Его построили в прошлом веке, в тысяча девятьсот четырнадцатом году, по проекту архитектора Эрнста-Рихарда Нирнзее. В те времена этот дом был самым большим во всей Москве. У него интересная коридорная система — заблудиться можно, да и форма окон необычная, видите? А на крыше устроена площадка для увеселений. Правда, сейчас ею никто не пользуется.

— Откуда вы так хорошо знаете историю дома?

— Я познакомилась с соседями, они старожилы, знают все обо всем. — Яна взялась за ручку дверцы. — Спасибо вам за помощь, Роман. Вы меня выручили. Только будьте осторожны, Геннадий считает себя птицей высокого полета и не прощает оскорблений.

— Переживу, — улыбнулся Тарасов. — А вы тоже считаете его птицей высокого полета?

Яна задержала на его лице задумчивый взгляд.

— Нет, я так не считаю. Но папа ему доверяет во всех делах. До свидания, и еще раз спасибо.

Она вышла.

— Подождите, — быстро сказал Владислав, наклоняясь к противоположной дверце. — У меня возникла идея. Не хотите съездить в Ново-Переделкино, покататься на лыжах? Там построили чудесный горнолыжный комплекс. Если, конечно, вам ничто не помешает...

Девушка усмехнулась.

— Вы неправильно оценили ситуацию Я, конечно, кое-чем обязана Геннадию, но не до такой степени. Хотя мне надо подумать.

— Хорошо, думайте. Когда мне позвонить?

— Завтра. Запишите телефон.

— Я запомню.

Яна продиктовала номер, протянула ему руку, и он галантно поцеловал ее холодные пальцы. Задержал руку в своей ладони.

— Простите за назойливость. Где вы встречаете Новый год?

Она прищурилась, не спеша отнимать руку.

— Это следует считать предложением?

— Почему бы и нет? Это действительно серьезное предложение.

— Обычно я справляю новогодний праздник в кругу семьи, иногда с друзьями... а у вас есть идеи?

Владислав понял, что дочери директора авиакомпании остерчела компания партнеров отца и она не прочь изменить устоявшиеся и не слишком приятные традиции.

— Вообще-то я тоже провожал Старый и встречал Новый год с родителями...

— Что-то изменилось?

— Родители погибли.

Яна огорченно прижала свободную руку к груди.

— Простите, я не знала.

— А теперь я стараюсь проводить праздник вне стен квартиры. На улице, к примеру, на площади, в парке. Или в каком-нибудь уютном клубе.

Яна сморщила носик.

— Я не люблю шумные клубные тусовки, все-таки новогодний праздник имеет иные корни. Для народных гуляний годятся другие праздники.

— Вы меня озадачили.

— Чем же?

— Трезвостью суждений. Современная молодежь весьма равнодушна к тусовкам.

— Можно подумать, вам за семьдесят.

— Жизнь не всегда измеряется количеством прожитых лет. Однако спорить не буду, так как полностью с вами согласен. Кстати, я читал рекламу, что с двадцать восьмого на площади Революции начнется международный фестиваль и выставка ледовых скульптур.

— Да, я знаю, моя подруга принимает в ней участие, она архитектор и скульптор. Если пригласите, наверное, я пойду.

— Приглашаю.

Яна снова окинула Тарасова задумчивым взглядом.

— Позвоните мне. До свидания.

Пошла к дому, ошутимо гибкая и притягивающая взоры, открыла дверь подъезда, исчезла. Тарасов ждал, что она оглянется, но крутая дочь крутых родителей, странно зависимая от папашиного партнера и заместителя, не оглянулась. Впрочем, настроение у Владислава от этого не испортилось, оно так и осталось приподнятым и радужным. Интуиция подсказывала, что знакомство продолжится, несмотря на все проблемы, огорчающие Яну. Которые, кстати, наверняка можно было решить тем или иным способом.

Зазвонил сотовый.

Тарасов очнулся от грез, достал телефон.

— Говорите.

— Владислав Захарович, — заговорила трубка, — вы где?

Тарасов окончательно пришел в себя. Владиславом его называли только два человека: воевода и князь ордена. Звонил ему воевода Николай.

— Еду домой, — ответил он, трогая машину с места.

— Подскачите, пожалуйста, на Новокузнецкую.

— Буду через полчаса. Что-нибудь случилось?

— Назрела необходимость срочной командировки.

— Куда?

— В Грузию.

Тарасов, наметивший на следующий день встречу с Яной, испытывал разочарование и сожаление.

— Задержаться на день-два нельзя? По личным... э-э, обстоятельствам.

— Это очень важно?

Тарасов помолчал, вздохнул.

— В принципе, не очень.

— Тогда жду. Дело не терпит отлагательств.

— Понял. Еду.

Вздохнув еще раз, он повел машину в сторону Новокузнецкой, где Русский орден имел нечто вроде оперативного штаба, управляющего деятельностью команд СОС. Еще была надежда, что ему удастся выкроить часок на короткую встречу с понравившейся ему девушкой.

Чуда не произошло.

Поздно вечером двенадцатого декабря Тарасов вылетел в Тбилиси рейсом «Аэрофлота» — как сотрудник фирмы, торгующей изделиями «АвтоВАЗа». Остальные члены группы должны были прибыть в Грузию самостоятельно, поодиночке, под разными «легендами». Тринадцатого декабря в четырнадцать часов по местному времени, в местечке Зугдиди, в десяти километрах от столицы республики, их ждали сотрудники службы наведения СОС.

Еще в Москве, во время сборов, Тарасов порывался позвонить Яне и отложить поход в Ново-Переделкино. Но что-то мешало. Не то чувство неловкости: он не любил торопить события, а тем более — приятные, — не то ощущение вины, хотя ни в чем виноват, в сущности, не был. Поэтому позвонил он девушке уже утром тринадцатого, прямо из аэропорта Тбилиси.

Она не особенно удивилась, услышав, откуда он звонит, но и не обрадовалась, судя по голосу. Видимо, проблемы, мешающие ей чувствовать себя свободной, так и не разрешились, да и не могли разрешиться за один вечер и ночь. Конечно, она пообещала подождать возвращения Владислава, однако занимали ее другие мысли, и теплого разговора не получилось.

Настроение Тарасова сразу стало минорным, и лишь внутренние волевые установки не дали прорваться этому настроению наружу. К моменту встречи со своими ребятами и сотрудниками группы наведения он выглядел, как всегда, собранным, энергично-деловым и целеустремленным.

Наводчиков было двое, оба они были грузинами и работали в местных силовых структурах. Майор Тамаз Гамсахурдиа — в Национальной гвардии, капитан Кето Кавсадзе — в Управлении национальной безопасности. Почему они — люди иной национальности и жизненных приоритетов — стали сотрудничать с Русским орденом, Тарасов не знал, да и не задавался такими вопросами. Достаточно было того, что грузинские мужчины нашли в себе силы и мужество сразиться с земляками, став на сторону справедливости и правды.

Встреча с ними длилась около часа. Офицеры показали на карте, где находится секретная база грузинской армии, на которой чеченские боевики, свободно перемещавшиеся по территории Грузии, хранили похищенное оружие, — естественно, не обошлось без прямого предательства со стороны высших должностных лиц республики, — и сообщили обо всех подходах к ней и о способах преодоления защитных линий. Кроме того, грузины дали всю имевшуюся у них информацию о тех, кто прикрывал террористов, сотрудничал с ними и помогал скрываться от правосудия.

Таких людей в списке службы СОС оказалось шестеро: двое — из окружения президента, остальные работали в спецслужбах и в штабах разного рода армейских подразделений Грузии. Однако ликвидации подлежали только трое особо отличившихся в истории с похищением и передачей боевикам десяти комплектов зенитно-ракетных комплексов «Игла». Остальных надо было напугать до такого состояния, чтобы они сами пошли в правоохранительные органы и во всем сознались.

Помимо того, группе предстояло уничтожить са-му базу с оружием, на которой хранились российские ПЗРК. Причем сделать это надо было быстро, безошибочно, без затяжных боев с охраной и без потерь со своей стороны, а главное — таким образом, чтобы ни у кого не возникло сомнений — кто это сделал: не российский спецназ, а «чеченцы-кровники», поклявшиеся доб-

раться до своих сородичей. Для этого группа должна была оставить следы, прямо указывающие на принадлежность диверсантов к одному из чеченских родовых кланов, наиболее пострадавших от набегов своих же земляков. Что, кстати, имело место в реальности.

Наводчики ушли.

Группа приступила к разработке плана операции.

Решили разделиться на двойки, так как объектов ликвидации было трое, и все они жили и работали в разных селениях. Полковника Мерзоева доверили Хану и Хохлу, капитана Чодишвили — Грозе и Инженеру, а Тарасову с Батоном таким образом достался генерал Шеварадзе, начальник грузинской погранслужбы, контролирующей Панкисское ущелье и горные склоны северной границы республики. Именно его «умелое» руководство подчиненными ему погранчастями позволяло боевикам чуть ли не свободно пересекать границу с Россией, уходить от преследования и проникать в города Грузии, где у террористов имелись свои лечебные и реабилитационные центры, арсеналы и источники финансирования.

По данным наводчиков, генерал Шеварадзе в настоящее время находился в Тбилиси. После недавних событий с прорывом группы боевиков из России в Грузию, когда ему не удалось замять этот факт, генерал решил взять отпуск и до Нового года подлечить расстроенную нервную систему в одном из домов отдыха, принадлежащих Министерству обороны Грузии.

Дом отдыха располагался в древнем замке, некогда принадлежавшем князю Лордкипанидзе, хорошо охранялся, и атаковать его в лоб силами спецгруппы было безумием. Тем не менее Тарасов решил не отступать и довести дело до конца. С некоторых пор он изъяснялся из своего лексикона слово «невозможно».

Спорили долго, до вечера, обсуждая варианты операции, пока не пришли к единому мнению. После этого начали готовиться, звонить снабженцам СОС, ожидавшим сигнала, чтобы те к утру следующего дня доставили по указанным адресам требующуюся технику и снаряжение. Тарасов уже привык к своему положению: группа СОС представляла собой как бы «накопчик копья», в то время как очень большую часть работы службы выполняло «древко копья» — наводчики, наблюдатели, снабженцы, техники, компьютерщики и прочий технический персонал. Правда, лишь после нескольких операций Владислав узнал, что служба подготовки СОС опирается на старые базы КГБ СССР, расположенные практически во всех странах мира, в том числе в странах СНГ.

Для ликвидации Мерзоева решили использовать новейшую

снайперскую винтовку «ТУ-02», разработанную в мастерских ордена. «ТУ» означало — «ты убит». Сама же винтовка была сделана из дерева, по особой технологии: для прочности ствол ее подвергался молекулярному уплотнению. Хватало винтовки всего на один-два выстрела, но больше, как правило, и не требовалось. Металлодетекторы такие винтовки не брали, а уничтожить ее было очень просто: стоило поджечь приклад, снабженный специальной камерой с воспламенителем, как винтовка в считанные секунды сгорала без остатка.

Капитана Чодишвили, лично знакомого с чеченскими полевыми командирами Бушменом и Пешен-Бабой, решили просто взорвать. Он часто ездил один на служебной «Ниве» и посещал хорошо известное в Тбилиси увеселительно-развлекательное заведение под названием «Казино Тбилисо». Что косвенно подтверждало его вину: капитаны тбилисской спецслужбы зарабатывали на службе гораздо меньше, чем тратил Чодишвили за одно посещение казино.

План ликвидации генерала Шеварадзе, предложенный Тарасовым, почти не обсуждали. Он был до безумия прост, абсурден, лаконичен и неожидан, а потому гениален. Исполнить его мог только суперпрофессионал. И все же Тарасов настоял на своем. Все члены группы в прошлом были офицерами, понимали толк в дисциплине и доверяли своему командиру всецело, зная его высокие физические и психические кондиции.

Утром четырнадцатого декабря снабженцы доложили о выполнении своей части операции, сообщили точки выдачи заказанного снаряжения, и группа отправилась на задание, имея конкретные сроки выполнения личных планов. После ликвидации «клиентов» и акции устрашения остальных деятелей, причастных к похищению «Игл» и получающих мзду за сотрудничество с чеченскими боевиками, всем предстояло снова собраться в Зугдиди и закончить операцию уничтожением базы с оружием. Для этой акции требовалось участие всех членов группы.

Тарасов и Батон направились по указанному адресу в одиннадцать часов утра. Для решения своей задачи им понадобился старенький джип «Паджеро», инфразвуковой разрядник с блоком самоликвидации, замаскированный под мобильный телефон, форма грузинского спецназа и кое-какие изменения внешности. После гримировки Тарасов выглядел как чистокровный бородатый чеченец с безумными светящимися белыми глазами; для того, чтобы они «светились», Владиславу закапали в глаза специальное средство аллотропан, не влияющее на зрение, но усиливающее люминесцентный — как у кошки — ответ.

Батона же гримировать почти не пришлось, он и так был гру-

зином. В жизни он брился, теперь же стал усатым. Кроме того, его повысили в звании до «подполковника грузинской армии».

Замок Лордкипанидзе, ставший домом отдыха, располагался в красивейшем ущелье Галадзор, на обрыве, нависающем над речкой Метехи, притоком Куры. Естественно, он охранялся силами Национальной гвардии, так как числился на балансе Министерства обороны Грузии. История создания замка уходила в начало восемнадцатого века, когда Грузией правила династия Сасанидов. Он был невелик — четыре башни и центральное строение — и довольно угрюм, как и все готические сооружения подобного рода, много раз достраивался и ремонтировался, но сохранил величие старины, а главное — вполне устраивал армейское начальство, любившее отдыхать на лоне природы и создавшее внутри замка уютное гнездышко со всеми суперсовременными техническими комплексами и дизайнерскими решениями.

В половине первого к воротам замка подкатил заляпанный снегом фиолетовый джип «Паджеро» с тбилисскими номерами. Посигналил. Из ворот вышел рослый молодой человек в форме грузинской армии, поправил автомат, висевший на ремне, таким образом, чтобы ствол смотрел на джип, остановился в трех метрах от машины. Внимательно посмотрел на седого подполковника, сидевшего за рулем, потом на пассажира — угрюмого бородача со сверкающими глазами.

— Документы, — потребовал страж ворот по-грузински, невольно прикинув положение пассажира, водителем которого был подполковник.

Водитель опустил стекло дверцы, протянул охраннику коричневую книжечку с гербом Грузии и надписью на грузинском языке: «Министерство национальной безопасности». Тот раскрыл удостоверение, глянул на фотографию, вернул книжечку, козырнул.

— Проезжайте.

Ворота раскрылись. Джип проехал во двор замка, остановился у входа в центральное строение, имевшее вполне современный вид, несмотря на узкие стрельчатые окна с решетками и готического вида детали, надстройки и обводы. Двор был вымощен брусчаткой и очищен от снега, по периметру были припаркованы несколько автомашин разного класса, от военного «УАЗа» до «пятисотого» «Мерседеса».

Из двери центрального входа в здание вышел еще один атлетического вида спецназовец в камуфляже, с автоматом Калашникова через плечо. Он посмотрел на джип, на водителя-подполковника, перевел взгляд на пассажира.

— Документы.

Дверца джипа открылась. Из него неторопливо выбрался верзила в камуфляже, с завязанным платком на голове, смуглый, горбоносый и бородатый. Глаза его сверкали, как лед, неукротимой фанатической воинственностью. Он мельком взглянул на мрачные стены и башни замка, достал из внутреннего кармана квадратик черного картона с отпечатанной на нем белой краской головой волка.

— Что это? — Охранник удивленно повертел в пальцах кусочек картона.

— Пэрэдайтэ гэнэралу Шэварадзэ, — проговорил бородач гортанным голосом по-русски, но с довольно сильным акцентом.

— Какому генералу?

Бородач повернулся к охраннику спиной и залез в джип. Сказал, закрывая дверцу:

— Я падажду.

Охранник еще раз повертел в руке черный квадратик с изображением головы волка, пожал плечами и скрылся за дверью. Прошла минута, другая, пятая.

Подполковник-водитель и пассажир джипа за это время не сказали друг другу ни слова, ни разу не оглянулись и не сделали ни одного лишнего движения. Они знали, что двор просматривается телекамерами и сейчас за ними наблюдают внимательные глаза охранников.

Дверь открылась, вышел тот же гигант-охранник.

— Пройдемте.

Бородач в платке вылез из джипа, кивнул на водителя:

— Он подождет меня здэс.

— У нас мало времени, — обрел дар речи водитель.

— Успээм, — отмахнулся бородач.

Один за другим они вошли в здание, где их встретили еще двое охранников с автоматами.

— Оружие есть? — обратился к гостю один из них, сделав движение стволом автомата.

— Нэт, — лаконично ответил бородач, приподнимая руки.

Охранники переглянулись. Тот, что был постарше, провел вдоль тела гостя рамкой металлоискателя. Загорелась красная лампочка, прозвенел звонок.

Руки охранников легли на стволы автоматов.

— Это нож, — остался спокойным бородач. — В сапогэ. И мобыла.

Его обыскали, вытащили из чехла на лодыжке финский охотничий нож, из кармана мобильный телефон.

— Больше ничего, — доложил охранник.

— Отдай мобилу, — сверкнул лютыми глазами бородач.

Охранники снова переглянулись.

— Отдай, — приказал старший. — Гурген, проводи его в солярий, генерал сейчас поднимется наверх.

Бородача отвели в левое крыло здания с высокими стрельчатыми окнами и оставили одного. Он оглядел практически пустой зал с плиточным полом и двумя диванами у стен, подошел к окну, сцепив руки за спиной. Однако стоял так недолго. Из коридора донеслись шаги, и в помещение вошли трое мужчин. Один из них, одетый в песочного цвета махровый халат, оказался генералом Шеварадзе, два его спутника, молодые, сильные, угрюмые, были его телохранителями.

— Кто ты? — нахмурился генерал; лицо у него было одутловатое, тяжелое, в складках, лысину на голове окружал венчик белых волос, и он очень здорово походил на бывшего президента Грузии.

— Шамиль, — глухо сказал бородач, опуская руки по швам. — У мэна пысмо вам.

— От кого?

Бородач посмотрел на телохранителей генерала, качнул головой.

— Ныкто нэ должэн знат.

— Говори при них.

— Нэт, — упрямо качнул головой бородач. — У мэна приказ командыра.

— Я тебя не знаю. Не хочешь говорить — уходи.

Бородач молча повернулся и пошел к двери.

— Стой! — Генерал посмотрел на своих спутников. — Отойдите в угол. Глаз с него не спускайте!

Телохранители повиновались.

— Подойди!

Бородач приблизился.

— Кто тебя послал?

— Мачо Кетоев.

Генерал вздрогнул, нервно облизнул губы.

— Я же говорил ему — никаких прямых контактов! Скотина упрямая! Ему надо немедленно убираться из ущелья! Иначе все закончится трибуналом!

— Он пэрэдал пысмо.

— Сахацеви берет! — выругался генерал по-грузински. — Скотина безмозглая!.. Давай письмо!

Бородач достал из кармана дискету и мобильный телефон.

— Мнэ надо позвонят командыру.

— Звони и убирайся!

Бородач повернулся спиной к телохранителям генерала, направил на него торец мобильного и набрал номер. На трубке мигнул красный огонек.

И тотчас же генерал вздрогнул, широко раскрыл глаза, схватился за грудь.

— Быстро! — рявкнул бородач, оглядываясь на телохранителей. — Эму плохой!

Парни бросились к своему боссу, подхватили под руки, наперебой спрашивая, что с ним. Бородач в это время успел еще раз набрать на мобильнике ту же цифровую комбинацию, и генерал потерял сознание, получив еще один инфразвуковой импульс «отложенной смерти».

Его уложили на диван, расстегнули халат, начали массировать грудь; причем бородач принимал в этом самое деятельное участие, до тех пор, пока не прибежали врач и дежурная медсестра. После этого о бородаче забыли, и он спокойно вышел из здания, сел в джип.

— Поехали.

Подполковник-водитель завел двигатель, повел джип к воротам. Выпустили машину через минуту. И лишь когда она скрылась за поворотом дороги, ведущей в обход ущелья, к городу, во дворе замка началась суeta. Генерал Шеварадзе умер от сердечного приступа, и очнувшаяся охрана военного дома отдыха вспомнила о посетителях замка.

Однако догнать их не удалось. На дне ущелья в семи километрах от замка нашли джип «Паджеро». Но ни водителя, ни бородача-чеченца грузинские спецподразделения обнаружить и задержать не смогли. А еще через час стало известно о гибели полковника Мерзоева и капитана Чодишвили. Одного застрелил неизвестный снайпер, второго взорвали вместе с его внедорожником «Нива».

Спустя сутки после этих событий недалеко от Телави был взорван склад боеприпасов грузинской армии. Вину за эту акцию взяли на себя представители некоего интернационального движения СОС, обвинившие убитых грузинских военачальников в пособничестве бандитам.

Но следов после себя боевики этого движения не оставили никаких — кроме дискеты с перечислениями преступлений покойников.

В Москву Тарасов прилетел шестнадцатого декабря.

КС**16 декабря**

Сигнал срочной связи застал Махаевски рано утром в городе Санкт-Петербурге, который сами жители называли «второй столицей» России. Он прибыл сюда двое суток назад как представитель миссии ОБСЕ и устроился в офисе этой международной организации, имеющей давние связи с тайными орденами Европы.

Мобильный телефон магистра имел некоторые дополнительные функции и мог работать в режиме автосинхронизации с местными компьютерными сетями, то есть подключаться к ним дистанционно. Получив сигнал, напоминающий плач ребенка, Махаевски дотянулся до телефона — Джеральд еще спал в комнате для VIP-гостей, перевел его в нужный режим и прочитал проступивший на миниатюрном дисплее текст сообщения: «Кондуктор — балансору: ответьте по варианту «оборотень».

Махаевски дернул уголком губ, обозначая снисходительную улыбку. Звонил сам глава Геократора жрец Тивел. Его требование «ответить по варианту «оборотень» означало проверку абонента — работает он самостоятельно или под контролем. Магистр набрал на клавиатуре телефона буквенно-цифровой код варианта, отправил сообщение. Экранчик телефона почернел, высветил в уголке алый крестик и выдал новый текст: «Магистр, вы опаздываете! Мы только что получили информацию о ликвидации в Грузии наших агентов влияния. Вы знаете об этом?»

«Знаю», — отстучал ответ Махаевски.

«Немедленно выясните, кто это сделал, и доложите!»

«Судя по почерку, это работа какой-то оперативной спецкоманды Русского ордена. В ближайшее время я получу последние данные и нанесу ответный удар: уберу лидеров ордена, руководящих этими командами, а также исполнителей».

«Наносить ответные удары на территории, контролируемой другой системой, стратегически неверно! Это будет, как говорил философ, не та война, не в том месте, не в то время и не с тем противником. Такая война никогда не будет эффективной. Гораздо лучше подчинить лидеров, заставить их бессознательно или сознательно выполнять нашу волю».

«Мне понадобится высокопрофессиональная спецкоманда воинов».

«Команда с этим делом не справится. Нужна иная концепция».

«Прошу прощения?»

«Нет смысла убивать руководителей движения, на их место

придут другие и, возможно, еще менее сговорчивые. Но любого человека можно купить».

«Вы не знаете русских».

«Я знаю человеческую натуру! Купить можно любого, вопрос только в цене. Что касается исполнителей Русского национального ордена, уничтоживших много наших людей, их надо достать во что бы то ни стало! Они слишком рьяно взялись за дело. Но ни в коем случае не превращайте этих людей в героев! Они должны уйти из жизни безымянными».

«Почему?»

«Отрицательная роль героев очевидна: они зарождают в народе надежду на торжество идеалов добра и справедливости. Этого допускать нельзя!»

«Не помню, кто сказал: несчастна страна, которая нуждается в героях».

«Бертольд Брехт. Но сказанное им не вечно, в наше время его слова надо понимать с точностью до наоборот. Что касается исполнения задачи, то тут я согласен — вам команда понадобится. Сформируйте ее из местного материала, желательно — из женщин, сидящих в русских исправительных учреждениях».

«Вы уверены, что это правильное решение?»

«Не настаиваю, но убежден, что в профессии киллера с женщинами не сравнится никто. Они гораздо большие фанатики, чем мужчины, способны выполнить любое задание, преданны, послушны, дисциплинированы и не ведают сомнений. Для набора команды используйте связи маршала Етанова, он хорошо знает обстановку в России».

«Мне понадобится одобрение и помощь лорда Акума. Насколько я могу на него положиться?»

«Только в пределах его компетенции. Он постарается сделать все, чтобы вы сломали себе шею в России, но, с другой стороны, он предоставит вам любую помощь».

«Понял, великий! На все ваша воля!»

«Вы уже выяснили, как далеко продвинулся вперед этот русский ученый — Федоров?»

«Дальше небольших демонстрационных моделей он не пошел».

«Найдите всех, кто его знал, с кем он работал, и ликвидируйте».

«Будет сделано, великий».

«Сколько вам понадобится времени?»

Махаевски замешкался с ответом, поколебался немного, осторожно набрал текст:

«Две недели».

На экранчике высветился алый паучок, и связь прервалась.

Магистр подождал немного, держа в руке мобильный телефон как готовую взорваться гранату, потом сменил режим работы аппарата и пошел умываться. Он был доволен разговором с главой Криптосистемы, управляющей почти всеми государствами мира. Кондуктор Социума Тивел не был обычным человеком, он был магом, и его покровительство значило очень и очень многое, а главное — давало возможность *в о з в ы с и т ь с я*, стать одним из тех, кто дергает за ниточки управления не только толпой, но и пастырями этой толпы из СТО.

В этот же самый момент жрец Тивел думал примерно о том же, разве что с еще большей долей цинизма и уверенности в своих возможностях. Он был доволен, что приблизил к себе молодого и амбициозного магистра, уравновесив таким образом силы влияния внутри СТО, глава которого аббат Акум *т а к ж е* хотел добиться еще большей власти, нежели имел. Что ж, пусть оба доказывают, что каждый из них полезен больше, чем другой. Это заставит их работать с максимальной отдачей. А кому в конце концов достанется *т р о н* — неважно.

Тихо засвистел датчик консорт-линии: включилась спутниковая связь.

Тивел, облаченный в белые одежды, напоминающие саронг, встрепенулся и подошел к компьютеру, дисплей которого был встроен в стену кабинета, хотя мог бы беседовать с абонентом и с помощью своего компьютеризированного саронга, как только что беседовал с Джеральдом Махаевски. Однако на этот раз его вызывал тот, кого он ненавидел и боялся, хотя Тивел и не был ксенофобом.

По экрану разлилось жемчужное сияние, собралось в изображение паутины, расплывшейся через несколько мгновений серым туманом. Затем на экране возникло печальное человеческое лицо, смуглое, с бородой и усами, обрамленное длинными вьющимися русыми волосами. Большой нос, печально опущенные уголки губ, большие глаза, полные неизбывной скорби. Собеседнику явно нравилось представлять пред глазами Тивела в облике Иисуса Христа.

Жреца передернуло.

Перед ним находился властелин Экзократора, высшего Центра управления человечеством, формирующего законы транснациональной концептуальной власти и стратегию развития мира. Нечеловек, отзывающийся на странное имя-кличку — Арот. Если история Геократора как Криптосистемы, управляющей че-

ловечеством, уходила в прошлое на двадцать тысяч лет, то история Экзократора была смехотворно малой, уместаясь в две тысячи лет. И тем не менее именно Экзократор олицетворял собой нынче Власть! Именно он управлял жизнью Земли, подмяв под себя все региональные управленческие структуры.

— Приветствую Превышнего, — склонил голову Тивел.

Арот ответил не сразу, разглядывая владыку Геократора своими «кроткими» глазами, разливающими вокруг мировую скорбь. Он никогда и ни с кем не здоровался. Наконец губы его шевельнулись:

— Мы обеспокоены.

— Чем же, ваше первейшество? — вежливо осведомился Тивел.

— По нашим расчетам, деятельность вашей системы сползла в область неблагоприятного прогноза. Случайные флуктуации почему-то ведут к накоплению негативных статистических последствий.

— У нас есть проблемы, — поджал губы Тивел, — но они решаются и не ведут к нарушению равновесия. Однако мы учтем ваши замечания и проанализируем ситуацию в тех странах, где уровень нашего контроля недостаточен.

— Вы должны были сделать это самостоятельно, геарх. Китай, Иран, Индия, Корея до сих пор плохо управляемы. В России тоже появилась не контролируемая нами сила. Что сделано в ответ?

— Мы работаем, ваше превышество, — холодно сказал Тивел. — Такие проблемы быстро не решаются. Мы шли к перехвату управления в России тысячи лет и уже близки к завершению задачи. Не стоит волноваться по поводу какой-то там «неконтролируемой силы». В скором времени мы подчиним русское Сопротивление. Для этого я усилил наше давление на этот регион.

— Для эффективного надгосударственного управления не нужны армии агентов и властные пирамиды. Достаточно в каждой из стран иметь пять-десять процентов беспрекословно подчиняющихся человеческих особей, чтобы возник эффект автосинхронизации. Тогда дальнейшие события будут развиваться в нужном для нас направлении. Разве у вас в России не работает сеть агентов влияния?

— Работает, ваше превышество, но их недостаточно, и я счел необходимым послать туда команду быстрого реагирования. Это профессионалы, и они справятся с любой проблемой.

— Вы так доверяете этому человеку?

— Какому? — сделал непонимающие глаза Тивел.

— Джеральду Махаевски. Насколько нам известно, он предан своему господину лорду Акуму.

Тивел раздвинул в сардонической усмешке сухие губы.

— Как говорил один очень известный политик¹: «Может быть, это сукин сын, но это наш сукин сын».

— Что вы имеете в виду? — не понял Арот.

— Джеральд Махаевски мой агент и подчиняется в первую очередь мне. Скоро он сменит лорда Акума на его посту.

— Акум еще молод и полон сил.

— К сожалению, ноша держателя Союза тайных орденов ему не по плечу. Именно из-за его упрямства и амбиций некоторые направления деятельности СТО нами упущены.

— Это ваши проблемы.

— Это наши проблемы, — согласился Тивел.

— Попрошу ускорить строительство в России и странах Азии элитарных управленческих структур. Этот процесс непозволительно затянулся.

— А чем будете заниматься вы, ваше превышество? — не выдержал Тивел.

Арот не возмутился и не обиделся. По-видимому, человеческие эмоции были ему недоступны.

— Мы занимаемся формированием определенных типов психики человеческих особей, способствующих прямому подчинению. Держите нас в курсе событий, особенно в части деятельности вашего эmissара.

Скорбный лик Экзократора стал на мгновение объемным и исчез. По экрану монитора рассыпались и поползли алые паучки защитной программы. Затем экран погас.

Тивел задумчиво подошел к нему ближе, щелкнул пальцами. Экран ожил, снова превратился в объемное изображение головы «мученика» Арота. Тивел несколько мгновений рассматривал его лицо, потом плюнул, и во лбу изображения открылся «третий глаз» — слепой и черный.

Движением руки Тивел убрал «голову Экзократора» и, не оглядываясь, вышел из кабинета.

ДАНИЛИН

17 декабря

Урок физкультуры в школе закончился неприятным инцидентом.

Новая ученица Люся снова отказалась выполнять задания

¹ Т. Рузвельт.

учителя, и Данилин без лишних слов отправил ее за пределы спортзала, чтобы она не расхолаживала остальных учеников. Однако Люся закатила истерику, пообещала пожаловаться «директору и прокурору» и со слезами на глазах выскочила из зала. Данилин понял, что родители девочки продолжают поощрять дочь, и решил после уроков поговорить с директором школы, чтобы разработать дальнейшую стратегию поведения. Но директор сам пришел в спортзал, понаблюдал за уроком и вызвал Андрея в коридор.

— Знаете что, Андрей Брониславович, — сказал он, страдальчески изогнув брови, не глядя на собеседника, — наверное, нам придется расстаться. Мне постоянно поступают жалобы от родителей ваших учеников, вот и сегодня Эльвира Жановна Агапова...

— Знаете что, Семен Аркадьевич, — перебил директора Данилин, — если хотите разобраться во всей этой истории с жалобами, давайте поговорим отдельно, у вас в кабинете, а сейчас у меня урок.

— Хорошо, зайдите ко мне, — согласился директор. — Я соберу педсовет, и мы обсудим ваше... э-э, поведение.

— Обсуждать надо не мое поведение, — усмехнулся Данилин. — Обсуждать надо школьную атмосферу, созданную задолго до моего появления, причем не без вашего участия.

Директор вздернул редкие брови, пожевал губами, смерил Данилина неприязненным взглядом и направился к лестнице.

Андрей с грустью подумал, что ему действительно придется уходить из гимназии в скором времени. На директора, стареющего партфункционера, давно заслужившего пенсию и пожизненное заключение одновременно, вышли влиятельные друзья обиженного Андреем депутата Лазарева, и тот начал давить на учителя физкультуры, изобретая все новые и новые причины для его увольнения.

Закончив урок, Андрей к директору не пошел. У него была назначена встреча с капитаном Скрылевым, что для Данилина было намного важнее внутришкольных разборок.

Встретились они в кафе «Лицедей» на улице Советской. Управление внутренних дел, где работал Скрылев, находилось в двух кварталах от кафе.

Капитан был хмур и малоразговорчив.

— Новых данных почти нет, Андрей Брониславович, — сказал он, заказав пиво и овощной суп. — Дело об убийстве Федорова ушло «наверх», в Москву. Так что больше ничем не смогу вам помочь.

Данилин тоже заказал суп, начал есть, как будто сказанное собеседником к нему никак не относилось.

Скрылев покосился на него, болезненно поморщился, пригладил редкие волосы на макушке.

— Я действительно ничем больше не смогу вам помочь. К великому сожалению. Не обижайтесь.

— Я понимаю, — сдержанно отозвался Андрей. — И не обижаюсь.

— Единственное, что удалось установить точно, так это принадлежность микроавтобуса, на котором предполагаемые убийцы подъехали к дому Федорова. «Баргузин» приписан к гаражу костромской службы МЧС. Но и водитель, и завгар клянутся, что никто им в тот день не пользовался. Машина как стояла в гараже, так и стоит.

— Вы ее осмотрели?

— Как положено. Ничего. Ни одного самого малейшего следа. — Скрылев промокнул губы салфеткой. — Кроме одного: в салоне сохранился запах женских духов.

Данилин вспомнил разговор по телефону с «пиковой дамой».

— Значит, им кто-то покровительствует в МЧС?

— Возможно. Однако дело у нас забрали, и доказать мы уже ничего не сможем. — Капитан виновато развел руками.

— Ничего, я пойду дальше. Духи не идентифицировали?

— Эксперт сказал, что это скорее всего недорогие «Серебряные росы» отечественного производства. У них камфарно-травянистый запах, и не очень приятный, на мой вкус.

— Что ж, Кирилл Степанович, спасибо и на этом.

— Не за что. А правда, что ваш друг... э-э, Лев Людвигович, изобрел «летающую тарелку»?

— Разве вы не просмотрели дискету с его чертежами? Там есть и почти детальная схема аппарата.

— Чертежи-то мы видели, а вот «летающую тарелку» в натуре...

— Будьте уверены, она существует. И летает.

— Мы ничего у него не нашли.

Данилин вспомнил слова Федорова, что один экземпляр опытного образца «летающей тарелки» в натуральную величину стоит у него в сарае в деревне под Костромой. Интересно, никто не догадался туда заглянуть?

Скрылев оценил молчание собеседника, кивнул со вздохом.

— Жаль мужика. Знаете статистику? За последний год в России убито уже девять ученых разных научных направлений. Непонятно, что происходит, но создается впечатление, что идет планомерный отстрел лучших отечественных умов, не уехавших

по каким-то причинам за границу. Неужели в верхах никто этой проблемой не занимается?

— Должны заниматься, — сказал Данилин не слишком уверенно.

— Я тоже так думаю. Ходят слухи, что у нас появилась какая-то крутая организация, мочит бандитов и крупных аферистов без пощады. Не слышали?

— Нет.

— Ну, ладно, заговорился я тут с вами. — Скрылев торопливо допил пиво, подозвал официанта. — До свидания, Андрей Брониславович. Если понадобится — звоните.

Капитан расплатился за обед, пошел к выходу из кафе, но вдруг вернулся, наклонился к уху Данилина:

— В Брянске сгорел дом родителей жены вашего друга Федорова. Погибли все, кто там был, в том числе мать и отец жены и родная сестра. И еще: в Минске совершено покушение на учителя Льва Людвиговича. Он чудом остался жив. Понимаете?

— Нет.

— Идет охота за всеми родственниками и друзьями Федорова. А вы его друг. Так что будьте осторожны, Андрей Брониславович.

Скрылев ушел.

Данилин же еще посидел за столом несколько минут, ссутулившись, рассеянно наблюдая за обедавшей неподалеку симпатичной девушкой с длинными волосами редкого льняного цвета. Девушка заплатила за обед, встала, и Данилин увидел ее выдающийся животик: она была беременна. Хотя беременность — тоже редкий случай — почти не портила ее фигуру. Видимо, до замужества она занималась художественной гимнастикой либо фигурным катанием.

Девушка, вернее молодая женщина, оделась в белую шубку, заметила взгляд Данилина, подняла бровь, и он поспешил отвернуться, не желая смущать приглянувшуюся ему будущую маму. В голове вращалась одна мысль: убийцы Левы продолжали свое черное дело, планомерно уничтожая всех его родных и близких. И он чувствовал, что они находятся где-то неподалеку, хотя с момента телефонного разговора с «пиковой дамой» никто его не тревожил.

Из кафе он вышел спустя пару минут после беременной и сразу увидел ее возле голубой «Оки», растерянно пятившуюся от какого-то здоровенного молодого мужика в дутой куртке с откинутым капюшоном, небритого, с квадратной челюстью, коротко стриженного. В руке он держал авоську с несколькими банками пива. Мужик замахнулся на женщину, та отпрянула и чуть не упала, успев опереться о капот своей «консервной банки».

Данилин сделал три быстрых шага, перехватил руку мужика, завернул за спину, так что тот охнул и согнулся.

— Что случилось? — мягко спросил Андрей незнакомку.

— Отпусти, с-сучара, убью! — прохрипел мужик.

Данилин нажал на локоть небритого чуть сильнее, тот еще раз охнул и перестал сопротивляться.

— Отпустите его, пожалуйста, — прошептала женщина; в глазах ее стояли слезы. — Это мой муж.

— Муж? — удивился Андрей, слегка ослабляя нажим. — Почему же он так себя ведет?

— Мне нельзя было идти... одной... в кафе...

— Вот те раз! Мне казалось, в России законы шариата не действуют. — Андрей освободил руку мужа незнакомки. — Извините, что вмешался. Я не знал, что она ваша жена. Хотя так с женами не поступают.

— Ах ты, курва пере...я! — Небритый поставил авоську на тротуар и очень умело нанес Данилину удар в живот правой рукой и в челюсть левой; по-видимому, он был когда-то неплохим боксером. Если бы Андрей не был готов к такому повороту событий, удары вполне могли пройти.

Движением живота он «притормозил» удар правой руки, чуть увел в сторону голову, и прохожим со стороны, невольным зрителям сцены, показалось, что высокому парню в отливающей серебром черной куртке, без шапки, очень крепко досталось.

Вскрикнула женщина в шубке, бросаясь к мужу.

— Борис, не смей!

Тот отшвырнул ее, так что она снова отлетела к машине и на этот раз не удержалась на ногах, пошел на Данилина, оскалясь, держа перед собой руки, сжатые в кулаки.

— Ну что, с-сучара?! Давно не били?!

Желание Андрея решить конфликт мирным путем улетучилось.

Демонстрировать приемы «ядовитой руки» на морозе, в условиях зимы, на скользком тротуаре не стоило. Поэтому он просто заблокировал удары небритого — точно боксер, собака, профессионально лупит! — а затем сам нанес один мощный рубящий удар в переносицу парня. Тот отлетел назад и упал с выражением изумления на лице.

Андрей погасил тигриный блеск глаз, помог подняться беременной женщине.

— Еще раз прошу прощения за причиненные неприятности. Но пройти мимо просто так я не мог. Как вас зовут?

— Млада.

— Красивое имя. И редкое.

Женщина перевела взгляд на ворочавшегося в снегу мужа, всхлипнула, передернула плечами:

— Не могу так больше...

Андрей хотел сказать: правильно сделаете, зачем жить с узурпатором, если он так относится к вам? Ребенка можно воспитать и без мужа. Но вслух он этого не сказал.

— Хотите, я подвезу вас до дома?

— Спасибо, не надо, я на машине. — Женщина открыла дверцу «Оки», оглянулась на вставшего на четвереньки мужа, поколебалась немного и села в кабину.

— Стой, стерва! — хрипло взревел небритый Борис. — Я кому говорю?!

— Езжайте, — кивнул Андрей. — Где вы живете?

— На Беговой, дом девять.

— Так это же рядом со мной! — Андрей с невольным удивлением покачал головой. — Я в третьем живу, рядом с рестораном «Север». Позвольте вас проводить?

— Не надо. Спасибо за помощь. До свидания.

Дверца закрылась. «Ока» тронулась с места, уехала. Толпа зрителей стала расходиться.

Небритый муж Млады наконец встал на ноги, сунул руку в карман, вытащил складной нож.

— Ты покойник, сучара! Понял?! Я тебя на ремни порежу...

К нему подскочил какой-то чернявый парень, такой же небритый, но моложе, в кожаной куртке и вязаной шапочке.

— Ты что, упал, Борик?

— Вот этот сучий потрох меня ударил! — Борис, ощерясь, шелкнул лезвием ножа, указывая на Данилина.

Чернявый недоверчиво оглядел Андрея.

— Не может быть! Его же соплей перешибить можно. А ты мастер по боксу.

— Он ударил... сзади.

— Во, бля! Так давай сделаем его!

Андрей шагнул к ним, сунув руки в карманы. Глаза его снова вспыхнули хищным угрожающим блеском. Боксер и его приятель замолчали, вдруг ощутив внутреннюю силу приближившегося к ним человека.

— Слушай внимательно, мразь! — медленно, тяжело, глубоким бархатным баритоном проговорил Андрей. — Я не знаю твоих отношений с женой, но это далеко не любовь. Не любишь — уйди! Будь мужчиной, а не бандитом в семье. Станешь продолжать ее обижать — я тебя найду! Обещаю!

Он еще несколько мгновений гипнотизировал боксера светя-

щимися тигриными глазами, потом повернулся и спокойно пошел к своей машине.

— Что он сказал?! — очнулся чернявый парень. — Ты слышал, Борик?! Он же нас за пидоров держит! Давай догоним...

За спиной началась возня, но Андрей не оглянулся. Сел в машину, завел двигатель, прогрел салон, боковым зрением фиксируя действия небритой парочки. Чернявый прыгал вокруг своего жоака, жестикулировал, что-то доказывал, кивая на «Надежду» Данилина, а Борик гладил лоб, шупал переносицу и явно не торопился лезть в драку.

Андрей усмехнулся. Удар, которым он остановил боксера, запомнится ему надолго и храбрости не прибавит. Обычно «колун» приводит к сотрясению мозга, и применяют его исключительно в целях пресечения атаки. Что ж, сам виноват, боксер.

Андрей вспомнил полный тоски и боли взгляд Млады. Жалость к ее мужу тут же прошла.

Кафе с матерящейся парой и редкими зеваками осталось позади. Лишь одна машина — белый микроавтобус «Лада-151» — двинулась следом за «Надеждой» Данилина. Сначала он не придал этому значения, желая догнать «Оку» с Младой за рулем, потом вдруг вспомнил, что к Леве Федорову убийцы тоже приехали на «пятьдесят первой», и начал присматриваться к держащемуся в сотне метров позади микроавтобусу. Через несколько минут он понял, что за ним ведется слежка.

Сердце заработало в полную силу.

С момента похорон Федоровых и звонка неизвестной женщины, представившейся «пиковой дамой», прошло уже несколько дней, и появление «пятьдесят первой» «Лады» с наблюдателями явилось первым напоминанием о том, что охота на приятелей Левы продолжается. Вот только охотники едва ли догадывались, что объект их охоты — не простой школьный учитель физкультуры.

«Ока» стояла во дворе дома номер девять.

Андрей вышел из машины, прошелся по двору, глядя на окна дома и гадая, какие из них принадлежат квартире Млады. Сел обратно в кабину, размышляя, что делать дальше. «Пятьдесят первая» во дворе не появилась, но это ничего не значило, наблюдатели могли ждать его и на улице, зная, где он живет на самом деле.

Подождав несколько минут, Андрей решил уже ехать домой, и в это время во двор заехала красная «Лада-112», из которой выбрались недавние оппоненты Данилина — Борис, муж Млады, и его приятель. Не обратив внимания на машину Андрея, они зашагали к подъезду, налитые угрюмой недоброжелательностью

ко всему на свете. Было видно, что настроены они весьма решительно, а что стояло за этой решительностью, представить не составляло труда.

Андрей вылез из «Надежды», направился следом.

Муж Млады и его спутник поднялись на второй этаж дома, открыли дверь своим ключом. Их голоса пропали.

Андрей бесшумно преодолел два лестничных пролета, остановился на лестничной площадке, прислушиваясь к звукам, долетавшим из четырех квартир. Сосредоточился на резонансной ориентации в звуковой среде. И тотчас же услышал голос Млады:

— Я ни в чем не виновата! И я не хочу больше жить как в тюрьме! Не хочу!

— Тебя никто не спрашивает, чего ты хочешь! — раздался угрожающий голос ее мужа. — Сказано — сиди дома, значит, сиди!

— Не буду! Я ухожу!

— Никуда ты не уйдешь, сучка! Будешь делать то, что я скажу! Кто этот тип, что вмешался не в свое дело?!

— Не знаю. Ты ведешь себя, как свинья, вот он и вмешался.

— Кто свинья?! Я свинья?! А ты тогда кто?! Б...ь?!

Послышался треск и вслед за ним вскрик женщины.

Андрей одним рывком сломал замок двери и стремительно ворвался в квартиру, уже не думая о последствиях.

Млада, скорчившись, держась за щеку, сидела на диване. Ее грозный муж горой навис над ней с ремнем в одной руке и боксерской перчаткой в другой. Его приятель сидел за столом с бутылкой минеральной воды и пил из горлышка. От обоих за версту разило перегаром. Видимо, друзья успели где-то крепко нагрузиться.

Действуя в темпе пулеметной очереди, Андрей хлопнул ладонями по ушам небритого Бориса, вырвал у него ремень и в мгновение ока скрутил ему руки. Несильным, но точным толчком в грудь отправил парня в кресло в углу комнаты. Тем же манером обработал чернявого приятеля боксера, едва не захлебнувшегося водой, усадил на пол, рядом с креслом. Подошел к ошеломленно взвизгивавшей на него Младе, у которой на щеке алел рубец — след ремня.

— Извините, что снова вмешиваюсь в вашу жизнь, — сказал он виноватым тоном. — Если вы меня прогоните, будете совершенно правы. Но тогда у вас не будет шанса избавиться от этой скотины.

— Как вы сюда попали?!

— Случайно проходил мимо, — улыбнулся Андрей.

По губам Млады тоже скользнула беглая улыбка.

— Вы не понимаете... я хочу...

— Ничего не надо объяснять. Собирайтесь, и уходим.

— Куда?! — растерялась женщина.

— Я найду вам уютную квартиру, где вы обретете покой и уход. Верьте мне! — последние слова он произнес как мантру, с подачей энергетического импульса.

— А-а-а... э-э... — послышался голос Бориса, таращившего на них глаза. — Т-ты кто, с-сучара? Чего тут распоряжаешься?! Со всем оборзел?!

Андрей и Млада одновременно посмотрели на него, переглянулись.

— Собирайтесь. — Он мягко подтолкнул ее к гардеробу. — Я не дам вас в обиду.

Она несколько мгновений колебалась, прикусив губу, потом глянула на боксерскую перчатку и решительно бросилась в спальню.

Зашевелился спутник небритого боксера, начал материться, пытаясь встать на ноги.

Андрей пнул его в колено.

— Сидеть! — От его голоса зазвенели стекляшки люстры под потолком. — Время рабства кончилось! Она будет жить отдельно. И не дай вам бог попытаться найти ее и заставить вернуться! Поняли?

— Я же тебя, сучара, из-под земли... — Борис не закончил.

Андрей шагнул к нему, лязгнули зубы.

Боксер прикусил язык, ойкнул.

— Понял, спрашиваю?!

Борис кивнул, бледнея.

Из спальни выскочила Млада с большой синей сумкой в руке, где лежали ее наспех собранные личные вещи.

— Все, мне больше ничего не надо.

— Идемте.

— Эй, ты куда?! — опомнился Борис. — Не сходи с ума! Куда ты пойдешь, беспризорщина?! Ни кола, ни двора! Я этого твоего хахалю по асфальту раскатаю, ты меня знаешь! Вернись, курва!

Млада съежилась, как от удара, но Андрей подхватил ее под руку, вывел из квартиры.

— Спускайтесь к моей машине — белая «двадцатка», я сейчас.

Он вернулся в квартиру, откуда на лестничную площадку долетали крики и мат, зашел в гостиную. Приятели, уже почти освободившиеся от пут и пришедшие в себя, разом замолчали, увидев сверкающие глаза их «воспитателя».

Андрей звонко шлепнул ладонью по лбу чернявого, усаживая его обратно на пол, и с неизъяснимым удовольствием врезал вскочившему и ставшему в стойку боксеру кулаком в живот,

пробивая неслабый мышечный каркас. Таким ударом, уплотнив его энергетическим посылом, можно было пробить человека насквозь. Но Андрей не ставил задачи убить или покалечить противника, он только добавил инерционную волну, усиливающую массу удара, и боксер улетел в другой угол гостиной, влип спиной в шкаф, выбив телом дверцу, и сполз на пол, хватая ртом воздух и выпучив помутневшие глаза.

— Еще раз услышу оскорбления в адрес этой женщины — выбью зубы! — предупредил Андрей. — А обещания я обычно выполняю!

Он тихо вышел из квартиры, догнал во дворе Младу, оглядывающуюся на дверь подъезда.

— Что вы с ними сделали?

— Не беспокойтесь, просто посоветовал вести себя по-человечески. Садитесь, пожалуйста. — Он открыл дверцу машины.

— Куда мы едем?

— К одной очень хорошей женщине, старой учительнице. У нее трехкомнатная квартира, и там вам будет хорошо.

Млада села, сжалась на переднем сиденье, глядя перед собой огромными черными глазами. Губы у нее были пухлые, потемневшие, искусанные. И Андрей мимолетно вспомнил Леву Федорова, который любил шутить по поводу губ своей жены, что «такие губы уже не носят».

«Пятьдесят первая» «Лада» стояла на другой стороне улицы. Как только машина Данилина выехала из арки, микроавтобус тут же тронулся с места и пристроился в ста метрах сзади. Следившие за Андреем люди не скрывали своих намерений, а может быть, наоборот, хотели показать своему «клиенту», что он находится «под колпаком», заставить его нервничать и спешить.

Потерпите немного, подумал он угрюмо, поиграем в кошки-мышки в следующий раз. Сейчас я занят более важными делами.

Словно услышав его мысли, микроавтобус отстал, а затем и вовсе свернул в переулок.

Андрей загнал машину во двор своего дома, помог тихой и подавленной Младе вылезти и повел ее на квартиру Анны Игнатьевны.

Старая учительница встретила их улыбочиво, без каких-либо расспросов согласилась оставить гостью у себя, захлопотала вокруг нее, повела переодеваться, потом в ванную. Андрей предложил было свою помощь, но был с негодованием отвергнут и загнан на свою территорию, где просидел почти час, пока Анна Игнатьевна ухаживала за Младой, лечила ссадины на лице и показывала новое жилье. Единственное, что она согласилась принять от постояльца, так это его бальзам.

Этот бальзам Андрей приобрел в Москве, в общине «Любки», которой руководил его учитель и друг Иван Попов. «Ярила» — так называлось это средство — замедлял старение организма, укреплял иммунитет, избавлял от насморка и кашля, уменьшал усталость и прибавлял сил. Анна Игнатьевна по совету квартиранта принимала бальзам по чайной ложечке каждый день и уже оценила его лечебную силу.

Наконец-то хлопоты закончились, и Андрею любезно разрешили присоединиться к женщинам пить чай с вареньем.

Млада в халатике, чистая, свежая, румяная, разомлевшая от тепла и ухаживаний, выглядела по-домашнему милой и близкой. Даже позеленевший синяк на лице не портил ее, и Андрей вдруг получил самый настоящий сердечный приступ, сразу и бесповоротно осознав, что эту юную женщину он ждал всю жизнь!

Анна Игнатьевна почувствовала его скрытое волнение, искося посмотрела на постояльца, улыбнулась и снова захолопотала возле гостыи, предлагая ей то одно, то другое, то третье. Млада смущенно принимала ухаживания, отвечая на взгляды Андрея как-то по-особенному, с верой и надеждой — так ему показалось, и в душе у него поселилось светлое ожидание чуда. И страстное желание стать небезразличным этой женщине, отважившейся бросить все и уйти от мужа.

Он затеял было разговор, вспоминая веселые случаи из школьной жизни, но заметил, что Млада клюет носом, и решительно поднялся из-за стола.

— Уложите ее спать, Анна Игнатьевна, она устала.

Млада запротестовала, однако ее подхватили под руки, увели в спальню и уложили на кровать. Уснула она мгновенно, как только ее голова коснулась подушки. Анна Игнатьевна вышла из комнаты, приложила палец к губам:

— Спит, сердешная. Где это ты такую красавицу раздобыл, Андрюша?

— На улице нашел, — улыбнулся Данилин. Заглянул в спальню, полюбовался на умиротворенно-счастливое расслабленное лицо Млады, послал ей импульс «эфирной нежности», закрыл за собой дверь.

— В кафе познакомились, случайно, — добавил он. — К ней пристали какие-то негодяи, я немножко поговорил с ними, они отстали. А потом выяснилось, что это ее муж с приятелем.

— Странное знакомство, — покачала головой старушка. — Такие просто так не происходят. Как же ты ее увез, от мужа-то?

— Под наркозом, — пошутил Андрей, смущенно пожал плечами. — Достал ее муж, вот она и ушла. Вы уж простите меня,

что я привел ее сюда. Поговорю с друзьями, найдем ей другую квартиру.

— Зачем же другую? Пусть живет с нами, все веселей будет. Только ты уж поосторожней на улице, Андрюша, больно времена плохие настали. Да и муж у нее бывший мастер спорта по боксу, связался с дурной компанией, нигде не работает, озлобился на весь мир.

— Откуда вы знаете?

— Она сама рассказала. А что тут такого? Тепло да ласка любой язык развяжут. Сначала у них все хорошо было. Познакомились на Спартакиаде народов России, в Москве, она тогда художественной гимнастикой занималась, даже в сборную страны попала, а он тоже в сборной был — по боксу. Поженились, год прожили в разъездах, потом он вдруг запил, вылетел из сборной, и покатилося все под откос.

— Примерно так я себе это и представлял. Но если он нигде не работает, откуда берет деньги на еду, на машины? Ведь Млада тоже не работает?

— Этого не знаю, не спрашивала. Но девица она хорошая, чистая, только робкая, затурканная.

— Какая? — удивился Андрей.

Анна Игнатьевна усмехнулась.

— Так моя мама говаривала. Это значит — забитая, несамостоятельная, обиженная судьбой.

— Скорее мужем, а не судьбой. Если она решилась уйти, не все еще потеряно. Да и я буду рядом... — он осекся.

Анна Игнатьевна прищурилась.

— А не пожалеешь, Андрюша? Ребеночек-то не твой, трудно тебе будет.

— Будет мой! Не пожалею. Лишь бы она не отвернулась.

— Да, судя по разговорам, ты произвел на нее благоприятное впечатление.

— Правда? — обрадовался он.

— Можешь не сомневаться. Заговорила я с тобой, пойду постираю ее белье, пока она спит.

Зазвонил телефон.

Анна Игнатьевна просеменила в прихожую, сняла трубку.

— Але?... Да, он дома... тебя, Андрюша.

Данилин взял трубку.

— Слушаю.

— Андрей Брониславович?

— Так точно. Кто говорит?

— Майор Ларин. Убит капитан Скрылев. Вы можете подъехать в управление?

— Когда?!

— Прямо сейчас.

— Нет, когда убит? Я же с ним виделся буквально два часа назад!

— Приезжайте, поговорим.

В трубке раздались гудки.

— Что случилось? — всполошилась Анна Игнатьевна. — Кого убили?

— Моего знакомого, — глухо ответил Андрей, — капитана Скрылева Кирилла Степановича. Его сын у меня в секции занимается.

— Матерь божья! — перекрестилась старушка. — Что творится! За что же его убили, бедного?

Андрей вышел из ступора, быстро оделся и выскочил из квартиры, на бегу попросив учительницу не выпускать Младу на улицу. Ответа Анны Игнатьевны он не услышал. А когда выехал на машине со двора, снова увидел белую «пятьдесят первую», выехавшую из-за угла и направившуюся за ним. Наблюдатели действительно знали, где он живет, и продолжали слежку. Пора было выходить на «тропу войны» и начинать активные действия.

БУЙ-ТУР

17 декабря

Разговор по телефону с бабушкой Аграфеной из Нижнего Новгорода слегка улучшил настроение Гордея. Его визит к местным хозяйственным начальникам возымел действие, они засуетились и предложили старушке неплохой вариант обмена старой квартиры в полусгоревшем доме на новую. Гордей пообещал ей помочь с переездом и попросил предупредить его за три-четыре дня до этого события, чтобы успеть договориться с начальством о небольшом отпуске. До конца года времени у него на визит в Нижний не было совсем.

Шестнадцатого декабря его снова вызвал к себе в профилакторий «Благоево» воевода Спирин и вручил план работы на оставшиеся две недели до праздника. План состоял из четырех пунктов.

Пункт первый: разобраться в пожарах, случившихся в Москве, в результате которых сгорели сразу пять деревянных зданий дореволюционной постройки — на Трубной площади, на Остоженке, в Леонтьевском переулке, на улице Сергия Радонежского и на Пятницкой. Гордей, прочитав задание, подивился сходству ситуации с той, которую он решал в Нижнем Новгороде, где

тоже горели старые дома, мешающие кому-то завладеть территорией.

Пункт второй: «подлечить» главу Ленинского района Московской губернии, почуявшего себя «удельным князем» на землях района и творившего неслыханные беззакония.

Пункт третий: наказать националистов из Татарского общественного центра «Миллийорт», поддерживающих банду братьев Кашаповых, которые затерроризировали русское население Набережных Челнов и ближайших к ним городов Татарстана под лозунгами «движения за права татарских мусульман». По данным разведки ППП, эта банда успела разрушить две церкви, православный храм, русскую школу, разорить несколько русских кладбищ.

И, наконец, четвертым пунктом плана было уничтожение сети порноиндустрии в славном русском городе Костроме.

Этот пункт заинтересовал Буй-Тура больше всего, так как он даже не представлял себе, какой размах может приобрести торговля порнографической продукцией через Интернет.

А началась вся эта история с письма директора ФБР США директору Федерального агентства расследований России, в котором говорилось о появлении во «всемирной паутине» ужасного полутораминутного видеофильма, показывающего сцены издевательства над девочкой шестилетнего возраста. На кадрах были запечатлены поистине изуверские сцены. Двое «актеров»-мужчин сначала насиловали кроху, а потом забавлялись ее мучениями, отрезая уши, выкалывая глаза и так далее. Проведенная американцами экспертиза показала, что фильм не является плодом больного воображения и спецэффектов, а отражает реальное событие. Следствием также было установлено, что этот видеоролик американские пользователи Сети получали всего за четыреста долларов — за копию — со специализированного русского сайта.

Отечественные киберсыщики провели оперативное расследование и вышли на след так называемой «порнотриады». В эту триаду входили группа, непосредственно занимавшаяся подбором малолетних «актеров», съемкой, распространением видеопродукции в Сети, и «крышующая» бандитская структура. Второй неотъемлемой частью триады являлись коррумпированные чиновники, лоббирующие интересы преступников, предупреждающие их об опасности и оказывающие любые другие услуги. Третьей частью триады являлась банковская структура.

Доходы порнодельцов, по данным ГУВД России, составляли около тридцати тысяч долларов в месяц с одного только сайта или более тысячи процентов чистой прибыли от вложенных на

создание фильмов затрат. Было от чего хвататься за голову и принимать немедленные меры. Однако дальше предварительного расследования факта продажи видеофильма с жуткой сценой дело не пошло. И тогда расследованием занялась служба ППП Русского национального ордена, быстро вышедшая на тех, кто смог закрыть расследование (уровень правительства!), и на тех, кто заказал, исполнил, записал фильм и распространил его по Сети.

Группе «Сокол» под командованием Буй-Тура предписывалось уничтожить всю цепочку триады — от исполнителей до чиновников, сотрудничающих с порнодельцами, и Гордей взялся сначала именно за это дело. Люди, зарабатывающие деньги таким путем, а точнее — нелюди, не должны были, не имели права жить!

Конечно, Гордей не состоял в лагере ханжей, на словах осуждающих «свободную любовь», а на деле всюю пользующихся ею. Однако и к женщинам он относился специфически, считая, что каждая из них должна выполнять определенную функцию. Одни хорошо готовили, другие находили себя в сфере обслуживания, третьи были отличными продавцами, четвертые устраивались моделями в салоны мод. Но существовали и женщины, предназначенные для производства детей, а также те, что прекрасно обходились без них, посвятив себя божеству секса. Последних Гордей презирал, хотя не чурался встреч с ними, объясняя это «сохранением мужского здоровья». В последнее время, на исходе тридцать шестого года жизни, он уже начинал подумывать о женитьбе, слегка изменив свою «натурфилософию», хотя женщину, способную стать женой — по его меркам, — пока так и не встретил. Однако заниматься сексом — одно, а снимать порнофильмы и напрягать ими неокрепшую детско-юношескую психику — по Интернету бродило огромное стадо младолетних юзеров — другое, и Гордей был абсолютно убежден, что порнодельцы заслуживают самого сурового наказания.

В Кострому группа «Сокол» прибыла семнадцатого декабря и сразу приступила к реализации задания.

Следы ППП выяснили, что владельцем сервера, через который шло распространение «порноужастика», является один из мелких костромских провайдеров из числа тех, которые выкупают около тысячи доменных имен (адресов в Интернете), а потом предоставляют клиентам за определенную плату. Данный провайдер использовал свой сервер в качестве анонимайзера — устройства, скрывающего реальный сервер, на котором фактически хранился фильм. Его партнерами были именно те члены «порнотриады», которые и снимали фильм. Разведка ППП дошла до

оператора и «актера», участвующего в съемках ролика, но оставались неизвестными еще второй «актер» — вьетнамец, судя по лицу, и заказчики продукции, а также те, кто помогал триаде процветать, чиновники костромской администрации, имеющие также высоких покровителей в Москве.

Гордею и его людям предстояло размотать всю цепочку производства и сбыта порнофильмов и ликвидировать ее «под ноготь». Что вполне соответствовало его внутренним убеждениям о вредоносном воздействии «всемирной паутины» на психику людей. Да и в приложении к заданию приводились страшные факты такого воздействия. С тысяча девятьсот девяносто седьмого года прошлого столетия по нынешний год только в США школьники, воспитанные «стрелялками» и «ужасиками», распространяемыми по Интернету, убили больше трехсот человек — одноклассников, учителей и случайных прохожих! Появились такие «герои», убежденные в том, что жизнь — такая же видеоигра, которую всегда можно «перезагрузить», и в России.

Начал Буй-Тур свою работу с визита к оператору, снявшему жуткий фильм с убийством девочки.

Оператором оказался Иван Кирунов, двадцативосьмилетний безработный костромич, закончивший в свое время журфак МГУ. Жил он тем, что торговал видеопродукцией определенного содержания, а потом начал снимать порнофильмы, не брезгуя самыми грязными сюжетами. Жил он на улице Катушечной, недалеко от стадиона «Октябрь».

Вечером того же дня Гордей, переодевшись в форму офицера криминальной милиции, позвонил в дверь квартиры номер одиннадцать на третьем этаже старого шестиэтажного здания. Жилец на звонок отреагировал не сразу. Оторвать от компьютера его было трудно. Наконец кто-то посмотрел на Гордея в дверной «глазок».

— Кто там? — слышался чей-то недовольный голос.

— Гражданин Кирунов? — вежливо проговорил Буй-Тур. — Откройте, милиция.

За дверью озадаченно помолчали.

— В чем дело?

— К нам поступил сигнал от ваших соседей, что вы поздно вечером включаете громкую музыку.

— Что за фигня? — удивились за дверью. — У меня даже музыкалки нет.

— Разрешите проверить? Вот мое удостоверение. — Буй-Тур развернул красную книжицу с буквами МВД.

На этот раз молчание за дверью длилось дольше. Обострившимся чутьем Гордей поймал тоненький писк и понял, что хозя-

ин квартиры кому-то звонит по мобильному телефону. Отвернувшись, он придвинул к губам усик рации:

— Будьте готовы к появлению «крыши». Клиент кому-то звонит.

— Всегда готовы, — отозвался Олег. — Надеюсь, он звонит не в милицию.

Загремели засовы, дверь открылась.

На «офицера милиции» глянул длинноволосый молодой человек с бледным лицом, заросшим многодневной рыжей щетиной. Хотя, возможно, владелец лица просто «косил» под известных отечественному телезрителю шоуменов типа музыканта Гергиева и художника Краснова. Гордей сам брился не каждый день, но почему-то заросших и щетинистых мужиков не любил.

— Вы один? — подозрительно осведомился Кирунов хриплым голосом; одет он был в спортивные штаны и белую запятнанную футболку.

— А с кем я должен быть? — шевельнул бровью Буй-Тур. — Конечно, один.

— По-моему, у нас другой участковый.

— Я не участковый, наша контора покруче. Показывайте свое жилище, гражданин Кирунов.

Хозяин отступил в сторону, пропуская гостя, выглянул в коридор, закрыл дверь.

— Проходите, обувь можете не снимать. У меня нет музыкального центра, а телевизор я практически не включаю. Сажусь за компьютером или балуюсь с видеоаппаратурой. Вот, пожалуйста, смотрите.

Буй-Тур заглянул на кухню, увидел в мойке гору грязной посуды, стоявшую на столе початую бутылку водки, консервы, задохший хлеб. По всему было видно, что женские руки не прикасались к интерьеру кухни давно.

Квартира у Кирунова состояла из двух комнат.

В гостиной стояли ширмы, по всему полу были разбросаны подушки и пуфы, стол отсутствовал, а на диване лежали фотоаппараты разных марок, видеокамера «Сони» и куча видеокассет и лазерных дисков.

— Я занимаюсь любительской видеосъемкой, — пояснил Кирунов, наблюдая за гостем. — Но очень тихо. Никто не жаловался. Даже странно, что вам кто-то позвонил.

Буй-Тур прошел в другую комнату, соединявшую в себе спальню и кабинет. Здесь стояла неубранная кровать, а на столе у окна красовался современный компьютер с плоским двадцатидюймовым монитором. Компьютер был включен, и по экрану

плавали человеческие губы, то складываясь в ехидную улыбку, то принимая скорбное выражение.

— Хорошая машина. — Гордей одобрительно кивнул на компьютер. — Не каждому по карману. Вы, наверно, неплохо зарабатываете, гражданин Кирунов.

— Гроши, — ухмыльнулся хозяин.

— Так уж и гроши. Небось в коммерческой фирме работаете?

Глаза Кирунова сузились, ухмылка пропала.

— В фирме. — Голос его дрогнул. — У вас ко мне все, товарищ капитан?

— Тамбовский волк тебе товарищ, — усмехнулся Буй-Тур, выходя в гостиную, указал на диван. — Садись, поговорим.

— Мы же все выяснили...

— Не все, однако. — Буй-Тур повернулся к Кирунову лицом, расставил ноги, спрятал руки за спину. — Теперь ты расскажешь, гнида, кто твой заказчик. Кому ты сбываешь свои «художественные фильмы»? Сам ведь не продаешь? Только снимаешь?

Глаза оператора триады вильнули, хотя он тут же принял оскорбленный вид.

— Не понимаю, о чем вы говорите. Я сейчас позвоню в милицию и...

— Да хоть самому мэру или даже президенту. Я задал вопрос: кто твой хозяин, тварь?! Кому ты продал ролик, на котором записано, как твои дружки насиловали и убивали девочку? Где они? Ну!

Кирунов отступил на шаг, глаза его забегали, пальцы на руках скрючились.

— Вы меня с кем-то путаете... я журналист, интеллигентный человек... и никогда не позволю...

Буй-Тур усмехнулся, вспомнив слова вождя мирового пролетариата товарища Ленина: «Интеллигенция не мозг нации, а говно».

— Не вилай глазками, интеллигент поганый! Вопрос повторять больше не буду! Не ответишь здесь — поедешь со мной.

— Куда?

— В столицу нашей родины. Там тебя живо приведут в чувство и заставят говорить.

— Я ничего не понимаю... — Кирунов отступил еще дальше, прислушиваясь к чему-то и кидая взгляды на часы.

— Один мой знакомый говорил¹:

¹ И. Губерман.

Давно пора, ... твою мать,
Умом Россию понимать!

Собирайся, пошли.

— Никуда я с вами не пойду! — окрысился Кирунов. Глаза его радостно вспыхнули — он услышал шаги нескольких человек в коридоре. — Сейчас с тобой разберутся мои друзья, капитан долбанный, в натуре объяснят, что ты ошибся адресом.

Дверь открылась. В квартиру вошли двое.

У Кирунова отвисла челюсть.

— В-вы к-кто?! К к-кому?! — Он вдруг прыгнул к двери спальни, но Гордей подставил ногу, и оператор порностудии, споткнувшись, врезался головой в косяк двери, охнул, хватаясь за голову, упал. Его подхватили под руки и усадили на диван.

Буй-Тур посмотрел на Олега, также переодетого в представителя органов охраны правопорядка.

— Их было четверо, — ответил тот на молчаливый вопрос в глазах командира. — На белой «пятьдесят первой». Трое вооружены пистолетами, у четвертого еще и «калаш» десантного образца.

— «Крыша»?

— Так точно. Жека с ними сейчас разберется и все выяснит. Ну а с этим что?

Буй-Тур подошел к обалдевшему хозяину квартиры, наклонился над ним, заглядывая в глаза.

— Он туго соображает, но заговорит. Как сказал один уважаемый человек¹:

Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Олег хмыкнул, опустил у ног Кирунова на корточки, ласково спросил:

— Сам будешь говорить, падаль, или нам сделать то же самое, что сделали твои приятели с той девчушкой?

Кирунов попытался вскочить, но получил толчок в грудь и упал обратно на диван, бледнея еще больше.

— Я ничего не знаю... не понимаю... я никого не убивал. Это их инициат... — Он осекся, поняв, что проговорился.

Гордей кивнул. Олег вонзил в ладонь парня нож. Тот взвизгнул, хватаясь за рану, вскочил и снова был усажен на диван.

— Тихо! — проговорил Олег, поднося к его лицу лезвие ножа. — Соседей разбудишь!

¹ А. Блок.

Кирунов сжался, замолчал.

— Тебе лучше все рассказать сейчас. — Буй-Тур присел на диван рядом с ним. — Мы не изобретем ничего нового, пытая тебя, все уже изобретено до нас, но уверяю тебя, ты заговоришь.

Сказано это было спокойно, равнодушно, обыденным тоном, но даже подчиненных Гордея продрал мороз по коже от его слов.

Широко раскрытые глаза Кирунова помертвели.

— Х-хорошо... я с-скажу... — выдохнул он. — Весло... Веселовский живет на Седьмой Рабочей, дом семнадцать... а Саня... Санг Вонг, он вьетнамец, в общежитии на Шагова, напротив депо.

— Молодец, — кивнул Гордей. — Ведь можешь, если хочешь... — Он помолчал и добавил: — Жить. Но это мы выяснили только адреса «актеров». Кто из них был инициатором съемок?

— Саня...

— Понятно. Азиаты всегда бежали к пропасти впереди цивилизации. Как там говорилось в лозунгах: русский и вьетнамец — братья навек?

— По-моему, это про китайцев было сказано, — подал голос Влад, просматривающий записи в компьютере. — Посмотрите-ка, что у него тут хранится.

— Потом. Идем дальше. Кому ты сбывал свою продукцию?

— Я его не знаю, общались только через комп... — забормотал Кирунов, прижимая к груди окровавленную ладонь.

— Врешь, — покачал головой Гордей, посмотрел на Олега. — Давай.

Бывший лейтенант армейского спецназа замахнулся ножом.

Кирунов пискнул, вжимаясь в спинку дивана.

— Он меня убьет!

— Сначала это с удовольствием сделаем мы, тварь, но будем делать это долго!

— Говори, — кивнул Гордей. — Как ты уже догадался, мы не государственные люди, хотя и радеем за государство, но до суда доводить это дело не будем. Пришьем — и все! Итак?

— Он... депутат... нашей Думы... уважаемый человек...

— Конкретнее.

— Лазарев... Иосиф Иванович...

Буй-Тур и Олег переглянулись.

— Кажется, у нас есть компромат на этого деятеля, — вспомнил Олег. — Но в другой сфере.

— Поставка девочек в Москву на всевозможные кастинги и конкурсы.

— Точно! Оказывается, наш клиент подходит к бизнесу со всех сторон, спереди, и сзади, и сверху.

— То есть полностью в дерьме. — Буй-Тур посмотрел на потного жалкого Кирунова. — Где живет твой заказчик?

— В центре, на проспекте Мира... и еще у него особняк за городом, недалеко от Ипатьевского монастыря. Но туда вам не пройти, дом хорошо охраняется.

— Разберемся. Где он любит отдыхать?

— В казино «Север»... в ресторанах... в боулинг-клубе «Депо»... — Кирунов оживился. — У нас проходит чемпионат города по преферансу, Лазарь... э-э, Лазарев в нем участвует. Завтра финал.

Буй-Тур смерил оператора оценивающим взглядом, посмотрел на Олега.

— Может быть, это вариант.

— У нас маловато времени на разработку.

— Попытаемся успеть. Где проходит чемпионат?

— В ДК «Космос» на Советской. Начало турнира в четыре часа дня.

— Спасибо за информацию. — Буй-Тур встал с дивана. — Уходим.

— А с ним что делать?

— Командир, посмотри-ка, — позвал Влад.

Гордей вошел в спальню, несколько секунд разглядывал картинку на дисплее компьютера, включенного Владом, вернулся в гостиную. Молча вынул пистолет с глушителем и выстрелил Кирунову в голову.

— Ему нет прощения! Пиши записку, пусть народ знает, за что он сдох.

Олег хмыкнул, заглянул в спальню, полюбовался на экран компьютера и вышел.

— Вот сволочь!

Влад отстучал на клавиатуре текст записки, отпечатал на принтере, вложил листок бумаги в пальцы убитого.

Через минуту группа собралась во дворе дома, у белой «пятнадцати первой» «Лады», в салоне которой сидели связанные бандиты из местной группировки, охраняющей дельцов порнобизнеса. Двое из них так и не пришли в себя после короткой схватки с «соколами» Буй-Тура, двух пришедших в себя допрашивали Жека и Борис.

— Все тихо, командир, — доложил Жека, загримированный под кавказца. — Они все рассказали. «Крыша» работает на депутата местной Думы Лазарева, ее вожак — начальник частного охранного агентства «Туз», бывший подполковник внутренних войск МВД. В команде этого «туза» спортсмены, боксеры и самбисты. Похоже, они весь город держат в ежовых рукавицах.

Буй-Тур кивнул. Он читал сводку криминальных новостей по Костроме. Только за последнюю неделю в городе произошло больше десятка громких преступлений, среди которых наиболее важными были убийства известного ученого Федорова, вместе с женой, а также капитана Скрылева из Управления внутренних дел Костромы.

— Обычное дело. «Крыша» и должна выглядеть достаточно респектабельной. Будь у нас время, можно было бы заняться этими ребятами, но у нас другая задача. Едем к «актерам», которых сдал оператор. Потом начнем работать по ДК «Космос».

— Зачем?

— Клиент завтра будет играть там на первенстве города по преферансу.

— Ух ты! Клевая игра! Я тоже иногда пишу «пульку» в приятной компании. А с этими что делать?

— Отключи их.

Жека двумя ударами «отключил» парней в салоне «Лады», выжидательно глянул на Гордея.

— Что дальше? «Мочить» их без веских причин...

— «Мочить» не придется. Отведи машину поближе к местному УВД, сунь в руки каждому их оружие и двигайся на Седьмую Рабочую, к дому номер семнадцать. Будем брать «актера» Веселовского.

— А вы?

— Позвоним в милицию, что видели белую «пятьдесят первую» с вооруженными людьми, и тоже поедem на Рабочую. Да, не забудь уничтожить их мобилы, чтобы не смогли позвонить своему боссу.

— Он и так узнает о захвате.

— Но не сегодня.

— Понял. — Жека сел за руль «Лады» и уехал.

Остальные члены группы сели в серенькую вазовскую «десятку», предоставленную им группой обеспечения, и отправились по указанному Кируновым адресу, где проживал один из «актеров» порнофильма, подлежащий безусловному уничтожению.

В половине двенадцатого группа обнаружила «клиента» в компании девиц в своей квартире на Седьмой Рабочей улице и тихо выполнила свою работу, оставив труп со свернутой шеей стыть на кровати, приказав девицам молчать и сидеть в ванной до утра.

Еще через час с небольшим в общежитии для иностранцев на улице Шагова был убит вьетнамец Санг Вонг, известный в городе торговец порнографическими слайдами и фотографиями.

Приятели, в компании которых он находился, отстоять своего компаньона не смогли. Их избили до потери сознания, а когда они очнулись, увидели труп Санг Вонга с приколотой к груди фотографией, на которой он терзал малолетнюю девочку.

Первенство Костромы по преферансу среди профессионалов и любителей проводилось под эгидой Российской лиги интеллектуальных игр уже пятый год подряд и собрало в Доме культуры «Космос» более ста участников. Организаторы турнира озаботились квалифицированной судейской коллегией и свято блюли принцип справедливости и равенства возможностей. Вступительный взнос «профи» составлял семьсот пятьдесят долларов, «мастера» платили по двести, а любители — по двадцать долларов за участие в состязаниях. Из этих сумм и формировался призовой фонд в каждой из категорий, плюс утешительные призы от мэрии города, взявшей на себя хлопоты с арендой Дома культуры.

Первый этап в четыре тура по швейцарской системе, когда все участники играют без выбывания, занимая места за столами по жребию, прошел семнадцатого декабря. На следующий день игроков рассаживали уже по суммам набранных очков, и в действие вступила неумолимая олимпийская система.

Состязания начались в четыре часа пополудни, и к восьми часам вечера ряды бойцов, без устали писавших «пулю» за «пулей», изрядно поредел. В десять за столами остались только три «великолепные четверки» финалистов, среди которых — за столом профессионалов — оказался и публично известный депутат городского собрания Иосиф Иванович Лазарев.

Вопреки расхожему мнению преферанс не французская игра, а чисто русского происхождения. Она появилась в России в тридцатых годах девятнадцатого века и, в отличие от «железки», фараона, кикса и других, стала игрой не только азартной, но и коммерческой. По сложности и красоте комбинаций ее не зря сравнивают с шахматами, а некоторые даже усматривают в ней родство с древнеиндийскими шахматами, в которые тоже играли вчетвером.

Преферансу отдавали дань уважения Белинский, Некрасов, Достоевский, Толстой, Тургенев, выдающиеся отечественные композиторы и ученые, хотя в России он считался традиционно офицерским развлечением, воспитывающим джентльменский дух и мужественность, умение принимать непростые решения, просчитывать шансы и предвидеть удачу.

Неизвестно, владел ли игрок Лазарев всеми этими качествами, однако играть он умел и уверенно шел к победе.

Игра проходила в фойе Дома культуры, за ломберными столиками, доставленными сюда из казино «Север».

Зрителей было мало, в основном — те, кто уже закончил игру и остался за бортом турнира. Хотя среди присутствующих находились и влиятельные люди города, чиновники местной администрации, депутаты Думы, бизнесмены и бандиты, легализовавшие свой преступный промысел и ставшие «уважаемыми коммерсантами».

Шести судьям помогали молодые охранники из частного агентства «Туз». Кроме того, здание ДК охранял костромской ОМОН, а обстановка в фойе и в двух буфетах контролировалась телекамерами.

Игрокам разрешалось вставать со своих мест и прогуливаться у зеркальной стены с фарфоровыми панелями, вычурными светильниками и современной скульптурой из металлических труб и шаров. Они также могли у специальной стойки пить различные напитки и при необходимости посещать туалеты.

Правда, гуляли игроки редко, предпочитая обдумывать свое положение за столом, но пили и ходили в туалет довольно часто. Не отличался долготерпением и Лазарев, одетый в белоснежный костюм с черной рубашкой. Он играл нахально, считал быстро и к концу игры начал посматривать на своих соперников с брезгливым высокомерием. В своей победе он уже не сомневался.

Пил Иосиф Иванович только пиво — отечественную «Балтику» № 8, изредка закусывая солеными орешками. Перед финальной раздачей карт он опрокинул кружечку «Балтики» и направился в туалет в сопровождении трех богатырского телосложения телохранителей, дежуривших вне зоны игры. У некоторых VIP-персон тоже имелись телохранители, но и они тусовались за пределами фойе, чтобы не отвлекать игроков и судей. Соревнования проводились под патронажем мэрии города, и это создавало иллюзию порядка и защищенности. Да и вход в здание охранялся дюжими молодцами в камуфляже, что также добавляло уверенности всем присутствующим.

Туалеты Дома культуры располагались в двух противоположных торцах здания, слева и справа от фойе, снабженные табличками с силуэтами мужчины и женщины. Лазарев, с кружкой пива в руке, остановился у двери с мужским опознавательным символом, кивнул телохранителям. Двое из них зашли в туалет, осмотрели помещение и вышли. Депутат передал кружку ближайшему телохранителю и скрылся за дверью.

Истекла минута, другая, третья. Лазарев не показывался.

Судьи за столом профессионалов объявили перерыв.

Телохранители депутата переглянулись, самый мощный из них попытался открыть дверь, не смог, в недоумении нажал на створку сильнее. Дверь не поддавалась. Его сослуживцы кинулись к нему, налегли на дверь и сломали внутренний запор, ворвались в помещение. Однако внутри никого не было! Туалет был пуст!

— Что за хрень?! — пробормотал первый. — Куда он подевался?!

— Ищи! — выдохнул второй, нагибаясь к полу.

Третий еще раз проверил кабинки одну за другой, заглянул зачем-то в писсуар, ошалело потряс головой.

— Нет его нигде!

— Ищите, идиоты! Он никуда не мог деться!

Они с новым рвением принялись осматривать туалет, теряя драгоценное время и давая похитителям депутата шанс выбраться из здания ДК до объявления тревоги...

Команда Буй-Тура готовилась к этой акции с раннего утра.

Сначала под видом пожарных бойцы «Сокола» проникли в здание, осмотрели все подсобные помещения, туалеты, коридоры, комнаты различного назначения, киноконцертный зал и фойе, чтобы наметить варианты основного действия и отходы. И ушли, оставив Жеку в пустующем кинозале.

Затем они вернулись в ДК, но уже в облике электриков и сантехников, якобы для проведения «технических работ по замене лампочек, пускателей, насосов и труб». На этот раз Дом культуры посетили четверо «рабочих», а вышло двое. Влад и Борис остались в здании, маскируя разобранную стену в мужском туалете. Буй-Тур и Олег пришли в ДК к шести часам вечера как болельщики и зрители турнира.

Конечно, они устали, дожидаясь своей минуты, будучи не до конца уверенными, что их план сработает. Но «клиент» не подвел, решив посетить «разгрузочное» заведение, и группа захвата сработала превыше всяческих похвал.

Жека и Влад легко скрутили Лазарева, так что он и пикнуть не успел, выдернули из туалета через пролом в стене. Борис мгновенно замаскировал пролом древесно-стружечной плитой с наклеенным на ней кафелем. Буй-Тур и Олег, переодевшись в камуфляж-комбинезоны, сняли двух омовцев на запасном выходе, и вся группа пропала в темноте за Домом культуры; фонарь во дворе был выведен из строя заранее.

На всю операцию потребовалось четыре минуты.

Тревога в ДК началась, когда машина с пленником была в трех кварталах от здания. Однако догнать похитителей депутата не удалось. Свидетелей похищения практически не оказалось,

не считая охранников, но они только разводили руками, не понимая, что произошло, и клялись, что никого не видели...

Допрашивали Лазарева прямо в машине, используя пословицу: куй железо, пока горячо.

Он долго не сопротивлялся, признавшись во всех своих грехах и сообщив все о своих покровителях в мэрии города и в правительстве Москвы. Видимо, Иосиф Иванович своей откровенностью рассчитывал смягчить сердца молчаливых и страшных допросчиков. Но он не учел, что их сердца давно сгорели, ожесточились, превратились в камень. Щадить его не стали.

Затем Жека сел за руль «десятки», на заднем сиденье которой остался труп Лазарева, разогнал машину и направил ее с обрыва на лед Волги в районе Краснинской пристани. Машина лед не проломила, хотя и разбилась вдребезги, а потом загорелась.

Ждать, пока она догорит, Буй-Тур не рискнул. Бойцы группы разошлись в разные стороны, чтобы перебраться на новые места жительства. Задание еще не было выполнено в полной мере, и им предстояло задержаться в Костроме на какое-то время.

Гордей, поселившийся в гостинице «Театральная», менять место проживания не стал. Он был уверен, что никто не сможет опознать в скромном тихом постояльце гостиницы командира группы киллеров, «замочивших» четырех дельцов, связанных с порнобизнесом.

Приняв душ и переодевшись в чистое, Гордей включил телевизор, послушал новости — о смерти «клиентов» и похищении депутата в них не было сказано ни слова — и лег спать. Однако уснуть не успел, зазвонил мобильный телефон.

— Что у вас, полковник? — раздался в трубке голос воеводы.

— Все идет по плану, — доложил Буй-Тур. — «Шестерки» ушли. Осталась более крупная рыба.

— Похоже, вам придется задержаться в Костроме сверх необходимого.

— Причина веская?

— Найдите там одного местного жителя, учителя физкультуры двенадцатой гимназии, и приглядитесь к нему. Фамилия учителя — Данилин.

— Он тоже из этой шайки?

— Нет.

— Тогда зачем он нам нужен?

— Возможно, его тоже придется... нейтрализовать.

— Вы не уверены? — удивился Гордей.

— Приказ поступил от князя, а информации у меня нет, поэтому я и прошу понаблюдать за парнем, выяснить, с кем он встречается, на кого работает, что вообще за человек.

Гордей озадаченно дернул себя за ухо.

— Мы же не разведчики...

— Давайте не будем обсуждать мои задания, полковник.

— Слушаюсь.

— Жду сообщений.

В трубке запищали сигналы отбоя.

Гордей посмотрел на нее, нажал кнопку с красной трубочкой и пошел спать. Задание его не взволновало и не расстроило. Хотя показалось странным, что воевода, похоже, не был уверен в необходимости «нейтрализации» объекта по фамилии Данилин. Да и фамилия эта ничего не говорила Буй-Туру. Человека с такой фамилией он не встречал и был равнодушен к его судьбе.

ТАРАСОВ

18 декабря

Несмотря на то что он вернулся из Грузии шестнадцатого декабря, с Яной ему удалось встретиться только восемнадцатого.

Естественно, он позвонил ей сразу, как только прилетел и отчитался перед воеводой о проделанной работе. Но девушка явно не была настроена общаться с новым знакомым и быстро свернула разговор, сославшись на спешку: она куда-то опаздывала.

На следующий день Тарасов снова позвонил ей и снова получил вежливый отказ в виде туманного обещания подумать над его предложением встретиться «на природе». Он расстроился, понимая, что пришелся не ко двору, и даже решил больше не звонить, чтобы не выглядеть чересчур назойливым. Однако обладая упрямым и целеустремленным характером, Владислав на следующее утро вдруг поехал в центр и остановил машину напротив высотки под номером десять в Большом Гнездниковском переулке, где жила Яна. С собой он никогда не лукавил и, если девушка нравилась, комплексовать по этому поводу не собирался.

Интуиция его не подвела.

В девять часов утра дверь подъезда распахнулась, и по ступенькам на тротуар сбежала Яна в золотистой короткой дубленке с меховой оторочкой, в меховом берете такого же цвета и замшевых сапожках, обтягивающих лодыжку. У Тарасова перехватило дыхание. Девушка безусловно была красива, на нее оглядывались мужчины и с завистью поглядывали женщины.

Он вышел из машины, галантно распахнул дверцу.

— Доброе утро. Садитесь, подвезу.

— Вы? — не сразу узнала своего защитника дочь директора авиакомпании. — Как вы здесь оказались?

— Случайно проезжал мимо.

— Вы меня ждали, — догадалась Яна.

— Прошу прощения за настойчивость, но вы обещали подумать над моим предложением поехать на выходные в Ново-Переделкино. Если обещание было дано из вежливости, я уеду и больше надоедать не буду.

— Вы действительно настойчивы. — Девушка смерила Тарасова задумчиво-оценивающим взглядом. — Но я еще не решила.

— Ситуация почти по Блоку, — улыбнулся он.

— Это как? — подняла она брови.

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.

Яна тоже улыбнулась.

— Вы любите стихи Блока?

— Не только. Мне нравится Бунин, Киплинг, Есенин, Лермонтов, Верхарн, Андреев.

— Удивительно. Впервые встречаю человека спецназа, читающего стихи. Однако вы меня совсем не знаете, Роман. У меня не все гладко складывалось в жизни. И ситуация моя — почти по Есенину, а не по Блоку.

— Это как? — прищурился он.

Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

Тарасов покачал головой.

— Уверен, вы ошибаетесь. Я действительно не знаю, как вы живете, что у вас стряслось, какие проблемы вы решаете, но убежден, что неразрешимых проблем не существует.

— Я думаю иначе.

— Это по молодости. Есть только одна по-настоящему нерешаемая проблема — воскрешение мертвых. — Глаза Владислава на мгновение потемнели. — Я бы дорого заплатил, чтобы она... — он замолчал. — Извините.

— У вас кто-то умер? — догадалась девушка.

— Давно. Однако не будем о грустном. Куда вы идете? Разрешите, я вас подвезу?

— Вообще-то за мной должны прислать машину... — Яна глянула на ряд стоящих вдоль тротуара автомобилей, затем решительно тряхнула головой. — Поехали. Мне на работу, на Смоленку.

— К зданию МИДа?

— Не к главному входу, а со стороны Арбата.

— Без проблем.

Он помог девушке сесть в машину, и в это время к подъезду подкатил черный, сверкающий лаком джип «Лендкрузер». Из него выскочил крутоплечий атлет в кожаной куртке нараспашку, а вслед за ним вылез длинноволосый молодой человек, в котором Тарасов узнал приятеля Яны по имени Геннадий. Посмотрел на девушку.

— Это за вами?

Она прикусила губку.

— Поехали.

Владислав завел двигатель, хотел было сдать назад, чтобы развернуться, но джип вдруг рывком перекрыл ему дорогу, а бугай в кожаной куртке постучал костяшками пальцев по боковому стеклу:

— Выходи, водила.

— Не связывайтесь с ними, — быстро проговорила Яна. — Лучше я выйду.

— Посидите минутку, — вежливо ответил он. — Я быстро урегулирую этот вопрос.

— Кажется, ты так и не понял, каратист, — сказал Геннадий, подходя ближе; на нем было длинное меховое пальто и шарф; шапку или иной головной убор он не носил. — Эта девушка не нуждается в защите и уходе. А непонятливых мы...

Тарасов без замаха, сверху вниз, выбросил кулак, попадая парню в куртку точно в низ живота. Обошел его, согнувшегося от боли, приблизился к джипу, рванул дверцу со стороны водителя на себя и, когда щель оказалась достаточной, схватил водителя за плечо и одним рывком выдернул из кабины. Добавил ускорения, так что крепкий молодой человек в такой же черной кожаной куртке врезался головой в стоявшую рядом «Газель» и упал на гору неубранного снега.

Из кабины джипа выскочил третий спутник Геннадия в кожане, бросился на Тарасова с кастетом на руке и получил хлесткий удар тыльной стороной ладони по скуле, а затем второй — по шее. Владислав сел на место водителя, не обращая внимания на застывшего с изумлением на лице Геннадия, отвел в сторону «Лендкрузер», выдернул ключ зажигания и бросил шоферу, очумело трясающему белой от налипшего снега головой.

— Лови. — Посмотрел на приятеля Яны. — Я один раз уже предупреждал, это второй и последний. Еще раз вякнешь что-либо своим грязным языком — останешься немой на всю жизнь!

После этого он сел в кабину своей «Импрезы» и выехал из переуллка на соседнюю улицу.

С минуту в кабине царило молчание. Потом Яна негромко сказала:

— Вы действительно ничего и никого не боитесь? У Геннадия много знакомых в милиции, полиции и ФСБ.

— Извините, — сказал Владислав без особого раскаяния в голосе. — Но хамы всегда вызывали у меня обострение синдрома хронического бешенства. С любым разумным человеком всегда можно договориться, найти компромисс, но с хамом — никогда! Ваш Геннадий — хам, даже если он партнер вашего отца. А теперь признавайтесь, почему он вас преследует и при этом ведет себя как...

— Кто?

— Как муж, подозревающий жену в измене.

Яна с любопытством посмотрела на твердый профиль спутника, прикусила по обыкновению губку, помолчала.

— Зачем вам это знать?

— Я вижу, что вы зависимы от этого человека, причем сильнее, чем может себе позволить такая девушка, не нуждающаяся в средствах и чьей-то персональной опеке. Если вас тяготит эта опека, а я вижу, что вы действительно не хотите быть зависимой от него, то я помогу вам освободиться.

— Это невозможно.

— Я не знаю такого слова.

Машина выехала на Садовое кольцо, и в зеркальце заднего вида Тарасов увидел догоняющий их знакомый джип. Однако увеличивать скорость не стал и спутнице о преследователях не сказал.

— Итак?

— Я сказала вам неправду... Он... мой муж.

«И улыбка познания играла на счастливом лице дурака», — вспомнил Владислав стихотворение Юрия Кузнецова. Дураком в данном случае был он сам. О непростой связи Яны с Геннадием ему следовало догадаться раньше.

— Кажется, я попал впросак. Хотя все равно не понимаю, почему ваш муж так относится к вам.

— Мы не живем вместе уже год...

— Ну и разошлись бы, если все кончилось.

— Мы состояли в гражданском браке.

— Тем более.

— Папа настаивает на официальной регистрации...

— Почему? Он же не может заставить вас выйти замуж силой.

— Есть два обстоятельства...

— Говорите все. По крайней мере я буду знать, что нам делать.

Яна пропустила его «нам» мимо ушей.

— Я не уверена, что это вам нужно знать. Вы не в состоянии мне помочь.

— Думаю, вы ошибаетесь, — твердо заявил он. И эта его твердость и решительность благотворно сказались на ее настроении.

— Вы услышите неприятные вещи...

— Я готов!

— Геннадий хотел ребенка... но я сделала аборт.

— Аборт вещь жестокая, но не смертельная.

— Он в самом деле меня любит и очень хотел... и хочет ребенка.

— Хочет — перехочет. Вы же не любите его?

— Нет.

— И не хотите с ним жить?

— Н-нет.

— Так в чем же дело?

Яна помолчала, набираясь храбрости.

— Второе обстоятельство хуже... Это Геннадий помог папе стать директором компании... дал деньги... и устроил меня в МГИМО.

— Та-ак, — протянул Тарасов. — Час от часу не легче. Значит, от этого человека зависит вся ваша семья, а не только вы?

Яна опустила голову.

— Теперь вы знаете все. Надеюсь, охота встречаться со мной у вас отпала?

Машина остановилась на углу Арбата и Денежного переулка.

— Наоборот, — усмехнулся Владислав. — Я псих и люблю преодолевать непреодолимые препятствия. Мне очень хочется разрубить этот ваш гордиев узел. И много ваш отец должен своему заму?

— Много... лучше не спрашивайте.

— Как же это произошло? Откуда у Геннадия такие деньги? И почему он сам не стал директором?

Яна отвернулась, колеблясь, отвечать ей или нет.

— Геннадий связан с какой-то криминальной структурой... ему нельзя было сразу идти в чиновники такого масштаба, поэтому он подставил папу... он страшный человек! — Яна зябко передернула плечами.

Тарасов стиснул зубы, однако постарался держаться уверенно и оптимистически. Положил ей руку на локоть.

— Доверьтесь мне, Яна. Я вполне отдаю отчет своим словам.

Организация, в которой я работаю, покруче любой криминальной структуры. Если понадобится, мы отобьем охоту вашему бывшему мужу даже смотреть в вашу сторону. За километр будет обходить вас.

Яна посмотрела на него заворуженно, слабо улыбнулась.

— Вы странный... и сильный... мне почему-то хочется верить вам...

— Так в чем же дело?

Она задумалась на несколько мгновений, потом решительно вздернула подбородок.

— Вы хотели поехать в Ново-Переделкино, покататься на лыжах, не передумали?

— Никогда!

— Увезите меня из Москвы! Я сейчас возьму отпуск на неделю, и мы сразу уедем.

Владислав не поверил ушам.

— Согласен.

— Ждите.

Она выпорхнула из машины и побежала к левому крылу здания Министерства иностранных дел, скрылась за дверью служебного входа. А он остался сидеть в машине с эйфорически кружащейся головой, в которой металась одна мысль: она согласилась! Затем Владислав увидел остановившийся неподалеку джип «Лендкрузер», и эйфория прошла. Подумав немного, он неторопливо вылез из машины и направился к джипу, сунув руки в карманы, являя собой решимость.

Но пассажиры джипа не стали дожидаться того, кто играючи справился с ними у дома Яны. «Лендкрузер» тронулся с места и влился в плотный поток машин на Садовом кольце.

— Так-то лучше, — проворчал Тарасов, глядя ему вслед. Он понимал, что основные разборки с командой Геннадия еще впереди, но не боялся их, веря в свои силы и возможности команды СОС.

Яна появилась через сорок минут, оживленная, раскрасневшаяся, деловито-энергичная. Плюхнулась на сиденье «Импрезы».

— Ох, что было!.. Пинский ошалел... Но меня все же отпустили.

— Едем.

— Интересно, что я маме скажу.

— Мы ей позвоним из Переделкина.

Яна озадаченно глянула на спокойно-сосредоточенное лицо Тарасова, вдруг обхватила его шею рукой, поцеловала.

— Теперь поехали! Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

— Я знаю другую поговорку, более жизнерадостную, — хмыкнул он. — Да здравствует все то, благодаря чему мы, несмотря ни на что!

Она засмеялась в ответ, и обоим стало легко и радостно, будто небосвод наконец очистился от снежных туч, появилось солнце, все невзгоды отступили и впереди засияла надежда на счастье.

В три часа дня они поселились в гостинице «Переделки», принадлежащей оздоровительному горнолыжному комплексу Ново-Переделкино. Причем Тарасов хотел взять два отдельных номера, но Яна, все еще находясь под впечатлением собственной смелости, настояла на том, чтобы они сняли один двухкомнатный люкс.

Ни один, ни другая не брали с собой лыжи, однако здесь можно было взять напрокат отличные «джампинги», чем и воспользовались новые постояльцы гостиницы.

Как оказалось, Яна прекрасно умела кататься на лыжах, не боялась крутых виражей, Тарасов тоже прилично стоял на «горняках», и они наслаждались снежными склонами, свежим воздухом и отличной погодой практически до ужина.

Вечером, после сауны и бассейна, пара сидела в ресторане гостиницы на втором этаже, с удовольствием пила легкое вино и с аппетитом поглощала пищу, приготовленную весьма умело местными поварами.

Яна буквально светилась от избытка впечатлений, часто смеялась, и Тарасов подумал, что это реакция на давно желанную свободу. Хотя, возможно, добавил он про себя, ей и в самом деле интересно с ним, несмотря на значительную — десять лет — разницу в возрасте.

Заговорили о литературе.

Яне нравилась проза Улицкой и Арсеньевой, детективы она не любила и потому мастеров этого жанра не читала, зато не чуралась фантастики, что Владислава порадовало. Он любил фантастику с детства и привычек не менял до зрелого возраста, хотя читал уже не все подряд, а выборочно, зная, что и от какого автора ждать. В конце концов сошлись на том, что так называемые «элитарные» авторы, лауреаты всяких Букеров и Антибукеров, либо маргиналы, либо бездары, поддерживаемые такими же бездарями, а читать стоит только тех, тиражи книг которых говорят сами за себя. В нынешние времена ни славу, ни известность, ни многомиллионные тиражи купить было невозможно, и если книги автора раскупались быстро, это подтверждало известный тезис: дыма без огня не бывает. Интересные писатели не зря ста-

новились народными любимцами, а бесталанные — «элитарными» соискателями всевозможных, пусть даже скандальных, премий.

Увидев входящую в ресторан молодую пару в вечерних туалетах, заговорили о моде.

Яна хорошо разбиралась в известных всему миру домах моды, отличала костюмы Ива Сен-Лорана от костюмов Жан-франко Ферре и могла точно сказать, где и по какой цене куплено то или иное платье. В бытность свою сотрудником внешней разведки Тарасов тоже следил за модой, обращал внимание на одежду, поэтому беседовал на эту тему со знанием дела. Удивил он спутницу тем, что знал имена модельеров и мог оценить их вкусы.

Поговорили о жизненных приоритетах. Эта тема почему-то волновала собеседницу. Для нее самой важной проблемой оказалась проблема свободы и безопасности, а уж потом шли закон, семья и достаток. Тарасов ее понял, хотя с грустью посетовал, что один из главных приоритетов, от которого зависела нормальная жизнь общества, — справедливость — задвинут у нынешней молодежи куда-то на задний план. Впрочем, как и достоинство, труд, воля и духовность. Хотя потом выяснилось, что Яна все-таки думает о таких вещах и не ставит во главу угла материальные блага.

Тарасов вспомнил своего школьного приятеля, ставшего известным ученым-физиком, лауреатом Госпремии, но не уехавшим за границу, и разговор свернул в русло творческих успехов бывших однокашников и студенческих знакомых обоих.

Яна рассказала о дальнем родственнике отца, который получил Нобелевскую премию по химии, а Владислав привел примеры так называемых Иг-Нобелевских премий, присуждаемых Гарвардским университетом за тупость, шарлатанство и абсолютную бесполезность проделанных работ. Яна долго смеялась, узнав, что лауреаты премии на полном серьезе доказывали присутствие сексуального влечения страусов к людям, рассчитывали площадь поверхности слонов, уверяли, что пивная пена оседает в сосуде, подчиняясь математическому закону экспоненциального затухания, приводили всеобъемлющую классификацию человеческих пупков и разрабатывали наиболее оптимальный способ макания бисквита в жидкость.

— Идиоты! — заключила Яна, отсмеявшись.

— Больные люди, — кивнул также развеселившийся Тарасов. — Даже по этим примерам видно, как вырождается зажравшийся Запад. Хотя справедливости ради замечу, что я встречался там и с умными симпатичными людьми. Мне жаль наших сооте-

чественников, бегущих за границу ради заработка и мифических свобод. Россия, конечно, не идеальное место для талантливых людей и пророков, но Запад их просто съедает с потрохами и выплевывает уже тупыми и безвольными.

На эстраде в торце зала зашевелился оркестр, молодая певица в немыслимом костюме запела что-то о «я тебя люблю — лю-лю-лю...».

Яна поморщилась.

— Не терплю попсы. Я и в Москве редко хожу на концерты, слушать нечего, кроме такого вот «лю-лю-лю».

— Один юморист заметил, что нет такой глупости, которую нельзя было бы спеть. Вот и поют. Самое плохое, что молодежь от этих песен «тащится». Хотя это еще вовсе не означает, что из слушателей попсы обязательно вырастут дураки и бандиты. Я в свое время тоже увлекался музыкой — от рока до рэпа, практически не вслушиваясь в слова песен.

— Классику любишь? — перешла на «ты» Яна.

— Не дошел, — развел руками Владислав. — Остановился на романсах, предпочитаю старинные русские, с гитарными переборами и флейтой.

В зале появились двое крупногабаритных парней в одинаковых свитерах, сели недалеко от столика Тарасова. Яна остановила на них взгляд, перестала улыбаться. Парни оценивающе поглядывали на нее, обмениваясь репликами, и не обращали внимания на спутника девушки.

— Успокойся, — сказал Владислав, накрывая руку девушки своей ладонью. — Здесь нас никто из твоих опекунов не найдет. Ты маме не сказала, куда поехала?

— Нет.

— Ну и не переживай.

— Эти... так смотрят...

— Ты красивая, вот и смотрят, терпи. Всем глаза не заклеишь. Пока я с тобой, тебе нечего бояться. Да и не увлекаются бандиты горными лыжами, они энтузиасты других видов спорта.

На лицо Яны набежало облачко.

— Я знаю... Геннадий любит играть в гольф... чуть ли не каждый день посещает боулинг-клуб... А его «шестерки» ходят качаться...

— Стандартные увлечения стандартной полукриминальной тусовки. Надеюсь, твой Геннадий все же повыше уровнем. Он не связан со спортивным бизнесом, случайно? Или его деньги добыты с помощью нефтяных скважин?

— Я не интересовалась. — Яна передернула плечиками. — Иногда мне казалось, что он способен убить любого... — Она

снова зябко вздрогнула. — В каком же сволочном и страшном мире живут эти люди — бандиты, воры, убийцы, насильники! Как они не стреляются от дикой безысходности? Ведь никто из них не доживает до старости!

— Потому что они не люди, Яна, — мягко сказал Владислав; на миг показалось, что рядом сидит жена и печально улыбается; он зажмурился, надавил пальцами на глаза — видение исчезло. — Они нелюди. Но давай не будем портить себе вечер чужими проблемами. Мы приехали сюда отдохнуть, и никто нам не помешает. Потанцуем?

— Хорошо, — согласилась она, с усилием заставляя себя думать о приятном.

Через минуту они забыли обо всем, что не входило в сферу их отношений, и снова почувствовали себя независимыми и счастливыми. Больше Яна чужих взглядов не пугалась.

— У меня предложение, — сказал Владислав, прижимая к себе девушку, хмельной от близости и ожидания чего-то.

— Ты не человек, — засмеялась она, находясь примерно в таком же настроении, — а фонтан идей. Готова выслушать любое твое нескромное предложение.

— А если скромное?

— Тогда я в тебе разочаруюсь.

Он улыбнулся в ответ.

— В воскресенье, двадцать второго, московский клуб исторической реконструкции «Серебряный волк» будет справлять йоль. Не хочешь со мной посмотреть на это экзотическое зрелище?

— Что такое йоль?

— По языческому календарю это начало года, то есть языческий Новый год. Мне рассказывал приятель, что на таких сборищах бывает очень весело и интересно.

— Я согласна. Никогда не встречала Новый год в компании с язычниками. Далеко ехать?

— На берег Пироговского водохранилища, есть там такая бухта Радости. За час доберемся. Представляешь? Сказочный заснеженный лес, огромный шатер посреди поляны, в нем люди в старинных одеждах, на стенах оружие — мечи, секиры, копья, щиты, горит очаг, полно питья — горячего пива в деревянных чашах и в бычьих рогах, дохристианский антураж...

— Не представляю, но гулять так гулять. А поскольку твое предложение действительно чересчур простое, я предлагаю податься в номер.

Владислав отодвинулся, продолжая сжимать талию девушки в своих руках, разглядывая ее раздумавшееся лицо с маняще полуоткрытыми губами.

— Не рано?

Яна прыснула.

— Не помню, кто из поэтов написал:

Ты сказала мне: «Нельзя же сразу».

Я сказал: «Нельзя же никогда!»

Теперь засмеялся Владислав.

— Все-таки ты удивительная девушка! То вздрагиваешь от любого неосторожного слова, то ничего не боишься!

— Это похвала или осуждение?

— Пойдем. — Он взял ее под руку. — Я закажу шампанское в номер.

Они выбрались из толпы танцующих, поднялись на свой этаж гостиницы, прижимаясь друг к другу, открыли дверь в номер. Владислав хотел было включить центральную люстру, но Яна остановила его, дернула за шнурок бра, свет которого создал в комнате уютный полумрак. Затем, глядя на него огромными дразнящими глазами, она потянула «молнию» на платье, гибко шевельнулась, платье соскользнуло с ее плеч на пол, и красота обнаженного тела девушки заставила его замереть бездыханным. Вспомнилось:

Одежды на ней — поясok из бус

Да грива шальных волос.

А в черных глазах, как смертельный укус,

Таится немой вопрос...

Три дня и три ночи пролетели незаметно.

Они любили друг друга, наслаждались уединением, ни на кого не обращали внимания, с удовольствием катались по «горным» склонам Ново-Переделкина, веселились, дурачились, шалили, посещали ресторан, бар и боулинг-зал, загорали, снова катались и снова любили друг друга, щедро растрачивая поступавшую откуда-то — с небес, что ли? — энергию.

Наверное, идиллия могла бы продолжаться и дальше, так как никаких признаков скуки, пресыщения или усталости Яна не демонстрировала, но появилось препятствие, которое Владислав подспудно ждал, хотя и молился в душе, чтобы оно позволило им отдохнуть — если их образ жизни можно было назвать отдыхом — еще несколько дней. Препятствием этим было сообщение координатора СОС, полученное Тарасовым по мобильному телефону, что ему в субботу двадцать первого числа надлежит явиться к воеводе.

Владислав попытался сманеврировать, сославшись на недомогание, и перенести встречу на понедельник, однако координатор

натор сухо подтвердил дату и время встречи, и Тарасов с сожалением констатировал, что его отпуск кончился. Он смущенно доложил Яне о необходимости отлучиться в Москву на несколько часов, еще не зная, сможет ли вернуться обратно в гостиницу, и был приятно удивлен, когда девушка заявила, что поедет с ним и подождет, где бы и сколько бы времени он ни задержался.

— Это по работе? — спросила она проникательно, нежась под пуховым одеялом. — Нельзя отказаться?

— К сожалению, нет, — развел он руками. — Дисциплина в конторе — святое дело.

— У нас еще есть один день и одна ночь, так что не будем печалиться. Потом поедем в Москву, и если удастся — вернемся сюда. Или поедем встречать твой йоль.

Он потянулся к ней руками, норовя поцеловать в шею, одеяло соскользнуло... и встали они нескоро.

Позавтракали, покатались на лыжах, провели день в прекрасном расположении духа. Поужинали в ресторане, почти выспались ночью, а наутро, в субботу, поехали в Москву. Яна уговорила Тарасова забросить ее на пару часов домой, что он и сделал с облегчением, трезво рассудив, что это лучший выход из положения. Он всегда чувствовал себя неуютно, заставляя кого-то ждать своего возвращения, а тут все сложилось удачно, и Яна могла не волноваться, и ему не надо было поглядывать на часы и торопить события.

Воевода Николай Степанович ждал командира группы СОС на квартире, принадлежащей не ему лично, а Русскому ордену. Но он был не один. Вместе с ним ждал Тарасова сам князь ордена, полковник Родарев.

У Владислава непроизвольно участилось дыхание. Присутствие князя указывало на важность проблемы, которую надо было решить, а это в свою очередь означало, что с лыжным отдыхом в Ново-Переделкине пора было прощаться. Задав в душе сожаление и разочарование, Владислав поздоровался с руководителями службы СОС РуНО, сел в предложенное кресло.

— Я готов выслушать вас, судари мои.

Воевода и князь переглянулись.

Родарев улыбнулся.

— Мы знаем, что оторвали вас от увлекательного занятия, Владислав Захарович, и, возможно, вам еще представится возможность вернуться на пару дней в Ново-Переделкино. Однако ситуация в стране осложнилась, а я на несколько дней вынужден покинуть Россию, поэтому и решил поговорить с вами сегодня, дать новое задание.

Тарасов порозовел.

— Я только хотел...

Родарев прервал его жестом.

— Не надо оправдываться, вы имеете полное право отдыхать, как вам заблагорассудится. Даже поехать на Пироговское озеро и встретить языческий Новый год.

Владислав нахмурился.

— Меня «пасут»... ваши люди?

— Никто никого не «пасет». Так получилось, что гостиница «Переделки» является нашей вотчиной. Там отдыхают многие наши сотрудники.

Тарасов вспомнил двух парней в свитерах, которые часто встречались ему на пути то в баре, то на лыжных трассах комплекса. Покачал головой.

— Мне следовало самому догадаться.

— Не обижайтесь, Владислав Захарович. У нас нет причин не доверять вам, а вот причины оберегать вас — есть.

— Не понял?

— По нашим данным, за вашей командой началась охота. Для этой цели в Россию заброшен один из операторов Союза тайных орденов Европы Джеральд Махаевски. А это очень сильный противник, маг и мастер воинских искусств. Вот почему мы решили вызвать вас для беседы сюда, оторвав от заслуженного отдыха.

— Это любопытно, — хмыкнул Тарасов. — До сего времени я считал, что наша контора покруче каких-то там «тайных орденов».

— К сожалению, у нас маловато опыта, в то время как история тайных союзов уходит корнями в седую древность. Но мы быстро учимся.

— Однако для того, чтобы начать охоту за моей группой, этот Махаевски должен знать ее членов. У нас произошла утечка информации?

— Мы не уверены, поэтому запустили систему собственной безопасности, проверяющую сейчас все наши службы. Тем не менее у СТО есть агенты во всех государственных и коммерческих структурах России, и не будет ничего удивительного, если один из них окопался в наших рядах. Разведки таких серьезных организаций для того и существуют, чтобы внедрять своих эмиссаров в управленческие структуры противника.

— Откуда вам стало известно о заброске Махаевски?

Родарев усмехнулся.

— Мы тоже не сидим сложа руки. Наши парни работают в большинстве государственных служб, в том числе в правительстве, в ФСБ, СВР и ГРУ. Ну и, естественно, за рубежом. Однако

давление на Россию со стороны СТО увеличивается, и мы должны реагировать на угрозу адекватно.

— Бедная Россия, — пробормотал Тарасов. — Кто только не пытается прибрать ее к рукам.

— Она не бедная, — качнул головой воевода Николай. — Она очень богатая, особенно творческим потенциалом, потому ее и пытаются подчинить и уже почти добились цели. Россия завоевана, завоеватели сидят во всех властных креслах, и это надо признать со всей очевидностью. Только мы пока не все осознаем эту трагедию.

Родарев погладил бритый череп.

— Согласен.

— Что ж, пусть поохотится за нами господин Махаевски, — пожал плечами Тарасов. — Мы отобьем ему охоту охотиться.

— Не переоцените свои силы, Владислав Захарович. К тому же Махаевски — не ваша забота. Группа СОС — лезвие оружия справедливости, она должна заниматься своим непосредственным делом. Контрразведкой у нас ведает другая служба. Хотя предупредить вас мы были обязаны. Теперь к делу. Давайте обсудим дальнейшие планы вашей дружины.

Тарасов тряхнул головой.

— Мы готовы. Однако я хотел бы просить вас об усложнении заданий. Мы способны на большее, нежели ликвидация террористов и их пособников. Я неплохо разбираюсь в социальных проблемах страны и считаю, что борьба с бандитизмом и криминалом вообще — уровень государственных структур. Мы можем и должны работать глубже, искать корни явлений, а не рубить головы по верхам.

Родарев и Николай обменялись понимающими взглядами.

— Я иногда забываю, что вы бывший аналитик Службы внешней разведки, — улыбнулся полковник. — Хотя вы безусловно правы. Несомненно, ваша группа заслуживает более серьезного отношения, о чем я имел честь беседовать с Пресветлым Князем ордена. После чего произошла некая переоценка ближайших планов СОС. Мы хотели направить вашу дружину в Америку, чтобы вы нашли и наказали предателей, сбежавших в последние годы за рубеж.

— Вы имеете в виду перебежчиков из спецслужб?

— Совершенно верно. Уже длительное время разведки мира по негласной договоренности никого из перебежчиков не похищают и не расстреливают. Но перебежчик перебежнику рознь, и такие мощные фигуры, знающие очень много государственных секретов, как экс-генерал КГБ Калугин, экс-полковник ГРУ Бохан, майор внешней разведки Бутков и другие, не должны жить.

С другой стороны, не они наносят самый большой ущерб отечеству и, конечно же, не террористы.

— Те, кто за ними стоит?

— Агенты влияния СТО, просочившиеся на все посты управленческих систем страны. Примеров — бесчисленное количество. Причем не надо особенно стараться, чтобы выйти на тех, кто занимается деструктурирующей деятельностью, достаточно почитать газеты или посмотреть некоторые аналитические программы ТВ. Захватчикам пока не удастся реализовать план контроля в с е х СМИ, и это вселяет надежду. Хотите примеры?

— Я читаю газеты.

— Тогда вы должны понимать, что тайная подрывная работа агентов влияния в России продолжается, полным ходом идет невидимый непосвященным процесс развала экономики, снижения производства, деградация промышленности, вывоз энергоносителей и ценнейшего сырья. За примерами далеко ходить не надо. Почти открыто, на уровне решений правительства, уничтожается авиационная промышленность, космическая, снижается доля наукоемких технологий. Представьте, куда может завести страну этот процесс. Вот вам маленький конкретный пример. Некая коммерческая организация в Питере «Прометей-инжиниринг» решила сознательно обанкротить и распродать имущество крупнейшего артиллерийского завода в регионе, а также Кронштадтского морского завода, основных поставщиков оружия и отремонтированной военной техники на Северный Кавказ. Об этом действительно писали газеты.

Тарасов качнул головой.

— «Мочить»!

Родарев усмехнулся.

— Это правильная реакция. Но для контроля таких инцидентов у нас существует другая служба, родственная вашей: ППП.

— Что-нибудь вроде «поиск и перехват преступников»?

— Это аббревиатура слов «пресечение и предупреждение преступлений». Одно из подразделений службы уже неплохо рекомендовало себя чисткой рядов спецслужб, второе успешно ликвидирует террористов и бандитов. Есть и другие «чистильщики», занимающиеся криминалом. А вот ваша задача — окружение России. Точнее — заграница.

Тарасов понял, что лирические отступления кончились, подтянулся.

— Слушаю вас.

— Точек приложения силы за рубежом — множество. Практически весь Запад так или иначе не дружит с Россией, пытается при этом извлечь свою выгоду. Я не говорю о народах, насе-

ляющих те или иные земли, я говорю о политических и управленческих системах, замыкающихся на определенные структуры и агентуры. Поэтому нам очень важно заставить эти структуры не только уважать нас, но и прекратить экспансию чуждой нам культуры и так называемых «демократических ценностей». На уровнях политики и дипломатии работают другие наши люди, вашей же группе предстоит жестко пресечь попытки наших врагов унижить, растоптать достоинство, вымазать грязью, засудить россиян или превратить их в бессловесных рабов, в рабочий скот.

— Чаю хотите? — предложил воевода, заметив взгляд Тарасова, брошенный на графин с водой.

— Соку, если можно, — согласился Владислав, — или минералки.

Николай вышел и принес чашку вишневого сока.

— Вам на выбор предлагается посетить «с дружественным визитом» четыре страны, — продолжил Родарев. — Турцию, Данию, Швецию и Францию. Определенные круги этих стран «достали» нас окончательно. Турция — связями с чеченскими и международными террористами, Дания — также своим чересчур лояльным отношением к террористам и экстремистам, и Франция — чудовишной кампанией против наших спортсменов и тоже связями с экстремистами.

— О нападениях на автобусы с нашими туристами в Турции я слышал, — кивнул Тарасов. — С Данией вроде бы тоже все ясно. Там до сих пор привечают чеченских эмиссаров, разрешают проводить «Всемирные чеченские конгрессы» и открывают «Центры помощи чеченским борцам за свободу». Давно пора по-серьезному разобраться, кто все это делает и с какой целью. А Франция и Швеция?

— Вы не следите за успехами наших спортсменов за рубежом?

— Специально — нет, разве что с удовольствием смотрю по телевизору соревнования по теннису, чемпионаты мира по футболу и волейболу и Олимпийские игры.

— Несколько лет назад Международный олимпийский комитет и Международная федерация лыжных видов спорта дисквалифицировали наших лыжниц Ларису Лазутину и Ольгу Данилову якобы за применение допинга. Затем и Арбитражный спортивный суд — CAS отклонил апелляции спортсменов, оставив решения МОК и FIS в силе. Хотя их «доказательства» были абсолютно неубедительными, наши эксперты доказали это. И вот новые скандалы: с подачи Международной антидопинговой комиссии WADA лишили золота Веронику Орлову, нашу чемпи-

онку по художественной гимнастике. Почти одновременно с этим эти же деятели лишили чемпионских медалей нашу мужскую сборную по биатлону. Апелляции не помогли. Международные федерации по этим видам спорта с нескрываемым удовлетворением дисквалифицировали наших спортсменов, а CAS поддержал их своим скандальным решением. Наши эксперты опять доказали, что допинговый скандал инициирован директором антидопинговой комиссии во Франции господином Салье и поддержан арбитрами и президентом CAS господином Мбоангом Тротом, бывшим вице-президентом МОКа, ныне гражданином Франции. Эти люди должны уйти со сцены истории! Церемониться с ними мы больше не намерены.

— Я хотел бы получить более подробную информацию об этом деле.

— Разумеется, мы предоставим вам все необходимые материалы. Кроме спортивных деятелей, если их можно причислить к спортивным, вам надо будет разобраться еще с двумя прямыми врагами родины. Один — судья, по сговору с истцом отсудивший дочь у законной матери, нашей соотечественницы, второй — директор французской Национальной федерации Лиги прав человека.

— Неужели он такой же рьяный правозащитник, как наши?

Родарев усмехнулся краешком губ.

— Наши доморожденные «правозащитники» не уступают ему по цинизму, но с ними разберутся другие наши службы.

— Что же сделал директор федерации?

— Господин Штиффлер является еще и другом Ханби Умарова, президента Комитета Чечни во Франции, защищая деятельность этого Комитета с пеной у рта. Между тем Умаров уже объявил о намерении чеченских шахидов-смертников, так сказать, «борцов за независимость», сбивать наши самолеты над территорией Франции.

— Это серьезная угроза или пиар?

— Нельзя утверждать наверняка, но ведь вы знаете: иной раз угроза сильнее ее исполнения. Так что влияние Штиффлера велико, и терпеть это дольше невозможно.

— Я понял, — сказал Тарасов. — Несомненно, эти люди должны быть наказаны. Срок выполнения задания?

— До двадцать восьмого декабря. Мы даем вам два дня на ознакомление с материалами и разработку вариантов операции. В понедельник двадцать третьего самолет доставит вас вместе с командой в Германию. До Парижа будете добираться самостоятельно. Документы готовы. Там вас будут ждать люди из службы обеспечения и наведения.

Тарасов кивнул. Он давно не удивлялся молниеносности проведения десантных операций по ликвидации тайных и явных врагов родины. Собственно операции предшествовала долгая, кропотливая, скрупулезная работа разведчиков, аналитиков и экспертов СОС, и группа Владислава лишь завершала эту работу, являясь своеобразным инструментом — «острием меча возмездия», удар которого и должен был наноситься быстро и точно.

— Тогда у нас все, — развел руками полковник. — Еще раз прошу вас быть осторожнее, внимательно присматривайтесь ко всему необычному вокруг вас, особенно к поведению случайных прохожих. Угроза в отношении вас и ваших людей со стороны Махаевски не просто слова, этот господин обладает редкостным талантом доводить свои угрозы до исполнения. Мы дважды пытались ликвидировать его...

Тарасов встал, вполне понимая смысл недосказанной фразы князя.

— Обещаю быть осторожным. Надеюсь, наша контрразведка не оплошает и найдет этого парня. С удовольствием приму участие в его захвате.

— Едва ли это доставит вам удовольствие, — проворчал Николай. — Желаю удачи.

Тарасов сделал короткий поклон и вышел, сохраняя в памяти взгляды людей, наделенных полномочиями судить врагов Отечества. Они не сомневались в своем праве уничтожать предателей и подонков, но привыкнуть посылать своих подчиненных в бой не могли. Именно так Владислав расшифровал тень вины и сожаления, отраженную во взглядах, которыми проводили его руководители РуНО.

ДАНИЛИН

20 декабря

Млада оказалась настолько милой и благодарной квартиранткой, что Анна Игнатьевна души в ней не чаяла, ухаживая за молодой женщиной как за собственной дочерью. Естественно, сначала Млада стеснялась, не решаясь принимать эти ухаживания как должное, пыталась помогать хозяйке убирать квартиру, готовить пищу и стирать. Потом смирилась со своим привилегированным положением и превратилась по сути в члена семьи, хотя семьи необычной: Данилин и Анна Игнатьевна в родственных связях не состояли, да и сама Млада была для них чужой, случайной знакомой.

Андрея такое положение «семьи» вполне устраивало, поэто-

му он старался сделать так, чтобы понравившаяся ему женщина чувствовала себя как дома. Все свободное время он проводил с ней. По вечерам поил Младу бальзамом, настоял на необходимости принимать массаж и с удовольствием занимался *лажени-ем*¹, способствующим восстановлению энергетического баланса организма и обмена веществ, а также улучшающим местное кровообращение и циркуляцию нервных «токов». Почувствовав целебную силу рук Андрея и явное повышение тонуса, Млада перестала стесняться и смотрела на Данилина с тихим обожанием. Он же, понимая ее состояние, не торопил события и вел себя скорее как отец, а не влюбленный мужчина.

Поскольку срок беременности Млады пошел всего лишь на восьмой месяц, прогулки на свежем воздухе ей противопоказаны не были, и Андрей каждый день гулял с ней по проспекту Мира до парка за областной больницей и обратно. Кроме того, он дважды приглашал будущую маму на свои занятия с учениками в секции единоборств, а в пятницу повез посмотреть на соревнования по натурбану, проводившиеся под Костромой, в местечке Коряково, где для этой цели были созданы санные трассы и возведен целый комплекс для отдыха горожан и местных жителей.

Дословный перевод слова «натурбан» — натуральная трасса. Спортсмены в этом виде спорта мчатся наперегонки не по ледяному желобу, как в бобслее, а по горному склону, выбирая кратчайший путь к финишу, и смотреть на это лихое действие интересно. Данилин уже бывал на чемпионате мира по натурбану, проводившемся в деревне Парамоново Дмитровского района Московской губернии, и ему очень понравился этот вид «гонки по жилам адреналина». Вообще же натурбан зародился в Норвегии и быстро распространился по всей Европе, а потом добрался и до постсоветского пространства. Его фанаты замечены не только в России, но и в Белоруссии, Грузии, Украине и Казахстане. Предпоследний этап Кубка мира по натурбану проходил в Костроме впервые, и Данилин не мог пропустить столь увлекательное зрелище.

Млада отнеслась к его предложению скептически, но ехать согласилась, и к одиннадцати часам — как раз к началу соревнований — они уже заняли места на ступенчатом склоне амфитеатра для зрителей, подобравшись к санным трассам поближе, чтобы видеть не только склон холма, но и финишный створ. Данилин взял с собой термос с чаем и булочки, жестом фокусника

¹ Традиционный русский массаж.

предъявил это богатство Младе, что произвело на нее должное впечатление.

— Вы, оказывается, очень хозяйственный мужчина, Андрей Брониславович, — сказала она, когда он подал ей стаканчик горячего чая. — У меня отец был такой же, и больше никого подобного ему я не встречала, вы первый.

Млада упорно отказывалась переходить с ним на «ты», какое обстоятельство первоначально огорчало Андрея. Но потом он понял, что ей хочется сохранить хотя бы иллюзию дистанции, позволявшую считать себя независимой и благодарной одновременно, и смирился с этим. «Не гони лошадей», — любил повторять отец, и это правило Андрей усвоил на всю жизнь.

— Ты мне так и не сказала, где живут твои родители.

— Отец умер шесть лет назад — рак, — опечалилась Млада. — Мать вышла замуж за другого человека и теперь живет в Армении. Я была у нее в гостях один раз, но больше не поеду.

— Почему?

— Не спрашивайте. — Млада отвернулась. — Давайте смотреть.

— К тебе приставали тамошние джигиты? — догадался Данилин.

— Не хочу вспоминать об этом.

— Хорошо, не буду. Я давно хотел задать тебе вопрос, достаточно интимный, можно?

Млада с любопытством покосилась на собеседника, сморщила носик.

— По-моему, вы имеете полное право задавать любые вопросы.

— А ты имеешь право не отвечать на них, — засмеялся Андрей. — Вопрос простой на самом деле: почему ты ушла из спорта? Ведь тебе всего двадцать лет, еще можно было заниматься гимнастикой лет пять.

Млада закусила губу, снова отвернулась.

— Борис не захотел, чтобы я оставалась в команде... после того как ему пришлось уйти... поэтому я и ребенка захотела... думала, он образумится... только хуже стало...

— Он что же, не хотел иметь детей?

— Он их ненавидит! Когда узнал, что я беременна, чуть не... убил!

— Понятно. Дрянь — человек! Ничего, ты теперь свободна. А вот я люблю детей.

— Правда? — с радостью и сомнением спросила Млада.

— Конечно, правда, иначе я не работал бы в школе. В нашей семье было семь детей, я — шестой ребенок, предпоследний.

Мы жили в деревне, в собственном доме, и, несмотря ни на что, жили дружно и хорошо.

— Но это же очень большая семья!

— Ну что ты, бывают и больше. Например, у царя Алексея Михайловича было четырнадцать детей. Правда, от разных жен. А у Льва Толстого — тринадцать. Хотя рекордсмен, по-моему, немецкий композитор Иоганн Себастьян Бах, у него было двадцать детей.

Млада недоверчиво покачала головой, но в это время начались заезды, и отвлекаться на разговоры стало недосуг. А Данилину вдруг показалось, что солнце, сиявшее в синем безоблачном небе, на несколько мгновений потускнело. И настроение его упало. Экстрасенсорика организма отметила какие-то негативные изменения, происшедшие вокруг, нестандартные колебания общего пси-фона, что могло означать вполне конкретное проявление недружественных сил. А их хватало.

Во-первых, директор гимназии все-таки собрал педсовет и сообщил учителям о «недостойном» поведении учителя физкультуры, предложив вынести ему общественное порицание и уволить. С этим решением согласились не все учителя, выговор получился вялый, но свое положение в гимназии Андрей оценивал как очень шаткое.

Во-вторых, он продолжил свое собственное расследование обстоятельств гибели Федоровых и убийства Скрылева и на этом поприще также нашёл недоброжелателей и даже откровенных врагов, хотя сдаваться не собирался, решив идти до конца. Так, ему удалось выявить свидетелей, видевших предполагаемую убийцу капитана — женщину в зеленой дубленке и машину, на которой она уехала. После этого выйти на след группы, орудовавшей в Костроме и разъезжавшей на автомобилях местного отделения МЧС, не составило труда. Андрей был знаком с диспетчером этой организации Марией Парамоновой, подругой бывшей жены, чей сын занимался в секции Данилина, и через нее он выяснил, кто ведаёт транспортом МЧС и где живет. Теперь ему оставалось выйти на этих людей и задать им несколько вопросов. А в том, что они з н а ю т заказчиков транспортных средств, он не сомневался.

В кармане запиликал мобильный телефон.

Андрей с замиранием сердца включил его и услышал голос майора Гарина, непосредственного начальника Скрылева:

— Андрей Брониславович?

— Да, слушаю, Николай Сергеевич.

— Когда вы в последний раз общались с депутатом Лазаревым?

— С кем? — удивился Данилин. — С Лазаревым? Я практически с ним не общался. Как-то дней десять назад он заходил в спортзал, где я веду занятия с ребятами, и после этого я его не видел. А что?

— Он убит. Вы не могли бы подъехать и дать показания?

— Вот это сюрприз! — Андрей покосился на Младу, вцепившуюся в локоть и азартно переживавшую за мчащихся по склону саночников. — Но я действительно с той поры его не встречал.

— Тем не менее прошу вас зайти в управление, у меня к вам есть еще пара вопросов.

— Хорошо, после обеда буду.

— Мы можем прислать за вами машину.

— Не надо, я нахожусь за городом и смогу прибыть только после трех часов.

— Хорошо, жду.

Майор отключил связь.

— Что-нибудь случилось? — поинтересовалась Млада, не отрывая взгляд от склона горы. — Смотрите, как они несутся! Здорово, правда?

— Здорово, — согласился он. — Ничего не случилось. Но мне часа в три надо быть в УВД.

Млада перевела взгляд на него, лицо женщины стало серьезным.

— Значит, что-то все-таки произошло. У вас неприятности? Из-за меня?

Андрей улыбнулся.

— Во-первых, ты здесь совершенно ни при чем, тем более что твой уход от мужа — твое личное дело. — Он подумал и добавил: — И мое. Во-вторых, в Костроме каждый день что-то происходит, в том числе — преступления разной степени тяжести. К примеру, мне сообщили, что убит депутат Лазарев Иосиф Иванович. Но я не знаю, доброе это известие или нет. Человеком он был неприятным.

— Я тоже его знаю. То есть знала. И он действительно очень нехороший человек.

— Откуда ты его знала?

— Борис встречался с ним, и мы даже отдыхали вместе прошлым летом в Греции.

Андрей невольно покачал головой.

— Действительно, мир тесен. Однако давай смотреть соревнования и наслаждаться жизнью. Мы приехали сюда не для того, чтобы переживать по поводу разгула преступности. За кого будем болеть?

— За наших, конечно, — заявила Млада.

— Согласен, — засмеялся он. — Наши, кстати, выступают в бело-сине-красных костюмах, легко различить.

Прозвучал голос диктора, назвавший победителя заезда, вниз сорвалась очередная лавина саночников, и зрители зашумели, засвистели, закричали, переживая за спортсменов и радуясь погоде, свежему воздуху и солнцу. А вместе с ними и Андрей с Младой включились в это веселое сумасшествие, отбросив заботы, невзгоды, неприятности и проблемы. И длилось их бодрое настроение больше трех часов, до обеда, пока судьи не объявили перерыв.

На финалы решили не оставаться. Млада явно устала, а Данилин все время ощущал тревожное напряжение пси-фона, что мешало ему сосредоточиться на отдыхе и чувствовать себя свободным, несмотря на умение отстраиваться от внешнего воздействия.

Допив чай, они спустились к автостоянке, сели в машину, и Андрей сразу заметил выехавшую вслед за ними белую «десятку». Интуиция была права. Неведомые наблюдатели продолжали следить за ним, не выпуская из поля зрения ни на миг. Стиснув зубы, он увеличил скорость, понимая, что они не отстанут, пока он не предпримет ответные активные шаги. Появление в его жизни Млады заставило Андрея отложить разыскные мероприятия, и теперь он остро пожалел об этом. Надо было не поддаваться чувствам, а делать свое дело, потому что убийцы Левы Федорова продолжали топтать землю и считать себя хозяевами положения.

Конечно, вести слежку за ним могли и муж Млады с приятелями, которые каким-то образом вычислили «похитителя». Но скорее всего это были филеры бандгруппы, убившей Леву и капитана Скрылева и почуявшие угрозу со стороны самостоятельного следователя. Их долготерпение — ничего не предпринимают, только следят — тревожило и наводило на размышления. Вполне вероятно, что они просто готовились к внезапной атаке.

Сдав подопечную Анне Игнатьевне, он поехал в Управление внутренних дел Костромы.

Белая «десятка», сопровождавшая его «Надежду» от Корякова до Костромы, куда-то запропастилась, зато появилась белая «Лада-151», которая принадлежала все тому же гаражу МЧС, как уже знал Андрей. Его «пасли» открыто, словно подчеркивая, что никуда он не денется и ничего сделать не сможет. Возможно, будь на месте Данилина человек послабее духом, он, наверно, занервничал бы, стал суетиться и звонить в милицию, но Андрей прошел такую школу выживания, которая и не снилась тем, кто

следил за ним. Поэтому он делал вид, что ничего не замечает, и спокойно ждал следующих шагов преследователей.

В Управлении внутренних дел его встретила целая команда сыщиков, специализирующихся по уголовным делам. Их интересовали все мелочи, известные Данилину, и в особенности — суть отношений тренера по боевым искусствам и депутата костромской Думы Лазарева. Андрей честно рассказал полицейским все, что знал сам, и удивился, когда майор Гарин прокомментировал его рассказ одной фразой:

— С депутатами лучше не ссориться.

— Я и не ссорился, — возразил Данилин. — Просто считал и считаю, что имею право тренировать тех, кого уважаю. «Шестерок» Лазарева я не уважаю.

— И теперь эти «шестерки» валят все на вас, — буркнул майор. — Утверждают, что вы угрожали Лазареву, а потому повинны в его смерти.

— Чуть, — спокойно сказал Андрей. — У меня нет никаких причин убивать Иосифа Ивановича. Да и не волк я по крови своей.

Гарин с любопытством окинул взглядом лицо Данилина, кивком отпустил подчиненных и, когда они покинули кабинет, сказал, понизив голос:

— Если бы не ваша репутация, Андрей Брониславович, и не знакомство с капитаном Скрылевым, загремели бы вы сейчас на нары по подозрению в убийстве.

— Вопрос можно?

— Ну?

— Нашли убийц Скрылева?

Гарин нахмурился, поиграл желваками, смерил собеседника неприязненным взглядом.

— Не суйте свой нос куда не следует, Андрей Брониславович. Мне сообщили, что вы пытаетесь расследовать дело об убийстве Федоровых, посещаете некоторые организации, задаете вопросы... Так вот мой вам совет: прекратите самостоятельность! Иначе придется вас арестовать.

Андрей помолчал, сидя с каменным лицом.

— Значит, я свободен?

— Пока да. Оформим подписку о невыезде, и можете идти. Но учтите, что вы первый кандидат на арест по делу об убийстве Лазарева.

Андрей хотел было съязвить, но глянул на бледное одутловатое лицо майора, лицо человека, обремененного множеством забот, и передумал.

— Что мне подписать?

— Вот эту бумажку.

Он подписал бланк предупреждения о невыезде за пределы Костромы и вышел.

Интуиция сработала, когда он уже подходил к своей машине.

Мотоциклист, сидевший на своем тарыхтевшем монстре в десяти шагах от автостоянки УВД, вдруг сорвался с места, в секунду преодолел расстояние до Андрея и нанес ему сильнейший удар монтировкой по голове. Точнее — хотел нанести. Предупрежденный проснувшейся экстрасенсорикой организма, Данилин среагировал вовремя, отпрянув в сторону, и мотоциклист промахнулся. Его монтировка только скользнула по плечу Андрея и начисто снесла левое зеркальце машины.

Однако это было еще не все.

Если бы Андрей, ошеломленный нападением, провожал мотоциклиста взглядом, второй мотоциклист, прятавшийся за зданием УВД, смог бы довершить начатое напарником. Он объявился рядом как чертик из коробки и тоже ударил Данилина металлическим ломиком, целясь в голову. К счастью, Андрей уже вошел в состояние боевого транса и контролировал сферу воздействия-ответа, ощущая все пронизывающие окружающее пространство токи угрозы.

Ломик зацепил воротник куртки, больно царапнул затылок, дернул куртку и вылетел из руки нападавшего. Андрея бросило вперед, но он все-таки удержался на ногах и, не мешкая, прыгнул на сиденье своей «Надежды».

Первый мотоциклист уже достиг перекрестка, свернул и исчез. Второй, едва не упавший с сиденья мотоцикла, вильнул вправо, ударился боком о снегоуборочный агрегат, вильнул влево и понесся вслед за своим напарником. Но скрыться не успел. Андрей на форсаже — с ревом мотора и визгом шипованных колес — устремился за ним и догнал на втором перекрестке, когда мотоциклист сворачивал на улицу Горького.

Удар!

Мотоцикл подбросило вверх, так что он перелетел ограждение бордюра и врезался в овощную палатку.

Мотоциклист выпустил руль, кувыркнулся через голову и растянулся на тротуаре, сбив с ног двух прохожих. Остальные шарахнулись прочь, раздались крики испуга.

Андрей с трудом затормозил, выскочил из кабины, подбежал к ворочавшемуся мотоциклисту. Выбил у него из руки нож, рванул за ремешок и сдернул с головы шлем. На него, моргая и кривясь, смотрел муж Млады Борис, небритый по обыкновению и едва ли трезвый: от него несло перегаром и сложным коктейлем неприятных запахов.

— Жаль, что мне не разрешили взять шпалер, — прохрипел он, пытаясь вырваться из железных пальцев Данилина. — Ты был бы уже трупом, козел...

— Кто не разрешил?! — металлическим голосом спросил Андрей. — Кто тебя послал, урод?! Кто за мной следит?! В глаза смотри!

Борис дернулся назад, глаза его расширились.

— Они тебя... все равно достанут... рано или поздно...

— Кто они?! Говори!

— Отдай жену сначала... тогда скажу...

— Она не вещь! Сначала научись уважать ее мнение. Кто тебя послал?!

В глазах Бориса мигнул торжествующий огонек.

Андрей, еще не видя опасного д в и ж е н и я, но ощущая луч угрозы, резко развернулся влево, отгораживая себя от проезжей части дороги телом противника. И пуля, предназначенная ему, попала в затылок Борису. Брызнула кровь. Борис обмяк. Завизжали остановившиеся неподалеку женщины.

Белая «Лада-151», из окна которой раздался неслышный в уличном гаме выстрел, сорвалась с места — видимо, она следовала за машиной Данилина от здания УВД — и помчалась прочь, в сторону улицы Ленина.

— Вызовите «Скорую» и милицию! — крикнул Андрей потрясенным прохожим, метнувшись к своей машине.

Через несколько секунд он уже неся за «пятьдесят первой», выжимая из рыдающего мотора все, на что тот был способен.

Микроавтобус проскочил город, не останавливаясь на светофорах, лихо нырнул под железнодорожный мост и свернул направо, к выставочному центру, расположенному посреди Ребровского парка. Данилину удалось сократить дистанцию между автомашинами, поэтому он «пятьдесят первую» из виду не потерял и увидел, как из притормозившей на повороте «Лады» выскочила черная фигурка, метнулась к ограде комплекса. Андрей проследил направление движения беглеца, но не свернул, продолжая преследовать микроавтобус. Тот проскочил ворота на ипподром, метнулся за угол здания центра и скрылся между трибунами. Когда машина Данилина повторила эти маневры и оказалась у трибун, в ее лобовом стекле вдруг появилась дырка с паутинами трещин, затем вторая. По ней начали стрелять!

Не задумываясь, Андрей рванул дверцу и вывалился на снег, ударившись боком о низкий заборчик ипподрома. Машина продолжала некоторое время двигаться прямо, затем крутанулась вправо, врезалась в колонну, поддерживающую трибуны, и заглохла. Однако Данилин, взяв т е м п, был уже в полусотне мет-

ров от этого места, недалеко от сломанного бампером «Лады» шлагбаума, выбравшись из сектора стрельбы.

Стрелял по машине Андрея, очевидно, именно тот человек, что минуту назад высадился из микроавтобуса. Это явно был почерк спецслужбы, и уже в который раз Андрей подумал о команде спецназа, прибывшей в Кострому для выполнения особого задания — ликвидировать Федорова. Хотя вопрос: за что? — так и оставался открытым.

В наступившей тишине стали слышны звуки музыки, долетавшие сюда из здания центра. Затем послышались голоса, заскрипел снег — к воротам шли люди. Из ворот показались двое в камуфляжных комбинезонах, вооруженные пистолетом и снайперской винтовкой.

Андрей стремительной текучей струей метнулся вперед.

Приземистого он уложил сразу, мощным ударом в грудь, с передачей энергетического импульса. Со вторым пришлось повозиться, так как он проявил неожиданную прыть и начал сопротивляться, успев дважды выстрелить из пистолета; у него был отечественный «ГШ-18». Лишь пропустив два удара — по запястью руки и по уху, сутулый выронил оружие и схватился за голову. Данилин скрутил ему руку и повел вперед, уже примерно зная, что будет дальше.

«Пятьдесят первая» стояла на дорожке ипподрома, очищенной от снега, боком к трибунам. Дверцы ее были распахнуты, внутри никого не было. Но стоило Андрею с пленником сделать два шага за ворота стадиона, как слева раздался женский голос:

— Эй, учитель, замри! Еще шаг — стреляю!

Андрей слегка подкорректировал положение тела пленника, чтобы оно перекрывало вектор стрельбы, и увидел прятавшуюся на трибуне женщину в зеленоватой дубленке и берете. В руках она умело держала снайперскую винтовку с приспособлением для бесшумной стрельбы, ствол которой смотрел на появившуюся в проходе между трибунами пару.

Андрей не сомневался, это была та самая киллерша, которую описали свидетели, заметившие во дворе дома Федоровых белый микроавтобус. Случайных совпадений в таких делах не бывает.

— Стреляй, — сказал Андрей, направляя на нее поверх плеча пленника ствол захваченной у приземистого спецназовца снайперки.

Раздался тихий щелчок выстрела.

Сутулый дернулся и кулем свалился под ноги Данилину. Но прежде чем он упал, Андрей успел выстрелить ответно и метнулся под прикрытие стенки трибуны, уходя в мертвую зону.

Снова послышался насмешливо-ироничный женский голос:

— Отличная подготовка, господин учитель. Кажется, мы вас недооценили. Предлагаю начать переговоры.

— Вряд ли мы договоримся... пиковая дама, — ответил Данилин, тут же меняя позицию.

Раздались два тугих хлопка, и в досках стены трибуны ипподрома, как раз в том месте, где он только что стоял, появились две дырки. Оценив владение оружием противника, Андрей выстрелил в ответ и тут же нырнул в проход между сеткой, отгораживающей поле ипподрома от трибун, и первым рядом очищенных от снега сидений.

Но и женщина в дубленке не дремала, успев взбежать на несколько рядов вверх и спрятаться за спинками сидений. А так как ее положение было выгодней, Андрей не стал продолжать тактическую перестрелку, а просто встал во весь рост и побежал по ступенькам бокового выхода вверх, готовый «качать маятник» — то есть «по-змеиному» менять положение тела и стрелять в ответ.

Однако его умение экстремального лавирования не пригодилось. Женщина в дубленке появилась над рядом сидений с пистолетом в одной руке и мобильным телефоном в другой. Снайперской винтовки у нее не было. Скорее всего кончились патроны.

— Предлагаю обмен! — хищно оскалилась она, сузив черные глаза; берет с ее головы свалился, и стало видно, что у нее очень короткая — на грани бритья — стрижка и черные сережки в форме крестов. — Лови!

Брусок телефона полетел к Данилину.

Он, как циркач, поймал его локтем, продолжая держать женщину под прицелом винтовки.

— Позвони домой, — добавила женщина, раздувая ноздри. — Узнаешь много интересного.

Андрей вдруг понял, что она его нисколько не боится и азартно играет в игру под названием «ошибся — умри!».

— Брось пистолет! — жестко сказал он. Женщина показала прокуренные желтоватые зубы, подумала несколько мгновений, уронила пистолет под ноги.

— Звони, клоун. Потом поговорим.

Он прижал мобильник к щеке, на ощупь набрал номер квартиры Анны Игнатьевны. Ответил мужской голос:

— Ильза? Где вы там? Сколько нам еще ждать?

— Пусть позовет к телефону твою бабу, — усмехнулась стриженная.

— Дай трубку Младе! — глухо проговорил Андрей.

В трубке хмыкнули, некоторое время было тихо, потом раздался голос Млады:

— Андрей?!

— Да, я.

— Ой, что тут было! Они убили Анну Игнатьевну!.. Меня связали... их трое...

Голос пресекся, заговорил мужчина:

— Ну, слышал? Дай мне Ильзу.

Андрей посмотрел на женщину в дубленке, глаза его потемнели, потом засветились, как у рыси.

— Вы... убили... бабу Аню?! Зачем?!

— Дай телефон, — скривила зубы стриженная.

Он бросил ей мобильник.

— Крот, вези ее на ипподром, клиент созрел. Приберите там, да не светитесь. — Она выключила телефон, смерила Данилина презрительным взглядом. — Опустит винтарь, дурак. Иначе передача не состоится.

— Вы... убили... Анну Игнатьевну... — повторил он почти беззвучно.

— Ну, убили, бывает, старухе давно пора было на тот свет. Теряют больше иногда, как говорили герои «Собаки на сене», не смотрел? А тебе еще есть что терять. Итак, у нас предложение: ты говоришь нам, где твой дружок, изобретатель хренов, спрятал свои разработки, мы отдаем твою беременную бабу. Годится обмен?

Андрей заметил движение глазных яблок женщины — она кого-то увидела за его спиной, — стремительно крутанулся волчком, одним взглядом окидывая панораму ипподрома, и выстрелил. Человек, целившийся в него из-за изгороди загона для лошадей на другом конце поля, исчез. Андрей, продолжая вращение, чуть поднял ствол винтовки и выстрелил еще раз.

Женщина в дубленке была профессионалкой. Ей хватило всего секунды, чтобы подобрать пистолет и направить его на противника, но выстрелить она уже не успела. Пуля снайперки — «СВС-2000», калибр девять миллиметров — вошла ей точно в переносицу и отшвырнула на ступеньки лестницы.

— Дрянь! — сказал Андрей гортанным от ненависти голосом.

Однако поединок с убийцами еще не закончился, поэтому он не стал разбираться в своих чувствах и анализировать варианты боя. Спрыгнув с лестницы в проход между трибунами, Андрей метнулся к спутникам стриженной киллерши.

Приземистый амбал уже пришел в себя и матерился, сидя на снегу и пытаясь привести в чувство напарника. Увидев Андрея,

он сунул руку за пазуху, собираясь вытащить оружие, но Данилин рывком повернул его спиной к себе и сдавил локтем горло.

— Не дыши!

— Х-р-р... отпус-с-с-сть... ф-р-рай... — послышалось в ответ.

— Ответишь на вопросы — отпущу!

— Х-р-р-шо...

— Кто вы такие?!

— Х-г-ррупа з-зач-чисст...

— Какой конторе принадлежите?!

— С-служ-жба б-без-зопас...

— ФСБ?!

— Н-нет...

— Говори яснее!

— С-служба б-безопас-ности часс-тной с-структур-ры...

— Какой?!

— Н-не знаю... я наемник... мне п-платят — я д-делаю...

Где-то за шеренгой тополей, отделяющих стадион от выставочного центра, послышалось рычание мотора. Андрей заторопился.

— Сколько вас всего?

— Ш-шестеро...

— Командир группы?

— Ильза... фамилии не знаю...

— Зачем вы убили Федорова?!

— Приказали... больше я ничего не...

— Кто приказал?!

— Н-не знаю... приехал один... длинноволосый... я его раньше не видел...

Звук мотора приблизился.

Андрей прижал губы к уху пленника:

— Сейчас ты выйдешь из ворот и помашешь рукой своим приятелям. Один лишний жест — и ты покойник! Понял?

— П-по...

— Помоги оттащить твоего напарника. Помашешь рукой и вернешься. — Андрей сунул в руку пленника разряженный пистолет. — Иди!

Кряжистый спецназовец помассировал шею, выпрямился, сделал несколько шагов на деревянных ногах за ворота с сорванным шлагбаумом, поднял руку.

Андрей прислонил к стенке трибуны второго парня, присел возле него на корточки, делая вид, что приводит его в чувство.

Показалась белая «десятка», остановилась в двадцати шагах. Из нее выбрался небритый мужик в кожаной куртке и джинсах.

— Что тут у вас? — буркнул он, рассматривая зашевелившегося напарника приземистого и спину Данилина. — Где Ильза?

В то же мгновение Андрей взял темп и взвился в воздух, преодолевая разделявшее их расстояние за несколько мгновений. Не успев ничего сообразить, небритый грохнулся спиной на капот «десятки» от сильнейшего удара — даже куртка лопнула на груди!

В кабине машины, кроме Млады, находились еще два члена банды, водитель и толстяк в комбинезоне спецназа, но оба они отреагировали на атаку слишком поздно, абсолютно не ожидая такой развязки событий.

Толстяка Андрей достал ударом в голову, пробив кулаком стекло задней дверцы «десятки». Водитель успел выхватить пистолет — удивление в глазах, перекошенное лицо, — и Андрей выстрелил, не чувствуя ни капли жалости. Пуля снесла водителю челюсть, брызнула струя крови, заливая рулевое колесо и приборную панель.

Вскрикнула Млада, сидевшая на заднем сиденье, рядом с толстяком, только сейчас сообразив, что происходит.

Андрей рванул дверцу машины, протянул ей руку.

— Выходи!

Она вылезла, круглыми от ужаса глазами разглядывая труп водителя и лежащих на снегу членов банды.

— Ты... их?..

— Уходим! Не жалей, это мразь, убийцы! Они убили Федоровых, капитана Скрылева, следили за мной...

— Я ничего не понимаю...

— Потом все объясню. — Андрей потащил спотыкавшуюся Младу за собой к стоящей на дорожке ипподрома белой «пятдесят первой». — Садись, поехали.

— Это же не твоя машина...

— Моя разбита. Быстрой.

— Куда мы поедем?

— Сначала домой.

— Там же... они убили...

— Заберем Анну Игнатьевну и уедем.

— Далеко?

Он помог женщине сесть на переднее сиденье «Лады», подумал о деревне, где у Левы Федорова была оборудована в сарае лаборатория.

— Не очень далеко, километров двадцать от Костромы. Там решим, что делать дальше.

Андрей сел за руль и, не глядя на двух оставшихся в живых киллеров, растерянно провожавших глазами машину, повел микроавтобус к воротам ипподрома.

БУЙ-ТУР

21 декабря

Воевода позвонил рано утром.

— Приветствую, Гордей Миронович, не разбудил?

— Я еще не ложился, — буркнул Буй-Тур, с трудом разлепив веки; лег он всего два часа назад и выспаться, разумеется, не успел.

Воевода шутки не оценил:

— Прошу вас не перенапрягаться, иначе это напрямую скажется на результатах работы. Как обстановка?

— Нормальная, в пределах флюктуаций погодных условий, — прежним тоном ответил Буй-Тур. — Сегодня «подчитим» основные «конюшни», и можно сваливать отсюда.

— Придется все-таки задержаться. Князь требует ликвидировать «объект раздражения» — учителя Данилина. Вы нашли его?

— Чего его искать? Он не прячется. И, судя по всему, не имеет никакого отношения к «браткам». У него убили друга — инженера-изобретателя Льва Федорова, и он пытается самостоятельно расследовать это убийство. Кстати, дело само по себе загадочное. Мы тут покопались в базе данных местного УВД...

— Отставить! — сухо сказал воевода. — Расследование убийства Федорова не ваша забота. Заканчивайте главную работу и займитесь учителем. Он должен исчезнуть.

— В чем его вина?

— Это вы должны выяснить, в чем его вина, и доложить. Затем ликвидировать. Срок исполнения задания — два дня.

— Но вы говорили, что задание не имеет доказательной базы...

Голос Спирина стал еще суше:

— Я так не говорил. У нас есть информация, что Данилин связан с криминальной группировкой Лазарева. Соберите доказательства.

— А если не соберем?

— Тогда и поговорим. Желаю удачи, полковник.

Связь прервалась.

Буй-Тур выругался, выключил телефон. Вставать не хотелось. Думать не хотелось. Усталость брала свое, причем усталость не физическая, а моральная. Ненависть к мрази, попирающей законы общества и диктующей людям свою волю, давно прошла. Гордей насытился мщением, отправляя в ад подонков и убийц, бандитов и нелюдей, торгующих совестью и жизнью других. Их ликвидацию он воспринимал как необходимую работу, работу мусорщика, чистильщика, ассенизатора, которую тоже

кому-то надо было выполнять. Но иногда у него появлялось ощущение, что этот путь порочен, бесперспективен. Потому что количество отморожков и подонков разного сорта не убавлялось. Нужен был иной подход к проблеме, который гарантировал бы избавление общества от воинствующей мрази, создал бы такие условия жизни, при которых просто невозможно было воровать, красть, унижать, насиловать, убивать.

Будучи военным человеком, Буй-Тур привык подчиняться дисциплине и выполнять приказы вышестоящих командиров. В принципе, так оно и было до последнего времени: воевода ордена выдавал ЦУ — Гордей собирал группу и выполнял задание. Но последнее задание воеводы, связанное с ликвидацией костромского учителя физкультуры Андрея Данилина, приводило Буй-Тура в состояние горестного размышления, в дурное расположение духа.

Во-первых, группа выполняла не свойственные ей функции разведки и анализа обстоятельств, что было чревато появлением неучтенных рисков и ошибок. Во-вторых, воевода не выдал полный пакет информации о клиенте, сам будучи не уверенным в необходимости акции. В-третьих, те данные, которые смогли наскрести подчиненные Буй-Тура о Данилине, говорили о полной непричастности последнего к каким бы то ни было уголовно наказуемым деяниям.

— Сволочизм! — вслух проговорил Гордей, подводя итог своим размышлениям.

Отбросив одеяло, он поплелся умыться и бриться.

В девять утра позвонил Олег и сообщил о появлении объекта. С этого момента группа начала наблюдение за Данилиным, который повез симпатичную молодую беременную женщину за пределы Костромы. Как оказалось — в Коряково, на соревнования по натурбану.

Гордей ни разу не посещал спортивные мероприятия ради приятного времяпрепровождения, поэтому наблюдал за зрителями с любопытством и сомнением, не понимая, почему они ведут себя так свободно, легко и радостно. Потом он и сам увлекся зрелищем санных гонок, почувствовал азарт и единение с огромным количеством людей и даже включился в процесс, болея за «наших», то есть за саночников России.

Олег, выполнявший роль ординарца при командире, принес два стаканчика горячего кофе и наблюдал за происходящим с недовольно-скептическим видом. По его признанию, он не увлекался зимними видами спорта и кайфа от их созерцания не получал.

Остальные члены группы располагались на трибунах так,

чтобы всегда можно было сменить наблюдателя и вести клиента непрерывно, не давая ему возможности скрыться. Впрочем, Данилин и не пытался от кого-либо прятаться или скрываться. Судя по всему, он искренне радовался отдыху на природе и возможности поухаживать за дамой, на которую смотрел так, что даже у Буй-Тура возникала зависть, не требующая оценки и анализа. Было видно, что Данилин обожает эту женщину, годящуюся ему по возрасту в дочери, и можно было только гадать, кем она ему приходится на самом деле.

В час дня первый этап финальных заездов закончился, и Данилин, поговорив с кем-то по мобильнику, повел свою даму к автостоянке. Пришлось и команде Буй-Тура, привязанной к объекту слежки незримыми струнами персонального внимания, покидать зону соревнований.

За руль «десятой» «Лады» сел Жека, остальные расселись по ранжиру: Гордей — спереди, Олег, Борис и Влад — сзади, и началось то, что меньше всего любил Буй-Тур — авторалли, призом которого было спокойствие ведомого объекта. Члены группы «Сокол» не считались асами слежки, и самое трудное для них было не только не потерять объект из виду, но и не обнаружить себя.

Данилин сначала направился домой. Затем через несколько минут появился во дворе без спутницы и поехал в Управление внутренних дел, озадачив тем самым наблюдателей.

— Ничего не понимаю, — сказал Влад. — Какого дьявола мы «пасем» этого парня? По-моему, он внештатный сотрудник милиции.

— Кажется, не мы одни его «пасем», — сказал Борис, сидевший с биноклем в руке; бинокль был специальный, он соединялся с компьютером СЭРа, и с его помощью вести наблюдение было намного легче.

— Где? — подобрался Буй-Тур, забирая у него бинокль.

— Левее, у магазина «Свет», за серым пикапчиком.

— «Пятьдесят первая»?

— Она. Внутри трое, понаблюдай за ними. Плюс два мотоциклиста, ошивающихся поблизости. Они явно кого-то ждут.

— Я заметил их еще полчаса назад, — заметил Жека. — Ехали за «Надеждой» нашего клиента.

— Чушь собачья! Кому понадобилось следить за ним, кроме нас?

— Может быть, это наши следаки?

— Наши так грубо не работают.

В кабине на некоторое время установилась тишина. Буй-Тур наблюдал за мотоциклистами, людьми в микроавтобусе и все

больше убеждался, что эти люди действительно принадлежат какой-то спецслужбе и ждут Данилина. Возможно, это были сотрудники уголовного розыска или отдела по борьбе с организованной преступностью. В таком случае задача команды Буй-Тура упрощалась, им не надо было искать компромат на учителя физкультуры, проверять его связи и принадлежность к одной из криминальных структур города: за них это могла сделать контора, севшая на хвост клиента. Но возникали дополнительные вопросы, например: почему воевода не сообщил о заинтересованности клиентом других родственных контор, а главное, почему этим делом заинтересовался сам князь ордена, отдавший приказ без колебаний ликвидировать «простого» учителя физкультуры.

Данилин появился на ступеньках парадного входа УВД через сорок минут, задумчиво направился к своей машине. И в этот момент началось то, чего подспудно ждал Гордей, ошущавший разлитое в воздухе напряжение готовящейся акции.

Первый мотоциклист сорвался с места, догнал Данилина и ударил его монтировкой. Промаяхнул. Затем то же самое попытался сделать его напарник. И тоже промаяхнул!

Не успел Буй-Тур удивиться и восхититься неожиданной сноровкой и прытью клиента, как тот вскочил в кабину «Надежды» и устремился за мотоциклистами. Вслед за ним двинулась и «пятьдесят первая» «Лада».

— Вперед! — скомандовал Гордей, хотя Жека и без команды уже включил двигатель и вырулил на дорогу.

Действия разворачивались столь стремительно, что никто из подчиненных Буй-Тура, да и он сам тоже, не смогли предположить, чем все закончится. А закончилось противостояние Данилина и его многочисленных противников нешуточным боем на ипподроме, в результате которого «простой» учитель физкультуры уложил сначала тех, кто следил за ним и пытался убить, а потом, дождавшись второй группы на белой «десятке», такой же, какую использовали бойцы Буй-Тура, уничтожил и ее.

— Ни хрена себе! — буркнул Гордей, наблюдая за происходящим на ипподроме в бинокль; машину они оставили за пределами территории ипподрома и дальше следовали пешком, стараясь не подставиться ни глазу воюющих сторон, ни случайным прохожим, посещавшим выставочный центр.

— Три танкиста, три веселых трупа! — прокомментировал Олег бой Данилина с противниками на «десятке». — Экипаж, так сказать, машины боевой. Как он их сделал, а?! А я хотел было ему помочь!

— Не удивлюсь, если он какой-нибудь бывший инструктор

по рукопашке, — заметил Влад. — А такие ребята форму не теряют никогда.

— Интересно, кого это он замочил? — проворчал Жека. — Неужели ментов?

— Не похоже, — качнул головой Олег. — Те вызвали бы подмогу с мигалками, и сейчас тут уже хозяйничал бы ОМОН или СОБР.

— Что будем делать, командир? Возьмем его?

— Нет, — отрезал Гордей. — Продолжаем наблюдение. Посмотрим, что он собирается предпринять.

Данилин в это время помог девушке в белой шубке, которую привезли с собой молодцы на «десятке», перебраться в «пятьдесят первую» и поехал с ней прочь от места боя. Оставшихся в живых врагов он не добил, что, на взгляд Буй-Тура, было ошибкой. Коль уж на тебя серьезно наехали, устроили охоту, относись к охотникам так же, как они к тебе. Но в остальном упрекнуть учителя было трудно. Он показал себя классным профессионалом.

— Надо выяснить, кто они и откуда, — сказал Буй-Тур, когда группа вернулась к машине. — Борис, останься. Если те двое на ипподроме будут шебуршиться, действуй по обстановке. И будь на связи.

Молчаливый Борис кивнул и направился обратно к ипподрому. Остальные сели в «десятку», и Жека погнался за «пятьдесят первой», успевшей свернуть на улицу Ленина, к центру города. Пошел снег, видимость ухудшилась, но Буй-Тур не обратил на это внимания, зная природное дарование Жеки-Евгения не упустить из виду объект преследования в любых погодных условиях.

Как оказалось, Данилин ехал домой.

Но там он пробыл недолго, всего полчаса. Вынес на руках какую-то худенькую седую женщину, завернутую в одеяло, уложил в салоне «Лады», затем вернулся за спасенной им девушкой. «Пятьдесят первая» помчалась переулками и узкими улочками куда-то к окраине Костромы, остановилась у церкви. Данилин скрылся за оградой церкви и вскоре вернулся с двумя монахами, помог им вынести из машины тело седой женщины.

— Ты что-нибудь понимаешь? — поинтересовался Олег, обращаясь к Буй-Туру, и передал ему бинокль.

— Эта старушка — хозяйка квартиры, — сказал Влад. — Судя по всему, она умерла. Или ее убили.

— Кто?

— Очевидно, те парни, на «десятке», которые подъехали потом с беременной.

— Зачем?

— Спроси чего-нибудь полегче.

— У меня есть версия, — сказал Жека. — Им надо было убрать учителя, поэтому они подстраховались — захватили его пачку и решили пошантажировать. Да не на того напали. Он рискнул и выиграл. А хозяйку эти подонки замочили просто так, походя. Может быть, она закричала или попыталась позвонить в милицию.

— Что скажешь, командир?

— Я привык опираться на факты, — шевельнул каменными губами Буй-Тур. — Не отвлекайтесь. Борис, ты где?

— Еле успел слинять, — отозвался по мобильнику Борис. — Приехали менты. Я успел только пошарить в карманах убитых. Из документов — два удостоверения московской полиции и один интересный значок. Но они не полицейские, это однозначно. Удостоверения — липа. Что мне делать?

— Двигайся к Галичскому шоссе и жди на развилке.

— Есть.

— А мы что будем делать? — осведомился Жека.

— Следовать за клиентом.

— Он попытается смыться.

— Надеюсь, ты его не упустишь.

Помолчали, разглядывая сквозь пелену снега церковь за оградой, безрадостный зимний пейзаж и машину Данилина.

— Что он там делает? — не выдержал Олег. — Почему повез старуху сюда, а не в больницу? На его месте я вообще вызвал бы ментов.

— А если у него рыльце в пушку?

— Хорошо бы захватить парня и поговорить с ним по душам.

— Кажется, он возвращается.

Из-за каменной пристройки возле церкви появились Данилин и его понурая спутница в сопровождении монаха. Сели в машину. Монах поклонился, прижав руку к груди. «Пятьдесят первая» развернулась и, еле видимая в снежной пелене, покатила на восток, явно намереваясь выехать за пределы города.

Свернули на улицу Шагова, потом на Смирнова. «Лада» увеличила скорость, но Жека — бывший автогонщик и испытатель, не особенно заволновался, зная, что мотор у микроавтобуса слабый и оторваться от преследователей он не сможет.

На перекрестке Галичского шоссе и улицы Смирнова подобрали Бориса, стоявшего с поднятым воротником и в натянутой на уши вязаной шапочке. Издали он был похож на жалкого бомжа, не знающего, куда пойти, где найти пристанище и погреться, и не ждущего от людей каких-либо милостей.

— Замерз? — пожалел его Влад.

— Только что подъехал. Кстати, мимо проскочила знакомая «Лада»...

— Гони! — буркнул Гордей.

— Не бойсь, командир. — Жека вдавил педаль газа.

Вскоре в сгущающихся сумерках они увидели габаритные огни «Лады» и уже больше не теряли их из виду.

Проехали Фанерник, свернули с трассы на Никольское.

— Покажи документы, — обернулся к Борису Гордей.

Тот молча передал ему две красные книжечки. Потом вспомнил о значке.

— Вот, полюбуйтеся.

Буй-Тур повертел в пальцах металлический треугольничек в форме глаза.

— Странный значок.

— Похож на масонский герметический символ, — сказал Влад со знанием дела. — Я как-то листал словарь символов и рун, там был нарисован точно такой же значок.

— Откуда в России масоны? — хмыкнул Олег.

— Тут еще какие-то буковки выгравированы на обратной стороне, — сказал Борис. — Латинские.

— Не вижу.

— Включи свет.

— Не надо, потом разберемся. — Буй-Тур спрятал значок и удостоверения в карман. — Бензина нам хватит?

— Километров на сто, — буркнул Жека. — Я не думаю, что клиент собрался ехать за пределы Костромской губернии. Кстати, командир, а как вы догадались, что он поедет именно по Галичской трассе?

— Интуиция, — подсказал Олег.

— Расчет, — хладнокровно ответил Буй-Тур. — Клиент явно не хочет связываться с органами — это раз. После такой переделки, замочив четверых охотников, он должен быстро убраться из города — это два. Собравшись, он поехал на восток, а из Костромы на восток ведет только одно шоссе — Галичское, это три.

— Гениально! — восхитился Олег.

— Отставить ерничество, лейтенант! — приказал Буй-Тур. — Приготовились! Что бы ни случилось, клиента будем брать живым! Всем ясно? Не стрелять!

Ответом ему было общее ворчание:

— Не маленькие... ясно... сделаем...

«Лада-151» Данилина миновала Никольское и свернула к деревушке Суконниково. Дорога здесь, пробитая в снегу трактором, почти не освещалась, но фары Жека не включал, боясь, что

водитель микроавтобуса заметит преследование, и полагаясь только на интуицию.

Въехали в Суконниково.

Деревня насчитывала всего с десятков дворов. Машина Данилина остановилась у старенькой бревенчатой хаты, покрытой сугробом снега. Света в окнах хаты не было, но, судя по следам и расчищенной дорожке, ведущей к сараю, за домом кто-то ухаживал.

В свете фар появился Данилин, направился почему-то к соседней избе, но вскоре вышел и открыл замок на двери хаты, у которой стояла машина.

— За ключом ходил, — догадался Олег, наблюдая за «Ладой» в бинокль. — Наверное, соседи следят за домом и у них есть ключи. Интересно, почему он свой не взял? Забыл? Или это не его фазенда?

Никто Олегу не ответил.

Из микроавтобуса выбралась беременная в шубке, держась обеими руками за живот. Данилин помог ей дойти до хаты, затем загнал машину за ограду, поближе к сараю, и тоже скрылся в доме. В окнах хаты зажегся свет, а через несколько минут из трубы потянул дымок: гости затопили печь.

— Пора, — сказал Буй-Тур.

Группа вылезла из «десятки» и быстро направилась к дому, где нашли пристанище беглецы из Костромы. Снег продолжал идти, фонарь в деревне наличествовал один, освещая продовольственный магазинчик, жители деревни в такую погоду предпочитали сидеть дома, и отряд Буй-Тура подобрался к объекту атаки незаметно.

Борис с Олегом перелезли через забор со стороны сарая и заняли позицию у второго выхода из сеней — во двор. Жека хотел было подобраться к окнам, но увяз в снегу и вернулся. Даже если бы Данилин вознамерился бежать от преследователей через окна, далеко уйти ему бы не дали, снег был слишком глубокий и рыхлый.

Внезапно свет в хате погас.

Все замерли.

Обострившийся слух Буй-Тура поймал едва слышный скрип засова на входной двери, затем еще один скрип — открываемой двери во двор.

И тотчас же послышался глухой удар, шум, падение тела, чей-то тихий вскрик, шаги, скрип снега, возня...

— Вперед! — выдохнул Гордей, бросаясь к сараю. За ним метнулись Жека и Влад.

Вспыхнули фонари, выхватив из темноты два тела на снегу, у

стен хаты, и пригнувшегося, готового к прыжку Данилина, одетого в спортивный костюм.

— Собака бешеная! — удивленно воскликнул Жека, выхватывая пистолет. — Он же наших замочил!

— Не стрелять! — лязгнул голосом Буй-Тур, выходя вперед.

Олег, лежащий у двери, зашевелился, сел, держась за голову.

— Вот падла! Чем это он меня?..

Данилин не оглянулся, склонив голову к плечу и прислушиваясь к чему-то. Он явно колебался, не решаясь на активные действия, и Гордей чутко уловил эти колебания, поняв, что учитель физкультуры переживает не за себя, а за свою подругу.

— Сдавайся, — предложил Буй-Тур. — Со всеми тебе не справиться. А у меня приказ в случае сопротивления открывать огонь на поражение. Может, поговорим?

Вместо ответа Данилин сделал шаг назад и вдруг... исчез! А затем появился в шаге от Буй-Тура, нанеся ему мгновенный удар в грудь и тут же второй в голову. Первый достиг цели — Гордей задохнулся от боли, а от второго он все же ухитрился увернуться благодаря своему непревзойденному чутью и феноменальной ориентации в пространстве боя.

Однако Данилин снова оказался рядом, и снова Буй-Тур не успел отреагировать на двойной удар, хотя смог заблокировать удары, подставив плечо и локоть. Едва не заорал от боли: противник не собирался его щадить и бил с такой силой, что запросто мог бы пробить кирпичную стену.

Жека рванулся на помощь командиру, давая ему секундную передышку, и взлетел в воздух, только ботинки мелькнули в свете фонаря. Олег выстрелил.

— Не стрелять, я сказал! — рявкнул Буй-Тур, сбрасывая куртку. — Я возьму его!

Жека очухался от полученного удара, сел на снег и включил выпавший из руки и потухший фонарь. Теперь арену боя — заснеженный деревенский двор — освещали три столба света.

Данилин прыгнул вперед, буквально растворяясь в воздухе.

На сей раз Гордей успел просчитать намерения противника и на прием не купился. Он просто нырнул «под атаку», инстинктивно уводя голову от предполагаемого удара, и по свисту воздуха над ухом понял, что отреагировал правильно. Бросил кулак вправо и тут же отскочил, лягнув пустое место, только что занятое телом противника. Еще раз метнулся вперед, уходя от очередного свиста, но не совсем удачно. Ухо обожгла острая боль. Палец Данилина как железный коготь разорвал мочку уха.

Гордей понял, что проигрывает, перестав угадывать векторы появлений противника и направление ударов. Лишь однажды

ему удалось попасть ребром ладони по щеке Данилина, да и то вскользь, не причинив ему особого вреда. Зато сам он пропустил два потрясших его удара и провалился в сумрак полубессознательного состояния, чудом увернувшись — сработало подсознание — от добивающего высверка ладони учителя.

Раздался щелчок выстрела, а за ним звон стекла: пуля попала в окошко сеней.

Вихрь ударов, опутавших Гордея прочной паутиной, стих.

— Не стрелять! — выдохнул он, поднимая вверх руки. — Сдаюсь! Остановись, мастер!

Данилин, только что продемонстрировавший умение уходить с траектории пули, замер в трех метрах от Буй-Тура, исподлобья глядя на всех своих противников сразу. Гордей вдруг заметил, что над ним дрожит воздух — как от раскаленного солнцем асфальта, и снежинки тают, не долетая до головы и кистей рук.

— Нас пятеро, — продолжал Буй-Тур хрипло, — и все мы неплохо стреляем. Каким бы ты мастером рукопашки ни был, от пяти пуль тебе не вернуться. Если хочешь жить и защищать свою подругу — сдавайся.

Данилин молчал. Глаза его светились, как у кошки, и страха в них не было. Только затаенная мука и сомнения. И Гордей шестым чувством угадал причину его сомнений: учитель снова думал о женщине и не хотел оставлять ее одну. Не будь этого обстоятельства, он наверняка справился бы с командой Буй-Тура, несмотря на ее превосходство в оружии.

— Кто вы? — спросил Данилин наконец.

— Во всяком случае — не бандиты.

— Спецназ... Чей? Не ГРУ, это точно. И не ФСБ.

— Покруче, пожалуй. Частная структура, не государственная, хотя и радеющая за интересы государства.

По губам Данилина скользнула усмешка.

— Насчет «покруче» можно поспорить. Вы не специалисты слежки, хотя допускаю, что вам поручили не свойственную вам работу. Я заметил вашу машину еще в городе, но подумал, что...

— Что мы друзья тех, кого вы толково обработали на ипподроме.

— Да.

— Может, пригласите нас в дом? Неудобно разговаривать на морозе, да и соседи могут заметить.

— Идемте.

Буй-Тур подобрал куртку, кивнул Жеке: останешься на страже, сменим через полчаса. Догнал учителя.

— Это ваш дом? Или родителей?

— Это дом моего друга Левы Федорова, — глухо ответил Данилин. — Его убили недавно.

— Мы в курсе. Сочувствую.

Из сеней на шею Данилина кинулась фигурка в светлой одежде.

— Андрей!

— Все в порядке, милая, — мягко сказал он, обнимая девушку. — Иди в дом, готовь стол. Это друзья.

Буй-Тур усмехнулся на эти слова, но возражать не стал. Он почему-то был уверен, что воевать с учителем им больше не придется. Где-то в сети аналитиков ППП произошел сбой, и князь ордена получил неверные сведения о клиенте, порочащие его. Хотя существовала другая версия событий: Данилина намеренно подставили.

В хате было еще холодно, сказывалось долгое отсутствие хозяев. Но печь весело потрескивала поленьями, от нее веяло теплом, по центральной комнате избы плавали вкусные запахи сосновой смолы и дымка, что придавало деревенскому жилищу неповторимый колорит и уют.

Хозяйка, кутаясь в пушистый белый шарф, поставила чайник, накрыла стол и присела на диванчике рядом с Данилиным, прижавшись к его плечу. Остальные расположились кто где, поглядывая на хозяина с уважением и опаской, а на его подругу с интересом.

— Зачем вы следите за мной? — задал вопрос первым Данилин.

— Я бы предпочел услышать сначала ваши ответы на наши вопросы, — сказал Буй-Тур. Помассировал грудь, шею, потрогал вспухшее ухо, покачал головой. — Где вы научились так драться?

— Я бывший инструктор Главного разведуправления, — сказал Данилин равнодушно.

— Нет, я имею в виду — до ГРУ.

— Первым моим тренером был Валерий Николаев, друг отца, бывший подводник. И отличный самбист. Вторым — мастер школы русбоя. Фамилия вам ни к чему.

Члены команды Буй-Тура переглянулись.

— За что вас преследовали те люди, в микроавтобусе? — продолжил Буй-Тур.

Девушка в шарфе вздрогнула. Данилин успокаивающе сжал ее пальцы на сгибе своего локтя.

— Я не знаю.

— Говорил бы правду, — мрачно посоветовал Олег.

Буй-Тур качнул головой.

— Не хотелось бы напоминать о вашем положении...

— Я действительно не понимаю, в чем дело, — сухо сказал Данилин. — Могу только предполагать. Несколько дней назад убили моего друга Льва Федорова... вместе с женой... Я начал собственное расследование... и заметил слежку. После чего мне позвонили по телефону и пригрозили... А через день убили капитана Скрылева, который занимался расследованием убийства официально и дал мне кое-какие сведения.

Присутствующие в избе снова переглянулись.

— Кто вам звонил? — спросил Буй-Тур.

— Точно не знаю, голос был женский, но скорее всего это была та самая дама в дубленке, командир киллеров, которую я... на ипподроме...

— Вы уверены, что вас ничто не связывает?

Данилин с недоумением посмотрел на полковника.

— Нас связывает только убийство Федоровых. До этого я никого из преследователей не встречал. Кроме ее мужа. — Данилин кивнул на спутницу. — Как он оказался замешан в этом деле, я не представляю. Но начал он и его дружок...

— Мы видели. Странно все это.

— Что?

Буй-Тур не ответил, размышляя о задании воеводы. Зрело убеждение, что воевода действительно не владел полной информацией о костромских разборках и просто выполнял приказ князя. А какие были у князя основания ликвидировать учителя физкультуры, знал только он сам.

— Странно, — повторил Гордей. — Все в нашем мире взаимосвязано и имеет причину.

Он вдруг подумал, что воевода мог послать вторую группу чистильщиков, не предупредив его. Но тогда выходило, что ему не доверяют, хотя начальство и не имело на то никаких оснований.

— Вы не заметили у этих людей каких-либо особых примет?

— Каких именно? — поднял бровь Данилин.

— Например, вот таких. — Гордей отвернул мочку здорового уха, показывая вытатуированный силуэт сокола.

— Нет, не заметил. Что это за знак?

— Оповещатель службы ППП.

— Никогда не слышал.

— И не надо. А этот значок вам знаком? — Гордей показал найденный Борисом «глаз».

Данилин осмотрел значок, покачал головой.

— Впервые вижу. Но вообще-то это символ масонских лож, знак принадлежности к определенной касте масонов.

— Откуда вы знаете?

Данилин усмехнулся.

— Почитываю кое-какую эзотерическую литературу.

— Итак, вы не связаны с местными криминальными кругами и не работаете на бандитов. Зачем тогда этим «масонам» понадобилось вас убить?

Данилин исподлобья посмотрел на Буй-Тура, медленно проговорил:

— Но ведь и вы приехали в Кострому с таким же заданием?

— Не совсем. — Буй-Тур посмотрел на своих подчиненных. — Что скажете, мужики?

Борис неопределенно пожал плечами. По натуре он был скептиком и никому не верил.

Влад отвернулся, предпочитая не взваливать на свои плечи ответственность за решения командира.

Олег поковырял ножом деревянный стол, произнес рассудительно:

— Ты командир, тебе и решать.

Буй-Тур хмыкнул, кинул взгляд на не сводившую с него больших тревожных глаз беременную женщину, подсел к столу:

— Будем пить чай. Нам надо завтра утром быть уже в столице.

Олег, прищурясь, озадаченно посмотрел на него, хотел было задать какой-то вопрос, но уловил угрожающий блеск в глазах командира и передумал.

— Пить так пить, неплохо бы действительно хлебнуть горяченького.

Встрепенувшаяся пассия Данилина хлопотала вокруг гостей, и вскоре все пили чай с конфетами и пряниками, хранившимися в буфете хозяина хаты. Пряники были уже твердые, но это не помешало гостям сгрызть их почти полностью.

— Уходим, — поднялся Буй-Тур. — Спасибо за гостеприимство.

Данилин, не вставая, вопросительно посмотрел на него, и Гордей добавил:

— Не знаю, какие основания были у ваших врагов ликвидировать вас, но теперь вами займется всерьез. Советую уехать куда-нибудь подальше отсюда. Желаю удачи. Прощайте. Влад, возьми стакан чая для Евгения.

Они вышли, оставляя пораженную решением Буй-Тура пару наедине.

— Ты уверен, что поступаешь правильно? — осведомился Олег, отворачивая лицо от разыгравшейся на улице метели.

— Я редко ошибаюсь в людях, — отрезал Буй-Тур. — Учителю ни в чем не виноват.

— Не наше дело решать, виноват он или не виноват. У нас есть приказ...

— Я привык иметь полный конфиденциал о преступлениях человека, которого надо замочить. На учителя у нас компромата нет.

— Но...

— Отставить разговоры! Приедем — разберемся.

— Нас снова пошлют в Кострому.

— Пошлют — поедем.

Через несколько минут последние избы деревни скрылись сзади в пелене снегопада. А Буй-Тур подумал, что история с учителем на этом не закончится.

РуНО

23 декабря

Михаилу Константиновичу Спирину исполнилось пятьдесят лет. Он и выглядел на все пятьдесят: сутулый, седой, с тяжелым мясистым лицом и серыми цепкими глазами, постигшими такие тайны бытия, о которых не подозревал ни один среднестатистический гражданин страны. Воеводой Русского национального ордена он стал всего четыре года назад, а до этого командовал одной из оперативных групп службы ППП, успешно поработавшей на Дальнем Востоке и в Приморье. Именно усилиями его группы край был очищен от коррумпированных чиновников и генералов, а честные предприниматели и рыбаки вздохнули с облегчением, почувствовав изменения в социальной политике новых руководителей края, которые пришли на смену «отмытым» бандитам и вожакам криминальных группировок.

Еще раньше Михаил Константинович служил в знаменитой группе спецназа ФСБ «Альфа», но был комиссован по ранению и несколько лет работал в Ассоциации ветеранов спецслужб. Там и обратили на него внимание кадровики РуНО, предложив иную службу — секретную, но на пользу Родине. Раздумывал над предложением Михаил Константинович недолго. Он хорошо разбирался в процессах, происходящих в обществе, видел всю пагубность коррупции, в которой погрязло чиновничество страны вплоть до самых верхов, и вполне сочувствовал тем, кто пытался исправить создавшееся положение. Понимал он и то, что убеждениями и уговорами из коррумпированных чиновников честных людей не сделать. Эти паразиты, ничего сами не создавшие в жизни, но пользующиеся всеми благами цивилизации,

понимали только с и л о в о е воздействие. И этим они практически ничем не отличались от бандитов.

Вечером двадцать третьего декабря, когда Михаил Константинович уже собирался лечь спать: жил он в Благоеве, рядом с профилакторием, в двухэтажном деревянном коттедже, предоставленном ему службой размещения ордена, — сработал сигнальщик компьютерной связи, встроенный в мобильный телефон. Вызов означал, что воевода зачем-то срочно понадобился князю и что разговор требует криптозащиты.

Михаил Константинович вернулся в свой кабинет, расположенный на первом этаже главного корпуса профилактория, и открыл дверь в потайной «карман» кабинета, замаскированный книжными полками. Этот «карман», по сути, представлял собой футуристического вида «рубку», под завязку набитую аппаратурой контроля службы ППП и особой защищенной спутниковой связи.

На рабочем столе воеводы стоял панорамный монитор с диагональю около двух метров, полукругом изгибающийся вокруг оператора, чтобы избежать искажений передачи. Штатная акустическая система, поддерживающая модный формат «Долби диджитал», давно стала предметом офисной обстановки, присутствовала она и здесь, позволяя говорить с абонентами из любой точки кабинета и прослушивать любые аудиопередачи любого уровня.

Кроме систем защиты и связи, аппаратура кабинета имела систему внутрикорпоративного документооборота, использующую высокоскоростные локальные сети, по которым отправлялись аудио- и видеофайлы, а также электронные таблицы, мгновенно присоединявшиеся к основной базе данных, чтобы получатель мог вникнуть в содержание передаваемого пакета без дополнительных процедур включения и поиска. Программа сверхбыстрого обмена сообщениями самостоятельно выстраивала иерархию пользователей в зависимости от их корпоративного статуса, и три красные звездочки на панели сервера в данный момент указывали на важность абонента: на связь с воеводой действительно вышел князь ордена, отвечающий за работу службы ППП.

Михаил Константинович сел на стул перед монитором, включил консорт-линию защиты.

На экране сквозь жемчужное облако свечения, разбежавшееся к краям, проступило суровое, бледноватое, иссеченное морщинами, но более молодое, тщательно выбритое лицо князя.

— Слушаю, Алексей Харлампиевич.

— Я ознакомился с планами ваших подразделений на сле-

дующий год, — сказал князь красивым сочным баритоном. — Надеюсь, их можно корректировать?

— В оперативном порядке, — подтвердил воевода. — К примеру, мы наконец выявили предателей, виновных в гибели Сергиево-Посадского ОМОНа в Чечне в двухтысячном году, их девять человек, в том числе — шишки с генеральскими погонами, и я дал команду в ближайшее время ликвидировать всех, отложив менее значимые операции.

— Кому вы поручили чистку? Надеюсь, не «Соколу»?

— Группе «Барс». Но я не считаю группу «Сокол» небоеспособной.

— Они не выполнили приказ, не ликвидировали объект. В связи с чем группу — расформировать, бойцов раскидать по другим группам, а ее командира посадить под арест. До выяснения обстоятельств дела.

Спирин покачал головой.

— Я не знаю, какими данными владеете вы, Алексей Харлампиевич, но у меня нет прямых доказательств вины объекта. Данилин на самом деле является учителем физкультуры и не связан ни с одной криминальной структурой. А вот кто «наехал» на него — это вопрос. — Михаил Константинович достал значок, символически изображающий человеческий глаз. — Вам знакома эта эмблема?

Князь нахмурился, пожевал губами.

— Что вы хотите сказать?

— Этот значок мои парни обнаружили на теле убитой Данилиным женщины, которая командовала отрядом киллеров, охотников на учителя.

— Так он еще и женщин убивает?!

— Это не женщина, — усмехнулся воевода, — дьявол в юбке. Она киллерша. Ее команда специально приехала в Кострому, чтобы ликвидировать ученого-изобретателя Федорова. А потом начала зачищать следы. Данилин попал под их удар из-за своей дружбы с Федоровым. Кстати, я понял так, что эта команда продолжает... э-э, вернее, что-то искала в Костроме, связанное с деятельностью ученого. Но кому она подчинялась, неизвестно.

— Не ломайте себе голову, — сухо сказал князь. — Ваша задача — ликвидация лидеров преступного мира и религиозных сект. Остальные задачи, в том числе контрразведывательного характера, оставьте другим подразделениям. Что касается ситуации в Костроме, то вам необходимо доделать начатое. У меня есть сведения, что Данилин пытается торговать секретами государственной важности, поэтому он должен быть «зачищен». Федоров занимался вопросами энергетики и новыми видами транспорта,

его архив исчез, но у него где-то была оборудована лаборатория. Найдите ее.

Спирин помедлил.

— Хорошо, я пошлю людей. Но Данилин...

— Отставить пререкания, воевода! — Глаза князя сверкнули. — Распустил вас прежний князь, отсюда и проблемы! Делайте, что велят. На все — моя воля!

Михаил Константинович упрямо боднул воздух лбом.

— Я не согласен с вашим решением. Дайте доказательную базу. Мы не киллер-команда, убирающая неугодных кому-то людей.

Князь потемнел, разглядывая лицо воеводы так, будто выискивал точку удара.

— Вы отказываетесь выполнять задания старшего иерарха?

— Не отказываюсь, но требую доказательств, на что имею полное право. Я сам и мои люди должны быть убеждены, что наказывают именно тех, кто достоин наказания. Невинные граждане пострадать не должны.

Князь пожевал губами, его изображение на несколько секунд исчезло, потом проявилось вновь.

— Вы получите доказательства. Хотя... — Алексей Харлампиевич потер горбинку носа. — Пожалуй, Данилиным займусь я сам. Группа «Барс» еще в Москве?

— Уже в дороге.

— Дайте мне прямой канал связи с ними. Вы же решайте остальные задачи. Да, и направьте ко мне командира группы «Сokol». Под конвоем.

Лицо князя растаяло.

Пискнули сигналы отбоя связи.

Михаил Константинович выключил монитор, посидел перед темным экраном, размышляя о наметившемся конфликте с князем, и решительно набрал номер телефона своего прежнего начальника, князя Родарева. Надо было посоветоваться, что делать в создавшемся положении. Очень уж не хотелось отправлять Гордея Буй-Тура в резиденцию князя. Вся вина полковника состояла в том, что он всего лишь потребовал полный пакет информации о преступлениях клиента. А был ли виноват учитель физкультуры — воевода не знал.

Однако прошла минута, другая, а линия не включалась. Компьютер мигнул красным индикатором, сообщил, что полковник Родарев находится «вне зоны приема». Это могло означать что угодно, например, Всеслав Антонович заблокировал телефон или вообще вылетел куда-то по делам службы и не может говорить. Но у Михаила Константиновича испортилось настроение. От-

существование связи с Родаревым было дурным знаком, а одному идти на поклон к главе ордена, Пресветлому Князю, со своими подозрениями не хотелось. Для такой встречи требовались очень веские причины.

Скрепя сердце воевода отдал приказ охране найти Буй-Тура и заключить под стражу.

ДАНИЛИН**23 декабря**

Млада заснула у него на плече, и Андрей час просидел, не шевелясь, боясь разбудить измученную женщину, пережившую немало горьких и страшных минут. Он сидел и размышлял о своей судьбе, переплетенной с судьбой спутницы, о внезапной смерти Анны Игнатьевны, об убийцах старой учительницы и Левы Федорова, и у него окончательно созрело убеждение, что узел событий вокруг изобретений Левы завязался неспроста. Что-то открыл талантливый изобретатель, куда-то он влез, в какую-то сферу интересов неизвестных простому народу сил. И эти силы очень не хотели раскрывать свое инкогнито, а также поставили себе целью убить любого, кто прикоснется к тайне их деятельности. Интересно, каким боком работа Левы коснулась этой сферы? Неужели есть деятели, акулы бизнеса, действительно посчитавшие работу Федорова опасной? И дело упирается только в олигарха, заинтересованного в сохранении своего положения и потому уничтожавшего ученых, чьи идеи и разработки способны поколебать его трон?

Андрей вспомнил значок, показанный ему командиром группы ликвидаторов, принадлежащих еще к одной спецслужбе; интересно, что это за служба такая — ППП? Как понимать намек о «частной структуре, радеющей об интересах государства»? Что это за структура такая, занятая ликвидацией бандитов, как сказал командир этих парней? И почему они хотели убрать костромского учителя физкультуры, ничем себя не запятнавшего? Произошел некий сбой в работе аналитиков этой структуры? Или все опять упирается в деятельность Левы, активно приближающего свое ноу-хау?

Млада вздрогнула во сне, пошевелилась, что-то прошептала.

Андрей мягко высвободил плечо, уложил Младу на диван и накрыл пледом. Постоял немного над женщиной, по бледному лицу которой бродили тени, и на цыпочках вышел из горницы в сени. Мысль о треугольном значке в форме глаза не давала покоя. Значок — символ масонов — принадлежал кому-то из кил-

леров, с которыми Андрей расправился на ипподроме, и простым стечением обстоятельств объяснить это было нельзя. Эти люди работали на какую-то закрытую секту, на масонский орден, который почему-то не хотел, чтобы изобретения Левы увидели свет.

Надев куртку и взяв фонарь из комнатухи за печкой, где хозяин устроил нечто вроде мастерской, Андрей вышел во двор.

Снег по-прежнему засыпал деревню пушистой белой пеленой, намело уже по колено. Утопая в нем, Андрей добрался до сарая, потрогал висячий амбарный замок на воротах и замок поменьше на двери. Пришлось вернуться в дом и поискать ключи.

Дверь в бревенчатый сарай, такой же старый, как и изба, открылась без скрипа. В лицо пахнуло сложной смесью запахов трав, дерева, машинного масла, ацетона и солянки. Андрей прислушался к своим ощущениям, нашарил на стене выключатель, повернул. Вспыхнули две лампочки в разных концах сарая, освещающая сухой дощатый пол с охапкой сена в углу и какой-то металлической конструкцией в центре.

Конструкция напоминала гондолу самолета братьев Райт. Она имела дверцу в боку и два сиденья одно за другим. Судя по конфигурации корпуса и деталей, Лев Людвигович Федоров использовал для создания «модели НЛО» корпус отечественных «Жигулей», жестяной бак, уголки, трубы и арматуру. Трудно было поверить, что эта ошетинившаяся прутьями и трубками конструкция способна взлететь.

Андрей обошел ее кругом, заглянул в гондолу, с любопытством осмотрел приборную доску всего с двумя индикаторами и тремя кнопками разного цвета, и потрогал обыкновенный рычаг тормоза от тех же «Жигулей», поставленный вертикально. Очевидно, он представлял собой «джойстик» — ручку управления «тарелкой». Хотя летательным аппаратом назвать эту уродину не поворачивался язык.

Кроме «тарелки», в сарае стоял на верстаке какой-то полуразобранный, а может быть — полусобранный агрегат, опутанный проводами, и два аппаратных шкафа без стенок. Андрей потрогал выпуклые детали генератора СВЧ, погладил экран осциллографа и вышел. Захотелось просмотреть диск Федорова, который ему вернул капитан Скрылев. Вполне возможно, на нем была записана инструкция, как включать и управлять аппаратом.

Компьютер в мастерской Федорова наличествовал далеко не новый, однако с его помощью Андрей просмотрел компакт-диск друга и действительно обнаружил нечто вроде инструкции, как включать двигатель «летающей тарелки» и управлять полетом.

Почему бы не испытать? — мелькнула безумная мысль. Ко-

гда-то это делать все равно придется. Так почему не сейчас, когда никто не мешает?

Андрей походил по дому, перешагивая скрипучие половицы, чтобы не разбудить Младу, потом все же позволил желанию одержать верх над скепсисом, и направился к сараю. Спать не хотелось, несмотря на поздний час, а возня с «летающей тарелкой» позволяла отвлечься от невеселых дум.

Посмеиваясь над собой, веря и одновременно сомневаясь, что ему удастся запустить аппарат в воздух, он занял место водителя, вспомнил описание конструкции и нажал на зеленую кнопку на приборной панели.

Раздался усиливающийся вибрирующий свист — начали разгон гироскопы или компенсирующие сельсины, как назвал их Федоров в пояснительной записке.

Дождавшись, пока на панели затеплится желтый огонек готовности к старту, Андрей повернул рычажок пуска двигателя — как он действует, осталось за гранью понимания — и едва не вскрикнул от неожиданности. «Тарелка» с седоком вдруг подскочила вверх и зависла в метре от пола, покачиваясь, как лодка на легкой волне.

— Рехнуться можно! — глубокомысленно пробормотал Андрей, чувствуя вибрацию аппарата всем телом. Видимо, Леве не удалось добиться полной синхронизации вращения гироскопов, и двигатель слегка подрагивал.

Посидев немного и освоившись со своим положением пилота, Андрей глубоко вздохнул и шевельнул рукоятку управления.

В ту же секунду аппарат рванулся вперед и едва не сбил стоящий на верстаке агрегат. Андрей чудом — интуитивно — качнул рукоятку-джойстик влево, и «летающая тарелка» миновала верстак, зато врезалась в столб, поддерживающий потолок. Спасла незадачливого пилота только малая скорость аппарата. Андрей отдернул руку от рукояти управления, и «тарелка» перестала двигаться, зависла у столба с погнутыми от столкновения арматурными стержнями, покачиваясь с боку на бок.

Сзади раздался тихий возглас удивления.

Андрей оглянулся.

У двери сарая стояла Млада в накиннутой на плечи телогрейке и смотрела на него круглыми глазами.

— Что это?!

Андрей опомнился, нашел на приборной доске красную кнопку, нажал.

«Тарелка» пошла вниз и шмякнулась на пол. Гироскопы зашелестели тише, снижая обороты. Андрей вылез, подошел к женщине.

— Перед тобой энлоид — «летающая тарелка» моего друга.

— На «тарелку» она не похожа. — Млада вцепилась в его локоть, разглядывая неказистый с виду аппарат. — Неужели она может летать?!

— Ты же видела. Лева, изобретатель этого монстра, называл его энлоидом.

— Как?

— От слова НЛО — энлоид. Лева считал, что НЛО используют тот же принцип антигравитации, что и он сам.

— Его убили?

Андрей кивнул, мрачней.

— За что?

— Может быть, как раз за изобретение энлоида. И вот за ту штуковину. — Он показал на агрегат на верстаке.

— Трансформатор?

— Нет, это ядерный реактор.

Млада недоверчиво сморщила носик.

— Шутишь?

— Ни капельки. Только этот реактор безопасен и использует другие принципы. Лева собирался запатентовать его и подарить людям независимость.

— Как это?

— Я имею в виду — независимость от обычных источников энергии — нефти, газа, радиоактивных элементов. Но его убили!

Андрей сжал пальцы в кулак, резко опустил руку. Лицо его на мгновение стало белым, глаза вспыхнули.

Млада поежилась, робко погладила его руку.

— Но я еще найду заказчика! — глухо пообещал он неизвестно кому, с усилием возвращая утерянное душевное равновесие. — Пойдем, здесь холодно. Зачем встала?

— Увидела, что тебя нет, — виновато заглянула ему в лицо Млада, — и испугалась.

Сердце Андрея омылось теплой волной удовлетворения: она перешла на «ты», даже не заметив этого, — но он не стал заострять на этом внимание.

— Лева действительно был гением. Я даже не представлял себе, насколько он ушел вперед от собратьев по науке. Не знаю, что толкнуло меня посмотреть на его поделки, но только убедившись, что он не просто мечтатель, но реализатор идей, я понял...

Они вышли из сарая, закрыли за собой дверь, попадая под заряд выюги.

— Ух ты, красота! Давно не любовался метелью.

— Что ты понял? — потянула его за рукав Млада.

Андрей хотел сказать, что он понял, за что убили Федорова, но передумал.

— Как же мы далеки от понимания реального построения мира! Ведь если идеи Левы работают, это означает, что эйнштейновские постулаты и концепции, на которых базируется современная физика, — тупик! Понимаешь?

— Нет.

Он засмеялся, привлек Младу к себе, поцеловал в холодные губы.

— Женщинам это действительно не нужно. Знаешь, чего мне сейчас хочется?

— Горячего чаю?

— Вторая попытка.

— Исккупаться?

— И этого тоже, но позже. Мне очень хочется покататься на лыжах в пургу.

Млада подставила ладонь под хлопья снега.

— Давно не каталась на лыжах...

— Ничего, у нас все еще впереди.

Ветер бросил на них струю снега, холодные снежинки попали им за шиворот, они пригнулись, спасаясь от дуновения метели, и вскочили в сени, обняв друг друга. В свете слабой лампочки лица обоих казались бледными масками. Улыбка в глазах Млады сменилась тревожной неуверенностью.

— Зачем ты мной занимаешься? Я же беременная...

— Ты красивее всех, кого я встречал! — заявил он с преувеличенной серьезностью. — А беременность преходяща и тебя вовсе не портит.

— Я не об этом. У меня будет ребенок... я ничего не умею... ничего не смогу тебе дать...

— Ошибаешься, — тем же преувеличенно серьезным тоном сказал Андрей. — Китайские императоры традиционно искали себе «энергетических» женщин и даже выкупали их у семьи, отсыпая столько жемчуга, сколько весила избранница. Женщины эти не обязательно становились наложницами, но всегда были при императоре.

— Я не «энергетическая» женщина, — слабо улыбнулась Млада.

— Да и я не китайский император, — кивнул он с ответной улыбкой. — Но очень хотел бы всегда иметь тебя рядом.

Она спрятала лицо у него на груди.

— Я согласна... только ты меня бросишь...

— Никогда!

Он отстранил ее от себя, поцеловал в мокрые от слез щеки,

потом в губы, она ответила, и этот долгий поцелуй окончательно сблизил их, разорвал круг условностей, нейтрализовал запреты и блоки, превратил обоих в мужчину и женщину, жаждущих друг друга...

Она снова уснула у него на груди, умиротворенно теплая, домашняя, уютная, нежная, пахнувшая сеном и молоком. А он долго смотрел в потолок, прислушиваясь к своим ощущениям, и трезво обдумывал свое положение.

В гимназию можно было не возвращаться. Несмотря на несогласие большей части учителей применять к учителю физкультуры какие-то меры «воспитательного характера», было ясно, что директор в конце концов найдет способ от него избавиться, и лучше ситуацию до этого не доводить, уйти самому. Однако тогда возникала проблема поиска работы, которая могла бы прокормить семью, так как занятия с учениками в секции самозащиты не приносили большого дохода. Можно было согласиться на предложение заместителя мэра Костромы, курирующего культуру и спорт, войти в состав Комитета русских народных игр, созданного недавно, и возглавить одно из направлений. Но Андрей сомневался, что его оставят в покое ликвидаторы некоего мистического ордена, расправившиеся с Федоровым, Скрылевым и Анной Игнатьевной и попытавшиеся убить самого Андрея. Поэтому стоило подумать над другими вариантами, например, уехать из Костромы вообще и начать строить жизнь с нуля в другом районе России. В Брянске, на родине Левы, или в Улан-Удэ, где у Данилина жили тетка и дядька по отцовской линии.

Незаметно он уснул, и снилось ему, что он бежит голый по льду какого-то озера, а за ним гонятся огромные черные псы с кроваво-горящими глазами, то и дело превращавшиеся в человекообразных монстров. Они почти настигли его, и тогда он с разбегу нырнул в дымящуюся полынью. Обожгло кожу, перехватило дыхание...

Вздрыгнув, он проснулся.

Замер, прислушиваясь к дыханию Млады, высвободил тихонько руку, встал.

Шел седьмой час утра, на улице было темно. Снегопад прекратился, и дом окружало смутно-белое пространство без границ и четких очертаний; даже ночью снежная пелена отражала рассеянный атмосферой свет, делая видимым необозримые снежные поля.

Он прислушался к себе.

Сон не был порождением внутренних нервных процессов, психика снова уловила некую негативную тенденцию и пре-

дупредила хозяина об опасности. А такими предупреждениями пренебрегать не стоило.

Андрей затопил печь, бесшумно оделся, собираясь посетить «удобства во дворе», и в это время тихо тренькнул мобильный телефон. Недоумевая, кто звонит ему в такую рань, он выскользнул в сени, включил телефон.

— Андрей Брониславович?

— Он, — ответил Данилин, узнавая голос майора Гарина; сердце дало сбой.

— Где вы находитесь?

— У... друга. А что?

— Понятно. А то мы звонили вам домой, но никто не ответил. Можете подъехать в управление?

— По какому поводу?

— Вы что-нибудь слышали о бое на ипподроме?

— Ничего. О каком бое речь?

Гарин хмыкнул.

— Странно. Там найдена ваша разбитая машина.

— Не может быть! Ее у меня угнали два дня назад.

— Вы писали заявление об угоне?

— Нет. Какой смысл? Если уж у министра МВД угнали «мерин» и не нашли, то что говорить о моей старенькой «Надежде».

— Как-то это все выглядит... впрочем, речь в данном случае не об этом. Мы хотели бы разъяснить ситуацию и снять с вас подозрения. Подъезжайте к нам к девяти часам. Могу прислать служебный транспорт.

— Не надо, я сам, но приеду не раньше десяти.

— Хорошо, ждем.

Сзади скрипнула дверь, выглянула Млада.

— Ты здесь?

Он быстро втолкнул ее в горницу, погрозил пальцем.

— Застудишься! А болеть нам ни к чему. Марш в постель!

Млада юркнула под одеяло, высунула нос.

— Тебе кто звонил?

— Один не очень симпатичный человек. Мне надо с тобой... — он не договорил: телефон зазвонил снова.

— Привет, учитель, — раздался в трубке чей-то глуховатый, но уверенный голос. — Ты все еще на фазенде?

— Кто говорит? — не узнал абонента Данилин.

Короткий смешок.

— Я не представился в тот раз. Гордей Буй-Тур.

— Да, понял.

— Буду краток, нет времени рассусоливать. Не нравится мне настроение моего начальства, брат, недовольно оно моим само-

вольством. Боюсь, к тебе пошлют еще кого-нибудь, половчее меня, так что будь начеку.

Андрей помолчал.

— Ясно, спасибо. Хотя я ни в чем не...

— Я тебе поверил, — перебил его собеседник, — не трать слов понапрасну. Сваливай куда-нибудь подальше из деревни, если ты еще там, да и вообще из Костромской губернии. Все, будь.

Связь прервалась.

Андрей запоздало сказал «спасибо», выключил телефон, посмотрел на Младу, не сводящую с него тревожных глаз.

— Кто звонил?

— Наш вчерашний знакомый, — задумчиво ответил он.

— Это тот, с кем ты?..

— Он самый. Хороший мужик оказался. Давай-ка собираться.

— Что ты хочешь делать?

— Поедем в Кострому. Мне надо доделать кое-какие дела, похоронить Анну Игнатьевну, кое с кем повидаться и позвонить друзьям.

— А потом?

— Потом мы поедем с тобой к моим родичам в Архангельск. Или в Улан-Удэ. Будем жить там. Если ты, конечно, не возражаешь.

— И ты никуда после не уедешь?

— Как же я тебя брошу?

— Тогда я согласна.

Он обнял женщину, они постояли так недолгое время, ощущая биение сердца друг друга, и начали собираться. Через час, когда окончательно развиднелось, машина с единственной пассажиркой уже двигалась по заснеженной дороге на запад. Домики деревни Суконниково, почти засыпанные снегом, остались позади. Снегопад кончился, сквозь рваные тучи на мгновение выглянуло солнце, и поля вокруг заискрились мириадами алмазных игл.

В Управление внутренних дел Данилин не поехал.

Ничего хорошего встреча с майором Гариным не сулила. Поскольку машина Андрея действительно осталась на ипподроме, оправдаться ему или объяснить свое присутствие во время бандитской «стрелки» было трудно. Наскоро придуманный «угон машины» гарантий безопасности не давал. Поэтому он заехал сначала домой, то есть к Анне Игнатьевне, собрал вещи, свои и Млады, позвонил в гимназию и сообщил директору, что увольняется по собственному желанию. Затем договорился о встрече с

Володей Кабановым, давним приятелем. Оставаться на квартире Анны Игнатьевны было опасно. Едва ли Буй-Тур шутил насчет возможного появления в городе второй группы ликвидаторов, работающих на неведомую службу ППП. А уехать из Костромы сразу Данилин не мог, для этого надо было хотя бы попытаться договориться с родственниками, предупредить их о приезде.

Понимая, что микроавтобус, принадлежащий местному отделению МЧС, уже может быть объявлен в розыск, Андрей все же рискнул доехать на нем до центра города, то есть до площади Революции, где он договорился встретиться с Володей, и оставил машину у торговых рядов, чтобы уже не возвращаться к ней.

Володя подъехал на новенькой «Хёндэ Соната» серебристого цвета, напоминающей по форме не то «Мерседес», не то «Крайслер». Хотя, надо признаться, машина стоила того, чтобы относиться к ней с уважением: по параметрам она ни в чем не уступала знаменитым немецким маркам.

Володя Кабанов, плотный, круглоплечий, седой, темнолицый, был так похож на «лицо кавказской национальности» — хищным носом и щеточкой усов, что нередко жаловался на стражей правопорядка, останавливающих его машину для проверки документов. К «лицам кавказской национальности» он не имел никакого отношения и был человеком мягким, добрым и чрезвычайно обязательным. Познакомился с ним Андрей много лет назад — пригнал свою машину (тогда у него была вазовская «семерка») в мастерскую автосервиса, где в то время Володя работал мастером. С тех пор они дружили, хотя встречались нечасто.

— Привет, — потряс руку Андрею Кабанов, глянул на Младу. — Добрый день. И где с такими красивыми женщинами знакомятся?

— На улице, — усмехнулся Данилин.

— На улице таких не встретишь.

— Это моя жена, зовут Млада.

— Очень приятно. Володя.

Млада удивленно глянула на Андрея, подала руку его приятелю, и тот галантно поцеловал ее пальцы.

— Садитесь, в машине теплее. Сумки ваши? Кладите в багажник.

Они уместились в салоне «Сонаты».

— Куда вас отвезти? — обернулся к ним Володя. — Домой?

— Мы только оттуда. Вова, нам надо где-то перекантоваться пару ночей. Не спрашивай, в чем дело, я пока не могу объяснить тебе всего.

— Значит, вам нужна «крыша»? — улыбнулся Володя. — Это не проблема. Можете пожить пару дней у меня. Жена с дочкой и

тещей улетела отдыхать на моря, так что я уже почти неделю живу один.

— Мы тебя не сильно стесним?

— Мои вернутся только через три дня, к Новому году, поэтому можете не переживать. Поехали.

Андрей и Млада переглянулись. Взгляд женщины сказал ему, о чем она думает.

— Все в порядке, — сказал он тихонько, погладив ее руку. — На него можно положиться.

Доехали до площади Мира, свернули на Сенную улицу, затем на Лавровскую.

— Все, доплыли, — оглянулся Кабанов, подмигивая Андрею.

Данилин хотел было пошутить, что в такой машине можно покататься еще, и в этот момент в зеркальце заднего вида заметил знакомую белую «десятку». Вспомнил номер той машины, на которой убийцы привезли на ипподром Младу. Без сомнения, это была та самая «десятка».

Кабанов показал левый поворот, собираясь заехать в арку девятиэтажного дома, в цокольном этаже которого располагался мебельный магазин, но Андрей быстро проговорил:

— Езжай прямо!

— Что? — не понял Володя.

— Не сворачивай! Возле светофора останови, я сяду за руль.

— Зачем?!

— Потом объясню. Делай, как я сказал.

Кабанов посмотрел на затвердевшее лицо приятеля с угрюмо вспыхнувшими глазами и повел машину мимо своего дома.

Млада сжала плечо Андрея, шепнула:

— Это... они?

— Не знаю, но лучше перестраховаться.

«Соната» остановилась у перекрестка. Андрей и Володя поменялись местами.

— Вы что-нибудь понимаете? — пробормотал растерянный Кабанов, обращаясь к Младе.

Та промолчала, кутаясь в воротник шубки.

— Держитесь!

Андрей дождался переключения светофора и с визгом шин пересек улицу на красный свет, прямо перед носом начавших двигаться автомобилей.

«Десятка» отстала, но вскоре показалась сзади, явно не собираясь сдаваться. Возможности вазовских уродцев, конечно, были намного ниже «хендэвских», но светофоры и скользкие зимние улицы не позволяли Андрею оторваться от преследователей, да и рисковать жизнью пассажиров не хотелось, и он принял

другое решение. Прижал машину к тротуару напротив магазина «Одежда» на Депутатской улице, вылез.

— Садись за руль.

— А ты? — недоумевающий Володя занял место водителя.

— Как только я побегу — жми на газ!

— Ты объяснишь наконец, что происходит?!

— Не время. Извини, что заставляю суетиться, но у меня нет выбора. — Андрей боковым зрением отметил остановившуюся в полусотне метров «десятку». — Не останавливайся, что бы ни произошло!

— Дьявол! Ничего не понимаю! За вами гонятся, что ли?

— Все, начали.

— Где тебя потом подобрать?

— Езжай домой, я сам приеду.

— Андрей! — слабо вскрикнула Млада.

— Все будет хорошо, — постарался улыбнуться Андрей и медленно двинулся к магазину. Затем вдруг стремительно рванул с места, направляясь к «десятке».

Володя, выполняя просьбу приятеля, отъехал от магазина и уже не видел, чем закончился рывок Данилина.

Андрей в это время, находясь в состоянии мобилизации всех сил организма, в т е м п е преодолел расстояние, отделявшее его от машины преследователей, и с ходу пробил рукой-«копьем» боковое стекло со стороны водителя.

Они были профессионалами, пассажиры «десятки»: один на переднем сиденье, двое сзади, — но не успели отреагировать на внезапное нападение, так как не ждали подобной наглости от «клиента» и не были готовы к д е й с т в и ю. Да, они попытались оказать сопротивление, ошеломленные атакой, и даже открыли огонь из пистолетов с глушителями, но Данилин действовал втрое быстрее, и бой с четверкой преследователей закончился через несколько секунд.

Водитель, оглушенный ударом в голову сквозь стекло, участия в схватке не принимал.

Андрей же, действуя с той же стремительностью, на «пределе» физиологии, точно таким же ударом пробил стекло задней дверцы автомобиля и достал ближайшего седока. Его сосед, одетый в камуфляжный комбинезон, выдернул пистолет, выстрелил, но попал в потолок кабины: Андрей успел перехватить его руку и направил ствол пистолета вверх. Еще через одно мгновение ствол пистолета смотрел уже вперед, и следующая пуля досталась переднему пассажиру, выстрелившему чуть позже и попавшему в водителя.

Андрей ребром ладони успокоил копошившегося парня в камуфляже, сдавил горло второго:

— Не дыши, мразь! Кто вас послал?!

— От-х-х-х-пус-с-сти-и...

— Кто?!

— К-х-нязь...

— Какой князь?!

— Ид-диот-тт... т-тебя вс-се р-равно... — парень дернулся, пытаясь освободить руку с пистолетом.

Андрей сжал горло противника сильнее, и тот затих.

С переднего сиденья послышался хрип: водитель, схлопотавший пулю от своего же командира, держась за горло, пытался что-то сказать. Потом глаза его остановились, голова упала на руль. Андрей чисто интуитивно отогнул мочку его уха и увидел татуировку — фигурку барса. Быстро осмотрел уши остальных: точно такие же знаки. Не соколы, как у команды Буй-Тура, но из той же породы хищников. Кто же их послал?..

Он закрыл дверцу машины и быстро зашагал прочь, сутулясь, прихрамывая, надвинув шапку на лоб.

Замершие в столбняке прохожие, не успевшие ничего понять, молча смотрели то на его спину, то на машину с разбитыми стеклами и четверкой омоновцев — если судить по форме, — истекающих кровью.

Вместе с ними стоял возле темно-синей «БМВ» высокий мужчина с прозрачно-голубыми, буквально светящимися глазами и тоже смотрел вслед Данилину...

БУЙ-ТУР

24 декабря

Сон был неглубок и неприятен: Гордей никак не мог найти свои трусы и вынужден был прикрываться от прохожих подолом тельняшки. Затем он оказался в каком-то здании с длинными коридорами; это было общежитие военного городка, и Гордей никак не мог вспомнить номер своей комнаты, дергал за ручки дверей и с ужасом представлял, что сейчас его в таком виде — тельняшка и больше ничего! — застанет командир части и отправит на «губу»...

Чем закончилось хождение по бесконечным темным коридорам, Гордей так и не узнал, он проснулся. Привычно прикинул время пробуждения, потом глянул на часы: пять минут седьмого. Будильник организма отставал от жизни, но не на много, как раз

на пять минут. Что ж, его можно понять, время в камере движется с другой скоростью, нежели на воле.

Он полегал на топчане, прикрытом тонким и жестким тюфяком. Вспомнил сон. Неизвестно, чем был навеян этот сон, однако он почти в точности соответствовал ситуации, случившейся с другом детства Гордея, Толиком Шкодиным. Тот учился в Брянском машиностроительном институте, жил в общежитии и однажды, выйдя ночью из комнаты по малой нужде, после обильного потребления алкогольных напитков, забыл номер комнаты и долго скитался по этажам общежития в одних трусах...

Гордей невольно улыбнулся, припомнив этот случай, покачал головой. В его положении скитания по коридорам исключались принципиально, ибо находился он на базе ППП в Благовеще, располагавшейся на территории профилактория Минобороны, в отдельном «номере», переоборудованном под камеру предварительного заключения. Буй-Туру даже в голову не приходило, что на базе есть такие «комфортные апартаменты», предназначенные для содержания под стражей людей. Узнал он об этом только по прибытии на базу, после того, как за ним пришли утробные сотрудники службы охраны ППП, посланные воеводой.

Без лишних слов полковника поместили в камеру, и с тех пор прошли сутки, но никто к нему так и не пришел, чтобы объяснить, если не считать тюремного сторожа, трижды приносившего еду и питье.

Впрочем, Гордей не испытывал особых тревог, не считая себя виноватым в каких-то грехах. Единственным прегрешением, в котором его могли обвинить, было, по его мнению, решение отпустить костромского учителя физкультуры Данилина, но и оно имело вполне веские основания. Доказательств вины учителя Гордею так и не представили. К своему же нынешнему положению он относился философски, веря, что темная полоса в его судьбе в конце концов минует. А если нет — значит, он того заслужил. Хотя не сделал ни одной ошибки, ни одного неверного шага, за который было бы стыдно. Он честно принял принципы и законы жизни Русского национального ордена и осознал важность деятельности службы ППП.

Первым его заданием было «хирургическое лечение» фашиствующих русских националов из Нацединства, щеголявших в нацистской форме со свастикой. Управляли этой организацией явные провокаторы, поставившие целью измазать грязью, дискредитировать русское национальное движение и потому организовывающие погромы, побоища и преследование инакомыслящих. Именно их группа Гордея и ликвидировала, дав тем самым возможность оставшимся в живых «здоровым» лидерам

движения осознать свое настоящее предназначение и поставить истинно значимые цели, такие, как в е л и ч и е России.

После скинхедов Буй-Туру поручили несколько «мелких» дел: изуучить отца четырехлетней дочери, которую тот садистски мучил в отсутствие матери (суд его оправдал, так как отец оказался высокопоставленным чиновником и имел большие связи); крепко «поучить» хакера-вирусоконструктора, из-за которого в Челябинске в лютые зимние морозы «полетели» компьютеры, обслуживающие энергохозяйство города, и были отключены от отопления больницы и родильные дома (в результате от холода погибли несколько человек, в том числе — дети); наказать сотрудников вневедомственной охраны, разъезжавших по Москве на машине ОВО и собирающих мзду с иногородних (возле метро «Пролетарская» они остановили старика-азербайджанца и после ссоры убили на пустыре); наказать двух молодых наркоманов, убивающих ломиками женщин с целью ограбления (наркоманы успели убить восемь несчастных женщин, но в тюрьму их не посадили, отправили на лечение, и Буй-Тур с подчиненными с особым старанием исполнил приговор ППП — отрубил обоим правые руки).

Потом были другие задания: группа «мочила» всех, кто смог подкупить прокуроров и судей и уйти от возмездия за совершенные преступления. Особенно Буй-Тур не щадил именно эту категорию нелюдей, а также работников правоохранительных органов, пошедших на сговор с преступниками. Их он убивал жестоко! Но и в этом винить его было трудно. Слишком многих потерял этот человек, слишком много пережил, и душа его почти умерла, покрылась панцирем ненависти к отморозкам и бандитам, а также к их пособникам. Излечить эту ненависть могло только время. Или любовь. Но женщины, способной разбудить сердце и душу Буй-Тура, он пока не встретил. Хотя кое-какие подвижки в тлеющей под слоем гнева, презрения и цинизма душе уже были налицо: учителя Данилина Гордей просто пожалел, хотя мог бы и не разбираться в ситуации, а просто выполнить приказ начальства. И вот теперь ему представилась возможность разобраться в своих чувствах, мыслях и отношениях с начальством и самим собой, чтобы потом спросить с себя по полной программе: готов ли он и дальше беспрекословно выполнять задания князя или позволить себе прежде д у м а т ь, а потом выполнять.

«Интересно, что они мне сделают? — подумал Гордей. — Понизят в звании? Переведут в группу рядовым? Объявят выговор? С занесением в брюшную полость...»

Буй-Тур усмехнулся: ладно, посмотрим. Еще не вечер. Как

известно, безвыходных положений не бывает. В крайнем случае можно будет уволиться из рядов ППП по собственному желанию. Или не по собственному. Если такое положение предусмотрено кодексом ордена. Но казнить людей без разбора, без доказательств их вины он не станет.

Незаметно он уснул и проспал почти до обеда. Проснулся от металлического позвякивания.

У двери камеры послышалась возня, заскрежетал ключ в замке. Дверь распахнулась, и в камеру вошли двое: высокий мужчина с волевым, тщательно выбритым лицом и холодными, стального цвета глазами, с рыжей шевелюрой, и парень чуть ли не вдвое ниже его, коренастый, с тяжелыми плечами борца-профессионала. Судя по отсутствию мысли на его плоском лице с монголоидными чертами, он был телохранителем рыжеволосого. Вслед за ними в камере появился еще один визитер — воевода Спирин.

— Здравсьте, — сел на топчане Буй-Тур, широко повел рукой. — Располагайтесь поудобнее, гости дорогие, будьте как дома.

— Знакомьтесь, Гордей Миронович, — сказал Спирин извиняющимся тоном. — Это Алексей Харлампиевич, князь улуса национального возрождения, отвечает за работу ППП.

Буй-Тур помедлил, но поднялся, кинул подбородок на грудь.

— Полковник Буй-Тур, командир группы «Сокол».

— Уже не полковник и не командир, — густым красивым баритоном произнес князь, разглядывая лицо Гордея так, будто собирался дать ему пощечину.

— Вот как? — поднял брови Буй-Тур. — Это за что же мне такая немилость? Неужели проштрафился по-крупному?

Воевода отвернулся. Было видно, что он чувствует себя не в своей тарелке.

— Вы прекрасно знаете причины этой, так сказать, «немилости», — продолжал князь брезгливым тоном. — Вы не выполнили задание, а неповиновение иерархам у нас карается строго.

— В штрафбат сошлете? — полюбопытствовал Буй-Тур. — Чтобы я кровью искупил вину?

— Понадобится — будете искупать вину кровью, — кивнул Алексей Харлампиевич. — Не хорохорьтесь, полковник, вы не в том положении, чтобы вести себя вызывающе.

— Значит, я еще полковник?

— Вы понижены в звании до лейтенанта и переведены в группу «Росомаха», базирующуюся в Западной Сибири. Профессионалы вашего уровня нужны и там.

— Очень приятно. Я думал, вы разжалуете меня в рядовые.

Лейтенант — это настоящий подарок. Однажды меня уже разжаловали, так что мне не привыкать. А если я откажусь переводиться в Западную Сибирь?

— Тогда судьба ваша будет незавидной. Но я пришел не за тем, чтобы пикироваться с вами и выслушивать детский лепет. У меня к вам два вопроса. Первый: это вы предупредили Данилина?

— Кого? — сделал удивленный вид Буй-Тур.

— Учителя физкультуры из Костромы, которого вы должны были тихо убрать.

— В последний раз я видел его два дня назад. Этот парень не имеет никакого отношения к криминалу. Он не виновен.

— Не вам судить, какова степень его вины. Этот человек украл материалы убитого ученого Федорова и собирается сбежать с ними за границу.

— Чушь собачья! — махнул рукой Буй-Тур. — Он не похож на вора и тем более предателя Родины. Никаких материалов Федорова у него нет.

— Откуда вам это известно?

Буй-Тур пожал плечами, вспоминая беседу с Данилиным.

— Мы обыскали его... — Это была полуправда, но правду князю говорить почему-то не хотелось. — Ни рукописей, ни дискет, ни дисков — ничего.

— Он их спрятал.

— Я допросил его. Говорю же — он вполне нормальный и вменяемый человек и не помышляет ни о каком бегстве за границу. Вы бы лучше послали в Кострому наших контрразведчиков, пусть разберутся, кому, кроме нас, понадобилось Данилина «замочить». Выяснили, откуда у киллеров удостоверения ФСБ? И что означает значок в форме масонского глаза?

Князь и воевода посмотрели друг на друга.

— Разбираемся, — сказал Михаил Константинович, отводя глаза.

— Это не ваше дело, — сказал князь.

— Ошибаетесь, мое! — твердо заявил Буй-Тур. — Вы шьете мне дело, в котором я не виноват. Дайте железные доказательства вины учителя — и завтра же он исчезнет! Если же доказательств нет...

— Данилин час назад ликвидировал группу «Барс», — мрачно проговорил воевода, не глядя на Буй-Тура. — Мы объявили его в розыск.

— Что?! — не поверил ушам Гордей. — Он «замочил» всю группу?! Значит, вы все-таки послали за ним чистильщиков? Поздравляю!

— Я не имею к этому отношения, — отвернулся Спирин.

— Группа подчинялась мне, — поморщился князь, — хотя это не имеет никакого значения. Данилин — убийца и должен быть наказан в соответствии с нашими законами.

Буй-Тур покачал головой.

— Вы сделали роковую ошибку, уважаемый Алексей Харлампиевич. Данилина нужно было переманить на свою сторону, а не начинать с ним войну. Он суперпрофессионал, и у вас теперь будет большой геморрой с его вербовкой.

— Никто не собирается его вербовать. Он будет ликвидирован в ближайшее время.

— Ну-ну, — скептически скривил губы Гордей. — Не завидую тем, кто будет его выслеживать и ловить. Недаром говорится: бойся гнева терпеливого человека. Данилин как раз из терпеливых, но у него убили друга, жену друга, хозяйку квартиры, заменившую ему мать. Кроме того, он будет защищать любимую женщину, так что потерь вам никак не избежать. Еще раз утверждаю: он не тот, за кого вы его принимаете, у вас неверные сведения. Советую побыстрее разобраться с этим и завербовать Данилина на нашу сторону. Возможность еще есть.

— Свое мнение держите при себе, полк... э-э, лейтенант! Решать буду я, вы же будете исполнять приказы. Или...

— Или вы меня ликвидируете? — ухмыльнулся Буй-Тур. — Без суда и следствия? Хорош орден, нечего сказать! Я считал, что служу Отечеству, а оказывается — бандитам!

— Выбирайте выражения, Гордей Миронович, — хмуро пробормотал Спирин.

Похожий на монгола спутник князя двинулся к Буй-Туру, но тот наставил на него палец и с расстановкой сказал:

— Стой, где стоишь, чингисхан! Будешь потом зубы по всей камере собирать!

— Тенгиз! — отрицательно качнул головой князь.

Монгол отступил.

— У вас ко мне все, господа-товарищи? — поинтересовался Буй-Тур. — Надеюсь, я вас не шибко разочаровал? Прошу учесть на будущее: если вы хотите работать со мной и дальше, будьте добры уважать мое мнение. Это раз. Два: «замочить» человека не проблема. Я злой, но не настолько, чтобы работать обыкновенным киллером.

Князь смерил Буй-Тура нехорошим взглядом, повернулся к нему спиной.

— Доставьте его ко мне, Михаил Константинович.

— Может быть, я с ним побеседую? — проворчал воевода, выходя следом за иерархом ордена.

— Я сам с ним побеседую, — донеслось из коридора. — Перевезите его в мою резиденцию в Серебряном... впрочем, я пришлю за ним своих людей.

Дверь камеры закрылась, отрезая голоса удалявшихся визитеров.

Буй-Тур сплюнул, глубокомысленно почесал за ухом.

— Кажется, мы серьезно влипши, полковник... то бишь лейтенант. Как бы нам не сделали верхнее обрезание... Или не стоит унывать? В конце концов, можно и в лейтенантах походить какое-то время, и даже рядовым. Не впервой. Как говорил поэт¹: «Это даже хорошо, что пока нам плохо».

Гордей усмехнулся, походил по камере, успокаиваясь, и лег на топчан. Через несколько минут он уже спал. А еще через час к нему пришел воевода Спирин.

— Что, уже? — подхватился Буй-Тур. — За мной пришли?

— Едут, — сказал Михаил Константинович.

— Зачем же вы меня разбудили? Я мог бы еще покомарить полчаса.

Воевода помедлил.

— Я был против вашего ареста...

Гордей усмехнулся.

— Разве это меняет ситуацию? Вы же знаете, что я прав.

— Знаю.

— Тогда до свидания, Михаил Константинович. — Буй-Тур улегся на свою твердую кровать. — С вашего позволения, я еще подремлю чуток.

— Пойдемте, Гордей Миронович.

— Куда?

— Я вас выведу.

Гордей сел, с интересом глянул на морщинистое неподвижное лицо воеводы.

— Это как понимать?

— Боюсь, князь вынашивает какие-то далеко идущие планы, а вы этими планами не предусмотрены. Точнее — мешаете ему. Думаю, вам лучше с ним не встречаться.

Буй-Тур покачал головой.

— Это будет выглядеть как признание вины, а я ни в чем не виноват.

— Я попытаюсь разобраться с ситуацией в Костроме и доложить об этом князю Родареву. После этого можно будет выйти на Пресветлого и обсудить проблему. Но вы должны дать мне слово, что по первому же требованию...

¹ В.Н. Коростылев.

Буй-Тур прервал его жестом.

— Я не буду давать слова. Возможно, вы правы, но я не привык бегать от опасности, прятаться за чужие спины и ждать помилования. Пусть все остается так, как есть.

— Вы делаете ошибку, полковник.

— Уже лейтенант.

— Алексей Харлампиевич не прощает неповиновения. Вы в очень большой опасности. Уходите, пока есть возможность.

— Но тогда в опасности окажетесь вы.

— Я как-нибудь оправдаюсь, — раздвинул сухие губы в улыбке Михаил Константинович. — Меня он не посмеет обвинить в предательстве интересов ордена, я работаю на этом посту дольше, чем он на своем. Уходите, дружище.

Где-то в коридоре послышались голоса. Буй-Тур прислушался, развел руками.

— Кажется, уже поздно, это за мной.

— Они не посмеют, здесь я хозяин!

— Не беспокойтесь за меня, — улыбнулся Гордей. — Мне нечего терять, и я смогу за себя постоять. Спасибо за предупреждение и добрые слова.

Дверь распахнулась, в камеру вошли трое: давешний монгол по имени Тенгиз, что сопровождал князя, низкорослый, широкоплечий, равнодушный ко всему на свете, и две атлетически сложенные девицы в камуфляж-форме; у одной были светлые волосы, коротко стриженные, у другой черные. В ушах обеих красовались черные сережки в виде крестов.

— Кто вас впустил? — нахмурился Спирин, выпрямляясь.

— Нам не требуется ничье разрешение, — небрежно отрезала одна из девиц, светловолосая и грудастая. — Мы пришли за вашим эком. — Она посмотрела на Буй-Тура. — Пошли, олень. Руки за спину!

Буй-Тур и воевода переглянулись.

— А повежливей нельзя? — осведомился Гордей. — Я как-никак бывший полковник...

В следующее мгновение девица ударила его в лицо, да так быстро и сильно, что он не успел отреагировать. Отлетел к топчану, с трудом удержался на ногах.

— Отставить! — скрежетнул голосом воевода. — Вы с ума сошли?! Кто учил вас так обращаться с подследственными?!

— Не вмешивайся, старик, — оскалилась вторая девица. — Ты нам не указ. Выходи, ублюдок, и не дергайся, не то руки-ноги поломаем.

— Вот, бля! — Гордей озабоченно потрогал рассеченную губу, посмотрел на кровь на пальце. — Кажется, вы были правы, Ми-

хаил Константинович. Князь — человек дела и своих убеждений не меняет. Вот только слуг своих распустил, это политически неправильно. — Он посмотрел на грудастую. — Еще раз посмеешь поднять на меня руку — поставлю в угол и выпорю, не посмотрю, что ты баба.

— Я сказала — иди! — Грудастая ударила Буй-Тура ногой и тут же кулаком в лицо.

Однако он уже был готов к действию и ответил в своем излюбленном стиле — не уходя от ударов, но и не доводя их силу до порога болевого шока, самортизировал, то есть как бы «поймал» телом удары, а затем ответил. Девушка с воплем удивления и боли отлетела в угол камеры, схватилась за нос: удар Буй-Тура не сломал его, но был достаточно сильным, чтобы из глаз девушки брызнули слезы.

— Ах ты, пидор! — бросилась на Гордея вторая девушка... и тоже отлетела в сторону, задохнувшись от боли в животе.

Монгол-телохранитель князя шагнул было вперед, сунув руку под борт пиджака, и воевода закрыл Гордея грудью:

— Прекратите! Еще одно движение — и живыми вы отсюда не уйдете!

— Прочь с дороги!

— Уйми старика! — прохрипела грудастая, также сунув руку за пазуху и доставая пистолет. — Я из этого пидора «петуха» сейчас сделаю!

— Вот теперь пора! — кивнул сам себе Буй-Тур и прыгнул к черноволосой, толкнул ее на Тенгиза, а когда девушка и монгол упали от столкновения, едва не сбив с ног светловолосую с пистолетом, прыгнул к ней и одним ударом сломал руку, держащую пистолет.

Вопль боли, затем еще один: кулак Буй-Тура впечатался в ухо второй девушке, и утробный крик-выдох — это второй кулак Гордея угодил в пах монголу. Все три конвоира, присланные князем за пленником, оказались на полу.

Буй-Тур посмотрел на них черными глазами, пососал содранные костяшки пальцев, поднял выпавший пистолет.

— Как поется в песне: мальчик в деревне нашел пулемет, больше в деревне никто не живет.

— Э-э... — вышел из столбняка воевода.

— Пойдемте, Михаил Константинович, — сказал Буй-Тур. — Я, пожалуй, воспользуюсь вашим предложением. Можете потом сказать князю, что я освободился силой, без вашего участия. Что вполне соответствует истине.

Светловолосая девушка, присевшая на корточки от боли, прижала сломанную в запястье руку к груди, попыталась ударить

Буй-Тура головой в живот. Он без жалости опустил ей на голову рукоять пистолета. Посмотрел на пистолет.

— Надо же — неизменно превосходный результат, как утверждает реклама... м-да. Не стоило вам, леди, обращаться так грубо с полковником спецназа, даже бывшим. Я на своем веку повидал немало таких вот крутых баб, и все они кончили плохо.

— Ублюдок! — прошипела светловолосая. — Я тебя из-под земли...

Буй-Тур поднял пистолет. Выстрелил.

Пуля звучно пробила деревянную ножку топчана.

Девица отшатнулась, широко раскрывая глаза, побледнела.

— В следующий раз я тебя не пожалею, сука! Даже если ты любовница князя!

Повернувшись, Гордей вышел из камеры в коридор.

Воевода догнал его на лестнице.

— Хочу извиниться, Гордей Миронович...

— Не стоит, — сквозь зубы процедил Буй-Тур. — Если бы я знал, что ордену служат такие засранцы... вас я не имею в виду.

— Это нетипичная ситуация. С приходом нового князя мне самому многое перестало нравиться. Но уверяю вас, полковник, мы разберемся.

Они поднялись на первый этаж второго — хозяйственного — корпуса, встретили двух мощного телосложения парней в синей форме федеральной службы охраны.

— Выпроводите гостей из подвала, — хмуро распорядился Михаил Константинович. — Кто их пропустил?

— Они показали «корочки», — виновато шмыгнул носом один из охранников. — Сказали, что по приказу директора...

— Впредь без моего приказа никого на территорию профилактория не пускать!

— Слушаюсь, Михаил Константинович.

Вышли в вестибюль.

— Что вы собираетесь делать дальше, Гордей Миронович? — Воевода вдруг заметил, что Буй-Тур одет не по-зимнему. — Подождите, я принесу вашу одежду. — Он включил мобильник. — Вадим, принеси во второй корпус куртку полковника.

— Еще не знаю, — ответил Гордей на вопрос. — Но при такой постановке дела служить под началом князя не хочу.

— Мы наведем порядок...

— Вот когда наведете, тогда и поговорим. Телефон вы мой знаете.

— Вы мой тоже. Звоните, если понадобится. И еще раз прошу не держать зла на всю службу и на меня лично.

Прибежал ординарец воеводы с полушубком Буй-Тура и

шапкой. Все трое вышли из здания в хмурый — небо затянуто тучами — зимний день.

— Могу подбросить вас куда захотите.

— Не стоит, сам доберусь. — Взгляд Буй-Тура задержался на черном мерседесовском джипе. — Чей это БТР? Не команды князя, случайно?

— Да, они на нем приехали, — подтвердил Вадим.

— Пожалуй, я его реквизирую на время.

— Но... — начал было ординарец.

— Забирайте, — махнул рукой Михаил Константинович. — Пусть это будет им уроком.

Буй-Тур подошел к джипу, постучал в дверцу. Водитель припустил затемненное стекло дверцы.

— Выходи.

— Чего?!

— Выходи, дело есть.

— Я подчиняюсь только...

Буй-Тур дернул за ручку дверцы, цапнул водителя за плечо и одним рывком выдернул из кабины. Водитель — невысокий, чернявый, с усиками, бросился было на обидчика и замер, увидев направленный на него ствол пистолета.

— Всем лечь на снег! — скопировал Буй-Тур стандартную сцену из боевика. — Это ограбление, изнасилование и побег! Ну?!

Водитель упал на заснеженную площадку автостоянки.

Воевода усмехнулся.

— Доброго пути, полковник. Надеюсь, еще увидимся. В более подобающей обстановке.

Буй-Тур залез в кабину джипа, дал газ. «Мерседес» с темными стеклами и крутым номером: А333АА-97, — умчался к воротам профилактория, взвихрив снежную пыль.

Из двери входа в хозяйственный корпус выскочили девицы и монгол-телохранитель князя.

— Где он?!

Водитель, вскочивший с земли, весь в снегу, молча показал на оседавшую снежную пелену.

— Ну, вы ответите! — прошипела светловолосая, кусая губы.

— Отвечу, — равнодушно сказал Михаил Константинович. — Убирайтесь отсюда, и побыстрее! — Он посмотрел на выглянувших из дверей охранников. — Проводите их, парни.

Визитеры поплелись к воротам профилактория.

Уже выехав на Новорижскую трассу, Буй-Тур позвонил Олегу:

— Привет, лейтенант. Ты где?

— А вы где, командир? — отозвался обрадованный Олег.

— Еду в Москву. Мне понадобится твоя помощь.

— Я сейчас в казарме, на базе, под негласным арестом: запретили покидать территорию базы, грозят перевести в другое подразделение. Но в случае надобности могу слинять.

— Дуй в Беляево, часа через два встретимся у «Макдоналдса» на Обручева, рядом с заправкой.

— Ребят брать с собой?

— Не надо пока, просто предупреди, чтобы держали ухо востро. Не нравится мне позиция начальства.

— Понял. Что вы намечаете?

— Поеду в Кострому.

— Зачем?

— Одному хорошему человеку помочь надо.

— Случайно, не учителю физкультуры?

— Догадливый.

Олег помолчал.

— Почему вы это делаете, командир?

Буй-Тур усмехнулся.

— Хочу понять, тварь я дрожащая или право имею. Ты, кстати, можешь отказаться.

— Еду, — отозвался Олег без колебаний.

Буй-Тур, продолжая улыбаться, спрятал мобильник и увеличил скорость.

Ни один пост ГАИ его джип не остановил.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

25 декабря

Клуб «Лайт ин найт» располагался на Кутузовском проспекте, в глубине двора, за рестораном «Золотой», славившимся европейской кухней. Но о существовании клуба знало весьма ограниченное количество лиц. Вернее, вывеску клуба на белоснежной стене с вычурными чугунными вензелями видели все, кто проходил мимо, но вот внутрь никто из прохожих попасть не мог. Клуб был закрытым, и посещали его только посвященные в тайну создания и существования заведения. То есть — свои. А именно — руниты, члены Русского национального ордена. Алексей Харлампиевич Шельмин бывал здесь нечасто, да и то не для приятного времяпрепровождения, а для совещаний с иерархами ордена и решения важных задач. Поэтому он был сильно озадачен, когда увидел в ресторане клуба человека, которого ожидал увидеть здесь меньше всего. Человек этот не принадлежал к элите клуба, не был его завсегдатаем и вообще не должен

был находиться на его территории. Как его пропустила охрана, было непонятно.

Не подавая виду, что знает посетителя, Алексей Харлампиевич сел за «свой» столик за резной деревянной колонной возле аквариума и заказал ужин: соленья, маринованные грибы, салат из черемши и баранину по-боярски.

Человек, на которого он обратил внимание, сидел неподалеку, у другой колонны, с какими-то двумя девушками спортивного телосложения и характерно одетыми — в платья-чулки. Это был Джеральд Махаевски, бывший сокурсник Шельмина, с которым они после окончания университета не виделись много лет и который прибыл в Москву чуть больше недели назад. Как он нашел Шельмина, тоже осталось загадкой. Однако он позвонил ему на работу — официально Алексей Харлампиевич работал советником министра финансов — и предложил встретиться. Семнадцатого декабря бывшие студенты МГУ встретились в ресторане «Ярь» на Ленинградском проспекте и долго пытались выяснить, кто чем занимается. Кончилось все тем, что Махаевски с усмешкой назвал Алексея Харлампиевича князем, и тот понял, что гость знает о нем если не все, то многое. Пережив неприятное ощущение человека, стоящего голым под пронизывающим холодным ветром, Шельмин решил было захватить Махаевски, чтобы потом допросить в удобном месте, откуда тому известно о настоящей службе Алексея Харлампиевича, однако у него ничего не вышло. Разговор зашел в тупик, Шельмин отвлекся на официанта, а когда опомнился — Махаевски уже не было в зале.

Так бывший сокурсник впервые показал приятелю свои возможности манипуляции людьми. В дальнейшем эти возможности он демонстрировал постоянно, и Алексею Харлампиевичу ни разу не удалось застать его врасплох и выяснить о нем необходимые сведения. Разведчики ППП, пущенные за Махаевски, возвращались всегда ни с чем, а допросы людей, с которыми он встречался — в гостинице «Персона» на Таганке, в Министерстве иностранных дел, в ресторанах и барах, в московской мэрии, — ничего не дали. Никто не помнил этого человека и не мог сказать, о чем они говорили.

Зато Махаевски действительно знал, кто такой Шельмин Алексей Харлампиевич, и однажды предложил ему... помощь!

— Какую помощь?! — не понял князь, удивленный такой постановкой вопроса; власть его была велика, и в помощи он не нуждался. — В чем?!

— В изменении статуса, — хладнокровно ответил Махаевски. — Сейчас ты — князь второго уровня, отвечающий за кон-

кретику службы ППП, а можешь стать магистром первого уровня, а потом и главным. Как вы его называете? Большой князь?

— Пресветлый...

— Пусть будет Пресветлый.

Шельмин опешил, потом возмутился, даже рассвирепел, еще не осознавая силы полученного удара. Но вызванные оперативники личной охранной гвардии князя, попытавшиеся задержать Махаевски на автостоянке, едва не перестреляли друг друга, а Джеральд исчез как призрак, еще раз доказав, что его кондиции намного выше, чем у тренированных бойцов спецназа РуНО.

О своем провале Шельмин думал всю ночь, анализируя, что он сделал не так и откуда Махаевски черпал секретные сведения об ордене. Надо было идти к Пресветлому и обо всем ему доложить. Но наутро к Алексею Харлампиевичу заявился сам магистр в сопровождении тех же девиц и снова предложил ему помощь в реализации амбиций князя. А что такие амбиции были, Алексей Харлампиевич не признавался никому и никогда, идя к власти семимильными шагами, не пренебрегая порой сомнительными связями, шантажом, подкупом и угрозами. Человеком он был жестким, порой жестоким, казался прямым и честным, болеющим за дело, это подкупало многих, и князем в системе РуНО Алексей Харлампиевич стал не за особые заслуги, а скорее вопреки воле тех, кто видел его сущность и пытался его остановить.

После пятой встречи с Махаевски он сдался. И лишь тогда узнал, что его вездесущий, всезнающий и неуловимый «сворачиватель» является магистром ордена Раздела, Высшим Посвященным Синедриона — центра Союза тайных орденов мира. На миг совесть Алексея Харлампиевича шевельнулась, и возникло желание немедленно доложить главе РуНО о своих контактах с «дьяволом». Потом пришла более трезвая мысль: почему бы и в самом деле не воспользоваться предложением? Дойти до заветной цели, стать г л а в н ы м, а потом...

Что будет потом, Шельмин решил не загадывать. Естественно, у него были благие намерения и с п о л ь з о в а т ь Махаевски для достижения могущества, как личного, так и ордена. Но до этого момента надо было еще дожить. А пока следовало делать вид, что после долгих колебаний он согласен принять помощь — ради блага ордена и Отечества...

Махаевски что-то сказал своим спутницам, и они быстро покинули зал ресторана. Шельмин был абсолютно убежден, что девицы не имели права находиться здесь, и их присутствие лишний раз подчеркивало особые — магические — способности магистра. На все м о я воля! — как он любил повторять с усмешкой

превосходства, обладая даром отводить глаза и заставлять людей повиноваться.

Что-то мелькнуло перед глазами.

Алексей Харлампиевич вздрогнул, внутренне съеживаясь: Махаевски уже сидел рядом и смотрел на него, кривя тонкие губы в иронической усмешке. Как он оказался за столиком, Шельмин не понял. Ведь только что сидел в десяти шагах, у колонны.

— Не нервничай, князь, — произнес Махаевски отеческим тоном, — никто не обратил и не обратит на нас внимания, все под контролем. Давай спокойно посидим и обсудим наши проблемы.

— Ты с ума сошел! — прошипел Алексей Харлампиевич. — Здесь же охрана, телекамеры на входе... Стоит оператору зафиксировать твою физиономию, и заварится такая каша!..

— Не заварится, — пренебрежительно отмахнулся магистр. — Мою физиономию видишь только ты, для остальных я не существую. И вообще мне не нравится твое состояние. Что случилось, чего не знаю я?

Шельмин кинул косой взгляд на зал, буркнул, сдерживаясь:

— Зря я пошел у тебя на поводу. Надо было сразу сдать тебя своим контрразведчикам, глядишь, одной проблемой было бы меньше.

Махаевски ослабился.

— Надо было, да уже поздно. — Улыбка втянулась в его узкие бледные губы, глаза мрачно сверкнули. — А теперь докладывай, отчего ты такой нервный сегодня.

Алексей Харлампиевич сжал зубы, чтобы не выругаться, налил себе минеральной воды, выпил залпом.

— Больше ко мне своих блядей не присылай! Из-за них я теперь вынужден напрягать своих людей, охотиться на полковника Буй-Тура.

— Не из-за них, — качнул головой Махаевски. — Твоему полковнику помог бежать воевода. Пора тебе разобраться с ним.

— Легко сказать — разобраться, он человек Родарева, правой руки Пресветлого, к нему просто так не подступишься.

— Придет время, разберемся и с Родаревым. А полковника я тебе помогу достать. Он не иголка в стоге сена, где-нибудь всплывет. Может быть, даже в Костроме. Кстати, о Костроме: что с Данилиным? Нашли лабораторию Федорова?

— Данилин убрал почти всю группу «Барс». Мы его недооценили. Придется теперь ломать голову, кого за ним посылать.

— Не надо ломать голову, договорись с первым князем, пусть пошлет туда своих волкодавов. С одной стороны, это будет вы-

глядеть попыткой примирения, попыткой вернуть его расположение, с другой — передачей ответственности. Спросят в конечном счете с него, а не с тебя.

— Хорошо, я подумаю, — скрепя сердце сказал Алексей Харлампиевич; он знал, что князь его недолюбливает, считает выскочкой, и идти к нему на поклон не хотелось. — Лабораторию Федорова мы еще не нашли. Но она где-то недалеко от Костромы, в какой-то из деревень, где изобретатель купил дом. Думаю, скоро мы выйдем на нее. Да что вам далась эта лаборатория? Федоров ведь не занимался разработкой оружия.

— Это как посмотреть, — рассеянно ответил Махаевски, к чему-то прислушиваясь. — В наши времена любое научное открытие можно использовать для создания оружия.

— Я где-то слышал выражение: стоит ученым сделать открытие, как дьявол его крадет, в то время как ангелы дискутируют о лучших способах его применения.

— Ты веришь в дьявола? — поднял брови Махаевски.

— Нет, конечно.

— Теперь вижу, что мы добились главного: благодаря долгой обработке умов население Земли перестало верить в дьявола и пришельцев, в НЛО и полтергейст. Еще немного — и с человечеством можно будет делать что угодно.

— Можно подумать, ты сам служишь дьяволу, — скривил губы Шельмин.

— Ну, это смотря как посмотреть. Что касается лаборатории, то если ее обнаружат твои люди — пусть уничтожат на корню, чтобы и следа не осталось.

Алексей Харлампиевич пристально посмотрел на бесстрастное лицо собеседника, но промолчал.

— Кроме того, желательно, чтобы исчез еще один ваш ученый, — продолжал магистр, — Владимир Леонов, учитель Федорова. Неважно, как вы это сделаете, но он должен... последовать за учеником.

— В чем его вина?

Махаевски перевел взгляд на Шельмина, и в его глазах князь прочитал беспощадное желание повелевать. Впрочем, тон магистра остался прежним:

— Этот человек опасен.

— Кому?

— Нам. Контролерам и манипуляторам социума. Время антигравитационных машин и дармовой энергии вакуума еще не пришло. Работы Леонова могут пошатнуть сложившееся равновесие и ухудшить наше положение. Это недопустимо.

— Именно поэтому вы убрали Федорова?

— Ты догадлив, — снова скривил губы Махаевски.

— Но в таком случае вы... уже владеете секретами антигравитации?

— Разумеется, — кивнул магистр. — Иначе нам не удалось бы контролировать деятельность всей цивилизации. Правда, этой техникой мы пользуемся в крайних случаях, если не справляется техника традиционная. К сожалению, все трудней становится удержать в тайне наши знания и возможности, человечество слишком рьяно рвется в будущее, овладевая новыми, более совершенными технологиями. И Россия здесь впереди планеты всей. Ее надо остановить.

— Россия находится на грани вымирания...

— И тем не менее ее творческий потенциал намного выше творческого потенциала мира в целом. Это нас беспокоит.

— Вот почему вы охотитесь за нашими замороженными гениями-одиночками и учеными?

— Закончим наш разговор, — ушел от прямого ответа Махаевски. — Тебе ни о чем не говорит фамилия Етанов?

Алексей Харлампиевич задумался.

— Редкая фамилия... я знаю только одного человека с фамилией Етанов — главу Русской неохристианской церкви.

— Это он. Тебе надо установить с ним тесный контакт.

— Зачем?!

— Он не просто клирик, патриарх РНХЦ, но и маршал ордена Власти. Серый кардинал, как принято говорить у вас в России. Он дружен со многими членами кабинета министров, с руководителем администрации президента, с премьер-министром и даже с некоторыми силовиками. Именно он оказывает наибольшее влияние на решения вашего правительства. — Махаевски подумал. — И президента. Поэтому его епархия и называется орденом Власти. Я вас познакомлю, и вы поддержите друг друга, где надо.

— Я не понимаю, чем он...

— Конкретные детали узнаешь позже. Если не справишься с ликвидацией нарыва в Костроме, он поможет. В его распоряжении спецгруппа исламских камикадзе, готовая пойти на любую акцию, хотя используют их редко.

— Исламисты... на христианской службе? Бред!

Махаевски рассмеялся.

— Почему тебя это удивляет? При чем тут вообще религия? Для достижения общей цели объединяются даже самые лютые враги.

— И какая же у них цель?

— Догадайся с трех раз. — Магистр допил минералку, с рас-

сеянным видом поглядывая по сторонам; его девицы больше не появились в зале, по-видимому, он отослал их из клуба с каким-то поручением.

— Не хочу гадать, — нахмурился Шельмин.

— Наша цель — а б с о л ю т н а я власть! — веско заявил Махаевски. — Это единственное, ради чего стоит жить на свете. Кстати, ты тоже будешь допущен к этому властному пирогу, когда Россия окончательно покорится нам. Так что будь с нами, князь, не прогадаешь.

Внезапно взгляд Махаевски остановился, весь он мгновенно собрался, застыл, черты лица хищно заострились, ноздри раздулись.

— Фак ю!..

Алексей Харлампиевич проследил направление взгляда собеседника, но увидел в двери на кухню лишь исчезающий силуэт.

— В чем дело?

— Черт побери! — сдавленным голосом произнес Махаевски. — Не может быть...

— Что случилось? Кого ты увидел? — встревожился Шельмин. — Говорил тебе — не рискуй!

Вместо ответа магистр встал... и исчез! Объявился у прохода на кухню, снова исчез, как привидение.

Алексей Харлампиевич почувствовал сосущую пустоту в желудке, но остался на месте, будучи уверенным, что уж ему-то на территории клуба ничто не грозит. Охрана заведения отлично знала свое дело, да и телохранители князя ждали в комнате обслуги неподалеку, так что беспокоиться по большому счету было нечего. И все же князь не сразу совладал с нервами. Чутье на опасность он имел острое, и своей психике доверял.

Махаевски вернулся через несколько минут, поманил Алексея Харлампиевича пальцем. Они вышли в коридор.

— Займись Костромой немедленно, — бросил Махаевски; по его лицу ходили тени. — Чтобы через три-четыре дня все источники беспокойства были устранены.

— Что с тобой? — угрюмо полюбопытствовал Шельмин. — Какая муха тебя укусила?

— Не муха, — бледно улыбнулся магистр, — шершень. И если он действительно был здесь...

— Кто, шершень?

— Это я образно... Есть один человек, очень сильный... но как они разнюхали?!

— О ком ты говоришь, черт возьми?!

Махаевски очнулся.

— Все, до связи, князь. Помни: на все — м о я воля!

Темная сила качнула Алексея Харлампиевича, а когда зрение восстановилось, магистра рядом уже не было. Сомневаясь, что встреча с ним состоялась наяву, Шельмин побрел к выходу из клуба.

ТАРАСОВ**26 декабря**

В разгар лыжного сезона в Европе разразился очередной скандал с допинговым «разоблачением», инициированный главой WADA¹ господином Ричардом Паддлом. В интервью, данном мистером Паддлом шведскому «Radiosporten», он заявил о готовящейся дисквалификации большого количества лыжников и конькобежцев, среди которых оказались семеро известнейших российских спортсменов и пятеро спортсменов Германии.

Паддла поддержал руководитель медицинской комиссии Международной лыжной федерации (FIS) Берт Салкинг, безапелляционно обвинивший федерации зимних видов спорта этих стран в «противодействии закону».

Кроме того, еще один известный спортивный чиновник, член CAS — Арбитражного спортивного суда Клайв Пенюс подтвердил выводы суда о виновности лыжников и конькобежцев, назвав их «преступниками от спорта». На доводы юристов и адвокатов, защищавших права спортсменов обеих стран, этот деятель лишь издевательски пожимал плечами и переводил процесс в плоскость юридических заморочек, по существу уничтожавших доказательства невинности спортсменов.

К этим трем «законникам» присоединилась и генеральный секретарь FIS Клара Люис-Долбон, также обвинившая спортивные федерации России и Германии в «сговоре с целью фальсификации результатов чемпионатов мира и Олимпийских игр», что соответствовало истине с точностью до наоборот.

Сговор действительно имел место, но — со стороны указанных чиновников и их покровителей. Таким способом они хотели исключить из соревнований сильнейших лыжников, конькобежцев, саночников, прыгунов с трамплина и слаломистов, претендовавших на «золото». Уж очень им хотелось добиться пересмотра пьедестала, верхние места которого уже на протяжении многих лет принадлежали российским, немецким, финским и австрийским спортсменам. Не мытьем, так катаньем. Не смогли спортсмены стран, которые представляли чиновники FIS, WADA,

¹ WADA — Всемирное антидопинговое агентство.

CAS, Международного олимпийского комитета, завоевать первые места в честном состязании, почему бы не устранить конкурентов иным путем? С помощью «антидопинговой кампании»?

Скандал грянул.

Федерации России и Германии подали иск в Европейский суд по правам человека на всех причастных к скандалу лиц, но выиграть процесс не смогли. В европейских судах, особенно в датских и французских, сидели друзья поименованных чиновников, отстаивающие «права человека» в соответствии с двойными стандартами. И дисквалифицированные по решению WADA российские лыжники и немецкие конькобежцы так и не добились справедливости.

А двадцать шестого декабря всю Европу потрясло известие о гибели президента WADA Ричарда Паддла, руководителя медицинской комиссии FIS Берта Салкинга, судьи CAS Клайва Пенюса, директора шведской компании IDTM, отвечающей за проведение допинг-контроля, Рольфа Свенссона и генерального секретаря FIS Клары Люис-Долбон. Все они были взорваны в офисе компании IDTM в Стокгольме во время совещания. Соединение было неофициальным, никто из чиновников его не афишировал, деятели европейского и североамериканского спорта встретились тайком, чтобы обсудить возникшие проблемы. Но их вычислили и взорвали.

О том, что речь не идет ни о каком несчастном случае — взрыве газа или возгорании электропроводки, мировая общественность узнала сразу же после трагедии от вездесущих журналистов. Первым прибыл к месту взрыва корреспондент радио «Свобода», и ему удалось заснять на видеокамеру дымящийся офис IDTM и найденный полицейскими клочок бумаги с надписью на английском языке: «Каждому воздастся по делам его. Будьте людьми, судите по совести...»

Ответственность за взрыв и ликвидацию столь важных чиновников не взяла на себя ни одна террористическая организация в мире. Да и не могла взять. Потому что это было делом рук отряда Тарасова.

Два дня они добирались до Швеции, готовились к операции и ждали момента. Когда же им предложили взорвать офис в Стокгольме — согласились без колебаний. Более удобный случай трудно было представить. Лишь моральная сторона дела заставила Владислава колебаться и сомневаться в правильности выбранного способа ликвидации объекта. Чиновников он жалел меньше всего, это были форменные подонки с благообразными манерами, но в сферу взрыва могли попасть случайные люди, а этого допустить было нельзя. Поэтому операция разрабатыва-

лась с учетом всех возможных последствий и была проведена с ювелирной тщательностью.

Поскольку здание IDTM хорошо охранялось и проникнуть внутрь незамеченными не представлялось возможным, группа Тарасова остановилась на самом простом и авантюрном варианте.

Окна зала заседаний компании выходили на авеню Штиргаузен, славившуюся тишиной и зелеными насаждениями. Магазинов улица имела мало, зато много разного рода деловых контор и фирм. Из квартиры на втором этаже, располагавшейся над одной такой фирмой, и были сделаны два выстрела из гранатомета, найденного потом полицией на месте преступления; гранатомет оказался китайского производства.

Первый выстрел пробил пуленепробиваемое окно офиса IDTM, а второй угодил в дыру и разнес в клочья всех, кто находился внутри помещения; граната, проделавшая это, была особо мощной, сделанной в Израиле, и спастись от взрыва никому из заседавших чиновников не удалось. По счастливой случайности погибли только они, чувствующие себя в полной безопасности и считавшие весь мир за стенами офиса принадлежащим им. То есть тем, кому все дозволено. Однако они просчитались и были наказаны, что должно было послужить хорошим уроком их последователям. Весь мир должен был осознать, что существует высшая справедливость, которую игнорировать нельзя уже в этой жизни. Так что задумайтесь, господа...

«Так что задумайтесь, господа воры и грабители», — повторил про себя Тарасов, когда группа собралась на конспиративной квартире в столице Дании. Их работа еще не закончилась. В Копенгагене группу должны были вывести на новую цель — чиновников датского парламента, поддерживающих чеченских эмиссаров и открыто помогавших датскому Комитету защиты Чечни. Кроме того, во Франции группе также предстояло поработать с «клиентами», среди которых была судья муниципального парижского суда мадам Бове, вопреки доказательствам и здравому смыслу отнявшая своим решением ребенка у матери — российской гражданки. Плюс французские чиновники, проявившие себя большими «гуманистами», друзьями «чеченских борцов за свободу», которые начали настоящую охоту за российскими самолетами в небе Франции.

Собравшись в небольшой двухкомнатной квартирке на улице Ривассе, члены группы СОС завалились спать: сказалось дикое нервное напряжение последних дней. Однако поспать им удалось всего около трех часов. Вечером двадцать шестого декабря

звонок по мобильному телефону разбудил Тарасова. Выслушав сообщение, Владислав разбудил остальных.

— Подъем, лежебоки! У нас всего два часа на подготовку и выход к цели.

— Эх, командир, — с сожалением проговорил Хохол, протирая кулаком глаза. — Такой сон пропал!

— Небось сало ел? — съехидничал Нос, не упускавший случая подшутить над «братом-славянином».

— Сало — це проза жизни, — не обиделся Сергиевский, — я девушку раздевал.

— Тю! — удивился Нос. — И тебя достала местная секс-реклама?

— Не обращай на него внимания, — посоветовал Хохлу Инженер, — он просто завидует. Кстати, а зачем ты девушку-то раздевал?

Гроза и Хан засмеялись.

— Я люблю долго раздевать женщину, — с той же мечтательной интонацией проговорил Хохол. — Это был такой кайф...

— Ожидание удовольствия сравнимо с самим удовольствием, — сказал Батон со знанием дела. — Я вот помню...

— Отставить базар! — повысил голос Тарасов. — Пять минут на туалет и в путь. Нас ждут.

— Кто на сей раз? — стал серьезным Нос.

— Два местных политика, руководители Комитета в поддержку освободителей Чечни.

— Ну, этих я замочу, не моргнув глазом.

— Работать будут двое, Инженер и Гроза. Остальным — обеспечение скрытности и отхода. Полиция в Дании ленивая, но лучше на глаза ей не попадаться. Сразу после операции улетаем в Париж.

— Не нервничай, командир, — пожал плечами Хан, — это же наш штатный режим. Все пройдет как по маслу.

— Поехали.

Тарасов не стал объяснять подчиненным, что волнуется он по другой причине: бойцы группы были слишком спокойны, уверены в себе, и это их скрытое пренебрежение к опасности могло сыграть злую шутку.

Но система наведения СОС и на сей раз сработала безупречно.

Политики, о которых говорил Тарасов, занимались еще и бизнесом — их фирма оказывала ритуальные услуги и продавала гробы, поэтому группа целеуказания вывела отряд Владислава точно в нужное место: на Бюргерплац на окраине Копенгагена, где располагалась фирма. Служба снабжения за беспрецедентно

короткое время выполнила заказ Тарасова. Служба доставки перевезла отряд к офису фирмы. Группа поддержки переодела и загримировала бойцов, изменив их облик. Группа разведки заняла эфир и взяла под контроль передвижение и переговоры копенгагенской полиции. В двадцать часов ноль две минуты по местному времени команда Тарасова приступила к операции.

Фирма ритуальных услуг «ИГ-Мортиал» была создана чуть ли не полстолетия назад и зарекомендовала себя с самой лучшей стороны. Ее гробы славились по всей Дании изяществом отделки. К тому же не было такого заказа, который фирма не выполнила бы. К примеру, один из таких клиентов заказал гроб для своего родителя из спрессованной скорлупы фисташек, другой — из осколков битой стеклянной посуды. Фирма выполняла заказы. Но она не только изготавливала гробы, но и помогала кремировать усопших по желанию родственников. Одна прогрессивная дама решила сделать из пепла своей покойной мамочки картину, нарисовала абстрактный пейзаж, сверху особым раствором приклеила прах усопшей, повесила картину на стену и тем самым чудесно «облагородила» гостиную.

Однако она была не самой экстравагантной в своем «творчестве». Ее друзья пошли дальше, изготавливая из праха родичей собственные портреты. Естественно, фирма «ИГ-Мортиал» шла навстречу таким клиентам. О моральном уродстве этих людей речь не шла, ведь они платили за услуги хорошие деньги, так почему бы не помочь? Почему не положить в гроб мобильный телефон, если того хочет клиент? Вдруг покойник оживет и позвонит родным — сообщить радостную весть. Или почему не сделать двухместный гроб, оставить, так сказать, место для супруги и супруга? Приятно же знать, что тебе уже уготован уютный уголок рядом с любимым человеком...

В общем, фирма делала все, чтобы угодить своим клиентам, а ее руководители с такой же охотой делали все, чтобы угодить другим клиентам — террористам любого вероисповедания, и на этом поприще заработали славу «великих борцов за права человека».

Вечером двадцать шестого декабря они приехали на фирму, чтобы обсудить свои планы. Пробыв в офисе фирмы полтора часа, оба ее директора в половине десятого сели в новейший «Мерседес», собираясь поехать в ресторан на ужин. В этот момент к зданию фирмы подкатили на мотоциклах двое полицейских и вежливо попросили водителя выйти из машины. На вопрос сидевших в салоне «гробовых президентов»: «В чем дело?» — полицейский — негр — ответил по-английски, улыбаясь: «Все в порядке, проверка документов». Второй полицейский усадил во-

дителя на заднее сиденье мотоцикла и умчался. Первый же стал энергично убеждать прохожих отойти подальше от автостоянки. Затем тоже сел на мотоцикл и уехал. А через несколько секунд «Мерседес» с пассажирами взлетел на воздух...

В двадцать два часа сорок минут из аэропорта столицы Дании отправился в полет аэробус, на борту которого находились и бойцы группы СОС. Аэробус направлялся в столицу Франции. Полицейские догадались перекрыть аэропорт в связи с «террористическим актом» в Копенгагене только два с лишним часа спустя, когда аэробус уже шел на посадку в Ле-Бурже.

Когда-то скорость проведения операций поражала Тарасова. Пройдя большую армейскую и житейскую школу, он не привык особенно полагаться на взаимодействие спецслужб, зачастую мешающих друг другу. Но подразделения СОС Русского национального ордена, составляющие основу пирамиды сил и связей, которая выводила на цель «истребитель» оперативной команды, еще ни разу не подвели, и Тарасов почти не беспокоился о точности целеуказаний и не сомневался в необходимости проведения операций.

Из аэропорта группа отправилась по указанному адресу; мобильная связь имела очевидное преимущество перед другими средствами связи, а тем более — защищенная компьютерной криптосистемой, и позволяла получать необходимые данные практически в любой точке земного шара. На квартире, снятой для группы квартирьерской службой СОС, Тарасов проинструктировал каждого, добиваясь полной ясности задания, и все снова завалились спать. Сорок минут, проведенные в самолете, никого не удовлетворили.

Спали до часу дня.

Потом Тарасов включил особый прибор ЭЗИМ — электронный звуковой имитатор и позвонил в приемную суда кантона Марэ, где работала мадам Бове. Говорил он от имени префекта кантона месье Помероля, который вежливо просил мадам встретиться с ним на рю Риволи «для конфиденциальной беседы». Мадам удивилась такой просьбе, но согласилась встретиться, так как не имела причин не доверять такому известному человеку. Который, кстати, всегда поддерживал судью в отстаивании «европейских ценностей и свобод».

В три часа пополудни мадам Бове подъехала к магазину женского белья на рю Риволи в белоснежном «Рено Лагуна». Ее сопровождали двое молодых людей в кожаных пальто, похожие друг на друга как близнецы. Мадам Бове, тяжелым квадратным

лицом, набрякшими веками и узкими губами похожая больше на трансвестита, чем на женщину, огляделась, префекта не увидела и недовольно посмотрела на часы. Свое время она ценила.

В этот момент спящий прямо на тротуаре, под витриной с дамскими аксессуарами, бомж разлепил глаза и грязно выругался, показывая пальцем на выглядывающую из машины судью. Это не понравилось телохранителям, и они вылезли из кабины, подошли к бомжу, повторявшему все те же четыре слова (больше по-французски Гроза ничего не знал, да и клошаром был временным), попытались его остановить. Тщетно. Тогда парни решили убрать бомжа с этого места. Завязалась легкая потасовка.

В кабину «Рено» вдруг стремительно ворвались два негра, и один из них, воткнув водителю в спину ствол пистолета, сказал только одно слово:

— Поехали!

Когда телохранители судьи Бове оглянулись, разгоряченные дракой, машина их босса уже вырливалась к Елисейским Полям. Они бросились было в погоню, но тут же потеряли машину из виду, а когда, заподозрив неладное, вернулись к магазину, бомжа там уже не было.

Ехали недолго. На площади Пигаль негр приказал водителю остановиться и ударил его рукояткой пистолета по голове. Водитель отключился.

— Выходи! — приказал негр судье; говорил он по-французски с акцентом. — Закричишь — пристрелю!

Не совсем понимающая, что происходит, мадам Бове кивнула, и все трое направились под ручку к фуникулеру, поднимавшему жителей и гостей города с площади на Монмартр. Миновав шеренгу уличных рисовальщиков, троица добралась до станции метро Абиссе и свернула к кварталу старых трех-четырёхэтажных зданий, прошла мимо ресторана «Мама Катя», поднялась на третий этаж старого дома. Негр открыл дверь грязной квартиры, где воняло камфарой, мочой и мускусом.

— Куда вы меня ведете?! — опомнилась наконец судья.

Никто ей не ответил.

Негры молча связали женщину, заклеили ей рот. Потом заговорили по-английски, точнее, заспорили — убить ее сразу или сначала помучить? Спорили недолго (мадам Бове побелела от ужаса, вдруг сообразив, что шутками здесь не пахнет), победил здоровенный негр в очках (Инженер), требующий убить судью немедленно. И в это время во дворе дома взвыла полицейская сирена.

Негры замерли, переглянулись, подкрались к окну, выглянули во двор, залопотали на каком-то тарабарском языке и кинулись

к двери. Но один вернулся, процедил сквозь зубы на плохом французском:

— Мы еще вернемся!

Бросив к ногам обмершей со страху женщины клочок бумаги с надписью на английском: «Суди по совести!» — он скрылся вслед за своим напарником. Хлопнула дверь. Наступила тишина.

Мадам Бове просидела привязанной к стулу больше часа, пока не поняла, что чудом осталась жива и кошмар кончился. Лишь после этого она попыталась освободиться или хотя бы позвать на помощь. Спустя еще час ее обнаружили на лестнице — со стулом — жители дома.

Команда Тарасова к этому времени, освободившись от грима и одежды «негров», находилась в воздухе. Аэробус «А-300» нес их в своем чреве в Германию.

Там они тоже не задержались, и в шесть часов утра двадцать восьмого декабря по московскому времени Тарасов сошел с борта самолета в аэропорту Шереметьево-2. В общей сложности группа за пять дней совершила вояж по Европе длиной в девять тысяч километров и выполнила три задания «по защите государственных интересов в особо сложных условиях».

На звонок ответил уверенный женский голос:

— Алло? Кто говорит?

— Извините, — пробормотал Тарасов, — Яну можно к телефону?

— Кто ее спрашивает?

«Владислав», — чуть было не брякнул Тарасов.

— Роман.

Пауза.

— Ее нет дома.

— А где я мог бы ее найти? Мобильник не отвечает...

— Она поехала на выставку.

— Вы имеете в виду ВВЦ?

— Нет, она поехала на выставку ледовой скульптуры в сад Баумана. — Еще одна пауза. — Вместе с Геннадием.

— Понятно, — пробормотал Тарасов. — Извините... — Он хотел положить трубку, но собеседница вдруг быстро сказала:

— Яна не хотела ехать... если не побоитесь, найдите ее там, она будет рада.

— Вы так думаете?

Собеседница — очевидно, мать Яны — хмыкнула.

— Я это знаю, молодой человек. Мой вам совет: начали — за-

канчивайте! Не останавливайтесь на полдороге. Я вас не знаю совсем, но дочь рассказывала... Если вы... — Она замолчала.

— Как честный человек, я теперь обязан жениться, — улыбнулся Тарасов.

— Где-то так, — улыбнулась, по-видимому, в ответ мать Яны. — Наверно, вы действительно сильный человек и сможете изменить...

Он подождал продолжения.

— Что?

— Существующее положение вещей. Жизнь Янки. Геннадий ей не пара. Всего хорошего.

В трубке послышались гудки отбоя.

— Он и мать достал... — вслух проговорил Тарасов. — Что ж, спасибо за совет, мамуля. Я им, пожалуй, воспользуюсь. Пора окончательно отвадить этого козла ходить в наш огород.

Подумав, он набрал номер телефона Грозы:

— Лейтенант, ты сильно занят?

— Собираюсь завалиться спать. Вот только пивка хлебну. А что?

— Собери ребят и подъезжай с ними к саду Баумана.

— Зачем? Нам дали новое задание?

— Вы нужны мне лично. Увидите меня, сразу не подходите, но будьте рядом. Может быть, ваша помощь и не понадобится. Однако этот наглец уважает только силу, поэтому стоит эту силу показать, чтобы он запомнил на всю жизнь.

— Ты кого имеешь в виду?

— Одного очень нехорошего человека.

— Понял. Через час будем на месте.

Тарасов потрогал щетину на подбородке, взялся было за бритву, но потом решил не тратить время на прихорашивание. Вид у него был еще тот: глаза ввалились, нос заострился, щеки впали, колючая поросль усеяла подбородок — сразу видно, серьезный мужчина. Лучше с таким не связываться.

Владислав усмехнулся и начал переодеваться.

Через сорок минут он оставил машину возле метро и направился к саду имени Баумана, на территории которого проходил международный фестиваль и выставка ледовых скульптур «Сказки народов мира». Яну Тарасов не осуждал. Они еще неделю назад договаривались посетить выставку, но потом он улетел на задание, а она, не дождавшись его возвращения (он даже позвонил только один раз — из Германии), приняла, очевидно, предложение Геннадия. Хотя мог быть и другой вариант: бывший друг-любовник (мужем назвать его не поворачивался язык), поддерживаемый отцом Яны, просто заставил ее пойти с ним силой.

Нынешний сад имени Баумана некогда представлял собой усадьбу Голицыных. Потом она на некоторое время попала в собственность московских купцов. В начале двадцатого века князь Голицын Николай Дмитриевич выкупил свою бывшую усадьбу на Старой Басманной и передал ее Москве для устройства городского сада. В советские времена к саду присоединили территории трех соседних усадеб, и здесь появились грот, горка и вековые дубы. Имя саду дали автоматически: все вокруг носило имя знаменитого революционера — район, станция метро и памятник. На эстраде сада часто проходили концерты, устраивались танцы для молодежи и по вечерам показывали кино.

В начале девяностых годов прошлого века вокруг этого уголка патриархальной Москвы развернулось настоящее сражение, инициированное желающими его купить. Но жители района отстаивали свое достоинство, и сад начал возрождаться. Практически каждый год здесь проходят массовые гулянья и проводятся праздничные мероприятия. Выставка ледовой скульптуры была одним из таких мероприятий, на которое съезжались не только жители Москвы, но и гости из других городов России.

За резной чугунной оградой сада появилась чудесная сказочная страна. Ледяные сфинксы, драконы и чудовища располагались рядом с добрыми волшебниками, Снегурочками, Дедами Морозами, принцессами и невиданной красоты дворцами и цветочными композициями, подсвеченными изнутри. Тарасов едва не загляделся на шеренги скульптур, каждая из которых вполне могла претендовать на первый приз.

Яну он увидел неожиданно.

Девушка стояла у двухметрового ледяного самовара, уйдя мыслями в себя. На ней была синего цвета дубленка с голубым мехом несуществующего животного, голубой пушистый шарфик, стягивающий волосы, и голубые сапожки. Руки она прятала в такого же цвета муфту. Рядом с ней никого не было. Но, судя по обреченному виду девушки, ее приятели-конвоиры находились где-то поблизости. Зрители подходили, разглядывали самовар, шутили или восхищались, смеялись, брели дальше, а она все смотрела перед собой как зачарованная и ничего не замечала.

Тарасов подошел к ней, молча стал рядом, глядя на светящийся самовар.

Яна продолжала стоять в той же позе. Глаза ее были широко раскрыты, но вряд ли она что-либо видела. Потом она все-таки почувствовала чье-то присутствие, бросила на Владислава косой взгляд, тут же отвернулась... и снова медленно повернула голову к нему. С минуту смотрела, вспоминая, будто всплывала из глу-

бин океана непонимания, и вдруг с тихим сдавленным вскриком «Роман!» бросилась к нему на шею.

— Осторожно, — недовольно проговорил Тарасов, пытаясь удержать рванувшееся галопом сердце. — Уколешься, я уже год не брился. Привет. Вот, случайно проходил мимо, дай, думаю, загляну в сад. Такая неожиданная встреча.

— Это ты! — выдохнула она, прижимаясь к нему всем телом. — Это действительно ты! Приехал! Господи, как же я тебя ждала! Ты не представляешь!

— Я звонил, но твой мобильник почему-то молчит, как партизан.

— Геннадий разбил его... уведи меня отсюда! Они пошли за пивом и сейчас придут.

— Не бойтесь, сударыня, я здесь, с вами, и все теперь будет хорошо. Хотелось бы посмотреть на выставку, великолепное зрелище.

Она зябко передернула плечами.

— Я уже насмотрелась, не хочу больше. Пошли отсюда, пожалуйста.

— Как скажешь.

— Ни хрена себе! — раздался сзади чей-то удивленно-язвительный голос. — Стоило ее оставить на минуту, как она хахаля нашла!

Тарасов оглянулся.

Раздвигая поток гуляющих по саду людей, к ним подходили четверо парней в меховых шубах и вязаных шапочках. Один из них, без шапки, с гривой рыжих волос, держал в руках две банки пива. Это был Геннадий.

— Ба, знакомые лица, — продолжал компаньон отца Яны с кривой ухмылкой. — Наш ухажер заявился. Как говорится, на ловца и зверь.

Тарасов вспомнил фразу из речи одного из депутатов Госдумы: «Водка помогает нам вести нормальный образ жизни».

Глаза Геннадия сузились. Несмотря на состояние «подшофе», он заметил легкую усмешку, скользнувшую по губам Тарасова.

— Что ухмыляешься, каратист? Давно не били? Так мы ша исправим упущение. Я же тебя предупреждал: не лезь к моей бабе!

— Я тоже предупреждал, — тихо проговорил Владислав, сатанея. — Очевидно, поганец, ты не понял. Это последняя капля!

Парни, сопровождавшие Геннадия, переглянулись и дружно заржали.

— И что же ты сделаешь, каратист? — с той же кривой ус-

мешкой поинтересовался бывший муж-приятель Яны. — Неужели поколотишь всех четверых? Может, ты и от пули увернешься? Давай, покажи класс.

Один из парней, с усами и сигаретой в зубах, вытащил пистолет.

Яна вздрогнула, вцепилась в локоть Тарасова.

— Не связывайся с ними! Лучше я...

— Не волнуйся. — Он мягко снял с локтя руку девушки. — Отойди в сторонку.

— Вот это по-мужски, — широко осклабился парень с усами. — Покажи нам, как надо «качать маятник». Умеешь?

— Вы сами этого хотели, — глухо сказал Тарасов.

В ту же секунду слева и справа от парней, полукругом оцепивших Владислава и Яну, выросли две фигуры. Раздались глухие удары. Двое парней беззвучно сложились пополам, упали на очищенную от снега асфальтовую дорожку. Парень с пистолетом повернул голову налево, и Тарасов прыгнул вперед, туго толкнув телом воздух.

Реакция у приятеля Геннадия была неплохой. Он даже успел отпрянуть в сторону и нажать на курок, выворачивая пистолет особым приемом — «по-спецназовски», то есть плоскостью рукояти параллельно земле, — но пистолет стоял на предохранителе, и выстрел не прозвучал.

Тарасов выбил оружие из руки усатого (прием «клешни краба») и коротким, но мощным ударом в челюсть послал его в долгое путешествие «по астралу». Получись удар чуть побыстрее, потребовалось бы немедленное вмешательство врачей. Но Владислав инстинктивно остановил руку, в глубине души не чувствуя ненависти к недоумкам, считавшим себя повелителями жизни.

На мгновение начавшееся движение прекратилось. Все, кто в это время находился поблизости от места инцидента — посетители сада, Геннадий, Яна, команда Тарасова, — замерли. Потом Владислав кивнул подчиненным и сделал шаг к побледневшему, стоявшему с вытаращенными глазами — банки пива в разведенных в стороны руках — «благодетелю» семьи Яны.

— Слушай внимательно, засранец!

Геннадий затравленно оглянулся, бросил пиво на снег, сунул было руку под полу своего мохнатого пальто, но увидел черные, полные жестокого обещания глаза противника и перетрусил.

— Чех-хо... — голос сорвался, и он повторил: — Чег-хо тебе н-надо?

— Повторять больше не буду, мразь! Еще раз приблизишься

к Яне или к ее дому на километр — убью! Начнешь искать меня — убью! Пожалуешься своему боссу — убью! Понял?!

Тарасов сделал еще шаг, и Геннадий испуганно загорodился рукой.

— Х-хошо... х-хорошо...

— Пшел вон!

Геннадий отшатнулся, потя и бледнея еще больше, и торопливо засеменил прочь.

— Может, мы тут еще погуляем, командир? — поинтересовался Гроза, поглядывая на Яну. — Для страховки.

Тарасов пожал руки Батону и Грозе, помахал маячившему в отдалении Хану.

— Спасибо, орлы. Можете отдыхать.

— Понадобимся — звони, командир. Но мы тут еще все-таки побродим.

Тарасов повернулся спиной к троице парней, с трудом прихихивавших в себя, и взял под руку Яну.

— Все в порядке, малыш. Куда пойдем?

— С ума сойти можно! — опомнилась девушка. — Я ничего не поняла...

— Не бери в голову. Куда пойдем? Можем в ресторан, я есть хочу, можем поехать ко мне.

— Я боюсь в ресторан...

— Прекратить бояться! — нарочито строго сказал Тарасов. — Больше ты своего бывшего дружка не увидишь, обещаю!

Яна несмело улыбнулась.

— Как здорово, что ты приехал! Расскажешь, где был?

— В Европах отдыхал.

— А что делал?

— Порядок наводил. Чем меньше государство, тем больше у его вождей спеси и амбиций. Таких надо лечить. Вот я этим и занимался.

Они двинулись мимо шеренги ледяных скульптур, которые обтекала толпа отдыхающих. Приятели Геннадия, с трудом пришедшие в себя, догонять обидчика не решились. Они наконец осознали, что есть более крутые конторы, чем та, в которой служит их босс.

— Кто были те люди? — спросила Яна.

— Какие?

— Что помогли нам.

— Мои друзья.

— Классные у тебя друзья! Они твои телохранители? Или тоже служат в твоём спецназе?

— Бойцы моего подразделения. А телохранители мне не нуж-

ны. Охрана нужна только бизнесменам, олигархам да большим чиновникам.

Яна засмеялась.

Он вопросительно посмотрел на нее.

— Что смешного я сказал?

— Нет, это я вспомнила фразу бывшего нашего министра иностранных дел: «Начальник охраны иногда ближе, чем жена. Это в хорошем смысле».

Тарасов кивнул с улыбкой.

— По части косноязычия наши чиновники не имеют равных в мире. Недавно смотрел новости, так там один депутат, человек известный, заявил, что «нет необходимости решать, кто из нас сильнее и чаще любит Россию».

Яна снова засмеялась. Уверенность и спокойствие спутника передались и ей, и настроение девушки заметно улучшилось. Она крепче сжала его локоть.

— Господи, как хорошо, что ты меня нашел!

Владислав остановился, повернул ее к себе, они поцеловались, не обращая внимания на окружающих.

Мелькнувший в толпе Гроза поднял большой палец, и Тарасов незаметно показал ему кулак. Ухмыльнувшийся лейтенант исчез.

Уже на выходе из сада закудахтал мобильник.

— Тарасов, — сказал Владислав, включая телефон.

Яна удивленно посмотрела на него, и он понял, что проговорился. Она знала его под другой фамилией.

— Когда освободитесь, забегите ко мне, — раздался в трубке голос воеводы Николая, мало чем отличавшийся от ушата холодной воды.

— Может быть, завтра? — мягко попытался Тарасов выразить свое недовольство.

Воевода понял.

— Можно завтра утром.

— Далеко?

— В Кострому.

Тарасов недоуменно хмыкнул.

— Я не ослышался?

— Подробности при встрече, полковник. — Связь прервалась.

— Тебе опять надо уезжать? — огорчилась Яна.

— Завтра, — сказал Владислав. — Не расстраивайся. У нас впереди вечер и ночь. К тому же я не собираюсь уезжать надолго.

Он не знал, зачем его посылают в русский город, располагавшийся всего в пяти часах езды от Москвы, однако надеялся, что командировка не займет много времени. Рядом была любимая женщина, и думать о деле не хотелось.

Млада спала, свернувшись в клубочек, и лицо у нее было тихо-умиротворенное, чистое и спокойное. Возможно, она уже привыкла к своему положению за щ и щ е н н о й женщины и перестала вспоминать былую жизнь, полную страхов и стрессов.

Андрей поправил одеяло, бесшумно выскользнул из спальни.

Несмотря на позднее утро — стрелка часов миновала цифру «восемь», было еще темно, и квартиру освещали только оранжевые лучи дворового фонаря.

• Володя Кабанов еще спал. Вставал он по обыкновению около девяти, а потом в темпе приводил себя в порядок, пил кофе и мчался на работу.

Андрей вышел в коридорчик, привычно прислушиваясь к долетавшим в квартиру сквозь стены звукам. Дом, где жил Кабанов, был рабочим, большинство его обитателей уже проснулось и приводило себя в порядок, чтобы «на автомате» пойти на работу. Дом скрипел паркетом, сопел, шелестел, шагал, пел трубами туалетов и умывальников и напоминал разбуженный улей.

Почистив зубы, Андрей сел на коврик в гостиной и приготовился к упражнению «осознание Мира». Упражнение включало в себя семь «вхождений» в измененное состояние сознания и начиналось со ступени сосредоточения на самом себе, на своем физическом теле.

Через три минуты Андрей чувствовал каждую мышцу, каждый сосудик, каждый нейрон нервной системы. Сердце заработало медленней, спокойнее, но мощнее. Легкие тоже изменили ритм вдоха-выдоха, прокачивая большие объемы воздуха за короткое время — для более интенсивного насыщения крови кислородом. Голова начала кружиться, затем обрела «опору» и прояснилась.

Андрей стал видеть-ощущать всю квартиру со всеми ее спящими обитателями, включая кошку, затем горизонт видения расширился, охватил все здание, заполненное тысячами разнообразных звуков.

Третий уровень «вхождения» позволил ему сосредоточиться на городе — как на скоплении психо-силовых структур, образующих полевую сеть единого организма. Этому организму не хватало многоуровневой организации, и он не представлял собой разумную систему, но безусловно был ж и в ы м — на «тонком» полевом плане — организмом.

Сфера сознания Данилина превратилась в расширяющееся с космической скоростью световое облако и охватило всю планету.

Он ощутил ее неимоверную сложность и массу, связанные между собой системы потоков энергии, текущих по замкнутым петлям в глубинах океанов и в недрах коры и мантии, медленную пульсацию ядра и еще более медленные изменения конфигурации силовых структур воздушной оболочки. Земля тоже представляла собой живой организм, только более сложный, многомерный, принимающий и излучающий энергию и, возможно, думающий. Только думающий иначе, не так, как человек. «Мыслями» планеты были ее природные явления, материализованные состояния стихий, еще не познанные людьми. И эти состояния, подключаясь к сфере сознания Андрея, раскрывали ему тайны бытия всей планеты. Деяния людей, губительно сказывающиеся на ее экологическом балансе, заставляли Землю, как масштабную живую систему, включать свои защитные системы, и Андрей давно сделал вывод, что, если понадобится, эти защитные системы просто уничтожат человечество, сотрут цивилизацию с лица планеты, как это уже случилось в прошлом.

Сознание охватило всю Солнечную систему, еще одну живую и динамическую структуру более высокого уровня. «Мозгом» этой структуры было Солнце, планеты же представляли собой «периферийные органы» или «нервные узлы». Если бы Андрей захотел, он, наверное, смог бы разглядеть поверхность любой из планет или отыскать в пространстве запущенные людьми космические аппараты. Однажды, в начале тренировок с пси-драйвом, он попытался это сделать и действительно обнаружил летящий уже за орбитой Плутона американский «Пионер», поврежденный ударом метеорита, но не разрушенный полностью. Интересно было посмотреть и на российский «Марс-грунт», летящий к Марсу и еще подающий признаки жизни.

Андрей почувствовал нехватку внутреннего тепла и заторопился. Шестой уровень — галактический — он проскочил, не задерживаясь на созерцании великолепного вида родной Галактики, включающей двести миллиардов звезд, и ее сияющего ядра — балджа. Сознание превратилось в пустоту, и он наконец вышел на седьмой уровень иерархии — вселенский.

Обычно сознание тут же отключалось, так как не в состоянии было «объять необъятное», оценить масштабы Мироздания и понять его запредельные, недоступные обычному человеку «этажи». Но на этот раз Андрей «краем души» успел зацепить сетчатую структуру Вселенной и на мгновение ощутить биение «мысли Бога», то есть понять грандиозность всей сверхмногомерной и суперсложной структуры Мира. Затем свет истинны померк перед глазами, и он провалился в темную бездну небытия.

Очнулся от ясного осознания опасности.

Встрепенулся, замирая и прислушиваясь к темноте вокруг, «растопырил пальцы» вневещественного восприятия.

Ощущение опасности притупилось, дом и его окрестности не несли ему неприятностей и бед. Но все же он понял, что в городе снова появилась вражья сила, которая, еще не найдя Данилина, уже тянула к нему щупальца злого намерения.

Собственно, ради оценки положения и вероятностных жизненных осложнений Андрей и выходил в «астрал» — общее энергоинформационное поле Вселенной. Но прогноз его не удивил и не обрадовал. Ситуация снова требовала выбора: защищаться, воевать со злом или бежать от него. И ни тот, ни другой вариант не гарантировали спокойной жизни и благополучного завершения конфликта с неизвестными «масонами».

Размышляя над этим, он сделал зарядку, принял душ и приготовил на кухне завтрак: Володе поджарил «Докторской» колбасы, себе сделал яичницу, Млада сварил манную кашу. Когда он уже заваривал чай, на кухне появился сонный Кабанов в пижаме.

— Хозяйственный ты мужик, Данилин. Повезло твоей жене. А вот моей нет, я готовить совершенно не умею. Разве что банку тушенки способен открыть.

— Просто ты никогда не голодал, — пошутил Андрей. — Пожил бы с недельку на необитаемом острове — живо научился бы готовить.

— Жуть какая! — покачал головой Володя. — Я человек городской, меня на необитаемый остров трактором не затащишь. А если бы я там ненароком оказался, нашел бы аборигеночку, чтобы кормила меня и поила.

Почесывая волосатую грудь, он удалился в ванную.

Андрей снял фартук, тихонько открыл дверь в спальню, и тут же его шею обвили теплые тонкие руки и теплые губы поцеловали в ухо.

— Я уже давно не сплю. Не знаю, почему я такая нервная, но стоит тебе уйти, и я просыпаюсь.

Он поцеловал женщину, мягко коснулся пальцами ее округлившегося живота.

— Как там маленький? Еще не бегает?

— Не бегает, — засмеялась Млада, — но уже сучит ножками. Особенно когда хочет есть.

— Завтрак готов.

— Данилин, ты чудо!

— Не ты первая мне это говоришь, — скромно заявил он.

Млада огорчилась.

— Значит, ты бабник?

Он засмеялся в ответ.

— Иногда я получаю комплименты от мужчин. Давай, отнесу тебя в ванную.

— Володя еще спит?

— Умывается.

— Тогда сама дойду.

Вскоре они завтракали вдвоем, обмениваясь впечатлениями от просмотра поздним вечером отечественного боевика из сериала «Запрещенная реальность». Андрею фильм понравился, так как, по его мнению, идея сериала о влиянии на общество Монарха Тьмы — носителя вселенского зла — была нетривиальной. Кабанов же везде и всегда искал слабые стороны явления и, как правило, находил. Зато его мнение о роли телевидения и средств массовой информации в жизни людей вполне совпадало с мнением самого Данилина. Оба считали, что ТВ давно перестало играть роль доброго и полезного информатора, приятного собеседника и компаньона для общения, превратилось в гигантского вампира, питающегося энергией человеческого внимания, интеллекта и эмоций.

— У меня друг работает в аналитическом отделе ФСБ, — добавил Кабанов, допивая кофе. — По его оценке, работа большей части СМИ — это навязывание более низкой энергии, нежели та, которую дает, например, такой способ получения информации, как чтение книг, требующее дополнительных умственных усилий. А телевидение вообще так препарирует информацию, что она изменяется до неузнаваемости.

Андрей кивнул, соглашаясь. Он тоже знал, что система искажения знаний, успешно применяемая руководством каналов ТВ, намеренно наполняет память телезрителя ненужными вторичными знаниями, не дающими ни полноценного удовлетворения, ни ответов на запросы духовного порядка.

— Ну, я поскакал. — Володя помахал всем рукой и скрылся за дверью.

— Что будем делать? — Млада нерешительно посмотрела на задумавшегося Данилина.

— Я отлучусь часа на два, — очнулся он. — Съезжу в церковь, узнаю, где похоронили Анну Игнатьевну, встречу с одним полезным человеком и вернусь. Тебе придется поскучать одной.

Млада улыбнулась.

— А телевизор смотреть можно?

— Можно, — засмеялся он в ответ. — Не обращай внимания на умные разговоры мужчин. Никому не открывай и на звонки не отвечай. В десять выпей ложечку бальзама, не забудь. Его надо пить регулярно. И ни о чем не беспокойся, я всегда буду рядом. Возможно, уже сегодня вечером мы уедем.

— Куда?

— Я тебе говорил — к моим родственникам в Улан-Удэ. Или в Брянск. Но это мы еще обсудим.

Он оделся, поцеловал женщину, не желавшую его отпускать и одновременно не решавшуюся сказать ему об этом, и вышел. Ему самому не хотелось лишний раз гулять по городу, где его могли встретить посланцы-киллеры какого-то секретного ордена, но, прежде чем уезжать из Костромы, надо было утрясти кое-какие проблемы и решить насущные жизненные задачи.

Дьякон Варавва, с которым Данилин договаривался о похоронах Анны Игнатьевны, встретил его хмуро.

— Тело убиенной у нас забрали, — сказал он, отводя глаза. — Приехали из органов, велели отложить похороны и забрали. Нам пришлось сказать, кто ее привез.

Андрей пристально посмотрел на молодого монаха.

— Но ведь вы знаете только мое имя.

— Я так и сказал — привез раб божий Андрей.

Не раб божий, хотел возразить Данилин, и никогда не был рабом, но вслух говорить этого не стал.

— Интересно, откуда органы узнали о смерти Анны Игнатьевны? Не ваши ли братья сообщили им об этом?

— Не суди сам, и не судим будешь, — поднял перст дьякон, снова отводя глаза.

— Понятно. А почему вы решили, что тело забрали сотрудники органов внутренних дел? Они были в форме? Или показали документы?

— Сии деятели были в мирской одежде, но один показал удостоверение офицера, кажется, майора полиции. И я слышал, как он по телефону говорил с кем-то о вашем розыске. Если вы ни в чем не виноваты, я бы посоветовал вам пойти к властям и все рассказать.

— Боюсь, они мне не поверят, — качнул головой Андрей. — Но все равно спасибо за совет. До свидания.

— Бог в помощь, — поклонился дьякон, пряча руки в рукава рясы.

Андрей вышел с территории церкви, побрел к остановке автобуса, жалея, что не может воспользоваться своей «Надеждой». Вспомнил долгие разговоры со старой учительницей о смысле жизни. Теперь, после ее смерти, после гибели Федоровых жизнь перестала казаться наполненной смыслом. И лишь мысль о Младце, ждущей ребенка, еще поддерживала Андрея, вселяла надежду в его заполненную смутой душу.

Внезапно похолодало.

Андрей невольно посмотрел на пасмурное небо, готовое раз-

родиться новым снегопадом, потом понял, что похолодание не связано с изменением погоды. Это сработал камертон экстрасенсорного восприятия мира, настроенный на улавливание негативных энергетических потоков. Вокруг него произошла перестройка тонких пси-информационных потенциалов, указывающая на появление злобного агрессивного намерения. Продолжая неспешно двигаться по тротуару к остановке автобуса, он перестроил сферу внимания и через минуту определил источники беспокойства.

За ним наблюдали, причем осторожно и умело, с двух сторон сразу.

В полусотне шагов, у тротуара на противоположной стороне улицы, стоял джип «Мицубиси Паджеро» с темными стеклами, прямо-таки «светящийся» в диапазоне враждебного внимания. А сзади Андрея медленно нагоняли двое — мужчина и женщина в светло-желтых дубленках, делающие вид, что они увлечены разглядыванием фасадов домов и витрин магазинов. Женщина шагала широко и целеустремленно, специфической походкой спортсменки, упруго и независимо, и у нее были очень короткие волосы, что сразу напомнило Андрею девицу в зеленоватой дубленке, командиршу отряда киллеров, посланного неизвестным орденom убить Федорова и всех, кто был с ним связан.

Вспыхнувшая в душе ненависть едва не заставила Андрея сделать глупость — напасть на «сладкую парочку» и заставить признаться, что они здесь делают. Но он все-таки сдержался. Сел в автобус, идущий в центр, сошел на площади Революции, смешался с толпой прохожих, обходивших торговые ряды напротив сквера.

Пара, идущая за ним от церкви, пропала еще на автобусной остановке, зато джип последовал за автобусом, что говорило об основательности намерений его пассажиров. Данилина вычислили — Млада была права, он не должен был идти в церковь — и теперь «пасли», чтобы в конце концов выбрать момент и довершить начатое. Если это были коллеги Буй-Тура, с ними, наверное, еще можно было договориться, хотя Андрей и не собирался этого делать, но в случае контакта с киллер-командой ему не хотелось быть великодушным. Он никого не собирался щадить.

Спины коснулся чей-то острый ищущий взгляд.

Нашли, сволочи! Что ж, поиграем в кошки-мышки, ребята, опыта у нас не занимать.

Останавливаясь у торговых палаток, он вычислил наблюдателя — девицу в дубленке зеленоватого цвета, с черными крестообразными сережками (это у них униформа такая, что ли?) и ее прикрыtie — ту самую пару, которая «пасла» его у церкви. Со-

мнений не было: эти люди точно знали, кто такой Данилин. Оставалось загадкой, как они его нашли. Хотя вероятнее всего они выяснили, благодаря «благим намерениям» монахов, что в церкви находится старая учительница, которую убили их коллеги, и ждали Андрея неподалеку.

Млада! — вдруг обожгла голову пугающая мысль. Если эти гады нашли его, то могут выйти и на квартиру Кабанова. Не надо было оставлять ее одну! Но кто же знал, что киллер-команда сработает так оперативно и сядет ему «на хвост» при первом же его выходе в город?!

Несколько мгновений Андрей колебался, решая, что делать. Можно было попытаться снять «хвост» и отбить охоту у преследователей следить за ним. Но в данной ситуации лучшим выходом из положения все-таки следовало признать отступление, а затем по возможности быстрое и скрытое бегство из города. Если им удастся добраться до аэропорта незамеченными и улететь, киллеры потеряют их след...

Женщина в дубленке приблизилась, делая вид, что приценивается к товарам на прилавках.

Андрей снова вспомнил предводительницу убийц, похожую на нее неподвижностью и грубоватостью лица и короткой прической. Волна крови ударила в голову, помутила рассудок.

Женщина в этот момент посмотрела на него, взгляды их скрестились, и она вздрогнула, широко раскрывая глаза, буквально ослепленная огненным высверком взгляда клиента. Когда она пришла в себя, того, за кем она следила, среди покупателей уже не было. Женщина в дубленке достала мобильный телефон.

— Клиент ушел, ищите на остановках, похоже, он без машины. Она набрала другой номер.

— Лис, что у тебя?

— Он мог остановиться у знакомых, — ответил аналитик команды, изучающий связи клиента. — Удалось узнать адреса двоих: некоего Кабанова Владимира Игоревича, помощника мэра, и бывшей жены клиента Дианы Верник.

— Давай адреса!

Лис продиктовал названия улиц и номера домов.

Женщина махнула рукой паре в дубленках, всматривающейся в прохожих, и все трое быстро сели в подъехавший джип.

Андрей в это время, оторвавшись от преследователей, остановил частника и за пять минут доехал до Володиного дома. Когда входил в подъезд, ощутил знакомое холодное дуновение ветра в затылок — реакцию экстрасенсорики организма на чей-то взгляд. Но не остановился. Взбежал на второй этаж, позвонил в дверь.

Млада встретила его одетой в дорожный костюм. Глаза у нее были большими и тревожными.

— Хорошо, что ты собрана, — одобрительно сказал Андрей. — Уходим отсюда.

— Кто-то звонил в дверь, — виноватым голосом сказала Млада. — Я думала, это Володя, посмотрела в «глазок», но никого не увидела.

— Может, ошиблись дверью, — отмахнулся неприятно удивленный Данилин, стараясь выглядеть уверенным и спокойным; не оставалось сомнений, что охотники вычислили их местонахождение. — Ты обедала?

— Еще рано...

— Значит, пообедаем вместе. Одевайся и слушай. — Он подал Младе шубку, помог надеть сапожки. — Сейчас ловим такси и едем в аэропорт. Что бы ни происходило — не волнуйся, тебе вредно волноваться, и делай то, что буду говорить.

— Я поняла. Снова... они?

— Не знаю. Кого ты имеешь в виду? Но кто бы то ни был, мы уйдем от них и забудем обо всем, как о дурном сне. Это твоя сумка?

— Я собрала самое необходимое...

— Самое необходимое купим по дороге или уже на месте. С сумками мы далеко не уйдем. Возьми только документы и деньги.

— Хорошо.

Он шагнул в гостиную, чтобы написать Володе записку, и остановился, услышав — сквозь стены! — осторожные шаги двух человек. Один остановился у лифта, потом сбежал вниз, на первый этаж. Второй подошел к двери квартиры и позвонил.

Млада оглянулась на дверь, посмотрела на Данилина.

— В спальню! — одними губами выговорил он.

Женщина послушно шмыгнула в спальню.

Андрей поискал глазами оружие, пожалев, что выбросил отобранные у киллеров пистолеты, взял с буфета столовый нож и вилку, спрятал в рукав. Затем обнаружил спицы — жена Володи любила вязать, забрал и их. Подошел к двери.

Звонок повторился.

Если бы это были представители органов власти, они стучали и звонили бы уверенно и громко, а так вежливо, предупредительно могли звонить только люди, не желавшие поднимать лишнего шума. Киллеры, к примеру. Или друзья. Правда, друзей Данилин не ждал, а у Володи был свой ключ.

— Кто?

Тишина за дверью. И негромкий глуховатый голос:

— Свои, мастер. Открывай быстрее.

Андрей узнал голос Буй-Тура:

— Гордей?! Ты, что ли? Один?

— Двое нас... пока. Открывай, нет времени на базар.

Андрей отодвинул засов, открыл дверь.

— Как ты меня нашел?

— По запаху, — буркнул Буй-Тур, окидывая прихожую прицеливающимся взглядом. — Где твоя подруга?

— Здесь.

— Уходить надо, за тобой «хвост».

— Я знаю, собирался ехать в аэропорт и...

— Они наверняка держат под контролем аэропорт и оба вокзала — железнодорожный и авто. Так что лучше не рисковать. У меня другой план.

— Какой?

Андрей вынул из рукава нож и вилку, положил на телефонную подставку.

Буй-Тур понимающе усмехнулся.

— Поехали, по дороге расскажу.

В кармане куртки Буй-Тура пискнул телефон. Он достал трубку, выслушал, качнул головой.

— Хреново! Твои пастухи приехали.

Андрей посмотрел на него вопросительно, и полковник добавил:

— Там Олег внизу, мы вдвоем приехали. Тебя увидели случайно, на рынке, хотели подойти, но заметили слежку. Решили наблюдать издали.

— Ничего случайного в жизни не бывает. Зачем вы меня искали?

— Не поверишь, — усмехнулся Буй-Тур. — Просто хотели помочь. Но об этом мы еще успеем поговорить. Ты готов к напруге?

Из спальни робко вышла Млада.

Мужчины посмотрели на нее.

— Готов! — твердо сказал Андрей.

— Тогда действуем таким образом. Девушка пусть пока посидит дома у телефона, в случае чего позвонит в милицию. Ты выходишь первым и делаешь вид, что ничего не замечаешь.

— А вы в нужный момент...

— Соображаешь. Ну, с Богом!

— Жди звонка, — посмотрел на Младу Андрей. — Позвони — сразу выходи.

— Хорошо, — кивнула Млада.

— И ничего не бойся.

— С тобой я не боюсь ничего!

— Правильный подход, — одобрительно подмигнул Младе Буй-Тур.

Андрей выскользнул в коридор, увидел поднимавшегося по лестнице мужчину и мгновенно оценил его оперативную готовность действовать. Этот человек явно прошел спецподготовку и владел навыками рукопашного боя. Лишь в последний момент Андрей узнал его и сдержал движение — это был напарник Буй-Тура по имени Олег.

Долю секунды они смотрели друг на друга, потом Олег ткнул пальцем в лифт, Андрей ответил понимающим кивком и нажал кнопку вызова. Когда он садился в кабину, Буй-Тур и Олег уже бесшумно спускались по лестнице на первый этаж дома.

Внизу Данилина ждали трое: пара в светлых дубленках — молодой мужчина и женщина — и старик в тулупе; Андрей узнал его, этот старик жил этажом выше.

Делая вид, что решает в уме какую-то неотложную задачу, он неспешно двинулся к выходу из подъезда. Пара направилась за ним. Уловив краем глаза их маневр, он внезапно повернулся и, ускоряясь до предела, до красного тумана в глазах, атаковал догонявшую его пару. Выбил из руки женщины пистолет с глушителем, рывком развернул ее спиной к себе. Ее напарник выстрелил — пистолет тихо твякнул, он тоже был с насадкой бесшумной стрельбы. Пуля попала женщине в шею, брызнула кровь.

Андрей выпустил обмякшее тело незнакомки, собираясь в темпе «обработать» мужчину, но его вмешательства не понадобилось. Появившийся на лестнице Олег прыгнул через перила и нанес мужчине в дубленке удар по затылку рукоятью своего пистолета. Тот сунулся носом в пол вестибюля, затих.

— Обыщи, — приказал спустившийся следом Буй-Тур. — Теперь пойдем иначе: я первым, ты вторым — через пару секунд, Олег последним.

Данилин глянул на своих преследователей, не испытывая к ним никакой жалости, кинул косой взгляд на остолбеневшего старика, приложил палец к губам и двинулся вслед за полковником.

Джип «Паджеро» стоял в десяти шагах от подъезда.

Возле него курили и разговаривали две девицы в дубленках, усиленно не обращая внимания на окружающих. Чуть поодаль прохаживался по двору молодой парень в кожаном пальто, мощного сложения, с лицом, не отягощенным никакой мыслью. Было видно, что он работает, хотя и пытается выглядеть миролюбивым и задумчивым.

Буй-Тур в это время миновал парня — никто не обратил на

него внимания — и согнулся, завязывая на ботинке кстати развязавшийся шнурок.

Андрей, оценив обстановку, направился прямо к джипу, сказал, приятно улыбаясь:

— Привет, девочки. Вы не меня ждете, случайно?

Девицы сделали вид, что заметили его только что. Одна подняла тонко подведенные брови, глянула на подругу.

— Ты его знаешь?

— Знает, знает, — кивнул Андрей с той же улыбкой; глаза его посветлели и налились тигриным блеском. — У нее вон моя фотография в кармане торчит. Джипчик ваш не одолжите? Очень мне машина нужна.

Дальнейшее произошло в течение пяти-шести секунд.

Парень в кожаном пальто сунул руку под мышку, шагнул к джипу... и лег от удара Буй-Тура, не успев достать оружие.

Одна из девиц, черноволосая, с неприятным прищуром глаз, тоже сунула руку под борт дубленки, и Андрей ударил ее по руке, не давая возможности выстрелить, и еле успел увернуться от умелого удара второй девицы, с виду полной и неповоротливой, с толстым некрасивым носом. Подхватил ее ногу, рванул вверх, бросая девицу в сугроб. Пригнулся, пропуская над головой удар черноволосой, и ударил еще раз. Черноволосая с воплем отлетела к джипу, ударилась о бампер всем телом, упала. Ее подруга все-таки ухитрилась достать пистолет, не отвлекаясь на лишние движения, что говорило о ее профессионализме. Другая на ее месте сначала попыталась бы выбраться из сугроба, встать на ноги, она же сначала схватила за оружие.

Андрей «качнул маятник», начиная подход к ней в стиле казачьего спаса, но опоздал. Олег, оказавшийся уже за джипом, выстрелил первым. Пуля попала девице в плечо, опрокинула ее на снег.

Стало совсем тихо.

Люди, оказавшиеся во дворе дома в это время: старушка с ребенком, пожилой мужчина и мальчишка, — застыли, не понимая, что происходит. И даже водитель джипа, открывший дверцу и собиравшийся помочь своим, замер, ошеломленный случившимся.

Мгновение тишины прошло.

Водитель очнулся, хотел было захлопнуть дверцу и уехать, но получил удар в висок от Олега, вскочившего в джип с другой стороны, и обмяк.

— Вызывай жену, — будничным тоном сказал Буй-Тур, глянув на часы. — Будем делать ноги.

Андрей достал мобильник, вызвал Младу и подошел к парню

в кожаном пальто, который начал подавать признаки жизни. Рывком вздернул его подбородок, перехватывая горло сгибом локтя, чтобы он не мог пошевелиться.

— Кто вас послал?!

— П-пах-ха...

— Кто?!

— Пахан, наверно, — хмыкнул Буй-Тур. — Врежь ему по нижней чакре, сразу все вспомнит и заговорит.

— На кого вы работаете?!

— Я н-не знаю... он никогда с нами н-не встречался... Марго называла его Джеральдом...

— Кто он?!

— Н-не знаю... он откуда-то приехал... из Питера, кажется...

— Джеральд — не русское имя.

— Н-не знаю...

— Кто из вас контактировал с ним?

— Марго...

— Та, черноволосая, или вторая?

— Они обе в отключке, — заметил Олег.

— Она в подъезде с Быком...

— Пора уходить, — напомнил Буй-Тур. — Не хватало нам милиции дожидаться. Посмотри, что там у них в карманах.

Олег подошел к девицам, быстро обшарил карманы дубленок, вытащил электронную записную книжку, два кошелька, духи, помаду, какие-то бумажки, фото и черные карточки с серебряным тиснением каких-то рун и букв. Кошельки и духи сунул обратно в карманы дубленок, подошел к Буй-Туру.

— Смотри, тот же значок.

На его ладони лежал треугольный «глаз» из желтого металла, с гравировкой и чернением, создающими эффект угрожающего взгляда.

— Снова масоны, — поджал губы Буй-Тур, забирая значок. — Хотел бы я знать, что за сволочная команда охотится за тобой, мастер.

— Я не знаю, — тихо сказал Андрей.

— Ладно, разберемся, по коням. Где твоя подруга?

Из подъезда выбежала Млада, прижимая к груди коричневую сумочку.

— Наконец-то. Поехали.

Они быстро сели в джип, и Олег лихо вырулил со двора на улицу.

— Куда, командир?

— У меня есть идея. — Буй-Тур, севший рядом с водителем, оглянулся. — Эти киллер-масоны не отстанут, пока не добьются

своего или не получают приказ отмены операции. А так как все дело упирается, на мой взгляд, в открытие твоего друга Федорова, надо это открытие предъявить общественности. Кто-то очень не хочет, чтобы люди узнали о возможности альтернативного подхода к энергетическим и транспортным проблемам. Возможно, это кто-то из нынешних отечественных или забугорных олигархов, снимающих миллиарды «зеленых» с торговли нефтью. Естественно, им не хочется терять налаженный процесс получения прибыли, а рисковать вкладывать деньги в новые технические разработки они не хотят. Но, может быть, твои недруги действительно работают на орден. — Буй-Тур повертел в пальцах значок в форме глаза. — Тогда проблема начинает выглядеть в ином свете, хотя нам от этого не легче. И все-таки я считаю, что если мы покажем... как ты сказал? энлоид? — твоего друга телевизионщикам и передадим его разработки в Академию наук или лучше президенту, от нас отстанут.

Андрей посмотрел на Младу, ответившую ему доверчивым взглядом, помедлил.

— Похоже, другого выхода у нас нет. Едем в деревню. Но на джипе мы энлоид Левы не вывезем.

— Определимся на месте. В крайнем случае одолжим у сельчан трактор или «Газель».

— Вообще-то тут у вас становится шумно, — заметил Олег, посмотрев на пассажиров в зеркальце заднего вида. — Пора отсюда сматываться. Мне здесь не комфортно. Командир, ну-ка глянь, не за нами ли шпарит вот тот броневишечок «мерин»?

Буй-Тур тоже посмотрел назад в зеркальце.

— Давани на газ.

Олег увеличил скорость.

Черный джип «Мерседес ML-200» отстал. Но ни у кого из мужчин сей факт облегчения не вызвал. Они справились с группой, преследующей Данилина, но не были убеждены, что неизвестные спецназовцы действовали без поддержки других групп.

— Я боюсь! — шепнула Млада на ухо Андрею.

Он молча прижал ее к себе.

ТАРАСОВ**29–30 декабря**

После ужина в ресторане «Золотой» Тарасов повез Яну к себе, и они провели вдвоем чудесный вечер, полный ожидания любви и теплой тяги тел к взаимному обладанию. Все было в радость: лукавый взгляд из-под длинных ресниц, шутка, притвор-

ная строгость, размышления о жизни, случайное касание рук и не случайное — губ. Им было интересно друг с другом, мир за стенами квартиры временно стал лишним, и они разговаривали, пили вино и кофе, смеялись, устраивали шуточные перепалки, обнимались и целовались, и этого было мало, а вечер длился, длился, длился до утра, и встреча перешла в фазу отдыха, лишь когда оба устали от ласк и угомонились, лежа в обнимку на кровати: он — на спине, она — у него на груди.

— Ты не рассердишься, если я задам интимный вопрос? — прошептала Яна.

— Рассержусь, — сказал он; ее волосы шекотали ему нос.

— Ты говорил, что был женат... а как вы познакомились?

Он помолчал, вспоминая встречи со Светланой.

— Это случилось на дне рождения у друга. Его жена пригласила подружку, нас посадили рядом... Но сначала мы не понравились друг другу.

— Почему?

— Я был молодой, ферзевый, самоуверенный... впрочем, и Света тоже была не подарок в этом смысле. Мы долго пикировались, я даже разозлился... дубина. — Он усмехнулся. — Помню даже, что мы сказали напоследок, при прощании.

— Что?

— Она заметила: будь вы моим мужем, я бы подсыпала вам яд в кофе.

— А ты?

— Я ответил: будь вы моей женой, я бы этот кофе выпил.

Яна засмеялась.

— Эта фраза приписывается Уинстону Черчиллю.

— Не приписывается, это история его знакомства со своей женой, описанная им в мемуарах. Таким образом оказалось, что Света читает не только дамские романы. В общем, мы потом встретились и в конце концов поженились. Потом я уехал в Корею, а мои пошли на «Норд-Ост». А спустя месяц погибла и Света.

Яна поежилась.

— Извини...

— Тебе не за что извиняться. Именно после гибели Светланы я и стал работать в... отделе спецопераций. Тогда я даже не представлял, что террористы имеют свои собственные научно-исследовательские институты и центры управления, в основном — за рубежом. Как же славно было их находить и...

— Ты серьезно — об институтах?

— Ну, не совсем институты, такие, как везде, но самые настоящие интеллектуальные центры. Это и спецслужбы, генераль-

ные штабы государств-заказчиков, и мозговые штабы экстремистских партий и всяких международных организаций. Позже я осознал, что терроризм в отличие от обычной преступности, которая по большей части спонтанна, есть регулируемый криминально-политический процесс. О нем нельзя судить по обколотым исполнителям. Террор — дело интеллектуалов, которые всегда шли и идут на полшага впереди спецслужб. Тем почетнее и весомее каждая наша победа над ними.

— Значит, ты служишь в подразделении антитеррора?

Он улыбнулся.

— Можно сказать и так. Но об этом никому ничего нельзя рассказывать, даже маме. Кстати, как она относится к нашим встречам?

— Положительно, — улыбнулась и Яна. — Она у меня строгая, но справедливая.

— А отец?

— Он как раз слишком добрый... и несамостоятельный. Мне иногда его так жалко... а иногда убить хочется!

— Из-за Геннадия?

— Да. Геннадий маме никогда не нравился, но папа настоял на своем... Хочешь, я тебя познакомлю с мамой?

— Думаешь, уже пора?

— Ах ты, противный! Соблазнил девушку, а теперь хочешь сделать вид, что это я тебе на шею вешаюсь?! — Она попыталась стукнуть его по носу.

Он легонько выкрутил ей руку и поцеловал в подбородок, потом ниже — в грудь, и еще ниже... Сказал глубокомысленно, не спеша ее освобождать:

— Чем выше интеллект, тем ниже поцелуй...

Она не выдержала, рассмеялась.

— Нет, ты все-таки невозможный человек, Роман. Кстати, когда познакомились, ты называл другую фамилию — Макаров. А недавно сказал по телефону: «Слушаю, Тарасов». Какая фамилия у тебя настоящая?

— Никому не скажешь?

— Никому! — поклялась Яна.

— Тарасов. И не Роман, а Владислав. Но и об этом никому знать не надобно.

— Я не проговорюсь. А зачем тебе две фамилии и два имени? Для конспирации?

— Ты слишком догадлива для своего возраста.

— Опять? — нахмурилась она притворно.

— Сдаюсь! — вытянул он руки вперед. — Хочешь кофе?

— То-то же! Я хочу спать.

— Тогда спи, я постерегу твой сон.

— Нет, если я усну, то просплю весь день, а мне к девяти на работу. Давай свой кофе. Хотя мама всегда говорила, что кофе — это лишнее. Для русского менталитета лучший напиток — чай.

— Дед мой утверждал — квас.

— Квас хорош летом, а чай — в любое время года. И все же приготовь кофе. Как заявил поэт¹: «Я могу прожить без необходимого, но без лишнего — не могу».

— Готов подписаться под этими словами обеими руками.

Владислав чмокнул Яну в плечо, накиннул на себя халат и пошел на кухню варить кофе.

Через четверть часа они пили кофе, сидя в кровати. Но, несмотря на этот вкусный допинг, Яна все же уснула, и вернувшийся из кухни Тарасов, относивший посуду, не стал ее будить. Залез в ванну, искупался, хотел было прилечь рядом — теплая ванна разморила, — и в это время промурлыкал телефон.

— Меня нет дома, — пробормотал Тарасов, но трубку снял. В столь ранний час звонить могли только по делу, поэтому игнорировать телефон не стоило.

— Изменились обстоятельства, Владислав Захарович, — раздался в трубке голос воеводы Николая. — Вам надлежит немедленно выехать в Кострому по тому делу, о котором я говорил. Объект изучения — учитель физкультуры Двенадцатой гимназии Данилин Андрей Брониславович.

— Изучения? — поднял брови Тарасов.

— Мне сильно не по душе давление, оказываемое на нашу структуру князем Шельминым, который в отсутствие Всеслава Антоновича требует ликвидации объекта. Поэтому вам придется своими силами отыскать компромат на Данилина и только после этого объект нейтрализовать. Все необходимые документы вам и членам дружины привезет мой послух Василий. У вас на руках будет карт-бланш на содействие местных правоохранительных органов. Настоящий. Только с другой фамилией. Желаю удачи.

— Благодарю.

Тарасов подержал трубку возле уха, вслушиваясь в звоночки отбоя, потом сквозь зубы выругался, вдруг поймав себя на мысли, что не хочет никуда ехать, кого-то искать и нейтрализовывать.

Заглянул в спальню.

Яна спала, уютно свернувшись под одеялом.

Жизнь была здесь, а не где-то там далеко, за стенами квар-

¹ М. Светлов.

тиры, дома, города. Она звала, она ждала, и жить стоило только ради нее.

«Вернусь — потребую отпуск!» — подумал Тарасов строптиво.

Яна все поняла, как надо, и оправдываться ему не пришлось.

— Надеюсь, ты вернешься к Новому году, — сказала она с притворной строгостью, намекая, что до первого января осталось всего два дня. — Хотелось бы встретить его вместе.

— Встретим, — пообещал он уверенно. — Если не смогу приехать я, ты приедешь ко мне.

— Куда?

— В Кострому.

— Ты же говорил, что специализируешься по зарубежью.

— Так сложились звезды. Как говорится, начальству виднее, кого и куда посылать.

Он отвез девушку домой — она захотела переодеться перед работой — и поехал к воеводе. Обсуждение деталей предстоящего рейда в Кострому не заняло много времени, информации у воеводы было мало, Владислав забрал необходимые для поездки документы и отправился обратно домой, вызвав по дороге свою команду.

Первым в квартире Тарасова появился Хан, сердитый и раздраженный. Оказалось, что он ехал на метро, и сотрудники милиции метрополитена заставили его предъявить документы.

— Козлы! — заключил он после того, как рассказал об инциденте. — Пока не показал им «корочки» — не хотели отпускать.

— Больно физия у тебя специфическая, — улыбнулся Тарасов. — За версту видно, что ты «лицо кавказской национальности».

— Ни хрена подобного, я татарин.

— Тем более. А почему ты не со всеми?

— У девушки ночевал.

— И давно ты с ней знаком?

— Вчера познакомился, — ухмыльнулся лейтенант.

— Быстро ты с ними...

— А чего лясы точить, цветочки дарить? Понравились друг другу — и в постель. Поэтому и пришлось ехать на метро. Кстати, ты сам давно в метро не спускался?

— Да уж порядочно, а что?

— Эти идиоты — метрополитеновцы стали дублировать надписи на латинице. Представляешь? В парижском метро все надписи только на французском, в Нью-Йорке — на английском, а у нас почему-то решили выпендриться.

— Там уважают свой язык, а наши чиновники — нет.

— Скоты!

— Полностью согласен. Жаль, что всех дураков и сволочей не «перемочишь».

— Но работать в этом направлении надо. Зачем вызывал?

— Едем в Кострому.

— Куда?!

— Сейчас приползут остальные, и я все расскажу.

— У тебя пиво есть?

— Отставить пиво, с этой минуты пьем только соки.

— Туркменбаши нашелся, понимаешь... — проворчал Хан. — Тот вон тоже запретил пить пиво «настоящим» туркменам. Вспомнил, наверное, как в советские времена устраивали антиалкогольные кампании.

— У него получится.

— Эт точно, всех задавил своей простотой.

Через несколько минут появились остальные бойцы группы. Гроза и Хохол веселились, Инженер и Батон выглядели как всегда, Нос был мрачен.

— В чем дело? — осведомился Тарасов.

— Им бы только поиздеваться... — отвернулся белорус.

— Ты глянь, командир, в чем он пришел, — хихикнул Гроза. — То ли сослепу, то ли с перепоею.

— Склероз, однако, — добавил Хохол.

Тарасов перевел взгляд на ноги лейтенанта и невольно улыбнулся.

Нос был обут в летние туфли.

— Почему не по форме?

— Промахнулся, — подсказал Гроза, давясь от смеха.

— Сам дурак, — огрызнулся Нос.

— Почему же вы не вернулись, чтобы переобуться?

— Заметили, когда уже полпути проехали, возвращаться не стали — плохая примета.

— Ладно, найдем мы ему зимние сапоги, у меня запасные есть, а размер носим одинаковый.

— Анекдот вспомнил, про сапоги, — вставил слово Хохол.

— Отставить анекдоты!

— Он короткий и смешной. Генерал говорит солдатам: «Хочу иметь крокодиловые сапоги!» Ночью рота спецназа десантируется на берег Нила. Проходит день, другой, третий, никаких новостей. Генерал сам летит к месту высадки. Весь берег реки завален трупами крокодилов. Спецназовцы в воде, выгоняют крокодилов на берег. Из воды показывается очередной крокодил, его бьют по башке дубиной, вытаскивают, и старший группы кричит: «Давай следующего! Этот тоже без сапог».

Засмеялись двое — Батон и сам Хохол. Остальные знали этот анекдот давно.

— Пошутили? — оглядел команду Владислав. — А теперь за дело. Час на экипировку, четыре часа на дорогу. В два часа дня мы должны быть в Костроме. Вопросы — в машине.

Кострома встретила их снегопадом.

Тарасов ехал на своей голубой «Субару Импрезе» вместе с Инженером, поэтому снегопад его не напрягал. Но остальные сидели в салоне минивэна «Баргузин» отечественного производства, не рассчитанного на эксплуатацию в экстремальных условиях, и Тарасову приходилось сдерживать прыть своего «мустанга», способного двигаться вдвое быстрее.

В Костроме разделились на пары.

Гроза с Инженером поехали в гимназию, где работал Данилин, Батон с Хохлом — к нему домой, Носова Владислав отправил в городскую прокуратуру, а сам с Ханом направился в Управление внутренних дел Костромы.

Дежурный долго вертел в пальцах удостоверение Тарасова, утверждавшее, что он является полковником Управления антитеррора ФСБ Макаровым. Потом все же пропустил обоих в здание, назвав номер кабинета начальника УВД.

Начальник встретил их, стоя.

— Подполковник Браверман. Какими ветрами занесло вас в наши края?

— Попутными, — туманно пояснил Тарасов. — Я бы хотел получить от вас кое-какую информацию.

— Весь штат Управления в вашем распоряжении.

— Весь не нужен. — Владислав сел, Хан тоже. — Во-первых, покажите нам сводку по городу и району за последние десять дней. Во-вторых, предоставьте доступ к базе данных. В-третьих, о нашем визите рядовые сотрудники вашего управления знать не должны.

— Само собой разумеется, с этим проблем не будет. — Лысый, но уса́тый Браверман почесал затылок. — Но вот с доступом...

— Нам не нужны кадровые файлы, нас интересуют контакты ваших сотрудников с приезжими. Я хочу знать, кто приезжал в Кострому с документами типа моего, с кем из ваших подчиненных встречался, что это были за люди.

— Не понимаю, при чем тут мои...

— Потом поймете. Добавлю: количество звездочек на ваших погонах находится в прямой зависимости от вашего желания по-

могать нам. Дело серьезное, так что давайте обойдемся без удивленных взглядов и вопросов.

Подполковник вспотел, но сохранил лицо: возражать не стал и качать права не решился.

— Сделаю все, что в моих силах. Вот сводка криминогенной обстановки в городе за последнюю декаду декабря.

На экране монитора появился текст, фотографии, схемы происшествий.

— Садитесь на мое место, удобнее будет... — Браверман приподнялся.

— Не беспокойтесь, только поверните монитор.

Подполковник с готовностью повиновался.

— Что-нибудь еще?

— В вашей конторе варят приличный кофе? — впервые подал голос Хан.

— Сделаем, — кивнул начальник УВД, нажал клавишу селектора. — Татьяна, принеси кофе на двоих... нет, на троих, только сvari настоящий.

— Сейчас принесу, Вадим Аркадьевич, — ответила секретарша.

Вскоре в кабинете запахло кофе.

Тарасов с удовольствием опорожнил чашку, продолжая читать сообщения о разбойных нападениях, кражах, угонах автомобилей и убийствах. Наконец в сводке мелькнула фамилия Данилин.

— Что у вас на этого человека?

Браверман пожал круглыми плечами.

— Его делом занимается майор Гарин. Данилин подозревается в убийстве ученого Федорова и его жены, а также своей квартирной хозяйки Анны Игнатьевны Горобец. Кроме того, ему инкриминируется убийство четверых молодых приезжих, в том числе — женщины.

Тарасов покачал головой.

— Крутой парень! У вас есть доказательства?

— Прямых нет, но... могу вызвать майора, он знает все подробности дела.

— Вызывайте.

Браверман нажал клавишу:

— Таня, найди мне Гарина, срочно.

— Хорошо, Вадим Аркадьевич.

Через десять минут в кабинет вошел небольшого роста, лысоватый, как и его начальник, с резкими чертами лица майор.

— Николай Сергеевич, вот товарищи из Москвы интересуются делом Данилина. Расскажи о нем, что знаешь.

— Не они первые интересуются Данилиным, — пробурчал Гарин, окидывая Тарасова и Хана неласковым взглядом.

Владислав и лейтенант переглянулись.

— Интересно, — сказал Тарасов. — Это кто же еще им интересуется?

— Ну, во-первых, наша прокуратура. Во-вторых, мне звонили из Москвы, из главной конторы...

— Какой?

— Из Федерального агентства расследований, генерал Махневский. Ему нужны были сведения о Данилине. Я дал.

Браверман побагровел.

— Почему же меня не предупредил?!

— Он сказал, что с вами согласовано... — Гарин понял, что попал впросак, сделал каменное лицо. — Я готов понести наказание.

— Да я тебя, майор!..

— Подождите, подполковник, — остановил Тарасов начальника УВД, — потом разберется, кто прав, кто виноват. Я не знаю в агентстве генерала по фамилии Махневский. Но не суть. Давайте поговорим о Данилине, чисто конкретно. Что это за человек?

— Учитель физкультуры, — сказал Гарин, вздыхая с облегчением. — Мастер рукопашного боя, тренирует в городе пацанов. По нашим данным, он бывший инструктор ГРУ, но по какой причине уволен — неизвестно. Его хорошо знал наш сотрудник капитан Скрылев.

— Могу я с ним побеседовать?

— Вы не дочитали сводку, — сказал Браверман, недовольный своим подчиненным. — Скрылев убит. И в этом деле тоже не все ясно. Такое впечатление, что все знакомые Данилина вдруг начинают погибать. Непонятно, за что он их убивает и он ли, но тенденция странная.

— Я с ним беседовал, — сказал Гарин. — С виду вполне нормальный мужик. Но ведь недаром говорится: в тихом омуте...

— Вопрос, — перебил его Тарасов. — Здесь указано, что машину Данилина нашли на ипподроме, разбитую, и там же произошла перестрелка между неизвестными...

— Наличие машины Данилина на месте преступления дает нам основания подозревать его в совершении преступления и участии в криминальных структурах. На ипподроме было убито четверо: трое молодых людей и женщина. Принадлежность их к одной из преступных группировок устанавливается. Никаких документов на их телах не обнаружено. Ясно одно: они не мест-

ные, прибыли скорее всего из Москвы, угнали из гаража МЧС «десятку» и микроавтобус и устроили охоту на Данилина.

— Вот как?

— Это мое личное мнение, — сказал Гарин. — Но картина вырисовывается такая. А это, в свою очередь, говорит о том, что тихоня-учитель — не тот, за кого себя выдает.

— Еще неизвестно... — начал Браверман.

— У вас есть досье на Данилина? — спросил Тарасов. — Где родился, учился, проходил службу, работал...

— Принеси, — посмотрел на майора начальник УВД.

— А также дело Федорова.

— И дело Федорова.

Гарин вышел.

— Еще кофе? — предложил подполковник.

— Если не сложно.

— Татьяна, еще кофе.

Секретарша унесла пустые чашки и принесла полные.

— Вот тут у вас в сводке упоминается еще одна бандитская разборка — во дворе дома номер три по улице Островского. Труп один, но симптоматика схожа с разборками на ипподроме. Удалось что-нибудь выяснить?

— Почти ничего, — поморщился Браверман. — По свидетельствам очевидцев произошла драка между двумя группами каких-то отморозков. Трое отметилили семерых, убили девушку, забрали какую-то беременную женщину и уехали на джипе «Мерседес». Джип в розыске.

— Данилин тоже замечен с какой-то беременной дамой, — сказал Хан. — Это не он там был, случайно?

Браверман развел руками:

— Следствие продолжается, но ничего конкретного сказать не могу.

Вернулся майор, подал две папки, одну тощую, другую потолще.

— Зачем вам это, если не секрет?

— Секрет, — усмехнулся Тарасов. — Но вам я скажу. Делом Данилина заинтересовались на самом верху. — Он поднял глаза к потолку. — У меня карт-бланш на расследование всех обстоятельств дела. Но не дай бог произойдет утечка информации! Понимаете, чем это вам грозит?

— Так точно! — в один голос ответили подполковник и майор.

— Ну и хорошо. Занимайтесь своими делами, а мы тут посидим в уголочке, покумекаем, почитаем материальчик. Появятся вопросы — побеседуем.

— Да, конечно.

Браверман движением бровей выставил майора за порог, усадил гостей за журнальный столик в углу кабинета, и они принялись изучать досье на Федорова и Данилина, изредка делая пометки в блокнотах. Через час Тарасов знал примерно столько же о Данилине, сколько и следователи.

Поблагодарив начальника УВД «за содействие особо важному расследованию», гости покинули управление.

— Ты действительно знаком с начальством ФАР? — полюбопытствовал Хан. — Откуда тебе известно, что генерал Махневский там не работает?

— Этого я не знаю, — дернул уголок губ Тарасов. — Но абсолютно уверен, что никакой генерал не станет звонить майору в Костромское УВД и интересоваться каким-то учителем физкультуры. Не генеральский это уровень. Кто-то просто прикрылся фамилией генерала, причем кто-то неплохо знающий местное милицмейское начальство.

— Кто?

— Хороший вопрос. Я бы тоже хотел иметь на него ответ.

— Куда мы теперь?

— Соберемся вместе — обсудим. А пока давай-ка пообедаем, я тут недалеко заметил ресторанчик.

К трем часам дня, после сверки всех полученных сведений, наметились реальные пути поиска Данилина. Всего таких путей оказалось три: первый — через бывшую жену учителя, второй — с помощью его близкого приятеля Владимира Кабанова, третий — через связь Данилина с убитым Федоровым. Удалось найти след ученого: по данным налоговой инспекции, Лев Людвигович Федоров летом этого года приобрел в деревне Суконниково под Костромой старый дом. Если Данилин знал об этом, а он наверняка знал, так как был близким другом покойного, то вполне мог поехать в деревню, чтобы отсидеться там какое-то время в относительной безопасности.

Отправив по двум первым адресам Грозу и Носу, Тарасов посетил гараж МЧС Костромы и выяснил, что угоны машин — «десятки» и микроавтобуса «Баргузин» — действительно имели место. При этом у Владислава создалось впечатление, что руководство гаража отнеслось к этому слишком спокойно, словно имело гарантии возвращения угнанных авто. Будь у Тарасова время, он добился бы полной ясности в этом вопросе, однако ему очень хотелось вернуться в Москву до наступления Нового года, и свои подозрения он проверять не стал.

Гроза и Нос вернулись ни с чем.

Бывшая жена Данилина давно с ним не встречалась и разговаривать о нем с «представителем органов» не захотела.

Владимир Кабанов оказался человеком порядочным и любезным. Он был весьма обеспокоен отсутствием друга и его знакомой, но помочь «следователю» найти Данилина не смог. Назвав две фамилии приятелей учителя, с которыми тот изредка встречался, Кабанов развел руками и виновато улыбнулся:

— К сожалению, больше я никого не знаю. А почему вы ищите Андрея? Он что-нибудь натворил?

— Разве ваш друг способен что-нибудь натворить? — осведомился «следователь» — Нос.

— Нет, но... — смешался Кабанов, — я просто так спросил. Андрей очень хороший человек, зря мухи не обидит, никогда ни с кем не конфликтует. Но в последнее время с ним что-то происходит, а мне он ничего не говорит.

— Он в большой ж... опасности, — мрачно сказал Нос. — Если что-либо узнаете или Данилин позвонит вам — дайте нам знать. Вот телефон. И последний вопрос: он за последние две недели не выезжал за пределы Костромы?

— Н-нет... то есть не знаю... хотя подождите... Андрей говорил, что ездил к Леве в деревню... это друг Андрея, его убили недавно...

— В какую именно деревню?

— Вот этого не знаю, — снова развел руками Кабанов.

— Что ж, и на этом спасибо, — сказал Нос, протягивая ему руку.

— Подведем итоги, — сказал Тарасов, выслушав подчиненных. — Ясно, что после всех событий Данилин постарается исчезнуть из города. Но поскольку за ним ведет охоту какая-то крутая контора, он, как человек опытный, вряд ли кинется на вокзал или в аэропорт. Поэтому у нас есть шанс застукать его на «лежбище». В городе его скорее всего нет. Значит, он действительно уехал в деревню. Едем туда. Возражения есть?

Возражений не последовало.

Через полчаса две машины отряда выехали на Галичское шоссе. В половине шестого, когда уже стемнело, они миновали окраины села Никольского и свернули на дорогу к деревне Суконниково. Пошел снег, но дорогу недавно прочистили грейдером, и особых хлопот водителям она не доставляла. Потом водитель «Субару» — за рулем сидел Гроза — обратил внимание на следы недавно проехавшего по дороге автомобиля.

— Смотри, командир. Похоже, мы на верном пути. Кто-то здесь проехал перед нами, с полчаса назад, следы еще не замело. Судя по ширине отпечатков, это был джипер.

— Приготовились, — бросил Тарасов в телефон; в салоне «Субару», кроме него, находился еще Батон, остальные ехали сзади в «Баргузине». — Покажется деревня — останавливаемся.

Снегопад усилился, и тьма вокруг сгустилась. Лучи фар прорезывали в белой пелене тоннели, которые заканчивались уже в двадцати метрах перед автомобилем. Скорость движения упала. Однако от Никольского до Суконникова было всего два километра, поэтому дорога потребовала не больше десяти минут.

Показался зыбкий световой конус — у въезда в деревню горел фонарь.

Колонна остановилась. Гроза оглянулся.

— Нам нельзя бросать здесь машины. Если кто-нибудь вздумает поехать в деревню или обратно — не проедет.

— В такую погоду вряд ли кто-нибудь рискнет выехать из дома, — сказал Тарасов. — Но ты прав, лучше перестраховаться. Поедем тихо, без света. Если бы мы знали точно, где тут дом, принадлежащий Федорову...

— Придется допросить аборигенов.

— Могу зайти в гости, — предложил Батон.

— Ага, иди, они как тебя увидят — со страху обмочатся, — съязвил Гроза. — Ты же вылитый террорист.

— Нос пойдет, — решил Тарасов, вызывая вторую машину.

Лейтенант выбрался из микроавтобуса, зашагал к первой избе деревни, у которой светилось одно окошко. Пропадал он недолго, минут семь, всунулся в «Субару»:

— Бабуля говорит, что тут многие сельчане свои избы продали, очевидно костромичам, «новым русским». Но вроде бы одну хату — у тетки Граихи — купил какой-то ученый.

— Федоров!

— Едва ли тут решили осесть сразу несколько ученых, кроме Федорова. А хата Граихи стоит справа, предпоследняя в ряду.

— Поехали.

Машины осторожно двинулись по улице, освещенной только в начале и в конце двумя фонарями. Остановились на площади, где стоял какой-то сарай и небольшой деревянный домик с железной крышей, оказавшийся магазином. По причине непогоды он был уже закрыт.

— Все, дальше идем пешком, — решил Тарасов. — Стрелять только в крайнем случае! Данилин мне нужен живым и здоровым. Я до сих пор не знаю причин, по которым этот человек должен умереть.

— Не беспокойся, командир, — сказал Гроза. — Все сделаем в лучшем виде. Будь он трижды семи пядей во лбу, с нами этому парню не справиться.

Дом, принадлежащий Федорову — по словам жительницы деревни, группа окружила в пять минут восьмого. Снегопад чуть приутих, но все же не позволял различать детали пейзажа уже в десяти шагах, что было только на руку бойцам СОС.

За воротами во двор Тарасов разглядел некую металлическую громаду, подал знак: все надели инфраочки и теперь видели друг друга желтыми призраками на фоне коричневых и темно-зеленых пятен и полос. Во дворе хаты стоял джип, и его мотор еще не успел остыть до температуры окружающей среды.

Жест Владислава — большой палец вниз — означал, что объект поиска находится здесь, в доме, в котором светились все окна.

Группа быстро, не советуясь, «на автомате», разобрала «зоны внимания»: Батон и Хохол — взяли под контроль окна, Нос и Хан — двор, Инженер, Гроза и сам Тарасов — вход в избу с улицы.

Подготовка к атаке длилась около минуты. Все замерли, оглянувшись на командира. Тарасов поднял вверх кулак: знаком к началу операции должны были послужить растопыренные пальцы.

И в этот момент в сенях избы вспыхнул свет, загремело, раздались мужские голоса, шаги, дверь во двор распахнулась и из нее к джипу вышли трое мужчин. Нос и Хан едва успели спрятаться за джипом. Однако мужчины в накинутых, но не застегнутых ватниках, без головных уборов, подошли к сараю, открыли дверь рядом с воротами и вошли внутрь. В сарае вспыхнул свет, судя по засветившимся щелям.

Сориентировавшись, Тарасов подал сигнал, и отряд окружил сарай, внутри которого раздавались голоса, восклицания, слышались стуки и металлические позвякивания. Затем раздался треск и гудение, начавшееся с низких тонов и перешедшее в тонкий свист.

Владислав махнул рукой и первым ворвался в сарай, сжимая в руке бесшумный «кедр». Перед его взором предстала прелюбопытная картина.

Две лампочки без отражающих плафонов освещали самую настоящую мастерскую с верстаком, на котором красовалась непонятная конструкция, напоминающая небольшой раскуроченный батискаф, с двумя аппаратными шкафами, приборами, опутанными проводами и разным металлическим хламом. А посреди сарая висела в воздухе свистящая металлическая лодка-гондола, утыканная стержнями и трубками, внутри которой сидел русоволосый мужчина с яркими — не карими, а скорее янтарно-жел-

тыми глазами. Тарасов узнал его — это был объект их поиска, учитель физкультуры Двенадцатой гимназии Андрей Данилин.

Еще двое мужчин, застыв как изваяния, задрав головы, разглядывали висевшую в воздухе «лодку». Один был мал ростом, но крепок, подвижен и ощутимо опасен. Второй был на голову выше, шире в плечах и тоже опасен, как готовый к прыжку зверь. Однако самым опасным из всех присутствующих — по ощущениям Тарасова — был третий, в гондоле, с виду приятный и уравновешенный. В глазах его, устремленных на Тарасова, не было ни страха, ни неуверенности, ни сомнений, только сосредоточенное внимание и вопрос.

Когда полковник ворвался в сарай, все трое мужчин оглянулись, но не сделали ни одного движения, хотя менее опасными от этого не стали.

— Стоять! — приказал Владислав, направляя ствол пистолета-пулемета на Данилина. — Дом окружен! Сопротивление бессмысленно!

Из-за его спины в сарай вошли Хан и Нос с пистолетами в руках, взяли под прицел тех, кто стоял на полу сарая. Несколько секунд гости и хозяева разглядывали друг друга. Потом мужчина небольшого роста, с карими глазами и носом-картошкой, сказал без особой тревоги в голосе:

— Я полковник Федеральной службы расследований Гордеев. Не изволите представиться?

Тарасов шагнул вперед, продолжая контролировать каждое движение незнакомцев. Они были профессионалами, судя по реакции и поведению, и отсутствие оружия в их руках еще не гарантировало бойцам Тарасова полной и бескровной победы.

— Я полковник Макаров, — сказал Владислав, — отдел спецопераций. Мне поручено взять под стражу Андрея Брониславовича Данилина, допросить и доставить в Москву.

— Кем поручено?

— Моим начальством.

— А вы понимаете, полковник, что я не дам вам этого сделать? Мое начальство приказало мне то же самое, и я здесь оказался раньше вас.

— Надеюсь, вы тоже понимаете, полковник, что ваше начальство нам не указ. К тому же сила не на вашей стороне. А еще я очень прошу не делать резких движений и сдать оружие.

Низкорослый и его напарник переглянулись.

— А хорошо смазанная кочерга вам не нужна? — поинтересовался высокий. — Мы ведь при исполнении, можем и сами потребовать того же от вас.

— Закон на нашей стороне, — усмехнулся Тарасов, чувствуя

дискомфорт; Данилин продолжал сидеть без движения в парящей под крышей сарая гондоле и разглядывать его с какой-то странной задумчивостью. Это беспокоило и заставляло напрягаться.

— Какой еще закон?

— Закон силы.

— Я знаю другой закон: тот, кто пришел первым, пользуется преимуществом.

— Обыщите их, — сказал Тарасов.

Хан двинулся к мужчинам, качнул стволом пистолета:

— Руки!

Низкорослый помедлил, но руки поднял. Его сосед медленно развел руки в стороны, сцепил пальцы на затылке.

Хан обыскал низкорослого, обнаружил пистолет, бросил его Носу. Начал обыскивать второго... и тут же отпрянул в сторону, обладая врожденным чутьем опасности. Напарник низкорослого выбил у него пистолет, вцепился в плечо, развернул для проведения приема. Но и Хан не сплеховал, перехватил руку противника, второй вцепился в ухо, ударил, получил ответный удар и отпрыгнул с удивленным вскриком:

— Твою мать! Это же наши!

Здоровенный напарник низкорослого бросился было на Хана снова, но Тарасов дал короткую — в три патрона — очередь ему под ноги.

— Замри! Пули не маслины, не перевариваются! В чем дело? — Вопрос предназначался Хану.

— У него маркер за ухом! — ответил лейтенант, держась за щеку. — Птица!

Тарасов нахмурился.

— Может, родинка?

— Сам посмотри!

Владислав смерил взглядом бугая в ватнике, глянул на низкорослого.

— Служба расследований, говоришь? Покажи-ка ухо, полковник.

— Это может стоить тебе жизни, полковник, — покачал головой низкорослый. — Сначала свое ухо покажи.

Тарасов подошел к нему, отогнул левое ухо: у него там был вытатуирован профиль тигра. Низкорослый отогнул свое, показывая изображение сокола.

— Вот так сюрприз!

— Это уж точно!

— Группа «Сокол», если не ошибаюсь?

— Так точно. А вы — группа СОС, если не ошибаюсь?

— Произошла накладка. Придется докладывать начальству.

— Звони. Только нет никакой накладки, полковник, мы тут по другому делу.

Тарасов глянул на смотревшего на них сверху Данилина, махнул рукой:

— Спускайтесь, господин учитель, побеседуем.

Данилин что-то сделал в гондоле, и та, изменив тон гудения-свиста, пошла на снижение.

ПЕРИМЕТР ВВС

30 декабря

О тверских болотах ходит много легенд, в том числе таинственных, пугающих и страшных. Местные жители знают их достаточно хорошо и гиблые, опасные места обходят стороной. Смельчаки же, исследователи-одиночки, посвятившие себя изучению аномальных явлений природы и зачастую пренебрегавшие советами старожилов, не всегда находят то, что искали, зато почти никогда не возвращаются, уходя в болота.

Конечно, аномальные или, как принято говорить, геопатогенные зоны действительно способны преподнести сюрприз, так как в этих местах физические характеристики пространства отличаются от нормальных. К примеру, в таких зонах может резко увеличиться сила тяжести, электромагнитный фон, темп времени, вырасти или сократиться количество какого-то химического элемента, измениться состав воздуха, консистенция горных пород: твердь под ногами человека вдруг превращается в кисель или, наоборот, прозрачная заводь становится твердью, в которую напрочь вмуровываются ноги. Бывает, что от человека, попавшего под разряд энергии в центре геопатогенной зоны, вообще ничего не остается! Либо он перемещается в будущее или прошлое, не в силах вернуться обратно.

Наука двадцать первого века уже начала подходить к разгадке этих природных явлений, обработав большой массив данных, полученных многими самостоятельными исследователями порой ценой здоровья, а то и жизни.

Но, кроме природных аномальных зон, на территории России существовали аномальные зоны, созданные искусственным путем — для ограничения доступа непосвященных и защиты секретных миссий, время разгерметизации деятельности которых еще не пришло. На северо-востоке Тверской губернии в болотах Оршинского Моха существовала одна из таких зон, закрытая шатром не прогляда. Здесь располагался древний эзотери-

ческий центр Союза русских общин — ВВС. Расшифровывалась эта аббревиатура не как Военно-Воздушные Силы, а как Возрожденная Ведическая Служба Рода, и правили ею волхвы и п р а в н и к и — витязи, отвечающие за деятельность ведических, казачьих, славянских национальных общин, соборов и союзов.

Летом в этот район Оршинского Моха пройти и проехать было практически невозможно из-за определенным образом сориентированных трясин и топей. Зимние морозы и снегопады эти топи сковывали снежно-ледяным панцирем, давая возможность смельчакам дойти до центра болот, но тогда включалась другая система защиты ВВС — магическая, отводящая глаза, туманящая сознание, создающая «ведьмины поляны» и «змиевы лабиринты» — особые каналы-ловушки воздействия на подсознание человека, служащие надежными «трансформаторами намерений». Попадая в эти ловушки и исколесив весь лес, человек обычно отказывался от своих замыслов найти проходы к сердцу топи.

Центр ВВС представлял собой комплекс красивейших деревянных шатров и кремлей, создающих эффект благостного сияния. Построен он был больше тысячи лет назад, когда болот в этих местах еще не было, а кругом на сотни верст стоял могучий бор. С тех пор многое изменилось в мире, лес поредел, заболотился, кругом появились города и села, связанные сетями электропередачи, над болотами начали летать самолеты и спутники, а Ладомирье — селище ВВС — так и осталось такой же красивой, ажурной, светлой, сияющей, неподвластной времени.

Двадцать третьего дня месяца сиченя, послуха Стрибога, семь тысяч пятьсот одиннадцатого года Проснувшейся Опоры Рода, то есть тридцатого декабря по нынешним календарям, в светлице Мастера Жизни волхва Гостомысла, заботника Рода, в три часа пополудни беседовали трое: сам хозяин, темноволосый, с нитями седины в волосах и густой бороде, сероглазый, с тонким носом, витязь Бран, защитник Рода, с виду — мужчина средних лет, гладко выбритый, с располагающим лицом и кариными глазами, в которых изредка вспыхивал огонь сурового предупреждения, а также седобородый, крупнотелый, ощутимо властный Владыко — Белый волхв, хранитель Рода. Он был стар — по слухам, ему исполнилось двести с лишним лет, — но двигался легко, думал быстро и разговаривал глубоким бархатным баритоном, подчеркивающим гордую внутреннюю силу, твердость и достоинство.

Речь шла о положении, сложившемся в управлении государством, о проникновении на территорию России прямых аген-

тов СТО — Союза тайных орденов и об усилении давления на властные структуры страны внедренных эмиссаров-жрецов Криптосистемы, постепенно распространяющей свои законы и морально-этические установки по всему миру.

— На Земле в настоящее время действует множество тайных организаций, — продолжал неспешную речь Владыко, — и все они стремятся управлять развитием человечества согласно своим целям и пониманию божественной концепции. Но беда в том, что эти организации отрицают Истину: Творец заложил в человека свободный выбор и ответственность за свой выбор, дав ему свободу воли!

— А как можно отвечать за свои решения, — усмехнулся Бран, — если выбор за тебя тайно делают другие? Да еще и не люди к тому же.

— Все попытки тайно управлять поступками, душами и судьбами людей противны Замыслу Бога нашего, — добавил Гостомысл. — Совершающие сие непотребство должны быть низвергнуты и наказаны. К сожалению, мы видим обратное: человечество почти полностью поработщено, хотя и не осознает этого.

— Предел близок, — согласился Владыко. — Но система нейтрализации контроля проснулась, избрав средоточием светлых сил Русь-Россию. Нас с вами. Россия в конце концов сформирует с в о е человечество, отринув сообщества упырей и монстров. Даже если весь остальной мир погибнет, Россия останется, ибо существует и вне своей территории — в душах людей. Россия вечна и неуничтожима, как неуничтожим Абсолют и Запредельная Бездна — лоно Творца, так как она является прямым продолжением м ы с л и Творца. Свидетельством тому, что цикл экстазиса сменился циклом катарсиса, служит и появление таких систем, как Русский национальный орден. Но ему не справиться с наступлением многоуровневой экспансии Тьмы, подчинившей высшие институты власти всех государств Земли. Ваши соображения по этому поводу?

— Геократор пытается перехватить управление Россией любой ценой, — сказал Гостомысл, огладив бороду. — В иных случаях нам приходится отступать. Наша опора — панславянское движение, русские и славянские общины и союзы, но они еще не окрепли, да и в руководство их проникли агенты СТО. Опора Геократора — Синедрион с его колоссальной сетью масонских лож, орденов и сект, военные базы, научные центры, так называемые «общественные правозащитные» организации, христианские и неохристианские церкви и купленное на корню чиновничество. Жрецы Геократора подбираются уже и к руководству

казацких и славянских общин, организовали провокационное «языческое» сословие, и даже пытаются подчинить РуНО.

— Да, у нас есть такие сведения, — кивнул Бран. — В России сейчас находится магистр ордена Раздела Джеральд Махаевски, установивший контакт с одним из князей РуНО. Однако его очень трудно, почти невозможно засечь и захватить, он обладает даром магического повелевания.

— Пустите по его следу равного ему.

— Таких у нас мало, Владыко. По пальцам можно пересчитать. И все заняты делами.

— Чей он посланец? Лорда Акума?

— Геарха, Кондуктора Социума — жреца Тивела.

— Старый враг все еще в седле, — усмехнулся Владыко в бороду. — Давненько я с ним не встречался.

— Судя по его замашкам, жречество вырождается, превращается в бандитский клан, — проворчал Гостомysl.

— Жрецы тоже когда-то были людьми с выдающимися способностями. Однако авторитет высшей касты жрецов всегда привлекает подонков всех мастей, и, при слабости ее защиты, вырожденки проникают в касту и разлагают ее изнутри. Так произошло со всеми тайными орденами и ложами, не избежал этой участи и Геократор. Что мы можем противопоставить эмиссарам Тивела?

— Я направил в Первопрестольную витязя Лихаря. Среди нас ему нет равных в искусстве охоты и бранного дела. К тому же у нас появились неожиданные сподвижники — потенциальный характерник и вой Данилин, учитель из Костромы, и полковник Буй-Тур, получивший «черную метку» от проникших в РуНО агентов Акума. Лихарь свяжется с ними и попробует уговорить их послужить богоугодному делу.

— Ты имеешь в виду Данилина Андрея, друга убиенного злодеями изобретателя Федорова?

Гостомysl кивнул. Он давно привык к тому, что Владыко, занятый стратегическими масштабными планами ВВС, нередко знает все подробности и мелкие детали отдельных событий.

— Федоров самостоятельно подошел к решению Замысла Миродержателя, создал теорию вакуума и даже соорудил действующую модель летающей лодки. Он назвал ее энлоидом. Но уберечь его мы не смогли.

— Это большая потеря для нации. Давно надо было запустить программу защиты отечественных ученых, стоящих на пороге объяснения основ Мироздания. Мы постоянно теряем блестящие умы. Вот и Федорова не защитили. Надеюсь, его учитель Влади-

мир Леонов не пострадает? Примите надлежащие меры для его охраны, коль уж по Руси бродят псы-выродки Тивела и Акума.

Бран опустил голову. Упрек в первую очередь предназначался ему, отвечающему за оборону и охрану российского пространства, защиту Рода.

— Программа защиты ученых разработана и скоро будет запущена.

— Обратите также внимание на охрану наших суперкомпьютерных центров в Дубне, Черноголовке, в Институте прикладной математики РАН, в МГУ и в Информационно-аналитическом центре параллельных вычислительных сетей. В ближайшее время следует ожидать мощной вирусной атаки на наши сети, а допустить этого нельзя.

— Мы готовимся, — сказал Бран. — Князю Родареву Всеславу удалось внедрить своего человека в компьютерный центр Синедриона, и мы начали получать ценную информацию прямо с «обеденного стола» Акума. Коммуникационный мониторинг запущен, отслеживаются все возможные направления удара, разработана «зеркальная» антивирусная программа.

— Надо собирать Вечевой Сход. — Владыко поднялся. — Мы теряем мастеров и не приобретаем учеников. Пока не заработают в полную силу наши духовные школы — мы будем проигрывать в этой войне, которую не видит народ.

Он шевельнул пальцем, вычерчивая в воздухе сложный символ проявления не з р и м о г о, произнес глубоким баритоном:

— О с в е т и Я вь, отец Богов!

Стены светлицы Гостомысла исчезли, за ними пол и потолок. Находящихся в комнате со всех сторон окружила голубоватая бездна. Затем под ногами людей возникли очертания удаляющейся земли — будто они летели на самолете или в ракете, поднимаясь в космос.

Длился этот «подъем» недолго. Люди повисли на границе тьмы — вверху — и зеленого свечения — внизу. Картина прояснилась. И они увидели под собой огромное пространство страны: поля, леса, озера, реки, горы, города и села, окутанные серой, коричневой или черной дымкой — эманациями Зла. Перед ними лежала пресветлая Русь, завоеванная и униженная чуждыми идеологическими стратегиями, идеями, ложными постулатами, кривыми этическими установками. Земля эта не молила о пощаде, но требовала очищения. Очищения от скверны чужих мыслеформ и законов.

ТАРАСОВ

31 декабря

Ехали всю ночь. В семь утра прибыли в Благоево, и Тарасов сдал задержанных — Данилина с его беременной подругой, которая никак не хотела оставаться одна в деревне, и Буй-Тура с Олегом — охране профилактория, в присутствии воеводы Николая и сурового с виду человека, оказавшегося таким же воеводой, но из другого ведомства РуНО — службы «внутренней коррекции» или ППП.

— Я надеюсь, князь разберется, — сказал Владислав, когда за его «клиентами» закрылись двери хозяйственного корпуса. — Если хотите знать мое мнение, то Данилин ни в чем не виноват. Его подставили. Я проанализировал всю историю с убийством Федорова, в ней нет противоречий. Все дело в работе ученого, которого ликвидировали киллеры какого-то ордена.

Тарасов вложил в ладонь воеводы значок в форме глаза.

— Вам знаком этот предмет?

— Разберемся, — сказал воевода ППП. — Если вы понадобится князю, он вас вызовет.

— Ваш князь — не мой прямой начальник, — не сдержался Тарасов; ему все больше начинало казаться, что он поступил неправильно, доставив задержанных сюда.

— Вы обязаны подчиняться каждому иерарху этого уровня. Но, повторяю, мы во всем разберемся, полковник. Благодарю за удачное завершение операции.

— Прощайте, Михаил Константинович, — поклонился воевода Николай говорившему. — Помните наш разговор. Идемте, полковник.

Они сели в «Субару» Тарасова.

— Что вообще происходит? — посмотрел на него Владислав. — Почему нами руководит другой князь? Где Всеслав Антонович?

— Скоро будет, — ответил воевода с философским спокойствием. — Может быть, уже сегодня, к обеду. Но отдаю должное вашей интуиции, Владислав Захарович. Происходит действительно нечто странное, чему нет объяснений. Если бы я мог...

Тарасов подождал продолжения.

— Что?

— Нет, это я о личном. Хорошо, что вы не ликвидировали Данилина, а привезли его сюда вместе с полковником Буй-Туrom. Воевода Спирин доложит князю, что полковник по своей инициативе помог вам, и это позволит несколько снять остроту

ситуации. Узнав о задержании, а не о ликвидации Данилина, князь пришел в ярость.

— Почему он так заинтересован в уничтожении учителя?

Воевода вздохнул.

— Я не знаю. Пока. Но вы теперь в большой опасности, полковник. Да и мы тоже. Я это чувствую. Будьте внимательны и осторожны.

— Спасибо за предупреждение. Если бы я хоть что-нибудь понимал... Дай бог, чтобы все обошлось и никто не пострадал. Мне лично Данилин понравился, да и Буй-Тур классный мужик. Если бы они захотели повоевать с нами, наверняка были бы жертвы.

— Все позади, Владислав Захарович, отдыхайте.

— Ребят отпустить?

— Да, пускай возвращаются на базу.

— Вас подвезти?

— Не надо, у меня свой транспорт. — Воевода подал руку Тарасову, вылез из машины, направился к главному корпусу профилактория.

Владислав проводил его задумчивым взглядом, подозревая топтавшихся в отдалении бойцов.

— Все свободны, возвращайтесь на базу. Желаю приятно встретить Новый год.

— Может, тебя подстраховать, командир? — предложил Гроза. — Мало ли что придет в голову твоим рыжим недругам.

— Понадобитесь — вызову. Но, думаю, обойдется. Сами будьте поосторожней, не проводите время в незнакомой компании. Я вам раньше не говорил, теперь скажу: за нашей группой началась охота. Кто и зачем — не знаю сам, но если заметите что-нибудь подозрительное — сразу дайте знать.

Бойцы молча смотрели на Тарасова, и он добавил с кривой усмешкой:

— Звучит как розыгрыш, но информация исходит от проверенных и надежных людей. Вы же слышали признание полковника? Если уж он попал под подозрение по чьему-то расчету, то, вполне возможно, и мы превратимся в дичь.

— Выкладывал бы уже все, командир, — покачал головой Батон.

— Пока я знаю не многим больше, чем вы. Буду знать подробности — сообщу. Все, до связи.

Тарасов пожал руки подчиненным и оставил их размышлять о странном предупреждении командира. Люди они были хладнокровные, уверенные в себе, но опытные и думающие, и Влади-

слав надеялся, что его слова заставят их вести себя посдержаннее.

В Москву он приехал в начале девятого и сразу позвонил Яне.

Она уже собиралась на работу — тридцать первое декабря в МИДе было рабочим днем — и очень обрадовалась, услышав его голос:

— Роман?! Ты вернулся?!

— Только что. Предлагаю забить болт на работу, хватать тачку и мчаться ко мне. Начнем провожать старый год с приятного общения в спальне.

— Ой, не могу, — огорчилась Яна. — Сегодня я обязана быть на торжественном приеме всех послов.

— Жаль, — огорчился и он. — А когда освободишься?

— Не раньше двух.

— Ладно, не переживай, все равно празднуем вместе. Я заеду за тобой, а пока буду готовиться.

— Я пообещала маме познакомить вас. Ты не против?

В голосе девушки зазвучали умоляющие нотки, и Тарасов засмеялся.

— Вообще-то я и сам хотел познакомиться с будущей тещей.

— Что ты сказал?!

— Жди, в два буду у вашей конторы.

Он положил трубку, представил, улыбаясь, лицо девушки и снова засмеялся. На душе, несмотря на все беды и горести российской жизни, было легко и радостно. Он знал, что все у них будет хорошо и ничто и никто не помешает им быть вместе.

Зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Я люблю тебя, Слава! — с придыханием сказала Яна.

В трубке запульсировали молоточки отбоя. А он остался стоять в ступоре, вслушиваясь в звон, сквозь который в голове продолжали звучать волшебные слова: я люблю тебя, Слава... Она назвала его настоящим именем, что тоже имело большое значение. Такие слова не говорят кому попало.

Телефон зазвонил снова.

Он быстро схватил трубку, поднес к уху, собираясь пошутить: вы ошиблись номером. Однако вместо ожидаемого голоса Яны раздался незнакомый мужской голос:

— Роман Алексеевич Макаров?

Владислав едва не ответил: его заместитель, — но прикусил язык. Голос ему не понравился, он отдавал запахом пороха и войны.

— Кто спрашивает?

Голос пропал, будто говорившему заткнули рот. Вообще ис-

чезли все шумы линии, в трубке на несколько мгновений воцарилась мертвая тишина, словно связь прекратилась, затем трубка посмотрела на Тарасова оценивающе, со злобной иронией, жестко и грозно, и тишина в динамике сменилась гудочками отбоя.

Владислав осторожно, как змею, положил трубку на рычаг, глянул на свою влажную ладонь и выругался. Интуиция подсказывала, что ему позвонил не просто человек, знавший его по имени, не «телефонный террорист», но очень информированный и опасный наглец, по сути, предупредивший противника о своих намерениях. Это мог быть только тот, о ком Тарасова предупреждали князь и воевода, — прибывший в Россию со своими гнусными планами магистр, ордена Раздела Джеральд Махаевски.

«Махневский!» — всплыла вдруг в памяти фамилия якобы генерала ФАР, позвонившего в Кострому майору Гарину и уговорившего последнего дать ему сведения о Данилине. Может быть, звонил именно Махаевски, а не Махневский?

Тарасов походил по комнате, размышляя о цели звонка неизвестного, потом тряхнул головой и начал раздеваться. Черт с ними со всеми, генералами и магистрами, сегодня праздник, Новый год у ворот, надо жить и веселиться. А магистры пусть убираются в ад и не мешают честным людям радоваться жизни!

В начале двенадцатого, освеженный, чистый, благоухающий дорогим одеколоном (Тарасов предпочитал туалетную воду, одеколон и лосьон после бритья фирмы «Булгари»), он спустился во двор, к машине, открыл дверцу... и упал лицом на тротуар, отреагировав на острое чувство «ветра смерти».

Выстрела он не услышал, зато услышал удар пули, пробившей дверцу машины. Если бы он не упал — аккуратно получил бы пулю в живот. Однако, упав, он не стал дожидаться еще одного выстрела, прекрасно понимая ситуацию. Мгновенно откатился в сторону и рывком за колесо втянул себя под защиту заднего бампера «Субару». Пока он демонстрировал чудеса ловкости и гимнастический эквилибр, вторая пуля едва не поставила точку в представлении, пробив воротник зимней куртки, ужалив по касательной шею и вонзившись в литой диск колеса.

За те мгновения, что судьба отвела Владиславу на отступление, он все же успел бросить взгляд на двор и теперь, лежа за машиной, прокручивал в памяти увиденную картину.

Во дворе стояли три-четыре машины, называемые «подснежниками», — из тех, что постоянно забивают дворы многоэтажек Москвы, так как хозяева пользуются ими редко. Кроме них, среди сугробов, оставшихся после чистки двора спецтехникой, рас-

полагались еще с десятков автомобилей разных классов. Но из какого именно стреляли, понять сразу было трудно. Требовался еще один взгляд на двор — с другой точки, но для этого надо было рисковать, высовываться, брать темп и действовать, чего Тарасов делать не хотел.

Стрельба прекратилась.

Во дворе ничего не изменилось.

Жители трех девятиэтажек, образующих квадрат двора, которые в этот момент находились на его территории, ничего не поняли — стрельба велась из пистолета с насадкой бесшумного боя — и спокойно продолжали заниматься своими делами: выбивали ковры, выгуливали собак, присматривали за маленькими детьми и неторопливо брели через двор.

Секунда истекла.

Тарасов упруго подскочил вверх, охватывая одним взглядом всю панораму двора... и замер, увидев направленный в лицо ствол пистолета в трех шагах от себя. Пистолет принадлежал белокурой девице в дубленке, сидевшей в серой «Волге» с приспущенными боковыми стеклами. Рядом с ней сидела еще одна девица и держала в руке мобильный телефон. Но за минуту до этого стреляла в Тарасова не эта белокурая красавица, она просто выбирала момент, чтобы открыть огонь по «клиенту», который не ждал удара с этой стороны.

Время почти остановилось.

Тарасов совершенно четко увидел движение пальца на курке пистолета («вальтер», мать твою!), прищуренный глаз, ярко размазанные губы, искривленные азартной полуулыбкой. И одновременно с этим он боковым зрением заметил еще один черный зрачок — «глаз смерти» — в двадцати шагах от этого места, торчащий из окна джипа «Лексус». Кто держал пистолет, разглядеть было невозможно, стекло было тонированное, но Владислав не сомневался, что стреляли в него только что именно из него.

Еще мгновение...

Пальцы киллеров почти вдавили курки пистолетов...

И вдруг что-то произошло!

Какая-то тень мелькнула сбоку, сформировалась в зыбкий текущий силуэт, бесшумно переместившийся к «Волге». Раздался удар в дверцу автомобиля. Девица вскрикнула, роняя пистолет.

Тарасов инстинктивно отшатнулся в сторону, и пуля, выпущенная из джипа, пролетела мимо, с грохотом разнесла заднее стекло старенького желтого «Москвича».

«Призрак» в это время завладел пистолетом девицы в дубленке и сделал несколько выстрелов по джипу. Пули пробили боко-

вое стекло, дверцу, лобовое стекло, оставив в нем две дырочки с паутиной трещин. Водитель «Лексуса», обладая отличной реакцией, рванул машину с места, зацепил мусорный бак, ободрал крыло, но не остановился. Вырулил к проходу между домами, исчез.

За ним помчалась «Волга», пассажирка которой сидела, прижав к груди сломанную руку и глядя на того, кто отнял у нее оружие, круглыми от бешенства и боли глазами.

Машины скрылись из виду. Стало тихо.

«Призрак», превратившийся в невысокого худощавого мужчину средних лет, не выглядевшего атлетом, — обыкновенная фигура, обыкновенное губастое, гладко выбритое лицо, внимательные голубоватые глаза, — спрятал чужой пистолет в карман серой замшевой куртки, поправил на голове вязаную шапочку. Посмотрел на Тарасова. Глаза его на мгновение вспыхнули, и Владислав шатнуло! Он едва не загородился от этих глаз рукой, с изумлением разглядывая незнакомца.

— Спасибо за помощь... кто вы?

— Будьте внимательнее, Владислав Захарович, — ровным голосом произнес мужчина. — Вас же предупреждали, не стоит пренебрегать добрыми советами. В следующий раз я могу и не успеть.

— Кто вы, черт возьми?!

По губам незнакомца скользнула тонкая снисходительная усмешка.

— Не ангел-хранитель, поверьте. Мы еще встретимся и поговорим, а сейчас я спешу. Повторяю, не будьте беспечным. Советую также не проводить праздник дома. До встречи.

— Погодите... — Рука ухватила воздух.

Неизвестный спаситель Тарасова буквально растворился в воздухе, исчез. Владислав огляделся, поймал несколько любопытных взглядов, брошенных на него прохожими, отряхнулся от снега и подошел к своей ставшей грязно-синей «Субару», потрогал пальцем дырочку от пули.

— Вот паразиты!

Он вдруг только теперь осознал, какой беды избежал. Спину охватил ледяной озноб. Черт возьми, это действительно серьезно! Его враг в Москве и строит свои планы, жаждет убить! Пора принять меры, начать контрхоту и ликвидировать наглеца! В конце концов, он здесь гость, причем гость нежданный и подлый, имеющий связи и средства. Жить спокойно этот подонок не даст!

Тарасов тряхнул головой, сбрасывая оцепенение, сел в машину и обнаружил на сиденье сплюсненную пулю. Повертел ее в пальцах, усмехнулся, обретая былую уверенность и хладнокро-

вие. Ну, заяц, погоди! Дай только справить Новый год, а там я тобой займусь!

Он вывел машину на улицу и поехал за Яной.

Пообедали в ресторане «Гетьман» на Арбате.

Яна была счастлива и не скрывала этого.

Тарасов незаметно контролировал окружавшее их пространство, то есть ра б о т а л, но скрывал свою озабоченность. Впрочем, несмотря на утренний инцидент с нападением и порожденный им душевный дискомфорт, он тоже ощущал радостное нетерпение. Даже ожидание праздника и встречи с любимой девушкой наедине доставляло ему удовольствие. Если бы не предупреждение неизвестного спасителя быть внимательнее, он вообще был бы на верху блаженства.

В четыре с минутами купили на елочном базаре небольшую пушистую елочку и повезли ее на квартиру Гладышевых. Тарасов решил принять предложение Яны встретить Новый год у нее. Отец с мамой должны были уйти после восьми к друзьям, с которыми они постоянно встречались, и квартира девушки таким образом до утра была в распоряжении влюбленных.

Мать Яны оказалась очень похожей на дочь, разве что носила другую прическу, покороче, и разрез глаз у нее был чуть иным. Косметикой она практически не пользовалась, поэтому в свои сорок семь лет выглядела на тридцать, как старшая сестра Яны. Тарасову она понравилась сразу, с первых же минут знакомства, и, почувствовав его расположение, Галина Ивановна ответила тем же. Наблюдавшая за беседой Яна вздохнула с тайным облегчением. Она любила свою строгую маму, но побаивалась ее оценки.

А вот отец девушки Виталий Евгеньевич произвел на Тарасова впечатление человека недалекого, высокомерного и напыщенного. Он не говорил, а вещал, часто не заканчивал начатую фразу, словно забывал, о чем говорил, умолкал, застревая взглядом в неведомых даях, и переводил разговор на другую тему. Узнав, что Тарасов — полковник «отдела спецопераций», он одобрительно похлопал его по плечу и сказал с барской небрежностью:

— Мы тоже служили в армии, звездочки старшего лейтенанта получили. Так что знаем, что такое дисциплина.

А Тарасов вдруг понял, что этот человек до сих пор продолжает оставаться «старшим лейтенантом» в жизни, достигнув «генеральского» положения. Его «благодетелю» Геннадию, рвущемуся к власти через легализацию криминального бизнеса ма-

фии, было легко держать в узде старшего Гладышева, привыкшего не быть, а казаться хозяином положения.

Яна, заметив скользнувшую по губам друга улыбку, сказала виноватым тоном, когда они остались одни:

— Извини, папа такой... невоспитанный.

— Почему же мама не занимается его воспитанием? — покачал головой Владислав.

— С ней он ведет себя по-другому.

— Тише воды, ниже травы?

— Он любит ее.

— Верю, у тебя красивая мама. На самом деле я не осуждаю твоего родителя. Какой есть — такой есть. Но все же до сих пор не понимаю, почему он симпатизирует Геннадия.

Яна отвернулась.

— Я уже говорила: Геннадий купил ему место в совете директоров компании, и с этого момента он... находится под влиянием. А убедить его в этом невозможно.

Тарасов прищурился.

— Ты его дочь, вот и защищаешь.

— Ты не все знаешь...

— Чего я не знаю?

— Когда я ему сказала, что у меня... есть ты, — пробормотала Яна, — он устроил жуткий скандал!

Владислав помедлил, обнял ее.

— Как же тебе удалось замять скандал?

Яна слабо улыбнулась.

— Мама помогла. Не знаю, о чем они там говорили, однако наутро он даже не вспомнил о тебе. Будто ничего не произошло. И сегодня вел себя на удивление спокойно.

— Кажется, я не ошибся в своей будущей теще, — засмеялся Тарасов. — Ну, что, будем наряжать елку?

Яна ткнулась ему лицом в шею, обняла, замерла на несколько секунд, потом отстранила и побежала в ванную. Крикнула оттуда:

— Доставай игрушки, я сейчас.

— Где они лежат?

— На антресолях, на веранде.

Через полчаса елка стояла на специальной подставке в гостиной, сверкая шарами и гирляндами. Яна занялась столом, Владислав сходил в магазин докупить кое-что из мелочей. В девять часов вечера они сели за стол, открыли шампанское и начали провожать старый год, чувствуя себя легко и свободно. Ни она, ни он не знали, что ждет их в наступающем году, какие сюрпризы приготовила судьба, но оба верили, что им удастся преодо-

леть все препятствия, победить всех врагов и добиться исполнения всех желаний.

В одиннадцать с минутами Владиславу позвонил веселый Гроза и поздравил с Новым годом. Как оказалось, вся команда Тарасова собралась на квартире у Хана и веселилась, как могла. Судя по возгласам, доносившимся из телефонной трубки, среди мужчин были и женщины.

Улыбаясь, Владислав передал Яне привет от подчиненных, вспомнил о воеводе, хотел было позвонить ему, но опоздал. Николай позвонил на несколько мгновений раньше:

— У вас все в порядке, полковник?

Тарасов вспомнил свое недавнее приключение во дворе собственного дома, настроение упало.

— В общем, все нормально, отмечаем... Поздравляю вас с наступлением... или что-то случилось?!

— Тяжело ранен князь.

До Владислава не сразу дошел смысл сказанного.

— Князь? Какой? Всеслав Антонович?!

— Он должен был встретиться со вторым князем и собрать сход. Его нашли час назад на пустыре в Бутове, без сознания. Четыре пули в груди. Его добивали в голову, но пуля прошла по касательной.

— Четыре пули!..

— Одна в сердце.

— И он еще жив?!

— Всеслав Антонович посвящен в некоторые тайны мастеров жизни, поэтому он и остался жив. Сейчас он находится в реанимации в Склифе.

— Я поеду к нему!

— Отставить, полковник. Вы ему ничем не поможете. С ним мои люди. Звоню же я вам, с тем чтобы еще раз напомнить об осторожности. Охота началась серьезная, и надо быть готовым ко всему.

— Без предательства не обошлось, я уверен. Кто-то из наших работает на Махаевски. Я не хотел вас беспокоить, — Тарасов понизил голос, — но днем на меня напали...

Воевода ответил не сразу:

— Напрасно вы мне не доложили сразу. Как вам удалось выкрутиться?

— Мне помог очень интересный тип, явно не простой прохожий, а человек боя. Обещал встретиться.

— Странно... мы никого для вашей подстраховки не посылали... ладно, разберемся. Сколько их было?

— Человек пять или шесть, на двух машинах, причем двое —

молодые бабы. Стреляли из «вальтера» с глушителем, у меня пуля сохранилась.

— В князя тоже стреляли из «вальтера».

— Та же команда!

— Когда произошло нападение?

— В одиннадцать утра с минутами.

— По заключению экспертов, князь получил ранения около пяти часов вечера. Возможно, это действительно одна команда, подчиненная Махаевски. Он всегда набирает себе в подчинение женщин, отсидевших в колониях срок за особо тяжкие преступления.

— В Костроме на Данилина тоже нападали женщины! — вспомнил Тарасов. — Это они?

— Очевидно.

— Но тогда получается, что Данилина пытается убрать сам Махаевски? Чем же он не угодил магистру? И, кстати, если князь Шельмин посылает людей в Кострому с той же целью, то не связан ли он с самим Махаевски?!

— Разберемся.

— Будет поздно! Надо срочно спасать ребят — Данилина и Буй-Тура с его телохраном! Я сдуру приволок их прямо в пасть зверя!

— Это еще надо доказать.

— Да какие еще доказательства?! И так все ясно! Пока мы будем выяснять, кто прав, кто виноват, связан ли князь с магистром или нет, ребят тихо заркоуют в землю.

Пауза.

— Я не могу самостоятельно принимать такие важные решения. Мне нужна консультация с Первым...

— Консультируйтесь, а я пока освобожу их.

Еще одна пауза, подольше.

— Хорошо, разделим ответственность. Спирин поможет вам, ему тоже многое непонятно в деятельности князя. Действуйте, полковник.

Телефон умолк.

Тарасов выключил его, постоял, сгорбившись, размышляя о ситуации, окончательно возвращаясь к прозе жизни, почувствовал спиной взгляд и оглянулся. Вышедшая из гостиной Яна смотрела на него большими потемневшими глазами.

— Я слышала... тебе надо уходить?

Он попытался бодро улыбнуться.

— Новый год не отменяется, малыш. Но мне действительно необходимо срочно сделать одно дело.

— Освободить друзей?

— Да, но ты об этом никому не говори.

— Не скажу. Это опасно?

— В какой-то степени. — Он обнял ее. — Но обещаю, что я буду очень осторожен. Возможно, к утру я уже вернусь. Хочешь, отвезу тебя к родителям?

— Нет, — покачала она головой. — Я подожду тебя здесь.

— Не хочется уходить...

— Я знаю.

Владислав отстранил ее, поцеловал в щеки.

— Никому не открывай, пей шампанское и думай о хорошем.

Она грустно улыбнулась.

— Буду думать о тебе.

Он окинул ее жадным вбирающим взглядом, запоминая каждую деталь праздничного платья, каждую черточку лица, и стремительно вышел из квартиры. Бойцам группы он позвонил уже из машины.

ЗАЛОЖНИКИ

31 декабря

Они ждали, что их в скором времени вызовут на допрос и предъявят обвинение «в пособничестве врагам народа». Но минуты ползли как сонные мухи, складывались в часы, прошли сутки, а к ним никто не приходил и на допросы не вызывал. Лишь дважды молчаливый тюремщик в синей форме приносил еду в сумке: хлеб, кусок колбасы и чай в термосе. Да под вечер пришел воевода и мрачно сообщил, что князь требует доставить пленников в свою резиденцию, но он, воевода, не согласился с решением князя, и что теперь будет — неизвестно.

— Ничего хорошего, — сказал Буй-Тур.

— Попробую дойти до Пресветлого, — сказал Спирин. — Мое заявление о том, что это вы помогли обнаружить и захватить Данилина, никакого впечатления на Алексея Харлампиевича не произвело. Никак не забудет ваше недавнее... гм-гм, освобождение. Он пообещал разобраться, но таким тоном, что ждать объективной оценки ситуации не приходится.

— Ох, не нравится мне эта старуха... — пробормотал Олег.

Воевода непонимающе посмотрел на него.

— Какая старуха?

— Это я наш мультик вспомнил, по Киплингу: «Откуда пошли броненосцы» называется. Не смотрели? Там мать леопарда советы сынку давала, а еж и черепаха подслушали, после чего еж и сказал: «Не нравится мне эта старуха».

— Я мультики уже почитай лет тридцать не смотрю, — хмуро улыбнулся Спирин. — Но положение наше хреновое. Тем не менее ждите.

— Что нам остается? А где наши клиенты, Данилин с женой?

— В такой же камере, но чуть дальше по коридору.

— Она же беременна! Ей уход нужен.

Спирин развел руками.

— Я понимаю, но ничего не могу поделать. Разрешил пользоваться туалетной комнатой на первом этаже. Потом переведу ее в отдельный номер, если ничего не изменится.

Он ушел.

Ночь прошла спокойно.

Утром тот же сторож принес завтрак и записку от воеводы: «Я поехал на встречу с начальством».

А к обеду начались какие-то подозрительные шумы, и вскоре выяснилось, что князь прислал новую смену для охраны пленников, и эта смена, состоящая почти из одних женщин, с первых же минут повела себя по отношению к ним как к врагам, взятым в плен на поле боя.

Во-первых, им надели наручники.

Олег было запротестовал и был избит двумя девицами, показавшими себя настоящими мастерами рукопашного боя. Буй-Тур попытался вмешаться, однако под угрозой оружия также был закован в наручники и связан. Когда он, лежа на полу, пропел сквозь зубы: «В следующий раз, суки, я вас шадить не стану!» — получил такой удар ногой в бок, что задохнулся от боли.

Одна из девиц рывком за волосы приподняла его голову и сказала с презрительной ухмылкой:

— Я просто вернула должок, не помнишь?

Буй-Тур вспомнил. Эта белокурая стерва с толстым носом приезжала за ним вместе с монголом — телохранителем князя по имени Тенгиз.

— Вспомнил, — удовлетворенно кивнула девица. — Но мы еще поговорим, полковник гребаный, ты мне дорого заплатишь за тот случай. Да не ешь глазами-то, не то выбью оба!

Она ударила Гордея затылком об пол и вышла вслед за подружкой.

Некоторое время в камере были слышны только стоны Олега. Потом лейтенант перестал стонать и проговорил сдавленным голосом:

— Они мне, курвы, плечо вывихнули...

— Надо было бить их всерьез, — пробормотал Буй-Тур, — а не гладить...

— Кто ж знал, что они профессионалки... Все внутренности

отшибли... Однако надо что-то делать, командир, пока они не вернулись.

— В таком положении много не сделаешь.

— Так что же, как в песне поется: напрасно старушка ждет сына домой?

— Давай думать. Безвыходных положений не бывает. Ты наручники не умеешь снимать?

— К сожалению, не обучен. Вот стрелять — да, из любого вида.

— Жаль.

— Надо было еще вчера уговорить полковника, чтобы он нас отпустил.

— Он человек подневольный: приказали — всех задержанных доставить пред светлые очи начальства, он и доставил.

— Могли бы и сами освободиться.

— Не ерзай жопой по стеклу, лейтенант, — недовольно проговорил Буй-Тур. — Они профи, положили бы обоих без сомнений.

— Эт точно, — уныло согласился Олег. — Как говорил какой-то знаменитый врач¹: «Лучше десять раз тяжело заболеть, чем один раз легко умереть».

— Умный был врач, — хмыкнул Буй-Тур.

Помолчали.

Олег попытался сесть и зашипел от боли.

— Вот гадство! Шевельнуться не могу!

— Лежи, соображай, как вылезти из этого дерьма. Кстати, как ты оказался в команде ППП?

Олег помолчал, уминаясь, прикусив губу. Сказал глухо:

— Как и все... Этажом выше поселилась бандитская семейка, началась «сладкая» жизнь: каждый вечер и до глубокой ночи — крики, ор, песни, музыка... Я-то сам редко бываю дома да сплю крепко, а старики мои... В общем, отец как-то поднялся наверх, урезонить хотел...

Гордей подождал продолжения.

— Урезонил?

— Избили его, на следующий день умер, кровоизлияние в мозг. Мать слегла сразу, на неделю пережила отца... сердце.

— И ты?..

— Не сразу. Следствие началось, да ничем не закончилось. Отпустили их — «за отсутствием улик». Как будто смерть — не улика! Даже до суда дело не дошло. Следователь «доказал», что отец сам на них набросился, начал драку. Представляешь?

¹ Гиппократ.

— Знакомый сюр... — пробормотал Гордей.

— В общем, нашел я их, они все в бега подались, в Ингушетию... там и остались. Мне тоже пришлось уехать из города, я ведь из Орла... Жил в деревне Аксеново, у бабушки моего приятеля. Но тем же летом и оттуда бежать пришлось. Бабушка пошла картошку копать, у нее свой огород большой был, а там воры поле чистят. Она на них с криком: воры! Один мордоворот толкнул ее, ударил... ей и одного удара хватило. Через два дня я их нашел... Потом на меня ребята из отдела кадров ППП вышли.

— Они знали, что это ты... совершил правосудие?

— К моему удивлению, знали. Предложили работу, ну, я и согласился. Тем более что до сих пор убежден: антикоррупционный террор нашему государству необходим как воздух! Единственное, к чему я никак не могу привыкнуть, так это к тому, что я живу в оккупированной стране.

— Я тоже, — усмехнулся Буй-Тур, морщась; резко заболел ушибленный затылок. — Когда князь впервые коснулся этой темы, я ужаснулся. Зато понял, что если не бороться с засильем в верхах нелюдей, будет только хуже.

— Мы все через это прошли. Ну, вот, потом началась работа. Сначала я попал в подразделение «икс-пи» по выявлению и нейтрализации хакеров и создателей компьютерных вирусов. За три месяца работы нашли пятерых доморожденных «гениев», в основном безусую молодежь. В голове — ни грана здравомыслия! Технически и математически — все гении! Но в остальном — полная мразь, не признающая никаких моральных норм! А я с детства ненавижу вымогателей и психов, людей даже не задумывающихся о последствиях своих «гениальных» разработок.

— Тут мы смотрим на это дело одинаково, — буркнул Гордей. — Не прав был классик: гений и злодейство еще как совместимы! Вот только душа у такого «гения» мертвая. Именно поэтому он никогда не поймет, что своей деятельностью мешает жить миллионам других людей. А что вы делали с хакерами? Не пробовали увещевать?

— Били их нещадно! — улыбнулся Олег и тут же зашипел от боли, неловко дернув плечом. — С-сука толстоногая... Ставили на контроль, снова били — тех, кто продолжал плевать на закон и наши предупреждения... Пробовали и воспитывать. Да это все равно что просить рыбу бороться за права червяков. Никакого положительного результата! Да и какой должен быть результат, если у всех у них психика нарушена? Я уже потом понял, когда перешел в другое подразделение, что этих тварей невозможно усовестить и вылечить, их можно только «мочить». Потом я работал с телефонными террористами, из тех, что любят сообщать

по телефону о минировании больниц, школ и вокзалов. Это в основном подростки и молодые идиоты до двадцати лет, редко — старше. Этих мы тоже пиз...ли жестоко, предупреждали родителей и друзей, что будем калечить...

— Результат был?

— За полгода работы этот вид кренинизма снизился в Москве на пятьдесят с лишним процентов, я читал сводку. Приятно было, что работал не зря. — Олег вдруг хихикнул. — Мне даже удалось побыть в шкуре телохрана.

— Что тут смешного?

— Так ведь охранял я не просто VIP-персон, а наших девчонок, участвующих в конкурсах типа «Мисс Мира». Навидался такого, что до сих пор с удовольствием вспоминаю. Им ведь разрешалось переодеваться только в присутствии охраны, представляешь? Мы отворачивались первое время... И знаешь, что я тебе скажу?

— Что?

— Видел я многих красавиц, в том числе зарубежных, европейских, американских, азиатских, но, ей-богу, лучше наших не встречал! Американки вообще все уродки: грудь деланая, попа подтянутая, носик исправленный — сплошной силикон и хирургия! А наша — утречком проснулась, потянулась, яблочко съела — и хоть замуж, хоть на конкурс! А губки какие! — Олег зажмурился. — Так и целовал бы сутками!

Буй-Тур засмеялся.

— Поцелуй — источник заразы.

— Это ты просто завидуешь. Не, командир, я правду скажу, наши девки лучше всех! Ну а уже после всех тестов я и попал под твое начало.

— Не разочаровался?

— Ни на грош. Наоборот, понял, что без нашей работы с паразитами не справиться. Я как-то полистал брошюрку под интересным названием «Азбука российских скинхедов». Изданную, между прочим, типографским способом. Так вот там говорится, что быть скинхедом почетно, что бритоголовые — солдаты своей расы и нации, белые воины, что именно они стоят на передовой расовой борьбы, каждый день сражаясь за будущее и счастье своего народа. А разве мы не делаем то же самое?

— Движение скинхедов — политическая провокация, — вспомнил Буй-Тур свои беседы с князем. — Национальное движение должно быть чистым, не агрессивным, хотя и твердым, а скины работают грязно, настраивают общественное мнение против в с е х попыток выражения национальной идеи.

— Ну, в философии я не силен, но уверен, что мы — воины

справедливости, от которых многое зависит. Ты разве не так думаешь?

— Болтаешь много... воин справедливости, — проворчал Буй-Тур. — Пора выбираться на волю. Нехорошо у меня на душе, чую чье-то недоброе намерение сделать нам секир башка. Как бы воеводу нашего не угрохали по дороге к главному...

— Что предлагаешь?

— Надо снять наручники.

— Как?

— Ключом, естественно.

Олег хохотнул и охнул, снова дернув плечом.

— Хорошо же мы встречаем Новый год! В разных местах бывало, но в камере — первый раз. Однако ключа у нас нет, ты связан, я практически некомбатант. Может, ребятам позвонить?

— В рельсу, что ли? Мой телефон сразу изъяли, как только нас сюда сунули. Остается только позаимствовать ключ у тюремщиков.

— Я баб уговаривать не умею, а добровольно они не отдадут.

— Значит, придется отбирать принудительно. Я начну, когда кто-нибудь явится, а ты поддержишь. Вряд ли они будут ждать нападения.

— Я-то поддержу, — с сомнением проговорил Олег, — да только я не большой спец по рукопашке. Пострелять — да...

— Ничего, прорвемся, не ждать же, пока нам кишки выпустят.

— Они могут, стервы еще те... Хотя я предпочел бы сейчас сидеть за столом с ребятами, а не лежать здесь и ждать конца.

— Тише... идут!

Пленники замерли. Потом Олег прошептал:

— Это просто муха залетела...

Буй-Тур фыркнул.

— Ты чего? — хмуро удивился лейтенант.

— Представил, как муха залетела...

— Ну?

— Не врубился? Знаешь, как бабы между собой говорят, забеременев? Я, кажется, «залетела».

Олег хмыкнул.

— Ну и воображение у тебя, командир... а вот теперь, похоже, идут!

В коридоре за дверью камеры слышались голоса, шаги, металлическое позвякивание, деревянный стук. Загремел, поворачиваясь в замке, ключ, дверь открылась. В камеру вошли две давшие девичьи: мускулистая белокурая блондинка с толстым

носом и смуглолицая, с лицом некрасивым и злым, и с ними знакомый Гордею монгол, узкоглазый и равнодушный.

Блондинка подошла к Буй-Туру, пнула его носком сапога.

— Вставай, полковник, пора начинать бал.

— Дед Мороз ждет, — ухмыльнулась ее напарница.

Буй-Тур понял, что шансов на объективное разбирательство дела у них нет. И допрашивать их князь вовсе не собирается. Ему они не нужны, ни как сотрудники, ни как свидетели. А это означает одно: жить им с Олегом осталось всего ничего — от силы полчаса. Убивать их здесь не будут, это вотчина воеводы, уберут за пределами Благоева «при попытке к бегству». Значит, атаковать конвоиров надо при посадке в машину, иначе будет поздно. Понимает ли это лейтенант?

Буй-Тур поймал косой взгляд Олега, сказавший ему, что напарник думает о том же. Что ж, не все потеряно, господа. Как там говорил депутат в Думе? «Наша партия состоит не только из коммунистов, но и из умных людей». А это обнадеживает.

— Вставай, дядя! — Блондинка с толстым носом одним рывком подняла Буй-Тура на ноги. — Да не вздумай брыкаться, башку проломлю!

Гордей стиснул зубы, чтобы не сказать лишнего. Понуро побрел в коридор, всем видом выказывая покорность.

Застонал Олег: брюнетка грубо дернула его за руки.

— Осторожнее, мадама! У меня плечо сломано!

— Ничего, до могилы дойдешь.

— Премного благодарен, я еще пожить хочу.

Удар, стон. Олег упал на колени, однако был поднят с двух сторон и вынесен в коридор. Блондинка заперла камеру, толкнула Буй-Тура в спину:

— Шагай!

Коридор был неширок — метра два от стены до стены — и освещен тусклым плафоном у лестницы. Воняло в нем краской и ацетоном, видимо, стены недавно красили. В левой стене коридора было три двери, в правой две. Процессия остановилась у последней, напротив пожарной камеры. Блондинка вставила ключ в замок и повернула...

Млада проснулась в половине одиннадцатого.

Уснула она всего два часа назад, после массажа, который Данилин называл *лажением*, но все же успела за это время отдохнуть и чувствовала себя бодро.

— Ты не спал?

— Охранял твой сон, — сказал Андрей. — Не волнуйся за меня, я вообще мало сплю.

— Потому что занимаешься единоборствами?

— Единоборства — всего лишь одна из составляющих общего психофизического тренинга. Я давно этим занимаюсь, с детства, прошел много школ, пока не встретил мастера Школы русского воинского искусства и не начал тренироваться по особой системе.

— «Любки»?

Андрей с мягкой улыбкой погладил девушку по щеке.

— Запомнила, молодец. Да, эта система называется «Любки» и, кроме приемов рукопашного боя, очень своеобразных, кстати, характерных для спирально-вибрационных техник, дает еще и основы традиционного русского целительства, позволяет укрепить здоровье и полней раскрыть возможности своего тела.

— Ты меня научишь?

— Зачем?

— Хочу быть сильной и защищать своих детей.

— Будем вместе их защищать. Вот кончится черная полоса в нашей жизни, мы выберемся на свободу, устроимся где-нибудь основательно, и я начну тебя тренировать.

— Ты уверен, что все так и будет?

Он постарался передать ей импульс уверенности и силы.

— Обещаю! В конце концов выяснится, что мы ничего дурного не делали, только защищались.

Млада поежилась; она лежала на топчане, он сидел рядом.

— Эти женщины... у них больные глаза!

— У них больные души, — вздохнул он. — Я вообще не понимаю, почему такая организация, как Русский орден, опирается на людей, которые ставят себя вне рамок нормальных человеческих отношений, вне моральных принципов.

— Полковник Буй-Тур, что нам помогал, хороший человек...

— Грубоват, но не глуп и совестлив, что отрадно. Да и второй тоже приятный мужик. Но они люди подневольные, вынуждены подчиняться приказам начальства, а вот начальство у них поганое. Я это чувствую.

— Что они с нами сделают?

— Допросят, наверное, проведут следствие и отпустят.

— А если нет?

— Тогда мы сами освободимся.

— Как?

Он с легкой усмешкой показал ей снятые наручники; перед тем как уйти, новые стражники — молодые женщины вызываю-

шего вида — надели Андрею наручники. Младу они тоже хотели заковать, но пожалели.

Девушка удивленно округлила глаза.

— Как ты это сделал?!

— Я и тебя научу. Существует особая система тренировки скелетной подвижности: кости можно вынимать из суставных сумок и возвращать на место.

— Здорово! А что еще ты умеешь?

— Например, дистанционно манипулировать движением противника.

— Разве это возможно?

— Конечно.

— Покажи.

— Подними руку вверх.

Млада повиновалась.

Андрей засмеялся.

— Ну вот, пожалуйста.

— Что — пожалуйста? — не поняла девушка.

— Я к тебе не прикасался, но ты выполнила мое желание — подняла руку. Разве это не дистанционное манипулирование?

— Обманщик! — притворно рассердилась Млада.

— Ничуть, — не обиделся он. — На самом деле существует древняя борецкая система аудио- и пси-манипулирования людьми, доступная только большим мастерам воинских искусств. На Земле таких наберется не больше сотни человек.

— Ты тоже?

— Кое-что я, конечно, умею, но овладел далеко не всеми приемами этой системы.

— Карате?

— Карате — японский вариант более мощной системы «Жива». Я изучал русбой школы Васильева, стиль Кадочникова, казацкий спас, русский «барс», восточные стили, но все они — лишь отголоски «Живы», которой владели наши предки более семи тысяч лет назад.

— Откуда ты это знаешь?

— Рассказывали знающие люди, посвященные в тайны боевых техник. По их словам, в те времена существовало четыре сословия, четыре касты, и русские среди них были кастой в и т я з е й, то есть профессиональных воинов, защищавших цивилизацию.

— А потом?

— Потом была война... с магами... и началось долгое нравственное падение людей, распад цивилизации, приход ложных

мессий и богов. Но это отдельная история. Как-нибудь мы поговорим об этом.

— Я думала маги — это сказки...

— К сожалению, это реальность, хотя и скрытая от большинства людей.

— Почему — к сожалению?

— Потому что нынешние маги вобрали в свои души все зло мира и действуют не во благо людей, а ради своих корыстных целей. Добрых среди них очень мало.

— Плохо...

— Еще бы! — согласился Андрей.

— А ты встречался с ними?

— Как тебе сказать... напрямую не встречался, но мой первый учитель по русбою был знаком с волхвом.

— Настоящим?

— Самым что ни на есть. А теперь я подозреваю, что и мой родной дед по маминой линии тоже был знаком с шаманами и волхвами. Он и сам был ведун, костоправом и целителем.

Помолчали.

Млада устроилась поудобнее, прижимая к груди руку Андрея.

— Тебе будет тяжело со мной...

— Это еще почему? — удивился он не столько словам девушки, сколько смене хода ее мыслей.

— Я такая неумеха... я даже готовить как следует не умею.

— Ты мне это уже говорила. Не горюй, жизнь — хороший учитель, научит всему. А во-вторых, родишь, посидишь годик с маленьким и учиться пойдешь.

— Куда?

— Сама решишь.

— Это когда еще будет. А тебе придется меня содержать...

— Что за глупости лезут тебе в голову? Ты не содержанка, ты моя жена, а это совсем другое дело. Не волнуйся, нам будет на что жить. Устроюсь на работу, и все образуется.

— Учителем?

— Не обязательно. В подмосковном Серпухове создана спортивная федерация русских народных игр, мне предлагали ее возглавить. Но даже если мы уедем из Москвы, везде можно будет найти работу, создать такую же федерацию или спортивный центр.

— Ты так уверенно говоришь...

— Потому что знаю, о чем говорю.

Он не стал продолжать: «Главное — выбраться из этой передряги живыми». Вслух говорить такие слова было нельзя. Андрей

хорошо знал, как любое, даже небольшое волнение сказывается на здоровье будущей матери и ребенка.

Внезапно по камере протекла струйка холодного воздуха.

Андрей насторожился, прислушался к себе. Организм, настроенный на получение вневещественной информации, отреагировал на изменение полевой обстановки вокруг.

— Приготовься, — тихо сказал он.

Млада вскинулась.

— К чему?!

— К встрече Нового года, — как можно мягче улыбнулся он. — Все уже давно сидят за столами, празднуют, вот и вспомнили, наверное, о нас.

— Шутишь?

— Хотелось бы верить, что нет. На всякий случай будь готова ко всему, но ни во что не вмешивайся.

В коридоре за дверью родилось эхо приближающихся голосов, шаги и шум. Где-то недалеко загремел засов, скрипнула дверь. Голоса смолкли.

— Это не к нам... — прошептала Млада.

— К соседям, — кивнул Андрей, начиная настраиваться на боевой лад. — Буй-Тур и Олег сидят в другой камере.

— Чего им надо?

— Сейчас узнаем.

Прошла минута, другая... Снова скрипнула дверь. Послышались женские голоса, чей-то стон, глухая возня.

— Еще раз что-нибудь скажешь — язык отрежу! — отчетливо услышал Андрей.

В замке повернулся ключ, дверь камеры рывком распахнулась, на пороге возникла крутобедрая, широкоплечая, толстоногая блондинка в камуфляже. В руке она держала резиновую дубинку.

— Выходите!

— На ночь глядя? — сказал Андрей с рассеяннo-вопросительной интонацией. — Может, лучше завтра утром?

— Еще один разговорчивый попался, — презрительно скривила губы блондинка. — Выходи, петух, да не пытайся приемчики показывать — живо инвалидом сделаю! О бабе своей подумай, ребеночка может лишиться.

Млада вздрогнула, вцепилась в локоть Данилина.

— Не бойся, тетя шутит, — успокоил ее Андрей. В состоянии боевого транса он легко мог справиться с блондинкой, отобрать у нее дубинку и пистолет в кобуре на боку, но в коридоре наверняка ее ждали сослуживцы, и, не зная, сколько их и как они вооружены, рисковать не стоило.

Блондинка отступила в сторону.

Андрей и Млада вышли в коридор, увидели мрачно сгорбившегося, закованного в наручники Буй-Тура и согнувшегося, обвисшего на руках здоровяка-монгола и второй девицы Олега.

— Вперед! — скомандовала толстоногая блондинка.

Андрей уловил косой предупреждающий взгляд полковника и понял, что другого такого шанса освободиться у них не будет.

Он в с п ы х н у л — по телу разлилась волна энергии, — и время послушно замедлило свой бег...

ВАЗА

31 декабря

В две тысячи четвертом году с Гондурасской верфи «Freedom», на одно сооружение которой потребовалось двадцать пять миллионов долларов, был спущен на воду величайший в мире корабль «Sun Freedom», на постройку которого было потрачено десять миллиардов долларов за два с половиной года. Задуманный как цитадель справедливого социального устройства, десятипалубный корабль по официальным данным принадлежал группе известных олигархов Старого и Нового Света, на самом же деле его владельцем был Экзократор, тайная организация, формирующая стратегию развития человечества как глобального «донора» черных «надцивилизаций». Руководил Экзократором Арот Сенечел Си-Он, «злейший друг» жреца Тивела, о с у щ е с т в и т е л ь концептуальной транснациональной власти. Тивел догадывался, что Арот Превышний не является человеком, но не знал, что тот был рожден на Земле, только очень давно — около двух тысяч лет назад, и не в человеческом обществе, а в сокрытой от людей реальности, управляемой остатками цивилизации ушедших в небытие лемурийцев.

Спуск на воду гигантского «Солнца Свободы» — его длина превысила один километр сто метров¹ — после войн в Афганистане, Ираке и Пакистане, закончившихся небывалым падением авторитета американцев, многим показался обыкновенным вызовом «мирового гегемона» — США всем террористам мира. Слишком уж удобной мишенью был этот корабль, по сути — искусственный остров, оснащенный всеми чудесами техники, ис-

¹ Длина печально знаменитого «Титаника» составляла всего 250 метров.

пользующий замкнутый экологический цикл и имеющий собственный ядерный реактор. В средствах массовой информации даже развернулась дискуссия, долго ли продержится на плаву «Солнце Свободы», на борту которого удобно разместились банки, казино, стадионы, парки и сады, а также университет, колледж и больница. Кроме того, корабль вмещал тридцать тысяч апартаментов стоимостью от полумиллиона до полутора миллионов долларов, и все они были раскуплены еще до его постройки и спуска на воду. Журналисты держали пари — кто первым нанесет удар по столь значимой цели, потрясающей человеческое воображение, исламские террористы-смертники под командованием полумифического Усамы бен Ладена или шахиды Саддама Хусейна, поклявшегося «затопить Америку кровью американцев».

Но шли дни, месяцы, прошел год, а «Солнце Свободы» продолжал плавать по морям и океанам как незыблемая твердыня, не имеющая с виду никаких защитных средств. И лишь несколько человек во всем мире знали, что секрет этого успешного проекта кроется в присутствии на борту корабля Арота Сенечела Си-Она. Здесь была его резиденция, центр Экзократора, имеющий мощнейшую магическую криптозащиту. Ракеты, пушки, пулеметы и торпеды «Солнцу Свободы» были не нужны. Он охранялся особым состоянием пространства, окружавшего корабль, которое не допускало людей, имеющих намерения причинить кораблю какой-либо ущерб, ближе, чем на полсотни километров.

Конечно, как и любое государство, имеющее четкие границы и конституцию, корабль, число обитателей которого превысило сто двадцать тысяч человек, имел свою полицию, разведслужбу и даже тюремный изолятор, но эти атрибуты власти нужны были не Экзократору, а «простым смертным», пассажирам-жителям корабля, по сути, представляющим собой «маскировочное поле» Экзократора. Этим «полем», в случае каких-либо осложнений политического или природно-стихийного характера, можно было пренебречь.

Апартаменты Арота Си-Она были расположены в носу корабля, в особой зоне, недоступной для остального населения. Ему незачем было показываться на людях, он мог созерцать красоты природы прямо из своей каюты, построенной по образцу жилищ, бесчисленное множество которых Арот Превышний имел в разных концах света на земной тверди. Поскольку биологической основой мага было тело лемура, то и жилище представляло собой нечто вроде кусочка сельвы — древних джунглей с центральным стволом мангра, по которому любил лазать Арот,

размышляя над решением стоящих перед Экзократором задач. Лишь перед слугами и во время сеансов связи со своими эмиссарами Превышний менял облик, выбрав для этого — то ли ради шутки, то ли из презрения, то ли по другим мотивам — облик христианского распятого бога. Ему нравилось, когда его собеседники-люди раздражались, с трудом сдерживаясь, чтобы не выразить свое недоумение или ярость, но особенно его забавляла реакция главы Криптосистемы жреца Тивела. Жрец был полукровкой: отцом его был человек, матерью — лемурийка. Именно поэтому он люто ненавидел и тех, и других. Людей — за то, что они мешали ему осуществлять свои планы, потомков лемурийцев, некогда владевших планетой, — за то, что они до сих пор стояли выше его, обладая той властью, о которой он мечтал.

Тридцать первого декабря в девять часов вечера («Солнце Свободы» стоял на траверзе бухты Фолс-Бей в Атлантическом океане, почти у самой южной оконечности Африки), что соответствовало одиннадцати часам вечера по Москве, Арот Превышний слез со своего «древа размышлений», накинул на себя оранжевый хитон и сел в уголке каюты, оборудованной всеми элементами человеческого быта, на особый диван, подстраивающийся под форму тела и позу седока.

Перед ним высветился в воздухе плоский квадрат экрана размером в рост человека, покрылся красными «паучками» криптозащиты и превратился в мерцающий тоннель, уходящий в бесконечность. Затем из глубин тоннеля вынеслись серебристые пузырьки, похожие на пузырьки воздуха в воде, вырвались наружу и трансформировались в звуки речи. Человеку они показались бы невнятными, шипящими, дребезжащими, непонятными, но голос, который услышал Арот, человеку не принадлежал. Это был голос автомата, контролирующего канал личной связи Превышнего с коллегами на других мирах Галактики.

Из устья тоннеля вылетел шарик побольше, превратился в голову такого же лемура, каким был Арот, только совсем седого и с глазами, светящимися изнутри как два уголька.

— Что-нибудь случилось, Кондуктор? — спросил соплеменник Превышнего.

Его звали Адуи Сенечел Ди-Ж, он руководил Тайным Кнесетом Галактической империи «надцивилизаций» и курировал экзократоры второго Звездного Рукава, в который входило и земное Солнце.

— Соскучился, — пошутил Арот. — Давно не беседовали.

— Возникли проблемы? — не принял шутки Адуи.

— Проблемы всегда были и всегда будут, — перешел на официальный тон Арот. — Возникла угроза разгерметизации знаний

об истинном устройстве Универсума. Однако все находится под нашим контролем. Мои слуги устранили источник угрозы, и обстановка нормализуется.

— Не устранили, — показал острые желтые зубы Адуи Сенечел Ди-Ж. — Ваш посланник слишком самонадеян, ему не справиться с такой системой, как «Три-Эн».

Арот озадаченно пригладил лапкой усы на лемурьей мордочке.

— Вы полагаете, эта система... запущена?

— А вы разве этого не ощущаете, Кондуктор? — Тон голоса Главного контролера стал холодным и язвительным. — Или пытаетесь меня успокоить?

— Мы работаем...

— Тогда перестаньте тратить попусту мое время! «Три-Эн» инициирована, хотите вы этого или нет! Если вы не пошевелитесь — нашему владычеству на Земле придет конец! Найдите всех, кто причастен к запуску «Три-Эн», и уничтожьте!

— Но я...

Видеопризрак Адуи растаял.

— С-с-саш-ши-хосс ушш-фотт-сса-а... — проговорил вслух Арот с философской кротостью, что в переводе на земные языки означало: «Чтоб ты сдох!» Он никогда не питал к Главному манипулятору каких-либо дружеских чувств и всегда ему завидовал, так как считал себя по рождению, образованию и положению не ниже, чем выскочка из клана Ди-Ж. Однако вынужден был подчиняться и раболепно гнуть перед ним спину, в надежде, что когда-нибудь они поменяются ролями.

Взяв со столика, плавающего в воздухе у дивана, бокал с мерцающей синеватой жидкостью, Арот в три глотка осушил его и некоторое время просидел в одной позе со сведенными к носу глазами. Очнулся, тонкими безволосыми пальчиками отправил в рот ломтик муравьиной струганины, пососал и одним движением пальца соорудил вокруг головы сферу мысленного общения-оперирования с Общим Компьютером Экзократора. Получив исчерпывающую информацию обо всем, что происходило на Земле, он снова включил консорт-линию связи.

На этот раз поиск абонента потребовал больше времени, так как абонентом этим был жрец Тивел, глава Криптосистемы Геократора, который всем своим поведением давал понять Превышнему, что подчиняется ему лишь по традиции.

Пора менять, подумал Арот без особого раздражения, как о чем-то давно решенном. Геократором должен руководить более гибкий и послушный Кондуктор. Облизав пальцы, Арот решил не включать программу виртуального преобразования, меняющую его облик для внешних корреспондентов.

Перед ним проявилась зыбкая фигура Тивела в красно-коричневых одеждах. Лицо жреца было бесстрастным, лишь в глубине черных глаз пряталась саркастическая искорка. Увидев главу Экзократора в естественном обличье, он не удивился, только по синеватым губам жреца скользнула непонятная усмешка.

— Приветствую Превышнего. Как ваше здоровье?

— Прекрасно, — сухо сказал Арот на своем языке. — Доложите обстановку в русском регионе.

— Все под контролем, Превышний, — перешел Тивел с английского на лемурийский.

— Конкретнее, дражайший Кондуктор.

— Мой агент добился прекращения утечки информации, ситуация в русском регионе стабилизируется.

— Вы ошибаетесь, Кондуктор.

— Что? — удивленно поднял серебристые брови Тивел. — Я ошибаюсь?! Я правильно вас понял, Превышний?

— Ваши агенты докладывают вам не все.

— Этого не может быть!

— Магистр Махаевски — так зовут вашего агента? — ошибается в оценке ситуации в России. Это чревато негативными последствиями. Если он будет продолжать действовать слишком прямо, его ликвидируют.

— Едва ли это кому-нибудь удастся сделать, — скривил губы Тивел.

— Он излишне самонадеян и ограничен. Зачем он пытался нейтрализовать князя Русского ордена, вместо того чтобы подчинить его пси-энергетически?

— Что значит — пытался? Он его убрал... Князь мешал ему...

— Князь жив, и теперь вся ваша агентура в России находится под угрозой ликвидации. РуНО — не обычный орден, его деятельность контролируется Русской Вечевой Службой.

Тивел вспыхнул, но секундой позже овладел собой.

— Русский орден нам не помеха. В его ряды внедрены наши агенты...

— Вы ошибаетесь, Стратег. Нельзя недооценивать противника, искушенного в выживании. ВВС — древнейшая система самосохранения русского Рода, с ней не справились даже наши предки. Ее адепты-волхвы — сильные операторы реальности.

— Волхвы уже давно не контролируют информационное поле и социум России. В скором времени мы их окончательно раздавим.

— Очевидно, у нас разные источники информации о состоянии дел в России. По моим данным, речь идет о возрождении

национального самосознания русских. А это означает, что территория России снова начинает выпадать из-под контроля.

— Мои сведения говорят о другом.

— Проанализируйте все аспекты этого процесса. Боюсь, мы на пороге большой войны.

Взгляд Тивела изменился, стал властным и жестким. Его можно было упрекнуть в самолюбии и пренебрежении мнением собеседника, но не в отсутствии ума и инстинкта самосохранения.

— Вы полагаете... процесс... запущен?

— Несомненно. В России сработал инициатор «Три-Эн». Отзовите своего алчного пса, он только навредит общему делу. Действовать надо тоньше, не силовыми методами, а через первый и второй приоритеты управления. Только так мы сможем управлять с е й Россией, а не только верхушкой ее власти. Силовые методы на уровне шестого и пятого приоритетов только заставят противника сплотить ряды. Необходимо явное и неявное, прямое и косвенное об о л в а н и в а н и е масс, переход к бесструктурному управлению, основанному на ложном миропонимании. Наши эксперты две тысячи лет готовят методологические установки перехвата власти в России, а вы хотите справиться с этой задачей за несколько дней.

— Это не так, Превышний. Мои агенты решают неотложные оперативные задачи в рамках общей концепции.

— Отзовите магистра Махаевски, он увлекся л и ч н ы м и делами, что вредит главному. Разница между вектором целей и вектором текущего состояния слишком велика для такой деликатной миссии, как ликвидация источника утечки информации на чужой территории. Я все сказал.

Арот выключил канал связи и снова взялся за ломтик наркотической струганины, позволяющей испытывать кайф от б е з м ы с л и я.

В свою очередь Тивел, сидя перед опустевшим экраном монитора связи, взял с подноса, висящего перед ним в воздухе, бокал темно-рубиновой жидкости, рассеянно отхлебнул, вздрогнул — организм отреагировал на удар наркотизированной сомы вспышкой жгучего наслаждения, и вызвал посланца. Через несколько секунд на экране возник текст ответа:

«Я весь внимание, повелитель».

— Магистр, возвращайтесь.

Пауза. Текст на экране сменился:

«Доведу дело до конца и вернусь».

— Вами заинтересовалась служба безопасности ВВС. Оставьте решение задачи магистру Етанову и возвращайтесь.

«Етанов не в состоянии самостоятельно решить эту проблему. Его так называемые профессионалки, которыми он меня одарил, далеки от кондиций. Все свидетели по делу Федорова у меня в руках, осталось только убрать команду СОС. На это мне понадобится от силы два дня».

— Нет смысла тратить время на ликвидацию команды СОС, это ничего не решает.

«Позвольте мне выбирать противника самому, повелитель. Команда СОС слишком часто стала переходить нам дорогу. Она будет уничтожена!»

— Личные мотивы только мешают делу, магистр. К тому же вы можете столкнуться с более мощным противником.

«С витязями, что ли? Буду очень рад. Давно не встречал серьезных конкурентов».

— Но вы не знаете их возможностей!

«Абсолютно не важно, каковы возможности противника, повелитель. Восторг тела во время схватки сильнее всяких предупреждений об опасности! Сильнее любого наркотика! Но еще не родился на Земле мастер, достойный меня. Я преподам их хвальным витязям хороший урок и вернусь».

— Вы делаете большую ошибку, магистр.

«Посмотрим, повелитель».

Тивел выключил систему связи и снова взялся за бокал, размышляя над словами магистра: «это сильнее любого наркотика...» Что хотел сказать этот самолюбивый потомок побочной линии жрецов-левитов? Зачем ему понадобилось будить «русского медведя» в его собственной берлоге? Может быть, Махаевски, сам того не ведая, и является спусковым механизмом системы включения «Три-Эн»? Как ключ для снятия блокировки в ядерной бомбе?.. Но в таком случае Превышний прав, магистр сам копает себе яму!

Тивел допил жидкость в бокале... и забыл, о чем думал. Его дух улетел в страну блаженства и наслаждения, где не было места трезвым мыслям.

ТАРАСОВ

31 декабря

Времени на базовую экипировку у группы не было, и бойцы прибыли к пункту сбора — на дачу воеводы Николая, расположенную в поселке театральных деятелей недалеко от метро «Бе-

говая», — буквально «в чем мать родила», то есть в тех костюмах, в каких они встречали Новый год.

Воевода отдал все, что у него было: два комбеза типа «драйв», три пистолета «котик», один разгрузочный жилет, именуемый в просторечии «разгрузкой», один бронежилет первого класса защиты типа «камбий» (вес — пять килограммов), боевой арбалет и комплект РДД¹. Лишь Гроза явился вооруженным и в обычном джинсовом «прикиде»: он оставался на базе и справлял праздник в узком кругу готовившихся заступить на дежурство сослуживцев.

Быстро переоделись.

Тарасов натянул РДД, превращаясь в зыбко-туманную тень (костюм был покрыт специальным составом, почти не отражавшим свет), приладил на ухо усик рации; к счастью, раций хватило на всех.

— Эх, нам бы инфранчик...

— Чего нет, того нет, — развел руками воевода. — Все инфраны в сейфе у князя.

— Жаль.

— Какова задача? — полюбопытствовал Гроза.

— Задача одна: без выстрела захватить хозяйственный блок профилактория «Благоево», освободить наших парней и тихо, без шума, незаметно покинуть территорию. Вопросы?

— Что за спешка? — осведомился мрачный Хан; ему пришлось уговаривать подругу подождать его возвращения, а не искать компанию, и настроение у лейтенанта было минорное.

— Глупых вопросов не задавать! — отрезал Тарасов. — Если все понятно — поехали.

Через минуту они мчались по сверкающей фейерверками Москве в сторону МКАД на джипе «Вольво», принадлежащем воеводе, с трудом разместившись в салоне внедорожника. Сам Николай Степанович с ними не поехал, у него в связи с последними событиями были свои соображения, что надо делать.

В Благоево приехали в половине первой ночи, став свидетелями небольшого фейерверка, который устроила отдыхающим администрация профилактория. Народ гулял, веселился, пел, танцевал, пил и не обращал внимания на мороз и сопутствующие ему обстоятельства — пар изо рта, отмороженные щеки, уши и пальцы.

Охрана на воротах профилактория отсутствовала.

¹ РДД — спецкостюм для разведывательно-диверсионной деятельности.

— Приготовились! — негромко скомандовал Тарасов, почуяв знакомую «предстартовую лихорадку». — Похоже, нас опередили!

Никто из бойцов отряда не задал ему вопрос: как он это опередил? В анализе обстановки их командир практически не ошибался.

Гроза вылез из джипа, толкнул дверцу караулки, зашел внутрь и через минуту появился у ворот с той стороны. Отодвинул одну створку, вторую, залез в кабину.

— Охранник мертв!

Тихо присвистнул Нос.

— Давай, — кивнул Тарасов Инженеру, сидевшему за рулем.

Джип въехал на территорию профилактория, обогнул центральный корпус, у которого на площади веселились отдыхающие, притерся к заборчику возле одноэтажного строения с табличкой на фасаде: «Общественный пункт охраны порядка». Света в окнах строения не было.

— Выходим.

Группа высадилась, озаряемая всполохами взлетающих в небо ракет. Но уже через минуту фейерверк закончился, и стало темно.

Бойцы выстроились за командиром в цепочку, и Тарасов первым направился к двухэтажному хозяйственному корпусу профилактория, у входа в который горел фонарь.

На площадке перед входом мерзли четыре автомобиля.

Один был занесен снегом по крышу, представляя собой типичный «автоподснежник». Черная «Волга», очевидно, принадлежала кому-то из начальства профилактория. А чуть поодаль, развернувшись носами в разные стороны, стояли серый джип «Лексус» и минивэн «Фольксваген Шаран» лилового цвета. Темные стекла и слабое освещение стоянки не позволяли разглядеть, сколько человек находится внутри, но Тарасов не стал ждать, пока пассажиры сами обнаружат себя. Молча сжал локоть Грозы.

Лейтенант надвинул на лоб вязаную шапочку, исчез и появился уже на дорожке, ведущей к зданию со стороны главного корпуса, с бутылкой в руке. Где он ее нашел, осталось неизвестным. Покачиваясь и что-то напевая, он двинулся мимо автостоянки ко входу в корпус. Когда до крыльца с тремя ступеньками оставалось всего пятнадцать шагов, дверца минивэна отошла вбок, на снег выпрыгнул здоровенный детина в камуфляже и окликнул Грозу хриплым басом:

— Эй, придурок, куда прешь? Заворачивай!

— Чаво? — пьяно обернулся Гроза. — С Новым годом, братан! Давай выпьем за дружбу. — Он протянул бутылку детине.

— Проваливай! — громила в камуфляже схватил лейтенанта за плечо... и рухнул в снег лицом вниз.

— Первым прибыл — первого и обслужим, — прошептал Гроза, отшвыривая бутылку. — Закон ателье, однако.

В то же мгновение рядом с джипом и минивэном возникли две фигуры в маскировочных комбинезонах, выдернули из кабин двух водителей — один из них оказался женщиной — и успокоили ударами в голову.

— Прости, господи! — пробормотал Хохол, которому пришлось нейтрализовать женщину в дубленке.

— Батон, Инженер — ко второму выходу! — бросил Тарасов. — Нос, останешься здесь. Остальные за мной!

Он тенью скользнул вперед и открыл тяжелую деревянную, обитую металлическими полосами дверь в здание.

В небольшом квадратном холле, освещенном одним бра на стене, прохаживалась по мозаичному полу рослая девица с круглым равнодушным рябым лицом. Она оглянулась на гроыхнувшую дверь, сунула руку под борт коричневой дубленки, и Тарасов на бегу метнул нож. Попал. Нож воткнулся в руку девицы, она вскрикнула, отшатываясь, попыталась достать оружие левой рукой (хорошая реакция, но любительская), и Владислав, приблизившись вплотную, без жалости ударил рябую в подбородок. Девица отлетела к стене, разбила спиной стеклянную витрину с какими-то плакатами и сползла на пол.

Из коридора слева метнулся к Тарасову смазанный силуэт в камуфляже, раздался глухой хлопок выстрела: пистолет у нападавшего был с глушителем. Однако еще раз выстрелить ему не дали. Со стоном спущенной тетивы арбалета воздух прошла стрела, найдя горло плечистого малого в шапочке-маске, скрывающей лицо. Раздался булькающий хрип. Парень выронил пистолет, схватился руками за горло и рухнул на ступеньки холла, заливая их кровью.

— Только покойник не ссыт в рукомойник! — прокомментировал это событие Гроза.

На мгновение движение группы остановилось.

Тарасов окинул взглядом помещение.

На полу холла неподвижно лежали три тела. Два принадлежали тем, кто пришел сюда раньше — девице и парню в комбете, третье — охраннику в синей форме. Он был убит выстрелом в голову.

Владислав поднял вверх растопыренную ладонь, согнул два пальца.

Гроза с арбалетом и Хан метнулись в правый и левый проходы коридора, Хохол взял под контроль лестницу, ведущую на вто-

рой этаж. Тарасов направился к лестнице, уходящей вниз, в подвальные помещения корпуса, прихватив по пути свой нож и пистолет убитого.

— Здесь никого, — прошелестела рация. — Спускаемся за тобой.

Тарасов не оглянулся, будучи уверенным, что подчиненные не подведут. За спиной у группы было около полусотни операций, и все они закончились успешно. Конечно, экипировка оставляла желать лучшего, они привыкли к супертехнологичным новинкам типа инфразвукового излучателя, терачастотного лазера, с помощью которого можно было видеть сквозь стены, или органайзера — компьютерного терминала, позволяющего ориентироваться на любой местности и управлять каждым бойцом группы. Но они так давно работали вместе, так хорошо дополняли друг друга, что действовали как одно многорукое, многоногое и многоголовое существо.

Тарасов спустился до площадки между этажами, готовый мгновенно отреагировать на любое изменение обстановки, осторожно глянул вниз поверх перил.

Выход с лестницы в коридор подвального этажа освещался тусклой лампочкой, света которой едва хватало для ориентации в нешироком пространстве коридора. На нижней ступеньке спиной к неслышно спускавшемуся Владиславу неподвижно стоял высокий мужчина в кожаном пальто, вооруженный пистолетом. Его спина не позволяла видеть весь коридор. Но по звукам, доносившимся из коридора, можно было судить о количестве людей, находившихся там. Голоса принадлежали женщинам, да изредка слышался чей-то мужской голос. Звякнули запоры двери, раздался скрип.

Идущий следом за командиром Гроза дотронулся пальцем до его плеча, протянул арбалет.

Тарасов отрицательно качнул головой, поднял над головой сжатый кулак, растопырил пальцы. И прыгнул вперед, преодолевая одним прыжком сразу весь нижний пролет лестницы. Ударил мужчину в кожане рукоятью пистолета по затылку. Ворвался в коридор.

Его взору представилась следующая картина.

В коридоре всего в нескольких шагах от него стояли Буй-Тур со скованными за спиной руками, согнувшийся Олег, поддерживаемый здоровяком-монголом и черноволосой девицей, и еще одна крупнотелая, бедрастая девица в камуфляж-комбинезоне, придерживающая дверь в ближайшее помещение, из которого в этот момент выходили Данилин и его беременная подруга.

Бедрастая, с крупным некрасивым носом девица единствен-

ная из троих конвоиров сразу поняла, что происходит, и очень грамотноотреагировала на падение одного из своих помощников. Не оборачиваясь, она сделала шаг в сторону, доставая пистолет, и одним движением спряталась за толстой деревянной дверью камеры, в которой до этого находились пленники.

Если бы мужчины в этот момент замешкались, промедлили, все могло кончиться печально. Однако они не промедлили, доказав, что не зря считаются профессионалами.

Буй-Тур вдруг ударил ногой по носку ботинка черноволодой — сверху, так что она, охнув, согнулась, выпуская локоть Олега. В то же мгновение лейтенант, казавшийся совсем обессиленным, крутанулся на каблуках, вонзая локоть в живот монголу. Данилин, как бы продолжая заранее отработанный прием, ударил коленом в лицо брюнетку, отбрасывая ее к стене, на мгновение буквально исчез из глаз — так быстро он двигался — и успел перехватить руку с пистолетом, высунувшуюся из-за двери. Резко рванул ее вверх и вниз, ломая кисть блондинке. Затем в действие вступили бойцы группы СОС.

Звонко шелкнула тетива арбалета. Толстая короткая стрела прошла дверь и прищипила к ней блондинку с толстым носом.

Тарасов бросил нож в монгола, попадая ему точно в переносицу.

Хан выстрелил, и успевшая поднять свой пистолет брюнетка в камуфляже отлетела в глубь коридора, отброшенная ударом девятимиллиметровой пули «котика». Второго выстрела не потребовалось.

Короткий бой закончился. Движение в коридоре остановилось, словно кадр на экране телевизора.

Где-то в недрах здания наверху зародился короткий шум, смолк.

Тарасов кинул взгляд на Грозу, и тот метнулся к лестнице, исчез.

— Привет, полковник, — будничным тоном сказал Буй-Тур. — Честно говоря, мы тебя не ждали. Что заставило тебя и твоих парней вылезти из-за праздничного стола?

— Скучно стало, — ответил Тарасов без улыбки. — Все живы-здоровы? Идти сможете?

— Поползем, если понадобится, только наручники снимите.

Хохол вышел из-за спины командира, нагнулся, поднимая связку ключей, выпавшую из руки так и оставшейся висеть на двери девицы с толстым носом. Звякнули, падая на пол, наручники.

— Якши вашу мать! — сказал Буй-Тур с кривой улыбкой, раз-

миная кисти рук. — До чего же приятно быть свободным! Ты как, лейтенант?

— Хреново, — сквозь зубы процедил Олег, — болит...

— Что болит? — поднял голову Данилин, обнимавший Младу.

— У него плечо выбито.

— Разрешите, я посмотрю?

— Лечиться будем не здесь, — буркнул Тарасов. — Пора уходить.

— Я быстро.

Данилин помог Олегу снять куртку и рубашку, осмотрел его плечо, поводил над ним ладонями, не прикасаясь к телу.

— Закрой глаза и представляй, что тебе на плечо льют холодную воду. Представил?

— Ну?

Данилин дернул Олега за руку, одновременно поворачивая ее в локте.

Раздался хруст, короткий вскрик.

Олег отскочил, открывая глаза. Лицо его побледнело еще больше, покрылось каплями пота.

— М-мать!.. Извините... предупреждать же надо...

— Все, — пожал плечами Данилин, пристально рассматривая издала плечо лейтенанта. — Пошевели пальцами.

Олег пошевелил, прислушался к своим ощущениям, недоуменно поднял брови.

— Не болит, зараза... надо же... ты врач, что ли?

— Не врач, но немножко разбираюсь в этом.

— Спасибо! Прямо как заново родился! Я теперь твой должник! Отблагодарю при первом же случае.

— Потом будете благодарить друг друга, — недовольно напомнил о себе Тарасов. — Соберите оружие, вдруг понадобится.

Он первым направился к лестнице, чувствуя не облегчение, а, наоборот, беспокойство. Показалось, будто он упустил из виду нечто важное, от чего зависит его судьба. Да и боевая часть операции завершилась слишком удачно, без особого напряжения. Но разбираться в своих ощущениях было недосуг, оставалась не менее важная часть операции — возвращение.

На первом этаже Владислава встретили Гроза и Батон.

— Нашли еще двух деятелей, — сказал возбужденный и злой лейтенант. — Точнее, одного мордоворота — прятался на втором этаже. И бабу — сторожила запасной выход. Она подстрелила Инженера.

Екнуло сердце.

— Сильно?!

— Бедро прострелила, пуля в ногу сидит.

Тарасов выбежал из холла наружу, наткнулся на сидящего на ступеньках крыльца Инженера, вокруг которого хлопотал Нос, заматывая ногу бинтом.

— Как это случилось?

— По глупости, — скривился Инженер. — Сам подставился. Баба такая шустрая оказалась, если бы еще и стрелять умела, я бы тут с тобой не разговаривал.

— Где они? — Владислав посмотрел на Батона.

— Обоих положили, — оскалился капитан. — Уговорами таких не возьмешь. Мы им предложили нихт шизн и гитлер капут — не подействовало.

— Как ты себя чувствуешь? — снова наклонился к Инженеру Владислав.

— Как рыба на крючке, — бледно улыбнулся лейтенант.

— Как бы парень кровью не истек, — озабоченно сказал Нос. Подтянулись остальные. Данилин вышел вперед.

— Подождите, не бинтуйте, я посмотрю на рану.

— Тогда штаны снимать придется.

— Дайте нож.

Тарасов протянул учителю свой нож.

Данилин воткнул его пару раз в снег, затем разрезал слипшуюся от крови штанину, сосредоточенно ощупал бедро Инженера пальцами, не надавливая на рану. Замер на несколько секунд. Глаза его посветлели и буквально засветились изнутри медвяно-желтым блеском.

Инженер вздрогнул, шире раскрывая глаза.

— Горячо!..

Данилин разогнулся, вытер окровавленные ладони снегом.

— Кровь больше идти не будет. Но потом все равно его надо к хирургу. Я не могу достать пулю. Она повредила вену, в этих условиях восстановить стенку сосуда не удастся.

— Ничего, наши врачи быстро его прооперируют, — сказал Гроза. — Давайте я отвезу его на базу.

— Встать сможешь? — посмотрел на раненого Тарасов.

Инженер встал, опираясь на протянутые руки, наступил на поврежденную ногу, прикусив губу, с удивлением оглянулся на Данилина.

— Не болит!

— Я заговорил рану, — пожал плечами Андрей. — Можете идти, только не особенно нагружайте ногу.

Бойцы с уважением глянули на освобожденного пленника.

— Вам цены нет, — проворчал Нос. — Присоединяйтесь к отряду, мы похлопочем перед начальством.

— Спасибо, — вежливо покачал головой Данилин.

— Нет, серьезно.

— Отставить болтовню! — нахмурился Тарасов. — Батон, Хохол, возьмите минивэн, отвезите Анатолия Михалыча на базу, к хирургу. Остальные — по машинам.

— Куда едем? — осведомился Гроза.

— Сначала ко мне домой, мне кое-что проверить надо... Потом все соберемся у воеводы.

— А трупы куда?

— Я вызову наших чистильщиков, пусть позаботятся о трупах, а заодно выяснят, что это за спецгруппа здесь была. Если она подчиняется князю...

— Тот монгол был телохраном князя, — заговорил Буй-Тур. — Я с ним уже встречался. Кроме того, мы там нашли вот это. — Он подал Тарасову значок в форме глаза.

— Знакомая штучка.

— И я о том же.

— Ладно, разберемся, садитесь.

Внезапно рация в ухе Тарасова сыграла мелодию консорт-вызова. Он отошел в сторону.

— Как дела, полковник? — раздался в наушнике голос воеводы Николая.

— Норма, — ответил Тарасов. — Ранен Инженер, но не тяжело, пуля в ногу. Мы возвращаемся.

— Успели?

— В самый раз.

— Сколько их было?

— Десять штыков. У одной из девиц обнаружен значок в форме глаза.

— Это знак принадлежности к российской масонской ложе под названием орден Власти. Главой ордена является патриарх Русской неохристианской церкви Николай Етанов. Это его люди, группа особого назначения, так сказать.

— С ними был телохран князя...

— Ничего удивительного, князь сотрудничает с Етановым, они росли в одном городе и даже учились в одной школе. Телохран — лишнее свидетельство их связи. Но я звоню по другому поводу: убит воевода Спирин.

Тарасов оглянулся на своих подчиненных и на освобожденных пленников, выглядывающих из машин, сдержал проклятие.

— Когда это случилось?

— Полчаса назад его тело нашли на льду Москвы-реки в районе Крымского моста.

— Как он там оказался?

— Вопрос не по адресу. Известно лишь, что воевода добился аудиенции у Пресветлого, но, видать, не дошел.

— Как он погиб?

— Удар в грудь. Очень мощный удар. Сломаны ребра, грудная клетка вдавлена, сердце буквально сплющено.

— Черт!

— Именно, полковник, словно черт копытом ударил, — не весело пошутил воевода. — На базе вам лучше не появляться, езжайте сразу ко мне, там обсудим положение.

— Инженера надо в больницу...

— Я привезу хирурга. До связи.

Рация замолчала.

— Что там, командир? — осведомился Гроза.

— Убит воевода Спирин, — глухо ответил Тарасов, направляясь к джипу. — Поехали.

За Кольцевой автодорогой разделились.

Хохол, Нос и Батон пересели в минивэн к Инженеру и бывшим пленникам и поехали к воеводе.

Тарасов, Хан и Гроза на джипе воеводы отправились к дому Яны. Недоброе предчувствие, терзавшее душу Владислава на протяжении всего пути, выросло в тревогу. Яна не отвечала на звонки, а ее мобильный был заблокирован. Оставалась маленькая надежда, что она все-таки решила не оставаться дома одна и поехала к родителям.

Однако надежда не оправдалась.

Дома девушки не было. Никто на длинное пение дверного звонка не отреагировал и к двери не подошел.

— Ключа нет? — поинтересовался Гроза.

Владислав отрицательно качнул головой.

— Не помнишь, какой здесь замок?

— По-моему, один с защелкой, наподобие английского, второй фигурный, и засов.

— Если дверь закрыта на засов, придется ломать.

— Если бы Яна была дома, она бы уже подошла.

Гроза достал небольшой пенальчик, в котором лежал необычной формы инструмент, похожий на вилку, нож и шило одновременно.

— Хорошо, что я всегда ношу с собой зубочистку.

Тарасов усмехнулся. «Зубочисткой» лейтенант называл отмычку.

Замок шелкнул.

— Все правильно, это однозубый «англичанин», его расческой открыть можно. А второй не заперт.

Гроза потянул за ручку, дверь открылась.

Тарасов бесшумно шагнул в прихожую, пригнувшись к запахам квартиры и прислушиваясь к ее тишине. Ноздрей коснулся чужой недобрый запах, запах страха и опасности.

В гостиной все выглядело, как и до ухода Владислава, лишь на ковре валялся разбитый бокал и темнело пятно впитавшегося в ворс вина. Тарасов заглянул в спальню Яны, потом в спальню родителей, в туалетную комнату, никого не обнаружил и вернулся в гостиную. Глаз зацепился за клочок бумаги, выглядывающий из-под вазы с цветами. Владислав вытащил свернутый листок с надписью: «Позвони». Чуть ниже был нацарапан номер мобильного телефона.

Он вздохнул с облегчением и тут же сглотнул ком в горле. Почерк не принадлежал Яне.

— Записка? — любопытствовал Гроза, вернувшийся из кухни.

Вместо ответа Владислав набрал указанный номер. После долгой паузы в трубке заговорил сухой мужской голос:

— Полковник Макаров?

— Да, — мрачно ответил Тарасов, не сразу вспомнив свое нынешнее «псевдо». — Кто говорит?

— Вы нас очень разочаровали, полковник, — продолжал голос, игнорируя вопрос. — Ваша самодеятельность будет вам дорого стоить. Ваша дама у нас. Если до семи часов вечера первого января вы не приедете туда, куда мы укажем, она умрет.

— С кем я говорю, черт побори?!

— Не перебивайте! Вы прикажете своим солдатам отправиться на базу в Бескудниково — мы проследим за ними, а сами — без оружия — явитесь ко мне для переговоров. Запомните адрес: Серебряный Бор, улица Березовая — бывшая Первая линия, дом девять. Запомнили?

— Идите к дьяволу!

— У вас четырнадцать часов, полковник. Решайте, жить вашей подруге или нет.

— Это решает Господь...

— На все моя воля, полковник! Я вас жду.

В трубке загудело.

Тарасов некоторое время смотрел перед собой ничего не видящими глазами, очнулся от прикосновения.

— Они взяли ее? — с утверждающей интонацией спросил Гроза.

Тарасов кивнул.

— Кто?

— Не знаю. Велено приехать по указанному адресу... для переговоров.

Гроза хмыкнул, переглядываясь с Батоном.

— Может быть, это князь?

— Нет смысла гадать.

— Так давай съездим. Ребят вызывать?

— Я должен быть один.

— Хорошо, ты будешь один, а мы — где-нибудь поблизости.

Куда ехать?

— В Серебряный Бор.

— Там моя девушка живет, — оживился Хан. — Я неплохо знаю те места.

— Отставить, — поморщился Тарасов. — Я пойду один. Выходите.

— Ты прямо сейчас поедешь?

— Мне дали время до семи часов вечера. Едем к воеводе, посоветуемся.

— Вот это правильно, нечего пороть горячку.

Хан и Гроза вышли.

Тарасов окинул взглядом гостиную Яны, представляя, как девушку хватали грубые руки, затыкали рот, связывали, выносили из квартиры, и дал в душе клятву убить всех, кто похитил его любимую ради своих гнусных целей.

ДЕРЕВНЯ СУКОННИКОВО

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Глубокой ночью в спящую деревню тихо въехала машина иностранного производства, но с костромскими номерами — «Опель»-фургон. Она остановилась у первого жилого дома, к крыльцу которого была протоптана в снегу узкая дорожка. Фары погасли. Хлопнула дверца. Из кабины выбралась на дорогу, укрытую недавно прошедшим снежком, темная фигура, сверкнул фонарь.

Скрипя снегом, фигура двинулась к дому, подсвечивая под ноги, постучала в дверь. Долгое время никто не открывал. Потом за дверью послышался старческий голос:

— Кого нелегкая несет в такую позднь?

— «Скорая помощь», — буркнула фигура. — Нам нужна дача профессора Федорова.

— Не знаю никаких прохвессоров.

— Открой, дедушка, людям помочь надо.

Загремела шеколда, дверь приоткрылась. На пороге появился

старик в наброшенном на исподнее тулупе, со свечой в руке. Свет свечи упал на фигуру, и стало видно, что это рыжебородый монах в черной рясе, отороченной мехом. На груди у него висел странный крест в виде человеческой фигуры с выпученными глазами на прямоугольной голове.

— У вас здесь живет ученый Федоров, — продолжал монах сиплым голосом. — Его жена заболела.

— Кажись, есть один вчелый, — согласился старик, почесываясь. — Вторая изба с краю. Токмо он под Новый год уехал, кажись. Хоча, моgetь быть, и приехал обрат.

— Приехал, приехал. Проспал ты, дед. А ты один живешь или с семьей?

— Дети в городе, старуха уехала к родственникам, один я но-
нича.

— Значит, второй дом с краю, говоришь?

— Там Граиха ране жила, да преставилася, царствие ей небесное. — Старик перекрестился. — А дочка Граихина хату-то и продала какому-то вченому. Труба у них новая, и ворота крашены.

— Спасибо, дед. — Монах достал из складок рясы пистолет, выстрелил, проследил за падением тела, впихнул его ногой в сени и закрыл дверь. Вернулся к машине.

— Вторая изба с другого краю.

«Опель» двинулся дальше, урча мощным мотором, миновал центр деревни с магазином, освещенным фонарем на столбе. Остановился у хаты, купленной, по словам старика, «вчелым». Из кабины вылезли на снег три фигуры: монах, женщина в дубленке и мужчина в камуфляжной форме. Подсвечивая под ноги фонарями, все трое направились к дому Федорова. Осмотрели замок на двери, потолкали ворота.

— Все закрыто, придется ломать, — проворчал мужчина в камуфляже.

— Окно выбей, — посоветовала женщина, закуривая.

— Соседи услышат.

— Уберем, если услышат.

Мужчина, увязая в снегу по колено, перелез палисадник и в три удара выбил раму ближайшего окна, скрылся в доме. Через минуту появился во дворе, загремел засовами, приоткрыл створку ворот.

— Заезжать будем?

— Нет, — коротко ответила женщина.

— Осторожнее, там внутри черт ногу сломит.

— Кот, обыщи хату, — распорядилась женщина. — Вдруг документы какие найдешь, чертежи или дискеты. Спиридон, загляни в сарай. Здесь тачка недавно стояла, может, бензин отыщется.

Мужчины разошлись.

Тот, кого предводительница отряда назвала Котом, включил фонарь и начал шарить по комодам, столам и шкафам в хате, то и дело наступая на какие-то лопающиеся под ногами зерна. Заинтересовавшись, он нагнулся, разглядывая рассыпанное по полу пшено.

— Что за хрень?!

Разогнуться и понять, что происходит, он уже не смог. В глазах вдруг потемнело, воздух застрял в легких, сердце остановилось. Он выронил фонарь, схватился руками за горло, попытался разорвать воротник комбинезона, не сумел и повалился на пол, судорожно царапая грудь ногтями. Попытался крикнуть, но изо рта вырвался только тихий хрип. Дернувшись несколько раз, он затих.

В углу комнаты сгустился мрак, бесшумно — несмотря на пшено на полу — переместился к упавшему, превратился в зыбкую человеческую фигуру. То ли призрак, то ли оборотень без плоти, поднял фонарь и направился к двери, обретая массу и форму того, кто только что умер от неизвестных причин.

Монах в это время включил свет в сарае, осмотрелся и вернулся к начальнице.

— Там действительно лаборатория, хламу полно, какие-то железные машины стоят, но бензина нет.

— Принеси канистру из багажника.

Монах послушно направился за канистрой.

Женщина в дубленке подошла к сараю, заглянула в распахнутую дверь. Ее внимание привлекла конструкция на верстаке, и она подошла ближе, разглядывая металлический шар с рычагами, опутанный проводами.

Что-то прошелестело за спиной, будто легкий сквознячок.

Она оглянулась, и на голову ей рухнул потолок...

Монах вернулся во двор с канистрой бензина в руке, никого не увидел и позвал:

— Хильда!

Никто ему не ответил. Только в сарае что-то стукнуло, слышались легкие потрескивания, словно по разохшимся половицам шагала женщина в сапожках.

Монах кивнул сам себе, вошел в сарай, ища глазами спутницу.

— Вот, принес... — Он не договорил.

Перед ним в воздухе образовалась тень с глазами, в которых горел ледяной огонь приговора.

— Изыди, антихри... — Монах бросил канистру, попятился, доставая из-под полы ясы пистолет.

Но рука его вдруг перестала слушаться, ноги ослабли, стали

ватными, в сердце вошла острая боль. Задохнувшись, монах прижал руки к груди, покачнулся и упал навзничь. Глаза его так и остались открытыми, полными предсмертного ужаса.

Текущая тень выбралась из сарая, неслышно пересекла двор и растворилась в темноте ночи.

В кабине «Опеля» сидели двое, водитель и пассажир на заднем сиденье, куривший сигарету. Они почти не разговаривали, изредка перебрасываясь односложными репликами.

Прошло несколько минут с момента выхода группы, однако в доме и во дворе ничего не изменилось, не было слышно голосов ушедших, и покой ночи не нарушало ни одно движение.

— Что они там копаются? — буркнул тот, что сидел сзади. — Всего-то делов — облил углы бензином и поджег.

— Сходи, поторопи, — предложил водитель.

Куривший затянулся, открыл дверцу и выдохнул дым уже снаружи, за пределами кабины. Больше он ничего не успел сделать.

Чья-то рука зажала ему рот, рванула голову влево. Раздался хруст. Курильщик обмяк, не издав ни звука.

— Ну, что застрял? — оглянулся водитель. — Кабину выступишь, мороз на улице.

Он вдруг увидел два светящихся ледяных глаза, глядящих на него из темноты, выговорил оторопело:

— Ты чего, Макс?!

— Спи! — раздалось в ответ.

Водитель вздрогнул, шире открывая глаза, хотел было достать пистолет, но руки не слушались, в голове раздался гитарный звон, она поплыла куда-то, качаясь на невидимых волнах, и водитель уже не видел, как обладатель светящихся глаз, человек-тень легонько прижал ему пальцем сонную артерию.

Постояв немного возле «Опеля» с работающим двигателем, человек, легко уничтоживший группу зачистки, которую послал в Костромскую губернию глава ордена Власти для ликвидации последних «очагов утечки информации», связанных с работой Льва Людвиговича Федорова, обыскал салон автомобиля. Затем втащил в салон тела убитых — вынес их по очереди из дома и со двора, погасил свет в сарае, запер двери и ворота, сел за руль.

Машина сдала назад, до площади с фонарем, развернулась и тихо двинулась к выезду из деревни. У крайнего дома остановилась. Водитель, не выключая мотора, заскочил в дом, с минуту колдовал над телом старика, тяжело раненного в грудь, перенес его в горницу, уложил на кровать. Потом постучал в дверь соседнего дома, дождался, пока ему откроют, и попросил соседку поухаживать за раненым. Снова сел в машину.

Двигатель заворчал громче, «Опель» тронулся с места и пропал в темноте. Перекрестившись, пожилая женщина в пуховом платке, накинутом на голову и плечи, побежала к хате старика.

«Опель» между тем миновал село Никольское, выехал на Галичское шоссе, повернул к городу, но двигался недолго. Водитель, ориентируясь только по ему известным приметам, свернул налево, разогнал машину и, выпрыгнув из нее на ходу, направил с моста в реку. Проломив ограждение моста, «Опель» упал на лед и взорвался.

— Порядок! — проворчал человек, отряхиваясь. — С Новым годом, господа мерзавцы. Передайте там, в аду, что п а с т у х и нам не нужны.

Отойдя полкилометра от места падения «Опеля» в реку, он сел в стоявший у обочины шоссе серебристый «Ягуар» и уехал.

«Опель» догорел — за это время мимо не проехала ни одна машина, шоссе в новогоднюю ночь пустовало, — и стало совсем темно. Лишь звезды равнодушно смотрели на лес, поле и дорогу, не желая вмешиваться в суетные дела людей.

ТАРАСОВ

1 января

Шел уже четвертый час длинной новогодней ночи, когда Тарасов, оставив джип во дворе, вошел в коттедж воеводы в сопровождении Хана и Грозы. Дверь открыл молчаливый охранник с автоматом через плечо, и по одному этому факту — охрана владений обычно перед гостями воеводы не показывалась — можно было судить о тревожной атмосфере, царящей в доме.

Бойцы группы ждали своего командира в гостиной, о чем-то беседуя. Воевода появился на винтовой лестнице, ведущей на второй этаж, махнул рукой и скрылся, бросив:

— Я сейчас.

— Ну, что там, командир? — заметил Тарасова Хохол.

— Где Инженер? — вопросом на вопрос ответил Владислав.

— Спит, — ответил Нос. — Приезжал врач, вытащил пулю, все нормально.

— А где наши подопечные?

— Разъехались кто куда.

— Как это разъехались?!

— Полковник со своим телохраном вызвал своих орлов и направился куда-то отдыхать. Куда поехали Данилин с дамой, неизвестно, он не сказал. Пообещал позвонить. А что, надо было их не отпускать?

— Одной заботой меньше. — Тарасов сел в кресло, помял лицо ладонями. — Лишь бы не попались снова.

Появился воевода, а вместе с ним сурового вида мужчина в свитере. У него были усы и седоватая бородка, придававшие ему вид представителя творческой интеллигенции — художника или артиста.

— Знакомьтесь, — произнес Николай. — Валентин Платонович, полковник, начальник службы целеуказаний.

Тарасов пристально оглядел человека, подчиненные которого не однажды выводили группу СОС на цель и еще ни разу не ошиблись. Встав, пожал ему руку.

— Не ожидал вас увидеть, Валентин Платонович.

— Обстоятельства, — отрывисто бросил главный «наводчик» СОС. — У нас серьезные проблемы. Воевода в курсе, обсудите с ним ситуацию, я скоро вернусь.

Он вышел.

Тарасов покачал головой, глядя ему вслед.

— Если уж такой человек рискует «засветиться», дела наши действительно неважные.

— Что случилось, Владислав Захарович? — сказал Николай, ощупывая лицо Тарасова пронизательными серыми глазами. — У вас похоронный вид.

— Какие-то мерзавцы похитили его девушку, — ответил за командира Гроза.

Воевода нахмурился.

— Так... Кто?

Тарасов сел, посмотрел на него снизу вверх.

— Подозреваю, что это люди князя Шельмина, которому мы подложили хорошую свинью, освободив полковника Буй-Тура. Или... — Он помолчал. — Или наш «доброжелатель» из-за бугра.

— Махаевски.

Тарасов кивнул.

Воевода пригладил волосы на затылке, задумчиво прошелся по комнате, сел напротив.

— Рассказывайте.

Владислав коротко поведал ему историю с возвращением и поисками Яны. Подсевшие ближе бойцы группы смотрели на командира с удивлением и недоверием, потрясенные известием. По их мнению, такого просто не могло случиться ни с кем из них, а тем более с командиром. Лишь Гроза и Хан, знавшие о похищении, не реагировали на рассказ, оглядывая интерьер гостиной, отделанный под старину: длинный деревянный стол, деревянные кресла, сундуки, лавки вдоль стен, коллекции деревянных ковшей, ложек, изделий из дерева на стенах, домотка-

ные дорожки и коврики, рушники с орнаментами, красивые занавески.

— Они все-таки опережают нас, — проговорил Николай, когда Тарасов закончил. — На полшага, но опережают. Боюсь, князь уже доложил первому о вашей «измене», полковник. Возможны осложнения.

— У вас же есть доказательства, что князь связан с Махаевски и Етановым.

— Этого мало. Шельмин наверняка каким-нибудь образом подстрахует, к примеру, соорудит «легенду» о раскрытии «заговора». Или подсунет Пресветлому план операции по внедрению в орден Власти своих агентов. А теперь еще и вы у него на крючке.

— Я должен дать ответ до семи вечера.

— Советую не идти. Мы с Валентином собираемся добиться приема у Пресветлого и все объяснить.

Тарасов покачал головой.

— Князь пошел ва-банк. Он убрал Спирина, покушался на Всеслава Антоновича... и вас уберет, не задумываясь. Вряд ли Пресветлый вас примет, а если и примет, то не поверит, а если и поверит, то обязан будет проверить. Проверка же займет не один день. К тому времени князь наверняка найдет способ добраться до вас. А я не могу рисковать... жизнью... ни в чем не повинного человека.

— Мы пойдем с тобой, командир, — сказал Батон. — Неужели не справимся с каким-то там князем?

— Не забывайте, что на стороне князя магистр Махаевски.

— Да пусть даже сам дьявол! Вспомни, командир, какие операции мы проворачивали.

— Я не могу рисковать, — повторил Владислав. — Серебряный Бор наверняка просматривается телекамерами, вам шагу не дадут ступить. Нет, я пойду один, выясню обстановку, условия, какие мне предложат, и позвоню.

— Но, командир...

— Отставить пререкания! — Тарасов встретил взгляд воеводы и увидел в его глазах понимание и сочувствие. — Машину дадите?

— Нет, — сказал Николай. — Вам лучше отправиться туда на такси. Но я бы посоветовал перед встречей поспать пару часов. Вы должны быть в форме.

Тарасов подумал и согласился. Спать не хотелось, мысли о Яне, находившейся в плену у неизвестных похитителей, не давали покоя, будили злое воображение, заставляли придумывать все новые и новые способы освобождения девушки и планы мести. Но он все же заставил себя принять душ, лечь на диван в одной из комнат коттеджа и смежить веки.

Освоению красивейшего Серебряного Бора на северо-западе столицы положила начало еще Екатерина II, повелев устроить там Конный двор. Строительство первых дач в этом прекрасном уголке Москвы началось в девятнадцатом веке. Одним из первых здесь построился Великий князь Сергей Александрович, сын императора Александра II. Вслед за ним и его семейством сюда постепенно перебазировалась практически вся московская знать и особенно купеческая верхушка: Морозовы, Рябушинские, Бахрушины, Баевы. Так в конце девятнадцатого — начале двадцатого века возник дачный поселок. Городским парком он стал уже в советские времена, когда городские власти разрешили провести там мелиоративные работы, осушить болота, берега Москвы-реки повысить, а саму реку расширить. Вековые деревья и песчаный пляж сделали Серебряный Бор любимым местом отдыха москвичей, хотя к концу двадцатого века многие дачи перешли в разряд частных владений, и территория бора, доступная для отдыха, резко сократилась.

Тарасов бывал здесь лишь однажды, да и то пару лет назад, поэтому ориентировался плохо. Таксист высадил его в конце короткой Березовой улицы, упиравшейся в водоканал, и уехал. А Тарасов, озабоченно глянув на табличку с номером 7 — дом за глухим и высоким забором был последним, размышляя теперь, что делать, так как ему было предписано прибыть к дому номер 9. Именно этот дом на Березовой улице и отсутствовал.

— Что-то ищите, молодой человек? — раздался из-за двери в заборе чей-то голос; дверь приоткрылась, на Тарасова глянул пожилой человек в меховой шубе и пыжиковой шапке.

— Извините, — пробормотал Тарасов, — я ищу дом номер девять...

— Нет здесь такого, — снисходительно пожал плечами обладатель шубы. — Напротив дом номер восемь, мой — номер семь. Не перепутали чего?

— Мне дали этот адрес — улица Березовая, дом девять.

Еще раз извинившись, Тарасов добрал до конца улицы, мельком глянув на лыжника в синем спортивном костюме; это был Гроза.

Улица упиралась в каменный бордюр с перилами, за которыми виднелся канал, скованный льдом, и плотина слева. День клонился к вечеру, но на льду еще кое-где неподвижно стыли рыбаки. Вполне возможно, кто-то из них в настоящий момент следил за берегом и всеми, кто появлялся в поле зрения, и сообщал обо всем начальству.

Сзади послышалось урчание мотора.

Тарасов оглянулся.

В двадцати шагах от него остановился черный джип «Мерседес» с темными стеклами. Открылась дверца, из джипа высунулась молодая женщина в дубленке и вязаной шапочке, призывно махнула рукой:

— Подойди.

Тарасов, чувствуя на себе взгляды нескольких пар глаз, приблизился к джипу.

— Садись.

— Кто вы?

— Узнаешь в свое время.

Тарасов оглянулся, лыжника в синем не увидел, молча полез в салон «Мерседеса». Его подхватили сильные руки, грубо втащили в сиденье, быстро обыскали.

— Чист, — раздался равнодушный мужской голос.

Кто-то сел рядом. Тарасов оказался зажатым между двумя мордоротами в черном.

— Завяжи ему глаза, — распорядилась дама, усаживаясь впереди.

Тарасову заклеили скотчем глаза, джип тронулся с места, развернулся и покатил по улице, не особенно разгоняясь. Свернул налево, потом направо, еще раз налево, притормозил, снова свернул. Владислав по памяти представил схему улиц Серебряного Бора и хмыкнул про себя. Похоже, его просто возили по дачному поселку, делая вид, что везут в другое место, пытаясь запутать. И длилась эта «экскурсия» около получаса.

Джип наконец остановился, затем, судя по доносившимся в кабину звукам, заехал во двор чьей-то усадьбы.

Тарасов улыбнулся в душе. По его расчетам, усадьба находилась буквально в двух сотнях метров от Березовой улицы, может быть, даже в соседнем переулке. Что ж, пусть хозяева думают, что им удалось запудрить ему мозги. И ребятам. Едва ли опытные бойцы клюнут на эту удочку и побегут к машине, чтобы не упустить джип из виду.

Его толкнули в плечо.

— Выходи!

Тарасов вылез, гадая, кого увидит. Попытался унять поднявшееся в душе волнение.

Те же руки больно сдернули с лица липкую ленту, толкнули в спину.

— Шагай!

В сгущающихся сумерках Владислав увидел красивый двухэтажный особняк из серого камня, стилизованный под средневековый замок. Особняк был окружен двухметровой ширины

канальчиком с текущей (!) водой. Над каналом стлался пар, и деревья в саду стояли седые от инея.

К Тарасову с двух сторон подошли два здоровенных лба в черных куртках с эмблемами в форме двуглавого орла, взяли его под руки и повели через мостик к воротам замка. Рядом с воротами открылась дверь с выпуклым бронзовым щитом, в глаза брызнул свет.

Ступеньки. Короткий коридор. Поворот. Еще ступеньки. Большой холл с витражами из цветного стекла, витые колонны, кадки с фикусами по углам, в центре — круглый бассейн с подсвеченной изнутри голубой водой. Тишина. И ни души.

Тарасова оставили одного.

Недоумевая, он прошелся по шестиугольным плитам мозаичного пола, с интересом рассматривая стены холла с фресками на библейские мотивы, куполовидный потолок с херувимами и солнцем. В недрах особняка послышалась тихая музыка, смолкла.

Кто-то кашлянул за спиной.

Тарасов стремительно обернулся.

На него смотрел, заложив руки за спину, неизвестно откуда появившийся молодой черноволосый мужчина.

Глаза у незнакомца были черные, с поволокой, умные и злые. На лице выражение силы и властности. Одет он был в строгий коричневый костюм с красным галстуком и модные туфли малинового цвета.

— У меня мало времени, полковник, — сказал он звучным, поставленным голосом, удовлетворившись осмотром. — Вы не послушались меня, пришли не один, поэтому откровенного разговора не получится. А жаль.

— Князь Шельмин, — шевельнул занывшими губами Тарасов.

В глазах хозяина особняка мелькнули иронические огоньки.

— Отдаю должное вашей проницательности, Роман... э-э, Алексеевич. У вас ведь такое «псевдо»? Итак, у меня, собственно, только одно...

— Где Яна? — перебил его Владислав.

Шельмин сдвинул брови, смерил Тарасова выразительным взглядом.

— Вы не слишком воспитанны, полковник. Подруга ваша жива и здорова... до поры, до времени, разумеется. Но все будет зависеть от вас, от вашего желания сотрудничать.

— С предателями я не сотрудничаю.

— Ну что вы, полковник, право слово, это вы у нас предатель. Вы не выполнили приказ, вы отпустили преступника, вы помогли бежать прощтрафившемуся полковнику Буй-Туру. Так

что кругом виноваты, с какой стороны ни посмотри. А вы знаете, что в нашей системе бывает с людьми, изменившими принципам. Орден ошибок не прощает. Но у вас еще есть шанс избежать наказания... если мы договоримся.

— Вряд ли.

— Надеетесь на свою команду? Напрасно. — Шельмин глянул на часы, поднес их к губам. — Джеральд, что там у тебя?

— Все в порядке, взяли всех, — раздался из часов тихий голос. — Сейчас приду.

Тарасов напрягся, холодея. Если команда провалилась, ждать помощи будет не от кого. Николай один ничего не сделает, если только не воспользуется услугами другой команды, как СОС. Владислав знал, что орден имел по крайней мере три таких оперативных дружины, готовых выполнить любые сложные операции за рубежом. Вот только подчиняются ли они воеводе так же, как СОС-1?

Открылась входная дверь. Вошел человек.

Тарасов внутренне содрогнулся.

Ничего демонического в облике этого человека не было, если не считать горящих черным огнем глаз, и тем не менее он производил впечатление исключительно сильного и опасного противника, мастера боевых искусств. А еще он здорово походил на князя, почти как родной брат, особенно ощущением властной уверенности и угрозы. Только лицо у него было бледнее и равнодушнее.

— Привет, полковник, — сказал он таким же звучным голосом, что и князь, с едва уловимым акцентом. — Не думал, что вы романтик. Между тем романтики всегда были легкой добычей.

— Джеральд Махаевски, — сквозь зубы выговорил Тарасов.

Черноволосый незнакомец, одетый в черное пальто, смерил Владислава насмешливо-презрительным взглядом.

— Неужто меня здесь знают?

— Твой словесный эквилибр излишен, — сухо и недовольно сказал князь. — Среди наших потери есть?

— Двое убитых, двое раненых. Эти парни неплохо знают свое дело, пришлось успокаивать их по полной программе.

У Тарасова заныло сердце.

— О чем речь?

Князь и его приятель посмотрели на него.

— Речь идет о ваших парнях, полковник. Не стоило полагаться на их опыт и профессионализм. Сейчас они у нас. Так, магистр?

— Трое, — осклабился Махаевски. — Двое успокоились навсегда.

— Кто? — севшим голосом произнес Тарасов, с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься на врагов.

Махаевски оценивающе глянул на него.

— Кажется, полковник не прочь помахать кулаками. Доставим ему такое удовольствие?

— Кто... погиб? — хрипло выговорил Тарасов.

Махаевски пожал плечами.

— Какая, в сущности, разница, полковник? Одним оперативником больше, одним меньше... вы лучше подумайте о себе. Не хотите показать свое мастерство? Говорят, вы классный рукопашник.

— Джеральд! — недовольно сдвинул брови Шельмин. — У нас нет времени на развлечения.

— Мне хватит двух минут. Ну так как, полковник? Пободаемся? Если выдержишь пять минут, что практически невозможно, я отпущу тебя, твоих людей и сеньориту. Если две минуты — только сеньориту. Идет?

Тарасов с трудом преодолел приступ ярости.

— Идет...

— Отлично! Алексей, отойди в сторонку. Заключим пари?

— Приспичило тебе ерундой заняться...

— Размяться хочу, а где еще у вас в России найдешь хорошего спарринг-партнера?

Шельмин отступил к стене холла, заложил руки за спину.

Махаевски сбросил пальто, остался в тонком — под горло — сером свитере и брюках.

Тарасов сбросил куртку и пиджак, хотел было снять рубашку, но передумал. Зато снял ботинки.

Махаевски, усмехнувшись, покачал головой.

— Бойтесь покалечить? Уверю вас, полковник, вы меня ни разу не зацепите.

Он вдруг сорвался с места, в течение долей секунды преодолел расстояние, их разделявшее — около десяти метров, и Тарасов едва успел поймать опасный в с п л е с к приема. Заблокировал один удар, принял на мышечный каркас живота другой, отскочил. Но тут же был вынужден защищаться снова, потому что противник продолжил атаку, не давая ему времени на оценку ситуации. Тело потряс еще один мощный удар, отозвавшийся болью в грудной клетке.

Конечно, Владислав умел держать удары. Техника сопротивления ударам входит во все традиционные виды подготовки, которые служат укреплению внутренних (духовных) и внешних (физических) сил организма. Подготовка эта состоит в проведении специальных упражнений путем нанесения ударов по раз-

личным частям тела в сочетании с движением внутренних потоков энергии — ЦИ, как говорят адепты восточных единоборств. ЦИ способствует укреплению мышечной ткани, наполняет ее жизнестойкостью, умножает возможности тела противостоять значительным ударным нагрузкам. В начале своей карьеры рукопашного бойца Тарасов поражался способности учителя держать удары, в том числе и по голове. Он и сам в конце концов освоил «противоударный» комплекс, намного расширив диапазон проведения болевых приемов. Однако удар Махаевски был так силен, изощренно точен и неуловим, что устоять Владислав не смог.

Он отлетел на несколько шагов, упал на колени, едва не провалившись в беспамятство, и понял, что удар противника разорвал ему мышцы на груди и, возможно, сломал ребро.

Если бы магистр в этот момент захотел добить его, это ему вполне удалось бы. Но Махаевски испытывал наслаждение от беспомощности противника и растягивал удовольствие.

— Я же говорил, — с пренебрежением процедил он сквозь зубы. — Прошла всего минута и пара секунд.

— Хватит, — сказал Шельмин, — он мне нужен живым.

— Живым — не значит здоровым. Пусть получает то, что хотел.

Махаевски скользнул к упиравшемуся в пол кулаками, опустившему голову Тарасову, нанес ему в голову удар ногой... и взлетел в воздух, не успев среагировать на прием, грохнулся на спину. И хотя он тут же в бешенстве вскочил — разгибом вперед, факт успеха противника был налицо.

— Фак ю!.. Я же тебя на ключья!..

— Джеральд! — попытался остановить магистра князь, но тот его не послушал.

Бой длился еще с полминуты — ровно столько смог продержаться Тарасов, лавируя между вихрями ударов и атак разъяренного его сопротивлением магистра. Однако силы были неравны. Махаевски действительно являлся непревзойденным мастером рукопашного боя, владевшим не только бесконтактными способами воздействия на противника, но и применявшим затемняющие сознание «черные» пси-энергетические приемы. Тарасов же, получив травму, сопротивляться в полную силу не мог. И хотя он бессознательно ушел в «красный коридор» физического состояния, позволяющий тратить энергию взрывным темпом, и избрал тактику «оборонительной атаки» без нанесения множества контрударов, с подготовкой одного-единственного, способного прекратить бой, использовал весь свой арсенал

приемов схождения с вектора атаки, закручивания тела в спираль, разгибов и финтов, это ему не помогло.

Лишь однажды его хитрая «звериная» отмашка-удар достигла цели, отчего на щеке Махаевски образовалась царапина, но этот успех оказался единственным. Магистр обрушил на него серию сверхбыстрых ударов, прижал к бордюру бассейна и безжалостным ударом ногой в лицо отбросил Владислава прямо в бассейн.

На голову Тарасова упала тьма...

— Хватит, я сказал! — повысил голос Шельмин, заметив движение Махаевски: тот намеревался добить противника. — Вытащи его, захлебнется.

— Одним полковником больше, одним меньше... — проворчал магистр, но все же вытащил Тарасова на бордюр. — Неплохо подготовлены ваши парни, князь, но недостаточно.

— Ты еще не встречался с витязями.

— То же самое будет и с витязем. — Махаевски потрогал пальцем окровавленную щеку, озабоченно посмотрел на палец. — Вот скунс, достал-таки!

— Пошли, обсудим положение. Надо спешить, пока Пресветлому не вздумалось затеять проверку. — Князь открыл дверь в стене, замаскированную под деревянную панель.

— А с ним что делать?

— Пусть бросят к остальным. Надеюсь, ты его не убил?

Махаевски оскалился, подошел к лежащему ничком Тарасову, с которого на пол холла стекала вода, приложил ухо к спине.

— Живучий, полковник.

— Идем.

Махаевски достал мобильный телефон, приказал кому-то поместить потерявшего сознание командира группы СОС к его уцелевшим подчиненным, и холл опустел.

БУЙ-ТУР — ДАНИЛИН

1 января

Гордей еще спал, когда зазвонил мобильник. С третьего раза сцапав телефон с тумбочки у кровати, он буркнул, не открывая глаз:

— На трубе...

— Гордей Миронович, — раздался в трубке голос Данилина, — извините, что беспокою, но тут обстоятельства... полковника взяли.

— Какого полковника?

— Что нас освободил, Тарасова. И его людей.

Сон сняло как рукой.

— Славу взяли?! Кто?! Каким образом?!

— Я случайно оказался свидетелем. Мы с Младой поехали к ее подруге в Серебряный Бор, у нее тут небольшая дача, устроились, и я решил сходить в магазин. Еще светло было. Ну, и увидел, как полковника затолкали в джип и увезли. Затем началась какая-то суета, драка, стрельба, кто-то куда-то бежал, понаехали машины... Короче, я успел заметить, как в микроавтобус погрузили два тела, а в другой затолкали трех парней. Одного узнал — он был с полковником, кличка — Гроза.

Буй-Тур выругался.

— Вот хрень!.. Извини... На кой ляд Тарасову понадобилось соваться туда?

— Не знаю.

— Черт! Ничего не понимаю... Ты не видел, куда их этапировали?

— В том-то и дело, что видел. Зима — все просматривается хорошо. Полковника сначала впихнули в джип, увезли, а через полчаса привезли на соседнюю улицу, там стоит очень крутой коттедж в три этажа, каменный. Туда же чуть раньше отправили и задержанных парней.

— Понял. Вот блин! Только собрался отдохнуть как следует... Можешь показать, где располагается коттедж?

— Конечно.

— Тогда жди нас через час. Я соберу своих ребят и подъеду. Встретимся у моста, в конце проспекта Жукова.

Буй-Тур набрал номер телефона Олега:

— Живой, лейтенант?

— Такое впечатление, что по мне проехал асфальтовый каток, — признался Олег.

— Плечо как?

— Побаливает, но терпимо, двигаться могу.

— Где ты находишься и что делаешь?

— Сплю... у знакомой. На базу не поеду, пока все не устаканится. А что? — В голосе Олега послышалось удивление. — Моя подруга не знает, где я работаю. К тому же любой человек имеет не только право, но и лево на жизнь.

Гордей не обратил внимания на каламбур подчиненного.

— Какие-то мерзавцы замели нашего приятеля-полковника и его мальчишек.

— Всю команду?! — после долгой паузы недоверчиво сказал Олег. — Что же они тогда за профи?

— Не обобщай, ситуации бывают разные. Вспомни, как нас

самих взял тот же Тарасов. Тем более, уж ты-то должен знать, что на каждого крутого мастера найдется мастер покруче.

— На каждую хитрую жопу есть х... с винтом.

— Вот именно.

— Откуда тебе это известно?

— Наш второй приятель позвонил, он случайно стал свидетелем захвата.

— Какой приятель?

— Данилин.

Олег хмыкнул.

— Как все складывается...

— Вызывай пацанов, и чтобы к семи часам все были у Хорошевского моста, с оружием.

— Боюсь, пацаны сейчас не в кондиции, как-никак сегодня первое января, а они наверняка приняли на корпус известное количество алкоголя. Тем более, я не знаю, где они.

— Найди! — Буй-Тур выключил телефон, почесал грудь, находясь в полном раздрае, потом побежал под душ.

На Олега можно было положиться в любом деле. Лейтенант был беспощаден к отморожкам и всякой мрази, но всегда мог подстраховать, прийти на помощь и лечь грудью на амбразуру, зачастую не спрашивая причин, по которым он должен это делать.

В семь часов вечера к мосту через Москву-реку, соединявшему проспект Жукова и Серебряный Бор, подъехали два автомобиля: белая «Лада Самара», за рулем которой сидел Буй-Тур, и такая же белая «Лада-111». В ней сидели трое: Олег, Влад и Жека.

Буй-Тур вылез из машины, огляделся, никого не увидел и пошел к «сто одиннадцатой», открыл дверцу.

— Все здесь?

— Борюня уехал на базу еще вчера, — доложил Влад, — по распоряжению воеводы, и на звонки не отвечает. Можно, конечно, съездить за ним...

— Нет времени. Жаль, подрывник нам может понадобиться.

— Новое задание? Отдохнуть не дадут...

— Надо выручить из беды хороших парней. В нашей системе что-то сломалось, наметились очень нехорошие тенденции «мочить» ни в чем не виноватых людей, это надо исправить. Но прежде мы освободим полковника Тарасова из параллельной структуры.

— Почему мы должны этим заниматься? — недовольно спросил Жека. — Они что, твои родственники?

— Больше — единомышленники! — отрезал Буй-Тур. — Да и

долг платежом красен. Они уже выручили нас с Олегом однажды, теперь наша очередь. Экипировку взяли?

— Взяли, что было, — ответил Олег, сидевший за рулем. — Комбезы, «разгрузка», кое-какое оружие.

— Машина чья?

Сидевшие в кабине «сто одиннадцатой» бойцы группы переглянулись.

— Угнали, — сказал наконец Олег, пожав плечами. — Что было делать? Не звонить же в хозчасть? К тому же топать пехом через всю Москву не хотелось. Да ты не беспокойся, командир, тачки не скоро хватятся. Мы подстерegli одного лоха у гаража, дождались, пока он поставит машину и уйдет, открыли гараж и тихонько уехали. А сам-то ты где тачку взял? — Он подозрительно посмотрел на Буй-Тура.

— Где взял, где взял... — проворчал Гордей, отводя глаза, — купил.

— Понятно, — ухмыльнулся лейтенант. — Ну и где наш приятель?

— Должен быть... — Гордей не договорил. На плечо его опустилась чья-то рука.

Дернувшись назад всем телом, он хотел нанести удар незнакомцу, неслышно подкравшемуся сзади... и в слабом свете фонаря на мосту узнал Данилина.

— Вы?! Черт возьми, как вы подошли незаметно? Так же инфаркт схлопотать можно!

— Извините, — смущенно сказал бывший учитель физкультуры.

— Садитесь в машину.

Они залезли внутрь «Лады».

— Рассказывайте.

Данилин сжато, но информативно, в деталях, описал сцену захвата оперативников группы полковника Тарасова неизвестным спецназом.

— Сколько их было? — уточнил Буй-Тур.

— Пятеро.

— Это людей полковника. А в подразделении спецназа?

— Точно не знаю, где-то человек восемь, не больше.

— Странно... парни у Тарасова профи до мозга костей, не чета вам, они не могли не просчитать все варианты операции. Что-то здесь не так.

— Какого дьявола они вообще искали в Серебряном Бору? — пробурчал Жека. — Да еще первого января?

— Потом узнаем, — сказал Буй-Тур. — Уверен, все эти странности как-то связаны с делами князя. Хотя все равно не пони-

маю, как Тарасов и его команда допустили, чтобы их так лихо повязали.

Данилин помялся, не решаясь высказать свои соображения.

— Может, это был спектакль? — предположил Буй-Тур. — А на самом деле никто никого не хватал?

— Я бы это понял, — качнул головой Андрей. — Все было всерьез. Двое парней погибли. Я мог вмешаться, но вряд ли это изменило бы исход боя. К тому же там был... — Он снова заколебался.

— Кто?

— Может, мне показалось... но командовал группой захвата один весьма необычный человек... владеющий приемами...

— Ребятишки Тарасова и он сам тоже владели неслабо рукопашкой.

— Я имею в виду приемы трансфизического воздействия. Не знаю, верите вы в это или нет, но существует реальная магия боя, законы которой базируются на пси-энергетике. Так вот этот человек, похоже, владеет системой магического оперирования. Он вмешался в операцию захвата дважды, и оба раза со смертельным исходом.

— Почему вы решили, что он маг?

— Я не говорил, что он маг, — слабо улыбнулся Данилин. — Но он явно на голову выше любого вашего рукопашника. Я видел.

В кабине машины установилась тишина.

— Да хрен с ним, с магом! — нарушил ее Влад. — Не верю я в эти колдовские заморочки. Мой старик говорил: «Бога нет и никогда не было, это медицинский факт». А раз бога нет, то и магов никаких не существует. Я еще не встречал человека, переваривающего девятимиллиметровые пули.

— Правильно, сержант. — Олег похлопал его по плечу. — Что будем делать, командир?

— Нужна рекогносцировка, — буркнул Жека. — Не зная местности и планов объекта, мы запросто можем попасть в мясорубку.

— К сожалению, об этом придется забыть, — вздохнул Буй-Тур. — Нужен простой, эффективный, наглый способ проникновения на территорию поместья, куда увезли Тарасова. Есть идеи?

— Это самоубийство, — снова не выдержал Жека, заметно нервничавший. — Там небось кругом телекамеры понатыканы, электрозабор по периметру и охраны немерено.

Олег посмотрел на него оценивающе.

— Знаешь что, сержант, или ты идешь с нами и молчишь, в крайнем случае — говоришь по делу, или...

— Что?

— Вали домой!

— Я не с тобой разговариваю...

— Заткнитесь оба! — жестяным голосом сказал Буй-Тур. — Если кому-то страшно не хочется помочь своим, пусть уходит. Я не держу.

— Он прав, — тихо сказал Данилин. — В лоб тот особняк не взять. Там и телекамеры, и скрытые огневые точки, сейчас это модно. Тем более если особняк принадлежит вашему ордену. Но я не думаю, что охраняет его батальон спецназа. Человек шесть-семь, не больше. Можно прорваться.

— Вы же говорили, что парней Тарасова брали восемь спецназовцев. Прибавьте их.

— По-моему, все они уехали. Я видел, как из ворот дачи спустя десять минут выехал микроавтобус.

— А если нет?

Данилин промолчал.

— Ладно, я понял, все равно придется соображать на ходу. У вас есть план?

Данилин помедлил.

— На соседней улице идет строительство коттеджа. Строители уже ушли, а техника осталась. Можно взять трактор и «случайно» зацепить забор дачи, на которой сидит полковник. Охрана наверняка сбежится, чтобы...

— Гениально! Пока они будут разбираться с трактором, мы проникнем на территорию с другой стороны! Остальное дело техники. Кто хочет побывать в шкуре тракториста?

— Я водил трактор, — мрачно сказал Жека.

— Хорошо, ты и пойдешь. Что еще мы можем сделать?

— Позвонить ихнему воеводе, — сказал Олег.

— Точно! — Гордей набрал на мобильнике номер Николая. — Надо было сразу догадаться...

Прошла минута.

— Не отвечает.

— Я тоже ему звонил, — негромко сказал Данилин. — Безрезультатно.

— Придется идти без него. И хорошо бы взять «языка», чтобы он обрисовал нам коттедж.

— Вряд ли стоит на это рассчитывать. Хотя идея неплохая. Что ж, начинаем стриптиз. Спасибо, мастер, что позвонил, теперь мы сами.

— Я с вами, — сказал Данилин.

Гордей хмыкнул.

— Зачем тебе это нужно? Ну, мы люди привычные к такому образу жизни, к тому же обидно, что мерзавцы проникли и в наши ряды. Но ведь ты не обязан рисковать ради какого-то дяди. Да и жена твоя вот-вот родит.

— Если только говорить о справедливости, ничего не делая, чтобы ее восстановить, будет только хуже. Зло жиреет, коли ему не сопротивляться.

Буй-Тур глянул на своих «соколов».

— Правильно мыслит мужик. Ладно, пойдешь с нами. Оружие есть?

— Мне не нужно оружие, и, если позволите, я пойду первым.

— Почему?

Вместо ответа Данилин вдруг неуловимо быстрым змеиным движением вытащил пистолеты: левой рукой — у Влада, правой — у самого Буй-Тура, — приставил стволы к их головам, затем протянул оружие ошеломленным собеседникам.

— Е...ческая сила! — выдохнул Жека.

— Кажется, я понял, — с опаской и уважением произнес Гордей. — Так мы не умеем, к сожалению. Ладно, пойдешь первым. В поселок въезжаем с интервалом в две минуты. Я с мастером еду в головной машине, вы за мной.

Они пересели в «Самару» Буй-Тура, и Гордей повел машину через мост.

Без четверти восемь к дому номер одиннадцать по улице Вторая линия Хорошево-Серебряного Бора подъехал, гроыхая траками, мощный бульдозер «Катерпиллер» и неожиданно для обитателей особняка, а также, очевидно, для самого водителя, вильнул влево и протаранил кирпичную стену, окружавшую дачу.

Выскочившие охранники с изумлением увидели пролом в заборе, заглохший трактор и водителя, пытавшегося выбраться из кабины. От него несло самогоном и луком, двигался он с трудом, и было видно, что парень в ватнике абсолютно пьян.

— Ты что, ослеп?! — рывкнул на него первый охранник, ошавший от случившегося. — Куда полез, кретин?!

— Дык... это... я нечаянно... — забормотал тракторист, с трудом ворочая языком. — Мне б отлить...

— Я те щас отолью!

Охранник сграбастал тракториста за воротник, сбросил с гусеницы трактора на снег, начал бить его прикладом автомата, потом ногами. Парень вяло отбивался, умудряясь убирать из-под ударов голову и низ живота.

— Он же пьян в стельку! — сказал второй охранник, разглядывая угол тракторного ножа, снесшего часть стены. — Лыка не вяжет.

— Вот сука, всю кладку разворотил! — покачал головой третий охранник, подоспевший на помощь первым двум. — Как бы не пришлось ремонтировать.

— Кто разворотил, тот пусть и ремонтирует.

— Он тебе наремонтирует.

— Давай бросим его в подвал. К утру очухается, и, пока не восстановит забор, мы его не отпустим.

— Что случилось? — раздался голос от главного входа в особняк. Накинув меховое пальто на плечи, к охранникам подходил хозяин дачи. — Прекратите, Кузьмин. Кто это?

— Тракторист, — виновато шмыгнул носом охранник. — Пьян вдрызгу. Умудрился вот поломать стену забора.

— Как он здесь оказался?

— Да вроде ехал мимо... а потом вломился...

— Я имел в виду: откуда здесь трактор?

— На соседней улице стройка, наверное, оттуда.

— Выяснить, найти прораба, вызвать сюда. — Шельмин глянул на лежащего на снегу тракториста, закрывшего голову руками, и зашагал обратно к особняку.

Охранники переглянулись.

— Ты его не забил?

— Пьяного не забьешь.

— Чего же он тогда не шевелится?

— Усрался с испугу. Бери с другой стороны.

Охранники подошли к трактористу, намереваясь отволочь его под руки в дом, но тот вдруг вскочил с криком: «Жеку бить?! Я вам покажу!» — и накинулся с кулаками на опешивших парней. Причем, махая руками и ногами с виду бестолково, он ухитрился крепко въехать коленом в пах одному охраннику и дать по морде второму.

Разъяренные его сопротивлением парни, забыв про оружие, вязались в драку, и длилась эта потасовка до тех пор, пока подоспевший третий охранник не ударил тракториста сзади прикладом автомата по затылку.

Оглянувшийся Шельмин понаблюдал за схваткой, сплюнул и вошел в дом со словами:

— Не охрана, а сброд...

Данилин, Буй-Тур, Олег и Влад в это время находились уже внутри периметра, проникнув на территорию дачи со стороны соседнего владения.

У соседа князя почти вплоты к забору стоял ветхий сарай-

чик, едва возвышавшийся над забором, но его высоты хватило, чтобы группа беспрепятственно перемахнула через колючую проволоку, идущую поверху забора, и оказались в саду. Телекамера, смотревшая на этот участок стены с одного из деревьев, была включена, Андрей это чувствовал, но затеянная Жекой драка отвлекла внимание дежурного у монитора охраны, и десантирование группы он прозевал.

Особняк, кроме главного, имел еще два входа-выхода — южный и восточный, также контролируемые телекамерами. Поэтому идти через них в дом было нельзя, поднялась бы тревога. Андрей избрал другой путь. Поскольку стена особняка, построенного в форме замка, имела выступы и карнизы, можно было попытаться влезть на крышу, имеющую выход в солярий, либо попасть в здание через окно второго или третьего этажа.

Так и получилось.

Форточка одного из окон башни, рядом с зубчатой кромкой фронтона, оказалась приоткрытой. Андрей, действуя на пределе доступной телу скорости, ужом влез в форточку, применяя приемы «гуттаперчевого вычитания костей», и оказался в одном из помещений третьего этажа.

Помещение, судя по всему, служило хозяину курительной комнатой: здесь вокруг овального столика стояли три кожаных кресла, а воздух был пропитан сигаретным дымом. Дверь в комнату была не заперта, и Андрей выбрался из нее в коридор, который тянулся, очевидно, вокруг всего замка, пронизывая его башни и стену.

Находясь в состоянии резонанса с окружающими полями, Андрей контролировал пространство не меньше, чем на три десятка метров, поэтому вычислить местонахождение постов охраны и вообще живых людей не составило для него особого труда.

Постов он насчитал три — на всех этажах здания. Людей же в особняке было больше — душ двенадцать, если не считать тех, кто сейчас разбирался на улице с «трактористом». Кроме того, где-то в недрах здания, внизу, возможно в подвале, обнаружилась странная концентрация «пси-напряжения». Там скорее всего и держали захваченных в плен бойцов Тарасова и его самого.

Андрей снял ботинки, бесшумным привидением проскочил коридор, на мгновение задерживаясь в нише у поворота на лестничную площадку. Выглянул, одним взглядом вобрал открывшуюся взору картину.

Пост представлял собой обыкновенный стол, стул и небольшой телевизор, очевидно — экран монитора. За столом сидел толстяк в синей форме и читал книгу.

Андрей скользнул к нему и, когда толстяк поднял голову, щелкнул его в адамово яблоко.

Толстяк вскинулся, закатил глаза и оплыл на стуле, едва не сломав спинку.

Второй пост — этажом выше — оказался под стать первому. Только дежурный здесь не читал книгу, сидя за столом, а прохаживался по холлу с сигаретой в зубах. Он тоже ничего не успел сообразить, получил точный удар-тычок пальцем в сонную артерию и потерял сознание.

Третьего охранника, дежурившего на посту на первом этаже здания, Андрей завлек кошачьим мявом — охранник удивился странным звукам, но не насторожился, и это сгубило его — в тупик коридора и тихо придушил. После этого он открыл дверь, выходящую на восточную сторону замка, и пустил остальных.

Они разделились.

Буй-Тур с Олегом остались в холле ждать охранников, выяснявших отношения с «трактористом»-Жекой, Данилин с Владом сначала «отработали» дежурного у общего монитора охраны, располагавшегося в отдельной комнатухе, затем тоже разделились: Влад спустился в подвал, разделенный на отсеки, где сидели пленники (на мониторе это было хорошо видно), а Данилин поднялся на второй этаж особняка, где у хозяина были спальни, рабочий кабинет, гостиная с камином и домашний кинотеатр.

Боевой режим требовал большого расхода энергии, но выйти из него было еще рано, поэтому Андрей позволил себе лишь десятисекундный отдых, пока неуловимым глазу фантомом бежал по лестницам и коридорам особняка.

Холл второго этажа был вдвое меньше первого. Из него начинались коридоры, ведущие в левое и правое крыло здания, которые изгибались, но не соединялись в кольцо, создавая внутренний двор замка, накрытый прозрачным куполом. На первом этаже это пространство двора служило гаражом, на втором здесь располагалась гостиная. Но она в данный момент пустовала — по ощущениям Андрея. Владелец особняка находился в соседней комнате, из которой сочился в коридор тихий шелест системы охлаждения компьютера.

Кто-то вышел из этой комнаты, неся на подносе кофейный прибор: девушка в короткой юбочке и переднике.

Андрей успел спрятаться — в холле стояли два кресла и столик, подождал, пока горничная, а может быть, подруга князя удалится, толкнул дверь комнаты.

Это был кабинет Шельмина.

Диван, три кожаных кресла, стол, новейший компьютер с объемным экраном чуть ли не в рост человека, какие-то метал-

лические стойки, картотека, книжные полки, ковер на стене с мечами и саблями. Запах дорогих сигар и озона.

— Принесла? — поднял голову от стола сидевший за ним человек, черноволосый, смуглолицый, суровый, с хищным взглядом привыкшего повелевать господина.

Андрей ни разу не встречался с князем Русского национального ордена, однако сразу понял, что это он и есть.

— Пойдемте со мной, — тихо сказал он.

— Вы кто?! — опомнился Шельмин, потянувшись к кнопке вызова обслуживающего персонала.

Из глубин здания вдруг донеслись выстрелы, крики, шум драки, который через несколько секунд стих.

Оба прислушались к наступившей тишине, посмотрели друг на друга.

— Не надо, — качнул головой Андрей, — не нажимайте кнопку, никто не придет. А нам надо поговорить.

В глазах князя протаяло понимание, хотя страха в них Андрей не увидел.

— Вы Данилин?

— Не тяните время, князь. Мы хотим кое в чем разобраться и освободить наших.

Шельмин вдруг выхватил откуда-то пистолет, направил на гостя.

— Руки!

Андрей усмехнулся.

— Это вам не поможет, князь. Ведь вашего слуги-мага здесь нет, не так ли?

— Я вас пристрелю!

— Попробуйте.

Шельмин выстрелил.

Но за мгновение до этого Андрей ушел с траектории пули, ускорился и в два прыжка достиг стола. И хотя князь успел выстрелить еще раз — в то место, где только что видел своего противника, Андрею это не помешало выбить у него оружие и мощным ударом плеча отбросить князя к экрану.

Раздался грохот, упало кресло, не удержался на ногах и Шельмин. Вскочил, бледный от ярости, раздувая ноздри, в глазах по-прежнему ни капли страха. Сдаваться он явно не собирался. Прошипел:

— Ты пожалеешь об этом! Жаль, что я рано отпустил Дже...

— Джеральда Махаевски, — ровным голосом подсказал Андрей.

Князь выпрямился.

— Вы неплохо осведомлены о моих... гм, слугах. Однако он скоро найдет... — Шельмин прикусил губу, останавливая себя.

— Прежде чем он найдет нас, — проговорил Андрей, — мы с вашей помощью найдем его. Вы идете или вас отнести?

Шельмин глянул на старинные часы с маятником в углу кабинета. Было видно, что он пытается найти выход из положения, но не решается продолжить схватку.

— Хорошо, я иду. Но предупреждаю...

— Идите! Руки за спину!

Князь сложил руки за спиной, направился к двери.

Андрей отступил в сторону, вышел следом.

Они спустились в холл первого этажа, на мозаично-плиточном полу которого лежали четыре тела. Три принадлежали охранникам особняка, четвертое — Жеке. Возле него сидели на корточках угрюмый Буй-Тур и Олег. Буй-Тур поднялся, услышав шаги спускавшихся по лестнице людей, сказал с неожиданной тоской:

— Я не умею плакать... а так иногда хочется...

— Что? — тихо спросил Андрей.

— Убили Жеку подонки... он это чувствовал, поэтому и не хотел идти с нами... — Буй-Тур посмотрел на озиравшегося Шельмина, и в глазах его родился свирепый блеск. — Это все его банда! — Он подошел к князю вплотную, сунул ему в кадык ствол пистолета. — Ну что, благородный дон Алексей Харлампиевич? Может, расскажете, как вы ссучились, продали всех нас и предали дело?! Вас прямо сейчас пристрелить или помучить?

— Ах, полковник, полковник, — скривил губы Шельмин, — вы все такой же прямой, простой и недалекий, как и весь ваш казацкий род. Ну неужели вы думаете, что переживете меня?

Буй-Тур ощерился, сильнее вдавил ствол пистолета в шею князя.

— Давай поспорим!

— Гордей, не надо, — сказал Данилин. — Он не стоит вашего гнева.

Из коридора послышались голоса, топот, и в холл, ковыляя, вышли пять человек: Тарасов в окровавленной на груди рубашке, босой, прижимающий к груди руку, трое парней из его группы, избитых, раненых, в испятнанной кровью одежде, и Влад. Тарасов посмотрел на тела на полу, на князя, окинул взглядом Данилина, подковылял к Буй-Туру.

— Спасибо, полковник. Я уже и не надеялся...

— Ему скажи спасибо, — кивнул Буй-Тур на Данилина. — Это он заметил, как вас брали, и позвонил мне. Каким ветром тебя сюда занесло?

— Потом расскажу.

— Они захватили его девушку, — сказал Влад. — Но ее здесь

нет, во всяком случае — внизу. Я все помещения осмотрел. Может, он знает? — Влад показал на Шельмина.

Все посмотрели на князя.

— Где Яна? — севшим голосом проговорил Тарасов.

Шельмин, не потерявший присутствия духа, усмехнулся.

— Вряд ли я чем-либо смогу вам помочь, полковник. Ваша дама у моего приятеля, но он мне не подчиняется. Вам придется договариваться с ним лично.

— Где он?

— Не знаю. Честное слово. Сказал, что поехал искать одного человека... женщину. — Шельмин мельком глянул на Данилина. — Но вы не беспокойтесь, он сам вас найдет.

Тарасов вдруг шагнул вперед, и от его быстрого неожиданного удара Шельмин взвился в воздух, не успев защититься, пролетел метров пять и грохнулся спиной о каменный бордюр бассейна. Раздался глухой удар, хруст, вскрик. Шельмин дернулся, выгибаясь, и обмяк. Глаза его, полные удивления и недоумения, так и остались открытыми.

Буй-Тур исподлобья глянул на вновь согнувшегося Тарасова, приблизился к хозяину особняка, вывернул веко и отступил.

— Поспешил ты, полковник. Он был нам живым нужен. Кто теперь скажет, где искать того парня, у которого твоя девушка?

— Надо порыться в его компьютере, командир, — предложил Олег. — Наверняка там есть данные о других базах князя.

— Его приятель Махаевски, если речь шла о нем, не числится в штате РуНО. Он числится магистром другого ордена.

— Уходим, — едва слышно проговорил Тарасов, позеленевший после выплеска энергии. — Здесь нам делать больше нечего. Кстати, Андрей, где твоя жена?

Данилин, бесцельно бродивший поодаль, оглянулся.

— Дома... у подруги... их дача стоит в начале улицы Березовой...

— Что-то мне не нравится намек князя...

— Какой?

— Он сказал, что его приятель, а это определенно Джеральд Махаевски, поехал искать человека — женщину. Вдруг речь шла о Младе?

— Он не должен был знать, где мы остановились... — Голос Данилина упал до шепота. Побледнев, он стремительно пересек холл и исчез за дверью.

— За ним! — кивнул Олегу Буй-Тур.

Лейтенант скрылся следом за Данилиным.

— Итак, что будем делать, мужчины?

— Я бы все-таки порылся в его компе, — проворчал Тарасов.

— Надо похоронить парней... по-человечески.

Где-то в районе моста — в чистом морозном воздухе звуки разносятся далеко — слышались вопли милицейских сирен.

— Господа, нам лучше покинуть сей приют, — посоветовал Буй-Тур. — Кто-то из охранников мог вызвать сюда доблестный ОМОН или, что хуже, спецгруппу ордена, а мы тут не пончиками балуемся. Забирайте своих, не надо оставлять их здесь.

Тарасов молча поплелся к выходу, за ним двинулись подчиненные, вынося тела убитых товарищей. Уже на улице Тарасов спросил глухо:

— Куда поедет?

— Сначала к учителю на дачу, — ответил Буй-Тур. — Потом посмотрим.

Тела убитых погрузили в стоявший на площадке у входа микроавтобус, сами сели в джип, Влад открыл ворота, и машины выехали с территории дачи.

Свернули на соседнюю улицу, упиравшуюся в дебаркадер канала, остановились у первого дома за деревянным забором, у которого прохаживался Олег.

— Ну, что? — высунул голову в окошко Буй-Тур.

— Он только что вошел, — пожал плечами лейтенант.

Скрипнули ворота, из них выбежал Данилин, увидел Олега, микроавтобус, джип, подскочил к нему. На учителя было страшно смотреть, так изменилось его лицо.

— Они увезли ее!

— Куда? — Буй-Тур вылез из машины, за ним Влад и Тарасов.

— Никто уже не ответит. Подруга Млады, ее мать и дед убиты! Млады нигде нет!

Буй-Тур выругался.

— Вот зверье! Их-то зачем было убивать?!

— Найдем этого мерзавца — за все заплатит, — мрачно проворчал Влад. — Интересно, как он узнал, что вы остановились именно здесь?

— Если я его увидел — во время захвата полковника, то и он мог почувствовать. Этот человек — очень сильный оператор.

— Оператор чего?

— Жизни. И смерти...

— И боец, — криво усмехнулся Тарасов. — Он утрамбовал меня как асфальтовый каток, а я ведь не шпана с улицы.

— Где будем искать его?

— Князь обещал, что он сам найдет нас.

— Лучше бы наоборот.

— Все равно надо побыстрей смываться отсюда.

В кармане Данилина запищал телефон. Он выхватил трубку, светлея лицом.

— Млада?! Ты...

Лицо учителя погасло, заострилось, губы сжались.

— Да... слушаю... знаю... приеду...

Он выключил телефон, глянул на всех по очереди.

— Это он!

— Как ему удалось узнать номер твоей мобилы? — хмыкнул Влад.

— У него девчонка учителя, — хмуро напомнил Буй-Тур. — От нее и узнал. Чего он хочет?

— Чтобы мы приехали к нему.

— Куда?

— Нас у моста будет ждать машина.

— Что значит — нас? Он приглашает к себе всех?!

— Вас, полковника и меня.

— Ну уж хер ему! — осканился Олег. — Мы тоже поедem!

Данилин отрицательно качнул головой.

— Если поедут все, наши женщины умрут. Он хочет встретиться только с троими.

Буй-Тур и Тарасов переглянулись.

— Магистр желает развлечься, — бледно улыбнулся Тарасов. — Одного меня ему мало.

— Наглец, однако! Не переоценивает ли он свои силы?

— Боюсь, это мы его недооцениваем.

— Что предлагаешь?

Они одновременно посмотрели на Данилина.

— Поехали, — сказал Андрей.

— Вылезайте, — приказал Буй-Тур бойцам обеих групп. — Олег, мчись к воеводе. Если он дома, обрисуй ситуацию. Сможем — позвоним.

— Вы ищете смерти, — пробормотал лейтенант.

— Часом раньше, годом позже — не все ли равно? Каждый из нас когда-нибудь повстречается со своей смертью. Но мы еще проживем.

— А если мы незаметно сядем на «хвост» вашим провожатым? — предложил Гроза.

— Спасибо, Иван Сергееч, — тряхнул ему руку Тарасов. — Не стоит рисковать. Мы справимся.

— Как знаете...

— Уезжайте. Похороните ребят.

Они обнялись по очереди, и микроавтобус уехал.

— Пора и нам, — обыденным тоном сказал Буй-Тур. — Покажем этому монстру-магистру кузькину мать?

Три ладони легли одна на другую...

ОДИН ЗА ВСЕХ

1 января

Здание велотрека, похожее на бабочку, было построено в Крылатском — бывшей великокняжеской вотчине к Московской Олимпиаде-80, вместе с гребным каналом и спортивным комплексом. В те годы этот крытый велотрек стал самым большим олимпийским велотреком в мире. Прообразом сооружению послужили постройки олимпийского же комплекса Йоёги в Японии, возведенные еще в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году. Основной эстетический эффект велотреку создавало его покрытие из четырех изяшно изогнутых наклонных арок, между которыми была натянута кровля из рулонной стали. Благодаря аркам сооружение действительно издали, со строгинских холмов, напоминает присевшую на поле бабочку.

Ремонтировали велотрек дважды, еще в двадцатом веке, в советские времена. В начале двадцать первого столетия в арках появились трещины, крыша просела, и столичные власти закрыли велотрек на капитальный ремонт.

К моменту, когда джип с Тарасовым, Данилиным и Буй-Туром, следуя за «Газелью», подъехал к западному входу в здание, ремонт велотрека длился уже год. А когда ожидалось его окончание и ввод сооружения в эксплуатацию, не знал никто.

Машины свободно проехали на территорию комплекса, остановились рядом со штабелем шлакоблоков. Дверцы «Газели» отошли в сторону, на снег выпрыгнули одна за другой четыре фигуры в камуфляж-форме. Все четверо были молодыми женщинами. Они окружили джип, за рулем которого сидел Буй-Тур, направили на него стволы пистолетов-пулеметов.

— Рота торжественного караула, — усмехнулся Гордей. — Снова бабы. Где они их обучают этому делу?

— Не все ли равно? — поморщился Тарасов. Разорванные мышцы груди не давали двигаться, болели, и это обстоятельство заставляло полковника нервничать.

— Похоже, живыми нас не выпустят. Как говорится: нам казалось, что это конец. Оказалось, что не казалось...

— С таким настроением мог бы и остаться.

Буй-Тур задумчиво почесал бровь.

— Да это я придуриваюсь. Мы еще повоюем. Однако их много, и все вооружены, а нас двое с половиной. Вот я и прикидываю варианты. Помните, у Вишневого? «На бал мы автоматчиков не взяли, о чем не раз, конечно, пожалели».

Тарасов и Данилин переглянулись.

— Женщины — не помеха, — сказал Андрей равнодушно. —

Они не профессиональные бойцы спецподразделения и умеют только расправляться с безоружными. Не злите их. Наш главный противник не они.

— Но их тоже нельзя сбрасывать со счетов.

— По мере необходимости.

Из дверей напротив «Газели» — все гигантское здание было погружено в темноту — вышел монах в черной рясе, подозвал одну из молодежи, что-то сказал и скрылся. Она подошла к джипу, стукнула кулаком по корпусу:

— Выходите!

Пассажиры вылезли.

Тотчас же в спины им уперлись стволы пистолетов-пулеметов, умелые руки обыскали всех, и девица в маске скомандовала:

— Руки за голову, и вперед! Кто дернется — пристрелю на месте!

Мужчины молча повиновались.

Обходя ящики, штабеля досок, трубы, груды кирпичей и строительного мусора, процессия направилась в обход здания, вошла в стеклянные двери центрального входа. Вспыхнули фонари, высвечивая картину ремонта холла.

— Сюда!

Женщины повели пленников вслед за появившимся монахом. Показались и скрылись в темноте еще два монаха в фиолетовых рясах.

Лавируя между колоннами, горами мусора и механизмами, конвоиры и конвоируемые вошли под купол велотрека, поддерживаемый четырьмя ажурными фермами строительных лесов. Девицы вытолкали пленников на дорожку велотрека и отошли назад, к трибунам, выстроились в ряд, направив на мужчин оружие.

Что-то лязгнуло.

Под куполом зажглись светильники, освещая безрадостную картину ремонта здания. Лишь центральное поле велотрека было более или менее свободно от мусора и строительных конструкций, если не считать ферм со стропилами для ремонта купола.

Из-за ближайшего штабеля картонных коробок и связки труб вышел еще один мужчина, в расстегнутой шубе, без шапки, черноволосый, с хищными чертами бледного лица. Черные глаза его излучали жестокое упрямство, волю и брезгливую снисходительность. Это и был магистр ордена Раздела Джеральд Махаевски.

— Не подобает думать о Нем как о боггах или о чем-то подобном, — заговорил магистр высокомерным тоном, с едва улови-

мым акцентом. — Ибо Он больше бога, ведь нет никого выше Него, нет никого, кто был бы господином над Ним.

Пленники переглянулись.

— Это он о себе? — вполголоса осведомился Буй-Тур.

— Он цитирует апокриф Иоанна, — тихо сказал Данилин.

— Все равно он говорил о себе. Господь, е-мое! Вот это самомнение у мужика!

— Самомнение, подкрепленное правом сильного, — услышал Гордея Махаевски, изображая светскую улыбку. — Ибо на все м о я воля, господи! Вот он уже проверил этот тезис. — Магистр кивнул на Тарасова.

— Не слишком ли ты крут, парень? — покачал головой Буй-Тур. — Обычно такие быстро сдуваются, как воздушные шарик.

— Опустите руки, — сказал Махаевски, подходя ближе. — До сих пор не могу понять смысл этого вашего русского слова «крутой». Но неважно. Отвечаю на ваш вопрос, полковник. Я не крутой, я в л а д е ю щ и й. Вот он понимает. — Магистр посмотрел на Данилина. — Не так ли, мистер учитель? Ведь вы тоже в некоторой степени посвящены и владеете п о в е л е в а н и е м? Очень хочется проверить — на каком уровне. Я посылаю за вами две свои группы и две — из вашего ордена, и вы справились со всеми. Это впечатляет. Пришел мой черед проверить вас на вшивость, как говорят русские.

— Где Млада?

— Здесь, неподалеку, — небрежно отмахнулся Махаевски. — И ваша жена, и подруга полковника Макарова... то бишь Тарасова. На всякий случай я их заминировал, а пульт вот. — Он вытащил из кармана пальто черный пенальчик с мигающей красной искоркой.

Пленники снова обменялись взглядами.

Махаевски усмехнулся.

— Да вы не переживайте, до этого не дойдет. Их стерегут мои бешеные «вуменс». — Магистр посмотрел на четверых «герл» с пистолетами-пулеметами. — Рекомендую, полковник Тарасов. Никто не знает их имен. Их фотографий не встретишь на страницах модных журналов, разве что — на страницах газет в разделе «Криминальная хроника» или в рубрике «Их ищет полиция». — По губам магистра скользнула ироническая усмешка. — О них умалчивают репортеры — из-за желания остаться в живых до и после репортажа. И они гораздо решительнее нас, мужчин. Вон та рыжая, к примеру, зарезала всю свою семью. А та чернявая, с челочкой, задушила ребенка. Так что не рассчитывайте на легкое освобождение в случае непредвиденных обстоятельств. Они вас пристрелят, не задумываясь.

— Отпусти наших девчонок, — угрюмо-насмешливым тоном произнес Буй-Тур. — Не прячься за их спины, если ты, конечно, мужчина. Давай перейдем сразу к делу. Или ты сначала спустишь на нас своих овчарок?

Одна из девиц дала короткую очередь: пули с треском вонзились в метровую катушку кабеля.

— Откроешь пасть еще раз — схлопочешь свинцовую маслину, — предупредила она, злобно сверкнув глазами.

Махаевски улыбнулся.

— На сердите моих леди, полковник. Они не настроены шутить. Что касается ваших девчонок, то их судьба в ваших руках. Сможете выстоять — я их отпущу. Не сможете, — Махаевски развел руками, — они будут работать на меня. Причем, уверяю вас, добровольно.

— Дерьмо! — выдохнул Тарасов.

Махаевски перестал улыбаться, глаза его сверкнули, и Владимир отшатнулся, потерял равновесие, но не упал. Данилин успел поддержать его, подставив руку.

— Советую не выказывать свои чувства открыто, — покачал головой магистр. — Иначе вы проиграете еще до начала поединка. Впрочем, полковник Макаров, то есть Тарасов, если не ошибаюсь, свое уже отыграл и вряд ли способен реально претендовать на победу. Пусть подождет. Хотя, как говорится, ожидание смерти хуже самой смерти. Ну а с вами мы посоревнуемся. Кто первый?

— Я! — шагнул вперед Буй-Тур.

— Замечательно. — Махаевски посмотрел на Данилина. — А вас, мистер учитель, я оставлю на десерт. Сразимся после разминки. Отойдите в сторонку, чтобы не мешать. Да не делайте глупостей, мои «вуменс» не станут предупреждать, откроют огонь на поражение без колебаний.

Буй-Тур сбросил куртку, оставаясь в свитере.

Махаевски передал свое пальто одной из девиц, затем снял пиджак, под которым был надет черный тонкий джемпер с алым пауком на груди. Вытащив из кармана черный брусок взрывателя, он передал его рослой девице в черной шапочке-маске.

— В случае некорректного поведения учителя нажми эту кнопочку, плиз. — Махаевски повернулся к Буй-Туру. — Ну-с, господин полковник, начнем?

Буй-Тур красноречиво оскалился. Данилин хотел предупредить его, что противник владеет т е м п о м, но не успел.

Махаевски вдруг исчез — он стоял в пятнадцати шагах от пленников — и мгновением позже оказался рядом с Гордеем.

Свистнул воздух.

Охнув, Буй-Тур, начавший встречное движение, согнулся, сделал по инерции два шага и упал лицом вниз. Однако тут же вскочил, пригибаясь, прижал к груди кулаки, ища глазами противника. Свитер у шеи был разорван, на горле алела длинная царапина.

Махаевски прыгнул.

Буй-Тур отпрянул в сторону, но недостаточно быстро, и ребро ладони противника врезалось ему в ухо.

Раздался хруст, вскрик.

Полковник крутанулся волчком, прижав к уху ладонь, и снова упал.

Махаевски, остановившись в метре от него, оценивающе глянул на вздрагивающее тело.

— Что-то я не в форме. Третий удар — это уже слишком. Придется добить.

Он шагнул к Буй-Туру, но был вынужден отвлечься на атаку с двух сторон: Тарасов и Данилин, не стовариваясь, забыв о предупреждении, бросились на врага.

Раздалась короткая очередь, затем вторая.

Пули вонзились под ноги Тарасову, одна из них прошла бедро, и он упал. Однако Андрей, находясь в состоянии «боевой струны», сумел славировать и достал Махаевски невероятным вывертом руки: бил, казалось, в одну точку, а ударил в другую.

Магистр отскочил, с изумлением и гневом глядя на противника, чьи глаза вдруг засветились изнутри угрожающим янтарным блеском.

— Фак ю!..

Андрей снова бросился к нему, входя в пространство прямого поражения, и, хотя магистр тут же разорвал дистанцию, успел нанести ему три удара: два легких, отвлекающих, растопыренными пальцами в лицо и костяшками пальцев другой руки по локтю, и сильный — «лапой тигра» — по ключице.

Прозвучали еще две очереди.

Девуцы хладнокровно выцеливали жертвы и действительно не мучились сомнениями, стрелять или не стрелять в безоружных людей.

Тарасов, поднявшийся на ноги, получил еще две пули в спину, снова свалился. Буй-Тур вообще затих. Удар Махаевски сломал ему внутреннюю кость за ухом. Одна из пуль зацепила бок Данилина, заставив его отступить.

— Не стреляйте! — оглянулся Махаевски. — Этого я отработал сам!

Андрей, чувствуя горячую пульсацию крови в ране, метнулся к нему, и они закружились в стремительном боевом танце, де-

монстрируя чудеса ловкости, гибкости, скоростного движения и богатый арсенал приемов, многие из которых были недоступны даже профессионалам боя.

Однако Андрей вскоре стал проваливаться в атаках, не успевая за противником, а тот, наоборот, взвинтил темп боя до немыслимых инстинктивных реакций и все чаще доставал Данилина из положений «мертвых зон». К тому же он великолепно владел волновыми, вибрационными резонансами тела и энергетическими выбросами, в то время как Данилин вынужден был нырять в «бессозналку» — отбивая выпады магистра на сверхскорости, и экономить силы, уходящие вместе с вытекающей из раны кровью. Еще через несколько секунд он понял, что его подготовки недостаточно, чтобы справиться с «боевой машиной», владеющей какими-то секретами физического воздействия на противника.

Нырнув в очередной «темный омут» рефлекторной фазы боя, Андрей уклонился-отбил-сошел со спирали атаки Махаевски, отпрыгнул в сторону, уже почти бездыханный, лишенный каких бы то ни было сил, и вдруг ощутил некое изменение в обстановке. «Включил» сознание.

Девушки с пистолетами-пулеметами неподвижно лежали на полу возле трибуны велотрека, будто их застиг внезапный сон.

Андрей опомнился, автоматически выставил вперед руки, отскочил, ожидая удара противника, но удара все не было, сам Махаевски стоял в пяти шагах от него, оскалившись, в полуприседе, а к нему текуче-медленно, как поток воды, приближался какой-то человек в спортивном костюме, с ярко полыхавшими голубым огнем глазами.

— А вот и витязь пожаловал, — произнес Махаевски сквозь зубы. — Легко на помине. Я только что подумал о новом спарринг-партнере. Надеюсь, вы меня не разочаруете, мистер? А то эти парни какие-то дохлые попались, даже от пуль уворачиваться не умеют.

Человек, неизвестно каким образом за считанные мгновения уложивший четверых вооруженных «овчарок» Махаевски, остановился. Не поворачивая головы к Данилину, быстро проговорил:

— Спасайте женщин, они в правом коридоре от выхода из холла, в помещении буфета.

Данилин вздрогнул, получая откуда-то импульс энергетической подпитки, бросил взгляд на тела Буй-Тура и Тарасова, метнулся к проходу между трибунами.

— Итак, господин... э-э? — прищурился Махаевски, начиная боком обходить незнакомца. — Может, назовете свое имя?

Я Джеральд Махаевски, магистр ордена Раздела, посвященный третьей сефироты, паладин Звезды Изначалия, правая рука Кондуктора Социума, мастер смерти. А вы?

— Лихарь, — негромко ответил человек в спортивном костюме; казалось, его тело все время колеблется, зыбится, течет, как облако тумана или скорее как сгусток жидкого огня. — Витязь Рати Рода.

— О! Неужели мне предстоит сражаться с самим Беспощадным? Я слышал о вас, ратник Рода, но не думал, что судьба сведет нас. Какая честь для меня! — Губы Махаевски исказила язвительная улыбка. Он был настолько уверен в своих силах, что не боялся показать пренебрежение к противнику, а может, пытался вывести его из себя. — Что ж, ваша голова, господин Лихарь... э-э, Беспощадный, украсит мою коллекцию в родовом замке. Если вы, конечно, не блефуете.

Вместо ответа Лихарь живой металлической каплей скользнул к нему, почти не касаясь пола ногами, и бой двух операторов пространства, владеющих приемами физического, психического и энергетического поведенения, начался. Закончился же он через минуту — слишком малый отрезок времени для обычного человека и очень большой — для человека, посвященного в тайны сверхскоростного движения.

Несомненно, Махаевски был очень сильным бойцом, мастером воинских искусств высочайшего уровня. Однако на этот раз ему встретился противник, превосходящий его по многим параметрам, а главное — по духовному наполнению. Ибо настоящий воин — не просто знаток боевых тактик и приемов и прекрасный спортсмен, владеющий телом и физиологическими реакциями организма, он еще и носитель духа, объединяющего мудрость и действие, ведущего человека по Пути Истинного Знания.

Движения поединщиков были почти невидимы, так быстро они сменяли друг друга. Череду атак-ответов следовала за чередой, вихри тающих призраков носились по бетонной дорожке велотрека, замирая на мгновения лишь ради осмысления позиций. Казалось, что феерическое зрелище, недоступное никому из живущих на земле, будет длиться вечно.

Однако в какой-то момент стало наблюдаться осторожное отступление Махаевски. Он не успевал за своим противником и ничего не мог с ним сделать, даже включив экстрарезервные каналы и полностью раскрыв свои магические возможности, в особенности — по дистанционному воздействию на людей. Но его энергополевые посылы и мыслеформы разбивались о «железную рубашку» воли витязя, а ответные силовые выпады

все чаще доставали магистра, пробивали защиту, заставляли нагибаться, и наступил миг, когда он дрогнул и... побежал!..

Данилин в это время обнаружил сторожей, стерегущих дверь в буфет, и сначала не понял, что они делают. Потом понял, и ему стало противно: сторожа — толстая девица в камуфляже и рыжебородый монах — занимались оральным сексом. Оказать полноценное сопротивление налетевшему на них «привидению» они не смогли. Несмотря на раны и страшную усталость, Андрей все еще находился в состоянии гипердействия и контролировал пространство адекватного ответа с почти абсолютной непогрешимостью.

Монаха он отправил в нокаут ударом в голову, ошалело вскочившую девицу с мокрым ртом отшвырнул, а когда она потянулась за оружием, сильным ударом в горло отправил за «любовником».

Постояв над телами сторожей пару мгновений — пока под сознание ощупывало холл и коридоры здания сферой вневещного восприятия в поисках опасности, Андрей наклонился к девушке, обыскал карманы ее комбинезона, достал ключ и открыл замок буфета.

В помещении было темно, однако расширившийся волновой диапазон зрения позволял ему видеть даже в полной темноте, поэтому Андрей безошибочно отыскал в углу сидящих на ящиках женщин. Это были Млада и Яна, подруга полковника Тарасова. Она еще не знала, что ее друг и защитник ранен, а может быть, и убит.

Кроме того, Андрей увидел-почуял и некий чужеродный и очень опасный предмет, стоявший на полу буфета. Это было взрывное устройство, способное разнести на куски весь велотрек.

— Выходите, — негромко сказал Данилин. — Не бойтесь, это свои.

— Андрей! — тихо ахнула Млада. Бросилась к нему на грудь, заплакала.

— Успокойся, потом будешь плакать, — проворчал он, отстраняя женщину. — Надо уходить отсюда, и чем быстрее, тем лучше.

— Кто вы? — подошла к ним Яна.

— Не отставайте, — буркнул Андрей, борясь с головокружением.

Они выбрались из помещения, пропахшего кисло-горькими запахами, в тусклый свет пыльной люстры, горевшей под потолком холла.

Из центрального зала велотрека прилетел неясный дробный

стук: словно по каменным плитам протопали два мелких беса на копытцах. Затем раздался чей-то леденящий душу вопль.

Женщины вскрикнули в ответ, цепляясь за Андрея.

— Стойте здесь! — приказал он, срываясь с места.

На дорожке велотрека никого не было.

Лишь спустя несколько секунд Андрей заметил на поле, захламленном строительным мусором, у дальней трибуны, человеческую фигуру. Нет, две. Один человек стоял, второй лежал в неестественной позе, раскинув руки, согнув ноги под углом к туловищу, запрокинув голову так, что было ясно — шея у него сломана.

Сердце колотилось о ребра с набатным гулом, глаза слезились, Андрей никак не мог сфокусировать зрение и распознать того, кто лежал.

Стоящий над телом вдруг исчез и возник уже на дорожке велотрека. Это был тот, кто спас Данилину жизнь.

Андрей расслабился.

— Это вы... что с Махаевски?

— Мертв, — отозвался незнакомец, гася голубой огонь в глазах. — Помогите мне.

Они перевернули на спину Буй-Тура и Тарасова. Полковник застонал.

— Жив! — обрадовался Андрей.

Незнакомец погладил рукой лоб Тарасова — Данилину показалось, что с его пальцев сорвались извивающиеся змейки света и всосались в кожу головы, — затем склонился над Буй-Туром. Сказал чуть погодя:

— Плохо...

— Что?!

— У него кровоизлияние в мозг. Треснула височная кость. Требуется л а ж е н и е.

— Операция?

— Нет, черепное л а ж е н и е. Я закрыл ему сосуды, прервал поступление крови, но долго он не продержится. Его срочно надо...

— В больницу!

— Уходим. — Незнакомец легко поднял тело Буй-Тура на руки и быстро зашагал к выходу из зала. Потом вдруг остановился, подумал немного и повернул обратно.

— Куда вы? — не понял Андрей.

— Забирайте женщин и помогите полковнику. У магистра есть рамана.

— Что?

— Транспорт. Быстрее!

Андрей вздрогнул — голос этого человека внушал уважение и опаску, подскочил к зашевелившемуся Тарасову.

— Держитесь!

— Иди... за... девчонками... — в три приема выговорил полковник. — Я сам...

Андрей метнулся к выходу, выскочил в коридор, наткнулся на Младу с Яной, двигавшихся навстречу.

— Я же приказал ждать на месте!

— Да-а, там страшно! — ответила Яна с простодушной прямотой. — И кто-то смотрит в спину...

— Домовой, — невольно улыбнулся Андрей, — точнее, велотречный. Шагайте за мной.

Они вошли в зал.

— Слава! — взвизгнула Яна, бросаясь к Тарасову.

Андрей остановился, округляя глаза. Но его поразила не встреча влюбленных, а нечто другое.

Из-под купола гигантского сооружения спускалась на поле велотрека десятиметровая летающая «тарелка», сверкающая голубым металлом, постреливающая искрами, испускающая струйки дыма.

— Что это?! — прижалась к плечу учителя Млада.

— Энлоид... — прошептал Андрей, внезапно догадавшись, что имел в виду их спаситель под «транспортом» магистра.

Тарасов с Яной перестали обниматься, также увидев «тарелку», замерли.

— Идите сюда, — слышался голос незнакомца.

«Тарелка» зависла в метре над полем, лопнул бок аппарата, из образовавшегося в нем стеклянно-прозрачного «объема пустоты» выпрыгнула легкая подвижная фигура, склонилась над телом Буй-Тура, вложила его в «пустоту». Тело исчезло.

Незнакомец оглянулся.

— Поторопитесь!

Очнувшиеся пленницы со своими защитниками поспешили к «тарелке».

— Энлоид... — еще раз сказал Андрей. — Над такой машиной работал Лева...

Ясноглазый незнакомец посмотрел на него с прищуром.

— Вы правы, сударь. Пришло время отк р ы т и й. Но сейчас нам пора уходить отсюда, залезайте.

Андрей и Владислав переглянулись.

— Давай, ты первая, — сказал Тарасов Яне.

Они скрылись в «пустоте» входа.

— Теперь мы, — ободряюще сжал плечо Млады Андрей.

По глазам ударил световой зайчик, на мгновение волна темноты и свежести прокатилась по телу, и взору открылось куби-

ческое помещение без острых углов, с бежевого цвета стенами. Потолок помещения слабо светился. Вошедшие ранее Тарасов и Яна стояли, озираясь, оглянулись на вскрик Млады.

— Чудеса в решетке! — вполголоса проговорил полковник. — Интересно, куда делся Гордей Мироныч? «Зеленые человечки» забрали?

— На борту раманы никого нет, — ответил появившийся ниоткуда «ангел-хранитель», с виду — обыкновенный человек. — Это личный транспортник магистра. Нам повезло, что он не заговорен. Магистр понадеялся на свои возможности. Но все разговоры потом.

Незнакомец протиснулся мимо спасенных, вошел в противоположную стену, исчез. Потом из стены показалась его голова.

— Прошу прощения, но кабина раманы рассчитана только на двух пассажиров. Одно занято вашим приятелем. Вам придется во время полета побыть здесь.

— Без проблем, — кивнул Тарасов, по лицу которого разлилась бледность. — Только я, с вашего позволения, присяду.

— Куда мы полетим? — робко спросила Яна.

— Туда, где вас вылечат, — сказала голова незнакомца и скрылась.

Все присутствующие в странном тамбуре обменялись выразительными взглядами.

— Как ты думаешь, кто он? — прошептала Млада, зябко вздрагивая от волнения.

— Не знаю, — так же тихо ответил Андрей, — но догадываюсь.

— Спецслужба РуНО? — поднял бровь Тарасов. — Хотя, надо признаться, таких суперов просто не должно существовать в природе.

Данилин помолчал.

— Это скорее всего витязь... я слышал о воинах русской Рати, но не верил...

— Что еще за витязи такие?

Одна из стен помещения вдруг растаяла, превратилась в экран телевизора.

Стал виден зал велотрека.

Центральное поле строения плавно понеслось вниз. Экран мигнул — и в тамбур с экрана хлынула темнота ночи. Вниз ушел главный купол велотрека, затем вся «бабочка» сооружения, уменьшаясь на глазах. А еще через несколько секунд бесшумного неощутимого полета на пестром темно-белом фоне расцвел огненный фонтан, разбрасывая во все стороны обломки стен и крыши велотрека. Это взорвалась адская машина магистра, хороня его и всех, кто с ним был.

Он был очень похож на старика с картины Константина Васильева «Человек с филином». Та же сурово-величавая осанка, тот же пронзительный взгляд мудрых глаз, седина в волосах, та же осязаемая сила в каждом движении. Разве что человек этот был моложе. Звали его Гостомысл. Волхв Гостомysl, заботник Русского Рода.

Когда летающая «тарелка» с пассажирами, проделав часовой перелет, приземлилась посреди какого-то замерзшего и заснеженного болота с чахлыми кустиками и кривыми стволами березок, встретил их именно Гостомysl, одетый в меховой зипун, но без шапки, несмотря на мороз. Он кивнул незнакомцу, победившему магистра и спасшему пленников, приложил руку к груди, поклонился.

Озеро освещалось только светом звезд, но лицо Гостомысла было видно так, будто освещалось солнечным светом.

— Здравы будьте, родичи, в обители Ладомирья. Прошу следовать за мной.

— Я отведу раману в северный скип, — сказал спаситель Данилина. — Пусть постоит покамест за крытой.

— Хорошо, — коротко ответил волхв.

Незнакомец полез в люк «тарелки», ощущаемый как объем пустоты.

— Спасибо, — запоздало спохватился Тарасов.

Незнакомец не ответил, скрылся в «пустоте», и через несколько секунд «тарелка» подпрыгнула в небо, исчезла.

— Обиделся? — пробормотал Тарасов.

— О, нет, — качнул головой седовласый. — Лихарь просто сделал свое дело и не считает вас обязанными ему. Хотя мы обычно не произносим слово «спасибо», оно имеет другой смысл. Мы говорим — благодарствуем.

— И какой же другой смысл сокрыт в «спасибе»?

— Изначально, по искону, это слово — аббревиатура, как принято говорить, слов «спаси» и «бог». В сочетании они не несут благодарности. От кого нас должен «спасать бог»? И для чего? Однако об этом мы поговорим позже. Идемте, я провожу вас в свою будову, вам требуется лажене.

Волхв ничего не сделал, не махнул рукой, не произнес никакого заклинания, но в пятидесяти шагах от людей вдруг сформировался в воздухе удивительной красоты светящийся терем. За ним еще несколько, едва видимые в ночи, словно сделанные из расплавленного стекла.

Замершие спутники Андрея молча дивились на возникший ниоткуда деревянный град, не в силах вымолвить ни слова.

— Я сплю... — наконец пробормотал Тарасов.

Данилин промолчал, погладив пальцы Млады. Он уже догадывался, что видят его глаза, но не спешил делиться своим прозрением ни с кем.

Седовласый подошел к неподвижно лежащему Буй-Туру, наклонился над ним и тут же отступил. Тело полковника потеряло вес, всплыло над снегами и льдом, скользнуло к резному крыльцу ближнего терема.

— Идемте, — оглянулся Гостомysl. — Не бойтесь, это будовы Ладомирья, недобрым людям они не видны и недоступны.

— Никогда не слышал о таком поселении... Здесь ваша база, что ли?

— Что-то вроде того, — усмехнулся волхв, огладив бороду.

Медленно, осторожно, стараясь не поскользнуться, они один за другим приблизились к терему, взошли на крыльцо, деревянные балясины которого, бревна и доски излучали ровный золотисто-медовый свет. Дверь в терем открылась сама собой, являя взору недлинный и неширокий коридор, с виду весь обшитый деревянными досками с янтарно светящимся рисунком. Он был пуст, прост — и сказочно красив!

Тело Буй-Тура поплыло дальше.

Гостомysl снова оглянулся.

— Пойдем со мной, Владислав Захарович. — Посмотрел на остальных, прищурясь. — Вы же подождите меня в светлице. Я по правлю ваших друзей и приду.

В стене коридора сама собой распахнулась незаметная дверь, тело полковника втянулось в проем, за ним шагнули Гостомysl и Тарасов, державшийся из последних сил. Две пули в спине и одна в ноге, заговоренные Лихарем, все же шевелились при движении и вызывали приступы боли.

Дверь закрылась.

Женщины, взволнованные и ошеломленные происходящим, с надеждой посмотрели на Данилина. Он постарался ободряюще улыбнуться, хотя сам чувствовал себя не в своей тарелке, сказал мягко:

— Кажется, существует слой жизни, о котором мы ничего не знаем.

— Где мы? — решила на вопрос Млада.

— В обители волхвов, где же еще. Это все, что я могу сказать более или менее определенно. Вы слышали о тайном храме индийских магов — Шамбале?

— Да, я читала, — кивнула Яна.

— Похоже, на Руси тоже имеется своя Шамбала, а то и не одна. Эту зовут Ладомирьем, а я слышал о другой, якобы прячущейся в озере, под названием Град-Китеж. Почему Ладомирье вдруг открылось нам, я не знаю, но уверен, что нас здесь не обидят. Идемте в светлицу хозяина.

— Куда?

Андрей не успел ответить. Из стены коридора в двух шагах от него высунулась чья-то прозрачная лапка, и на пол шлепнулись... берестяные лапти без пяток.

Млада и Яна ахнули, хватая Андрея с двух сторон.

— Не пугайтесь, — усмехнулся он, готовый к таким чудесам. — Это, наверное, домовый. Предлагает переобуться.

Из стены снова высунулась ручка, бросила еще две пары лапоточков. Мелькнули любопытный глаз, мохнатое ухо, и необычное создание, не побоявшееся показаться гостям, исчезло.

Они переобулись.

— Удобно... — шепнула Млада, — и тепло... Вениками пахнет...

— Медом, — нерешительно возразила Яна.

Андрей согласился и с той, и с другой. В тереме действительно витали запахи дерева, сушеных трав и полевых цветов.

В торце коридора проявилась еще одна дверь, открывая вход в палаты невиданной красоты.

Хоромы!

Именно этим словом можно было назвать то, что увидели гости, шагнув за порог светлицы Гостомысла.

Внутреннее убранство терема, в общем-то, не отличалось от уже известных Андрею, виденных в деревне деда и на родине мамы. Но здесь все предметы интерьера казались произведениями искусства, удивительным образом сочетались друг с другом, укладываясь в понятие х о р о м ы. Здесь хотелось жить, долго рассматривать детали обстановки, все эти скамьи, лавки, голбцы, ставни, оконца, печь, изваяния русских богов, резные балясины, коники, столы, утварь по стенам, рушники, красный угол с неугасимой лампадой, но без икон и крестов.

— Как красиво! — прошептали в один голос завороченные женщины.

Данилин с любопытством огляделся, потом почувствовал легкое головокружение и присел на лавку. Силы кончались, организм требовал отдыха и энергетической подпитки.

— Что с тобой?! — заметила его состояние испуганная Млада.

— Устал... — виновато улыбнулся Андрей и потерял сознание.

Он уже не видел, как над ним хлопотали встревоженные

женщины, пытаясь привести в чувство, затем появился седовласый хозяин и унес его в спальню, чтобы совершить обряд л а ж е н и я.

Проснулся Андрей спустя три часа после своего обморока, свежий и бодрый.

Он лежал в длинной белой полотняной рубашке на широкой деревянной кровати с высокими подушками. Помещение, в котором он находился, было заполнено полумраком, лишь в толще потолка светился узор сучков на доске.

Но стоило ему открыть глаза, прислушаться к тишине и пошевелиться, как потолок засветился весь, и в спальне стало светло.

Открылась дверь, вбежала Млада, одетая в красивое цветастое платье до колен, с оборками и рюшами, бросилась к нему на грудь.

— Проснулся?! Ничего не болит?

Он прислушался к своим ощущениям, пробормотал:

— Ничего... здоров как бык... есть хочу.

— Пойдем, там уже все готово, стол накрыт.

— Где остальные?

— Владислав с Яной переодеваются, сейчас придут, а Гордей Миронович еще спит. Но врач сказал, что все будет хорошо, он поправится.

— Врач... — усмехнулся Андрей.

— Ну, целитель, — смутилась женщина.

— Он волхв, целительство — не главная его забота.

— Все равно он врач, раз вылечил всех.

— Это ты меня раздела?

— Нет, я не знаю, я только смотрела... пока меня не попросили выйти, а потом оказалось, что ты раздет.

— Помоги найти одежду.

Млада оглядела спальню, нашла ряд выпуклостей на одной из стен, подошла ближе.

— Какой интересный комод...

— Не трогай ничего, мы не дома.

— Сам же сказал — помоги найти одежду.

Верхняя выпуклость вдруг вылезла из стены, будто живая.

— Ай! — отскочила Млада.

Андрей засмеялся.

— Здесь все подчиняется своим магическим законам. Это действительно комод.

Млада с опаской, вытянув шею, оглядела высунувшийся ящик, покачала головой.

— Там белье, но твоей одежды нет.

— Поищи в других ящиках.

— Здесь нет ручек... ой!

Верхний ящик сам собой втянулся в стену, зато открылся ящик пониже.

— Я боюсь! — оглянулась Млада.

— Не надо бояться, милая, — вошла в комнату улыбчивая пожилая женщина в красивом платье с лентами и кружевами, с платком на седой голове. — Никто вас здесь не обидит. А одежда его сохнет. Пусть пока майстру накинёт.

Женщина вытащила из нижнего ящика комода, встроенного в стену, длинный пушистый халат зеленоватого цвета, с переливами, протянула Младе.

— Идемте в трапезную.

Она вышла.

Млада протянула халат Андрею.

— Иногда мне кажется, что я сплю.

— Мне тоже, — задумчиво ответил он, накидывая легкий и теплый халат, сшитый из какой-то толстой ворсистой ткани. — Хотя я теперь понимаю...

— Что?

— За нами все время наблюдали люди волхва. Я чувствовал, но не мог определить, кто. Думал — наши враги.

— Почему ты решил, что за нами наблюдали волхвы?

— Иначе трудно объяснить появление нашего спасителя в здании велотрека. Пока мы сражались с магистром, он уничтожил всю его команду.

Млада зябко вздрогнула.

— Отвечать тем же — быть таким же, как магистр.

— У него не было выбора. Он спасал нас. Хотел бы я еще раз встретиться с ним — это великий мастер... Но не будем о грустном, идем обедать.

— Завтракать, еще утро.

— А впечатление такое, будто я сутки спал.

Они выбрались из спальни, располагавшейся на втором этаже терема, в короткий коридорчик с еще одной дверью.

— Что там?

— Такая же спальня, там лежит Гордей Миронович.

Андрей приоткрыл дверь в комнату, разглядел в полутьме лежащее на кровати под белой простыней тело, но входить не стал. В комнате светился лишь сучок над изголовьем кровати, освещающая бледное лицо полковника, но психоэнергетический фон в спальне был спокойный, умиротворенный, и запахи по ней бродили жи и в ы е, запахи сосновой смолы и трав.

— Живой, полковник, — прошептал Андрей, закрывая дверь. — Я уж думал — кранты ему, убил магистр, височную кость проломил, как-никак. А где другой наш полковник?

— Уже со своей девушкой обнимается, — улыбнулась Млада. — Из него лекарь три пули вытащил, и раны сразу заросли! Даже не верится, что такое возможно.

— Мы еще многому здесь будем удивляться. Хотя главное не в этом.

— А в чем?

— Существование Ладомирья и других волховских центров дает надежду... надежду на возрождение. Сейчас наступила эпоха катарсиса, эпоха очищения России от зла, и я думаю, что волхвы все-таки принимают в этом участие, хотя и скрытно.

— Почему — все-таки?

— До сих пор я думал иначе, что Россия завоевана — в информационном и финансовом планах — и уже никогда не поднимется с колен. Буду очень рад, если ошибался.

Они спустились по винтовой деревянной лестнице на первый этаж терема, услышали смех и вошли в открытую дверь, ведущую в трапезную хозяина.

Тарасов, в таком же халате, что и Андрей, держал в объятиях Яну, пытавшуюся вырваться, увидел входящую пару и, ничуть не смутившись, вскинул руку над головой.

— Привет, мастер. Как самочувствие?

— Нормально, — сдержанно ответил Андрей.

— Ну и отлично! Садись, позавтракаем.

Вырвавшаяся из объятий полковника покрасневшая Яна подошла к Младе, взяла ее за руку.

— Все хорошо?

— Как в сказке со счастливым концом, — улыбнулась Млада. — Не хочется просыпаться, если это сон.

— Как ты думаешь, — понизил голос Тарасов, подходя к Андрею, — нас не просто так вытащили из петли? Не потребуют платы?

— Это не те люди, — осторожно возразил Данилин.

— Дай бог, как говорится, только я совершенно точно знаю, что за все надо платить. Ты что-нибудь слышал о Духовно-Родовой Державе Русь?

Андрей задумался.

— Пару раз мне попадались брошюры с интересной информацией о существовании определенной структуры... Существует несколько славянских центров, союзы и общины... Вполне возможно, что все они объединены в единую систему, эту самую Державу. А что?

— Этот парень, что нас освободил...

— Лихарь.

— Он из рати Рода, витязь. Слышал что-нибудь о такой рати?

— Нет.

— Это мне наш хозяин сказал, Гостомysl. Он ждет нас после завтрака в соборной.

— Что ж, там все сразу и выяснится.

— Соборная — это его кабинет, что ли?

— Узнаем.

— Мужчины, завтрак стынет, — с притворной строгостью сказала Млада.

— Садимся, — сразу согласился Тарасов.

Они сели за стол, способный уместить не менее десяти едоков.

— Наверное, у хозяина большая семья, — предположила Яна.

— Скорее трапезная рассчитана на множество гостей, — ответил Тарасов. — Если бы здесь жила большая семья, мы бы то и дело сталкивались с домохозяевами.

— Может быть, они не хотят стеснять нас. Да и утро еще...

— Может быть. — Владислав потер руки, оглядывая стол. — Приступим, гости дорогие, что-то я проголодался.

На столе дымились четыре керамических сосуда с яствами. В первом была вареная картошка с маслом, во втором овсяная каша, в третьем тушеные овощи, в четвертом жареные грибы. Кроме того, здесь стояли блюда с маринованными огурчиками, квашеной капустой и солеными груздями, а также салаты из свежих — как только что с грядки — овощей, из корней лопуха и вяленой рыбы, из крапивы и сельдерея и баклажанная икра. Плюс горка блинов, сметана, варенье и мед. Плюс самовар и чайник.

Тарасов поймал вилкой груздь, положил в рот, проглотил и сказал, закатив глаза:

— Уму непостижимо! Пожалуй, я бы не отказался здесь пожить пару недель.

Остальные засмеялись и принялись накладывать себе кто что хотел, почувствовав себя свободно и легко, как дома.

Завтрак закончился чаепитием. Но пресыщения едоки не ощутили, организм каждого воспринял еду как нерасслабляющий добрый дар, вливающий силы и бодрость духа.

Пришла та же пожилая седая хозяйка, а может быть, домработница, которую звали Аглая, очень подвижная и быстрая, и поблагодарившие ее за изумительно вкусную еду женщины начали собирать посуду со стола, чтобы отнести на кухню и помыть.

— А вас ждет Владыко Сварг, — сказала седая со значением. — Пройдите в соборную.

— Значит, Гостомysl тут не главный? — поинтересовался Тарасов.

— Гостомысл — за б о т н и к, а Владыко — Белый волхв, Хранитель Рода. Он хочет побеседовать с вами.

— Во как! — пробормотал Владислав, встретив взгляд Андрея. — За что же это мы удостоены такой чести?

— Где ваша соборная? — обратился полковник к Аглае.

— А наверху, в маковке, по лесенке подниметесь, минуя спаленки.

— Неудобно в халатах-то идти...

— Сейчас принесу одежду, — засуетилась Аглая, исчезая, и вскоре принесла выстиранную и поглаженную одежду мужчин. Тарасов и Данилин переоделись.

— Даже дырки зашили... — пробормотал Владислав. — Что значит — русское гостеприимство.

— Гостеприимство не имеет национальности, — улыбнулся Андрей. — Но наши предки, по отзывам чужестранцев, действительно славились гостеприимством.

По винтовой лестнице они поднялись на третий уровень терема, в «маковку», как сказала хозяйка, и вошли в просторную комнату с закругленными стенами, которую занимал большой круглый деревянный стол и с десяток деревянных же кресел с резными спинками. Навстречу гостям поднялись двое: сам Гостомысл, высокий, крепкий, сильный, одетый в серую рубаху с шитьем, подпоясанную витым синим шнуром, и такой же высокий, могучий телом, но совсем седой, с длинной белой бородой, темнолицый старец, глаза которого светились как два чистейшей воды аквамарина. Кроме белой рубахи, на нем был необычного покроя пиджак без воротника, синего цвета, с орнаментальным шитьем, и такие же штаны.

Хозяева поклонились.

Тарасов и Данилин ответили тем же.

— Присоединяйтесь, други, — сказал Гостомысл, — побеседуем, рассеем темь непонимания. С вами хочет поговорить сам Хранитель Рода.

Седой старец с молодыми глазами огладил бороду, оценивающе глянул на застывших гостей, кивнул.

— Сядем.

Все сели.

Андрей почувствовал стеснение, сердце заработало чаще, в душе поднялось волнение. Не каждый день встречаются на пути мудрые люди, а тем более волхвы.

— Прежде всего прошу не обижаться, родовичи, — начал Владыко звучным сильным голосом, без всяческой старческой хрипоты, — ежели я буду звать вас на «ты». И даже не потому, что мы к этому привычны, а потому, что местоимение «вы» обез-

личивает человека, лишает его индивидуальности. Оно должно обозначать лишь количество. С помощью «вы» нас когда-то трагически разделили на близких и далеких, своих и чужих, врагов и друзей, а между тем «вы» с праязыка означает «тьму». Издревле на Руси родовичи «тыкали», говорили друг другу «ты», подчеркивая внутреннюю значимость собеседника. Это уж в христианские времена пришло обесценивающее «вы», с перевернутым смыслом ложного уважения. Понимаю, что у вас накопились вопросы к нам, и смиренно жду их. Начинайте.

Владислав и Андрей покосились друг на друга.

— Вопросов действительно много, — сказал Тарасов. — Но начать нужно с главного: что происходит? С нами, вокруг нас, с Русским орденом, со страной, наконец.

— Что ж, вопрос и впрямь важный, — согласился Белый волхв. — Позвольте начать издалека.

Десятки и даже сотни тысяч лет на Земле существуют тайные организации: ордена и союзы магов, колдунов и шаманов, бессмертных жрецов, сверхчелючих, овладевших секретами более древних цивилизаций, а также представителей иных рас, населявших нашу планету до человека, и чужепланетян. Эти ордена стремятся управлять развитием человечества согласно своим целям и пониманию прогресса, отрицая то безусловно божественное, что заложено в человеке. А именно — свободный выбор и полную ответственность за свой выбор. Или, как сейчас принято говорить, свободу воли. Хотя надобно знать, что слово «свобода» — также термин перевернутого смысла, внедренный не только в русский язык, но и в сознание народа существующей ныне Криптосистемой управления человечеством.

— Не понял, — озадачился Тарасов.

— «Свобода» — аббревиатура слов «с волей Бога бодаться». Лучше говорить — независимость.

— Никогда бы в голову не пришло...

— К сожалению, в современный русский язык «имплантировано» много слов с перевернутым смыслом, что заметно снижает его творческий потенциал. Самое отвратительное в том, что наши враги украли у нас наши священные тексты и переписали их, изменили в свою пользу, закрыв каждое правдивое слово двумя лживыми, выдавая их за истинно языческие и ведические книги. Вот почему мы проиграли им тысячи лет назад. Мы проиграли прежде всего информационную войну. Однако идем далее. Кроме свободы волеизъявления — приходится пользоваться этим словом, — Творец вложил в человека и нечто сакральное, сокрытое от него, проявляющееся лишь в моменты угрозы исчезновения как вида.

— Совесть, — тихо обронил Андрей.

Владыко огладил бороду сухой рукой, кивнул.

— Верно, воин, совесть, а через нее — стремление постичь Замысел Божий, истинное Знание мироустройства, правду о себе и о Творце, родителе своем. Подвижники, в ком просыпается экстазис, соединяются в некую структуру нейтрализации тайного контроля, которая называется теперь «Три-Эн» — «Никого над нами»! Кроме Бога, разумеется, основателя Рода. Около двенадцати тысяч лет назад эта структура дала отпор всем не-людям, возжаждавшим управлять человечеством как стадом, чтобы питаться его энергией. Сделав свое благое дело, «Три-Эн» растворилась в народе, ушла со сцены истории. Хотя, к слову, современное слово «история» тоже является словом-хамелеоном, прячущим свой истинный лик от простых людей. Но мы не об этом. Итак, «Три-Эн» прекратила существование, и некоторое время Земля процветала — как уравновешенная система взаимодействия человечества и природы. Но потом вновь подняли головы н е л ю д и и человекоподобные существа, созданные жрецами по образу и подобию настоящих людей, а также маги и жрецы, обладавшие з н а н и е м, которое позволяло им идти наперекор божественному Промыслу. Так возникли р е л и г и и — системы управления людьми, затем секты, якобы стоящие «ближе к Богу», союзы, ордена, использующие философские методологические доктрины рабства — физического и духовного — и психического подчинения слабых сильному.

— Да, я читал об этом, — сказал Тарасов. — Князь Всеслав давал мне кое-какую литературу... — Он понял, что проговорился, и досадливо поморщился.

В пронизательных глазах Белого волхва мелькнула улыбка.

— Князь Родарев — п р а в н и к, он знает, кому довериться.

— Вы его знаете?

— Русский национальный орден — не наше детище, но является одним из инструментов недавно включившейся системы «Три-Эн». Путь РуНО в некоторых аспектах ошибочен, особенно в части решения проблем силовым путем, однако благой результат его действий пока превышает наносимый им же вред. Мрази в лице человецев в России становится меньше. Ваша команда СОС, равно как и команда ППП полковника Буй-Тура, была создана с благими намерениями. Но реализаторы каждой и д е и — люди, конкретные личности, зачастую не имеющие канала связи с Богом.

— Опять же — совести.

— Совершенно верно. И этих людей можно купить или за-

программировать. Что, собственно, и произошло с князем Шельминым.

— Почему же вы проглядели, что это за человек?

— Не мы — руководители РуНО, и даже властники Духовно-Родовой Державы Русь, основатели РуНО. Это послужит им большим уроком на будущее.

— Чем же тогда занимаетесь вы?

Волхвы обменялись понимающими взглядами.

— Мы — заботники Рода, — сказал Гостомysl, — хранители древних знаний, правники общины, отвечающие за сохранение связи с Родом-Вседержителем. Мы помним все прошлые включения структуры «Три-Эн». Наша сила не в оружии, не во владении магией и навыками физического оперирования, наша сила в Знании.

— Все равно не понимаю, чем вы занимаетесь конкретно.

— Если задачами РуНО является ликвидация лидеров бандформирований, сект и коррумпированных чиновников на территории России и за ее пределами, а также ликвидация систем управления Россией — внешних и внутренних, сатанинских, то в нашу задачу входит организация глобального контроля за деятельностью всех тайных союзов и орденов, и главное — организация глубинной системы воспитания.

— Хорошо, допустим, вы все знаете. Почему же допустили завоевание Руси чужими идеологами?

Волхвы-хозяева остались благожелательно-спокойными, что говорило об их внутренней уравновешенности и твердости убеждений.

— Должно пройти еще много циклов самоочищения человечества от звериных и алчных желаний, — сказал Гостомysl, — прежде чем система «Три-Эн» самоликвидируется окончательно. Но мы все-таки идем к Богу, и остановить нас невозможно.

— А мы зачем понадобились?

— Нам нужны люди действия, не потерявшие совесть, — усмехнулся в бороду Владыко. — Таких всегда мало. Вы же подготовлены к восприятию законов Творца, хотя и посредством самого худшего из Путей самопознания. В каждом из вас потом придется убить дракона.

— Но ведь вы допускаете убийство других людей во имя своих целей? Ваш витязь классно обработал магистра Махаевски со всей его свитой.

— Мы не ханжи, — качнул головой Гостомysl. — Убийство — крайняя мера, но оно допустимо, когда мы поставлены перед выбором, кому жить дальше — мерзавцу без совести или доброму человеку. Однако мы не должны отвечать нашим врагам

тем же, ибо не должны быть подобны им! Ты должен помнить, воин, что все сделанное тобой возвращается к тебе же. Злость, гнев, нетерпение, обида, ненависть — тоже. Так пусть лучше возвращаются обратно любовь и свет.

За столом воцарилась тишина.

Потом Гостомысл налил из графина в стакан воды, сделал глоток, заметил взгляд Данилина.

— Не хотите родниковой водички испить? Очень здравым размышлениям споспешествует.

— Тут впору коньячку хлебнуть, — проворчал Тарасов.

— Нет ничего проще. — Гостомысл налил в другой стакан воды, подержал над ним ладонь, и вода окрасилась в прозрачно-коричневый цвет. — Вот, прими, коли надобность имеется.

Тарасов удивленно глянул на стакан, поднес ко рту, сделал глоток.

— Точно, коньяк! Как вы это делаете?

— Не вы, а ты.

— Прошу прощения...

— Это несложный процесс, узнаешь в свое время.

— Итак, что скажете, родовичи? — сказал Белый волхв. — Согласны послужить Отечеству и Роду?

— Я бы все-таки хотел знать, чем мы будем заниматься конкретно, — сказал Андрей негромко, но твердо.

— Дел неуворот, — усмехнулся Гостомысл. — О конкретике вам сообщит витязь Бран, защитник Рода. К примеру, надобно ослабить и нейтрализовать влияние на Россию Синедриона, центра Союза тайных орденов, руководит которым Великий Отец лорд Акум. Впоследствии придется выйти на Криптосистему, называемую еще Геократором, управляет которым жрец-бессмертный Тивел. Центр этой тайной жреческой структуры располагается ныне в Америке, в Аризоне. Конечная же наша цель — Экзократор, мировой центр стратегического управления человечеством, ставленники которого контролируют все национальные властные структуры. Владыкой Экзократора является нечеловек Арот, называющий себя Превышним.

— Дьявол, что ли?

— В некотором смысле. — Гостомысл улыбнулся. — Рогов и копыт у него, во всяком случае, нет. Кстати, у него недавно появился передвижной центр управления — самый большой корабль в мире.

— Случайно, не «Солнце Свободы»?

— Он.

— Послать туда спецкоманду — и дело с концом...

— Не так все просто, Владислав Захарович. Арот — маг и забавник, к нему обычный спецназ и близко не подойдет.

— А ваши витязи?

— Готовимся, — лукаво прищурился Гостомысл. — Да и вы должны созреть. А опора у вас есть.

— Какая опора?

— Ваши берегини. Вот полковнику Буй-Туру будет сложнее.

— Брат мой несколько упрощает ситуацию, — сказал Владыко. — Наша конечная цель не ликвидация Экзократора, а создание корректирующего импульса, возвращающего жизнь на Земле к с о о т в е т с т в и ю Изначальному Замыслу Творца. Наша Держава — всего лишь проявление алгоритма «Три-Эн», неумолимо транслирующего законы Божественной Этики. Мы — частица общности, коллективный реализатор этой идеи, но каждый из нас волен поступать так, как велит ему совесть.

— Что касается тебя, Андрей Брониславович, — добавил Гостомысл, — то мы и твоим способностям найдем справное применение. Посвятим тебя в витязи, благо ты почти готов, либо будешь работать учителем, просветителем Рода. Тысячелетнее навязывание русскому народу чужebesия под личиной «истинно русской религии», засилье идеологических и религиозных догм, чьи идеалы и цели прямо противоречат духовным ценностям Рода нашего, требуют очень больших усилий по чистке умов. Осознанное и здоровое преодоление чуждых русскому Духу напластований в русской культуре — важнейшая часть ведического просвещения Руси. Хотя при этом и ты должен помнить, что любовь к родной земле и сородичам не должна измеряться отторжением, обидой, гневом и ненавистью к инородцам. Наша борьба не должна вестись такими же вероломными и бесчестными способами, кои используются нашими врагами.

— Понимаю... — тихо сказал Андрей.

— Тогда позвольте откланяться, — сказал Владыко, поднимаясь. — Мне пора славу творить. Вам же хочу пожелать терпения и твердости духа. И светлого будущего. На все — в а ш а воля!

Белый волхв сделал шаг и исчез.

По комнате прошелестел прохладный ветерок. На мгновение всем присутствующим в ней показалось, что кто-то большой, сильный изучающе и строго посмотрел на них из глубин Вселенной и снова стал неощутим и далек. Хотя Он-то уж точно знал, что не должно быть

никого над нами,

над истинно детьми Его...

**КО ВРЕМЕНИ
МОИХ СЛЕЗ**

Не старайся жить весело в мире этом; ибо все радости света сего кончаются плачем.

Изборник. 1076 г.

Что бы за мной ни наблюдало, это не человек — по крайней мере с моей точки зрения.

Ф. Дик. Помутнение.

Дощечка первая

ПРОКЛЯТИЕ

БЫЛОЕ

Собиралась гроза... а в доме было тепло, тихо, уютно, и не хотелось никуда идти.

Игрушек у Арсика было мало, поэтому он мастерил их сам: бумажные зверюшки — дед научил, самолетики из тетрадных листов, кораблики из сосновой коры. В четыре года они получались не ахти какой красоты и изящества, но в глазах мальчика кораблики казались настоящими морскими посудинами, пиратскими клиперами, шхунами знаменитых путешественников, и он, наблюдая за «флотом», плывущим по «просторам морей и океанов» — по гигантской луже напротив дома, просыхающей только летом, грезил с открытыми глазами, представляя себя великим первооткрывателем стран и островов, капитаном собственного корабля.

— Собирайся, мечтатель, — погладила его по светлой головке бабушка, — в церковь пойдем.

— Зачем?

— Крестить тебя будем.

— А дед пойдет с нами?

Бабушка и мама переглянулись.

— Он уехал... позже подойдет.

— Тогда я его подожду.

Мама нахмурилась:

— Арсений, не упрямясь, все равно идти придется.

— Не пойду!

— А я сказала...

— Погоди, Надя, — мягко остановила ее бабушка, — не начинай с утра кобызиться, он и так согласится.

— Не пойду! — упрямо свел брови Арсений.

— Дело в том, что мы все крещеные, а теперь вот и твоя очередь подошла. Да и в церкви ты еще не был, алтаря не видел, иконостаса. Там красиво, свечи горят, люди молятся, тебе понравится.

Мальчик дотронулся пальцем до подбородка — так делал дед Терентий Митрофанович, помолчал, подозрительно посмотрел на бабушку:

— Дед точно придет?

— Не сомневайся.

— Тогда ладно. Только я посмотрю, и все.

— Беги, надевай шаровары и курточку новую.

Мальчик убежал в спальню переодеваться.

— Совсем от рук отобьется без отца, — вздохнула мать, проводив его глазами. — Четыре года, а он уже не слушается.

— Не возводи напраслину на парнишку, — возразила бабушка. — Арсик хороший мальчик, светлый. Вишь, какие лодки соорудил? Загляденье. Головка у него работает, смекает, из него добрый человек вырастет, Терентий правду ведает.

— Дай-то Бог. Кум-то где с кумой?

— К церкви придут, как договаривались.

Разговор прервался.

Женщины принялись собираться в церковь, одели мальчика, и скоро все трое направились к церковке на краю поселка, поставленной еще в прошлом веке пришлым на муромскую землю монахом Амвросием. Церковка сохранилась хорошо, хотя была деревянной, и имела приличный приход, так как батюшка славился добротой и охотно помогал страждущим и неимущим. Но дед Арсика Терентий Митрофанович чтит древних русских богов Сварога и Перуна и в церковь, в отличие от женщин, не ходил. Хотя и не препятствовал другим, полагая, что у каждого свободного человека должна быть своя вера, подвигающая его на справедливые поступки.

Апрель в сердце русских равнин выдался теплым, снег потаял дружно и быстро. Однако в этот субботний день погода испортилась, небо заволокло свинцовыми тучами, и где-то уже прогремывал гром. Находила первая в этом году весенняя гроза. Капли дождя упали на землю, когда семья Гольцовых вошла в церковь.

Их встретил сам батюшка Мефодий, погладил Арсика по головке, прогудел в бороду:

— Что съезжилось, чадо испуганное? Не бойся, ничего дурного с тобой не сделают, станешь рабом Божиим, молитвам научишься, будешь добро творить. — Мефодий посмотрел на ба-

бушку с укоризной. — Давно надо было покрестить мальчонку, провести путём истинным, отчего не приходили?

— Дак дед его не соглашался, — растерялась бабушка. — Не уговорить было. Вот и выросли мы.

— Ладно, Анна Трофимовна, все сладим, одесную стань, начнем, пожалуй. Снимите с него обувку, поясок. Где кумовья?

— Здесь, — подошел к семье Гольцовых племянник мамы Арсения Кузьма и его жена Светлана: обоим исполнилось по двадцать два года, но детей у них еще не было, и они согласились участвовать в крещении Арсения.

Служка принес свечи. Мать и бабушка зажгли их, одну протянули Арсению, озиравшемуся по сторонам. Лики святых на иконах, сверкающая позолота иконостаса и риз, горящие свечи, таинственная темнота по углам церкви произвели на мальчика довольно сильное впечатление. С одной стороны, эта атмосфера ему нравилась, с другой — хотелось побыстрее сбежать отсюда, так как в душу начал закрадываться страх. Процедура крещения еще не началась, однако ничего хорошего не сулила.

— Купель, — кивнул батюшка дьякону.

Принесли посудину с прозрачной водой, похожую на таз.

— Подведите отрока, — сказал батюшка.

Кузьма и Светлана взяли Арсения за руки, подвели к алтарю. Батюшка повернул Арсика к востоку, трижды подул ему в лицо, трижды наложил крестное знамение на лоб и на грудь, положил руку на голову и начал нараспев читать молитву:

— Господу помоли-и-имся... О имени Твоем, Господи Боже Истинный, и Единародного Твоего Сына, и Святого Твоего Духа, возлагаю руку мою на раба Твоего Арсения, сподобляющегося прибегнути ко Святому Имени Твоему, и под кровом крил Твоих сохраниться...

И в это время в церковь, растолкав собравшихся прихожан, вбежал дед Арсика Терентий Митрофанович:

— Остановитесь!

Батюшка запнулся, удивленно поднял голову.

За стенами церкви сверкнула молния, загрохотал гром.

Терентий Митрофанович, высокий, слегка сутулый, седой, с широкими сильными плечами, одетый в старинный кафтан, под которым виднелась белая рубаха, подошел к жене и дочери, взял Арсения на руки:

— Прошу прощения, отец Мефодий, но я согласия на крещение сего отрока не давал. Ему уготована другая судьбина.

Батюшка огладил бороду рукой, откашлялся:

— Сие действие добровольно, паче миролюбиво, однако ж не след прерывать священнодействие...

— Я сказал, сей хлопец не будет крещен! Еще раз прошу прощения. Идем, внучек.

Дед направился к выходу из церкви, не глянув на жену и дочь. Те, заговорив разом, бросились за ним, хватая за рукава. Бабушка отстала первой, заплакала. Зашумели односельчане, многие из которых знали семью Гольцовых. Скандала никто из них не ожидал.

Арсений, перепуганный происходящим, тоже заревел.

Вышли на площадь перед церковью, окруженную громадными — в два-три обхвата — деревьями. По листьям уже шуршали капли дождя, стемнело, будто наступил вечер.

— Не плачь, соколик, — ласково сказал дед, проведя по волосам мальчика заскорузлой ладонью. — Не надо тебе носить на груди крест с распятым нерусским богом. Твой род поклоняется другим богам, твоим прапредкам. Ты им не раб, а отпрыск, потомок.

— Старый, зачем ты это сделал? — подошла расстроенная бабушка, утирая слезы. — Батюшку обидел, нас опозорил...

— Мой позор — мне и ответ держать! — сверкнул глазами Терентий Митрофанович. — А батюшка простит, не впервой. Его бог всем и все прощает.

— Пойди, повинись, Арсика все равно крестить пора...

— Повинюсь, а крестить не надо. — Старик легко поставил мальчика на землю, присел перед ним. — Ты мне веришь, внучек?

Арсений перестал плакать, раскрыл глазенки, кивнул серьезно:

— Верю.

— Вот и славно. Помни, твой путь — по другую сторону креста. Когда вырастешь, к тебе придут люди...

— Какие?

— Хорошие, ты поймешь. Они — ратники Рода русского, помоги им.

— Ладно, дедушка. Только ты со мной будь.

— Я всегда с тобой буду. Постой тут, я в молельню схожу, с батюшкой поговорю, объясню ему кой-чего. — Терентий Митрофанович выпрямился, бросил бабушке: — Я сейчас, — и скрылся за дверью церкви.

— Стыдно-то как... — пробормотала мать мальчика, кутаясь в платок. — Пошли отсюда, смотрят все...

Она взяла Арсения за руку, потащила за собой, но дождь усилился, и они спрятались под высокой ветлой.

— Переждем немного.

— Не надо бы тут стоять... — начала бабушка.

Из-за ограды церкви вышел дед, увидел семейство под деревом, метнулся к нему.

— Уйдите оттуда! Надька, Анна — быстро ко мне!

Женщины переглянулись. Бабушка нерешительно затопталась на месте, раскинула над Арсением платок.

Подбежал дед, схватил мальчика на руки, толкнул дочь и жену под начавшийся ливень:

— Бегите!

Они заторопились, и в этот момент в ветлу ударила ветвистая молния, озарив окрестности мертвенно-синим светом.

Удар, треск, грохот, звон в ушах! Кто-то с силой бросил Арсения вперед.

Он ослеп и оглох, закричал от боли, летя по воздуху как птица. В глазах запрыгали огненные колеса, и сквозь их верчение на мальчика глянули налитые черной жутью страшные глаза...

Затем последовал еще один удар, он стукнулся виском обо что-то твердое и потерял сознание...

БЫТИЕ

Арсений Васильевич очнулся от воспоминаний, сделал несколько приседаний, отжался полсотни раз от пола и поплелся в ванную комнату принимать душ.

Дед Терентий Митрофанович погиб, спасая внука, сгорел от разряда молнии, только пепел остался, хоронить было нечего. А у Арсика на всю жизнь сохранилась отметина на виске — шрам в форме трезубца, то ли след молнии, то ли след удара об ограду церкви. Его так и прозвали в школе — Меченый. Только в институте он избавился от этой клички, пряча синеватый шрамик под волосами.

Деда, вернее, то, что от него осталось — горстку пепла, похоронили на окраине Родомля, рядом с могилами родичей и предков Гольцовых. Но слова его Арсений запомнил на всю жизнь. Поэтому когда ему исполнилось девятнадцать лет и к нему в общежитие — он поступил в Рязанский радиотехнический институт — пришли двое мужчин, Арсений не удивился их предложению и выслушал гостей спокойно, посчитав, что именно они и есть те самые «хорошие люди», о которых говорил дед.

В принципе, они ничего особенного и не сказали, говоря полупафосами и ссылаясь на необходимость соблюдать тайну беседы. Сообщили только, что он человек, «отмеченный Вышней Сущностью», и что ему предстоит в скором времени стать неким

«внешним оператором», управлять формированием энергоинформационных процессов.

— Каких процессов? — переспросил заинтересованный Арсений.

— Корректирующих Систему экосфер, — был ответ. — Тебе лучше этого не знать, работать будет твое подсознание — в иных, горних мирах. Жить же ты будешь, как все люди, разве что смиреннее и обеспеченнее. Об этом мы позаботимся.

Все так и получилось.

Арсений закончил институт, получил распределение в Институт летно-испытательной аппаратуры в городе Жуковском, под Москвой, переехал по месту работы с дочкой и женой и уверенно начал карьеру инженера-разработчика радиоэлектронной аппаратуры. О встрече с «хорошими людьми» он почти забыл, пока один из них сам не напомнил ему события двадцатилетней давности — отказ от крещения и гибель деда.

Этот человек мало изменился за прошедшее с момента первой встречи время, что неприятно удивило Арсения. Хотя в молодости он не искал этому феномену объяснений. Просто не задумывался над ним. Его тогда больше волновали другие проблемы, житейские: семья, работа, жилье, воспитание дочки, обживание на новом месте. В первую очередь — работа, потому что это казалось главным, хотя на поверку все повернулось иначе. Главным должны были стать покой и благополучие близких. Но это он понял лишь тогда, когда умерла жена — внезапно, остановилось сердце, хотя никогда ничем не болела, и Арсений в сорок восемь лет остался один.

Дети к тому времени жили уже отдельно: дочь Марина в Москве, сын Кирилл — в Муроме. С тех пор Арсений Васильевич так и обитал — один в трехкомнатной квартире на бульваре Славы, все в том же Жуковском, уже семь лет. Работал в ИЛИА, став начальником лаборатории контрольно-измерительных комплексов, — пятнадцать человек в подчинении, из них девять женщин, — два раза в неделю сражался в спортзале института в волейбол с приятелями и сослуживцами, один раз играл в преферанс в дружеской компании, изредка встречался с женщинами, но второй раз не женился. Считал, что для этого надо влюбиться, а он продолжал любить жену.

Однако никто из друзей и приятелей на работе, никто из родственников не знал, что помимо государственной службы Арсений Васильевич Гольцов с л у ж и т еще и в другой организации, суть деятельности которой он и сам понимал смутно. Однако служил, веря, что дед плохого не посоветует, потому и завещал ему именно этот путь — «по ту сторону креста».

Арсений Васильевич вошел в ванную комнату, оперся руками о столешницу умывальника, посмотрел на свою бледную со сна, небритую физиономию. Пригладил остатки седых волос на голове, заглянул в рот, скорчил гримасу. Не урод, но и не красавец. Карие глаза, усталые и невеселые, нос луковкой, доставшийся в наследство от деда и отца, и красивого разреза губы — от матери, слишком чувственные для его возраста.

— М-да, — проговорил Арсений Васильевич глубокомысленно, передразнивая соседа, полковника в отставке, — жениться вам надо, барин. Пятьдесят пять лет — еще не старость, это лишь старость молодости.

Усмехнулся, начал чистить зубы, подумал: может, и вправду жениться? Оксана уже не раз намекала, что не прочь перебраться на постоянное место жительства. Одиночество делает меня неуправляемым, слабым и больным. Семь лет я верю в то, что где-то существует женщина, способная заменить Милославу, хотя знаю, что такой больше нет. Семь лет я жду, что откроется дверь, войдет она, присядет у порога, снимая туфли, оголяя круглые красивые колени, и прихожая заполнится дивным светом, потому что вся Милослава была — как солнышко. Иногда я даже слышу ее шаги, тихие, робкие, будто поступь невидимых эльфов...

Но она не приходит...

Что-то стукнуло за стеной — проснулся сосед.

Арсений Васильевич вздрогнул, прислушиваясь, покачал головой и плеснул в лицо водой. Лукавая память не желала расставаться с прошлым, и перед глазами вновь возник абрис лица Милославы, нежный и бледный, как рисунок акварелью. Лицо улыбалось. Милослава вообще редко печалилась, потому ее и любили все кругом.

Физиономия в зеркале расплылась.

— Этого только не хватало... — пробормотал Арсений Васильевич, снимая слезу с ресницы. — Сентиментальны вы больно, батенька.

Он умылся, побрился, не ощущая особой бодрости, позавтракал — готовил сам, и весьма недурственно. Глянул на календарь: пятнадцатое января, четверг... Пора на работу, однако, завлаб. Он же экзоператор, или экзор, хе-хе...

Вспомнился старый анекдот:

— Ну как я, доктор?

— Ничего, завтра выпишем. Позвоните жене, чтоб приехала.

— Зачем жене, доктор? Не надо ее беспокоить.

— Как не надо? А кто тело заберет?

Арсений Васильевич улыбнулся. Его внутреннее состояние

постепенно сдвигалось к состоянию больного в анекдоте, потому как он не видел особенного смысла ни в своей работе, ни в «запредельной» деятельности, ни вообще в жизни, хотя внешне он был еще ничего: метр восемьдесят, развернутые плечи, спортивная фигура, ни одного намека на пузо. Еще поживем?

Зазвонил телефон.

— Слушаю.

— Товарищ начальник, можно, я сегодня опоздаю? — раздался в трубке голос Толи Юревича, ведущего инженера лаборатории и близкого друга Гольцова. — Жена приболела, ОРЗ у нее, я внучку в школу отвезу.

— Хорошо, конечно, — сказал Гольцов.

— Я вечером останусь, отработаю.

— Чепуха, Толя, не бери в голову.

Юревич был классным специалистом, а главное — скромным и добросовестным человеком, способным надежно и без лишних споров выполнить любое задание. С ним было приятно и дружить, и работать.

Арсений Васильевич спустился во двор — его квартира располагалась на четвертом этаже стандартной пятиэтажки, выгнал из «ракушки» свою старенькую «Ниву Шевроле» и поехал на работу. В девять часов он зашел в свою лабораторию на втором этаже институтского корпуса. Поздоровался с сидящими у стоек с приборами и за рабочими столами сотрудниками, открыл дверь кабинета, в котором с трудом умещались стол, кресло, два стула, шкаф с книгами и компьютер. Сел за стол, включил отечественный «Енисей» и поймал себя на мысли, что не хочет работать. Впервые в жизни!

— Ну-ну, — покачал он головой, хмурясь. — До пенсии тебе еще далеко, лентяй. Ее заработать еще надо.

Однако в глубине души Арсений Васильевич отлично понимал, что это не лень — душевная усталость, накопленная двойной жизнью: в реальности Земли и в том запредельном мире, где он «формировал процессы энергоинформационного обмена».

Тонкий жидкокристаллический дисплей компьютера разгорелся жемчужным светом, на миг превратился в «песчаное дно ручья» и стал синим, как весеннее небо. Выпрыгнули из ниоткуда значки меню. Арсений Васильевич раскрыл один из них — «Свет», и в глубине дисплея соткалась из цветных линий конструкция измерительной системы, использующей гибкие оптоволоконные кабели. Система разрабатывалась уже полгода и была почти готова к утверждению на техническом совете. Осталось только «довести ее до ума».

В кабинет заглянул, скаля зубы, Женя Шилов:

— Привет, босс, как настроение, весеннее? Анекдот хочешь?

— С утра?

— Почему бы и нет? — хохотнул Шилов. — Знаешь ведь поговорку: выпил с утра — и целый день свободен.

— Ты еще и пьешь?

— Только когда в карты проигрываю. Обижаешь, босс, я пью только пиво и только по праздникам. — Женя ухмыльнулся. — А праздники у меня каждый день. Шутка. Слушай анекдот, мне его сегодня утром жена напомнила своей индифферентностью.

— Меньше слов.

— Слушаюсь. Три дня и три ночи целовал Иван-царевич спящую царевну, а потом плюнул и похоронил. Вот и весь анекдот.

Арсений Васильевич усмехнулся:

— Понятно. Облом у вас обоих вышел. Иди работай. К вечеру чтобы все расчеты генератора были у меня в компе.

— Будет исполнено! — Шилов шутливо отдал честь и скрылся за дверью.

Арсений Васильевич покачал головой, перевел взгляд на конструкцию в объеме дисплея, и мысли свернули в привычное русло. Вскоре он увлекся работой, как всегда, и не заметил, как время подошло к обеду.

Пообедал он в институтской столовой вместе с Шиловым, Сергеем Сергиенко и Толей Юревичем, почти не участвуя в беседе. Шилов травил анекдоты, знал он их невероятное количество, но Арсений Васильевич ничего не запомнил. Снова засел за компьютер и очнулся уже вечером, когда сотрудники начали один за другим уходить домой. Последней покинула рабочее место Оксана Петрова, исполнявшая в лаборатории, кроме основной работы инженера, еще и роль секретарши. Она очень хотела дожидаться начальника и проводить его до дома, однако Арсений Васильевич сослался на необходимость некой официально-деловой встречи, и Оксана, расстроенная, тихо закрыла за собой дверь.

Арсений Васильевич вздохнул, чувствуя себя подлецом, сгорбил за столом. Что он мог сделать? Женщина ему нравилась, но не настолько, чтобы начать с ней совместную жизнь. Милая, тихая, спокойная, доброжелательная, прекрасная любовница... достаточно ли этого для создания семьи? Может быть. Тогда почему после некоторых встреч с ней в душе остается горький осадок? Почему потом снится жена и печально качает головой? Ведь он имеет право на личную жизнь. Или не имеет?

Арсений Васильевич снова вздохнул, провел ладонью по лицу, бросил взгляд на часы и выключил компьютер. Пора начи-

нать с е а н с. В принципе, ему всё равно было, где уходить в за-
предельное. Конечно, дома уютнее и спокойнее, да и при-
вычнее, так как ничто не отвлекает и не мешает. Но и кабинет
вполне подходит для создания «моста» в иномир, которому
Гольцов дал шутовское название Карипазим. Только главным бо-
гом этого «жилища богов» был он сам.

Кто-то постучал в дверь.

— Можно?

Арсений Васильевич вздрогнул, сосредоточиваясь на реаль-
ном:

— Не заперто.

Вошел мрачный, как обычно, приземистый, тучный, с тяже-
лым морщинистым лицом Юрий Филиппович Руденко, началь-
ник соседней лаборатории:

— Один кукуешь? Чего домой не идешь? Уже девятый час.

— Собираюсь, — ответил Арсений Васильевич отчего-то ви-
новатым голосом. — Да и кто меня ждет, холостяка?

— Кота заведи. Или собаку.

— За ними ухаживать надо, а я ленивый. Да и возраст подо-
шел, когда уже за мной бы кто поухаживал.

Руденко окинул фигуру Гольцова критическим взглядом:

— Ты еще ничего себе выглядишь, спортивно, только залы-
сины появились, да и то они тебя не портят, площадь лба увели-
чивают.

— Спасибо на добром слове, — улыбнулся Арсений Василье-
вич. — С чего это ты мне сегодня комплименты даришь? Денег
хочешь занять? Или случилось что?

Руденко еще больше помрачнел:

— Проблемы, мать их за ногу!

— У кого их нет? Что за проблемы?

Руденко закурил, походил из угла в угол кабинета, плюхнулся
на стул:

— Сосед у меня съехал, квартиру продал, в новый район жить
подался.

— Ну и что?

— А на его место кавказец поселился.

— Чечен, что ли?

— Азербайджанец.

— Ну и черт его дери, тебе с ним не за одним столом сидеть.

— Во-первых, он весь свой родственный кагал к себе пере-
тащил, человек девять, а во-вторых, тихо они жить не умеют.
В шесть утра уже стук-грюк начинается, а заканчивается после
двенадцати. Я уже и увещевать ходил — спать же не дают, зара-
зы, и грозился милицию вызвать — ничего не помогает.

— Закон же вышел, после одиннадцати шуметь нельзя.

— Им закон не писан. Я уже всех черных ненавидеть начинаю тихой ненавистью. Какого хрена им здесь надо? Приехали в Россию — так живите по нашим законам, а не по своим!

— Я тебя понимаю. Никто из нас не любит «лиц кавказской национальности». Мой сын в Муроме живет, тоже как-то жаловался на южан. А дочь, москвичка, вообще утверждает, что Москва уже на треть принадлежит кавказцам. Она в гимназии работает, и у них там пришлый семнадцатилетний чеченец — семья переехала — вдруг повесился. Представляешь? Влюбился в четырнадцатилетнюю девчонку, русскую, восьмиклашку, а ее родители, когда узнали, высказались однозначно: «Никаких черных в нашем роду не было и не будет!» Так ты знаешь, о чем больше всего мать этого чеченца горевала?

— О чем?

— Она убивалась, что ее сыночек не дождался пятнадцатилетия девочки.

— Ну и что?

— По их обычаям после пятнадцатилетия можно девушку украть и заставить жить в семье молодого человека.

— Бред!

— Не бред, Юра, почти все кавказцы так и живут — по-вольчи. И это действительно проблема — жить рядом с ними. Я тебе сочувствую. Вспомни, когда начались этнические раздоры в Баку и Сумгаите, мы им сочувствовали. А они нас за это люто ненавидели! Вообще за то, что мы русские. Да, они делают ту работу, за которую мы от лени своей не беремся, обслуживают, чистят дворы, улицы, офисы, торгуют фруктами и всякой всячиной и при этом ведут себя как хозяева жизни, закрепляются в городах, везде утверждают свои «порядки» и подчиняются только своим желаниям.

— Это паскудство!

— Это страшно, Юра! Если их не останавливать, когда-нибудь они просто вышвырнут нас с нашей же земли!

— Ну, это мы еще посмотрим. — Руденко почесал нос, чихнул, встал. — Очень я надеюсь на возродившуюся русскую общину. Не даст она нас в обиду. Ладно, не будем о грустном. Пойду домой, снова воевать буду с соседями.

— Ты попробуй не воевать, лаской взять.

Юрий Филиппович усмехнулся в усы:

— Они только своих стариков слушаются. Попробую найти главных, может быть, помогут. До завтра.

Дверь закрылась.

Арсений Васильевич посидел немного, катая по столу каран-

даш, потом собрался, закрыл кабинет и поехал домой, продолжая размышлять над причинами нелюбви соотечественников к «лицам кавказской национальности». В принципе, он не особенно следил за политическими и социальными новостями страны, но его частым собеседником был не кто иной, как полковник ФСБ в отставке Феликс Держанский, который хорошо ориентировался в проблеме и аргументированно отстаивал точку зрения спецслужб: «Вор должен сидеть в тюрьме, а кавказец — на Кавказе». По мнению соседа, Москва заполнена выходцами из южных краев уже почти на сорок процентов, и ситуация продолжает ухудшаться. А вместо того чтобы регулировать приток эмигрантов в столицу, правительство создаёт удивительные программы «формирования у коренного населения толерантного сознания, профилактики экстремизма и воспитания культуры мира». Что, естественно, вызывает в ответ стихийные и полуорганизованные акции протеста или такие движения, как скинхеды и национал-патриоты. Сосед предлагал свою программу: ограничить миграционный поток на уровне закона, как это сделали власти Берлина и Парижа. Там гражданство получить труднее, да и вид на жительство дают не в столицах или крупных городах, а в деревнях. Хотите жить у нас? Езжайте в деревню, работайте наравне с другими, поднимайте уровень сельского хозяйства!

— Наших, значит, чиновники заставят быть толерантными, — горячился полковник, — а кто заставит кавказцев? Они же решают свои проблемы не по русским законам, а по своим племенным.

Арсений Васильевич не во всем соглашался с Держанским, но тоже знал — по рассказам дочери, что москвичи меняют квартиры, как только в доме становится много южан, и считал, что эту тенденцию надо как-то переламывать.

На город опустилась метельная ночь, вдоль улиц зажглись фонари, высвечивая струи летящего снега.

Арсений Васильевич закрыл машину в «ракушке», прошелся по двору, разглядывая светящиеся окна дома. Остро захотелось горячего чая.

Сквозь падающий с неба снег вдруг выметнулась стая ворон, собралась над детской площадкой в шар. Арсений Васильевич почувствовал знакомый взгляд сверху и понял, что его ждет работа. Подобные необычные явления всегда сигнализировали о приближении очередного сеанса, что указывало на прямую слежку за оператором, то есть за самим Арсением Васильевичем, со стороны неких сил, которые Гольцов называл Системой Коррекции, или СК. Но он так давно занимался коррекцией за пределами, что привык и не переживал, как прежде, осознав,

что находится под контролем. Было бы хуже, если бы он не верил в благие намерения Системы, а он — верил.

Вспомнилась вторая встреча с «хорошими людьми».

К нему пришли прямо в кабину «А» — Арсений тогда служил в армии лейтенантом, в зенитно-ракетных войсках (радиоинститут имел военную кафедру), гарнизон располагался недалеко от поселка Пограничный в Уссурийском крае, на китайской границе — двое в штатском и напомнили его обещание помогать им, данное при первой встрече; она состоялась еще в Рязани. Визитеров этих Арсений почти не запомнил, они были обычными неприметными людьми с простенькой внешностью, какие тысячами населяют города и поселки России. Запомнил только, что у одного из них был черный ноготь с вытисненным на нем золотым крестиком.

Посвящения как такового не было.

Визитеры, неизвестно каким образом умудрившиеся пробраться на охраняемую территорию зенитно-ракетного комплекса, сообщили Арсению, что он «избран для важных деяний на благо всех людей», ибо отмечен «высшим духом» и способен стать «великим вершителем путей» за пределами Земли и Солнечной системы. Что имелось в виду, Арсений понял гораздо позже, в момент же встречи он думал о другом, да и польщен был, что его избрали «для важных деяний».

— Как я узнаю, что мне пора работать и что делать? — спросил он.

— Узнаешь, — был ответ.

Так и случилось.

Уже на следующий день над позицией ЗРК птицы собрались в правильный шар, удивив дежурных офицеров и самого Арсения, а в кабине «А», где находилась система селекции движущихся целей (СДЦ), на которой он работал оператором, Гольцов внезапно потерял сознание и впал в транс, длившийся чуть больше трех минут. К счастью, никто из сослуживцев этого не заметил, а единственный подчиненный Арсения сержант Дубинин решил, что его начальник просто уснул.

Оказалось — не просто...

Арсения Васильевича окликнули, он очнулся, поздоровался с соседями по лестничной площадке — тихой супружеской парой, выводящей во двор собаку, и поднялся к себе в квартиру. Быстро переоделся, вскипятил чай, сделал пару обжигающих глотков и сел в кресло перед телевизором, не включая его.

Резко, будто где-то повернули выключатель, на него снизошло спокойствие. Арсений Васильевич ощутил прилив сил и уверенности, чего с ним не случалось давно. Включилась некая мо-

гучая защита организма от стресса и неприятных переживаний. Но вместе с тем он почувствовал необычное желание разобраться в своем состоянии, понять, почему оно приходит только перед сном работы в «запредельном пространстве» и почти не проявляется в реальной жизни.

Усилием воли Арсений Васильевич удержал себя в сознании, вбирая всем телом энергию открывшегося канала связи с ным континуумом, направил часть потока по своим чакрам и энергетическим меридианам, используя его как чистящий инструмент. Скачком пришло ощущение, что он может все! Даже вынуть из черепной коробки мозг и «очистить его от шлаков и разнообразной информационной грязи». Делать этого он, однако, не стал, побоялся, но кровеносную, симпатическую и нервную системы «почистил» излучением канала, цвет которого воспринимался как «нежно-синий ультрафиолет».

После этого Арсений Васильевич начал искать источник излучения и обнаружил его «высоко вверх», что соответствовало одновременно и космосу, и глубоким внутренним слоям материи кваркового уровня.

Кто-то посмотрел на него оттуда удивленно и недовольно, однако Арсений Васильевич вошел в раж и попытки определиться не оставил. Пошел дальше, поднимаясь еще «выше», пока перед ним словно не разорвалась невидимая силовая завеса и он очутился в ином мире, насыщенном движением и жизнью.

Описать этот мир было трудно даже впоследствии, но в состоянии «всемогушества» он понимал все, что здесь происходит, как и чем живет чужая природа.

Мир за пределами был текуч, подвижен, непрерывно менял форму объектов, струился, сверкал огнями, цвел, играл запахами и внезапно замирал на несколько мгновений, чтобы снова начать движение. И ощущал этот мир Арсений Васильевич не планетой, а колоссальной протяженности материальным образованием гораздо больших масштабов, чем планета, звезда и даже галактика. Хотя, возможно, он и представлял собой галактику — для его обитателей, или базовую «ячейку» бытия, какой для людей представлялась планета Земля.

Однако понаблюдать за жизнью запредельной «галактики» долго не удалось. Тот, кто работал с Арсением Васильевичем в паре, некий мощный разум (Гольцов называл его Диспетчером), независимая сущность, живущая где-то на Земле (так ему почему-то казалось), напомнила ему о себе, пропустив разряд «горячей» энергии через сознание Арсения Васильевича, и он, полуслепший и полуоглохший, выпал в реальность своей квартиры, задыхаясь от нехватки кислорода.

«Не отвлекайся! — прилетела откуда-то чужая равнодушная мысль. — Этот сектор Универсума тебе недоступен. Ты линейный оператор, оператор второго уровня, делай свое дело и довольствуйся этим».

«Я хочу знать, что я делаю», — мысленно ответил Арсений Васильевич.

«Ретранслятору необязательно знать, что и куда он передает. Ты контролируешь и поддерживаешь равновесие положительных и отрицательных потенциалов целой метавселенной. Больше тебе знать не положено».

«И все-таки я хочу знать, что делаю!»

«Зачем? Меньше знаешь, лучше спишь, как говорят у вас. Не вмешивайся, не выводи свое знание на уровень сознания, иначе изменишь реальность».

«Я не стану менять реальность, но хочу понимать...»

«Похоже, ты устал, оператор, пора уходить на отдых. Мы подумаем над этим. А пока давай работать, нас ждут».

«Один вопрос: что означают «положительные и отрицательные потенциалы целой метавселенной»? Как это понимать? Как Добро и Зло?»

«Это чисто человеческая оценка энергий, участвующих в процессе корректировки реальности. Но если тебе так хочется, пусть будет Добро и Зло».

«И на чьей я стороне?»

«Ты посредине».

«Как же я могу корректировать равновесие, не ведая...»

«Разговорам конец! — На голову Арсения Васильевича снова упал каскад «горячего» сияния, выбивая из рассудка посторонние мысли. — Входим в общий канал! Начали!»

Арсений Васильевич всем телом почувствовал почти физический контакт с Диспетчером, словно ему подставили плечо, и овладел могучим потоком энергии, направляя его в мир за пределами. Мысли и чувства полностью растворились в этом потоке. Арсений Васильевич перестал ощущать себя человеком, превращаясь в гигантский компьютер, управляемый программой коррекции «разнополюсных потенциалов», встал над чужой метавселенной «во весь рост».

Метавселенная проявилась перед глазами объемным светящимся сетчато-волоконистым образованием, ниточки-лучики которого имели разный цвет. Многие из них светились малиновым и коричневым светом, что говорило о преобладании в этих точках пространства «отрицательных» энергий. С ними надо было работать — подавлять экспансию негативных сил, очищать от «грязи и пыли», а если не удавалось — безжалостно отсе-

кать, отрезать от общей структуры. Впрочем, то же самое надо было делать и с очень яркими «белыми» нитями и узелками, чтобы вся структура сохраняла некое таинственное «равновесие».

Арсений Васильевич глубоко вздохнул, чувствуя нетерпеливое соседство Диспетчера, и нацелился на кустик багрово светящихся жил...

ПРОСТО РАБОТА

С высоты птичьего полета пейзаж был красив и безмятежен, но что-то в нем присутствовало странное, отвлекающее от свободного парения и созерцания ландшафта.

Максим внимательно оглядел зеленое море лесов и трав под ногами, обнаружил черный провал и насторожился: провал притягивал взор, будоражил, заставлял напрягать зрение и пугал своими размерами и почти идеально круглой формой.

Болото? Или кратер вулкана?

Откуда на русской равнине вулкан? — возразил он сам себе. Просто понижение, свет солнца туда не достает, вот и кажется, что это кратер, дыра...

Вовсе не кажется. Это и в самом деле дыра!

Максим развернулся, скользнул к черному пятну, вглядываясь вниз, ловя в «кратере» смутные тени и светлые прожилки, и вдруг его понесла к пятну какая-то сила! Он забарахтался, молотая воздух руками и ногами, как пловец, попавший в горную реку, пытаясь удержаться на прежней высоте, но не смог, полет превратился в стремительное падение, и... он подхватился на кровати в холодном поту, с неистово колотившимся сердцем.

— Ты чего? — заворочалась жена.

В прихожей раздался телефонный звонок.

Максим бросил взгляд на часы: без пятнадцати восемь утра, — слез с кровати, прошлепал босиком по холодному полу в прихожую, снял трубку:

— Слушаю.

— Срочное задание, майор, — загундосил в трубке голос полковника Пишелко, начальника отдела; он никогда и ни с кем не здоровался. — Поднимай своих людей, Шамана тоже. Вылет в одиннадцать двадцать, то есть через три с половиной часа.

— Куда? — обалдел Максим.

— В Улан-Удэ. Все материалы получишь на аэродроме в Домодедове.

— Что случилось?

— По нашим данным, бандиты собираются похитить одного

из лам Иволгинского дацана. Надо посмотреть на месте, соответствует ли информация действительности. Остальное — при передаче пакета.

Не попрощавшись, полковник отключил связь.

Максим в задумчивости положил трубку на телефон. Потом обзвонил всех членов своей команды, передал приказ собраться с вещами в аэропорту Домодедово и поспешил в ванную.

Отдел Федеральной службы безопасности, в котором он работал, официально назывался «отделом энергоинформатики», на самом деле эта структура инспектировала все пятьдесят два региона страны по выявлению экстрасенсов и ясновидящих и привлекала их к работе со спецслужбами. В каждом регионе существовал свой центр парапсихологии, в котором числились от трех до десятка экстрасенсов разного уровня, работу которых и контролировал Отдел (так его называли сотрудники между собой — просто Отдел). Главной его заботой было выявление и нейтрализация мощных экстрасенсов, работающих на криминальные структуры, так как экстрасенсы определенного уровня свободно могли выстраивать психоэнергетические программы человека таким образом, что он умирал в считанные дни. Бывали случаи, когда начинали гибнуть в автокатастрофах известные политики, не угодившие определенному преступному клану. А в Омске, к примеру, недавно участились случаи прямого зомбирования граждан, которые открывали двери своих квартир незнакомцам, а потом бежали в сбербанк, снимали с книжки деньги и передавали чужакам. Или выносили из дома все ценное. И напроць забывали облик обокравших их людей. Группа Максима Разина занималась именно такими делами и с большим трудом вычислила экстрасенса, который оказался... учителем истории в школе, но работал на местного омского авторитета.

В принципе, все крупные российские преступные группировки имели в своем «штате» экстрасенсов. Обязанностью Отдела и было их вычисление, определение местонахождения, рода занятий и вывод из-под криминальных «крыш». Раньше Отдел больше занимался проверкой способностей «магов» и «видящих», отделяя «зерна от плевел», то есть выяснял, где настоящий талант, а где шарлатан. Разрабатывались специальные методы диагностики на клеточном, радиоизотопном, биологическом и психическом уровнях, причем как в военных лабораториях, так и в гражданских институтах. В результате были созданы приборы — пси-сканеры или биолокаторы, способные по комплексному специфическому излучению (торсионного типа) определять запас психоэнергетики человека. А потом оказалось, что экстрасенсы существуют! Вопреки мнению авторитетных акаде-

миков! И действительно умеют предвидеть многие явления природы, а также воздействовать на человека дистанционно. Началась новая эра в изучении способностей homo sapiens, эра выявления дара и его использования во благо человечества. Или во вред. Причем гораздо чаще — во вред. К примеру, ЦРУ публично призналось, что потратило только на разработку методов «экстрасенсорного шпионажа» более двадцати миллионов долларов, а сколько на создание методов зомбирования — осталось тайной.

Занимались проблемами телепатии, ясновидения и прочих энергоинформационных взаимодействий и российские военные и ученые. Хотя ни они, ни американцы никогда и нигде не заявляли, что не нашли подтверждений или опровержений реальности самих явлений. За них это сделала жизнь.

Впрочем, эти вопросы майора Максима Разина не волновали. Его подразделение имело конкретные установки — отлавливать экстрасенсов, становящихся на сторону криминальных структур, и передавать их в руки спецов из других отделов ФСБ. Дальнейшая судьба «заблудших колдовских овец» не должна была его интересовать.

Стараясь не шуметь, Максим начал собираться. Но жена все же проснулась, вышла в гостиную в одной рубашке. Фигура у нее была красивая, хотя уже начала полнеть сверх меры.

— Куда это ты?

— Задание, — виновато развел он руками.

— Какое еще задание? — Жена мрачно сдвинула брови. — Сегодня же суббота, мы к маме собирались поехать.

— В одиннадцать я должен быть в Домодедове, летим в Улан-Удэ.

— Никуда ты не полетишь! Мы все собрали, договорились маме перевезти мебель, одна я не справлюсь. Сейчас позвоню твоему Пишелке и скажу, что ты полетишь в понедельник.

Максим подавил раздражение, мягко обнял Варвару за плечи:

— Ну что ты чепуху городишь, как я буду выглядеть в глазах начальства? А лететь все равно придется.

Жена стряхнула руки мужа, глаза ее зло сверкнули.

— Сам позвони! Майор ты или петух общипанный? Говорил — будем вместе, планы строил, а сам? Я тебя вижу три раза в неделю! К черту твою службу! Ненавижу! Твои сокурсники уже в полковниках ходят, а ты три года все майор и майор!

Максим покачал головой. Это была, мягко говоря, неправда, но Варе доказывать ничего не хотелось. Да и невозможно было, когда она входила в раж.

— Сколько можно терпеть? Я ничего не вижу, кроме казарм и кухни!

И это была неправда, супруги Разины часто «выходили в свет», да и в Москве имели друзей, ходили в гости и в театры, но опять же, когда Варвара начинала выставлять мужу претензии, остановить ее могло только стихийное бедствие. И случалось это все чаще и чаще.

— Ты видел мой гардероб? — В голосе жены зазвучали слезы. — Два платья и костюм! Где твоя зарплата? Что на нее можно купить? Почему ты не устроился в коммерческую структуру, как Саша Бушкович?

— Сашка твой совсем отупел и обнаглел, рабов нанял...

— Тупой не тупой, а деньги лопатой загребают! В последний раз спрашиваю: полетишь или нет? Звони полковнику!

Максим потемнел:

— Варя, ну зачем ты так?..

— Я уже двадцать шесть лет Варя! Могла бы жениха получше выбрать, а не такого безвольного уроды! Короче, не позво-
нишь — я...

— Что?

— Уйду!

Максим проглотил все, что вертелось на языке, побросал в сумку личные вещи, обошел жену, проговорил от двери глухо:

— Приеду — поговорим.

И вышел.

— Можешь не возвращаться, козел! — донеслось из-за двери.

Он стиснул зубы, вспоминая слова соседа. Тот как-то очень осторожно намекнул, что к жене ходит некий молодой человек. Что ж, вполне возможно, Варя завела любовника, уж слишком часто она стала вести себя стервозно, нервно, срываясь на каждой мелочи, устраивая скандалы по всякому поводу и без. О чем это говорит?

О том, что прошла любовь, завяли помидоры, саркастически ответил внутренний голос. Самому уходить надо, пока не поздно.

Но ведь я ее люблю?

Любил когда-то, сейчас — вряд ли. Покопайся в душе, она ответит.

Но нельзя же так, с ходу...

Ты давно уже подошел к последней черте, найди смелость — переступи.

И что я буду делать?

Предложи ей пожить врозь какое-то время, может, образумится.

Это идея, кивнул сам себе Максим, запахнул куртку и ссы-

пался по лестнице вниз, разом отсекая семейные проблемы от мыслительной сферы. Жена упрекала его в безволежности, по натуре же он был решительным и твердым человеком, человеком слова.

Группа ждала его на стоянке маршрутных такси. Все четверо: старлей Гена Пашкевич по кличке Писатель, лейтенант Веня Бурков по кличке Кузьмич, Герман Райхман, капитан, кличка — Штирлиц, и «гражданское лицо на службе» Иван-Доржо Итигилов по кличке Шаман. Ему исполнилось пятьдесят восемь лет, и был он самым настоящим шаманом, получившим вдобавок ко всему медицинское образование. Его «вычислили» еще предшественники Максима из Отдела и предложили работать на службу безопасности. Итигилов согласился и с тех пор являлся сотрудником ФСБ без погон. Нюх на экстрасенсов у него наличествовал великолепный, поэтому сочетание пси-сканера с «живым биолокатором» сильно увеличивало эффективность работы группы.

— Как настроение? — поинтересовался Разин.

— Не могли послать нас в понедельник? — недовольно проговорил Пашкевич, выражая общее состояние. — Что за спешка? Никуда бы он не делся.

— Кто?

— Кого мы едем ловить.

— Это решает начальство, — резонно заметил Райхман-Штирлиц. — Мне тоже хотелось бы отдохнуть в выходные, на рыбалку собирался с друзьями.

— И мне, — хмыкнул Бурков-Кузьмич.

Максим оглядел унылые физиономии подчиненных, усмехнулся:

— Это что — бунт на корабле?

— Новый фильм из сериала «Тупой и еще тупее», — вставил слово Шаман; говорил он редко, зато метко. — Третья серия, «Восстание тупых».

Максим засмеялся:

— Не в бровь, а в глаз. Пошли на посадку, «тупые». Где порученец?

— Не видели.

Из подъехавшей маршрутки вышел мужчина в дубленке, с портфелем, подошел к группе, выдыхая облачка пара; несмотря на проглядывающее сквозь тучи солнышко, мороз стоял нешуточный, градусов под восемнадцать.

— Кого ждем?

Это был капитан Сорокин, правая рука полковника Пищелко, начальника Отдела.

— С моря погоды, — буркнул Бурков.

— Разрешаю вылет, господа-товарищи. — Капитан пожал руки сослуживцам, вытащил из портфеля пакет. — Ознакомьтесь с заданием в самолете. Вот билеты и документы.

В руки Максима перешел еще один пакет.

— В Улан-Удэ вас встретит наш человек, местный чекист, устроит в гостиницу и поможет с транспортом. Вопросы есть?

— Есть, — сказал Кузьмич. — Дубленка на тебе государственная или на свои кровные купил?

Брови Сорокина полезли на лоб.

— На свои кровные. А что?

— Богато живешь, капитан. — Лейтенант посмотрел на приятелей. — Может, проверим его приборчиком? Вдруг он на мафию работает?

Сорокин сделал официальное лицо, повернулся к Разину:

— У вас есть вопросы, Максим Аверьянович?

— Он пошутил, — сказал Максим с улыбкой, взглядом одергивая подчиненного. — У него было тяжелое детство, беспризорное, потом детдом и служба. Уж ты его прости, Владимир Борисыч. Не любит наш Кузьмич богатеньких, бзик у него такой.

— Хрен вас поймешь, — пробурчал Сорокин, отходя, — когда вы шутите, когда нет.

Помолчали, глядя ему вслед.

Потом Максим свел брови в линию, глянул на старшего лейтенанта:

— Чего привязался к человеку со своими глупостями? При чем тут его дубленка?

Кузьмич шмыгнул носом:

— Я и сам не знаю. Не люблю я его, однако, холеный он какой-то, недобрый, да и одевается с подчеркнутым шиком.

— Хорошо одеваться — еще не значит — быть дураком. А Борисыч не дурак.

— Откуда у него башли на дубленки и фраки? Машину купил недавно — новенький FX-45. Где заработал? На капитанскую зарплату такую тачку не купишь.

— Это не наше дело.

— Может, и не наше. А богатеньких я и в самом деле не переносу, особенно тех, кто добывает деньги несправедливым путем. Я читал, что у нас, в России, десять процентов населения — богачи, а концентрируют они в своих шаловливых ручках сорок процентов всех доходов населения. Как прикажете к ним относиться?

— Не все богатые нажили свой капитал несправедливым путем, — подал голос Райхман. — И среди них попадаются нор-

мальные люди, предприниматели и творческие личности. Я знаком с некоторыми крутыми бизнесменами и могу подтвердить: они очень ответственные люди и очень много работают.

— Каким же чудом они разбогатели?

— Не чудом, просто оказались в нужное время в нужном месте. Будь вы на их месте, вы бы тоже воспользовались моментом.

— Я слеплен из другого теста. Твои приятели наверняка уклоняются от уплаты налогов.

— Вот и нет, им это не нужно.

— Ты проверял?

— Отставить базар! — рассердился Максим. — Философы доморощенные! На посадку!

Пряча лица от ветра, группа направилась к зданию аэропорта.

Взлетели точно по расписанию и прилетели в Улан-Удэ тоже по расписанию — в шесть часов вечера по местному времени.

В столице Бурятии было теплее, всего минус шесть, но тоже шел снег.

Разомлевшую в самолете группу встречала симпатичная девушка в черной меховой шубке, усадила в «Баргузин» и отвезла в гостиницу «Майдари», где все и поселились.

За время полета Разин ознакомился с переданными Сорокиным материалами и знал, что предстоит делать его команде.

Местный криминалитет, как оказалось, имел «крышу» в лице главы городского УВД Льва Вайсмана, поэтому обращаться к милиции за помощью не стоило. С подачи того же Вайсмана «братки» выкрали из Иволгинского дацана одного из молодых монахов, сильного экстрасенса, судя по наблюдениям чекистов, и заставили работать на структуру. Теперь надо было вычислить его местонахождение, освободить и перевезти в Москву.

Простой задачу назвать было трудно, так как зима сильно осложняла маневры группы, к тому же монаха наверняка охраняли по высшему разряду, как президента, уж очень большую выгоду сулило применение его способностей бандитам. Во всяком случае, именно с его помощью местная мафия устранила соперников с юга и расставила на руководящие посты в республике своих людей.

— То, что они задавили кавказцев, это хорошо, — сказал Пашкевич-Писатель, — но то, что их «крышует» милиция, это плохо.

— Нам эти нюансы до лампочки, — сказал Кузьмич. — Важно другое: эта связь добавляет проблем.

— Ничего не до лампочки, — возмутился Пашкевич. — За державу обидно! За коллег, переметнувшихся на сторону бандитов.

— Какие они тебе коллеги, — проворчал Райхман-Штирлиц, чем-то и в самом деле похожий на артиста Тихонова, сыгравшего Штирлица в фильме «Семнадцать мгновений весны». — Коллеги остались на этой стороне, а на ту переметнулись предатели.

— Давайте о деле, — остановил спор Максим. — У кого какие соображения?

Ответом ему было молчание.

В самолете так никто ничего и не предложил. В гостинице же нашлись соображения у девушки-проводника — ее звали Еленой Вышинской, оказавшейся капитаном УФСБ Улан-Удэ, и у Шамана.

Шаман, то есть Иван-Доржо Итигилов, или, как его чаще называли члены группы, — Ваня Дрожжевич, бурят по национальности, говорил мало, знал много, поэтому его советы всегда были конкретны и практичны.

— Я схожу в дацан, — сказал он бесстрастно, щуря и без того узкие глаза; по-русски Ваня Дрожжевич говорил чисто, но его выдавал характерный горловой «акцент». — Поговорю с настоящим. Все узнаю. Потом обсудим.

— Отлично! — кивнул Максим. — Настоятель и монахи должны знать обстоятельства дела и могут подсказать путь.

— А я выдам вам всю информацию о передвижении и о встречах генерала УВД Вайсмана, — добавила Вышинская. — Мы давно следим за его деятельностью, вычисляем связи, которые тянутся аж на самый верх, в Москву. Возможно, это даст вам шанс найти адрес, по которому мафиози прячут монаха.

— Если вы знаете о его связях с бандитами, — проворчал Бурков, — почему не берете с поличным?

— Не знаю, — смутилась Вышинская, — я только координатор по оперативно-разыскной работе, делом Вайсмана занимается отдел по борьбе с коррупцией...

— Если уж занялись этим «оборотнем», — хмыкнул Пашкевич, — то доведут до финала.

— Оптимист ты, Писатель. Сколько таких дел открывалось за последние годы и тут же закрывалось по указке сверху? Генералов вообще, по-моему, не судят, всегда спускают их дела на тормозах.

— Не всегда.

Вышинская с интересом посмотрела на спорщиков, и Максим, пряча досаду, сказал с усмешкой:

— Не слушайте этих теоретиков, капитан, они спорят просто от безделья. Когда вы снабдите нас данными «наружки»?

— Завтра утром.

— Вот с утра и начнем работать, — решил Разин. — Дискус-сий не начинать, всем спать. Писатель, проводи хозяйку.

— Не надо, я сама доберусь. Спокойной ночи.

Вышинская ушла.

Поворчав, группа разошлась по номерам.

Наутро, после раннего визита симпатичной представительницы УФСБ, разделились на два отряда: Писатель, Штирлиц и Кузьмич отправились изучать видеопленку наблюдений за главными действующими лицами местной «элиты», а также местность, Разин же поехал с Шаманом в Иволгинский дацан. Вышинская сдержала обещание, и группе были приданы два автомобиля: микроавтобус «Баргузин» и новенькая «КИА Брабус». Водителями машин были сотрудники Управления, что упрощало контакты с местной патрульно-постовой службой в случае каких-либо осложнений.

«Брабус» выехал на Кяхтинское шоссе.

Иволгинский дацан — монастырь по-русски, располагался в тридцати километрах от города, дорога была очищена от снега, тучи разошлись, выглянуло солнце, и снежная равнина по обеим сторонам шоссе заискрилась россыпями драгоценных камней. Настроение Максима слегка поднялось, хотя он помнил размовку с женой и особого повода радоваться жизни не имел.

— Летом здесь красиво, — кивнул на пейзаж Иван-Доржо. — Ты не бывал на Майдари-хурале?

— Нет, — качнул головой Максим. — Что за праздник?

— По буддистским верованиям в будущем, по окончании калпы, в наш мир снизойдет новый Будда — Майдари, чтобы принести обновленное учение. Майдари-хурал — это символическая встреча нового Будды.

— Интересно было бы посмотреть.

— Я был много раз. Красивое зрелище, торжественное, особенно шествие. Впереди идет монах, окропляет дорогу освященной водой из ритуального сосуда, за ним ламы с благовониями, служители в красно-бордовых бонго и в желтых шапках, следящие за порядком и соблюдением правил церемонии, и монахи, тянущие колесницу. Послушники держат жалцаны...

— Что?

— Штандарты освобождения от земных привязанностей. Красиво, — повторил Шаман, оставаясь бесстрастным. — Только вряд ли с приходом Майдари наступит счастье на земле.

Максим с любопытством посмотрел на собеседника. Обычно экстрасенс молчал, думая о чем-то своем, недоступном простым смертным, а тут вдруг разговорился. С чего бы это? Разволновался, вернувшись на родину?

По губам Шамана скользнула едва заметная усмешка.

— Ты прав, командир, это родина, однако.

Максим улыбнулся в ответ, не удивляясь прозорливости Итигилова. Шаман часто удивлял сослуживцев своими способностями читать мысли и предвидеть опасные ситуации. Экстрасенсом он был сильным.

Машина свернула к отрогу хребта Хамар-Дабан, впереди показались башни и стены монастыря. Пара яков, запряженная в нечто похожее на сани, свернула к обочине дороги. Монах в лохматой шубе и шапке, бредущий рядом, проводил машину внимательным взглядом.

— Нас встретят, — сказал Шаман.

— Ты уверен?

— Настоятель уже знает, что мы едем к нему.

Максим оглянулся, кивнул на сани с ездоком:

— Сторож?

— Здесь каждый камень — сторож. Тебя не пропустят в дацан, будешь ждать в машине, командир.

— Честно говоря, я бы хотел сам задать настоятелю пару вопросов.

— Я все узнаю, не беспокойся.

Подъехали к воротам монастыря. Навстречу вышел монах в малиновой накидке и лохматой шапке, поднял руку.

Водитель остановил «Брабус».

Максим и Шаман вылезли.

— Мы бы хотели поговорить с настоятелем... — начал майор.

Монах снова поднял руку, Максим замолчал.

Короткая фраза.

Максим посмотрел на спутника.

Шаман кивнул:

— Приглашают меня одного.

— Черти полосатые, — усмехнулся Максим, — не глянулся я им. Что ж, иди, знаешь сам, что делать.

Монах, не оглядываясь, пошел к неприметной дверце в стене монастыря, рядом с воротами. Шаман последовал за ним. Максим проводил их взглядом, поежился под ветром. У стен дацана было ветрено и значительно холоднее, чем в городе, хотя снегу было меньше. Громада монастыря производила странное впечатление. С одной стороны, это было замечательное архитектурное сооружение, очень древнее, тяжеловесное, монументальное, строгое, явно рассчитанное не по канонам золотых сечений и вурфов. С другой — оно бросало вызов стихиям, гордо поднимая к небу башни и стены, уподобясь недалеким горным хребтам. Словно создавали его не люди, а великаны.

Максим побродил вокруг машины, поглядывая на стены монастыря, на безлюдные склоны холмов, выходы скал, горные пики, потом достал из сумки пси-сканер «Беркут».

С виду прибор походил на цифровой фотоаппарат, на самом же деле он представлял собой чудо нанотехники, последнее поколение биолокаторов, «искателей психоэнергетических объемов», и мог засечь практикующего экстрасенса на расстоянии до полукилометра.

В глазок сканера Иволгинский дацан выглядел стеклянным, полупрозрачным, но стоило только включить прибор, он засиял как осколок солнца, и Максим, зажмурившись, отдернул руку, изумленный и ошеломленный. Впечатление было такое, будто в монастыре располагался могучий генератор торсионного поля, накрывающего все сооружение каскадом излучения. Либо это «работал» эгрегор собравшихся вместе для молитвы монахов, либо среди них находился экстрасенс исключительно высокого уровня. Настоятель, к примеру.

Максим снова поднес окуляр «Беркута» к глазу.

Ничего!

Монастырь как монастырь! Лишь изредка сквозь стены просверкивают алые лучики. Где же только что сиявшее «солнце»? Или это был сбой системы сканера? Момент настройки? Не может быть! Раньше такого не случалось. Неужели владыка дацана почуял наблюдение и «выключил» свой «пси-прожектор»?

Максим запустил программу поиска на всех диапазонах, но добился лишь того, что прибор обнаружил несколько слабеньких энергоинформационных источников, соответствующих спектру человеческих аур. Монахи, обладавшие экстрасенсорными способностями, среди обитателей монастыря были. Но тот, кто едва не ослепил майора, больше «не высовывался».

Если ты такой сильный, подумал Максим с осуждением, почему допустил, чтобы бандиты украли твоего монаха?

В глубине монастыря — сквозь окуляр сканера — разгорелась лучистая оранжевая звездочка, погасла. Будто кто-то подслушал мысли майора и подмигнул ему.

Максим усмехнулся. Проработав в Отделе больше двух лет, он перестал быть скептиком. Кто бы что ни говорил, какие бы доводы ни приводил, феномен экстрасенсов существовал реально, и с этим надо было считаться.

Шаман вышел через сорок минут, сосредоточенный и бесстрастный, как и всегда. Сел в машину:

— Поехали.

— Куда?

— В гостиницу. Потом в аэропорт.

Максим удивленно посмотрел на Ваню Дрожжевича:

— Шутишь? В чем дело, Иван?

— Наше начальство неправильно оценило ситуацию.

— Конкретнее.

— Монаха из дацана никто не похищал. Он заслан в ряды местной мафии настоятелем.

— Зачем?!

— Бандиты «наехали» на монастырь, решили снимать с монахов дань, как и с остальных граждан, занимающихся бизнесом. Пригрозили в случае отказа взорвать монастырь.

— Монахи занимаются бизнесом?

— Не занимаются, но средства у них есть. Вот бандиты и решили обложить их данью. А так как местная милиция с ними заодно, ничего не предпринимает для защиты монастыря, то монахи и разработали план спасения. Теперь в рядах мафии есть разведчик дацана, который вовремя предупреждает настоятеля о намерениях бандитов. Слух о похищении монаха был распространен намеренно, чтобы «братки» не догадались о шпионе.

Шаман выдохся, замолчал.

Молчал и обалдевший Максим, не зная, что сказать и что делать дальше. Если все обстояло так, как рассказал Шаман, группе в Улан-Удэ делать нечего. Однако начальство в Москве едва ли оценит юмор ситуации, если ему доложить о реальном положении дел. Возвращаться в Москву было рано.

В обед группа собралась в гостинице, и майор сообщил подчиненным о замысле настоятеля. После недолгих дебатов решили побыть в столице Бурятии еще день, чтобы начальство не обвинило в нежелании работать серьезно. Впервые задание оказалось пустой тратой времени, сил и средств, заканчиваясь неудачей. Хотя, с другой стороны, такая неудача стоила многих побед. За преступной группировкой Улан-Удэ теперь присматривали не только чекисты, но и монахи, что в скором времени должно было дать результаты и уничтожить группировку.

В Москву вернулись в понедельник.

Приехав домой, Максим обнаружил, что дверь в квартиру заменена на металлическую и старые ключи к замку не подходят.

Первой была мысль: убью!

Потом он заставил себя успокоиться, сел на ступеньку лестницы и подумал: может, это к лучшему? Жена решила все сама, зачем ей мешать? Надо лишь забрать свои вещи и уйти. Или попробовать все же разрядить обстановку?

Он встал и нажал кнопку звонка.

БЫТИЕ

К обеду небо затянули черно-фиолетовые тучи, предвещавшие снегопад, стемнело. Зато резко проступила белизна заснеженной равнины, будто снег засветился изнутри. Четче проступили на этом фоне темно-зеленая полоса близкого леса и серо-черные дома окраины Родомля.

*Заигрался под вечер на Николу мороз,
Снег в лесу — не бывает белее.
В колдовскую страну неразгаданных грез
Я вхожу удивленно, робея...*

Дороги замело, поэтому бабушке с внуком пришлось идти по бездорожью, по крепкому насту, хотя иногда наст не выдерживал и проваливался под ногами. Что, впрочем, не огорчало мальчика, живущего в предвкушении Нового года. Изредка бабушка сажала его на санки, и тогда он вообще чувствовал себя счастливым.

Вышли за околицу, пересекли поле, где летом паслось стадо деревенских коров. Лес приблизился, тихий, темный, загадочный. Бабушка обошла низинку, подвела внука к поросли молодых елок и сосен:

— Не замерз, путешественник?

— Не-а...

— Выбери, какая на тебя смотрит.

Арсик, покрасневший от ходьбы и мороза, критическим взглядом прошелся по лесным красавицам, протянул ручонку:

— Эту.

— Правильно, глаз у тебя верный, и я бы эту выбрала.

Бабушка достала топорик, перекрестилась, срубила пушистую двухметровую сосенку, увязала и уложила на санки:

— Управиться бы до метели.

И они побрели назад к поселку: полтора километра снежного царства, низкие тучи, белое пятно среди них — там, где находилось солнце, мороз, искрящийся наст, зима... Два дня до Нового года... праздник в душе...

Двое на снегу, бабушка и внук, прошлое и будущее, соединившееся в настоящем.

Как давно это было...

Арсений Васильевич посмотрел на часы: десятый час утра. Воскресенье, восемнадцатое января, можно и понежиться в постели, благо на работу не идти. Хотя привычка вставать рано уже разбудила организм, и сон вряд ли придет как желанный гость.

И так всегда: в обычный рабочий день страшно хочется спать, поднимаешься на автомате, а когда появляется возможность поспать лишние два-три часа, сон вдруг улетучивается, недовольно ворча, лежишь и ждешь, когда воля заставит тебя встать.

Арсений Васильевич включил телевизор, прошелся по каналам, послушал утренние новости, выключил. Полежал еще немного, мечтая, что вот сейчас на кухне загремит посуда и голос жены позовет его завтракать.

Тишина на кухне. Тишина во всей квартире. Никто не загремит посудой и никто не позовет. А ведь было когда-то. В детстве звала бабушка (бабуля родная, как же мне тебя не хватает!) либо приносила горячие блины со сметаной или со шкварками прямо в постель:

— Поешь, сынок, пока с пылу, с жару...

Потом ухаживала мама.

Потом жена.

Теперь никто. Дети не в счет. Они появлялись в доме отца редко.

Арсений Васильевич снял трубку телефона, позвонил сыну в Муром. Ответили через несколько минут:

— Але, у телефона...

Голос Гольцова-младшего, хриплый и невнятный, выдавал его состояние. Такое обычно называли характерным словечком «с бодуна».

— Разбудил? Извини.

— Пап, ты? Что случилось?

— Ты обещал позвонить, когда сходишь на встречу с нанимателем, но не позвонил, вот я и беспокоюсь. Что с работой? Устроился?

Пауза.

— Нет...

— Почему?

— Я не попал на прием...

Арсений Васильевич сжал зубы:

— Почему?

Еще пауза.

— Опоздал...

— То есть проспал! И что дальше? Ты понимаешь, что так жить нельзя?!

— Я найду работу...

— Ты ищешь ее уже полгода! Если совесть позволяет тебе так жить — живи. Я все могу понять. Но принять — нет, потому что это неправильный образ жизни, иждивенческий.

— Тебя же кормили родители... — буркнул Кирилл.

— До восемнадцати лет, — согласился Арсений Васильевич. — А тебе сколько? Тридцать. Ты ведь не дурак, многое можешь, в компьютерах разбираешься, надо только захотеть. Поверь мне: это счастье — ни от кого не зависеть, зарабатывать на хлеб самостоятельно! Я был горд тем, что живу, не прося помощи, хотя на зарплату инженера не очень-то и развернешься. Начни, и ты поймешь.

Сын помолчал:

— Хорошо, я постараюсь... мне деньги нужны... За квартиру заплатить...

Арсений Васильевич усмехнулся:

— Приезжай, позвони только, чтобы я был дома.

Он повесил трубку, посидел на диване, сгорбившись, решил было позвонить Юревичу и предложить совместный поход на рыбалку, но в это время позвонили в дверь.

Пришел сосед-полковник, слегка навеселе: от него пахло пивом и воблой.

— Привет, молодежь.

— Какая там молодежь, — махнул рукой Арсений Васильевич. — Песок уже сыплется.

— Ну, не скажи, выглядишь ты на сорок, аж завидно. Мне вот пятьдесят восемь стукнуло, и все — на лице. — Феликс Константинович, круглый, лысый, морщинистый, одетый в полосатую пижаму, плюхнулся на диван. — Может, поделишься секретом, как надо сохранять молодость?

— Не знаю я никакого секрета, — улыбнулся Арсений Васильевич. — Разве что зарядку делаю по утрам да раза два в неделю хожу в спортзал.

Бывший полковник ФСБ с хитрым видом погрозил пальцем:

— Ой не верю я тебе, Арсений, ой не верю. Скрываешь ты что-то, ой скрываешь.

Арсений Васильевич почувствовал себя неуютно. Подумал: неужели старый чекист пронюхал что-то о моей «запредельной» деятельности? Экстрасенс он, что ли? Или просто алкоголь в голову ударил?

— Я догадываюсь, куда ты ходишь, — продолжал Феликс Константинович. — Читал в газете, что какой-то ученый по фамилии Гаряев способ нашел омоложения. Ему шестьдесят пять, а выглядит он на тридцать.

— Я тоже читал, — кивнул Гольцов. — Его зовут Петр Петрович, он ученый-биолог, разработчик теории волнового генома.

— Чего?

— Геном — это информационная матрица организма, программа его развития. Так вот Гаряев облучает себя лазером, из-

лучение которого промодулировано здоровым геномом, и клетки тела начинают омолаживаться, излечиваться от болезней, избавляться от всяких «шлаков». Вполне может быть, что этот метод работает. Хотя есть еще один — инъекции стволовых клеток. Говорят, тоже помогает.

— И ты этим не пользуешься?

— Нет.

— Честно?

— Да.

Феликс Константинович покачал головой, сделал гримасу:

— Не хочешь признаваться. Ладно, дай адрес этого Петра Петровича, пойду попрошу, пусть сделает меня помоложе.

Арсений Васильевич засмеялся:

— Зачем тебе, Константиныч? Жениться надумал, что ли, на молоденькой?

— А что? Я еще очень даже могу... помечтать, несмотря на лысину.

— А жену куда денешь?

— Брошу к чертовой матери! Надоели ее проповеди хуже горькой редьки! Жен вообще надо менять раз в три года, это я такой дурак, с одной сорок пять лет живу. Знаешь песню? Есть только миг между прошлой и будущей, именно он называется жизнь. Это как раз о женах.

Арсений Васильевич снова засмеялся:

— Достала тебя Софья Сергеевна. Хочешь коньячку?

Сосед почесал затылок, махнул рукой:

— Давай. Я с утра уже махнул пивка, так она разоралась, алкашом обозвала, а я свою меру знаю, чего ругаться?

В дверь позвонили.

Мужчины переглянулись.

— Жена, — сказал Феликс Константинович уверенно. — Учужа, гримза старая.

— По-моему, твоя Софья очень симпатичная женщина. — Арсений Васильевич пошел открывать. — Зря ты на нее наезжаешь, Константинович. На твоём месте я бы с ней по пустякам не ссорился, потерпел бы до золотой свадьбы.

— А потом? — заинтересовался сосед.

— А потом потерпел бы еще лет двадцать.

Бывший полковник сплунул, хотел что-то сказать, но Гольцов уже открыл дверь, и в прихожую вошла полная, седая, с добрым круглым лицом и молодо блестящими глазами Софья Сергеевна, жена Феликса Константиновича:

— Ты уже прости, Арсений Васильевич, за вторжение, мой-то у тебя небось сидит? Отдыхать не дает.

— Все нормально, Софья Сергеевна, мы тут о бессмертии рассуждаем.

— Нашли тему. — Женщина поманила выглянувшего мужа пальцем. — Пошли домой, бессмертный, помощь твоя нужна.

Феликс Константинович уныло поплелся в свою квартиру. На пороге оглянулся:

— Я к тебе вечером загляну, если не возражаешь.

— Какие возражения, — пожал плечами Арсений Васильевич, — заглядывай, продолжим разговор.

Соседи ушли.

Он покачал головой, невольно вспоминая Милославу: жена никогда не позволяла себе осуждать или как-то ограничивать мужа в его личных делах и на отдыхе. Лишь отшучивалась, когда подруги укоряли ее в том, что она не следит, где и с кем встречается ее благоверный. Есть ли еще такие женщины, беззаветно преданные одному-единственному, верящие в его ответную преданность и честность? Наверное, есть. Но это не Софья Сергеевна, хотя едва ли она так уж контролирует мужа, запрещая ему ходить в гости. Она не из тех, кто едет за мужем в Сибирь и портит ему всю каторгу. И все же Мила была другой...

Тихо зазвонил телефон.

Арсений Васильевич вздрогнул, снял трубку.

— Не разбудил? — раздался в трубке голос Юревича.

— Уж давно встал, — вздохнул Арсений Васильевич.

— А вздыхаешь чего?

— Так... на душе беспокойно...

— Не выспался?

— Да нет, выспался.

— У меня сын зимнюю сессию сдал, есть повод отметить. Не хочешь с нами в ресторанчик сходить, пообедать?

Арсений Васильевич улыбнулся, понимая подоплеку вопроса. Жена Анатолия Нина сильно переживала, что начальник и друг мужа остался один, и всегда старалась как-то поддерживать его, приглашать в компанию, чтобы он не чувствовал себя одиноким.

— Спасибо, Толя, я дома побуду, ремонтом займусь. Книжные полки кое-где разошлись и погнулись, надо в порядок привести.

— Ну, смотри, а то присоединяйся, мы на два часа столик в «Пушкине» заказали. Будем рады, если придешь.

Арсений Васильевич подержал трубку в руке, поникнув головой, потом встрепенулся, подумав, что не стоит все воскресенье предаваться унынию. Полки и в самом деле требуют ремонта, а сделать его некому.

До обеда он возился с мебелью, ремонтировал книжный шкаф, переставлял книги. Захотелось есть. Вспомнив предложение Юревича, Арсений Васильевич быстренько собрался и направился к ресторану «Пушкин», располагавшемуся всего в трех кварталах от дома Гольцова, на улице Шевченко. Недавно прошел снег, мороз смягчился, и идти пешком по скрипучему от снега тротуару было приятно.

Арсений Васильевич прожил в Жуковском больше тридцати лет, с момента окончания радиоинститута и службы в армии, поэтому знал город хорошо.

Собственно как город Жуковский вел свою историю со времени закладки первых аэродинамических труб в тысяча девятьсот тридцать шестом году и строительства нового Центрального авиационного государственного института. С ним связано и создание в России мощной авиационной промышленности, опиравшейся на разработки ЦАГИ и ЛИИ — летно-испытательного института. Однако на месте Жуковского когда-то располагались древнее село Новорождественское и деревня Колонец, корни которых уходили в седую старину — в шестнадцатый и пятнадцатый века. От поселений этих в нынешние времена почти ничего не сохранилось, кроме церкви Иоанна Предтечи да дворца графа Мусина-Пушкина, не считая более мелких строений. Остальные здания были построены уже в советскую эпоху плюс дворцы-новоделы «новых русских», выросшие как грибы в конце двадцатого — начале двадцать первого века. Один из таких дворцов-замков стоял совсем рядом с домом Арсения Васильевича и принадлежал владельцу казино «Буран». Гольцов часто проходил мимо этого «замка» по пути на работу, когда не надо было спешить, и любовался его замысловатыми готическими башенками.

Семья Юревичей уже сидела за столом с видом на парк: Анатолий, жена Нина, две дочери и внучка Ксюша. Арсений Васильевич пожал руку приятелю, погладил Ксюшу по головке:

— Как дела, пичуга?

— Хорошо, — серьезно ответила девчушка.

— Ну и отлично! Вы уже заказали?

— Мы полчаса назад заявили, — кивнул Юревич-старший. — Садись, бери меню. Пивка не хочешь на аперитив?

— Не откажусь. — Арсений Васильевич раскрыл меню.

В зал ввалилась группа молодых людей в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет: четверо парней и трое девушек. Парни были одеты не для ресторана — в спортивные костюмы и высокие ботинки со шнуровкой, армейского типа. На девицах красовались блестящие, переливающиеся всеми цветами радуги шуб-

ки из шкур несуществующих животных, под которыми — когда они их сняли — не оказалось почти ничего. Во всяком случае платьями эти опять же блестящие лоскутки материи, открывающие прелести молодежи, назвать не поворачивался язык.

Один из парней развязной походкой направился к столу, за которым сидели Юревичи и Арсений Васильевич.

— Эй, мужики, пересядьте за другой стол, здесь мы сидим.

— Это почему? — удивился Анатолий. — Столик не заказан...

— Заказан! — Парень, ухмыляясь, потряс пудовым кулаком. — Вот наш заказ. Усекли? Пересаживайтесь!

— И не подумаем! — возмутилась Нина. — Нас посадили, когда здесь никого не было, и мы имеем полное право...

— Засунь свое право в... — скривился спортсмен. — Валите отсюда, пока я добрый!

— Чего они тут? — подошел к спортсмену приятель, такой же мордатый, плотный, с заметным брюшком.

— Не хотят пересаживаться, — оглянулся тот. — Права качают, г... с...е!

По-видимому, со словарным запасом у спортсмена было туго, и он то и дело переходил на ненормативную лексику.

Нет такой чистой и светлой мысли, вспомнил Арсений Васильевич, которую русский человек не мог бы выразить в грязной матерной форме.

— Зачем вы ругаетесь при детях, молодой человек? — пристыдил он парня. — Ведите себя прилично! Столиков незанятых хватает, садитесь за любой.

— А ты еще что за хер с бугра?! — вытаращился на него спортсмен. — Чего залупаешься?! По фейсу захотел?!

Арсений и Анатолий переглянулись. В глазах приятеля читалось сомнение и нежелание ввязываться в конфликт с молодыми отморозками.

— Давайте пересядем, — робко предложила Люда, старшая дочь Анатолия.

— Ну уж нет! — Арсений Васильевич встал... и сел обратно от толчка кулаком в лицо. Это был не удар, а именно толчок, но Гольцов, никогда в жизни не занимавшийся единоборствами (секция бокса в школе не в счет), не смог увернуться. Покраснев от стыда, он снова попытался встать и снова плюхнулся на стул от такого же тычка в лоб.

— Не дергайся, баклан, — бросил ему спортсмен презрительно, — не то зубы собирать начнешь. Пошли отсюда, я сказал!

— Я позову официанта, — поднялся Анатолий, — сидите, не вставайте.

Но официант уже сам спешил к ним в сопровождении охранника в строгом черном костюме.

— Что такое, граждане? В чем дело?

— Они хотят согнать нас с места, — сказала Нина со слезами в голосе. — Наглые такие, да еще дерутся.

Официант посмотрел на спортсмена и его напарника:

— Дима, сядьте за другой столик. Есть место у окна в другом зале.

— На хрен нам другой зал! — оскалился спортсмен. — Мы тут всегда сидим.

— Вы не заказывали...

— Я ща тебе как закажу по харе!

— Спокойнее, Каток, — сказал охранник, беря спортсмена под локоть; видимо, он его знал. — Не бузи. Стол занят, садитесь за другой.

— Ты чо, Колян?! Мы же каждый день почти тут кантуемся, переседи этих лохов, и дело с концом!

— Они уже сделали заказ. Не шумите, садитесь за свободные столы.

— Ну, смотри, Колян, я тебе это припомню!

Ворча, оглядываясь, бросая недобрые взгляды на притихших женщин и мужчин, компания удалилась в другой зал.

— Извините, — сказал официант, разводя руками, — они часто у нас бывают. Это сын мэра и его друзья.

— Каток? — хмыкнул Анатолий, усаживаясь за стол.

— Так его прозвали свои же. Двадцать четыре года, нигде не учится и не работает. Мы уже не знаем, что делать. Как только он появляется у нас, обязательно возникает скандал. Что будете заказывать?

— Может, все-таки уйдем отсюда? — нерешительно проговорила Нина. — От греха подальше.

— Нет, пообедаем, раз уж пришли, — возразил Юревич. — Подонкам надо давать отпор, иначе они совсем обнаглеют. Правильно, Арсений Васильевич?

Гольцов кивнул, не поднимая глаз, красный от стыда и злой от неуютного чувства обиды. Он впервые в жизни пожалел, что не смог дать достойного ответа наглецам. В детстве Арсений много занимался боксом, но это увлечение быстро прошло, и защищаться он так и не научился. Не было ни стимула, ни особой надобности.

Обед прошел скучно. Нина пыталась выглядеть веселой, рассказала пару смешных случаев из жизни военкомата — она работала там в приемной комиссии, да и Анатолий завел разговор о работе, чтобы отвлечь шефа и друга от грустных размышлений.

Но Арсений Васильевич так и не смог перестроиться, для виду поддерживая разговор. Домой он вернулся в дурном расположении духа.

Долго ходил по пустым комнатам, протирал полки, разбирал и переставлял книги. Решил было заняться с понедельника каким-нибудь видом борьбы типа кунг-фу или карате, даже брошюры нашел соответствующие, еще сын покупал в те времена, когда они жили вместе, семьей. Но, усмехнувшись, поставил на место. В его годы начинать тренироваться, чтобы стать мастером единоборств, было поздно и смешно.

Тогда Арсений Васильевич сел за компьютер и до вечера играл в «ходилку» по страшным мирам, отражая атаки чудовищ и спасая встречающихся на пути прекрасных дам. Поэтому он с трудом заметил, как игра перешла в с е а н с. Его «запредельный» напарник-Диспетчер никогда не интересовался, чем занимается оператор в своей реальности в данный момент, удобно ли ему и вообще имеет ли он возможность р а б о т а т ь на чужую систему.

Выключать компьютер Арсений Васильевич не стал. Сел удобнее в кресло и погрузился в энергоинформационный поток, понесший его в з а п р е д е л ь е.

Однако на этот раз он решил снова попытаться работать на уровне сознания, не так, как прежде, полагаясь только на подсознательные движения души, эмоциональные ощущения и тонкие интуитивные оценки типа «хорошо» и «плохо».

Канал связи с з а п р е д е л ь е м образовался текуче-бесформенным пространством, в котором обозначились темные паукообразные области и светлые прожилки, объединившиеся в объемную волокнистую сеть. Кое-где внутри «пауков» возникали черные ядра, эти ядра несли в себе большой заряд ч у ж и х устремлений и желаний, и надо было не допустить их укрупнения и объединения в общий «эгрегор зла».

Точно так же следовало ограничивать и рост светлых волокон, которые пытались задавить темные области, расщепить на отдельные струйки и овладеть всем пространством.

Весь этот процесс и назывался «коррекцией энергоинформационного поля с передачей позитивного вектора развития полиморфных разумных структур». Другими словами, Арсений Васильевич как экзоператор поддерживал равновесие «добра и зла» в какой-то из метавселенных, о которой он не имел ни малейшего понятия, опираясь лишь на зыбкое внутреннее понимание таких категорий. До этого момента он не задумывался над результатами своей деятельности, так как считал, что действует правильно. Да и Диспетчер не имел к нему особых претензий.

Теперь же ему захотелось понять, что именно он корректирует, каким образом его команды сказываются на жизни за пределами и не приводит ли его вмешательство в чужую жизнь к негативным последствиям.

Какое-то время Арсений Васильевич манипулировал потоками «психической» энергии в прежнем темпе. Потом резко пошел «вверх», туда, где клубилась золотисто-багровая мгла с плавающими в ней радужными пузырьками, напоминающими пузырьки газа в шампанском.

«Куда?!» — отреагировал на его прыжок невидимый и неизвестно как выглядевший (человек ли?) Диспетчер.

Арсений Васильевич не ответил, проскакивая мембрану контроля (нечто вроде сетки из молний, ограничивающей сферу коррекции), и вошел в один из «пузырьков газа в шампанском».

В глаза брызнул осязаемо гладкий свет!

Золотистая пелена разорвалась.

Арсений Васильевич оказался в туманно-сизой бездне с нечеткими образованиями в виде перистых облаков. Темно-фиолетовое небо над головой, в нем — множество крупных звезд: таким, наверное, видится земное Солнце с орбиты Юпитера. И бесконечная равнина на дне бездны.

«Назад! — снова вонзился в голову мысленный вопль Диспетчера. — Ты собьешь настройку! Твое появление нарушает баланс энергий! Немедленно вернись в поле коррекции!»

Арсений Васильевич снова не ответил, как зачарованный наблюдая за открывшейся ему картиной чужой Вселенной. Не очень уж она и отличалась от той, в которой он родился и рос. Те же звезды, то же небо, воздух, облака... Разве что «планета» под ногами не круглой формы, а в виде плоскости, и жизнь на ней больше напоминает процесс изменения разноцветных массивов пены и струйных конструкций, плавно трансформирующихся в невероятной красоты фрактальные образования.

Арсений Васильевич шевельнул «скальпелем» воли, отсекая одну из сияющих шерстинок в поле коррекции (часть сознания продолжала работать в прежнем ритме), и тотчас же пейзаж внизу изменился. Гигантская «гора пены», очень симпатичная, гармонично вписанная в ландшафт, красивая, напоминающая растущий цветок, вдруг расплылась дымными струями, испарилась, исчезла. А на ее месте возникла зеленовато-коричневая опухоль, из которой вырос черный коготь и начал разваливать один за другим сверкающие перистые облака.

В поле коррекции этот процесс выглядел как рост черного «паука». Пришлось отсечь у этого «паука» пару лап, чтобы он не завладел инициативой и не нарушил создавшегося равновесия.

И сразу же этот удар воли Гольцова отразился на ландшафте под ногами, наблюдаемом визуально.

«Коготь» усох, уменьшился в размерах, потом и вовсе скрылся в струях сизого дыма. Его закрыли клочья «пены». В этом месте образовалась вихревая воронка — словно вершина смерча. И Арсений Васильевич вдруг с пронзительной ясностью осознал, что это — война! Он корректировал не жизнь за пределами, как ему представлялось, а войну!

«Кретин! Этот мир так живет! Уйди оттуда! Загубишь усилия всех внутренних операторов!»

Арсений Васильевич «отступил назад».

Чужой, кипящий энергией мир отдалился. Из него вырвался тоненький бледно-золотистый лучик — как вопль о помощи.

Чисто рефлекторно Арсений Васильевич подставил под лучик голову... и едва не потерял сознание от обрушившейся на сознание лавины информации! С трудом добрался до «рабочего места», свернул операционное поле и «выпал» в реальность квартиры. И уже здесь, в тишине и покое, окончательно уплыл в беспамятство.

СИТУАЦИЯ

Поговорку: «Если вы думаете, что курение не влияет на голос женщины, попробуйте стряхнуть пепел сигареты на ковер», — Максим вспомнил на другой день после возвращения из Улан-Удэ. Он спешил на работу и прошел в гостиную в ботинках, что было замечено и тотчас же сурово отчитано. Варвара была помешана на чистоте, отчего вечно шпыняла мужа за любую возникшую по его вине соринку.

Максим и сам в общем-то любил порядок и чистоту, часто убирал квартиру, протирал пыль, поэтому на отповедь жены отреагировал нормально: извинился, пообещал после работы почистить коврики, — а когда не помогло, вспыхнул и хлопнул дверью. О чем тут же пожалел. Однако по всему было видно, что Варвара вознамерилась выставить его из квартиры, создавая невыносимые условия. Просто не пустить мужа домой, даже сменив дверь, она не могла, квартира принадлежала Разину и была оформлена на него. И все же замена двери являлась неопровержимым свидетельством ее намерений, и об этом стоило задуматься.

В Управлении первым Максима встретил Райхман:

— Привет, командир. Что такой хмурый?

Максим сжал зубы, сдерживая крепкое словцо, потом не-

ожиданно для себя самого рассказал Штирлицу о своей семейной ситуации.

— Хреновые дела, — согласился Герман Людвигович. — Выгонит она тебя в конце концов, как пить дать, выгонит. Тем более что у нее явно есть на примете молодая замена.

— Я еще не старик.

— Тебе уже тридцать пять, а ей, по всей видимости, нужен мужик лет на пятнадцать моложе.

— Я сам уйду.

— А вот спешить не надо. Вдруг все образуется? Мне Кузьмич анекдот рассказал в тему, хочешь послушать?

— Валий.

— Один мужик жалуется другу: «У меня было все: деньги, великолепный дом, дача, роскошная машина и красивая женщина, которая меня любила. А потом бац! — все исчезло». — «Что же случилось?» — «Жена все узнала».

Максим улыбнулся. Анекдот был с бородой, но вполне соответствовал реалиям жизни.

— Мои возможности поскромнее. Квартира на Шаболовке и тачка четырехлетней давности.

— Так заведи любовницу.

— Спасибо за совет. Я бы и не прочь, может быть, да воспитан по-другому, понимаешь ли. Считаю, что жить надо по любви.

Райхман фыркнул:

— Ты что же, до сих пор жену любишь?

Максим с удивлением посмотрел на капитана, потер лоб, покачал головой:

— Знаешь, а ведь я только недавно начал об этом задумываться. Может быть, ты прав, надо проанализировать ситуацию и решить, что делать дальше.

— Вот и займись на досуге. Кстати, а мы чем будем заниматься?

— Еще сам не знаю.

Максим открыл свой небольшой кабинетик, сел было за стол, но вынужден был сразу же идти к начальству: его вызвал Пищелко.

Начальник Отдела встретил его хмурым взглядом.

Полковник Валерий Францевич Пищелко был высок, но фигура его давно потеряла стройность, и в профиль он выглядел как человек, проглотивший бочонок пива. Брился он не каждый день, изредка заводил бородку и усы, хотя выражение лица полковника от этого не менялось: он вечно был всем недоволен.

Кабинет начальника Отдела почти не отличался от рабочего места Максима, разве что был вдвое больше.

Такой же стол, стулья, шкаф, сейф, компьютер, портрет президента на стене за спиной. Единственной оригинальной вещью в этом кабинете был аппарат для ароматерапии: круглая подставка синего цвета, на ней свеча и металлическая стойка с кольцом, поддерживающая чашу из синего стекла с ароматическим веществом.

Максим принялся: пахло смолой сандалового дерева.

— Садись, майор, — буркнул полковник. — Еле уговорил генерала не наказывать тебя и твоих людей.

— За что? — не понял Максим.

— Надо было выполнять приказ — захватить монаха и доставить его в Москву. Ну да ладно, этим делом займется теперь группа Моргуна. Тебе же я подготовил другое задание. В Жуковском объявился один тип, надо за ним последить. Возможно, он «серый» экстрасенс. Если так, вам придется его брать. Все материалы получишь у Сорокина. К вечеру вы должны быть в Жуковском. И смотри у меня — чтоб на этот раз без проколов! Вопросы?

Максим обреченно подумал, что у жены появится еще один повод закатить скандал, но вслух, естественно, об этом говорить не стал.

— Что натворил наш клиент?

— Пока ничего. Но задание спущено сверху, — Пищелко поднял глаза к потолку, — и обсуждению не подлежит.

— Понятно. Тогда вопросов больше нет. Разрешите выполнять?

— Иди.

Максим встал, сдвинул каблуки, бросил подбородок на грудь и вышел. В своем кабинете он несколько минут ознакомился с новостями по Управлению, листал почту, потом вызвал Райхмана и сообщил ему о сборе группы.

Через два часа группа в полном составе находилась у неприметного двухэтажного здания в районе метро «Выхино», где располагалась экспедиционно-хозяйственная служба Управления. Пищелко расщедрился и разрешил отправиться в Жуковский на микроавтобусе Отдела, что намного упрощало проблему доставки и слежки за объектом.

В пути Максим объяснил подчиненным задачу, которую им предстояло решать, и ворчливый Кузьмич не преминул поделиться своим мнением о задании и о том, что он думает о начальстве.

— Не получится ли так, что мы снова вытянем пустышку? — закончил он.

— Тебя это не должно волновать, — заметил в ответ Писатель. — Какая разница, зря или не зря мы настраиваемся на пол-

ную отдачу? Послали — делай дело и не ломай голову, чем оно закончится.

— Хотелось бы настоящего дела, а не байды с наблюдением за человеком, которого кто-то подозревает в принадлежности к «серым магам».

— Кто знает, чем это все закончится, — философски проворчал Штирлиц.

Иван-Доржо Итигилов по обыкновению промолчал. Он не любил пустопорожней болтовни.

В Жуковский приехали засветло, к четырем часам дня, расположились в гостинице «Спасатель», принадлежащей местному подразделению МЧС. Максим вывел на дисплей ноутбука данные об объекте наблюдения, и группа в течение получаса изучала личное дело Арсения Васильевича Гольцова, пятидесяти пяти лет от роду, вдовца, отца двух детей, заведующего лабораторией в Институте летно-испытательной аппаратуры.

— Вопросы? — осведомился Максим после окончания инструктажа.

— Я так и не понял, чего мы к нему прицепились, — заявил Кузьмич. — Вполне нормальный мужик, ни в чем предосудительном не замечен.

— Начальству виднее, — пожал плечами Писатель.

— Ну, а ты что думаешь, Иван Дрожжевич?

Шаман пососал мундштук трубки, не закуривая; курил он обычно такой едкий табак, что сослуживцы не выдерживали «газовой атаки», поэтому в их присутствии Итигилов давно уже не дымил.

— Станный человек, однако.

— Почему?

— Чувствую.

Кузьмич хмыкнул, посмотрел на Максима:

— Предлагаю найти этого мужичка и просканировать нашим «Беркутом». Сразу будет понятно, сенс он или не сенс.

— Сканер не всегда дает объективную оценку. Приказано наблюдать — будем наблюдать.

— Да я, собственно, не возражаю.

— Тогда начинаем, — прекратил разговоры Максим. — Поскольку мы не знаем возможностей клиента, работать будем с максимальной осторожностью, чтобы он нас не засек. Цепляем рации, экипируемся и вперед. Порядок следования обычный. Микроавтобус поведет Кузьмич.

— Я бы хотел...

— Отставить пререкания! Полчаса на сборы. Отсчет пошел.

Через двадцать минут группа подъехала к Институту летно-испытательной аппаратуры и заняла позицию.

* * *

Ничего особенно примечательного или демонического в облике Арсения Васильевича Гольцова не обнаружилось.

Чуть выше среднего роста, строен, хорошо сложен, по-спортивному подтянут, выглядит молодо, несмотря на залысины. Глаза карие, волосы темные, с проседью, губы крупноватые, но твердые, подбородок упрямый. Как заметил Шаман, такие мужики должны нравиться женщинам.

С этим замечанием согласились все. Было в лице, да и во всей фигуре Гольцова, нечто такое, что называется двумя словами: мужское обаяние. Мужик был явно умен, интеллигентен, умел одеваться и следил за собой. Да и выглядел действительно очень молодо, лет на сорок, но никак не на пятьдесят пять.

«Беркут», включенный Максимом при первом же появлении объекта, не сработал. Точнее, показал уровень энергетики Гольцова лишь на несколько процентов выше, чем у рядовых граждан. Примерно такие же данные он выдавал и потом, на следующий день, когда группа вела Гольцова в институт и обратно. Однако Шаман не спешил давать свою оценку биоэнергетики Арсения Васильевича, лишь заметил, что завлаб ИЛИА непростой человек и внутри его дремлет некая непонятная с и л а, которую трудно выявить с помощью приборов.

— Это и есть твоя официальная точка зрения? — поинтересовался Максим.

— Это мое внутреннее ощущение, — сухо ответил Иван-Доржо. — Но я могу и ошибаться.

Тем не менее он не ошибся.

Вечером двадцатого января, когда Гольцов благополучно добрался с работы домой, «Беркут» внезапно зафиксировал вспышку торсионного излучения. Впечатление было такое, что Арсений Васильевич на несколько минут включил генератор пси-поля, уровень которого превысил среднестатистический фон на три порядка!

— Ни хрена себе! — изумился Штирлиц, очередь которого была носить сканер. — Он что, взорвался?!

Максим тоже удивился, но не столь эмоционально, так как доверял Шаману и ждал каких-то событий. Как оказалось — не напрасно.

— Кузьмич, что у тебя? — вызвал он по рации старшего лейтенанта.

— Клиент сидит в гостиной, в кресле, — отозвался Бурков, — и, по-моему, смотрит телевизор. Или спит.

Для полноценного наблюдения за объектом группа рассредоточилась.

Максим и Райхман гуляли вокруг дома, невзирая на мороз.

Шаман сидел в кафе неподалеку. Ему не нужен был визуальный контакт с поднадзорным, он следил за ним в «психоэнергетическом поле».

Бурков-Кузьмич расположился в доме напротив и наблюдал за окнами квартиры Гольцова в бинокль, соединенный с лазерным звукосчитывателем.

Писатель временно отдыхал, сидя с Шаманом в том же кафе и потягивая тоник. Он любил поговорить о смысле жизни, знал много анекдотов и веселых историй, и с ним было интересно. Правда, Шаман на его высказывания не реагировал, зато никогда не прерывал, что, естественно, нравилось всем, кто хотел поговорить.

— Шаман, — позвал Максим, — ты что-нибудь «видишь»?

— Солнце, — ответил Итигилов.

Штирлиц хихикнул, он слышал то же самое, что и все члены группы, соединенные радиосвязью.

— Иван Дрожжевич, ты что там пьешь?

— Не засоряйте эфир, — сердито приказал Максим. — Шаман, сканер высветил сто сорок эниобел, такого я еще не встречал! Выходит, наш клиент и в самом деле экстрасенс?

— Не знаю, — после паузы сказал Иван-Доржо. — Я чувствую очень мощный источник пси-поля, но не могу определить его природу.

— Что это значит?

— Источник связан с кем-то или с чем-то, что расположено не на Земле.

— А где, в космосе, что ли?

— Не знаю. Где-то глубоко. Точнее сказать не могу.

Максим хмыкнул, посмотрел на Райхмана, выдыхающего облачка пара.

— Интересный компот получается. Кузьмич, что у тебя?

— Объект зашевелился, чешет репу... встает, пошатываясь, будто принял сто грамм... идет к двери... не вижу ничего... опа!

— Что там?!

— Ну, дает старик!

— Конкретней, черт тебя возьми! К тому же он не старик, да и выглядит — дай бог каждому в его возрасте.

— Все равно ему далеко за полтинник. Ух, и хороша!

— Ты о ком?

— К нему девица-красавица заявила. Целует его в щечку... снимает жакет... идет... жаль, не в спальню... собираются кофе пить.

— Я понял, — сказал Штирлиц. — Это его дочь.

— Да брось ты, он живой человек... хотя... — Кузьмич помолчал. — Может быть, ты и прав. Парень явно относится к ней потцовски. Но она действительно чертовски хороша!

— Я могу сменить Кузьмича, — донесся голос Писателя. — Хочется поглядеть на дочку клиента.

— Ей тридцать лет, — напомнил Штирлиц осуждающим тоном. — Она замужем, и у нее ребенок.

— Какое это имеет значение?

— Тихо! — стальным голосом оборвал подчиненных Максим. — Продолжать наблюдение!

Разговоры прекратились.

Максим и Райхман снова двинулись вдоль дома, плотнее запахивая куртки и опустив на уши клапаны шапок.

— Вообще не понимаю, что мы тут делаем, — вполголоса заметил Штирлиц через некоторое время.

Максим не ответил. Он думал о том же. Связь объекта с криминальным миром не подтвердилась. Гольцов редко выходил из дома, в основном пропадая на работе и встречаясь только с соседом по лестничной площадке, отставным полковником, как удалось выяснить. А его деятельность в качестве экстрасенса еще требовала подтверждения, как и фиксация сканером вспышки торсионного излучения. Вполне могло быть, что Арсений Васильевич не имел к ней никакого отношения.

Впрочем, в последнем Максим сомневался. Высокое начальство не послало бы его в Жуковский следить за простым человеком, не имея на то оснований. Сработавший «Беркут» весомо подтверждал подозрения, а также известную поговорку: дыма без огня не бывает.

— Зайдем в подъезд, погреемся? — предложил Райхман.

Максим посмотрел на часы: шел девятый час вечера, можно было бы и свернуть наблюдение, так как объект не менял распорядка жизни и вечером никуда не выходил. Но это было бы безответственно.

— Зайдем.

В подъезде было теплее, а главное — отсутствовал ветер.

Максим достал из сумки на плече небольшой термос, налил в колпачок горячего чая, выпил, предложил спутнику.

— Хорошо пошло! — кивнул Райхман, возвращая колпачок.

— Шаман варил, с травами.

— Ваня Дрожжевич знает толк в добавках.

— Внимание! — раздался в наушнике голос Кузьмича. — Девица собирается уходить, надевает пальтецо.

Максим и Райхман переглянулись.

— Уползаем отсюда?

— Сделаем вид, что мы соседи, возвращаемся домой. Или идем в гости.

Где-то сверху хлопнула дверь, по лестнице застучали каблочки. Появилась девушка, застегивающая на ходу модное пальто-труакар золотистого цвета. Она сбежала вниз, покосилась на пропустивших ее мужчин, и у Максима екнуло сердце.

Девушка была очень мила!

Высокая, стройная, длинные ноги в сапожках на высоком каблуке, нежный овал лица, большие зеленые глаза, пухлые губы, роскошные пушистые волосы по плечи. И во всей фигуре некий подсознательный п р и з ы в, теплый шарм, вызывающий влечение, уверенность женщины, знающей себе цену и не скрывающей своей сексуальности.

Бухнула входная дверь.

Незнакомка исчезла.

Райхман шумно выдохнул:

— Ну и ну! Прав был Кузьмич. В такую не грех и влюбиться!

Максим опомнился, сбежал вниз, распахнул дверь.

Девушка торопливо шла по тротуару к соседнему дому, зашла в булочную.

— Ты что, командир? — появился озадаченный Штирлиц. — С дерева упал?

Максим не ответил. Он и сам не понял, почему отреагировал на дочь Гольцова таким образом. Но ничего не мог с собой поделать. Захотелось догнать незнакомку и предложить горячего чая. Немедленно! Потому что такие случаи не даются дважды, в этом майор не сомневался ни на йоту.

— Ее зовут Марина, — на всякий случай сказал Штирлиц безразличным тоном. — У нее дочь Стеша, десять лет. Редкое имя, между прочим.

Девушка вышла из булочной, держа в руке пакет. А вслед за ней выскочили двое парней в спортивных курточках и вязаных шапочках. Они догнали дочь Гольцова, преградили ей дорогу, размахивая руками. Она попыталась обойти их, но высокий парень в черных кожаных штанах схватил ее за руку, жестикулируя, показывая куда-то в сторону дороги. Там ожила стоявшая у тротуара грязно-белая «Лада-112», медленно двинулась вперед.

— Чего они от нее хотят? — процедил сквозь зубы Райхман.

Максим быстро направился к парням, буквально тащившим девушку к машине. Она отчаянно сопротивлялась, выронив пакет с покупками, но на помощь не звала.

— Эй, орлы, — окликнул наглецов Разин, — развлекаетесь?

Парни остановились.

Девушка, воспользовавшись моментом, вырвала руку и наот-

машь ударила высокого, процарапав ему щеку ногтями. Тот схватился за лицо.

— Вот сука! Глаз чуть не выбила! — Он в ярости замахнулся, но ударить девушку не успел.

Максим перехватил его руку, жестоким приемом сломал кисть, отшвырнул парня прямо на подъехавший автомобиль. Высокий взвыл, ударился головой о дверцу «Лады», свалился на тротуар.

Его напарник, пониже ростом, но поплотнее, небритый, с шарфом, обмотанным вокруг шеи, выхватил нож, пошел на Максима.

— Урою, падла!

Максим дождался выпада, перехватил руку и, круто развернувшись, сломал ему руку в локте. Парень с воплем рухнул на гору снега, затих.

Из белой «Лады» выглянул было водитель, но, увидев результат схватки, быстро сел обратно, рванул с места и укатил.

Максим подобрал пакет, подал девушке, ошеломленной таким поворотом событий, переводящей глаза с лежащих обидчиков на Разина и обратно.

— Спасибо... кажется, я вас видела на лестнице... У меня отец живет в этом доме. Вы тоже здесь живете?

— Нет, мы шли в гости. Разрешите, мы вас проводим?

Девушка посмотрела на стонущих, облепленных снегом парней, передернула плечами:

— Да, конечно.

Все трое направились к дому Гольцова.

— Как вас зовут? — спросил Максим, зная ответ.

— Марина.

— Меня Максим, моего приятеля Герман. Говорите, ваш отец здесь живет? На каком этаже? Мы многих знаем.

— На третьем, Арсений Васильевич.

— Похоже, мы его встречали, высокий, спортивно выглядит. Девушка кивнула, думая о своем.

Вошли в подъезд, поднялись на третий этаж.

— Благодарю вас, мне сюда. Может быть, зайдете? Отец будет рад.

Мужчины переглянулись.

— В другой раз, — с сожалением сказал Максим; ему очень хотелось продолжить знакомство, да и случай представился неплохой, но служба в данный момент запрещала самостоятельность. — Не дадите телефон?

Марина с сомнением посмотрела на майора:

— Я живу в Москве.

— Надо же, какое совпадение, и я живу в Москве, на Шаболовке.

— Хорошо, запишите мобильный.

— Я запомню.

Она продиктовала номер, кивнула и исчезла за дверью.

Штирлиц, долго сдерживающийся, шумно выдохнул:

— Ну, ты даешь, командир!

Максим пососал костяшки пальцев на правой руке, начал спускаться вниз. Бросил через плечо:

— Пошли.

Они спустились на первый этаж, остановились у батареи под почтовыми ящиками.

— Что на тебя нашло? Ты же их бил в полную силу!

Максим помолчал, удерживая в памяти красноречивый взгляд дочери Гольцова.

— Не знаю... но таких отморожков мочить надо!

Райхман с интересом посмотрел на посуровевшее лицо майора, хотел пошутить, но передумал.

— Что будем делать?

— Ничего... работать.

— А девица и в самом деле хороша. Даже обидно, что она дочь клиента.

— Почему?

— А вдруг он плохой человек?

Максим покачал головой:

— Такая девушка не может быть дочерью плохого человека.

Райхман ухмыльнулся:

— Эк тебя контузило, командир. Уж не влюбился ли?

Максим промолчал.

— Помощь не нужна? — прилетел по рации голос Кузьмича.

— Нет.

— Как ведет себя клиент? — поинтересовался капитан, искоса глянув на Разина.

— Слушает, как дочь рассказывает о подвигах командира.

Максим порозовел, сдвинул брови:

— Отставить базар!

— Я правду говорю. Она описывает, какой ты сильный и решительный, не чета ее мужу.

— Кончай базар, я сказал! Гена, замени Кузьмича.

— Слушаюсь.

— Продолжать работать!

В эфире стало тихо.

— Погуляем? — кротко предложил Штирлиц, догадываясь, что творится в душе командира.

Вышли на улицу.

Мороз немного ослабел, небо затянули тучи, предвещая снегопад.

Окна пятиэтажки гасли одно за другим. Лишь окна на третьем этаже, принадлежащие квартире Гольцова, продолжали бросать снопы света на заснеженный двор.

Максим представил, как Марина с ногами забирается в кресло, и ему страстно захотелось в тепло и уют.

ПРОРЫВ

Внизу раздавались женские голоса, восклицания, порой смех, но Арсик этого не слышал: он в настоящее время жил в другом мире, где люди строили ракеты и покоряли космос. Одновременно он находился у себя дома, на лежаке печки, от кирпичей которой исходило уютное расслабляющее тепло. Арсик лежал на печке и читал фантастический роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды».

Голоса же принадлежали слушателям, точнее, слушательницам: мама вслух читала книгу о подвигах разведчиков на войне, а вокруг нее собралось несколько женщин: бабушка, родная тетя Арсика Ксения, еще одна тетя — Валя, сестра мамы, и соседки — тетя Катя и баба Фруза. На столе горела керосиновая лампа, по углам небольшой кухоньки бродили тени, атмосфера в доме дышала таинственностью, в ней странным образом уживалось и прошлое, и настоящее, и всем было хорошо, несмотря на разные переживания. Хотя Арсику было лучше всех: он жил в будущем...

Очнулся от голоса мамы:

— Пора спать, фантазер. Утром не встанешь в школу.

— Встану. — Арсик с трудом оторвался от страницы, чувствуя, как слипаются веки. — Так интересно!

— Завтра дочитаешь.

Он отложил книгу, с трудом слез с натертой до блеска лежанки, по холодным половикам босиком добрался до кровати, разделся и рухнул в благоухающую чистой и прохладой кровать...

Ночью вдруг проснулся, не понимая, где он и что с ним.

В уши настойчиво лез густой струнный звон. По комнате бродили тени от веток яблонь в саду, освещенных уличным фонарем. Везде белым-бело, на окнах кое-где лед. А звон издавали телеграфные столбы на улице и провода, предупреждая, что за стенами избы сильный мороз.

Арсик какое-то время таращился в окно, полусонный, силясь понять, что его разбудило, потом снова уснул. И снились ему звезды и ракеты, затерявшиеся в черной бездне космоса...

Арсений Васильевич посмотрел на часы: половина седьмого, пора вставать. Однако он полежал еще немного, успокаивая сердце, возбужденное воспоминанием детства. Затем тихо встал, чтобы не разбудить дочь, умылся, побрился, приготовил яичницу и кофе.

На кухне появилась заспанная Марина, чмокнула отца в щеку:

— Доброе утро.

— Садись завтракать.

— Почисти зубы только. Спасибо, пап.

Марина скрылась в ванной, через пять минут вернулась на кухню, быстро проглотила завтрак, побежала переодеваться и приводить себя в порядок, на что потребовалось гораздо больше времени.

— Как я выгляжу?

Сидящий в кресле Арсений Васильевич улыбнулся, поднял большой палец:

— Ты очень похожа на маму.

— У мамы были русые волосы, а у меня темные.

— Не имеет значения. Что это за жакет на тебе?

— Казакин.

— Тебе идет. Хоть сейчас на подиум.

— Спасибо. А вот ты выглядишь неважнецки. Тебе жена нужна, чтобы ухаживала за тобой и создавала уют.

Арсений Васильевич качнул головой:

— Такой, как твоя мама, больше нет. С годами понимаешь это все отчетливей.

— С годами все желанней очертанья Того, чем никогда не обладал.

— Что?

— Это стихи одного моего знакомого поэта. Иногда ему удаются замечательные строки. Не куксись, папуль, может быть, еще встретишь умную и добрую женщину, влюбишься и будешь счастлив.

Он снова покачал головой, вспоминая свою первую встречу с Милославой.

Арсений тогда заканчивал второй курс института и ехал в троллейбусе с площади Островского в общежитие. На одной из остановок в троллейбус вбежали две девушки, встали рядом, держась за поручень, а у Арсения случился сердечный приступ. Именно так можно было назвать его состояние, когда он глянул на одну из девушек и встретился с ней глазами.

Серо-зеленые светящиеся очи (именно очи, а не глаза), густые ресницы, красивый излом бровей, тонкий прямой носик, изумительного рисунка губы и неимоверной, немислимой красоты

улыбка, улыбка феи, полная тепла и восторженного отношения к жизни.

Он так и ехал потом, забыв обо всем на свете, проехал свою остановку, не сводя глаз с незнакомки, посматривающей на него лукаво и заинтересованно. А потом девушки вышли, он опомнился, бросился было за ними, но было уже поздно, троллейбус тронулся с места. Сумасшедшей красоты девчонка исчезла как видение, как мираж, дарующий путнику в пустыне надежду на глоток воды, продляющий жизнь.

Лишь спустя пять месяцев Арсений вновь встретил эту девушку — на вечере в институте, посвященном слету студенческих строительных отрядов. Он не собирался на него идти, хотя сам ездил в составе одного из отрядов на Алтай, под Бийск, строить птицефабрику. После тренировки сборной института по волейболу Арсений появился в актовом зале на втором этаже чисто ради любопытства, как был — в стареньком зеленом свитере, в немодных штанах, со спортивной сумкой через плечо, и в фойе зала, в окружении однокурсников и парней постарше увидел Ее!

Милослава сидела на стуле у стены, сложив руки на коленях. На ней было блестящее «малахитовое» платье с красной лентой, обтягивающее фигуру, и она была невероятно, потрясающе красива!

У него перехватило дыхание! Сердце оборвалось!

Никого не видя и не слыша, он приблизился к ней, растолкал парней, присел перед ней на корточки. Его окликали, хлопали по плечу, шутили, но он в данный момент жил в пространстве ее взгляда и никого не замечал.

— Меня зовут Арсений, а вас?

— Мила, — ответила она, покраснев. — Милослава...

— Я видел вас весной...

— Я помню.

— Подождете меня? Я сбегаю переоденусь.

— Да...

Он встретил ее прямой взгляд и словно умылся чистой родниковой водой. Глаза Милославы говорили, что она подождет.

В общежитие он мчался как на крыльях. Вернулся через пятнадцать минут, надев костюм приятеля, с которым жил в одной комнате. Собственного «парадно-выходного» костюма у него тогда не было. Его пытались остановить друзья одного из известных на весь институт ловеласов, красавчика Миши Васина, который уже «подбивал клинья» к Милославе (она попала на вечер не случайно, так как в составе одного из студенческих строительных отрядов работала фельдшером, учась в Рязанском медицинском институте), однако Арсений умело обошел конфликты, выбрал

подходящий момент и пригласил Милу танцевать. И уже больше не отходил от нее.

В декабре они поженились...

— Ты куда-то ушел, — проницательно прищурилась дочь. — Маму вспомнил?

Арсений Васильевич кивнул, провел ладонью по лицу, сглотнул горький комок. Душа ворочалась, плакала и звала любимую, мешала думать и разговаривать.

Марина подошла к нему, прижала голову к груди, погладила по волосам:

— Бедный ты мой папочка... я тебя понимаю. А вот мне не везет. Вадик меня так не любит, как ты маму любил. Он вообще никого не любит, кроме себя.

— Зато красиво говорить умеет, — проворчал Арсений Васильевич. — Гений непризнанный, да и только! Ты извини, девочка, но не уважаю я твоего мужа. Все разговоры в его семье — о том, какой он умный и гениальный. А чего он добился в жизни, чего достиг? Уже десять лет в Москве — и пшик! Как был редактором в низкопробной газетенке, так и остался. Тебе бы такого, как этот Максим, который отбил тебя у хулиганов. Надо же, так повезло! Никогда у нас такого не случилось.

Марина села рядом, улыбнулась:

— Да, Максим мужчина решительный, сильный. — Она снова улыбнулась. — И симпатичный. Я ему телефон свой дала. Сама не знаю, зачем. Скорее всего растерялась.

— Если ты ему понравилась, он позвонит. Бросай своего рыжего красавца, он полный ноль в семейной жизни, и уходи к этому Максиму.

Марина засмеялась:

— Как у тебя все легко получается — уходи. У меня дочь есть, ей без отца плохо придется. А настоящие отцы на улицах не валяются.

— Ничего, проживешь как-нибудь, я помогать буду. Твой Вадик все равно не занимается дочерью. Утром спит до двенадцати, вечером приходит после двенадцати, когда она уже давно спит. Родитель хренов! — Арсений Васильевич фыркнул. — По два часа в туалете сидит! Это как понимать?!

— Что ты к нему прицепился? Ну он такой, какой есть, что теперь? Давай о другом поговорим. Не хочешь с нами на весенние каникулы на море отдохнуть?

— Почему бы и нет? Где именно?

— Стеша просится на Кипр, ей там нравится, но я хочу на Крит, в Грецию. Мы там еще не были. Мои приятели рекомендуют деревушку Херсонесес, недалеко от лабиринта Минотавра.

— Лабиринт мне ни к чему, а вот попить местного винца я не против.

— Знаю я, какой ты любитель винца. В прошлый раз одну бутылку за весь десятидневный срок осилить не смог.

— Это же не шампанское, — пожал плечами Арсений Васильевич.

— Ты и шампанское так же пьешь. Итак, решено?

— Если с вами поедет твой благоверный, мне на Крите делать нечего.

— У него сдача какого-то проекта, мы уже обсуждали, он останется дома.

— Тогда согласен. Слушай, ты можешь объяснить, что тебе в нем нравится?

Марина сделалась грустной:

— Я сама давно задаю себе этот вопрос.

— Обычно современным женщинам в мужчинах нравятся вторичные половые признаки: дача, машина, зарплата. У него даже этого нет.

Дочь улыбнулась:

— Ты же знаешь, я из другой породы. И чем дальше, тем больше мне нравятся мужики умные и сильные. А Вадим... он действительно умеет красиво и авторитетно говорить, чем меня и взял. И больше ничего! И хватит! — Она хлопнула ладонями по подлокотникам кресла, встала. — Мне пора. Еще к зубному надо успеть, потом за дочкой в школу.

Поднялся и Арсений Васильевич:

— Надеюсь, ты не ради выпендрежа идешь к зубному?

— Что ты имеешь в виду?

— Я читал интервью одного врача-стоматолога по поводу искусственной коррективки зубов для «суперкрасоты». Сейчас модно удалять коренные зубы ради «утонченной впалости щек» или встраивать в зубы бриллианты.

— Я слышала. Многие наши шоу-звезды так делают.

— Так вот, это опасно для здоровья. После удаления зубов всегда возникает атрофия костной ткани, в результате нарушается жевательная функция и, как следствие, страдает весь пищеварительный тракт. А внедрение бриллиантов и золотых инкрустаций не только портит эмаль, но и вовсе ведет к скорой потере зуба.

Марина засмеялась:

— Спасибо за заботу о моих зубах, пап. Я не собираюсь внедрять в них бриллианты, просто хочу подлечить десны.

Арсений Васильевич сдержал тоскливый вздох. Улыбка доче-

ри чрезвычайно походила на улыбку жены, даже не по себе становилось.

— Когда появишься в следующий раз?

— Скорее всего весной, папуль, вместе со Стешей. Она тоже хочет тебя увидеть, соскучилась по деду, но раньше я вряд ли выберусь.

— Буду ждать. Давай я тебя провожу.

— Утро уже, светло, вряд ли кто осмелится пристать.

— Мне все равно на работу идти.

Арсений Васильевич быстро собрался, и они спустились во двор. Марина поцеловала отца в щеку, села в свой серебристый «Рено Меган», помахала рукой:

— Буду звонить.

Арсений Васильевич помахал в ответ.

Машина выехала со двора, исчезла за углом дома. На душе снова сделалось тоскливо. Несмотря на привязанность дочери, он ощущал себя одиноким. Настроения не прибавило даже предложение слетать на море. Если бы не внучка, категорически отказывающаяся отдыхать без деда, он бы не полетел. А ради этого растущего доброго человечка стоило идти наперекор своим желаниям.

Выглянуло солнце. Вокруг сразу все засверкало, заискрилось. Белизна снега была такая, что слепило глаза. Мороз на улице держался приличный, однако Арсений Васильевич не стал брать машину, решил взбодриться, пройтись до института пешком.

Его узнавали соседи, сослуживцы, здоровались, он кивал в ответ, а сам думал о детях, о своей жизни, о работе, смысл которой давно был потерян. Сверкание снега отвлекало, что-то происходило с глазами, уличный пейзаж начал расплываться, искажаться, сквозь него в сознание начали прорываться странные видения, чужие миру и собственным ощущениям.

Арсений Васильевич замедлил шаг, потер кулаками глаза.

Зрение восстановилось, однако почему-то проезжавшие мимо автомобили стали казаться некими сосудами, наполненными чужим пространством и временем.

— Вам плохо? — участливо спросила проходившая мимо пожилая женщина.

— Нет, все нормально, — очнулся он, пошел быстрее и вдруг вспомнил свои последние «полеты в запределье». То, что с ним творилось, скорее всего было вызвано прорывом информации за пределы в сознание. Этой ночью он часто просыпался от необычных ощущений — казалось, сквозь голову течет бесплотная река, несущая как щепки обрывки непонятных воспоминаний. И это тоже говорило о каком-то психофизическом процес-

се, процессе про с а ч и в а н и я криптогнозы из подсознания, где осела «запредельная» информация, в сознание.

В своем кабинете он привычно запустил компьютер, провел короткое совещание с сотрудниками, сел за стол, но в работу углубляться не стал. Расслабился, закрыл глаза и попытался вспомнить конкретные явления, сопровождавшие его во время путешествий в иную метавселенную, где он поддерживал равновесие «положительных и отрицательных потенциалов» жизни. Иначе говоря — равновесие «добра» и «зла».

Сначала в голове мелькали неясные картины визуального контакта с «плоским миром», обрывки бесед с Диспетчером, мозаика нечетких образов, текучие массивы переходящих друг в друга фигур и форм. Затем тусклое шипение и потрескивание эфирного фона сменилось прозрачными всплесками трудно уловимых мелодий, а перед мысленным взором возникла странная картина.

В сияющем жемчужном тумане, скрывающем ландшафт, скакал удивительный всадник. Сам он был четырехрукий и двуногий, закованный в блистающие алые доспехи. Конь же под ним больше походил на гигантского медведя, также одетый в броню или, скорее, в алого цвета кольчугу.

Навстречу ему вывернулся из тумана другой всадник. У него наличествовали две руки и две ноги, зато и головы было две. Доспехи же на нем сияли лунным серебром, а конь напоминал страуса с мощными лапами динозавра.

И оба они вовсе не вызывали у Арсения Васильевича отвращения, оба являли собой образцы и н о й гармонии, и н о й физики и биологии, оба отражали законы и опыт и н о й эволюции, по-своему красивой, экспрессивной и динамичной.

Всадники сшиблись!

Сверкнули мечи, не похожие на обычные мечи. Впрочем, оружие всадников нельзя было отнести ни к какому виду холодного оружия, известного на Земле. Сравнить их можно было разве что с непрерывно меняющей форму молнией.

Удар, вспышка света!

В глаза вонзилась яркая извилистая лента неведомого разряда, и Арсений Васильевич «полетел» в эйфорическое пространство непередаваемых ощущений и образов, каждый из которых отражал жизнь целого вида разумных созданий, не поддающихся никакому словесному описанию.

Чувствуя, что начинает захлебываться в потоке чужеродной информации, усилием воли он остановил схватку всадников, заставил их разъехаться и взамен получил некое пространство п о к о я, на короткое время приобретшее четкую гармоничную сет-

чато-кристаллическую структуру. Впечатление было такое, будто из кипящего раствора солей выпал, точнее, выкристаллизовался удивительной красоты и огранки призрачно-паутинный «бриллиант»! Этот псевдокристалл вобрал в себя голову Арсения Васильевича, раскрылся бесшумным световым фонтаном, и Гольцов на мгновение обрел возможность видеть невидимое и слышать неслышимое.

Иная Вселенная развернулась внутри человека, полная движения, экспрессии, жизни, боли и жажды победить! В этой Вселенной и в самом деле шла война, остановить которую мог только вышедший оператор, оператор иного уровня, нежели тот, кого представлял собой Арсений Васильевич. То есть Творец! Однако Его в данной Вселенной не было. Ушел. Куда? Этого экзоператор Гольцов знать не мог.

Последняя мысль отозвалась взлетом печали. После нее наступила темнота и тишина.

Очнулся он спустя несколько минут, судя по циферблату наручных часов. И вдруг понял, что помнит свое незапланированное «внутрипсихическое» путешествие! Не все, обрывками, но помнит! Ему удалось-таки перенести часть криптоинформации, засевшей в глубинах неосознанной психики, в сферу сознания!

Арсений Васильевич прищурился, разглядывая монитор компьютера, и вдруг отчетливо увидел его внутреннее строение!

Сначала не поверил глазам, принимая увиденное за одну из картин за пределами. Потом пришло ощущение «рентгеновского просвечивания», причем рентгеновским аппаратом был он сам!

Арсений Васильевич зажмурился... и увидел свой кабинет сквозь веки!

Вот тут он перепугался по-настоящему!

Начал тереть глаза кулаками, прижимать к ним ладони, вспотел, собрался было вызвать Юревича — пожаловаться и посоветоваться, что делать дальше, и с облегчением перевел дух: явление «рентгена» прошло.

Но и после этого он долго не мог прийти в себя и приступить к работе. Лишь после обеда воле удалось собрать остатки ума, и Арсений Васильевич принялся анализировать свои открытия и собственное состояние, стараясь при этом не заходить за границу измененного сознания. В конце концов он сделал не слишком радующий его вывод: ему действительно удалось выйти за пределы поля оперирования и понять смысл своей работы в иной метавселенной. Однако Арсений Васильевич абсолютно не представлял себе, что с этим знанием делать и как жить дальше.

В чем он был уверен, так это в том, что так жить нельзя — не зная, почему он поддерживает равновесие чужого социума с помощью инициации войн и конфликтов и кому это выгодно.

СИСТЕМА

С Земли эта звездная Система не видна, так как находится по другую сторону от ядра Галактики, хотя и гораздо ближе к ядру, нежели Солнце с планетами. Если измерить расстояние до нее земными мерами длины, то оно равно двенадцати тысячам световых лет. Однако вследствие того, что пространство известной нам части Вселенной (так называемого метагалактического домена) отнюдь не «плоское», как считают астрофизики и космологи, то до Системы буквально «рукой подать» — если знать способы преодоления космических расстояний, не связанные с ракетными или иными полетами. Вакуум — совсем не абсолютная пустота, как думали ученые еще совсем недавно, это сверхтвердый кристалл, пропускающий сквозь себя свет и материальные тела. Мало того, он соединяет континуумы не трех измерений, а на два порядка больше, хотя большинство этих измерений свернуто в сверхмалые объемы или, как говорят физики, скомпактифицировано. Эти измерения можно разворачивать — опять же если знать методы развертки — и путешествовать по Вселенной с гораздо большей скоростью, чем скорость света. Практически мгновенно. Хотя мало кто из разумных созданий, населяющих Галактику, достиг соответствующего уровня. Но те, кто создал (вырастил, реализовал, раскрыл, построил) Систему, умели многое, в том числе и «высверливать» в вакууме тоннели мгновенного перемещения энергии, информации и материальных предметов. Поэтому для них не составляло труда посещать каждую цивилизацию Галактики и контактировать с носителями разума. Явно или тайно. Но они предпочитали контролировать жизнь Галактики — и миллионов других похожих звездных островов — иначе, с помощью внедрения в социумы своих резидентов и вселения в сознание существ психоматричных программ, заставляющих их делать то, что было нужно контролерам. При этом контролеры часто прибегали к вербовке помощников и агентов из числа аборигенов на местах, превращая их либо в операторов внутреннего контроля — интраоров, либо в операторов внешнего контроля — экзоров. Первые осознанно участвовали в процессе коррекции социумов или иных общих структур, объединяющих разумных носителей, вторые выполняли роль «серых кардиналов», изменяющих ситуативные планы на других планетах, а также на объектах равного порядка или гораздо бо-

лее сложного характера. Чаще всего они делали это неосознанно, как ретрансляторы потоков энергий высших уровней, хотя сами могли бы стать такими же властителями миров, как их кукловоды. Однако осознавали это единицы из миллионов, и тогда Систему начинало лихорадить, так как ее правители боялись лишиться власти, которую они присвоили себе не по праву преемников Творца, а по праву восставшего раба, завладевшего могучим наследием богов.

Двадцать первого января по земному летоисчислению в одном из олимпов Системы (пирамид выработки решений) собрались иерархии галактического контроля. Их было шестеро: Вышний, Распорядитель, Диспетчеры первого, второго и третьего класса и Корректор-исполнитель. На людей эти существа походили мало, скорее — на колонии грибов, имеющие грубое сходство с человеческим телом. Впрочем, это и были колонии, но не грибов, а кораллов.

Беседа иерархов проходила в диапазоне излучений, которые люди Земли называют мысленными. Эмоции же, сопровождавшие речь каждого, земным языком передать было трудно, хотя их смысловое наполнение иногда приближалось к таким понятиям, как «презрение», «недовольство», «удовлетворение», «злоба», «равнодушие», и другим. Одна из тем беседы касалась положения Земли в Гиперсети Управления — как планеты, давшей много добровольных слуг Системе и воспитавшей целый вид существ, внешне абсолютно не отличимых от человека, которых условно можно было назвать «биороботами» и «демиург-рабами». В настоящее время именно они являлись тем резервом Системы, который позволял контролировать деятельность всего человечества, в том числе его живым отрядом или, как утверждали посвященные, богорожденными людьми, и выкачивать у них поистине бездны тонкой энергии, называемой самими иерархами *гаввах*, или иначе — энергии творения.

Беседа завершилась конкретным обсуждением возникшей на Земле проблемы.

«Один из экзоров пробудился, — доложил высокому собранию Корректор-исполнитель. — Он самовольно перешел границу поля коррекции и овладел каналом прямой передачи *гаввах*, хотя и не полностью».

«Его возможности?» — осведомился Вышний.

«Он может обрести опыт непосредственного восприятия реальности без необходимого в таких случаях тренинга и без применения техник целостного восприятия вещей. То есть овладеть методом познания мира, стоящим вне пределов языка и мышления».

«Это может отразиться на подконтрольном объекте?»

«Может, — подтвердил Диспетчер-1; речь шла о Земле в целом. — К сожалению, не все управленческие структуры массового уровня объекта приняли наш принцип: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Если экзор примкнет к тем, кто не исповедует этот принцип, он вызовет неуправляемый фазовый переход Программы Коррекции на уровень, который мы не сможем контролировать».

«В связи с чем надо срочно активизировать деятельность интраоров Земли с целью увеличения плотности административного поля, — добавил Диспетчер-2. — С тем, чтобы любое решение нарушало чьи-то интересы. Тогда те, кто нам сейчас мешает, а это так называемые славянские родовые и казацкие общины в России, увязнут в междоусобицах, потеряют драйв и займутся дележом территорий и власти».

«Ваши предложения?»

«Экзор еще слаб, — сказал Диспетчер-3, непосредственно отвечающий за контроль над Землей, — и мало что понимает в реальном положении вещей. А поскольку он нам еще нужен, так как он единственный, кто успешно справляется с ростом сложности управленческих задач на Карипазиме, кстати, не понимая этого, то я считаю, мы обойдемся минимальным воздействием».

«Конкретнее».

«Перекроем ему максфактор, гарантирующий канал пассионарного везения, хотя бы процентов на тридцать. Подобные ограничения весьма эффективны, так как против цепочек якобы случайных событий практически нет защиты. Это заставит экзора задуматься над последствиями своих самостоятельных поисков».

«А если ограничение не сработает?»

«Тогда мы пошлем к нему одного из интраоров Земли, чтобы он его вразумил».

«А если и этот способ нейтрализации не будет успешен?»

«В таком случае мы подселим к нему крейзи-файл, превратим в идиота. Какое-то время он и в этом состоянии будет нам полезен, пока мы будем искать ему замену».

«Хорошо. Ищите замену уже сейчас. Все свободны».

Совещание закончилось.

ИЗЛОМ

Домой Марина возвращалась в грустном настроении.

Во-первых, ей не нравилось состояние отца, слишком часто уходящего мыслями в прошлое и тоскующего по жене. Его было

искренне жаль, потому что отец был человеком добрым, хотя и слегка безалаберным, и не привык жить в одиночестве.

Во-вторых, отец разбередил старые душевные раны, связанные с замужеством и теми проблемами, которые успешно создавал муж. Не решал — создавал! Он умел это делать, а главное — всегда находил крайнего, если не мог справиться самостоятельно. И все чаще в своих неудачах обвинял жену.

Наконец, в-третьих, встреча с незнакомым мужчиной по имени Максим заставила Марину по-новому взглянуть на свою зависимость от условностей и реальности жизни. Формально она была независима — во всяком случае в своих мыслях — от чего бы то ни было (кроме дочери), фактически же зависела от любых движений и законов общества, в том числе — от негативных явлений этого общества типа хулиганов, бандитов и коррумпированных чиновников. И защитить ее от всего этого муж не мог. Да и не хотел. Зато встретился человек, который вступился за нее и смог дать отпор бандитам, что бывает теперь крайне редко. Поэтому Марине очень хотелось встретиться с ним еще раз и просто пообщаться.

Хоть бы позвонил! — подумала она со вздохом в сотый раз.

Первой в гимназии ей встретилась Лидия Петровна, учительница истории, вечно растрепанная и куда-то спешащая. Окинула восхищенным взглядом.

— Ты просто прелесть, Мариночка! Мне бы твои годы! Слышала новость? Наш физкультурник Миша Селезень уезжает в Америку, будет преподавать в университете в Майами. Представляешь?

Марина улыбнулась:

— От кого-то я слышала, что американские университеты — это место, где российские евреи преподают математику китайцам.

— Ой, ты все время шутишь, — всплеснула руками Лидия Петровна, нервно поправила локон, — а я ему завидую. Будет хоть зарплату приличную получать. Кстати, Аглая набирает команду Мурзики на лето, не хочешь присоединиться?

Марина пожала плечами:

— Не знаю, до лета еще далеко.

Речь шла о необычной организации, возникшей в Москве несколько лет назад, но уже прославившей себя добрыми делами.

Несколько сот вполне взрослых и здоровых мужчин и женщин, называющих себя смешным прозвищем Мурзики, вдруг объединились под вполне утопическим лозунгом «отстаивать идеалы добра и справедливости». Под предводительством самых активных Мурзики и основателя движения столичного хирурга

Германа Пятова эти люди выезжали на своих машинах (были они людьми не богатыми, но состоятельными) в глубинку России, преодолевали сотни километров к детским домам и школам-интернатам и помогали им приобретать все, в чем нуждались детишки, от одежды и обуви до лекарств, книг и даже компьютеров.

Директор гимназии Аглая Савельевна была активным участником движения и каждое лето создавала из учителей команду единомышленников, которые и присоединялись к походам Мурзиков.

— Не знаю еще, — повторила Марина. — Муж не одобрит. Но я подумаю.

— Захочешь, я тебя запишу. Видела нашу Любочку-красавицу?

— Нет, а что? — встревожилась Марина.

— Она побывала в Голландии и сделала себе татуировку глаз!

— Шутишь? — недоверчиво прищурилась Марина.

— Нисколько! Оказывается, вся «продвинутая» Европа сейчас осадил Голландию, чтобы сделать глазную тату! Операция стоит всего тысячу евро!

— Всего... но ведь это, наверное, рискованно?

— Не знаю, мне нравится.

— И как же выглядит татуировка?

— Увидишь. Принцип такой, Люба рассказала: в слизистую оболочку глаза внедряется тонкая проволочка из золота или платины и укладывается в виде узора. В общем, закачаешься!

— А исследования проводились — опасно это для здоровья или нет?

— Таких подробностей я не знаю.

— Вдруг опухоль какая-нибудь образуется или воспаление?

— Мы на эту тему не говорили. Ладно, я побежала, на урок пора.

Лидия Петровна упорхнула по коридору в свой класс.

Марина зашла в учительскую, подготовилась к следующему уроку, заглянула в пятый «В», где училась Стеша. В школу ее должен был проводить отец, и он это сделал. Дочь сидела за учебным столиком, сложив руки, и внимательно слушала учительницу: шел урок математики. Длинные волосы она собрала в пучок и скрепила любимой заколкой в форме бабочки.

Опять не заплела косу, вздохнула Марина. По утрам она всегда заплетала волосы дочери в косу, но стоило только переложить обязанности утреннего ухода на мужа, как Стеша тут же меняла прическу. Ей казалось, что так она выглядит взрослей.

Кто-то тронул Марину за плечо, она оглянулась.

— За дочкой подглядываешь? — улыбнулась Светлана Евгеньевна, классная руководительница Стеши; она преподавала русский язык и литературу. — Хорошая девочка растет, добрая и отзывчивая. На тебя очень похожа.

Светлана Евгеньевна проработала в школе (теперь — в гимназии) больше сорока лет, и ее все уважали за мягкий характер и неизменную доброжелательность.

Они пошли по коридору к лестнице и услышали громкие голоса. На лестничной площадке разговаривали трое старшеклассников, размахивая руками и толкаясь.

— Прикинь, этот ламер не дал мне поюзать свой плеер! — ткнул в грудь приятелю высокий тощий юноша с волосами до плеч. — Совсем офлайнел в натуре!

— Не флуди, — отмахнулся тот, низкорослый и толстый, — сам такой, на велике не дал попедалить.

— Оба вы прикинутые! — оценил ситуацию третий, самый модный, в кожаных штанах и кроссовках. — Бадло толкаете! Айда пофлюем в с...нике, у меня курево есть.

Все трое направились к туалету.

— О чем это они? — пролепетала Светлана Евгеньевна. — На каком языке они разговаривали?

— На сленге, — усмехнулась Марина. — Ребята, очевидно, имеют дома компьютеры и часто сидят в Интернете. Их лексика оттуда.

— Это не лексика, это кошмар! Ужас!

— Что поделаешь, время такое. Жаргон Сети еще не самое страшное, послушали бы вы молодежь на клубных вечеринках и на танцах! Нынешние мальчики и девочки разговаривают матом, ничуть не стесняясь друг друга! Неужели вы этого никогда не слышали?

— Иногда... случайно... я не хожу на вечеринки... считала, что ненормативная лексика редкое явление. Мы так в молодости не говорили!

— Мы тоже. — Марина открыла дверь в учительскую, пропустила старую учительницу. — Но время изменилось. А мы нет. Хотя так, наверное, о молодежи думает каждое предыдущее поколение.

Зазвенел звонок с урока. В учительскую стали заходить учителя. Вбежала запыхавшаяся Лидия Петровна:

— Ой, вы видели?!

— Что?! — испугалась Светлана Евгеньевна.

— Над спортплощадкой птицы в шар собрались! Огромный, как аэростат! Потом разлетелись. Но шар все видели, он больше трех минут висел.

— Вороны?

— В том-то и дело, что птицы всех видов: воробьи, вороны, галки, еще какие-то пичуги, но больше всего воробьев. В общем, жуть как интересно! Новое явление, ученым надо сообщить.

— Может, они от холода собрались? Морозы-то нынче довольно сильные навалились, лютует зима.

— Все равно это необычно. Мариш, ты уже решила насчет Мурзиков?

— Не успела, на урок надо идти.

— Потом скажешь. Светлана Евгеньевна, вы очень клево выглядите! — Лидия Петровна убежала.

Марина и Светлана Евгеньевна переглянулись, Марина засмеялась:

— Вот вам и ответ. Если уж в речь учителя просачиваются жаргонизмы, то что говорить о наших детях?

— И все-таки это неправильно, — вздохнула старая учительница.

— Согласна, неправильно.

Зазвонил звонок на урок.

Учителя стали расходиться по классам. Пошла в свой класс и Марина, продолжая размышлять над поднятой темой. Она понимала, что в России разговорный язык формируется телевидением и Интернетом, что явно ведет к упрощению и «обрезанию» лексики. Не способствовали гармонизации языка и «реформы» Министерства культуры, ослабляющие грамматические нормы языка и усиливающие анализацию, то есть увеличивающие число предлогов. В речи людей, не только журналистов и инженеров, но и политиков, членов правительства и простых граждан, все чаще встречались лишние предлоги, что тоже уродовало язык и вело к его вырождению. Да и борьба с «лишними» буквами — «е», «и» краткое — делала свое дело. Однако выхода из создавшегося положения Марина, преподающая английский язык и знающая все его слабые стороны, не видела. Впрочем, ее больше занимали собственные переживания и личные проблемы.

Занятия закончились в два часа дня.

Марина забрала обрадованную ее появлением Стешу, и они поехали домой; жили Соколовы возле метро «Октябрьская», напротив Парка культуры. Все время в пути за ними сзади следовала серая иномарка «КИА Рио» с затемненными стеклами, но Марина не обратила на нее никакого внимания. У дома иномарка отстала и затерялась в потоке автомобилей, словно убедившись, что маршрут Мариной машины не изменился.

Дочь увлеченно рассказывала маме о своих школьных делах, удивлялась мальчишкам, увлеченным какими-то несерьезными

делами, делилась печалью, осуждала или хвалила подружек, Марина слушала, поддакивала, возражала... и думала о том, что ей очень не хочется ехать домой. Потому что там ей было неуютно. Да и не ждал никто с распростертыми объятиями.

Однако муж, к ее удивлению, оказался дома.

Бриться он не любил, поэтому постоянно отращивал усы и бороду, но даже в этом состоянии не ухаживал за порослью на лице и зарастал по самые глаза, до тех пор, пока Марина не устраивала скандал и не заставляла его подравнивать бороду и приводить себя в порядок. На пару дней. Потом все начиналось сначала.

Муж находился дома, хотя должен был давно отправиться на работу. А еще он был пьян!

На кухне стояли две чашки, стаканчики, початая бутылка «Гжелки», в тарелках лежали остатки салата, колбаса и валялись окурки.

— Явилась? — выговорил он, обдав жену запахом перегара. — Снова скажешь, что ездила к папаше?

Марина поморщилась, отмечая полный кавардак в квартире (Вадим редко предлагал свою помощь в уборке, а уж посуду вообще никогда за собой не мыл), услышала слабый сладковатый запах духов, какими она не пользовалась, внимательно посмотрела на мужа:

— К тебе кто-то приходил?

Глаза Вадима вильнули, в них на мгновение мелькнул шалый огонек легкого безумства.

— Да, Сашка заходил, а что? Ты, значит, можешь со своими хахалями встречаться, а я нет?

Марина побледнела, подтолкнула дочь, не сводившую изумленных глаз с отца, к двери детской:

— Иди переодевайся. — Повернулась к мужу. — Ты понимаешь, что говоришь?!

— Понимаю! — заорал Вадим, брызгая слюной. — Сука, проститутка! Где была?! Признавайся!

Он замахнулся и ударил бы, но потерял равновесие и чуть не упал.

— Я все знаю! Валентина меня давно предупреждала, что у тебя есть любовник! Увижу — убью!

Валентина была младшей сестрой Вадима и с самого момента замужества невзлюбила Марину, пылая к ней странной ревностью.

— Где была?! Говори!

Марина брезгливо обошла стоящего в трусах и футболке

мужа, закрылась в ванной. В голове вертелась лишь одна мысль: неужели этого человека я когда-то любила?

Он начал стучать в дверь, ругаться, пришлось выходить и урезонивать захмелевшего Вадима, но он не успокаивался, и Марина поспешила к дочери, выглядывающей из детской. Закрылась, пытаясь не слушать бред, доносившийся из-за двери.

— Что с папой? — испуганно проговорила Стеша. — Он заболел?

Тогда Марина не выдержала и заплакала. Как сказал бы склонный к поэзии отец: это был плач души, разбившейся о стену. Стеной же было все, что разъединяло ее с мужем, в том числе ничем не обоснованная ревность. Марина вдруг окончательно поняла, что они с Вадимом разные люди и что надо резко менять жизнь. Семья не сложилась, несмотря на прожитые вместе десять лет, и даже дочь не сблизилась с ними настолько, чтобы можно было терпеть выходки мужа и дальше.

— Ты чего плачешь, мамочка? — прижалась к ней Стеша. — Папа обидел?

Марина улыбнулась сквозь слезы, погладила дочь по волосам.

— Все нормально, котенок. Как говорит твой дедушка: жизнь, конечно, не удалась, а в остальном все нормально. Папа выпил лишнего, вот и буянит. Протрезвеет и будет просить прощения.

Стеша серьезно покачала головой:

— Не будет.

— Почему ты так думаешь?

— Он стал другим, как чужой все равно. Раньше мы с ним гуляли в парке, а теперь давно не гуляем, в кино не ходим. Не хочет даже послушать, что у нас в школе.

Марина отодвинула дочь, разглядывая ее лицо:

— Ты у меня совсем почти взрослая, все понимаешь. Может быть, все еще образуется, изменится к лучшему?

— Не оставляй меня больше одну с папой, ладно? Он ругается, что я ему надоедаю... в туалете запер... я там плакала...

— Когда?!

— Вчера вечером. Запер и свет выключил.

Марина потемнела, встала:

— Побудь здесь, займись домашним заданием, я сейчас приду.

Муж отшатнулся от двери, увидев, с каким выражением лица вышла жена.

— Это правда?!

— Т-ты о чем?

— Это правда, что ты запираешь Стешу в туалете?!

Он отступил.

— Она не слушалась... ну и что?! Она совсем от рук отбилась!

Ты ее жалеешь, не наказываешь, из нее такая же стерва вырастет!

Марина едва сдержалась, чтобы не дать Вадиму пощечину.

— Выбирай выражения! Если еще раз сделаешь нечто подобное...

— То что? Ты милицию вызовешь? — Муж ухмыльнулся. — Или своего хахаля?

— Я уйду!

— Ах, даже так? — Вадим шутливо развел руками, поклонился, чуть не упал. — Скатертью дорога!

В сумочке Марины зазвонил сотовый телефон.

Марина взяла трубку:

— Слушаю.

— Добрый день, — раздался в трубке уверенный мужской голос. — Марина?

— Да. А вы... — Марина вдруг узнала этот голос, и у нее перехватило дыхание. — Максим?

— Он самый. Как поживаете?

— Извините... — Она еле справилась с волнением. — Перезвоните попозже, пожалуйста.

— У вас что-то случилось?

— Нет-нет, ничего... все нормально... просто я тороплюсь.

— Хорошо, позвоню вечером. Но если требуется помощь...

— Нет-нет, не надо, все хорошо.

— До вечера.

В трубке зазвенели птичьи трели отбоя.

— Кто звонил? — осведомился Вадим почти трезвым голосом.

Марина не ответила, вернулась в детскую, закрыла за собой дверь. Сердце колотилось, щеки пылали, грудь вздымалась. Что это со мной? — подумала она с испугом. Потом заметила вопрошающий взгляд дочери и отбросила посторонние мысли. Дочь вряд ли поняла бы ее объяснения. Тем более что Марина сама себе ничего не могла объяснить. Просто ей позвонил человек, которому она понравилась. Вот и все.

— Вот и все, — повторила она вслух.

Стеша молча обняла мать.

НАПРЯГ

Солнце сияло вовсю. На небе ни облачка. Снег искрился так, что было больно глазам. Мороз щипал щеки, уши и нос. Но Арсений не замечал ничего. Он упоенно работал палками и шел по лыжне,

проложенной вдоль улицы, с максимально возможной скоростью. Под взглядами соседей, а главное — под взглядами девчонок, живущих неподалеку, которые учились с ним в одном классе. Впрочем, о них он думал мало, перед глазами стояла та, которая казалась единственной и училась в параллельном шестом «Б». И хотя она в данный момент его не видела, чувствовать себя спортсменом-лыжником, сильным и ловким, было весьма приятно.

Вот и околица той части Родомля, которая мало чем отличалась от деревни. Контора «Заготскот», рядом продуктовый магазинчик. Слева — молодой хвойный лесок, известный жителям поселка под названием сосонник, а за ним — противотанковый ров времен Великой Отечественной войны, широкий и глубокий. Прошло уже восемнадцать лет с тех пор, как родина отгуляла победу над фашистами, но ров все еще оставался таким же непреодолимым, каким его вырыли защитники Родомля, и продолжал напоминать о военных временах. Арсений с малолетства любил кататься на лыжах с его крутых склонов, один или с друзьями, а в тринадцать лет уже прыгал с естественных трамплинов и съезжал вниз так, что дух захватывало и сердце омывалось удивительной радостной силой и хотелось мчаться со склонов рва еще и еще раз, чтобы когда-нибудь вдруг оторваться от снежных торосов и взлететь...

Домой он обычно возвращался мокрым с головы до ног, усталым, но довольным, с праздником в душе.

Этот праздник сопровождал его и дальше, особенно под Новый год, когда в доме уже стояла наряженная елка, — он, конечно же, принимал участие в ее украшении, вместе с мамой и сестрой, — и оставалось лишь дожидаться боя курантов, веселых криков близких, покричать вместе с ними «ура!», а потом сорвать с елки самую вкусную конфету...

Господи, как давно это было! Зима детства — где ты? Почему память возвращается к тебе снова и снова, отзываясь в сердце сладкой болью навсегда утраченного?..

Арсений Васильевич грустно улыбнулся, вспомнив, как часто возвращался из школы, будучи уже постарше, в девятом и десятом классах, с небольшим школьным телескопом системы МаксUTOва¹, чтобы до глубокой ночи смотреть на звезды. Зимой делать это было намного удобней, ночь опускалась на поселок рано, небо превращалось в черную бездну, и звезды казались особенно яркими и четкими. Руки и ноги мерзли нещадно, хо-

¹ Рефлектор-рефрактор.

лод пронизывал до костей, глаз едва не примерзал к окуляру телескопа, но Арсений смотрел и смотрел в небо, замороженный красотой звездного узора. Он видел Венеру и Марс — как планеты, а не как звезды, любовался кольцом Сатурна — тоненькой стрелочкой, пересекающей его диск, считал спутники Юпитера — иногда удавалось увидеть полдюжины, и часами следил за проплывающей в небе Луной, испещренной узором кратеров и синими тенями низменностей и морей...

В дверь постучали.

Арсений Васильевич очнулся от воспоминаний, погладил ноющее плечо: утром он оступился на лестнице, сильно ударился плечом о перила и едва не сломал руку. Мало того, машина не завелась — мороз был лютый, градусов за тридцать, и ему пришлось идти на работу пешком. По пути он поскользнулся, шагнул с тротуара на проезжую часть улицы, и его едва не сбила машина. Не к добру это, покачал он головой, ох не к добру!

— Войдите.

Вошел Толя Юревич с развернутым листом ватмана:

— Я готов, Василич. Вот опытный образец. Давай посмотрим?

— Давай, — со вздохом согласился Гольцов.

Толя был человеком старой закалки и все свои разработки сначала вычерчивал на ватмане, а уж потом переносил чертеж в память компьютера.

— Чего морщишься? Я могу и позже зайти.

— Нет, плечо выбил, болит.

— Здесь?

— Дома, когда выходил. Потом машина не завелась, на улице чуть не убился...

— Черная полоса началась, — кивнул Анатолий. — Поосторожней ходи. Кстати, я сегодня видел любопытную картину: сидят двое в вазовской «семидесятке», включили музыку во всю ивановскую, и для того, чтобы слышать друг друга, они орали громче, чем музыка.

Арсений Васильевич улыбнулся:

— Идиотов можно встретить где угодно. Ладно, поехали.

Они склонились над чертежом, но обсудить идею не успели. Щелкнул интерком и голосом директора предложил заведующему лабораторией подняться на второй этаж института, где располагалась приемная.

— Жди, — сказал Арсений Васильевич, чувствуя, как заныло сердце. — Директор недоволен темпами нашей работы, сейчас получу нагоняй.

— Не принимай близко к сердцу, — посоветовал Анато-

лий. — Мы не сачкуем, а система должна работать как часы. Спешить и ошибаться в таких делах нельзя, авиация этого не прощает.

— Сам знаю, — буркнул Арсений Васильевич, направляясь к двери.

Директор института Евгений Львович Назаров встретил его хмурым взглядом, кивнул на стул:

— Садись.

Был директор тучен, лыс, косоглаз, круглолиц (Арсений Васильевич при встречах с ним всегда вспоминал рассказ Джека Лондона «Луннолицый»), на собеседника обычно не смотрел, но в сущности характер имел добрый и покладистый. Однако сегодня он, судя по всему, был настроен на «разгон демонстрации и крутые разборки».

— Когда сдашь тему? Почему не докладываешь, чем занимается лаборатория? Заказчик требует ввести систему до конца года, а ты все еще возишься с документацией! В чем дело?

Арсений Васильевич вспомнил слова Юревича о «черной полосе», невольно усмехнулся. Анатолий был прав, у его начальника действительно началась полоса невезения. Чего не было уже давно.

— Что ухмыляешься? — побагровел Евгений Львович. — Гением себя считаешь? Держателем акций? А мы тут для тебя чиновники, мелкая сошка? Ничего не соображаем? Я, между прочим, физтех заканчивал!

— Я знаю, — пробормотал Арсений Васильевич, озадаченный вспышкой раздражения директора. — Никем я себя не считаю...

— Тогда почему народ на тебя жалуется?!

— Какой народ? — не понял Гольцов.

— Обыкновенный! В приемную звонят, мне звонят, грубишь подчиненным, заставляешь допоздна задерживаться, ни с чьим мнением не считаешься!

— Да кто это тебе... вам сказал?! — изумился Арсений Васильевич. — Никого я не заставляю задерживаться, а если кто остается до вечера, это его личная инициатива. Да и чужое мнение я всегда учитываю, никто не жаловался...

— Все, иди работай, — внезапно остыл Евгений Львович. — Тему сдавай, чтоб к понедельнику был готов принять комиссию. Получу еще один сигнал о самодурстве — поставлю вопрос об увольнении.

— Бред какой-то! — пожал плечами растерянный Арсений Васильевич. — Такого еще не было... до свидания...

— Будь здоров.

Арсений Васильевич поплелся к себе в лабораторию, ломая голову над словами директора «сигнал о самодурстве» и «народ на тебя жалуется». Свой «народ» он знал хорошо, сотрудники его уважали и никогда не жаловались. Во всяком случае, психологическая атмосфера в коллективе была спокойная, деловая. Однако не мог же Назаров все это выдумать? Значит, кто-то же все-таки нажаловался на завлаба, недовольный его руководством? Кто? Кому это понадобилось и для чего? Чтобы занять его место?

— Бред! — вслух повторил он, не замечая недоуменно оглянувшихся на него работников института.

В своем кабинете Арсений Васильевич выпил полграфина минералки и битый час размышлял над причинами полученного выговора. Потом увлекся работой и забыл обо всем. До вечера. В шесть лично проверил, кто остался на рабочем месте, твердо выпроводил энтузиастов: Сережу Сергиенко, Толю Юревича и Женю Шилова. Походил по опустевшей лаборатории, разглядывая рабочие столы, компьютеры, экраны, аппаратные стойки. Выключил забытый кем-то осциллограф. Показалось, кто-то посмотрел на него из стены угрюмо и недовольно.

— Бред! — вздохнул Арсений Васильевич, решительно направляясь к выходу из лаборатории.

Однако его бедствия этим днем еще не закончились.

Во-первых, на улице к нему пристал какой-то мужик бомжеватого вида, попросил пять рублей, а когда Гольцов дал ему монету, потребовал еще пять и не отставал, грозя всяческими карами, пока Арсений не дал ему еще десять рублей.

Во-вторых, недалеко от дома его столкнула с тротуара в снег какая-то веселящаяся шпана, связываться с которой не имело никакого смысла. Упал Арсений Васильевич неудачно, на ушибленную руку, и чуть не взвыл от боли в плече, отдавшей в шею и в голову. Уж не перелом ли какой? — подумал он с испугом, баюкая руку. Надо к врачу сходить...

К врачу, конечно, не пошел. Боль отступила, сердце успокоилось. Мысли вернулись к теме разговора с директором. Дома Арсений Васильевич переоделся не спеша, потушил овощи, поужинал, сел перед телевизором, желая расслабиться и отдохнуть, но в это время тренькнул входной звонок.

Он открыл дверь, впустил сына вместе с клубом морозного пара. Сын снял шапку, куртку, повернулся, и Арсений Васильевич увидел у него под глазом свежий синяк.

— А это что у тебя за украшение? Откуда бланш?

— Упал с кровати, — криво улыбнулся Кирилл, растирая нос

и щеки. — Ух и мороз! Налей чего-нибудь горяченького, папа, внутри все заледенело. Пешком топал от автобусной станции.

— Почему не подъехал на маршрутке?

— Денег нет.

Арсений Васильевич с немым изумлением уставился на сына:

— Я же тебе три дня назад деньги дал, на неделю вперед.

Кирилл отвел глаза:

— Я потерял...

Арсений Васильевич с трудом сдержался от ругательства, вздохнул, сгорбил, теряя интерес к разговору, побрел на кухню, волоча ноги. Сын врал, это было очевидно, но уличить его во лжи не хотелось. Вообще ничего не хотелось, даже жить.

Зашипел чайник, нагреваясь.

В кухне появился Кирилл, робко приблизился к отцу:

— Прости, пап... я проиграл деньги... в казино... хотел выиграть...

Арсений Васильевич молчал.

— Понимаешь, не хочется все время зависеть от тебя... вот я и решил...

Арсений Васильевич продолжал молчать, глядя в стол.

— Я больше не буду, честное слово!

Арсений Васильевич молчал.

— Я уже ищу работу, завтра собеседование... Ну, что ты молчишь?

— Хорошо, — тусклым голосом ответил Арсений Васильевич. Выключил чайник. — Заварка на столе, вот сахар, пряники, сахара, пей.

Вышел из кухни. Голова была пустая, как воздушный шар, появлявшиеся в ней мысли быстро превращались в дымные струйки, растворялись в пустоте и исчезали, не оставляя следа.

— Пап, я больше не буду тебя расстраивать, — пробубнил Кирилл, не решаясь подойти ближе. — Вот увидишь!

Человек — то, что он делает, а не то, что он думает и о чем мечтает, — вспомнил чье-то высказывание Арсений Васильевич. Очнулся, посмотрел на сына, у которого дрожали губы, и ему стало до острой тоски в сердце жаль Кирилла. В том, что сын такой безвольный и неустроившийся в жизни, была большая доля вины и Гольцова-старшего.

Арсений Васильевич шагнул к сыну, поймал его испуганно-вопрошающий взгляд, обнял. Кирилл замер на мгновение и вдруг прижался к отцу изо всех сил, как это бывало в далеком детстве, забормотал что-то.

— Помолчи, — оборвал его Арсений Васильевич. — Не надо

много говорить. Я тоже перед тобой виноват, не смог воспитать самого необходимого — ставить цель и добиваться ее. Ты все еще живешь по детским меркам, пора становиться взрослым.

— Я понимаю...

— Молчи! Я тоже выросл медленно. Мое детство по сути закончилось только с рождением дочери, твоей сестры. Да и то я не уверен. Но я поставил цель и стал самостоятельным уже в семнадцать лет. Теперь твоя очередь.

— Я все сделаю...

— Хочу верить. Все, не будем больше об этом. Пошли пропустим по рюмочке коньяку и посидим.

— Я не буду!

— Хорошо, будешь пить чай, — улыбнулся Арсений Васильевич.

Они сели за кухонный стол. Кирилл оживился, начал рассказывать, чем занимается. Арсений Васильевич поделился своими заботами, и этот разговор был настолько легок и приятен, что оба едва ли не впервые в жизни почувствовали себя действительно близкими людьми.

Телевизор смотрели вместе. Также впервые за последние несколько лет. Потом Кирилл лег спать, а Арсений Васильевич еще час задумчиво слонялся по квартире, вспоминая свои прежние беседы с детьми и анализируя свое поведение. Вспомнились походы с дедом в баню, зимой, которые маленькому Арсению не сильно-то и нравились. Однако дед сумел-таки привить внуку любовь к чистоте, точнее, к о щ у щ е н и ю оглушающе-радостной расслабленной чистоты тела, и зимние выходы в баню помнились до сих пор, хотя прошло уже больше сорока лет.

Вспомнились и «вечерне-ночные дежурства» у тети Ксени, родной сестры бабушки. Тетя Ксения боялась оставаться вечерами одна, когда ее муж дядя Вася уезжал на сутки на работу, и Арсений по три-четыре раза в зимние месяцы ночевал у тетки, проводя время в приятной обстановке и с пользой для организма. Во-первых, ему никто не мешал читать любимые книги. Во-вторых, тетя Ксения всегда угощала «охранника» чем-нибудь вкусненьким. Особенно Арсению нравились ее медовые пышки с холодным молоком и пряники с патокой или вареньем. Бывало, ему доставались и самые настоящие шоколадные конфеты, хотя он с удовольствием смаковал и обычный свекольный сахар, который надо было откусывать щипчиками от целой сахарной горы...

Арсений Васильевич улыбнулся. В нынешние времена проблемы сладостей не существовало, были бы только деньги, а конфеты можно купить любые, на любой вкус и цвет. Хотя особой

радости, такой, как в детстве Арсения, они уже современным детям не доставляли. Разве что — деревенским детям, не избалованным «прелестями» цивилизации, да и то вряд ли.

Я весь внутри русская деревня, любил говорить отец Арсения Васильевича. Он тоже мог повторить эти слова, не кривя душой, и гордился тем, что родился в русской деревне и сохранил ее чистое природное отношение к жизни. Может быть, поэтому память все чаще возвращала его в детство, в те времена, когда мир казался большим, добрым, прекрасным и таинственным...

Кто-то посмотрел на Арсения Васильевича — со всех сторон одновременно. Он вздрогнул, очнулся. Включилась система «внепространственной» ориентации.

Ему предлагали работу.

«Не хочу!» — заявил он мрачно, ожидая обычной реакции Диспетчера, всегда находившего аргументы в пользу необходимости работы. Однако вместо этого впервые за Арсения Васильевича взялась какая-то незнакомая с и л а, без лишних слов и объяснений начавшая перестраивать психические структуры Гольцова, как это делает программист, меняющий системные структуры компьютера.

Арсений Васильевич ощутил эту с и л у как входящий в голову узкий «лазерный» луч-скальпель, который рассек мозг на части и начал обрабатывать сначала внутреннюю поверхность черепной коробки — эндокран, выжигая шлаки и неровности, превращая ее в гладкую скользкую сферу. Затем луч превратился в «лазерную фрезу» и обработал правое полушарие, отсекая какие-то «лишние» мозговые структуры, меняя их местами, соединяя добавочными связями, и взялся за левое. У Арсения Васильевича появилось ощущение, что меняется его генетический «файл», превращавший его в личность. Дико зачесалась голова, вернее, мозг под черепной коробкой. Начали путаться мысли. «Лазерный скальпель» явно пытался воздействовать на те системы мозга, которые влияли на выбор цели и делали человека независимым.

Процесс между тем начал нравиться и даже приносить удовольствие сродни тому, какое доставляет человеку массаж головы.

«Нет!» — крикнул Арсений Васильевич внутрь себя. Напрягся, сооружая на пути «лазерного луча» зеркальный щит. Произошло нечто вроде рикошета. «Луч» отразился от щита, больно процарапал изнутри глазные яблоки, мигнул и погас. Ощущение вторгшегося в мозг «хирургического инструмента» пропало. Но Арсений Васильевич не остановился на достигнутом, усилием воли вошел в знакомое «состояние энергопотока» и помчался

дальше, «вверх», в те пространства, где он был корректором и вершителем судеб иных разумных существ.

На этот раз выход в а п р е д е л ь е дался ему куда легче, чем раньше, а главное — сознательно. Он в и д е л, куда идет, что делает и каковы реалии этого мира. Возникший было в голове голос Диспетчера Арсений Васильевич буквально вышвырнул из сознания, послал за пределы своей сферы чувствования и физической оболочки.

Мир Карипазима возник перед глазами глыбой мрака, пронизанной ручьями лавы и украшенной разгорающимися и гаснущими вспышками пламени. Арсений Васильевич развернул его в плоскость, в физически ощущаемый объект с текучими ландшафтами и мерцающими формами движения материи. Поднялся повыше, медленно поплыл над ним невидимым призраком, рассматривая возникающие внизу удивительные пейзажи, насыщенные чужой жизнью.

Внезапно его заинтересовало появившееся на горизонте белое пятно, которое он сначала принял за накрывшую часть суши пелену облаков. Арсений Васильевич свернул к этой пелене, с недоумением отмечая ее неизменность и мертвое спокойствие. Понимание пришло, когда он завис над этим районом и снизился на десяток километров.

Перед ним действительно лежала пустынная местность белого цвета, испещренная тонким узором черных трещин, более темных понижений и разнокалиберных кратеров. Это было место давней битвы тех сил, которые он пытался сдерживать, помогая то одним, то другим, добиваясь непонятного ему самому «равновесия». Битва произошла очень давно, судя по «запаху» уныния и застарелой тоски, накрывшему пустыню. К тому же он не помнил, когда принимал экстренные меры в отношении данного района Карипазима, но в этом районе до сих пор ничего не росло, не двигалось и не возрождалось. На гигантской территории, эквивалентной такому земному материку, как Африка, прочно поселилась с м е р т ь!

В сознание прорвался тоненький плач — так сфера чувствования Арсения Васильевича отреагировала на возникшую в поле зрения огненную струйку, тут же бессильно погасшую. Возможно, это очнулся некий обитатель пустыни, а может, умер ее последний защитник и хранитель.

Сознание начало путаться, меркнуть. Арсений Васильевич слишком много потратил энергии на пробивание канала прямого видения чужой реальности. Да и Диспетчер не успокаивался, пытаясь прорваться в голову оператора и запретить ему самостоятельно манипулировать с и л о й.

Домой! — приказал сам себе Арсений Васильевич, цепляясь за луч энергии, выносящий его из за пределы в мир Земли.

С час он отдыхал, приходил в себя, пил горячий чай и ни о чем особом не думал. Потом решил покопаться в себе на сон грядущий и выявить запасы знаний, осевшие в глубокой психике. Такие попытки пока к прорывам понимания не приводили, но все же кое-какие свои возможности он начинал осознавать и готов был учиться их применять.

Убедившись, что сын спокойно спит в бывшей детской, Арсений Васильевич устроился было в кресле перед телевизором, не включая последний, и в это время зазвонил телефон. Глянув на часы — третий час ночи, кому это он понадобился в такое время? — Гольцов снял трубку:

— Алло?

— Привет, Меченый, — раздался в трубке густой шелестящий бас. — Не пора ли одуматься?

— Кто звонит? — прошептал Арсений Васильевич.

— Доброжелатель, — хмыкнули на том конце провода. — Мы встречались сорок лет назад, и тогда ты обещал слушаться.

Арсений Васильевич вспомнил встречу в общегитии радиоинститута, когда к нему пришли «волхвы», посланцы «светлой силы», чтобы предложить ему поработать «на благо Вселенной». Хорошие люди, как утверждал дед. Может быть, не такие уж и добрые? Может быть, дед Терентий ошибался? Или сам Арсений неправильно его понял?

— Что вам нужно?

— Даем тебе сроку три месяца. За это время ты должен исправить то, что натворил на Карипазиме, вернуть утраченное равновесие. Не справишься — пеняй на себя! А главное, забудь о п р я м о м выходе! Иначе мы примем соответствующие меры.

— Какие?

— Увидишь. Итак, твой выбор?

Арсений Васильевич помолчал, лихорадочно формулируя мысль.

— На Карипазиме идет война... я не знаю, в чем состоит смысл жизни, но уж точно не в войне! Неужели нельзя убедить карипазимцев не воевать?

— Нельзя. Они живут по-другому, их логика — логика войны, а не мира.

— Ерунда, всегда есть возможность договориться, пойти на компромисс...

— Мы предупредили, ты слышал. Если не хочешь думать о себе, подумай о детях, они ни в чем не виноваты. Три месяца. Ты понял?

- Подождите...
- Прощай, Меченый.
- В трубке загудело.

Арсений Васильевич уставился на нее, как кролик на удава, отшвырнул и выругался.

СКАНДАЛ

Гостиница, принадлежащая МЧС России, где расположилась группа Разина, была достаточно уютной и удобной, хотя на три звезды, как утверждалось в рекламе, не тянула. Одноместных номеров, а тем более класса «полулюкс» и «люкс», в ней было мало. Точнее, всего три. Одноместный достался только самому Максиму, остальные устроились по двое: Штирлиц с Кузьмичом и Шаман с Писателем. Кузьмич ночами похрапывал, поэтому Штирлиц-Райхман вечно жаловался на него и требовал переселить храпуна в «отдельную камеру». Писатель смущенно признался, что он тоже храпит, но от Шамана жалоб не поступало. Иван-Доржо вообще никогда ни на что не жаловался, а на вопрос Штирлица: как же ты спишь, если Писатель бурчит, как трактор? — ответил по-философски спокойно:

— Я его не слышу.

Однажды Максим зашел к ним ранним утром и застал Шамана за интересным занятием.

Итигилов стоял в одних трусах: спина прямая, ноги расставлены на ширине плеч, руки на бедрах, глаза закрыты. В тот момент, когда Максим сделал шаг через порог, Шаман оторвал ладони от бедер, с выдохом вытянул их перед собой. И Максим вдруг потерял равновесие, отшатнулся назад, чуть не упал! Хотя никто его не толкал, ни в грудь, ни в спину.

— Извини, Максим Аверьянович, — сказал Шаман, расслабляясь; тело у него было сухое, жилистое, без единой дряблой складки, несмотря на шестидесятилетний возраст, а небольшой животик фигуры не портил. — Я не хотел.

— Как ты это делаешь?

— Секрет, однако.

— Психоэнергетическое воздействие?

— Что-то вроде этого.

— Может быть, научишь?

— Вообще-то не имею права, это умение у нас передается только внутри рода, от отца к сыну и внуку.

— Обещаю никому не говорить и применять только во благо.

— Я подумую.

— И все-таки каким образом достигается результат? Я читал кое-какие книжки, знаю, что существуют специальные психотехники.

Итигилов начал быстро одеваться.

— Многие настоящие шаманы с успехом пользуются этими психотехниками.

— А ты не настоящий?

— Практикующие проходят инициацию, я не проходил.

— Расскажи.

— Я же сказал, не имею права.

— Ну хотя бы в общих чертах.

— Все психотренинги дистанционного воздействия на людей делятся на три этапа. Первый — выработка концентрации энергии в руках и ногах. Или в любых других частях тела, по мере необходимости. Второй — управление энергией с выходом ее из тела. Третий этап — тренировка направленного выброса из тела. Каждый этап требует дисциплины мысли и особого отношения к окружающим.

— Какого особого?

— Астральный удар, как его называют дилетанты, это оружие, пользоваться им надо осторожно.

— Ясно. Я мог бы начать тренировки хоть сейчас. Кстати, сколько потребуется времени на освоение каждого этапа?

Шаман усмехнулся:

— От года до пяти, в зависимости от внутренних усилий и способностей.

Максим невольно покачал головой, он был разочарован.

— Это ж какое терпение надо иметь?

— А иначе не стоит и пробовать, командир. Экстрасенсорика — серьезное занятие, она требует колоссальной выдержки, нервной отдачи и терпения. Надо быть фанатом этого дела, чтобы добиться результатов. Впрочем, как и в любом другом деле. Я тебя расстроил?

— В общем-то не очень, примерно так я и представлял себе стезю мага и экстрасенса. Но попробовать хочется. Вдруг получится? Иногда мне даже кажется, что я что-то чую, когда срабатывает «Беркут».

— В принципе ничего невозможного нет. Но тебе придется бросить пить и курить. Алкоголь очень сильно влияет на энергетику, в том смысле, что он ее нейтрализует.

— Да я в общем-то не пью, шампанское разве что на праздники да пиво изредка, когда жарко.

— Об этом тоже придется забыть. В идеале даже общение с женщинами надо бы прекратить.

— Ты шутишь?

— Нет.

Максим фыркнул:

— Не помню, кто сказал: идеальный мужчина не пьет, не курит, не играет в азартные игры, не спорит с женщинами и...

— Не существует.

— Точно, — засмеялся майор. — Однако с женщинами — это уже перебор.

Зазвонил мобильник. Разин достал трубку.

— Вы скоро? — раздался голос Писателя: он вел наблюдение за квартирой Гольцова с шести утра. — Еще полчаса, и я дам дуба!

— Идем, — лаконично ответил Максим.

Группа собралась в вестибюле гостиницы, готовая начать новый рабочий день, который вряд ли мог добавить что-либо к тому, что уже имели чекисты. Арсений Васильевич Гольцов жил тихо-мирно, никуда, кроме работы, не ходил, гостей не принимал, не считая детей и соседа по лестничной площадке, и материала для выводов давал мало. Во всяком случае вел он себя не как экстрасенс, владеющий особыми способностями, а как самый рядовой гражданин России.

— От начальства ничего? — с надеждой спросил Кузьмич, которому надоело следить за клиентом. Впрочем, как и остальным.

— Начальство требует результат, — сказал Максим веско. — Поэтому будем рыть землю. Режим прежний.

Вышли на улицу, ежась от холода.

Рассвело. Редкие прохожие торопливо сходились к автобусным остановкам.

Кто-то выбросил на тротуар огрызок яблока, над которым деловито трудилась нахохлившаяся ворона. Внезапно к ней подлетел воробей и внаглую попытался утащить огрызок. Ворона опешила, потом догнала вора и долбанула клювом. Воробей отскочил, топорща перья, обиженно заорал что-то, и тотчас же на тротуар посыпались воробьи, наблюдавшие за приятелем с козырька подъезда. Все дружно набросились на ворону, и та была вынуждена отступить. Каркнув несколько раз, что на вороньем языке означало очевидно: я вам еще покажу! — она улетела.

Подчиненные Разина переглянулись с улыбками, Штирлиц покачал головой:

— Все как в жизни: верх берет крикливая толпа.

— Поехали, — сказал Максим.

Расселись в «Баргузине», Кузьмич повел машину к дому Гольцова.

Заиграл мобильный телефон Максима.

— На связи.

— Майор, захват клиента отменяется, — раздался в трубке мрачный голос полковника Пищелко. — Попугайте его как следует и возвращайтесь.

— Как — попугать? — не понял Максим.

— Чтоб всего боялся. Обозначьте себя, пусть увидит, что за ним следят. Вечером, после работы, сделайте вид, что хотите огрabitь, или просто отмутузьте его до синяков. В общем, не мне вас учить. Завтра утром — ко мне с докладом.

— Но зачем его пугать?!

— Много будешь знать, скоро академиком станешь. Такова воля генерала. Можешь задать этот вопрос ему, когда вернешься. У меня все, конец связи.

Максим сложил телефон, сунул в карман:

— Ничего не понимаю!

— Что случилось? — прищурился Штирлиц.

— Надо каким-то образом до смерти напугать клиента... и вернуться.

— Зачем?!

— Вот и я задал тот же вопрос.

— Начальству виднее, — пожал плечами Кузьмич. — Надо, значит, напугаем. Надоело тут мерзнуть без настоящего дела.

Шаман промолчал.

Снова зазвонил телефон. На сей раз связь потребовалась Пищелко:

— Командир, любопытная вещь получается. Похоже, еще кто-то следит за клиентом, кроме нас.

— Ты случайно не уснул?

— Уснешь тут, как же. Клиент хотел сесть в машину, она не завелась, тогда он потопал пехом. Его столкнули в снег какие-то отморозки, которые вовсе не отморозки, так как двое последовали за ним. Еще двое сели в серую «Ладу»-«семидесятку» и едут следом. Что делать?

— Мы уже близко, жди.

«Баргузин» свернул на Садовую улицу, обогнул стройку и выехал к дому Гольцова.

Как раз в этот момент от него отъезжала серая вазовская «семидесятка», больше известная в народе под кличкой «клюква»: автостроители продолжали менять кузова своих изделий, не меняя ни их характеристики, ни качество исполнения.

— Вот он! — показал на одного из прохожих внимательный Штирлиц.

Действительно, по тротуару боком ковылял объект наблюдения, Арсений Васильевич Гольцов, держась за левое плечо. А за

ним, чуть в отдалении, ехала «клюква». В салоне машины нельзя было разглядеть количество пассажиров, стекла «семидесятки» были затемнены, но Шаман уверенно сказал:

— Трое, вооружены.

— Ёж твою медь! — озадаченно проговорил Кузьмич. — Кто это за ним топает? Неужели начальство перестраховалось и послало группу наружки?

— Ерунда, — отмахнулся Максим, — нас бы предупредили.

Показался заиндеветый от мороза Писатель. Подождал, пока с ним поравняется «Баргузин», вскочил в салон:

— Ух, наконец-то! Озяб я, орелики! Что будем делать?

— Ничего, — качнул головой Максим. — Наблюдать. Выводы сделаем вечером.

— Велено напугать клиента, — сообщил Писателю Штирлиц. — До колик в животе.

Писатель хотел присвистнуть, но замерзшие губы не послушались.

— Ну и дела! Правда, командир?

— Правда. Все, тихо, работаем!

Гольцов в это время быстро шагал к институту, пряча лицо от колючего ветра. Скрылся за стеклянной дверью центрального входа. Его проводники в серой «клюкве» разделились: двое остались в машине, один направился к ИЛИА, исчез за дверью.

— Герман, — сказал Максим.

Штирлиц беспрекословно вылез из микроавтобуса, распахнул дверь перед какой-то женщиной («Джентльмен», — проворчал Кузьмич), также исчез в здании. Через минуту заговорила оперативная рация в ухе майора:

— Клиент поднялся на второй этаж, наверное, к себе в лабораторию. Топтун остался в вестибюле.

— Возвращайся, — бросил Максим.

Райхман вышел через несколько секунд, сел в машину:

— Может, захватим того, что в вестибюле? Он все и выложит.

— Это не входит в нашу задачу. Условия усложнились, поэтому будем работать на два фронта. Нужна еще одна тачка. Ваши соображения?

— Угнать какую-нибудь отечественную лайбу, — предложил Кузьмич.

— Прокат, — сказал Писатель.

— Такси, — добавил Штирлиц.

— Не годится, — забраковал все три варианта Максим. — Еще?

— Можно попробовать завести машину клиента, — вставил

слово Шаман. — Он вряд ли догадается заглянуть вечером в гараж.

Мужчины переглянулись.

— А что, — сказал Кузьмич, — хорошая идея. Голова у тебя варит, Иван Дрожжевич. Вот только ключи где мы возьмем? От гаража и от машины.

— Обойдемся.

— Ну, если ты спец по вскрытию, тогда я «за».

Итигилов не ответил, предпочитая обходиться минимумом жестов и слов.

— Хорошо, — подвел итоги совещания Максим. — Гена, пойдешь с Шаманом. Мы подежурим здесь.

Шаман и Писатель вылезли из машины.

Через сорок минут они подъехали к институту на белой «Ниве Шевроле» Гольцова, остановились у торца главного корпуса, чтобы их не увидели пассажиры серой «клюквы».

— Что нового? — поинтересовался по рации Писатель.

— Потеплело, — ответил Максим. — Было минус двадцать шесть, стало минус двадцать. Ваша цель — «клюква». Действуем по обстановке.

— Есть.

Однако в течение дня так ничего и не изменилось. Пассажиры «семидесятки» терпеливо сидели в машине, изредка отлучаясь по одному, и снова ждали. То же самое делали и чекисты, изредка обмениваясь репликами и шутками. Привлекать местное отделение ФСБ Максим не хотел, а без помощи спецслужб определить принадлежность «семидесятки» было невозможно. Поэтому пришлось ждать развязки ситуации.

В семь часов вечера Гольцов вышел из института, зашагал в сторону своего дома.

Серая «клюква» двинулась за ним.

Машины группы Разина последовали за «клюквой».

Гольцов исчез в подъезде, поднялся на свой этаж, скрылся за дверью квартиры.

Один из «топтунов» неизвестной фирмы, взявшей его под контроль, поднялся вслед за Гольцовым, удостоверился, что тот у себя в квартире, вернулся. «Семидесятка» уехала.

— Обладеть можно, — сказал Кузьмич. — На фига им понадобилось таскаться за нашим клиентом, чтобы потом спокойно уехать?

— Вполне возможно, что они передали наблюдение сменщикам, — резонно заметил Штирлиц. — И теперь те следят за клиентом из других тачек.

— Лейтенант, займи пост, — бросил Максим.

Ворча, Кузьмич выбрался из машины, скрылся в подъезде дома напротив. Вскоре наушники раций донесли его скучный голос:

— Я на месте. У клиента гость, похоже — сын.

— Пошарь окулярами по двору, никого подозрительного не видишь?

Минутное молчание.

— Вроде бы все чисто, даже собак народ не выгуливает в такой мороз.

— Хорошо, ждем. — Максим помедлил. — Шаман, поставьте машину клиента обратно в гараж. И присоединяйтесь к нам.

— Сейчас будем.

Через несколько минут в салон «Баргузина» ввалились с облаком пара Шаман и Писатель.

— Дайте чайку горяченького глотнуть, братцы! Ох и надоели эти морозы!

Штирлиц налил из термоса в колпачок горячего зеленого чая, протянул Пашкевичу. Тот залпом выпил, крякнул, хотел было разразиться очередной филиппикой в адрес холодной зимы, и в этот момент Шаман сел прямо, поднял руку, глаза его стали черными.

— Тихо!

Все замолчали, посмотрев на него, застыли.

— Включите «Беркут»!

Максим выдернул из сумки футляр прибора, включил сканер.

Стрелка на циферблате «Беркута» ушла за красную черту, нижняя зеркальная полоска, сигнализирующая об интенсивности торсионного излучения, налилась красным.

— Ни хрена себе! — прошептал Писатель.

— Что с клиентом? — вызвал Максим Кузьмича.

— Сидит в кресле, — отозвался Бурков. — Похоже, спит. Правда, дергается иногда, как эпилептик. Наверное, сон плохой видит.

— Ничего себе сон! — пробормотал Штирлиц. — Не нравится мне это. Может быть, товарищ Гольцов колдует сейчас, на кого-нибудь порчу наводит?

— Давайте поднимемся к нему и допросим, — предложил Писатель. — Все равно полковник приказал его напугать. Вот мы и напугаем.

Стрелка на циферблате «Беркута» пошла влево, покинула красный сектор, упала до нуля. Сигнализатор мощности поля сменил цвет на желтый, посветлел. Что бы ни делал Арсений Ва-

сильевич Гольцов в своей квартире, свой сеанс «серой магии» он завершил.

Максим с любопытством посмотрел на Итигилова:

— Иван Дрожжевич, как ты ощущаешь психопоток? Ведь ты учуял вспышку поля раньше сканера.

Шаман пожал плечами:

— Вряд ли раньше, просто сканер был выключен. Не знаю, как вам это объяснить. Словно звезда на темном небосклоне разгорается, пускает прозрачные кольца света. Хотя глаз этот свет не видит.

— М-да, объяснил, — хмыкнул Писатель. — Если глаза не видят, то чем же ты видишь звезду?

Шаман не ответил.

— Кузьмич, посмотри повнимам... — начал было Максим, но его перебил телефонный звонок.

— Майор, я же сказал: отбой операции, — прогундосил в мембране мобильного голос полковника Пищелко. — Возвращайтесь.

— Но тут у нас появились новые обстоятельства, — заикнулся удивленный решением начальства Разин.

— Что еще?

— За объектом еще кто-то следит, кроме нас. На серой вазовской «клякве» с питерскими номерами.

— Вы уверены?

— В таких делах мы не ошибаемся. «Топтуны» проводили клиента до дома и уехали.

Пауза.

— Черт с ними, возвращайтесь.

— Но ведь надо же выяснить...

— Это не вашего ума дела, майор! Жду вас завтра с докладом! Все!

Связь прекратилась.

Сбитый с толку Максим посмотрел на лица подчиненных, в глазах которых читался интерес.

— Похоже, начальство выдергивает нас отсюда, — прокомментировал новость Писатель, из реплик командира поняв, о чем идет речь.

— Возвращаемся, — со вздохом кивнул Разин. — Приказано свернуть наблюдение и доложить.

— Черт знает что! — взорвался Штирлиц. — Только наметилось что-то явно нестандартное. Я не фанат «наружки», да еще в такую погоду, однако дело надо доводить до конца. Выяснить, кто следит за клиентом, с какой целью...

— Отставить, капитан. Мы люди подневольные, велено воз-

вращаться, берем под козырек и возвращаемся. Хотя мне тоже непонятно, в чем дело.

— Такое впечатление, что полковник знает, что происходит, — пробормотал Штирлиц.

— Может, это параллельная контора вышла на клиента? — предположил Писатель. — Грушники там или военная контрразведка.

— Чего гадать на кофейной гуще.

— Странно все это, — покачал головой Райхман.

— Эй, что там у вас делается? — подал голос Кузьмич. — Клиенту, между прочим, кто-то звонил, после чего он сделался кислым и бледным. Говорил я вам, надо прослушку установить, сейчас бы знали, о чем шел разговор.

— Сворачивай лежку, — приказал Максим. — Уходим.

— Как уходим?! Куда?!

— По желуда. Домой. — Не слушая больше лейтенанта, Максим выключил рацию и повел машину к подъезду соседнего дома. Вопросов в голове роилось много, но ни на один из них не было ответа. Зато появилась мысль позвонить дочери Гольцова и предложить встретиться в Москве. А при встрече осторожно расспросить ее об отце. Вполне могло быть, что она знает, чем занимается Арсений Васильевич в свободное от работы время. Тогда можно было бы сориентироваться поточнее и предложить начальству свой вариант работы с клиентом. И с теми, кто стал за ним следить.

Через полчаса группа в мрачном настроении упаковала вещи в гостинице и выехала за пределы Жуковского.

К дому Максим подъехал в начале второго ночи. Отпустил подчиненных, пожелавших ему «сладких снов». Постоял в подъезде, отчего-то не решаясь подняться на свой этаж. Подумал с усмешкой: неужели я боюсь?

Конечно, боишься, ответил внутренний голос. Боишься в первую очередь очередного скандала, и с одной стороны, это правильно, потому что скандалы отнимают много нервной энергии и заставляют готовиться к неизбежному. А с другой стороны, неправильно, потому что жены не должны встречать мужей как непрощенных гостей. Разве что — чужих мужей.

Максим улыбнулся, расправил плечи, взбежал на третий этаж, открыл дверь своим ключом, стараясь не шуметь.

В кухне и в гостиной горел свет. Слышались голоса, смех. Пахло пригорелым тестом. Жена никогда не умела готовить блины, мелькнула флегматичная мысль, они у нее часто пригорают.

Он кинул взгляд на чужие мужские ботинки, на дубленку и шапку, прошел в гостиную, остановился.

Варвара в одном прозрачном пеньюаре сидела на диване, поджав ноги, рядом с молодым человеком приятной наружности, на котором хорошо смотрелся халат Разина с воздушными шарами. Был молодой человек плотен, чуть полноват, белобрыс и голубоглаз. Прямой нос, широкие скулы, чувственные губы, длинные волосы. Викинг, право слово, мужественный и сильный. Разве что мускулы жирком подзаплыли, а так — викинг.

— Здравствуйте, — вежливо проговорил Максим.

Произошла немая сцена.

Воркующие «голубки» резко отодвинулись друг от друга. Викинг вскочил, бледнея. Встала и растерянная Варвара с округлившимися глазами:

— Ты?!

— Я, — подтвердил Максим, разглядывая гостя.

— Но ты же должен был... через два дня... не предупредил даже...

— Извини, так получилось. Это он?

— Кто?

— Любовник, разумеется. Тебя видели пару раз вместе с ним. Или это просто друг заглянул на огонек? Так сказать, утешить и скрасить одиночество?

Викинг набычился, сжал кулаки:

— Вы... не знаете...

— Чего же я не знаю?

— Мы... друзья с Варей... да...

— И поэтому практически раздеты. Понимаю. Жарко.

Викинг исподлобья посмотрел на Варвару, лицо которой изменилось, стало злым и некрасивым.

— Прекрати ерничать, Максим! Это Эрик... мы учились вместе...

— Пошел вон! — ровным голосом сказал Максим.

— Что?! — не понял викинг.

— Я сказал: пошел вон!

— Максим! — шагнула к нему Варвара. — Сейчас же прекрати! Эрик никуда не уйдет!

— Здесь пока еще я хозяин. Поэтому — вон!

— Вы тут... не командуйте. — Викинг откашлялся, приобретая уверенность. — Мне Варя рассказывала, как вы себя ведете...

Максим шагнул к нему, крутанув желваки, и парень отшатнулся, меняясь в лице.

— Поробуйте ударить! Я... вас...

Максим смерил его взглядом, привычно выбирая точку удара, усмехнулся, качнул головой:

— Ты не стоишь моего гнева, мальчик.

Варвара встала между ними:

— Максим, я вызову милицию! Отойди!

— Вряд ли в этом есть необходимость.

Он обошел супругу, открыл дверь в спальню, отметив раскрытую и смятую кровать, еще хранившую жар двух тел. Собрал личные вещи, кое-что из одежды, побросал в спортивную сумку.

— Что ты собираешься делать? — возникла на пороге Варвара.

Максим посмотрел на нее с прищуром. Фигура у жены была великолепная, но все же полноватая, погрузневшая. Варвара любила хорошо поесть и не отказывалась от сладкого. Перед глазами проплыло видение — другая женщина, дочь Гольцова, почему-то грустная. Он поспешил прогнать видение.

— Пожалуй, я оставляю вас на какое-то время. Вернусь завтра вечером, поговорим.

— О чем?

— О разводе, разумеется, и о других приятных вещах. О разделе квартиры, к примеру.

Глаза Варвары сузились.

— Этого не будет!

— Посмотрим. — Максим отодвинул ее плечом, прошагал через гостиную, не глядя на застывшего столбом гостя, на пороге оглянулся, снял со стены офорт с лесным пейзажем, подарок мамы, сунул в сумку:

— Доброй ночи, судари и сударыни.

Вышел, тихо закрыл за собой дверь. Постоял, прижимаясь к ней спиной. Вспомнилась шутка юмориста: если у тебя прекрасная жена, офигительная любовница, крутая тачка, нет проблем с налоговой инспекцией, а когда ты выходишь на улицу — светит солнце и улыбаются прохожие, скажи — нет!

Максим улыбнулся. Похоже, он только что решился на этот шаг. Правда, жизнь удалась не столь радужной, как у персонажа шутки, но, с другой стороны, может быть, оно и к лучшему?

Захотелось позвонить Марине, дочери Гольцова, «поплакать в жилетку». Однако он пересилил себя, расправил плечи, сбежал по лестнице вниз. И уже из подъезда позвонил Писателю, предупредить, что едет к нему ночевать.

Дощечка вторая

ПОСВЯЩЕНИЕ

ПРОХОДЯЩЕЕ

Лучи солнца ощутимо греют кожу на лице.

Снег стал рыхлым, пористым, грязноватым. На завалинке, с южной стороны дома, появились ажурно-кружевные фестончатые льдинки, дотронешься — они рассыпаются с тихим звоном. То и дело падают сосульки с крыши. Капель играет дивную музыку, музыку весны.

Арсений сидит на ступеньке деревянной лестницы у сарая, спине холодно, лицу под солнцем тепло. В душе — ожидание чего-то, чему нет объяснений, и вместе с тем ожидание лета, отдыха, исполнения желаний, встреч с таинственной космической жизнью. В голове беззвучно всплывают мечты и лопаются, как мыльные пузыри.

Так бы и сидел часами, переживая тихую радость пополам со сладкой печалью уходящего детства...

— Арсик! — слышится зов бабушки. — Где ты?

Два часа дня, пора обедать. А он сидит и почти не дышит, замороженный превращением зимы в иное состояние, обещающее чудесные открытия...

Через неделю снег сошел окончательно, остались лишь кое-где ледяные языки, истекающие слезами под лучами апрельского солнца.

Он сидит на корточках на крыльце у соседки и смотрит на глубокую, чуть ли не с полметра, талую воду под стеной дома. Вода прозрачна до самого дна — летом здесь будет расти густая трава — и медленно уходит под забор, на огород. Арсению кажется, будто это не вода, а само время, текущее в неведомые бездны пространства. Он опускает в воду руку и вздрагивает, так она обжигающе холодна. А ветерок — теплый уже, ушли зимние морозы, унесли заботы и радости зимы. Апрель, середина весны...

Арсений Васильевич посмотрел на календарь, висевший на стене. Шестнадцатое апреля, середина весны. Но как же с тех пор изменился мир! Даже климат изменился, весны в центре русских равнин (и в Подмосковье тоже) стали холоднее, а погода непредсказуемее. Почти все перестали верить Гидрометеослуж-

бе, редко угадывающей температурные колебания даже в пределах суток. Что поделаешь, надвигается новый ледниковый период, как утверждают одни ученые. Или, как утверждают другие, идет глобальное потепление, связанное со сменой полюсов. Хотите верьте первым, хотите вторым, как кому подсказывает интуиция.

Арсений Васильевич усмехнулся, начиная собираться на пятничные занятия волейболом. Тренировка начиналась после работы, в шесть часов вечера, и он уже опаздывал. Размышляя над своими проблемами, Гольцов подхватил сумку со спортивными принадлежностями, закрыл кабинет и двинулся к спортзалу, рассеянно отвечая на приветствия попадавшихся навстречу сотрудников института.

Прошло два с половиной месяца с момента разговора с одним из «хороших людей», сосватавших его на роль экзора, оператора внешней коррекции неведомо где располагавшегося мира под названием Карипазим. В памяти часто всплывали слова собеседника: «У вас же есть дети, Арсений Васильевич, внучка, подумайте о них, если не хотите думать о себе». Он подумал. Не один раз. И не то чтобы испугался, но все же решил не рисковать. Детей он любил, несмотря на их образ жизни и другое мировоззрение, а во внучке души не чаял. Они не должны были пострадать, чем бы он ни занимался.

Да, он не испугался угроз неизвестного «благотелья», понимая, что много лет назад скорее всего неправильно оценил и понял слова деда, предупреждавшего о появлении «хороших людей». Слишком велик был авторитет деда Терентия, загипнотизировавший внука так, что тот принял гостей именно за тех самых «хороших людей». Арсений ошибся. А менять что-либо было уже поздно. Он слишком глубоко увяз в болоте чужих проблем, решая их как свои, а понимать суть процесса стал только сейчас. Очень хотелось изменить подходы к проблеме коррекции, сделать так, чтобы войны на Карипазиме прекратились. Но он был связан по рукам и ногам обещанием «прекратить самодеятельность, исправить положение дел и вернуть процесс коррекции в прежнее русло». За всем этим стояла некая беспощадная сила, которая вряд ли ограничится одной только угрозой в отношении детей. А что она могла предпринять, угадать было несложно.

Он отступился. Перестал выходить в сферу прямого контакта с **з а п р е д е л ь е м**, перестал следить за миром Карипазима через обычную систему человеческих чувств. Снова во время сеансов он работал в виртуальном «поле оперирования», равняя «положительные и отрицательные потенциалы», нейтрализуя наступ-

ление «темноты» или — в равной степени — вспышки «светлых зорь».

Однажды он все же рискнул и «тихонько» просочился в мир Карипазима (это и в самом деле был в высшей степени странный объект — бесконечная равнина, плоскость, как бы отграничивающая небо, местный космос, от неведомых подземных бездн), но быстро убрался оттуда, убедившись, что там по-прежнему идет война. Все его попытки поддерживать равновесие (равновесие чего — он так и не понял) сводились к уничтожению тех или иных противоборствующих контингентов. Хотя даже этот процесс был не слишком понятен, так как реализовывался системой, которую опекал Диспетчер. Гольцов же, как линейный оператор, лишь манипулировал потоками энергии, распределяя их — соответственно по векторам коррекции. Дальнейшее от него практически не зависело.

А вот слабенький вопль о помощи — нечто вроде детского плача, он забыть не смог и часто вспоминал этот «виртуальный звук», силясь представить его источник. Перед глазами возникало заплаканное личико Стеши... и он суеверно и поспешно переклюкал внимание на другие дела, чтобы «не сглазить» будущее девочки. В такие моменты казалось, что его мысли кто-то подслушивает и может каким-то образом наказать ту, которая была для него дороже всего на свете.

«Черная полоса» неудач в жизни потихоньку прошла.

Сын устроился на работу, повеселел. Звонить стал чаще, а однажды пригласил отца в ресторан — с первой зарплаты, что было очень приятно.

А дочь Марина неожиданно (или скорее ожидаемо) ушла от мужа, подала на развод и теперь ждала решения суда. Оставаться в одной квартире с Вадимом она не захотела и до раздела имущества решила снимать угол. Кто-то из приятелей помог ей найти двухкомнатную квартиру, и теперь она с дочкой жила на проспекте Жукова, в новостройке напротив «Макдоналдса». Арсений Васильевич еще в феврале навестил их, привез две упаковки мороженных фруктов и остался ночевать, довольный тем, как его встретили.

Вообще, с морожеными фруктами у него были связаны теплые воспоминания.

Он уже был женат на Милославе, она ждала ребенка, находясь в Чернаве у родителей, и Арсений, сдав зимнюю сессию, поехал к ней. Сошел с поезда в Топиллах, поискал попутный транспорт, не нашел и решил добираться до деревни пешком.

Морозец стоял веселый, градусов за десять, светило солнце, снег искрился и сверкал, на душе пели птицы — он жаждал

встречи с женой, и настроение было приподнятое. Однако свежий воздух, солнце и снег сыграли неприятную шутку. На восьмом километре наступило сахарное голодание, как говорят спортсмены, голова закружилась, колени задрожали, и Арсений был вынужден остановиться, дыша, как рыба, вытасненная из воды на берег.

Кругом ни души, поле, пологие холмы, перелески, снег от горизонта до горизонта, но не было сил смотреть на все красоты русской зимы, и тогда он достал из сумки пачку замороженных персиков, которую вез из Рязани жене полакомиться, и съел.

Впрочем, Милослава не обиделась. Главное, что он дошел, живой и невредимый, невзирая на стужу и расстояние, разделявшее их...

Сердце защемило.

Арсений Васильевич даже остановился, глядя перед собой невидящими глазами. Господи, кто бы помог вернуться в то время, хотя бы на минуту, хотя бы на миг?..

Его окликнули, стукнули по плечу — в зал сходились любители волейбола, и он направился в раздевалку.

Игроков набралось на три команды, поэтому играли на вылет. Команде Арсения Васильевича удалось продержаться четыре партии, потом она проиграла, и Гольцов решил больше не участвовать в битве заядлых игроков. Захотелось домой, в тишину и уют, хотя усталости он не чувствовал. Да и играл лучше, чем обычно, не раз удивив соперников и соратников по площадке, доставая «мертвые» мячи или же выигрывая в нападении дуэль с блокирующими соперниками.

Дома Арсений Васильевич принял душ, уселся было в любимом кресле с книгой в руках.

Но тут в дверь позвонили.

Пришлось вставать, преодолевая нежелание двигаться и говорить о чем-либо с соседом.

Бывший полковник ФСБ был мрачен и непривычно задумчив. В руке он держал двухлитровую пластиковую бутылку нового пива «Злотникофф».

— Хочешь? — протянул бутылку Феликс Константинович.

— Нет, спасибо, — отказался Арсений Васильевич, не предлагая гостю пройти в квартиру.

— Можно, я у тебя посижу пару минут, пока супруга нежится в ванне?

— Посиди, — согласился Арсений Васильевич скрепя сердце. — Что нового в мире?

Они сели: Гольцов в кресло, сосед на диван.

— Ничего хорошего, — буркнул Феликс Константинович,

отпивая полбутыли сразу. — Сплошные теракты и военные конфликты. Мир взбесился! Не иначе Земля-старушка решила избавиться от человека как от вида.

Арсений Васильевич насторожился: слова соседа были созвучны с теми мыслями, которые одолевали самого Гольцова в отношении мира Карипазима. Конечно, это было просто совпадение, но совпадение разительное: и на Земле, и на Карипазиме шла война! Люди воевали друг с другом, и существа Карипазима воевали, уничтожая друг друга. Не есть ли это следствием того, что Землей тоже управляет некий оператор?..

— Прочитал недавно в газете, — оживился полковник, отпивая еще треть бутылки. — Бред полный! Один американский деятель, не то Хап, не то Хоп¹, основал корпорацию и торгует участками лунной поверхности. Представляешь? Полсотни тысяч баксов одна сотка. Успел осчастливить уже больше двух миллионов человек во всем мире. И ведь покупают, идиоты!

— Почему же идиоты? — пожал плечами Арсений Васильевич. — Если все бумаги оформлены по закону, владельцы в будущем смогут полететь на Луну и обустроить частные владения. Разве что с юридической точки зрения это незаконно.

— В том все и дело, что вроде бы как законно, — скривился Феликс Константинович. — Этот Хап усмотрел в договоре ООН какую-то брешь, что присвоение Луны запрещено только государствам, но не частным лицам. И торгует!

— Пусть торгует, — улыбнулся Арсений Васильевич горячности соседа. — До освоения Луны еще далеко, а к тому времени, когда это станет возможно, юристы ООН что-нибудь придумают, чтобы такие, как этот Хап, не смогли продать всю Солнечную систему.

— Все равно это дерьмо, а не люди! Все продадут, и дом, и машину, и участок, и родину, и мать с отцом!

— Тут я с тобой полностью согласен.

— Может, выпьем чего-либо по маленькой? Наши в футбол продули...

— Кому?

— Да испанцам, чтоб их кошки драли! А могли и выиграть, здорово мяч катали.

Арсений Васильевич достал из буфета початую бутылку армянского коньяка, налил в стопочки по двадцать граммов. Чокнулись, выпили. Глаза Феликса Константиновича заблестели.

— Хорошо покатился! Приятная вещь коньяк. Налей еще.

¹ Денис Хоуп, хозяин корпорации «Лунар эмбасси», основанной в 1980 году.

Арсений Васильевич налил. Коньяк мягким шариком прокатился по пищеводу, упал в желудок, но ударил почему-то не в пятки, а в голову. Гольцовым на некоторое время овладел приступ легкой приятной эйфории. Захотелось петь. Но Арсений Васильевич сдержал свой вокальный порыв.

— Слушал нашего футбольного комментатора, — продолжал между тем сосед, — и плакал от смеха. Не знаю, где они учатся все, эти комментаторы, но им вполне можно выступать на эстраде. Всех перлов я не запомнил, но некоторые даже не хуже шуток Миши Задорнова.

— Ну-ну? — поощрил полковника Арсений Васильевич.

— Ну, к примеру, такое: «Рауль пожертвовал своей головой ради команды». Или вот: «Рууд прыгнул, но Пуель уже занял место в воздухе».

Арсений Васильевич улыбнулся:

— Нормально.

— Еще вспомнил: «Плохо упал, но ничего, в следующий раз получится». Хорошо сказал, да? Или вот: «Рууд головой играет на четверочку, зато внизу безупречен». А такой как тебе? «Он, конечно, хотел дотянуться до мяча, но нечем».

Арсений Васильевич засмеялся, хотел было в ответ рассказать анекдот про футбольных судей, но в этот момент в дверь постучали, и в прихожую вошла жена Феликса Константиновича, в халате, с тюрбаном из полотенца на голове. Прошла в гостиную, окинула замерших мужчин подозрительным взглядом.

— Извини, Арсений Василич, за вторжение. — Палец соседки вытянулся в сторону мужа. — Иди домой, алкоголик, на минуту нельзя одного оставить!

Феликс Константинович покорно встал, глянул на рюмку в руке, поколебался, потом решительно опрокинул коньяк в рот и шмыгнул мимо жены к выходу.

— Не давай ты ему больше этой отравы, — покачала головой Софья. — Сопьется ведь, слабый он на самогон. Хорошо хоть не буянит.

— Не буду, — пообещал Арсений Васильевич.

Соседи ушли, в квартире стало тихо. Однако настроение у Арсения Васильевича только повысилось градус, стало боевым. Надо отстаивать свою свободу, подумал он. Всех ставить на место — и дело с концом!

Кто-то посмотрел на него с презрительным недовольством.

Арсений Васильевич поднял голову, соорудил из пальцев кукиш, показал потолку:

— Вот тебе! Думаешь, подчинил? Считаешь себя хозяином, пастухом? Я тебе не овца! Сам себе хозяин! Понял?

Он не знал, с кем разговаривает, то ли с Диспетчером, то ли с его боссом, но был уверен, что они его слышат.

— Надоели все хуже горькой редьки! К черту вашу коррекцию! Я сам могу... не буду больше работать на дядю... слышите? Отстаньте от меня! А тронете кого из детей — в узел завяжу!

Рюмка в руке вдруг разлетелась стеклянными брызгами. Арсений Васильевич уставился на залитую коньяком ладонь, ухмыльнулся:

— И так будет с каждым!

Захотелось доказать всему миру, что он действительно обладает с и л о й и самостоятельно может управлять процессами и потоками энергии з а п р е д е л ь я.

В канал связи, соединяющий земную реальность (и Вселенную) с иной, он вошел почти мгновенно, одним мысленным усилием. Задавил возникший в голове голос обалдевшего Диспетчера («Остановись, кретин, не нарушай договор, все испортишь!») и выплыл над бесконечной равниной Карипазима.

Сознание раздвоилось.

Одна половинка видела черно-звездное поле виртуальной нейтрализации «черного и белого», вторая контролировала физический мир Карипазима. Душу охватил небывалый подъем. Показалось, что он может в с е: казнить и миловать, стирать с лица Земли города и строить новые, убивать и воскрешать, уничтожать миры и создавать их!

«Держитесь, вояки! — мысленно воскликнул Арсений Васильевич. — Я вам сейчас покажу!»

Поле коррекции перечеркнула сеть светящихся линий. Арсений Васильевич не стал нейтрализовать черные шупальца и белые фонтанчики, а просто ограничил их рост энергетическими «стенками». Затем выбрал самые значительные очаги сопротивления — огромную черную медузу и сияющего белого ежа — и соединил их радужным мостиком, вложив в него всю свою силу и волю, которыми обладал. Мост этот имел только одно значение, символизируя предложение остановить конфликт и начать мирные переговоры.

На уровне же физической реальности Карипазима воздействие оператора выглядело по-другому.

Внезапно прекратили извергать дым и пламя гигантские кратеры. Опали искрящиеся фонтаны текучей субстанции, похожей на смесь газа и воды. Движение цветных струй и потоков замедлилось. В непрерывно изменяющемся океане текучих форм выросли золотистые островки сравнительного спокойствия. С десятков их объединились в единую, вздрагивающую и колышущуюся, но относительно прочную структуру, напоминающую по

форме морскую звезду, а в тысяче миль (или, может быть, астрономических единиц, световых лет, парсеков) возникла такая же звезда, только багрово-фиолетовая, усеянная вспыхивающими алыми огоньками. Между ними проскочила «искра» — нечто вроде разряда гигантской молнии, но не погасла, а преобразовалась в дрожащий ажурный световой мост. А затем от золотой и багровой структур отделились пульсирующие эллипсоиды соответствующего цвета и двинулись по мосту навстречу друг другу.

Арсений Васильевич вскинул вверх руки — так можно было оценить его состояние — и ликующе крикнул:

— Ура!

Мост и плывущие по нему световые эллипсоиды означали: в мире Карипазима наступило перемирие.

Сознание вдруг закружилось, свет перед глазами померк. Силы оператора иссякали. Пора было возвращаться. Последним усилием Арсений Васильевич соорудил на мосту «беседку» для переговоров двух извечных врагов за пределами и свернулся колючком, растворяясь в эфирном канале возвращения.

Очнулся он в любимом кресле за три минуты до полночи и трезво подумал, что на этот раз ему это с рук не сойдет. Он вновь переступил границу дозволенного, нарушил планы Диспетчера и его команды. Каковой будет расплата, думать не хотелось.

— Завтра, завтра, — пробормотал он, с трудом выкарабкиваясь из кресла.

Умылся, размышляя о причине, толкнувшей его на бунт против неведомых хозяев системы коррекции, доплелся до кровати и рухнул лицом вниз. Сон упал на голову могильной плитой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Самолет вылетел на час позже — по причине тумана в аэропорту Улан-Удэ, и Максим наконец расслабился, утомленный двухсуточной нервозностью. Пятнадцатого апреля начальство вдруг потребовало вернуться в столицу Бурятии и доставить в Москву монаха-экстрасенса, работающего на местную мафию. В прошлый раз, три месяца назад, экспедиция группы Разина в Улан-Удэ закончилась безрезультатно, так как, по словам начальника Иволгинского дацана, этот монах на самом деле работал «разведчиком» монастыря, предупреждая монахов о преступных замыслах бурятского криминалитета. Группу вернули в Москву, и Разин забыл о бесполезном походе на Улан-Удэ. Однако по каким-то соображениям руководству ФСБ все же захотелось познакомиться с монахом поближе, и группе Максима

было приказано найти и тихо изъять «разведчика-экстрасенса» из «криминального оборота». Что группа и сделала за двое суток. И вот наконец самолет поднялся в воздух, имея на борту кроме обычных пассажиров пятерых чекистов и монаха.

Места заняли таким образом: монах, Шаман и Максим — в одном ряду, Кузьмич, Штирлиц и Писатель — за ними.

Молчавший все это время молодой монах (во время захвата он не сопротивлялся, да и Шаман поспособствовал, заговорил с ним на родном языке, объяснил причину задержания) вдруг разговорился с Шаманом, но поскольку беседа шла на бурятском, Максим вскоре перестал прислушиваться, задремал. Проснулся же от того, что собеседники рядом замолчали.

Он открыл глаза.

Оба смотрели на него.

— В чем дело? — хриплым голосом осведомился он.

Молодой монах — звали его Индоржийн Цабха — что-то проговорил.

Шаман с интересом посмотрел на него, перевел взгляд на майора.

— О чем речь? — нахмурился Максим.

— Индоржийн говорит, что тебя ждет резкий жизненный поворот.

— Какой еще поворот?

— Ну, он точно не знает, но уверен, что твоя судьба скоро даст крен. Так что будь готов.

— Он по-русски не говорит?

— Мало-мало, — произнес монах гортанно. — Ты на край перемена... быть неприятность... быть осторожный совсем, ждать.

— Чего именно ждать?

— Неприятность начальник, также лично. Внимание быть хорошо.

— Непонятно, но все равно спасибо за предупреждение. — Максим откинулся на спинку кресла, размышляя, какую еще свинью ему подложит начальство. В том, что оно способно это сделать, Разин не сомневался.

Монах снова что-то сказал. Шаман ответил, дотронулся до локтя Максима:

— Командир, он предлагает помочь тебе восстановить силы.

— Каким образом?

— Это нечто среднее между акупунктурой и точечным массажем.

Монах показал пальцем на шею Разина:

— Здес точка, нажат количество и успокаивать. — Он добавил несколько слов на бурятском, выжидательно глянул на Шамана.

— Я знаю, это действует, — кивнул Итигилов. — Если надавливать пальцами обеих рук на определенные точки от темени к шее, то эта процедура снимает головную боль, общую усталость, убирает сонливость и слабость. Используется цириками для мобилизации перед боем.

— Кем-кем?

— Цирики — военные люди, спецназовцы, одним словом.

— А он не попытается меня зазомбировать?

— Зачем ему это надо? — удивился Шаман.

— Восток — дело тонкое, как говорил красноармеец Сухов.

— Монахам ты не нужен в качестве зомби, — усмехнулся Иван-Доржо.

— Хотелось бы верить. Что ж, пусть попробует.

Максим пересел на место Шамана, подставил шею. Индоржийн потряс кистями рук, ловко прошелся по темени Разина, как бы разминаясь, и принялся нажимать найденные точки за ухом и на шее. Это было приятно, чего греха таить, Максим любил массаж и часто прибегал к услугам массажистов в саунах и банях. Но массаж бурятского монаха кроме удовольствия нес и другие ощущения, и вскоре Максим почувствовал, что спать ему не хочется, по жилам быстрее побежала кровь, голова просветлела, посвежела, обострилось зрение и обоняние.

Монах отнял руки, снова потрянул кистями, заговорил на родном языке.

— Достаточно, — перевел Шаман. — В бой тебе в ближайшее время не идти, поэтому дальнейшая стимуляция организма вредна. Ты и так сутки будешь чувствовать себя окрыленным. Кстати, этому массажу можно обучиться и делать его самостоятельно.

— Было бы здорово. Может быть, уговоришь его дать координаты активных точек?

— Попробую.

Максим пересел на свое место у прохода, прислушиваясь к своим ощущениям. Радость обладания неплохим мышечным каркасом не проходила. Хотелось что-то делать, заниматься физическими упражнениями, играть в футбол или на крайний случай просто двигаться. Однако в самолете особенно не поиграешь в футбол, и Максим переключил мысли на другие темы.

— Командир, — наклонился к его уху Штирлиц, — что это он тебе делал?

— Массаж, — односложно ответил Максим.

— Давление подскочило? Я слышал, что такой массаж снимает головную боль.

— Снимает.

— А мне он то же самое не повторит?

— И мне, — всунул голову между спинками кресел Кузьмич.

— Отставить галдеж! — сказал Максим без раздражения, но строго. — Он не работает штатным массажистом конторы. Прилетим, я сам сделаю всем массаж головы.

Подчиненные переглянулись и отстали. Скорее всего они поняли командира по-своему, зато больше не приставали.

В Москве группу встретили двое посыльных из Отдела, которым Разин и сдал сопровождаемый объект. Монах-экстрасенс уехал, бросив на Максима странно задумчивый взгляд. Но майора это не огорчило, он все еще находился под воздействием «внутреннего наркотика» — эйфорического прилива сил, и думал не о предупреждении монаха, а совсем о другом.

Высадили его у метро «Сокол», где он снимал квартиру после развода с женой два месяца назад. И первое, что сделал Максим, — позвонил Марине.

К сожалению, близкими их отношения так и не стали. Обоим мешал «хвост» воспоминаний (ему меньше, ей больше), заботы, некие условности, моральные установки, привитые «правильными» родителями. К тому же еще были свежи в памяти эпизоды совместной жизни: Максима с Варварой, Марины с Вадимом. Известный закон психологии: помнится чаще всего только хорошее, плохое забывается быстрее. Вдобавок ко всему у Марины была дочь, которая все понимала, и травмировать ее психику встречами с «чужим дядей» Марина не хотела, так как до конца не разобралась в своих чувствах к Максиму. И тем не менее обоих тянуло друг к другу, и они изредка находили время, не чаще двух раз в месяц, чтобы встретиться.

— Привет, — сказал Максим с забившимся сердцем, услышав милое «але». — Как дела?

По-видимому, она обрадовалась звонку, потому что голос женщины дрогнул:

— Привет. Я уж думала, ты меня забыл, не звонишь уже почти месяц.

— Всего полторы недели и два часа. Но ты же знаешь афоризм: если вам долго не звонят родственники или друзья, значит, у них все хорошо.

— У тебя все хорошо?

— Я соскучился. Очень!

— Странно, с чего бы это?

— Погода весенняя.

— Ну, разве что.

— Боюсь показаться навязчивым, но почему бы нам не

встретиться сегодня вечером? Сходим в ресторан, посидим, побеседуем.

— Знаешь, это было бы замечательно, давно не была в ресторане.

— Правда? Здорово! Куда пойдем?

— Куда угодно, ресторанов в Москве больше тысячи. Но я предлагаю пойти в «Кино», есть такой клуб на Олимпийском проспекте.

— Знаю, но туда без клубных карточек нас не пропустят, — засомневался Максим.

— У меня есть карточка, осталась от... одного знакомого.

— Тогда нет проблем. Могу заехать на работу или домой.

Куда подать транспорт?

— На Жукова.

— Дом номер четырнадцать. В котором часу?

— Лучше всего около восьми.

— Мне нравится это «около восьми». Плюс-минус час?

— Ровно в восемь.

— Хорошо, как скажете, буду. А Стешу с кем оставишь?

— Подруга посидит.

— Может, возьмем ее с собой?

Марина помолчала.

— Нет... в другой раз. Спасибо.

— Буду ждать. — Максим выключил телефон, задумчиво походил по спальне, поглядывая на часы, унял волнение, поднявшееся в душе от разговора с женщиной, которая оставалась желанной и недоступной, потом начал собираться.

«Кино» по сути представлял собой бильярд-клуб и слыл одним из самых респектабельных заведений Москвы подобного типа, закрытых для тех, кто не имел отношения к искусству и шоу-бизнесу. Максиму не довелось побывать там ни разу, ни по долгу службы, ни ради любопытства. Хотя он знал, что клуб посещают многие известные актеры, режиссеры, телеведущие и шоумены. Однако едва ли эти люди каждый раз надевали смокинги и галстуки-бабочки. Столичная богема удивительно демократична, а иногда вызывающе беспардонна. Во всяком случае, Максим бы постеснялся заявиться куда-либо в присутственное место небритым и в грязной рубашке навыпуск, поверх таких же джинсов. Поэтому он выбрал вельветовый пиджак в тонкий рубчик, светло-серого цвета, узкие прямые брюки в тон пиджаку и тонкую шелковую рубашку цвета беж. В молодости Максим любил модно одеваться и по сей день не переболел этой болезнью.

Туфли он надел с узкими носами и красивыми замшевыми вставками.

Оглядел себя в зеркале и остался доволен: до молодого денди уже не дотягивает, но в принципе еще есть порох в пороховницах. Тридцать пять лет с ходу не дашь.

Без четверти восемь он подъехал к дому номер четырнадцать на проспекте Жукова. Дачный сезон еще не начался, хотя погода стояла прекрасная — плюс двадцать, легкий ветерок, редкие облака, солнце, но все же по субботам автомобильная жизнь столицы замирала, и пробок на дорогах становилось меньше. А по воскресеньям кататься по Москве было одно удовольствие.

Марина выпорхнула из подъезда ровно в восемь.

Максим вышел из машины, галантно распахнул дверцу, разглядывая женщину.

На ней был классический двубортный тренкот с широкими лацканами и отлетной кокеткой на спине, белого цвета, до колен, очень экстравагантный. А также берет, высокие сапоги-чулки и сумочка с расцветкой леопарда. В этом наряде Марина выглядела молодо и эффектно, тем более что у нее была стройная фигура и лицо феи утренней зари. Она была просто умопомрачительно красива, и Максим с трудом удержал себя от лишних слов. Протянул ей букет роз, поцеловал пальцы.

Она кинула взгляд на его костюм, и по выражению глаз он понял, что Марина не ожидала увидеть на нем соответствующий стилю заведения наряд.

Усадив спутницу, Максим сел сам и повел машину к центру города, по Хорошевке, по Третьему кольцу и к Олимпийскому проспекту. Пока ехали, говорили мало. Марина пожаловалась на шумных соседей, — и Максим, посочувствовав, рассказал ей о своем друге и подчиненном Геннадии Пашкевиче, который приобрел на Горбушке СД-диск под названием «Месть». Два француза, Иван Дюваль и Жан Ибес, записали на диск хит сезона, содержащий оглушительный грохот отбойного молотка, визг пилы, скрежет мусоровоза, скрип тормозов и гул транспортера. Эту «музыку» долго не выдерживал ни один нормальный человек, поэтому, по мысли создателей «арии», она должна была прокручиваться для надоедливых соседей. Геннадий так и сделал и за три дня отучил своих шумолюбивых соседей затевать скандалы по ночам.

— Французы, между прочим, разбирают «Месть» влет, — добавил Максим.

Марина посмеялась, посетовала, что она побаивается отстаивать свои права на тишину таким способом, и Максим пообещал

ей помочь, поговорить с соседями, а если не поможет, пару раз включить французскую «Месь».

В половине девятого они поставили «Хендэ Революшн» Разина в ряду джипов и «Мерседесов» возле клуба, направились ко входу. Максим взял с собой на всякий случай удостоверение офицера ФСБ, но все обошлось без предъявления документов. Марина показала клубную карточку, и их пропустили.

Под плащом-тренчком на дочери Гольцова оказалось невестомое разлетающееся платье с блестками, делающее Марину невероятно женственной. Колье из белого металла с камешками, браслет такого же фасона и сережки дополняли гарнитур.

На нее оглядывались, кое-кто из гостей здоровался, посматривая при этом на Максима, и он понял, что Марину здесь видели с другим мужчиной. Впрочем, скорее всего это был ее муж.

— Веди, — сказал Максим, когда она взяла его под руку. — У нас есть программа или мы просто поужинаем?

— Можем поиграть в бильярд, если хочешь, можем послушать музыку, сегодня здесь поет Меладзе и «ВИА Гра».

— Я как ты.

— А я хочу просто посидеть за столиком и отдохнуть.

— Тогда пошли сразу в ресторан.

Они направились мимо бара ко входу в зал ресторана.

Взгляд तो и дело выхватывал среди посетителей клуба знакомые лица.

Пробежал вечно юный Дима Харатьян, важно прошествовал отпустивший бороду, но от этого не ставший более серьезным и мужественным Дима Маликов, прошли мимо Никита Михалков с каким-то пузатым и бородатым господином, похожим на Пласидо Доминго. С криками проследовала на второй этаж группа неряшливо одетых молодых людей во главе с солистами известного среди молодежи дуэта «Трень-хрень».

— Все сливки, — заметил Максим вполголоса, кивая на улыбающегося Олега Павловича Табакова, поддерживающего под локоток юную полуодетую даму.

— Еще не все, — улыбнулась Марина. — Модных писателей не хватает и шоуменов, они приходят попозже.

— Кого ты считаешь модными писателями? Кого ругают или кого хвалят?

— И тех, и других. Здесь часто Илья Сенокосов ошиивается, эпатажная личность. Я пробовала читать его опусы — скулы сводит! А многим нравится.

— Как говорил классик: нет той чепухи, которая не нашла бы себе читателя.

— Чехов.

— И я вместе с ним.

Их посадили в уголке зала, между стеклянной вазой с живыми цветами и декоративной колонной. Принесли меню.

Несмотря на субботу, народу в ресторане было мало, что, в общем-то, не огорчило Максима. Все-таки чувствовал он себя не в своей тарелке, находясь под впечатлением встреч с известными личностями.

— Ты какую кухню предпочитаешь? — спросила Марина.

— Вкусную, — улыбнулся Максим. — В таких заведениях огромную роль играет профессионализм главного повара.

— Предлагаю познакомиться с местной грузинской кухней. Здесь работает очень хороший повар, грузин, Вано Чонишвили, его все знают.

— Давай попробуем.

Максим пробежался глазами по рецептам, изучая ассортимент. Мяса на ночь он старался не есть, разве что в тех случаях, когда требовалась физическая нагрузка, но все же на этот раз не удержался и заказал хашламу и аджапсандали.

Марина тоже заказала мясо — харио и чашушули¹.

— Что будете пить? — возник рядом официант в строгом лиловом пиджаке.

Максим вопросительно посмотрел на спутницу:

— Шампанское, вино или что покрепче?

— Сухое красное, — сказала Марина. — Если можно — «Шабли».

— У вас есть «Шабли»?

— У нас есть все, — вежливо подтвердил официант.

— Бутылочку. Я тоже выпью граммов двести.

Официант удалился, принес бутылку, открыл, налил в бокал на полпальца — попробовать. Марина пригубила, кивнула:

— Оставьте.

— К вину нужны устрицы, — сказал Максим.

— Какой категории предпочитаете? — почтительно склонился к нему официант. — Португальские, категории «2», европейские — «два нуля»?²

— Какие посоветуете?

— Европейские круглые.

— Несите. А икры белуги альмас у вас нет?

Официант покачал головой, он был озадачен.

¹ Х а ш л а м а — вареная телятина со свежими овощами; а д ж а п с а н д а л и — овощное рагу; х а р и о — телятина с грецким орехом и зеленью; ч а ш у ш у л и — грибы, жаренные с луком и кинзой.

² Категории «2» весят до 60 г, «00» — до 100 г.

— К сожалению, нет.

— Жаль.

Официант ушел. Марина с интересом посмотрела на Разина:

— Ты понимаешь толк в устрицах?

— По долгу службы, — ухмыльнулся Максим. — Иногда приходится посещать крутые рестораны, да и за бугром я бывал не раз. А устрицы уважали даже древние греки и римляне, знавшие толк в еде. Этот деликатесный моллюск водится только на морском мелководье, там, где реки впадают в море, — он любит сочетание пресной и соленой воды. Особенно устричное фермерство развито во Франции, европейская устрица *остреа эдулис*¹ категории «два нуля» как раз разводится на средиземноморском побережье Франции.

— Ты говоришь как специалист. Может быть, у тебя имеется своя устричная ферма?

Максим засмеялся:

— К великому сожалению, нет. Но я вряд ли смог бы управлять такой фермой. Мне ближе свиноводство и коровники российской глубинки. Я родом из Навли, Брянской губернии. Так что внутри я весь — русская деревня.

— Странно, — задумчиво проговорила Марина.

— Что странно?

— Это папины слова. Хотя вы с ним совсем разные люди.

— Может быть, нас все же что-то объединяет?

— Еще не разобралась. А про какую икру ты говорил?

— Икру белуги альмас. Это я просто выпендрился. Дело в том, что еще совсем недавно за попытку отведать икры изнеженным восточным гурманам отрубали правую руку. Ею мог наслаждаться только один человек в мире — персидский шах.

— А теперь?

— Шахский режим пал, и теперь икру альмас могут отведать и простые смертные. Но она очень дорогая. Я слышал, что стоимость одной порции икры на Национальной неделе салатов в Оксфорде достигала тысячи долларов.

— Ого! Неужели ты ел эту икру?

— Не довелось, — развел руками Максим. — Говорят, ее добывают из белуг, возраст которых перевалил за сто лет, и поэтому у икры удивительно нежный вкус. Так что немного найдется людей, способных заплатить за килограмм икры под двадцать пять тысяч долларов.

— Наши бандиты могут.

¹ *Ostrea edulis*.

— Не только бандиты, крутые бизнесмены тоже, хотя многие из них, отведавших икры белуги альмас, уже сидят.

— Разве между этими явлениями есть какая-то связь? Или икра, как лакмусовая бумажка: съел — значит, ворюга и бандит, садись в тюрьму!

Максим снова засмеялся; близость красивой женщины кружила голову, хотелось шутить, говорить умно и смеяться.

— Такой связи, конечно, нет. Однако позволить себе купить полкило икры альмас может не каждый гурман, зато — каждый «новый русский». А большинство из них — криминальные мальчишки. Но хватит о грустном, давай выпьем за встречу, если не возражаешь.

— С удовольствием.

Они чокнулись, сделали по глотку вина.

Заиграла музыка.

На танцевальном подиуме зала появились первые танцующие пары.

К столику подошел небритый молодой человек восточной наружности, в белом костюме и черной шелковой рубашке.

— Потанцуем? — наклонился он к Марине.

Девушка посмотрела на Максима.

— Прошу прощения, — вежливо сказал Разин, — дама пока не танцует.

— Понятно, — кивнул парень, еще раз окинул Марину масленым взглядом и отошел.

— Плейбой, — сказала она со смешком.

— Ну, сюда вряд ли придет человек с улицы. — Максим проводил парня глазами. — Это, наверное, какой-нибудь диджей или ведущий музыкальных телепрограмм. Лицо знакомое. Хотя я не люблю небрежно бритых мужиков. Есть в этой так называемой моде некий оттенок презрения к окружающим.

— Отцу всех туркмен тоже не нравятся небритые мужики.

— Кому?

— Туркменбаши, Сапармурату Ниязову. Он недавно издал указ, запрещающий носить в Туркмении длинные волосы, усы и бороды. Указ действует даже в отношении гостей государства, так что тебе придется укоротить волосы и бриться до зеркального блеска.

Максим хмыкнул:

— Ну, этому деятелю не впервые удивлять мир. Высочайшим повелением он запретил прослушивать музыку в автомобилях, а заодно балет и оперу, под тем предлогом, что «нормальным» туркменам эти виды искусства не нужны.

— Зато он сам пишет стихи.

— О да, кроме поэмы «Рухнамэ» издал еще два сборника стихов и поэм, которые тотчас же подсуетившиеся чиновники ввели в обязательную школьную программу.

— Туркменский эквивалент брежневской «Малой земли».

— Или гитлеровского «Майн Кампфа». А как тебе налог на невест, который он ввел на территории Туркмении? Плати в казну полста тысяч долларов и женись на понравившейся туркменке, ежели ты иностранец.

— Тебя это как-то задевает? — прищурилась Марина. — Уж не собрался ли ты жениться на туркменке?

Максим засмеялся:

— Ты же не туркменка?

— Ну и что?

— Я предпочел бы жениться на тебе.

— «Бы»?

Максим посерьезнел, испытующе заглянул в глаза собеседницы, ставшие вдруг печальными.

— Ты готова к серьезному разговору?

Она покачала головой:

— Нет... я пошутила... не знаю... не спешу. Мне нравится встречаться с тобой, но... я не одна...

— Чепуха! Стеша будет мне как родная дочь!

— Я не одна, — повторила Марина упрямо, — и сама не знаю, чего хочу. Не торопи меня.

— Я и не тороплю.

— Спасибо, благородный идалго. — Она положила на его руку свою прохладную ладонь. — Не обижайся. Я знаю, что... — Глаза девушки вдруг остановились, лицо изменилось, она кого-то заметила.

Максим оглянулся.

К их столику подходили трое молодых людей, в том числе тот самый небритый смуглолицый парень в белом, что несколько минут назад хотел пригласить Марину на танец. Его спутниками были кражистый белобрысый амбал с круглой короткостриженной головой и сублильного вида, высокий, худой, узкоплечий парень с шапкой рыжих выющихся волос, бородатый и усатый. Не обращая внимания на Максима, он положил руку на плечо Марине:

— Пошли подвигаемся.

— Э-э, парни, — миролюбиво, но твердо сказал Максим, — дама не танцует.

— А ты не вякай, — наставил на него толстый палец белобрысый амбал. — Ты здесь ноль.

Максим посмотрел на Марину:

— Ты хочешь танцевать?

— Н-нет.

Максим точным движением пальца сбросил руку пышноволосого рыжего красавца с плеча девушки.

— Ребята, повторяю тихо-мирно: мы хотим поужинать и послушать музыку. Найдите тех, кто хочет танцевать, их много.

— Фил, убери таможеню, — буркнул рыжеволосый; от него пахло смесью дорогого одеколона и пива. — Пошли, Марин, твой хахаль подождет.

Белобрысый двинулся к Максиму, надавил мощной короткопалой дланью ему на плечо:

— Сидеть, крутой!

В ту же секунду палец Максима воткнулся ему в кадык. Максим сатанел, когда его принимали за лоха, и с удовольствием ставил зарвавшихся мордоворотов на место.

Парень икнул, схватился за горло, присел. Глаза его выпучились, налились кровью.

«Лицо кавказской национальности» в белом костюме попыталось ударить Максима в ухо, но майор уклонился, встал и тычком — тремя пальцами вместе — нашел живот смуглолицего, а вместе с животом — солнечное сплетение. Кавказец, или скорее армянин, охнул, согнулся пополам.

Максим взял за руку рыжеволосого красавца, слегка повернул в суставе так, что тот с тихим воплем сунулся носом в стол.

— Я же сказал, падаль, дама не танцует! Неужели вы не понимаете русский язык?

— Отпусти его, — прошептала Марина, глядя на Максима округлившимися глазами. — Это Вадим... мой муж... бывший.

Максим отпустил руку рыжеволосого:

— Извини, не знал. В отличие от Черчилля, я не люблю хамов и свиней. Парни, выход в другом конце зала. Вас проводить?

— М-мы... с-са... — просипел белобрысый, тяжело поднимаясь, сунул руку в боковой карман пиджака.

— Уходим, — бросил рыжеволосый, тряхнул волосами. — Мы еще поговорим, Мариночка, я к тебе заеду на днях.

К столику уже спешили официант и охранник в черном костюме, но троица во главе с бывшим мужем Марины уже двинулась к выходу.

— Все в порядке? — спросил охранник на всякий случай.

— Да, нормально, — кивнул Максим. — Ребята ошиблись столиком. Извините, я на секундочку.

Он догнал ковылявшего рыжеволосого, крепко взял за локоть, развернул к себе и сказал, глядя в его расширяющиеся зрачки:

— Упаси тебя Бог искать встречи с этой женщиной! Покале-чу! Понял?

Белобрысый спутник Вадима попытался было схватить Максима за шею, но тот не глядя щелкнул его по носу, и парень отступил, схватившись за нос.

— Понял, я спрашиваю?!

— П-п-п... — закивал рыжеволосый.

— Отлично!

Максим отпустил его, вернулся к столику.

Троица выбралась из зала, сопровождаемая невозмутимым охранником. На столик еще некоторое время с любопытством посматривали завсегдатаи клуба, потом перестали.

— Что ты ему сказал? — поинтересовалась погрустневшая Марина.

— Посоветовал обходить твой дом стороной. Или я снова спешу?

— Нет, все правильно... хотя ты меня снова удивил.

— Чем?

— Ты всегда так действуешь?

— Как?

— Прямо... и жестоко.

— Во-первых, не жестоко, а жестко. Во-вторых, повторяюсь, не люблю хамов и свиней. В-третьих, если не защищаться — унижат и растопчут! Компромиссов в этом деле быть не должно.

— Может быть... не уверена. А что ты говорил про Черчилля? С чем не согласен?

— Это ему приписывают знаменитую фразу: «Я люблю свиней. Собаки смотрят на нас снизу вверх. Кошки сверху вниз. Свины смотрят на нас как на равных».

Марина улыбнулась:

— Ты довольно начитан.

— Спасибо за комплимент. Служба такая, приходится много читать.

— Ты так и не рассказал, чем занимаешься.

Максим почувствовал неловкость, однако говорить правду о своей работе и признаваться в том, что по долгу службы он вел слежку за отцом Марины, не имел права.

— Обычная канцелярщина, работа с документами.

— Секретными?

— Бывает, что и секретными. Ну, а тебе как работается в гимназии?

— Проблем хватает, но в общем все нормально. Платят только мало, приходится подрабатывать. У меня трое постоянных

учеников разного возраста, поэтому почти все вечера у меня заняты.

— А как Стеша?

Марина бросила на собеседника изучающе-недоверчивый взгляд.

— Что именно тебя интересует?

— Все. Как она учится, чем занимается в свободное время, как восприняла твой развод.

— Учится хорошо, хотя и не на все пятерки. Два раза в неделю мы с ней ездим в «Валери-клуб» на теннис. Она любит заниматься бисероплетением, рисует, хотя меньше, чем год назад. А что касается развода... она иногда задает такие взрослые вопросы, что я не сразу нахожу ответы. Во всяком случае, наш развод она перенесла спокойно, даже утешала: не переживай, мамочка, нам и вдвоем хорошо, я закончу институт, стану директором и буду получать много денег.

— Директором чего?

— У нас есть знакомый, он менеджер в одной рекламной компании, так вот Стеша мечтает стать там директором.

Максим засмеялся:

— Красиво жить не запретишь. Давай выпьем, чтобы мечты твоей дочки исполнились. Хотя нет, лучше пожелать ей того успеха, какого она достойна.

Марина подняла бокал, с новым интересом — и сомнением — посмотрела на него:

— Ты искренне желаешь ей добра?

— Да как же можно иначе? — удивился он.

— Ты так любишь детей?

— Да как же их можно не любить? — снова удивился он. — Я давно мечтаю о ребенке, но Варвара, моя бывшая, не хотела детей, говорила, что еще рано, надо пожить для себя, а потом для детей. Впрочем, это уже другая история. Потанцуем?

Марина подала ему руку, и они присоединились к танцующим.

Танцевали, пили вино, потом снова танцевали, забыв о визите бывшего мужа. Максим больше молчал, боясь потерять возникшее ощущение близости. Поэтому когда Марина предложила заехать к ней на кофе, он только суеверно скрестил пальцы на руке. Предложение выпить кофе еще ничего не значило.

Однако интуиция не подвела. Незвестно, что повлияло на Марину больше всего, схватка ли Максима с подвыпившей компанией мужа, беседы, его отношение к детям, но как-то само собой получилось, что они вдруг оказались в объятиях друг друга.

И дочь Гольцова превратилась в покорную и страстную женщину, о которой Максим всегда мечтал.

Сладкая, нежная, дурманящая голову, теплая женская покорность. Покорность, заставляющая ощущать себя защитником и владыкой вселенной. Той вселенной, которую они представляли в данный момент...

Очнулись оба спустя много-много времени.

Побежали в душ. Закутались в махровые полотенца. Пили сваренный Мариной капучино. Снова целовались.

— Где Стеша? — поинтересовался Максим, откровенно пьяный от переполнявших его чувств. — Почему не дома?

— Она у подруги. Я не знала, что ты так относишься к детям, иначе оставила бы ее здесь. Или ты подумал, что я завлекла тебя сюда специально?

— Конечно, — с серьезной миной кивнул Максим, — уверен. Ты меня соблазнила, беззащитного, и теперь как истинная леди должна выйти за меня замуж. Пойдешь?

Марина улыбнулась. Ей тоже было хорошо. И спокойно.

— Ты такой беззащитный, что палец в рот не клади. Хочется обнять и плакать. А замуж я не спешу. Уже есть опыт, отрицательный.

— Я серьезно. Выходи за меня.

Глаза Марины потемнели, с губ сбежала улыбка.

— Такими вещами не шутят.

— Я и не шучу.

Не сводя с Максима тревожных, вопрошающих, сомневающихся и одновременно полных веры и надежды глаз, она потянулась к нему...

Уснули они в начале пятого утра.

В половине восьмого Максима разбудил мобильник. Он с трудом нашел трубку:

— Слушаю.

— Майор, собирайся в Жуковский, — послышался голос полковника Пищелко. — В понедельник твоя группа должна быть там.

— Что-то стряслось?

— Объект тот же — Гольцов. Понаблюдайте за ним пару дней, еще раз напугайте, только качественно, а потом этапируйте в управление.

Максим помассировал горло — внезапный спазм помешал ему задать вопрос «зачем?».

— Не слышу ответа.

— Есть, — просипел Максим.

В трубке заиграла мелодия отбоя.

Максим снова посмотрел на дверь спальни и подумал, что не сможет объяснить Марине интерес конторы к ее отцу. Он и сам не понимал, что стоит за приказом полковника «еще раз качественно напугать» Арсения Васильевича Гольцова.

СОМНЕНИЯ

Пасха... На душе кошки скребут, не поймешь, то ли праздник, то ли печальная традиция...

Снег почти сошел, сыро, холодно. По небу ползут клочковатые облака, готовые пролиться дождем, лишь изредка позволяя солнцу бросить бледный луч на соскучившуюся по теплу землю.

Арсик с бабушкой идет в сосонник за ползучей травой, которую потом родители отнесут на кладбище, украсят могилы похороненных здесь стариков. В лесу снега больше, зато теплее, нет ветра, пробирающего до костей на открытых пространствах.

Набрав полмешка травы, усталые бабушка и внук плетутся обратно, обходя лужи и ручьи.

Потом все вместе, родители, тетки, дядьки, идут на кладбище, раскладывают на могилках нехитрую снедь: вареные яйца, сало, лук, соленые огурчики, конфеты, сухари. Медленные разговоры, воспоминания, слезы в глазах бабушки и мамы. Есть не хочется, но отказаться нельзя.

Арсений с трудом проглатывает ложку приторно-сладкой куты, шелушит яйцо, поглядывая по сторонам. Вокруг такие же компании, поминающие умерших, тихие разговоры, редкие улыбки, черные одежды. Печальное зрелище. побыстрей бы закончилось все. На кладбище не поозоруйешь. То ли дело — Первомай через неделю.

Деревья только-только начали пробуждаться от долгого зимнего сна, и каждое окутывала легкая кисейная зелень, сливающаяся — если посмотреть издали — в дымно-прозрачное желтовато-зеленое облако. Чудо весенней акварели, заставляющее мечтать о скором наступлении лета.

Солнце светит с ослепительно голубого небосвода, словно пытаясь наверстать упущенное зимой. Лицу тепло, спине холодно, на лужах хрупкий ледок.

Арсений сидит на скамеечке перед домом, сжавшись в комочек, руки под мышками, зачарованный весенним чувством ожидания. По спине ползут мурашки, зябнут колени, но он сидит, не спуская широко раскрытых глаз с ледяного узора на лужице, и ни о чем не думает, просто ждет, весь — переживание будущего, сгусток эмоций, частичка природы, частичка весны.

На улице появились дети, соседские мальчишки и девчонки, кто

с флажками, кто с березовыми ветками в руках, украшенными белыми самодельными цветами. Всем им, как и Арсению, предстоит участвовать вместе с другими школьниками в торжественном шествии, посвященном Первомаю. Никто из них не задумывается, чему посвящен, для чего организован и кому служит праздник, для всех это праздник весны, предвещавший каникулы, и душа буквально купается в незримых потоках предвкушения веселых игр.

— Арсик, пора собираться, — зовет мать.

Арсений с трудом отрывает взгляд от кружевного пятна изморози — вскоре лучи солнца растопят и эти последние следы зимы — и бежит в дом. стакан горячего молока, ломоть хлеба с маслом — весь завтрак. Березовая ветка с цветами в руку — и вперед, за остальными, в школу с радостным ощущением встречи с друзьями...

Кто-то деликатно кашлянул.

Арсений Васильевич вздрогнул, выплывая из бездн воспоминаний, поднял глаза на посетителя.

— Ты не заболел часом? — спросил Толя Юревич, озабоченно глядя на заведующего лабораторией. — Я уже пять минут тут стою, а ты и ухом не ведешь.

— Детство вспомнил, — виновато улыбнулся Гольцов. — Посмотрел в окно, там дождь, а дождь всегда вызывает у меня приступы ностальгии. Что у тебя?

— Мы закончили тестирование системы, можем отрабатывать программу летных испытаний.

— Завтра и, если можно, без меня.

— Разве ты в отпуск уходишь?

— Как ты догадался? Хочу съездить в Муром, к сыну, помочь ему надо с ремонтом квартиры. Потом поеду к дочке в Москву. А там посмотрим.

— Хорошо, завтра так завтра. На машине поедешь или на поезде?

— Еще не знаю.

— Если на машине, то будь осторожен, не бери попутчиков. Вчера в криминальных новостях по телику передали, что у нас орудует банда, промышляющая нападениями на водителей. Есть жертвы. Личный шофер нашего председателя гордумы соблазнился легким заработком, так его потом на свалке нашли.

— Живого?

— Мертвого.

— Откуда же стало известно, что он соблазнился легким заработком?

— Это ты у ментов спроси. Рисковать, однако, не рекомендую.

— Успокойся, — усмехнулся Арсений Васильевич, — я редко кого подвожу, да и то только знакомых. Но все равно спасибо за предупреждение.

— Не за что. — Юревич вышел.

Арсений Васильевич откинулся на спинку стула, выпятив губы, посвистел, пытаясь расслабиться, но не смог. Мешало возникшее утром и до сих пор зудящее комаром ощущение подглядывания. Кто-то следил за ним из толщи стены, буравил спину недобрым взглядом, а стоило Гольцову оглянуться, взгляд перемещался по стене на потолок, и начинало казаться, что наблюдатель сидит в люстре или же прячется в крохотной головке пожарного сигнализатора.

— Не дожидетесь! — пробормотал Арсений Васильевич. — Не на того напали! Не испугаюсь!

В кабинет робко заглянула Оксана Петрова со стопкой белых листов в руке:

— Можно, Арсений Васильевич?

— Заходи.

Девушка осталась у двери, нервно перебирая листки, преданно глядя на начальника лучистыми серыми глазами.

— Вы на меня сердитесь?

— С чего ты взяла? — удивился Арсений Васильевич.

— Мы давно не встречались...

— Ах, вот почему ты такая невеселая. Я уж думал, не справились с заданием. У меня проблемы... были. Чуть освобожусь, и мы встретимся.

— А сегодня нельзя?

Арсений Васильевич хотел было ответить отказом, но заглянул в готовые наполниться слезами глаза и передумал. Оксана любила его и готова была делать все, что он прикажет. Огорчать ее не хотелось. Хотя и доводить их отношения до серьезных зависимостей тоже не хотелось.

— Вечером я заеду за тобой. Жди у ресторана «Ракета».

Лицо девушки осветилось радостью. Она кивнула, сделала официальный вид и упорхнула.

Арсений Васильевич покачал головой. Чего греха таить, Оксана ему нравилась, да и любовницей была великолепной. Красивое тело, полные бедра, высокая грудь, милое лицо, мягкая, добрая, покладистая. Она заслуживала большего, чем быть просто любовницей. Однако он любил другую. Свою жену. Ту, которую встретил тридцать с лишним лет назад в троллейбусе в Рязани и с которой познакомился на студенческой вечеринке.

— Что она во мне нашла? — вздохнул Арсений Васильевич, глядя на свое отражение в дисплее. — Или права поговорка: любовь зла, полюбишь и козла?

Посидев минуту в полной прострации, он снова вздохнул, подумав: ну и что мне с тобой делать? Неужели не понимаешь, что наша связь недолговечна? Мне пятьдесят пять, тебе двадцать пять. Где ты и где я? В каких временах?

Ты сам даешь ей надежду, проворчал внутренний голос. Возьми и скажи, что жениться на ней не собираешься, она и перестанет надеяться. Зачем назначил встречу?

Так ведь хочется! — виновато шмыгнул носом Арсений Васильевич.

Баб кругом одноразовых хоть сачком гребь, захотел — вызвал.

С ними знакомиться надо, ухаживать...

Дурак, это не те бабы, за кем надо ухаживать. Вот за Оксаной действительно надо ухаживать, цветы дарить.

Ее я уже знаю, мне приятно, да и ей тоже, причем без всяких цветов.

Это так кажется.

Да некогда мне цветами заниматься!

Тогда молчи и не комплексуй! Жизнь возьмет свое, даже вопреки твоим желаниям. Все просто, не усложняй.

Я и не усложняю. Если бы на мне не висел крест экзора, я бы, может быть, и не думал ни о чем.

Только дураки ни о чем не думают.

Я тоже дурак, улыбнулся Арсений Васильевич, понимая, что лукавит сам с собой. Детство все еще жило в нем, несмотря на нынешнее понимание вещей, и прощаться с ним не хотелось.

Будешь обзывать, перестану с тобой общаться, обиделся внутренний голос.

Извини, вздохнул Арсений Васильевич в третий раз, я пошутил. Есть такой индуистский термин: ванапрастха — следующий за семейным возрастной период, удаление от бытовых дел. Мы с тобой как раз подошли к нему, так что жениться я не собираюсь. А Оксану жалко.

Жалко, согласился внутренний голос.

В дверь постучали, вошел Женя Шилов, смущенно поскреб в затылке:

— Василич, мы тут кроссворд решаем, слово из девяти букв, система мировоззрений, первая буква «п».

— Парадигма, — рассеянно ответил Арсений Васильевич. — А что это вы кроссворды решаете в рабочее время?

— Так обед уже. Спасибо, Василич. — Шилов убежал.

Арсений Васильевич посмотрел на часы. Половина второго. Действительно, пора обедать, время пролетело незаметно. Почему же не хочется есть?

Он прислушался к себе. Что-то происходило с ним в последнее время, а что именно, разобраться было трудно. Во всяком случае, изменилось его отношение к жизни, к себе, к тому, что он делает. В результате он перестал ощущать усталость в конце рабочего дня, организм требовал дополнительных нагрузок, расхода энергии, что сказалось и на игре в волейбол. Арсений Васильевич вдруг заиграл как в молодости, удивляя приятелей и соперников, стал прыгать выше и угадывать траекторию полета мяча после удара нападающего, чего с ним не случалось давно. Мало того, он мог отыграть не три-четыре сета подряд, как раньше, а все десять и не устать. Дома же его перестало тянуть в кресло, посидеть с газетой или журналом в руках, постоянно хотелось двигаться и что-то делать. Что случилось? Почему тело не испытывает усталости, а мозг ищет постоянных занятий, требует длительных умственных напряжений?

Ты получил запредельную информацию, напомнил внутренний голос. Она лежит без дела в подсознании и потихоньку просачивается в поле оперативной психики. Отсюда твои ощущения. Не пора ли поработать над этими «кладами» сознательно?

С ума сошел?! — испугался Арсений Васильевич. А если узнает Диспетчер?

Да и хрен с ним! Он где-то там, а ты здесь, на Земле, умный, сильный и красивый. Если уж просочившаяся информация так влияет на тебя, повышает тонус и усиливает сердечную мышцу, представь, что лежит в тебе на более глубоких горизонтах. Рискни!

Арсению Васильевичу стало жарко. Он встал, походил по кабинету, посмотрел на потолок: кто-то снова посмотрел на него сквозь толстое перекрытие, как бы предупреждая, чтобы он не самовольничал.

— Скройся! — мрачно, с нажимом проговорил Гольцов.

Взгляд истончился «до комариного писка», исчез.

Арсений Васильевич удовлетворенно кивнул, посмотрел на монитор компьютера:

— Отключись!

Раздался шелчок, компьютер выключился, экран погас. Хотя кнопку выключения Арсений Васильевич не нажимал.

В кабинет снова заглянул Женя Шилов:

— Василич, слово из девяти букв, термодинамическая функция состояния, четвертая буква «а».

— Энтальпия.

— Спасибо. — Голова Шилова скрылась, затем появилась вновь. — Ну, ты и даешь, Василич! Прямо ходячая энциклопедия! Дверь закрылась.

Арсений Васильевич поколебался немного, идти или не идти в столовую, есть по-прежнему не хотелось. Потом все-таки решил пообедать, чтобы совсем уж не выделяться среди всех и не давать повода сотрудникам удивляться его поведению.

Вечером он подъехал к ресторану «Ракета» на улице Гагарина, полный решимости объяснить Оксане всю пагубность ее стремления встречаться с ним. Служебные романы, как правило, заканчивались плачевно. Однако, увидев девушку в красивом плашике, стройную, милую, улыбающуюся, Арсений Васильевич вдруг поймал себя на мысли, что нельзя отказываться от подарков судьбы, подготовленных небом, сердце дрогнуло, зашевелились мужские инстинкты, и он решил отложить суровый разговор.

Оксана бросилась к нему через дорогу, взяла под руку, поднимая лицо, ища его глаза.

— Ты не сердишься? Правда? Мне показалось, там, в институте, что ты избегаешь меня.

— Все нормально, — сказал он, погладив ее пальцы. — Пошли поужинаем.

Ресторан «Ракета» считался дорогим заведением, элитным, здесь часто давали сольные концерты московские эстрадные звезды, встречались местные лидеры, политики, бизнесмены, а также криминальные авторитеты. Сотрудники ИЛИА заходили сюда редко, и Арсений Васильевич не переживал, что его увидит кто-либо из института.

Однако, как назло, первым, кто повстречался у них на пути, оказался заместитель главного инженера института Рудаков, атлетически сложенный, но недалекий и поэтому вечно придиравшийся к тем, кого он считал конкурентом в борьбе за кресло главного инженера. Гольцов как раз был одним из таких претендентов, хотя сам он не помышлял заниматься карьерным ростом, и с Рудаковым у него сложились натянутые отношения.

Они кивнули друг другу. Рудаков с видимым интересом посмотрел на Оксану, проследовал мимо, сказал что-то своему спутнику в пальто из крокодиловой кожи, оба засмеялись. А у Арсения Васильевича испортилось настроение. Снова начало казаться, что за ним кто-то скрытно наблюдает, а потом к этому ощущению прибавилось другое — предчувствие грядущей беды.

— Что? — посмотрела на него Оксана, чутко угадывающая чувства начальника и друга. — У тебя вытянулось лицо.

— Неприятный человек, — пробормотал Арсений Васильевич, кивая на удалявшегося Рудакова. — Плохо, что он увидел нас вдвоем. Теперь об этом будет знать пол-института. В том числе директор.

— Ты боишься?

— Нет, но...

— Ну и фиг с ним.

— В принципе, и в самом деле, — усмехнулся он. — Что дано, то и будет.

Они выбрали столик в другом углу зала, подальше от музыкального центра, сели. Начали изучать меню. Оксана щебетала, довольная жизнью, что-то спрашивала, шутила, рассказывала какие-то смешные истории. Он отвечал, не думая об ответах, автоматически, поддакивал, кивал, а сам исподтишка изучал посетителей ресторана, гадая, кто из них следит за ним. В какой-то момент в голове прошумел свежий ветерок, будто открылась и закрылась дверца в иное пространство, и Арсений Васильевич сразу увидел-почуял токи внимания, тянувшиеся к нему через зал.

Наблюдателей оказалось аж пятеро!

Трое вошли вслед за ним и уселись у выхода из зала. Они буквально светились угрюмым фиолетово-багровым светом, тая внутри черных пустот в головах запасы презрительного недоброжелательства и угрозы.

Еще двое появились чуть позже, также выбрав столик поближе к двери, но цвет их аур был иным: голубое с оранжевым. Цвет внимательной сосредоточенности и настороженности. Эти люди тоже не казались слабаками или случайными гостями ресторана, но в их индивидуальных психосферах не было столь целеустремленной свирепой жажды кого-либо обидеть.

Арсений Васильевич отвернулся, прислушиваясь к себе с легким удивлением. Раньше он никогда не анализировал обстановку столь профессионально и точно, проявляя чудеса проницательности и трансперсонального видения. Что же произошло? Отчего он стал видеть чужие намерения и эмоциональные поля?..

— ...! — с обидой проговорила Оксана.

— Что? — спохватился он.

— Ты меня совсем не слушаешь.

— Извини, задумался. Ты уже выбрала?

— Стейк из лосося можно?

— Зачем спрашивать? Конечно, можно. Я, наверно, тоже рыбу

выберу, не хочется на ночь мяса наедаться. Плюс бокал белого вина. Не возражаешь?

— Нет.

Официант принял заказ, начал сервировать стол.

Отпили по глотку «Совиньона».

— Вкусно, — прищелкнула языком Оксана, отпила еще глоток. — И все-таки ты сегодня какой-то заторможенный. Может, что-то случилось? У Маринки с Кириллом все в порядке?

— Нормально, — ответил он, продолжая ловить на себе изучающие взгляды подозрительных личностей. — Просто я сон плохой видел. Как правило, такие сны сбываются.

— О чем?

— В молодости я падал с крыши или со скалы и просыпался в холодном поту.

— Ты и сейчас молодой.

— Спасибо на добром слове, — усмехнулся Арсений Васильевич. — Хотя молодость прошла, не обнадеживай себя. А когда я стал постарше и сдал на водительские права, начало сниться черт-те что.

— Как сдавал экзамен? — засмеялась Оксана.

— Нет, экзамен я сдал нормально, в отличие от моей дочери, которая сдавала на права трижды. Так вот мне снится, что я еду на подъем, гора все круче, мощности двигателя не хватает, и машина начинает сползать задом вниз. Естественно, все кончается падением, отчего я сразу просыпаюсь и долго не могу прийти в себя. Или я разгоняюсь, впереди мост, машина взлетает, и все снова кончается падением. А иногда в самой обыденной ситуации, когда мне просто надо сдать на машине назад, вдруг отказывают тормоза, я жму на педаль изо всех сил, а остановиться не могу. Конечно, я во что-то врезаюсь кормой и снова просыпаюсь.

Оксана перестала улыбаться, покачала головой:

— Ужасные сны! Может, ты просто переутомляешься на работе? И тебе надо отдохнуть?

— Я уже давно не переутомляюсь. — Арсений Васильевич допил вино, прищурился. — Разве что с тобой... иногда.

Оксана недоверчиво посмотрела на него, потом поняла, что он шутит, фыркнула:

— Что-то я этого не замечала.

— Это хорошо. Есть еще порох в пороховницах. Давай ешь, а то рыба остынет.

Помолчали несколько минут, поглощая заказанное.

Арсений Васильевич уже начал сомневаться в своей проницательности и реальности своих страхов относительно наблюдавших за ним мужчин. Возможно, их интерес вовсе не имел

практического выхода, и мужчинам просто нравилась его спутница. Но в этот момент один из наиболее неприятной троицы встал, самый молодой, лохматый, угловатый, в свитере, и направился к столику Гольцова, неся в руке стакан с прозрачной жидкостью.

— Эй, папаша, — хрипло сказал он, дыша перегаром, — давай выпьем за твою бабу. Не хочешь присоединиться к нам?

— Спасибо, мы здесь посидим, — вежливо отказался Арсений Васильевич.

— Тогда пусть она идет, а ты сиди.

— И она останется.

— А чего так?

— Вам что, делать нечего? — удивился Арсений Васильевич. — Вернитесь к своим друзьям и не мешайте нам отдыхать.

— Значит, ты нас не уважаешь? — с пьяной настойчивостью проговорил парень в свитере. — А если мы заплатим?

— Послушайте, отстаньте, пожалуйста! — возмутилась Оксана. — Мы не собираемся с вами выпивать!

— А нам и не надо с тобой пить, — ухмыльнулся здоровяк в свитере, — нам бы потрахаться.

— Свинья!

Арсений Васильевич покраснел, резко встал, поднял руку. Раздался звонкий треск пощечины.

Из рук парня выпал стакан с водкой, ударился о пол, но не разбился. Глаза его расширились, наполнились изумлением.

— Ты чо, лысый, охренел?! Да я тебя по стенке размажу!

Он схватил Арсения Васильевича за грудки, приподнял, опрокинул на стол. Загремели тарелки, ложки, вилки, фужеры, падая на пол.

Дружки здоровяка повскакали с мест, бросились к дерущимся.

Лохматый в свитере ударил Гольцова затылком о столик, еще раз и еще. В глазах потемнело. Убьет, вяло подумал Арсений Васильевич. Разговор об Оксане — только предлог. Жаль, что все так глупо получилось...

Еще удар, искры из глаз!

И вдруг в голове прошумел знакомый «сквознячок».

Арсений Васильевич получил тихий электрический разряд, превративший его в странную резонансную систему, нечто вроде гигантского биологического камертона. Нервные цепи выстроились в единую гармоничную структуру, мгновенно настроили мышцы и сухожилия на физическое действие. Голова прояснилась, кровавая пелена сползла с глаз. Он стал видеть и

слышать гораздо лучше, чем прежде. А главное — он понял, что надо делать!

Одним гибким змеиным движением Арсений Васильевич вывернулся из рук громилы в свитере, уклонился от кулака, летящего в лицо слева: прибежали приятели парня. Присел, пропуская над собой ногу второго парня, высокого, бритоголового, в куртке.

Система упорядочивания мыслей и чувств продолжала работать, и Арсений Васильевич с восторгом и с ужасом одновременно у в и д е л точки нанесения ударов, от которых напавшие на него забияки должны были упасть замертво и не встать.

Однако применить проявившиеся в памяти знания рукопашного боя ему не дали.

Рядом вдруг появились двое мужчин, те самые, что поглядывали на Гольцова со спутницей наравне с тремя бандитами. Раздались почти неслышимые в возникшем гае удары, нападавшие с воплями разлетелись в разные стороны.

Подскочили охранники клуба, официанты. Вокруг сгруппировались посетители ресторана, с жадным любопытством разглядывая действующих лиц и разгром, ими учиненный. Арсений Васильевич поймал изучающий взгляд одного из них, почувствовал буквально физически липкое п р и к о с н о в е н и е, вострепнулся, ища глазами обладателя взгляда, но увидел лишь широкую спину седоголового мужчины в белом костюме, быстро направлявшегося к выходу.

На шею бросилась плачущая Оксана:

— Бедный мой! Тебе сильно досталось?!

Подошел милиционер, козырнул:

— Пройдемте, граждане.

— Мы не виноваты, — торопливо заговорила девушка, — они первые полезли в драку!

— Разберемся.

Помятых дебоширов подняли, вытолкали из зала, отвели в кабинет директора. Милиционер принялся составлять протокол, расспрашивая свидетелей, пришедших на помощь Гольцову, и самого Арсения Васильевича. Длилась эта процедура почти час, так что надоело всем. В конце концов один из свидетелей, высокий, по-спортивному поджарый, светловолосый, с приятным лицом, сероглазый, показал сержанту какое-то удостоверение, и расследование закончилось.

Напавших забрали приехавшие сотрудники милиции. Пострадавшего со спутницей и свидетелей отпустили.

Эйфория, наступившая в результате инсайта-озарения и под-

нявшая тонус, прошла, Арсений Васильевич почувствовал усталость, боль в затылке, и ему захотелось искупаться и прилечь.

— Я с тобой! — схватила его за руку Оксана. — Не отпущу одного!

— Мы его проводим, — успокоил ее симпатичный молодой человек. — Все будет хорошо.

— Кто вы? — равнодушно поинтересовался Арсений Васильевич.

— Меня зовут Максим. И я знаю вашу дочь Марину.

Арсений Васильевич вздрогнул, выкарабкиваясь из трясины безразличия.

— Максим? По-моему, Маринка рассказывала о вас. Это не вы зимой помогли ей отбиться от хулиганов?

— Я.

— Но как вы здесь оказались? Живете неподалеку?

— Поехали к вам домой, по дороге поговорим, если не возражаете.

— Н-нет.

— Замечательно. — Максим посмотрел на молчаливого спутника. — Гера, поедешь сзади. Остальные пусть посмотрят на нас издали и присоединятся.

— Слушаюсь, — кивнул Штирлиц.

Арсений Васильевич попрощался с расстроенной Оксаной, пообещав встретиться с ней на следующий день, сел в свою «Ниву» вместе с Максимом. Спутник Максима залез в кабину светло-серой «Хендэ», следовавшей за ними.

— Кто вы? — еще раз спросил Арсений Васильевич.

— Майор ФСБ Разин, — представился Максим.

НЕДОЗВОЛЕННОЕ

Пока Гольцов принимал душ и приводил себя в порядок, Максим со Штирлицем познакомились с его квартирой.

Ничего особенного она собой не представляла. Трехкомнатная квартирка советской постройки, крохотная прихожая, крохотная кухонька, небольшая спальня, гостиная, еще одна спальенка, приспособленная хозяином под рабочий кабинет, где располагались компьютер и диванчик для гостей. Единственное, что внушало уважение в этом жилище, так это библиотека. Полки с книгами стояли везде: в кабинете, в гостиной, в прихожей и даже в спальне.

— Приличное книгохранилище, — проговорил Райхман со знанием дела. — Книг здесь не меньше пяти-шести тысяч. Наш

клиент серьезный библиофил. Наверное, с детства увлекается собирательством. А книги, кстати, почти все еще тех времен, до-капиталистических, новых мало.

— Сейчас издается всего столько, что нет смысла собирать личную библиотеку, — заметил Максим, — да и хранить их негде.

Он снял с полки томик О'Генри, полистал, поставил на место:

— Люблю этого писателя.

— Я тоже, — кивнул капитан. — У меня дома еще старый отцовский трехтомник сохранился, желтый.

— Здесь полное собрание рассказов. Брет Гарт, Майн Рид, Жюль Верн, Джек Лондон.

— Добрые старые приключения, фантастика плюс эзотерика. — Райхман снял с полки книгу Успенского «Новая модель Вселенной». — Читал?

— Нет.

— Почитай, весьма любопытное чтиво. Станешь смотреть на мир по-новому.

— Смотри-ка, две колоды карт, нераспечатанные. Интересно, в какие игры играет наш подопечный?

— В преферанс, — раздался голос хозяина, и он вышел из душевой, одетый в махровый халат, вытирая на ходу мокрую голову. — Уже лет двадцать пять пулюку расписываю. Не хотите составить компанию?

Гости переглянулись.

— В другой раз, — пробормотал Максим, стыдясь признать, что играет в преферанс он слабо.

— Вы не играете? — прищурился Гольцов.

— Играю немного, но нет времени.

— Тогда присаживайтесь и рассказывайте, кто вы и почему за мной следите. Чай, кофе, соки будете?

— Чай, если можно.

Арсений Васильевич скрылся на кухне и вскоре принес поднос с дымящимся чайником, чашками, сахаром и сухарями.

— Извините, лимона нет, есть только лимонный сок.

— Благодарю, не надо.

Сели, поглядывая друг на друга, налили чаю.

— У вас хорошая библиотека, — похвалил хозяина Штирлиц.

— Шесть с половиной тысяч томов, — равнодушно сообщил Гольцов. — Итак?

— Одну минуту. — Максим выдвинул из-за уха усик рации. — Кузьмич, что у вас?

— За вами ехали две тачки, — ответил лейтенант. — В одну —

серую «клюкву» — погрузились какие-то бомжеватого вида личности, трое. Другая — белая «Калина», но сколько в ней сидит народу, мы не разглядели. Шаман утверждает, что четверо вместе с водителем.

— Где они сейчас?

— «Калина» проводила вас до хаты клиента и скрылась. Серая «клюква» торчит во дворе.

— Понятно. — Максим задвинул усик рации под волосы.

— Какая же зараза тут работает? — не выдержал Штирлиц.

— О чем вы? — нахмурился Гольцов.

— За вами следят, — сказал Максим. — Еще две группы, кроме нашей. И нас очень интересует, кто это и что им надо. Вот почему мы решили открыться и выяснить, в чем дело. Что вы можете сказать по этому поводу?

Арсений Васильевич ушел мыслями в себя, не торопясь отвечать. Качнул головой раз, другой. Допил чай.

— Прошу прощения, господа, но мне нечего сказать. Я не знаю, кто за мной следит и что им нужно.

— Знаете, — твердо сказал Максим. — Мы работаем в особом отделе Федеральной службы безопасности, выявляющем сильных экстрасенсов. Вы сильный экстрасенс, точнее, очень мощный пси-излучатель. Наша аппаратура иногда фиксирует всплески такой интенсивности, что диву даешься.

— Разве существует такая аппаратура? — недоверчиво пробормотал Гольцов.

Максим отметил про себя, что возражать против формулировки «сильный пси-излучатель» Гольцов не стал, что косвенно свидетельствовало в пользу утверждения.

— Существует.

— И все же я не могу... ничего добавить. Не имею права.

— Что значит — не имею права? Вы работаете на какую-то другую государственную силовую структуру? На армию?

— Н-нет.

— Тогда объяснитесь.

Арсений Васильевич налил себе кипятку и одним залпом выпил, не поморщившись. На лбу его выступила испарина.

— Вы не поймете. Это вне... — Он пошевелил пальцами, — вне вашей компетенции, вне любых научных оценок и отношений. К тому же, если я попытаюсь вам что-либо рассказать, вас начнут преследовать.

— Кто?

— Не знаю, они могут внедриться в любого... человека.

— Кто — они? Конкретно?

Арсений Васильевич поморщился, вытер лоб салфеткой. В глазах его зажглась и погасла искра тоски.

— Вы не поверите... да это и не важно. Больше я ничего не могу сказать. Честное слово.

— Не можете или не хотите?

— Не могу... и не хочу! Достаточно того, что у них на прицеле мои...

— Кто? — не дождался продолжения Максим.

— Мои дети, — глухо ответил Гольцов. — Не хочу вовлекать в этот водоворот еще кого-нибудь. — Арсений Васильевич выпрямился. — Прошу вас уйти. Я устал и хочу отдохнуть.

Разин и Штирлиц снова переглянулись.

— Вы напрасно так... — начал Герман Людвигович.

— Уходим, — поднялся Максим. — На всякий случай я оставлю вам номер своего сотового. Захотите что-нибудь сообщить — позвоните. И хорошо бы это случилось до того, как произойдет какое-нибудь нехорошее событие. До свидания.

Оба вышли.

Дверь за ними закрылась.

— Мы могли бы надавить, и он бы раскололся, — неуверенно проговорил Штирлиц.

— Вряд ли, — качнул головой Максим. — Их он боится больше, чем нас.

— Кого — их?

— Знал бы — действовал бы иначе. Ладно, пошли к ребятам, посоветуемся. — Максим включил рацию. — Кузьмич, серая «кляква» еще здесь?

— Переехала с места на место, но пока торчит во дворе.

Максим посмотрел на капитана:

— Что, если поработать по максимуму?

— Взять «языка»? — догадался Райхман. — Я давно об этом думаю. Одним ударом прихлопнем двух мух и решим проблему. То бишь выясним, кто пасет клиента. Вот только одобрит ли идею начальство?

— Будет результат — одобрит. Победителей не судят.

— Еще как судят. Но я «за».

— Кузьмич, берем тех, кто в «клякве». Мы начинаем, вы поддержите.

— Наконец-то! — обрадовался лейтенант. — Сделаем в лучшем виде, командир.

Максим и Штирлиц вышли из подъезда, не торопясь, двинулись по двору. Максим сунул в рот сигарету, похлопал по карманам, попросил зажигалку у спутника.

— Нету, — развел тот руками, — не курю и не ношу.

Максим пошарил глазами по двору, подошел к серой «Ладе»-«семидесятке», приткнувшейся к мусорным бакам. Наклонился к щели водительского стекла:

— Друг, дай прикурить.

Стекло опустилось ниже, появилась рука с зажигалкой.

Максим дернул эту руку к себе, и водитель с маху врезался головой в раму дверцы.

В то же мгновение рядом с машиной возникли еще трое мужчин: Кузьмич, Писатель и Штирлиц, рванули на себя дверцы и выволокли двоих пассажиров на асфальт двора. Один из них пытался достать пистолет из-за пазухи, но был безжалостно вырублен Кузьмичом ребром ладони по шее.

— Не хулигань! — выдохнул лейтенант, вынимая из ослабевшей ладони парня тяжелый «вальтер» с глушителем. — Мы так не договаривались.

— Смотрите-ка, что у этого! — пробормотал Штирлиц, доставая из кармана спортивной куртки своего подопечного необычной формы и цвета — ярко-желтого — пистолет.

— Тазер, — хмыкнул Максим, беря в руки электрошокер. — Бельгийского производства, тип Х-26. Сто тысяч вольт.

Чекисты переглянулись.

— Такие пушки обыкновенные бандиты не носят, — выразил общее мнение Писатель. — Это контора.

— Наша?

— А фиг его знает! На морде же не написано.

— Вот сейчас и выясним.

— Мы с Кузьмичом в кабину, вместе с этим. — Максим указал на задержанного Штирлицем пассажира «семидесятки», не произнесшего ни слова с момента захвата. — Гена, присмотри за водилой, чтобы не очухался и не устроил гонки по вертикали. Герман, покарауль второго. Иван Дрождевич, как обстановка?

— Тихо, — ответил не принимавший участия в захвате Шаман.

— Понаблюдай за двором.

— Хорошо.

Максим затолкал пленника с тазером на заднее сиденье, сел сам. С другой стороны уселся Кузьмич. Потерявшего сознание парня с «вальтером» обыскали, усадили рядом с таким же спящим водителем.

Оценка, данная всем пассажирам «семидесятки» еще Кузьмичом, была близка к истине. Все они если и не были бомжами, то принадлежали к типу «деклассированных элементов», или, иначе говоря, к типу шпаны, одетой кто во что горазд. К примеру, на втиснутом между Максимом и Кузьмичом молодым чело-

веке с небритой физиономией были спортивные штаны, выдававшая серая курточка и бейсболка. Не считая старых кроссовок. На водителе красовался растянутый пузырчатый джемпер, а парень рядом с ним и вовсе носил зимнее полупальто под каракуль на штопаной футболке неопределенного цвета. Интеллигентами назвать всех троих было трудно. Тем не менее вооружены они были неслабо, и это наводило на размышления. Вполне могло быть, что костюмы парней принадлежали к разряду оперативного камуфляжа.

— Проверь документы водилы, — посмотрел на Писателя Максим.

Тот повозился над парнем, покачал головой:

— Ничего, только сигареты.

Максим повернул голову к пленнику. На вид парню было лет двадцать семь — двадцать восемь, если не учитывать эффекта старения, который дает щетина на щеках и неухоженность всего тела, подчеркиваемая специфическим запахом пота.

— Будет лучше, если ты сразу скажешь, на кого работаешь. Сам понимаешь, мы здесь люди не случайные, представляем спецслужбу. Судя по вашему арсеналу, вы тоже не лыком шиты, во всяком случае не простые домушники, следящие за клиентом, чтобы ограбить его квартиру.

Пленник молчал, низко опустив голову.

— Кивни, что слышал вопрос.

Молчание.

Максим и Кузьмич переглянулись.

— Не церемонься ты с ним, — посоветовал лейтенант. — Давай я пощечочу его ножичком. Или испытаю на нем его же электрошокер. Сразу заговорит.

Максим наклонился к уху пленника:

— Если ты из конторы — кивни, мы пойдем. Если нет, говори, кто вы, зачем следите за Гольцовым и что намереваетесь делать дальше.

Сквозь стиснутые зубы пленника вырвался тихий возглас.

— Что? Не слышу!

Пленник поднял голову. Глаза его сверкнули таким презрением, что Максим содрогнулся в душе.

— Вы не понимаете, — хрипло выговорил парень в бейсболке. — И не поймете. Я никто. Случайная матрица. Но мы его достанем!

— Вы уже вряд ли, — хмыкнул Кузьмич.

— Другие, такие же, как мы. Никто.

— А поконкретнее?

— Отпустите! Все равно программа запущена и будет реализована.

— А не пописать ли нам с тобой на брудершафт? — с иронией скривил губы Кузьмич. — Попался — колись! Ты же должен понимать, что мы на этом не остановимся.

— Мы тоже.

— Кто — мы?! Откуда у вас тазер, пистоль с глушителем?! Говори!

— Успокойся, Вениамин, — остановил Кузьмича Максим. — Судя по всему, говорить он не намерен. Доставим его в Управление, там умеют развязывать языки.

— Да неохота этих бомжей в Москву переть! Чуешь запах? Они год не мылись!

— Придется терпеть.

Максим отодвинулся, изучая каменно-неподвижное — лишь глаза сверкают — лицо пленника.

— Что за программу ты имеешь в виду? Гольцов должен быть избит, напуган, покалечен или вообще ликвидирован?

Лицо парня исказилось, побледнело.

— Вы... пожалеете... что... связались...

— Командир! — постучал вдруг в окно Шаман.

Максим приоткрыл дверцу.

— Я чую... включи сканер!

Максим, редко видевший Итигилова взволнованным, молча достал футляр «Беркута», шелкнул крышкой.

Прибор работал! Стрелка указателя мощности излучения дергалась по шкале как живая. Засветилась и зеркальная полоска, сигнализирующая об интенсивности поля.

— Мать твою! Клиент?! Лейтенант, быстро наверх, к Гольцову!

— Это не Гольцов, это он! — ткнул пальцем в пленника Шаман.

Глаза, зубы, ногти пленника засветились зеленоватым фосфорическим светом. Он оскалился, проговорил еще раз: «Вы... по... жа... лее...» — и вдруг закатил глаза, обмяк, откинул голову, раскрыв рот. Зубы его перестали светиться.

Стрелка прибора качнулась в последний раз, упала до нуля. «Беркут» перестал регистрировать выброс торсионного излучения.

— Что происходит?! — опомнился Кузьмич. — Что с ним?

Максим выключил сканер, взял пленника за руку: пульс не прощупывался.

— Дрянь дело!

— Ну?!

— Он умер.

— Как умер?!

— Герман, посмотри, что с водителем, дышит? Стукнул я его крепко, но не настолько, чтобы он очнулся. Пора бы уже и очнуться.

Штирлиц открыл дверцу, коснулся пальцем шеи не подающего признаков жизни водителя. Нагнулся к нему, приподнял веко, приложил ухо к груди:

— Черт! Точно не дышит! И сердце не бьется!

— А второй?

Пассажира на переднем сиденье осмотрел Писатель, тихо выругался сквозь зубы:

— И этотдохлый!

Все трое посмотрели на Разина.

— Что будем делать?

— Я не мог убить его ударом о дверцу! Оглушить — мог, но не убить.

— Я тоже не новичок в рукопашке, — оскалился Кузьмич. — Бил сильно, но аккуратно. Тут что-то другое.

— Что?

— Мистика какая-то! Чтобы все трое внезапно умерли в один и тот же момент...

— Уходить надо, командир, однако, — сказал Шаман. — Их мы уже не спасем.

— Надо все же попытаться отвезти их в больницу...

— Эти двое, наверное, уже минут семь дохлые, да и вашего не довезем, мозг живет не больше десяти минут после остановки сердца. И Кузьмич прав: мы столкнулись с чем-то очень странным и непонятным. Надо уходить.

Максим еще раз проверил пульс пленника, раздумывал несколько секунд, махнул рукой:

— Уходим!

Они быстро, но несуетливо, чтобы не привлекать внимания редких прохожих, пересели в свою машину. Максим достал мобильник, позвонил в милицию, не представляясь, сообщил о серии «семидесятке» с тремя трупами. Потом набрал номер Гольцова. Долго вслушивался в гудки, собрался было послать Штирлица проверить, дома ли клиент, но в трубке наконец шелкнуло, раздался сиплый голос Арсения Васильевича:

— Алло, слушаю.

Максим нажал кнопку, с облегчением откинулся на сиденье.

— Живой? — осведомился не спускающий с него глаз Писатель.

— Я его разбудил.

— Какие будут приказания?

— Ничего себе прогулочка в Жуковский! — усмехнулся Штирлиц. — Клиент отказался говорить, топтуны на белой «Калине» смылись, вторые ни с того ни с сего померли в одночасье... Интересно, как мы все это объясним начальству?

Максим не ответил. Он думал о том же. А еще — о поведении отца Марины. Магом или колдуном Арсений Васильевич не был, без сомнений, и при этом что-то знал, чего-то боялся, с чем-то был связан. С чем? Или с кем?

— Поехали домой.

— Но полковник же приказал доставить клиента в Управление, — напомнил Штирлиц.

— Пусть сначала докажет, что это крайне необходимо.

— Это из-за его дочки? — прищурился Писатель, имея в виду дочь Гольцова. — Не хочешь ее расстраивать?

— Хочу быть справедливым.

— А с этим что делать? — кивнул Кузьмич на «вальтер» и та-зер.

Максим подумал, засунул оружие в пакет, пакет в бардачок, включил двигатель.

Машина выехала со двора, оставляя позади дом Гольцова и загадочно умерших парней, следивших за ним.

ВСПЫШКА

Никогда раньше он не чувствовал себя таким счастливым, как сегодня. Потому что его наконец выписали из больницы и он был свободен как ветер. Не дожидаясь приезда родителей, Арсений решил сам добраться из Муром в Родомль, домой. А началась эта история в конце февраля, в школьном спортзале, где только что установили новенький турник.

Арсений тогда усиленно занимался гимнастикой, качал по утрам мышцы, а после школы шел в спортзал продолжать спортивные занятия. Увидев новый турник, он обрадовался, так как давно мечтал научиться крутить «солнце». Но делать это следовало под руководством учителя, а во-вторых, он не учел, что перекладина турника была смазана и ее сначала надо было очистить.

Арсений раскачался, сделал один оборот, второй и... сорвался. Причем сорвался в нижней точке маха, когда ноги были прямые и шли в пол. Никто из товарищей ничего сразу не понял, все подумали, что он просто соскочил с турника. Но Арсений ударился пятками — прямыми ногами, не успев спружинить — так сильно, что мгновенно потерял сознание.

Очнулся он уже в машине «Скорой помощи».

Нет, ноги он не поломал, но раздробил мениск левой коленной чашечки.

Месяц провалялся в местной родомльской больнице, где ему делали пункции, выкачивали скапливающуюся в колене синовиальную жидкость, а потом его отвезли в муромскую районную больницу. За два месяца до выпускных школьных экзаменов. Потому что беда случилась, когда ему исполнилось семнадцать лет.

О чем он только не передумал, лежа в палате и с тоской наблюдая, как больные — кто имел здоровые руки и ноги (в больнице были и другие отделения, не только хирургическое) — играли на свежей травке в волейбол. Самая страшная мысль была — остаться на всю жизнь калекой, ходить с прямой ногой! Однако он старался не кукушаться, храбрился, много читал, готовился к экзаменам и мечтал выздороветь. Плакал он только по ночам, в подушку, чтобы никто не видел, да и то редко.

Операцию по удалению отколовшихся частей мениска ему делал знаменитый на всю область хирург. Это был крупный, громогласный, уверенный в себе человек. От него исходила волна такой жизнерадостности, что заражались все больные.

— Будешь не только ходить, — пробасил он авторитетно, — но и бегать, и в футбол играть.

Операция прошла успешно, под общим наркозом, так что боли Арсений не почувствовал. Вообще ничего не почувствовал. Зато настрадался после операции, когда начал отходить наркоз. И все же он выдержал все, в том числе приступы отчаяния, от которых хотелось биться головой о стену.

Его выписали двенадцатого мая. И он, как был — в черных сатиновых шароварах, в черной футболке и полукедах, отправился на вокзал, не захотев провести в стенах больницы ни одной лишней минуты.

Денег у Арсения хватало только на билет на электричку: от Мурома до Родомля надо было ехать шестьдесят километров любым транспортом, но лучше всего электричкой. Однако, увидев продащицу с пирожками, он не удержался и купил на все деньги три пирожка с ливером и бутылку лимонада.

Господи, до чего же вкусными были эти пирожки! Ничего вкуснее Арсений в жизни не едал!

Ехал домой он без билета, не зная, что скажет контролерам, если те зайдут в вагон. Но ему повезло, контролеры так и не появились. А дома поднялся переполох, когда Арсений, бледный, худой, с пакетом книг в руке, в домашних сатиновых шароварах и футболке, переступил порог...

Арсений Васильевич провел ладонью по лицу, потянулся, посмотрел на часы: пора вставать, завлаб, собираться на работу.

А экзамены он тогда сдал неплохо, чуть-чуть не дотянул до серебряной медали. Подвели три четверки: по биологии (оценка была поставлена еще в восьмом классе молоденькой учительницей, которая воспринимала поведение Арсения и его дружка Вовки Плясунова как вызов, хотя они ничего дурного не имели в виду, просто обоим переполняло веселье), по русскому языку и по литературе. Помнится, он тогда сильно обиделся на учительницу русского. Допустим, он не знал язык на пятерку (в чем он тоже сомневался), но в отсутствии знаний по литературе упрекнуть его было нельзя. Читал Арсений едва ли не больше всех в классе.

Зарядка, более длительная, чем обычно: мышцы требовали нагрузки, что уже начинало восприниматься как нормальное явление.

Легкий завтрак: яичница, кофе, бутерброд с сыром. Есть не хочется, просто дань традиции, привычка. Не попробовать ли пару деньков вообще не есть? Ради любопытства? Так сказать, полечиться голоданием?

Он почистил сковороду хлебом, поставил в раковину. Сковорода подарила ему дочь — «знаменитую» «Тефаль»: не пригорает, и мыть удобно, ничего отскребывать не надо.

Арсений Васильевич усмехнулся, вспомнив рекламный слоган известного юмориста: «Тефаль», ты всегда думаешь о нас. И мы уже начинаем понимать, что именно ты о нас думаешь».

Звонок в дверь.

Кто это, елки зеленые? Неужели сосед, с утра пораньше опохмелиться захотел? Не повезло мужику на старости лет, не с кем поговорить, вот он и наведывается чуть ли не каждый день.

Арсений Васильевич открыл дверь.

Не сосед. Двое мужчин, один в штатском, постарше, второй милиционер — лейтенант, помоложе.

— Извините за вторжение, — вежливо сказал лейтенант, коснувшись околыша фуражки. — Я ваш участковый, лейтенант Семенченко. Мы бы хотели задать вам пару вопросов.

Арсений Васильевич прогнал возникшее ощущение взгляда в спину, сделал жест рукой: проходите. Но в гостиную никого не пригласил, остановился в прихожей.

— Простите, я тороплюсь на работу. Слушаю вас.

Лейтенант заглянул в тетрадочку, которую держал в руке:

— Вы Арсений Васильевич Гольцов, так?

— Так точно.

Мужчина в штатском, широкоплечий, краснолицый, с шелушащимся от загара носом, улыбнулся:

— Вы отвечаете как офицер.

— Я офицер, — пожал плечами Арсений Васильевич.

Штатский посмотрел на милиционера. Тот кивнул:

— Бывший, капитан в отставке.

— Бывших офицеров не бывает, — качнул головой Арсений Васильевич. — Я служил срочную на Дальнем Востоке в зенитно-ракетных войсках. Люди бывают разные, некоторые и в армии остаются сугубо гражданскими лицами. Я — офицер.

Гости переглянулись.

— Да, конечно, — пробормотал участковый. — Собственно, мы вот по какому вопросу. Вчера вечером в вашем дворе был найден автомобиль, серая «Лада-70». Вы случайно ее не видели?

Сердце екнуло. Арсений Васильевич вспомнил слова Максима о том, что за ним следят. Причем две команды. Одна из них имела ту самую машину — серую «семидесятку».

— Нет, не видел. А что?

— В ней были обнаружены трупы молодых и не очень молодых людей без документов.

В воздухе повисла пауза.

Арсений Васильевич с трудом сдержал восклицание. Перевел дух. Сделал вид, что переживает. Страх, упавший на голову, едва ли можно было назвать простым переживанием.

— Их убили?!

— Предварительное заключение: у всех троих случилась внезапная остановка сердца. Возможно, их напугали. Вы не видели во дворе подозрительных лиц, машин?

Арсений Васильевич снова вспомнил Максима и его группу. Неужели это их рук дело? Перед глазами возникло лицо майора, знакомого с Мариной, твердое, волевое, умное. Нет, такой человек не мог взять и убить троих подозреваемых в слежке. Он не из той породы. Защитить даму — пожалуйста, но не убить. Во всяком случае, без веских причин.

— Нет, пожалуй, — покачал Гольцов головой. — Я возвращался поздно, не обратил внимания.

— Ваши соседи будто бы видели новую «Хендэ» стального цвета, с московскими номерами.

— Я не видел.

— Жаль. — Лейтенант захлопнул тетрадочку, козырнул. — Вспомните что, позвоните в милицию.

Мужчина в штатском, не сводящий с лица хозяина изучающих глаз, вышел первым, за ним лейтенант.

Арсений Васильевич прислонился к косяку двери, унимая

дрожь в коленях. Правильно, что собрался в отпуск, вдруг пришла мысль, и чем скорее, тем лучше. А здесь пока все и успокоится.

С этим настроением он и пошел на работу.

В десять, после оперативки, напросился на прием к директору.

Что говорил, какие доводы приводил, не помнил. Но отпуск получил! И в расслабленном состоянии созвал лабораторную «думу», чтобы сообщить всем радостную весть об отпуске, обсудить планы лаборатории и передать бразды правления Юревичу.

Однако обрадовались не все. Анатолий получал в результате дополнительную нагрузку, взвалив на плечи обязанности заместителя, а Оксана надеялась, что в отпуск они поедут вместе. После совещания она прибежала в кабинет со слезами на глазах, и Арсению Васильевичу стоило больших усилий успокоить девушку. Пришлось пообещать ей совместный отдых на море летом. Он мог бы, конечно, поступить иначе, жестко оборвать отношения, признаться в том, что не любит Оксану, да и стар для нее, но в такие моменты всегда вспоминался дед, который говорил: что ты дашь людям, то к тебе и вернется — забота, любовь, доброта, уважение... и зло тоже. Поэтому Арсений Васильевич редко ссорился с близкими, друзьями и даже просто с окружающими его людьми, следуя принципу деда. Правда, особой реакции мира на этот принцип он не замечал. Жизнь проходила размеренно и несуетливо, без крутых зигзагов и поворотов, как асфальтовый каток, лишь изредка поднимаясь на вершины счастливых открытий или обрываясь в бездну горя. Так было, когда умерла жена. Арсений Васильевич думал, что не выдержит удара, и не хотел жить. Однако выкарабкался. Спасла поддержка детей, друзей и, как ни неприятно вспоминать, энергоподпитка Диспетчера. Впрочем, иногда Арсений Васильевич начинал думать, что смерть жены была запланирована «водителями коррекции», чтобы экзору ничто не мешало выполнять свою работу с полной отдачей.

Вечером в кабинете собрались бывшие радиоинститутские однокурсники: Женя Шилов, Серега Сергиенко, Анатолий Юревич. Открыли бутылку «Абсолюта», налили по стопочке, выпили за удачный отпуск начальника. Веселья это не прибавило, но тонус компании повысился. Женя рассказал пару анекдотов. Посмеялись. Но все испортил Сергей, вдруг заговоривший о демографии. Он жил практически в центре города, на улице Чкалова, рядом с рестораном «Спутник», и его возмутило, что в ресторан ходят одни выходцы с Кавказа. Да и принадлежал он, по слухам, не то грузину, не то армянину.

Заговорили о положении коренного населения, быстро вымирающего в больших городах, о замещении славян азиатами и смуглолицыми представителями Кавказских гор.

Арсений Васильевич больше слушал, чем говорил. Он читал доклад Комиссии по демографии Совета Европы, в котором говорилось о бедственном положении белой расы. На огромной территории от Рейкьявика до Москвы смертность белых людей превышала рождаемость. А на их место приходили афроазиаты, иранцы, турки, арабы, жители Кавказа и китайцы. По прогнозу экспертов Еврокомиссии, в две тысячи пятидесятом году даже на Трафальгарской площади и Даунинг-стрит в Лондоне перестанут попадаться светлые лица, останутся лишь выходцы из Юго-Восточной Азии. На Елисейских Полях в Париже будет слышна только арабская речь, дамы в хиджабах превратятся в законодательниц местной моды, турецкий язык в Германии признают государственным, орды голодных, злобных и вооруженных до зубов албанцев будут бродить по Риму, Россия же от Владивостока до Урала «пожелтеет», а от Урала до Калининграда заговорит с сильным кавказским акцентом. И Арсений Васильевич верил, что именно так и случится, если государственная власть не примет каких-либо действенных мер по пресечению процесса миграции. Впрочем, на государственную власть особой надежды как раз и не было.

— Все, закрыли тему, — подвел он итог мальчишнику. — Завтра будет завтра. Давайте будем жить в ладу со всеми, главное — не потерять совесть.

— Оптимист ты, Василич, — мрачно сказал Сергиенко. — Сейчас не сыщешь никого, кто жил бы по совести.

— А мы?

— Мы вчерашние. Мир изменился.

— Но нам-то меняться не резон, ведь так? — сказал мягко Толя Юревич. — Иначе зачем жить?

— Тут ты прав. Давайте еще по рюмашечке.

Выпили, закусили яблочком, пожелали друг другу удач и теплого лета и разошлись.

Арсений Васильевич еще какое-то время сортировал бумаги, рассовывал по ящикам вещи со стола, собирался. Потом закрыл лабораторию и поехал домой. На душе было беспокойно. Интуиция подсказывала, что вчерашний инцидент в ресторане венчает целую цепочку негативных событий, и связано это было, вне всяких сомнений, с решимостью Гольцова не подчиняться Диспетчеру и клану «водителей», стоящих за его спиной.

Ночь прошла тихо, без тревог и волнений.

Рано утром Арсений Васильевич вышел из дома, огляделся,

проверяя скорее внутренние ощущения, а не реальную обстановку.

Двор был пуст, народ еще только-только собирался на работу, не спеша покидать квартиры. Лишь между мусорными баками застряла задумчивая спина какого-то раннего бомжа. И все же Арсений Васильевич не сомневался, что за ним продолжают следить, уж слишком реально торчал в спине железный гвоздь чужого взгляда.

Черт с вами, следите! — угрюмо подумал он. Только не мешайте.

Взял билет, сел в электричку — одна спортивная сумка на плече — и поехал в Москву.

Завернул в гимназию, где работала дочь, поведал историю знакомства с Максимом, чем несказанно ее удивил.

— Максим спас тебя?! — переспросила Марина, делая круглые глаза. — В Жуковском?!

— Ну да.

— А мне он ничего не сказал... и в Жуковский как будто не собирался... странно.

— Разберетесь. Где Стеша? — Разговор шел в коридоре гимназии, напротив учительской.

— На уроке, разумеется.

— Позовешь ее на минутку? Хочу обнять внучку.

Марина заколебалась было, но встретила виновато-умоляющий взгляд отца и согласилась. Они поднялись на второй этаж здания, Марина поговорила с учительницей — шел урок арифметики, и в коридор вышла Стеша. Обрадовалась, увидев Гольцова-старшего, кинулась к нему на шею:

— Деда! Ты приехал!

Он подхватил ее на руки, прижал к себе, покружил, вдыхая чудесный запах волос девочки.

— Рад тебя видеть! Как дела?

— Хорошо, пятерку по литературе получила. Ты меня подождешь?

— Нет, милая, в Муром еду, а вот на обратном пути обязательно у вас остановлюсь. В кино ходим, в кафешку или ресторанчик.

— В «Джон Булл»?

— Куда захочешь.

— Тогда ладно.

— Беги на урок, — сказала Марина. — Домашнее задание здесь будем делать, потом на теннис поедем.

— Хорошо, мамуль. — Стеша чмокнула деда в щеку, помахала ему рукой и убежала в класс.

Арсений Васильевич помахал ей в ответ, чувствуя исходящий от девочки поток бодрящей энергии: внучка действовала на него как глоток свежего воздуха.

— Значит, Максим был в Жуковском, — задумчиво повторила Марина, думая о своем; проводила отца до выхода. — Что он тебе еще говорил?

— Что мне угрожает опасность, — криво улыбнулся Арсений Васильевич и тут же пожалел, что сказал это, увидев, как в глазах дочери вспыхнул огонек тревоги, поспешил добавить: — Ерунда, ничто и никто мне не угрожает, ошибся твой Максим. В общем, ждите меня через пару дней. Поживу у Кирилла, организую ремонт и вернусь.

— Будь осторожен, — покачала головой Марина. — Максим не станет бросать слова на ветер. Я с ним поговорю и позвоню тебе к ночи.

— Как хочешь. — Арсений Васильевич поцеловал дочь в щеку и вышел из гимназии.

Тревога на душе не проходила, и слова дочери только усиливали беспокойство. Может быть, отступить? — мелькнула мысль. Не будить зверя? Стоит ли рисковать благополучием детей, а то и здоровьем? Или все же попытаться получить свободу, невзирая на последствия?

Никто ему не ответил, даже внутренний голос, иногда дающий хорошие советы.

В два часа дня, так ничего и не решив, он добрался до Казанского вокзала, купил билет до Муром, сел в поезд. И сразу почувствовал себя неуютно. Будто подул холодный сырой ветер и пробрал до костей.

В вагон он зашел первым, поезд только что подогнали к перрону, и в купе никого не было. Но интуиция подсказывала, что лучше бы он подождал с посадкой. Вспомнился случай, рассказанный племянником, когда тот сел в поезд на Курском вокзале, собираясь ехать домой, в Днепропетровск. Все было примерно так же: никого в вагоне, проводник на перроне, посадка только началась. Племянник начал было устраиваться, как в купе вошли двое мужчин и закрыли за собой дверь. Один достал нож, второй задернул окно занавеской.

— Выкладывай лопатник, — сказал мужик с ножом; у него были золотые зубы. — Бог велел делиться.

Лишь после этого племянник понял, что нарвался на вокзальных рэкетиров, работающих под прикрытием вокзальной же милиции. О том, что так оно и есть на самом деле, он догадался, когда пошел искать правды у дежурного милиционера.

Отделался он тогда довольно легко, так как не вез из Москвы

домой ничего, что могло бы заинтересовать налетчиков. По-видимому, рэкетеры ошиблись, приняв его за мелкого предпринимателя, и быстро смылись, когда обнаружили ошибку. А в милиции племянника едва не обвинили в поклепе, строго проверили документы, заставили писать объяснительную — кто он и с какой целью посещал столицу России. Плюнув на поиски правды, племянник забрал заявление о грабеже и уехал с облегченным кошельком. Потерял он, правда, немного, всего сто двадцать российских рублей и сорок украинских гривен. Иноземной валюты у парня не было.

С грохотом отъехала дверь купе. В проеме возникла бородастая физиономия угрюмого вида. Сверкнул нож. Арсения Васильевича задвинули в угол, приставили к горлу нож. В купе вошел еще один человек вполне миролюбивой наружности, но с мутными глазами наркомана. История с племянником повторялась как в дурном сне.

— Не шуми, дядя, — с улыбкой прижал палец к губам вошедший вторым; зубы у него были свои, но наполовину сгнившие. — Мы боремся за справедливость. Бог велел делиться, это в Библии записано. Ты ведь не против, чтобы поделиться?

— Лачпорт, башли! — утробным басом потребовала бородастая личность с ножом. — По-рыхлому!

— Что?! — не понял Арсений Васильевич.

— Деньги, паспорт, — перевел улыбчивый напарник бородастого. — Быстро!

Арсений Васильевич сглотнул слюну, потянулся было за бумажником, и вдруг в голове словно электрическая искра проскочила. Сволочи, что же они творят?! Среди бела дня, на виду у всех! Как это можно терпеть?!

Бородастый встретил его посветлевший взгляд и отшатнулся, бледнея, выронил нож, заслонился ладонью.

Его подельник вздрогнул, будто получил пощечину.

Арсений Васильевич вытянул вперед руку:

— Вон!

От этого низкого короткого возгласа лопнул стакан на столике. Оба налетчика схватились за уши и бросились из купе, задев плечами косяк двери, скуля и подвывая от страха.

Арсений Васильевич еще несколько мгновений стоял в той же позе, в порыве гнева и ярости, потом словно погас, сел на сиденье, почти рухнул. Силы покинули его. Взгляд упал на нож. Он нагнулся, поднял оружие — это был красивый охотничий нож «вепрь» известного мастера, хотя Арсений Васильевич не помнил фамилии. А вот название ножа почему-то запомнил. Выбросить? Или оставить? Уж больно хорош клинок!

Поколебавшись, он протер нож салфеткой, сунул в сумку. Авось пригодится в хозяйстве.

Над вокзалом собрался шар из птиц, удивляя пассажиров и работников железной дороги. В уши настойчиво пробивался бесплотный голос Диспетчера, призывающего включиться в процесс коррекции и немедленно изменить условия равновесия на Карипазиме. Но Арсений Васильевич усилием воли «изгнал беса» из головы и принялся анализировать происшедшее.

НАПАДЕНИЕ

Полковник Пищелко был не просто зол, он был взбешен.

— Почему вы не выполнили приказ, майор?! — проговорил полковник, едва сдерживаясь; у него побелели ноздри и лицо пошло красными пятнами, верный признак отвратительного настроения. — Почему вы не доставили объект в Управление?

— Потому что ситуация сложнее, чем кажется, — упрямо сдвинул брови Разин, стоя навытяжку. — За объектом ведут наблюдение две группы. Одну мы вычислили и обезоружили, вторая пока гуляет на свободе. Кто они — мы не знаем. Зачем следят за Гольцовым — неизвестно. Я убежден, что мы должны...

— Вы не должны думать, майор! — ощерился Пищелко, выдвигая вперед челюсть. — Вы должны исполнять приказы! Если вы взяли топтунов, якобы следящих за объектом, то где они? Эти штучки, — полковник небрежно кивнул на тазер и «вальтер», — можно просто купить, чтобы оправдать невыполнение задания.

Ну да, как же, мрачно подумал Максим, поди купи где-нибудь новейший электрошокер да пистолет с насадкой бесшумного боя. Вслух же он сказал:

— Я не отказываюсь от выполнения задания, но сложившиеся обстоятельства...

— Плевать мне на обстоятельства! Где объект?! Где хотя бы задержанные топтуны, у которых вы изъяли оружие?!

Максим помолчал:

— Они... умерли.

— Что?! — Пищелко едва не хватил удар. Он побелел, хватанул ртом воздух, потрясенный словами подчиненного, нашарил на столе стакан с чаем, выпил. — Ты с ума сошел, майор?! Что значит — умерли?! Сколько их было?!

— Трое.

— И все трое... умерли?! Вы понима... ты понимаешь, в чем признаешься?!

— Ни в чем я не признаюсь, — огрызнулся Максим. — Мы их пальцем не тронули... практически. Но у всех троих остановилось сердце. Вот почему я считаю ситуацию нестандартной и требую расследования...

— Все, майор! Хочешь расследования? Ты его получишь! По полной программе! Где убитые?

Максим сжал зубы:

— Они не убиты! Мы вели допрос... внезапно сработал «Беркут», зафиксировав мощный выброс пси-поля... и все трое потеряли сознание (на самом деле это выглядело чуть иначе, но общей картины событий не меняло) и умерли. Такое впечатление, что кто-то воздействовал на задержанных дистанционно, отчего они и сыграли в ящик, не успев сообщить, что за контора за ними стоит.

Пишелко чуть поостыл:

— Дистанционное воздействие? Тогда это наверняка был Гольцов! Тем более надо было доставить его на базу! Короче, майор, даю тебе еще один шанс, пока не спохватилось высшее командование. Делай что хочешь, но чтобы через двадцать четыре часа этот деятель был у нас! Понял?

— Я бы хотел все-таки уточнить...

— Понял, я спрашиваю?!

— Так точно.

— Иди!

Максим четко повернулся через левое плечо и вышел.

В голове царил сумбур, на сердце лежала тяжесть. Он не знал, как объяснить Марине то, что происходит вокруг ее отца, и не хотел признаваться, что и с ней он познакомился только благодаря служебному заданию.

Ломая голову, как выйти из положения, Максим вызвал Райхмана и приказал ему приготовить группу к поездке в Жуковский.

— Опять? — удивился капитан. — Сколько можно?

— Сколько нужно, — сухо отрезал Максим.

Райхман посмотрел на плотно сжатые губы командира группы и продолжать в том же духе не рискнул. Лишь проворчал, выходя:

— Не команда, а бумеранг...

Он, наверное, имел в виду, что последние траектории группы действительно напоминали метание бумеранга, с той лишь разницей, что летал сей «бумеранг» вхолостую.

Марина ответила мгновенно, будто ждала звонка:

— Алло, Максим?

— Да, это я, тут такое дело...

— Нам надо встретиться, поговорить.

— Я должен уехать...

— Куда? Когда?

— В Жуковский. Прямо сейчас.

Короткое молчание.

Максим взмок.

— Тем более нам необходимо поговорить! Приезжай к гимназии, буду ждать.

Он хотел было отговориться, что на встречи нет времени, но прикусил язык. Угадать ее реакцию было нетрудно.

— Хорошо, выйди к памятнику через полчаса.

Посидев несколько секунд в ступоре, Максим снова вызвал Штирлица:

— Герман, мне надо отлучиться на час. Выезжаем в четыре, будьте готовы.

— Есть, командир, — ответил озадаченный капитан.

Через тридцать пять минут Максим подъехал к памятнику Одоевскому напротив гимназии, выскочил из машины, в три прыжка преодолел лестницу, перепрыгивая ступеньки и лужи.

Было прохладно, небо затянули тучи, но дыхание весны уже сказывалось на природе, кустарник и деревья покрылись первыми клейкими листочками, предвещая скорое буйное цветение вишен и яблонь.

Марина уже ждала его, нетерпеливо расхаживая вдоль мокрых скамеек у памятника.

У Максима сбилось дыхание. Женщина была ослепительно красива, даже не верилось, что он запросто может подойти к ней и поцеловать. Или в крайнем случае заговорить. Как... как кто? Как старый знакомый? Любовник? Или безнадежный мечтатель?

Ноги ослабли. Вспомнились сны, особенно донимавшие его в юности: он пытается бежать — от врагов — или, наоборот, догнать кого-то и не может, ноги не слушаются, он не может оттолкнуться как следует, и бег получается тяжелым, «подводным», мучительно медленным...

— Почему ты не сказал мне, что охотишься за моим отцом?!

Он выдохнул:

— Я не охочусь...

— Нет, охотишься! Думаешь, я поверю, что ты встретил меня тогда зимой случайно?! Может, все было подстроено, и я нужна тебе только для того, чтобы...

— Стоп! — он поймал руки Марины, сжал, привлек ее к себе. — Ни слова больше! Я собирался сам рассказать тебе всю

правду, но так получилось. Давай присядем, и ты все узнаешь, только прошу не перебивать.

- Здесь сыро.
- Пойдем в кафе рядом.
- У меня всего полчаса до начала урока.
- У меня тоже.
- Рассказывай.

Максим глубоко вздохнул и начал рассказывать свою историю знакомства с Арсением Васильевичем Гольцовым.

По мере того как рассказ продолжался, лицо Марины становилось мягче, она задумалась и к концу признания стала грустной.

— Да, я тоже видела, что папа иногда... странный... Он вообще очень ранимый и мягкий человек и до сих пор любит маму. Но я даже не предполагала, что он... экстрасенс.

— Возможно, не экстрасенс в полном смысле этого слова, но достаточно необычный человек с паранормальными, как теперь говорят, способностями.

— Но он никогда ничего не рассказывал.

— Мне тоже не сказал, когда я беседовал с ним после инцидента в ресторане. Хотя я уверен, что твой отец что-то скрывает.

— Зачем он понадобился вашей службе?

— Моя группа только выявляет экстрасенсов, дальше с ними работают специалисты другого профиля.

— Какого? Что они с ними делают? Экспериментируют? Ставят на них опыты?

Максим улыбнулся:

— Как правило, с сильными экстрасенсами работают научно-исследовательские институты, но никаких опытов, конечно же, не проводят. — Максим отвел глаза, так как не был уверен в своих утверждениях. — Еще я знаю, что многие соглашаются участвовать в военных программах или же работают в качестве прогнозистов. Иногда — целителей.

— Что будет с отцом?

— Я не знаю.

Марина сдвинула брови, и Разин торопливо добавил:

— Но я постараюсь сделать все, чтобы с ним обращались по-человечески. И вообще буду рядом.

Девушка зажмурилась, помотала головой:

— Бедный папа... он часто говорит, что у него внутри постоянно идет дождь, и это правда. А как ему помочь, я не знаю.

— Мне жаль, — пробормотал Максим, вспоминая последний конфликт с Гольцовым в ресторане, когда тот вдруг словно проснулся и начал действовать как вполне грамотный рукопашник.

— Да я тебя не виню, — грустно улыбнулась она. — Ты делаешь свое дело. Только обещай мне...

— Я же сказал...

— Обещай мне не обижать отца и держать меня в курсе.

— Хорошо.

— Мне пора на урок. — Марина быстро пошла прочь, но вдруг вернулась — он так и остался стоять, опустив голову, — поцеловала его в подбородок и снова заторопилась к дверям гимназии. Убежала.

— Ну и влипли мы с тобой, майор, — проговорил Максим меланхолически, совершенно не представляя, что теперь будет.

В четыре с минутами группа погрузилась в разинскую «Хендэ» и направилась в сторону Выхина. Через час, несмотря на пробки, выехали на Каширское шоссе. Еще через час миновали пост ГАИ на въезде в Жуковский и выгрузились во дворе дома Гольцова, знакомом до мельчайших деталей.

Ни серой «клюквы» с трупам пассажи́ров, ни белой «Калины» здесь, естественно, не обнаружилось. А у Максима появилось ощущение, что приехали они напрасно. Дом казался пустым. Его окна равнодушно смотрели на двор и на улицу, совершенно не интересуясь, что происходит в мире.

— Подождем? — спросил Кузьмич. — Еще семи нет, клиент с работы обычно позже приходит.

Максим подумал:

— Поехали к институту. Чует мое сердце, нет его в городе.

— Ты случайно не в ясновидцы записался, командир? — хмыкнул Писатель.

Вместо ответа Максим развернул машину и поехал к месту работы Гольцова.

Рабочий день закончился, из института начали выходить сотрудники, но Арсения Васильевича среди них не было.

— Зайди-ка, узнай, здесь он или нет, — приказал Максим Райхману.

Капитан ушел и через десять минут вернулся озабоченный:

— Нет его, в отпуске.

Чекисты переглянулись.

Максим кивнул сам себе, словно и не ожидал услышать ничего другого:

— Поехали к нему домой.

Вернулись на знакомый двор, поднялись на третий этаж, позвонили. Никто не подошел к двери и не спросил: кто там?

— Ситуация! — поскреб в макушке Кузьмич. — И где мы будем его искать? Он же мог запросто уехать куда угодно, в том числе на юг, отдыхать.

— Гольцов, по слухам, не любитель морского отдыха, — возразил Штирлиц. — Он мог поехать к дочери.

— В Москве его нет, — покачал головой Максим.

— Тогда к сыну или же к родственникам в деревню, на родину. Он родился и вырос в Родомле, в шестидесяти километрах от Муром. Мне кажется, искать его надо там.

— У нас есть телефоны его сотрудников, — напомнил Писатель. — Давайте позвоним и узнаем.

— Не легче ли зайти к соседям? К нему постоянно ходит сосед, этот вечно недовольный дятел, бывший полковник.

— Что ты ему скажешь?

— Представлюсь личным врачом.

— Шутник, — одарил Максим Кузьмича скептическим взглядом. — У тебя на фейсе написано, какой ты врач. Я сам пойду, ждите в машине.

Открыл ему седоголовый, с залысинами, крепкий пожилой человек. Это и был сосед Гольцова, полковник в отставке Держанский. Взгляд его был настолько подозрителен и профессионально изучающ, что Максим отказался от предложения Кузьмича. Достал удостоверение офицера ФСБ.

— Добрый день. Майор Разин. Разрешите задать вопрос?

— Разрешите посмотреть?

Максим протянул красную книжечку.

Держанский повертел ее в пальцах, вернул:

— Чем обязан?

— В принципе, мы имеем интерес не к вам лично, а к вашему соседу. Естественно, этот разговор между нами.

— Служба интересуется Арсением? Что он натворил?

— Он-то как раз чист и непорочен, — улыбнулся Максим, — как слеза Аллаха. Но им интересуются нехорошие люди, которых нам хотелось бы... э-э, послушать.

— Понимаю. Никогда бы не подумал, что Арсением заинтересовался криминал. Человек он тихий, скромный, библиофил, много читает. Хотя в последнее время он какой-то странный, задумчивый... Так что от меня надо, майор?

— Не подскажите, где его можно отыскать? На работе нас задержали, что он в отпуске.

Полковник поскреб щетину на подбородке:

— Арсений вроде бы собирался к сыну в Муром, помочь ему хотел с ремонтом квартиры. А поехал ли — не ведаю.

— Дома его нет.

— Значит, уехал. Мог и к дочери заскочить, в столице она живет, в гимназии работает.

Максим хотел признаться, что знает об этом, но передумал:

— Спасибо, Феликс Константинович.

Брови полковника прыгнули на лоб.

— Вы и меня знаете?

— Служба такая. Не подскажете адрес сына Гольцова в Муроме?

— По-моему, он живет где-то на Московской улице, в старинной трехэтажке, Арсений мне говорил. А номер дома не помню. Ну, для вас не проблема добыть нужный адресок, майор.

— Разумеется. Еще раз прошу извинить. До свидания. — Максим коснулся пальцем лба, сбежал по лестнице вниз, провожаемый взглядом полковника в отставке.

— Ну? — встретил его вопросом Кузьмич.

— Баранки гну! — ответил Максим в том же тоне. — В Муром укатил наш клиент, к сыну.

— Едем туда?

— Куда же еще? У нас есть адрес сына Гольцова?

— Должен быть. — Штирлиц раскрыл ноутбук, покопался в папке оперативных сведений. — Вот: Гольцов Кирилл, двадцать пять лет, город Муром, улица Московская, дом шесть, квартира пять, второй этаж.

— Поехали.

— Лучше всего ехать через Владимир.

— Я знаю.

Максим сел за руль своей «революционной» «Хендэ», способной развивать скорость в двести пятьдесят километров в час, и вывел ее со двора гольцовского дома.

До МКАД домчались за полчаса, свернули на Кольцевую, а с нее — на Горьковскую трассу. Несмотря на конец рабочего дня, машин из Москвы выезжало мало, поэтому Максим гнал по-серьезному, не обращая внимания на посты автоинспекции. Один пост их пропустил, возле Орехово-Зуево, инспектор просто не успел махнуть жезлом, на втором их попытались остановить — у въезда во Владимир, но гнаться за машиной не стали. Возможно, посчитали, что так нагло могут ездить только свои. Или откровенные бандиты.

В Муром «Хендэ» въехала в начавшихся сумерках, преодолев в общей сложности четыреста километров за четыре часа.

В летописях Муром — Максим читал об этом — впервые упоминался под восьмьюсот шестьдесят вторым годом как поселение племени «мурома». Уже в те времена он был крупным центром торговли с волжскими булгарами, купцами из черноморской Тавриды и смуглолицыми гостями с далекого Востока. Археологи часто находили на муромской земле арабские монеты восьмого века и изделия греческих мастеров.

Правили Муромом киевские князья — сын Владимира Святославовича Глеб, черниговские — Олег Святославич, московские — сын Владимира Мономаха Изяслав, и многие другие. Глеба муромцы сначала не пустили в город, узнав, что он собирается обратить их в христианскую веру. Поняв, что их «одолеи невозможно», Глеб распорядился построить для себя укрепленное подворье на холме и возвел там небольшую деревянную церковь Спаса. Впоследствии на этом месте возник старейший в Муроме Спасский мужской монастырь. Но и после крещения Руси символ креста практически отсутствовал в философской концепции градостроительства Мурома. Лишь одна узорчатая четырехконечная фигура Троицкого собора отдаленно ассоциируется с крестом, но и она в смысловом контексте с другими изображениями читается иначе — как символ устойчивости мира: четыре стороны света, четыре времени года, четыре периода суток, четыре поры человеческой жизни.

Во времена татаро-монгольского нашествия (по другим источникам — обычных междоусобных войн) двенадцатого-тринадцатого веков деревянный Муром сгорел дотла. Но вновь был отстроен в четырнадцатом веке князем Юрием Ярославичем. И хотя много раз после этого город разрушали, грабили, жгли, он выстоял, оставаясь деревянным до шестнадцатого века. Даже кремль Муромский был деревянным. Потом начали строить каменные храмы: муромский мужской монастырь Благовещения, женский Троицкий, церковь Николы Набережного, дома местной знати — купцов Зворыкина, Черкасова, Коровина, Болховитинова, графа Шуйского, князей Веневитинова и Пожарского.

В девятнадцатом веке Муром настолько прославился изделиями из теста, что в его герб поместили три калача. К началу двадцать первого века эта слава несколько подуwała, однако пирожные, торты и булочки с маком здесь по-прежнему были хороши, в чем и убедились приезжие, попив чаю в первом же кафе в центре города.

Отметили они и своеобразный контраст городского облика. Чистый, красивый, ухоженный центр Мурома бурлил оживленной деловой жизнью, запруженный потоками машин, но стоило углубиться в прибрежные слободские переулки, и со всех сторон к тебе подступает тишина. Кругом деревянные дома с резными подзорами и ставнями, каменные старинные особнячки под еще по-весеннему негустыми кронами деревьев, скрипящие калитки осевших ворот, высокие лестницы с шаткими ступенями, спускающиеся с откосов берега к Оке среди намечающихся зарослей лопухов и крапивы. Словно оживают страницы какой-то давно

прочитанной в детстве книги, оставившей в душе смутные, но теплые воспоминания.

Максим с трудом отвлекся от созерцания улицы. Насколько помнилось, на него всегда влияли старинные русские городки типа Ярославля, Почепа, Новгорода, Муром, сохранившие запахи старины.

Нашли улицу Московскую и дом номер шесть.

Стемнело, однако благодаря вспыхнувшим фонарям дом был виден хорошо, трехэтажный, похожий на особняк средней руки, с вывеской «Продукты» на фасаде — на первом этаже располагался магазин — и рекламой фильма «Дневной позор» на крыше.

— Иван Дрожжевич, — сказал Максим. — И Герман.

Шаман и Штирлиц вылезли из машины, скрылись за углом дома.

— А если его и здесь нет? — подал голос Кузьмич.

— Поедем в деревню, — сухо сказал Максим.

Помолчали.

— Можно, я тоже схожу, разомнусь? — не унимался Кузьмич.

— Сиди!

— Смотрите-ка, — показал пальцем в небо Писатель. — Птицы в шар собрались!

Максим выглянул из машины.

Действительно, над домом крутился ажурный птичий шар, из которого по одной и парами вылетали вороны, воробьи, трясогузки и снова возвращались в стаю.

— Я такое явление в Жуковском видел, — не особенно удивился Кузьмич, — когда мы за клиентом топали. Интересно, что их заставляет собираться в шар, какая сила? Или инстинкт?

— Это ты у них спроси.

К машине подошли Шаман и Штирлиц.

— Утверждать не берусь, но похоже клиент здесь, — доложил капитан. — В квартире разговаривают двое мужиков, я послушал сквозь дверь. Да и Иван Дрожжевич согласен с этим.

Все выжидательно посмотрели на Максима.

— Как стемнеет, будем брать, — вспомнил Писатель с улыбкой знаменитую фразу из фильма «Джентльмены удачи». — Будем ждать?

— Нет смысла ждать, — мотнул головой Максим. — Надо убедиться, что Гольцов здесь. Успеет еще... — Максим не закончил.

К дому медленно подкатила серая «Лада»-«семидесятка». И хотя номер у нее был местный, муромский, совпадение показалось удивительным. Точно такая же серая «клюква» принадлежала топтунам, следившим за Гольцовым в Жуковском.

— Командир, — тихо произнес Шаман.

— Вижу, — сквозь зубы ответил Максим. — Ты думаешь, это...

— Я чую!

Максим достал «Беркут», включил. Стрелка прибора пошла вбок, не зашкалила, но и этого было достаточно, чтобы сделать вывод: неподалеку появился источник торсионного излучения.

— Работаем! Вариант «СНГ».

Никто не попросил расшифровки варианта, все и так знали, что СНГ означает «снег на голову».

Из серой «семидесятки» выбрались двое мужчин, одетые в потрепанные куртки и мятые штаны. Один был небрит, что служило признаком некоего класса, славящегося отсутствием общей культуры. Второй, низкорослый, с руками до колен, широкий, ощутимо мощный, имел небольшую головку, несоразмерную с шириной плеч, на которую была натянута вязаная шапочка. Оба скрылись за углом дома.

— Никто... — вполголоса проговорил Писатель.

— Что? — не понял Максим.

— Помните того задохлика в бейсболке, которого мы допрашивали в Жуковском? Он говорил, что они — никто. Эти с виду тоже никто и ниоткуда. Таких можно на вербовать мешок.

— Или закодировать.

— Вот-вот.

— За ними! — коротко приказал Максим.

Кузьмич и Писатель вылезли из кабины, обошли дом, исчезли. Следом двинулись Шаман и Штирлиц. Последним вышел Максим, придвинул к губам усик рации:

— Не спугните.

— Обижаешь, начальник, — прилетел укоризненный ответ Кузьмича.

Мельком глянув на «семидесятку», внутри которой остался только водитель, Максим последовал за подчиненными. Он был почти уверен, что пассажиры «семидесятки» приехали сюда неспроста, их интересовал Гольцов.

Во дворе дома его ждал Шаман:

— Они вошли в подъезд. И они вооружены, я чую.

— Жди здесь, Иван Дрожжевич, последи за водителем.

Максим вошел в подъезд. Дверь здесь хотя и имела домофонное устройство, но была открыта настежь.

На лестнице показался Штирлиц, махнул рукой, приглашая подняться.

На маленькой лестничной площадке у двери с медным номером «5» замерли члены группы.

— Они вошли сюда, — почти беззвучно сказал Кузьмич. — То ли имели ключи, то ли отмычку.

— Надо бы... — начал Писатель.

Из-за двери раздалась громкие мужские голоса, шум, возня, удар, крики и вслед за ними два негромких выстрела.

Максим толкнул дверь от себя — незаперта — и прыгнул в проем.

Маленький тесный коридорчик, дверь в туалет, дверь в ванную комнату, дверь на кухню. Гостиная. Тело молодого человека в футболке и спортивных штанах на ковре. На диване Гольцов без кровинки в лице, держится за грудь, сквозь пальцы стекает на майку кровь. Напротив двое: гориллообразный мужик с маленькой головой, в руке бутылка вина, и высокий парень с небритой физиономией, в руке пистолет. Оба оглянулись на звук шагов, в глазах — шалая муть, удивление, угроза и ни капли страха.

— Руки! — приглушенно рявкнул Максим.

Небритый поднял пистолет.

Максим выстрелил.

Пуля попала парню в плечо, отбросила его к окну. Он тоже успел выстрелить, но попал в книжный шкаф.

— Лечь! — прорычал Максим. — Руки за голову!

За его спиной показались Кузьмич, Штирлиц и Писатель.

Налетчики перевели взгляды на них — в глазах опять-таки ни грамма страха, сосредоточенная жажда д е л а плюс искра безумия, — переглянулись. Низкорослый микроцефал сунул руку за пазуху. Максим выстрелил еще раз.

Пуля чиркнула здоровяка по шее, он хрюкнул, хватаясь за царапину, затем вдруг метнулся к окну и прыгнул в него всем телом.

Удар, грохот ломающейся рамы и разлетающегося стекла!

Напарник мужика бросился было за ним, но Максим подставил ногу, и парень врезался головой в подоконник, упал на пол.

— За ним! — скомандовал Максим.

Кузьмич тенью сиганул в окно.

Штирлиц сунулся следом, но прыгать не стал, метнулся к выходу из квартиры.

— Ранены? — подошел к Гольцову Максим. — Две пули? Одна? Стреляли дважды.

Гольцов покачал головой, криво улыбнулся:

— Одна... сын...

— Живой, — разогнулся Писатель, — и даже не раненый. Его просто ударили бутылкой по башке.

— Вызывай «Скорую»!

— Есть!

Максим включил рацию:

— Иван Дрожжевич, зайди.

— «Семидесятка» уехала...

— Хрен с ней! Гольцов ранен!

— Иду.

— Как вы себя чувствуете? — подсел Максим к раненому на корточки.

— Сын... — снова прошептал Арсений Васильевич. — Кирилл...

— С ним все будет в порядке, он не ранен, очухается. Кто это был? Ваши знакомые? Вы их узнали?

— Нет...

— Плохо. Я не смогу защищать вас все время, если не буду знать причин слезки и нападений.

— Потом... поговорим... — Из уголка рта Гольцова вытекла струйка крови, он слабел на глазах. — Помогите... сыну...

В гостиную вбежал Шаман, нагнулся над раненым, положил ему руку на лоб:

— Там соседи в коридоре, беспокоятся.

— Гена, успокой соседей.

Максим встал:

— Где «Скорая»?

— Уже едет, — доложил из-за двери Писатель. — Милицию вызывать?

— Не надо, только увеличим переполох. Кузьмич, Герман, где вы?

— Возвращаемся, — отозвался лейтенант. — Ушли, суки, как сквозь землю провалились! Наверное, местные, хорошо ориентируются в здешних буераках. Что у вас?

Максим не ответил, нетерпеливо обошел колдующего над пациентом Шамана:

— Ну?

— Кровь я остановил, — сказал Шаман, — но пуля задела легкое, его надо срочно в реанимацию.

— Подними парня.

Итигилов вытер окровавленные пальцы платком, склонился над сыном Гольцова, но тот уже заворочался, приходя в себя, сел, держась за голову. Парень был как две капли воды похож на отца, только залысины у него были больше, несмотря на молодые годы. Глаза его расширились: он увидел лежащего на диване отца с кровавым пятном на груди:

— Папа!

— Спокойно, молодой человек, — остановил Кирилла Шаман. — Его нельзя шевелить.

— Он жив?!

— Жив, слегка осоловел.

Послышался пронзительный вой приближающейся «Скорой помощи». Через минуту в квартиру ввалились Кузьмич, Штирлиц и двое врачей в белых халатах, мужчина и женщина. Одного взгляда на пациента врачу оказалось достаточно.

— Носилки! — бросил он женщине, очевидно, медсестре, перевел взгляд на Шамана, приняв его за старшего. — Помогите ей.

Женщина, Шаман и Писатель вышли, но тут же вернулись со средством переноски тяжелобольных. Гольцова аккуратно уложили на носилки, снесли вниз, поместили в кабину «рафика» с красными крестами на бортах.

Сын Гольцова сунулся было туда же, но Максим остановил его:

— Отцу ты сейчас не поможешь, а дома окно выбито. Займись ремонтом.

— Но папа...

— Дай телефон, мы позвоним и сообщим, куда его положат.

Кирилл поколебался немного, морщась, бледный и растерянный, махнул рукой:

— Ладно, вы правы... записывайте телефон.

«Скорая» включила сирену, тронулась с места.

Группа мгновенно расселась в кабине «Хендэ», Максим прыгнул за руль и погнал машину за белым «рафиком». Голова была занята анализом происшествия. Такого поворота дела майор не ожидал. Зато понял, что за клиентом началась какая-то странная охота и что добром это не кончится. В сложившейся ситуации транспортировка Гольцова в Управление действительно казалась лучшим выходом из положения.

ВХОЖДЕНИЕ

Бабушка снует у печки, легкая и подвижная, напевает что-то под нос. На лице отсветы огня. В печке потрескивают березовые поленья, шипит сковорода. Блины сами собой слетают со сковороды, пышные, изумительно пахнущие, вкусные.

Толстый луч солнца лежит на одеяле, пылинки танцуют в нем, подставишь ладошку — тепло и щекотно.

За окном поет птица, посвистит-посвистит, перестанет, снова выводит рулады.

Свежий ветерок врывается в форточку, лижет ухо. Вставать неохота, но надо, впереди экзамен.

— Вставай, постреленок, — доносится с кухни ласковый голос.

— Бабуля, родная... иду...

И все тонет в темной воде времени...

Вода кругом, он захлебывается, тонет, бьет руками, ища опору, не находит, погружается в серо-зеленую муть, неужели конец?! Но вот нога коснулась дна, он отталкивается, поднимается вверх, выныривает, хватая ртом воздух, полуслепший, задыхающийся, кашляет, снова судорожно лупит руками по воде, а берег — рядом, в метре от него, еще одно усилие, и он цепляется за свисающие с обрывчика космы трав.

Кругом веселые голоса, смех купающихся, никто даже не понял, что Арсений только что родился второй раз, хотя никогда никому после этого не признавался, что тонул он по-настоящему и страх испытал настоящий, страх близкой смерти. А ведь не позвал на помощь, то ли от стыда, то ли от гордости, берег-то и в самом деле был рядом, и все думали, что он дурачится...

Темнота, и шары давят со всех сторон, огромные, белые, упругие, грозят стереть в порошок. Он барахтается, пытаясь раздвинуть эти шары, вдохнуть побольше воздуха, но не может, сил не хватает, и он снова тонет в пространстве без верха и низа, заполненном одними шарами.

— У него температура сорок и две, — доносится откуда-то тихий голос.

— Вызывай врача, — раздается второй. — Намочи полотенце, положи на лоб.

Чье-то ласковое прикосновение, лоб накрывает приятная прохлада.

— Бабуля... мама... — шепчет он, не видя их лиц.

Шары бледнеют, становятся призрачно-неощутимыми, но ненадолго. В голове снова поднимается жар, душно, дышать нечем, шары надвигаются со всех сторон, закрывают обзор, и Арсений начинает их раздвигать...

Грипп, ему двенадцать лет. А болел он всегда тяжело...

Темнота, тихое тиканье, боль в груди... и в руке...

Арсений Васильевич открыл глаза.

Он лежал на кровати, укрытый по грудь белой простыней. Рядом капельница, прозрачная трубочка тянется к левой руке,

по ней бегут золотистые капли физиологического раствора. На лбу, на шее и на обеих руках датчики с проводками. Грудь перебинтована, под бинтом — жар и пульсация боли.

Пуля, вспомнил он. В меня стреляли...

Повернул голову, шаря глазами по сторонам.

Больничная палата, две койки, но он здесь один. У изголовья стойка с какими-то приборами, куда тянутся провода от датчиков. В палате никого, хотя рядом стоит стул для дежурной медсестры. Видимо, отлучилась по надобности.

Я в реанимации, пришла равнодушная мысль. После операции. Пулю, наверное, вытащили. Но болит... и дышать трудно...

Арсений Васильевич шевельнулся и едва не потерял сознание. Глаза застлала кровавая пелена.

На аппаратной стойке запищал сигнализатор.

Кто-то вбежал в палату, лба коснулись холодные пальцы, раздался женский голос:

— Он очнулся, Лев Борисыч. Да, я сделаю укол TRANSPARINA. Ничего, сейчас мы успокоимся.

В правую руку вонзилась иголочка боли, исчезла. По руке поползла теплая волна, вошла в голову, родила облако темноты...

Он плывет сквозь густую вязкую лаву, сковывающую движения. Впереди показывается колечко света, расширяется, превращается в устье тоннеля. Еще два взмаха и...

Полумрак, тикающая тишина, запах лекарств, белая простыня, капельница...

Та же палата, то же положение, в груди застрял горячий камень, жжет и давит, не дает дышать. Дьявольщина, когда это кончится?! Может, попробовать полечиться самому?

Арсений Васильевич попытался усилием воли вызвать состояние в л а с т в о в а н и я, какое он испытывал во время сеансов коррекции жизни Карипазима... и вновь потерял сознание!

Темнота, бездна, что-то живое дышит со всех сторон, смотрит, оценивает, толкает то в бок, то в спину, лижет мокрым шершавым языком лицо...

Уйди!

Удивление, изучающий взгляд, толчки стихают, «язык» вытягивается в шуршащую бездну, взгляд тускнеет...

Откуда-то прилетают отголоски разговора... точнее, кто-то размеренно читает некий текст, смысл которого не сразу достигает сознания.

Арсений Васильевич напрягает слух.

Голос становится четче, не поймешь — мужчине он принадлежит или женщине:

...большая часть мировых идеологий и политических идей-

ных течений есть варианты глобальной стратегической духовной функциональной программы, охватывающей все космические цивилизации данной метавселенной...

Зачем? — вяло поинтересовался Арсений Васильевич, лишь позже осознав, что задал вопрос мысленно.

Система заинтересована в масштабном программировании эволюции, охотно откликнулся Голос.

Какая система?

Система Контроля Мультиверсума.

Бог?

Нет, это безличностная сущность, персонифицирующая свои идеи по мере надобности в конкретных исполнителях. Именно благодаря ей духовное функционирование активных человеческих социосистем превращалось в гибель племен, народов, государств и целых земных цивилизаций.

Она так сильна?

Получить господство в религиозных течениях и государственных структурах несложно. Этого можно добиться путем физического уничтожения и грубого устранения с мировой сцены лидеров систем, как это было сделано с языческими пророками, ведическими гиперборейскими магами, ясновидцами и — позднее — с их потомками — волхвами. Но можно того же самого добиться путем сокрытия истины, путем лжи и обмана. Эта подсистема также функционирует успешно, хотя и намного медленнее.

Информационная коррекция...

Совершенно верно. Все значительные кризисы в обществе абсолютно управляемы и могут быть спровоцированы искусственно с помощью манипуляционных духовно-фундаментальных сценариев на основе распределения энергоинформационных потоков.

Я тоже этим занимаюсь... занимался...

Таких, как ты, много.

И на Земле тоже?

Земля такой же узел коррекции, как многие другие разумные системы. Ею тоже управляют операторы Системы Контроля.

Экзоры...

И местные операторы, такие, как Диспетчер.

Он... человек?

Нет, он д р е в н и й, один из тех, кто уцелел из первых носителей разума на Земле. Ему более миллиарда лет. Он хорошо знает механизмы энергоуправления и в состоянии генерировать причины событий, которые произойдут через десятки и сотни лет. Но без помощи людей, ныне живущих, ему не обойтись, он слишком стар, чтобы справляться с таким активным узлом, как

Земля. Да и над ним немало иерархов, которые тянут одеяло на себя, что потом отражается на жизни человечества.

Кто они?

Маги, Распорядители, Инспекторы, Жрецы и Вышние.

Боги?

Нет, это полевая форма разума, энергосушности, контролирующая весь Мультиверсум.

Голос начал слабеть, тускнеть, резонировать, шипеть, уплывать в шумы космоса.

Арсений Васильевич хотел было позвать его, напрягся и снова провалился в колодец темноты и тишины.

Очнувшись от поскрипывания уключин и плеска волн, будто его везли на лодке по глубокому озеру холодной беззвездной ночью. Прислушался, не понимая, где он находится и почему не чувствует тела. Сквозь плеск и скрип донеслись бубнящие бесполое голоса. Один был смутно знаком, другой — басистый, хрипловатый, ровный, вызывал ассоциации скрипа ножом по стеклу. Они спорили. Арсений Васильевич прислушался.

...никакой альтернативы, сказал обладатель второго голоса.

Механизм сброса практически не требует внешнего вмешательства, возразил обладатель первого.

О чем вы? — мысленно спросил Арсений Васильевич.

О пределах и нормах вмешательства, вежливо ответил первый; это был тот самый голос, который недавно вещал о коррекции жизни Земли. О принципах Божественной Этики и способах ее материализации.

Главное — достичь цели, вмешался второй, скрипучий и неприятный. Средства — не главное. Принцип равновесия должен быть соблюден любой ценой.

Арсений Васильевич вспомнил свой опыт коррекции реальности Карипазима.

Компромиссы не входят в этот принцип?

Вас интересует конкретная ситуация?

Да.

Координаты?

Это не Земля...

Карипазим.

Там ситуация доведена до гротеска... — начал первый.

Чепуха! — перебил его второй. На Карипазиме принципиально не могут развиваться гуманистические традиции! Культура Карипазима изначально приучила его обитателей к беспощадности отношений! Враг необходим всем как Идея, как стимул поддержания жизненных сил в бесконечном противостоянии с внешней, резко изменяющейся средой. Это стимул эволюции.

Это источник энергии для контролеров, возразил первый. Вы

паразитируете на раздуваемом искусственно конфликте и вовлекаете в этот процесс безгрешные души, не осознающие, что они делают.

Такова диалектика Мироздания.

Такова воля главных пастухов — Вышних.

Ты просто завидуешь.

Я ищу пути Справедливости как Закон Творца, но всюду натываюсь на следы его оппонента...

Голоса заговорили тише, глуше, некоторое время слышалось только басовитое бу-бу-бу, потом и оно смолкло.

Кто это разговаривает? — подумал Арсений Васильевич, погружаясь в знакомый колодец тишины и покоя.

Ты, ответил слабый внутренний голос.

С кем?

Сам с собой.

Не может быть!

В тебе «зарыта» информация, она просится на свободу, и ты иногда слышишь ее голос.

То есть я... болен?

Можно сказать и так, лечись.

Каким образом?

Попытайся разобраться, что в тебе записано, расставь по полочкам, отбери нужное.

А что мне нужно?

Ну, в первую очередь знание, как лечить самого себя, в том числе огнестрельные ранения. Во-вторых, почему бы тебе не реализовать какие-либо навыки самозащиты?

Я никогда особенно не занимался самозащитой...

Речь не о тебе и твоих навыках, а о той информации, которая содержится в твоей глубокой памяти. Если, конечно, такие программы существуют.

Вот видишь...

Делай что-нибудь, а не рассуждай! — обозлился внутренний голос. — Становись мужиком, а не мешком с костями!

Арсений Васильевич притих, размышляя о собственной самооценке, потом решил послушаться второго «я», стал искать выход из колодца тишины.

Чего ты хочешь? — внезапно проснулся знакомый вежливый голос, отражающий некие моральные установки самого Арсения Васильевича.

Хочу овладеть... раскрыть... — растерялся он.

Ты уверен, что понимаешь, о чем говоришь?

Д-да... н-нет...

Для раскрытия всех запасов криптогнозы в твоей памяти, где

она осела, тебе надо научиться особой форме вневещного восприятия действительности.

Какой?

Она давно известна: концентрация мысли на целостном восприятии вещей, а не на рецептивных действиях отдельных фрагментов чувственных образов. Но это длительный процесс, требующий тщательной подготовки и самоотдачи.

Я готов...

Нет. Для этого энергетические поля твоего физического, эмоционального, ментального и духовного тел-оболочек должны прийти в совершенное согласие друг с другом, звучать как единый аккорд.

Хочу попробовать...

Рано.

Ты говоришь так уверенно... кто ты?

Я — это ты сам, только из другого времени.

Не понимаю...

Поймешь позже.

Хорошо, тогда научи меня хотя бы излечиваться... и защищаться на физическом плане.

До этого ты должен дойти самостоятельно. Небольшая подсказка: все зависит от силы воли и реальности поставленной цели.

Но я пытался...

Попытайся еще раз. — Голос превратился в ворчание, втянулся в кости черепа, исчез.

Арсений Васильевич расслабился, чувствуя приближение боли. Прошептал:

Даруй мя свет... приму тя... свет твой...

Будто и не он сказал, а кто-то внутри его, тот, кто жил в нем помимо сознания.

Боль вошла в тело гигантским когтем, пронзила глаза.

Арсений Васильевич сжался, широко раскрывая глаза и ничего не видя, но не закричал, сдержал стон, напрягся, загоня боль в точку, в молекулу, в атом, в элементарную частицу. И тотчас же на него хлынул удивительный свет, точнее, тело окунулось в облако сияющих золотом точек, воспринимаемое как свет. Он просочился под кожу, пошел по сосудам, прогоняя неприятные ощущения, очистил грудь от остатков боли, проник в голову.

На одно мгновение потрясающая глубина раскрылась перед глазами Арсения Васильевича, не то глубина Мироздания, не то глубина его собственного Микрокосма. Он все понял! И перед тем как потерять сознание — от переполнившей душу силы! — успел настроить все свои внутренние коммуникации на «единый аккорд»...

Операция по удалению пули из груди Гольцова прошла успешно, и это дало возможность Максиму слегка расслабиться.

Группа сняла два номера в ближайшей к больнице муромской гостинице «Ока» и принялась ждать выздоровления клиента. Правда, Разин решил на всякий случай подстраховаться и назначил дежурство у палаты раненого, согласовав решение с главврачом больницы. Милицию в это дело решили не посвящать, она бы только помешала группе исполнять свои обязанности. Тем более что искать было некого, напавшие на Гольцова бандиты исчезли и в поле зрения больше не попадались.

Не стал Максим и звонить Марине, чтобы не пугать женщину мрачными подробностями происшествия. Она бы непременно примчалась в Муром и тоже ограничила бы группе свободу маневра. А вот начальству Максим доложил все без утайки и получил приказ при первой же возможности доставить Гольцова в Москву. В свою очередь, это означало, что у группы появилась реальная возможность отдохнуть, не забывая, естественно, о службе.

Дежурили по двое, по двенадцать часов кряду.

Первую смену отстояли сам Разин вместе с Кузьмичом. Раненого оперировали, и он не мог быть в стороне от процесса.

Во вторую смену напросились Писатель и Штирлиц. Остальные устроились в гостинице и в основном отсыпались, читали газеты и играли в карты.

Следующим вечером в больницу отправились Максим и Шаман. Кузьмич поворчал для успокоения совести, что его игнорируют, но не расстроился.

— Пойду погуляю по Мурому, если ты не против, — сказал он в спину Разину. — Поизучаю местность. Люблю старинные городки.

— Только не навись на местную шпану, — проворчал Штирлиц, знавший натуру лейтенанта, — а то ты любишь наводить порядок и укрощать крутых с пальцами веером.

— Обижаешь, начальник, — ухмыльнулся Кузьмич. — Я ж не куражу ради, а пользы для.

Больница, где лежал Гольцов, представляла собой трехэтажное здание в виде буквы «П». Реанимационная палата находилась на втором этаже, недалеко от координаторской, где всегда дежурила медсестра, за углом коридора. К ней можно было подойти как со стороны холла, где и расположились чекисты, так и со стороны боковой лестницы. Но дверь на лестницу Разин по-

просил закрыть на ключ, и теперь можно было не ждать с той стороны неприятных сюрпризов.

С восьми часов вечера до двенадцати Максим и Шаман читали газеты, смотрели телевизор, пили чай, потом Максим вспомнил о предложении монаха, которого они доставили из Улан-Удэ в Москву, и пристал к Итигилову с расспросами, что тот имел в виду относительно его будущего.

Шаман был человеком исключительно уравновешенным, однако своенравным и мог вообще делать вид, что не слышит собеседника. Так было и на этот раз. Лишь когда Максим сдался и перестал задавать вопросы, Иван-Доржо заметил:

— Ты человек дела, командир. Мало думаешь. Мало хочешь. Зачем тебе знать, что с тобой будет в будущем? Оно придет.

— Во-первых, хочу я не так уж и мало, — обиделся Максим, раздосадованный в душе оценкой человека (мало думаешь), которого он уважал. — Во-вторых, почему это я мало думаю?

— Ты плывешь по течению бытия, — спокойно ответил Шаман. — И не пытаешься выбраться на берег и посмотреть вдаль. Надо иногда выталкивать себя за пределы познанного.

Максим с любопытством посмотрел на обманчиво-сонное лицо собеседника:

— Ты себя выталкивал?

— Меня не надо было выталкивать, как восточный человек я был настроен на индивидуальный путь самореализации.

— И как ты этого достиг?

— Существуют определенные школы, методики, техники расширения возможностей человеческого организма с использованием скрытых резервов психики. Не обязательно родиться колдуном или ясновидцем, способности можно развить.

— Ты хочешь сказать, что колдовству может научиться каждый?

— Не каждый, только тот, у кого есть задатки.

— Значит, у тебя уже были задатки колдуна?

— Не колдуна — в и д я щ е г о скрытую суть вещей. Но я — иное дело, я воспитывался в другой среде. Тебя же можно научить почти всему, чем владею я.

— Вот уж сомневаюсь, — скептически качнул головой Максим.

— Хочешь научиться — оставь сомнения. На первом этапе тебе нужен наставник, учитель, который смог бы помочь тебе подключить к работе незадействованные функциональные блоки мозга. Потом ты освоишься и начнешь тренироваться сам.

— Было бы славно. А ты не мог бы взять на себя роль наставника?

Шаман помолчал.

— Тебе придется...

— Знаю, ты говорил: бросить пить, курить и... но все, что хочешь, только не последнее! Я люблю одну женщину, и она не поймет...

— Я имел в виду — придется выполнять обет молчания.

— Омерту, что ли?

— Нечто вроде. В нашей среде не приветствуется иметь учеников вне национального поля.

— То есть я должен быть бурятом?

— Плюс знание обычаев, традиций, родовых связей, языка и так далее. Но у тебя хорошо развита интуиция, поэтому можно рискнуть.

— Давай начнем прямо сейчас! — загорелся Максим.

— Нужно сосредоточение...

— Ну хоть что-нибудь покажи.

Шаман еще помолчал, поглядывая по сторонам.

— Тебя учили боевому психовоздействию?

— Это как?

— Воздействию на противника взглядом, например, психоэнергетическому удару, бесконтактному воздействию.

— Нет, тренер по рукопашке только рассказывал об этом, а дед, который и научил меня защищаться в детстве, мог все, но слишком рано умер.

— Существует практика боевого психотренинга. Воля у тебя крепкая, ты сможешь заставить себя заниматься.

— Не понял! — искренне удивился Максим.

— Секрет успеха в этом занятии — терпение. Работать надо каждый день, каждую свободную минуту.

— Ну, каждую минуту — это ты загнул, но заставить себя я смогу.

— Тогда можно и сегодня начать, — будничным тоном сказал Шаман. — Зеркало видишь?

Максим оглянулся: в холле, где они сидели, стояли в разных углах целых два трюмо с зеркалами.

— Сядь напротив зеркала, метрах в двух от него, и посмотри себе в глаза, не мигая, постепенно увеличивая давление взгляда.

— Сколько минут?

— Минуты две. Но на часы смотреть не разрешается.

— Понял. А перед упражнением не надо поднимать тонус мышц глаза? Нас учили делать это перед боем.

— Молодец, правильный подход. Начни с вращения глазных яблок справа налево и обратно.

— Я знаю.

Максим сел поудобней, начал упражнение: вращение глазами справа налево — двадцать раз, потом слева направо столько же, скосил глаза вправо — максимально, влево — по десять раз, свел зрачки к носу — тоже десять раз, несколько раз переносил взгляд с кончика носа на дальние предметы, зажмуривался сильно и медленно расслаблял мышцы глаз.

Шаман наблюдал за ним бесстрастно, по лицу его нельзя было судить, о чем он думает, но у Максима сложилось впечатление, что штатный экстрасенс команды одобряет его действия.

После разминки Максим подвинул к зеркалу кресло, чтобы начать второе упражнение, и вдруг почувствовал себя неуютно. Будто где-то открыли окно и по комнате потек ручеек холодного сырого воздуха.

Оглянувшись на Шамана. Тот поднес палец к губам, кивнул. По-видимому, бурят чувствовал опасность острее.

Максим достал «Беркут», открыл, изогнул бровь.

Стрелка прибора бродила по шкале как живая. Где-то неподалеку возник источник торсионного излучения.

Мимо прошла медсестра, направляясь в ординаторскую с журналом в руке.

— Как он там? — кивнул на стену Максим.

— Спит, — улыбнулась девушка. — Не волнуйтесь, все под контролем.

Шаман проводил ее взглядом, покачал головой.

— Пойду посмотрю, — встал Максим. — Может, это наш клиент излучает?

— Побудь там минут десять.

Максим прошелся по коридору, проверил дверь на лестницу — заперта, вернулся к палате Гольцова.

В палате горел синий ночник, светились индикаторы и панели медицинского оборудования. Гольцов лежал на кровати навзничь с закрытыми глазами, бледный, заросший трехдневной щетиной, и почти не дышал. Лишь пальцы на руках изредка подрагивали.

Максим прислушался к его дыханию, ощущая странную вибрацию воздуха: словно сквозь пространство палаты несясь прозрачный ветер — при полной неподвижности воздуха.

В коридоре что-то стукнуло, раздались приближающиеся шаги.

Максим огляделся, ища укрытие, согнулся за приборной стойкой.

Открылась дверь, в палату вошел врач в белом халате, подошел к Гольцову, не включая свет. В его руке тускло блеснул металл.

Максим выпрыгнул из-за стойки как чертик из коробки, выхватил пистолет, прошипел:

— Стоять! Ни с места!

Рука врача замерла: он держал шприц. Глаза его сверкнули, и Максим почувствовал тупой удар в лоб, хотя никто его физически не бил. Тем не менее сознания он не потерял, только отшатнулся, поднимая ствол пистолета.

— Руки за голову! Буду стрелять!

Врач продолжал стоять в той же позе, словно раздумывая, продолжать ли ему то, ради чего он пришел, или послушаться.

— Кузьмич, подъем! — быстро сказал Максим в каплю рации. — Тревога! Все сюда!

Врач перевел взгляд на Гольцова, раздвинул губы в непонятной усмешке. Рука его со шприцем пошла вниз, к груди раненого.

Максим выстрелил.

Пуля попала в шприц, разнесла его на стеклянные брызги.

Врач отпрыгнул назад к двери — очень быстро, невероятно быстро, и далеко — сразу на три метра! Ударил ногой в дверь, выскочил в коридор — тоже с удивительной скоростью, Максим даже не успел взять его на прицел.

Гольцов пошевелился, не открывая глаз.

Максим метнулся вслед за гостем, выбежал в коридор.

Из-за угла слышалась какая-то возня, в конце коридора мелькнул белый халат: врач каким-то невероятным образом ухитрился открыть дверь на лестницу и скрылся. Максим хотел было продолжать преследование, но тревога за Итигилова изменила решение. Он выбежал в холл.

Шаман боролся с дюжим парнем в халате, в котором Разин узнал санитара. Знатоком рукопашного боя Иван-Доржо не был, но знал практику цигун и успешно отбивал попытки санитаря добраться до горла.

Максим подскочил к катающимся по полу противникам и опустил рукоять пистолета на затылок санитаря. Здоровяк сунулся носом в пол, затих. Шаман выбрался из-под него, помассировал шею, грудь, бесстрастный, как и всегда.

— Извини, командир, я пытался...

— Все нормально, — выдохнул Максим. — Не знаю, чего они добивались, но врачебный обход после двенадцати ночи — нонсенс.

— Где врач?

— Сбежал, гад! Дверь на лестницу открыл и смылся. Вряд ли мы его догоним. Ничего, этот парень все нам расскажет.

— Они сначала зашли в ординаторскую...

Максим изменился в лице, метнулся к двери дежурной медсестры, распахнул дверь.

Девушка лежала на полу, но дышала. Ее ударили чем-то тяжелым по голове, и она потеряла сознание.

В ординаторскую заглянул Итигилов:

— Жива?

— Приведи ее в чувства, я попытаюсь все-таки найти врача.

Однако ни Максиму, ни примчавшимся по тревоге членам группы отыскать киллера — потом выяснилось, что шприц был наполнен клофелином — не удалось. Нашли только брошенный на лестнице халат. Врач исчез. Кем он был на самом деле, выяснить также не удалось, медсестра видела этого врача впервые. А вот санитар после удара по голове ничего не помнил. Мычал что-то нечленораздельное, озирался в изумлении по сторонам, ничего не соображая, и вел себя как человек, потерявший память.

В два часа ночи больница успокоилась. Главврач, срочно прибывший по вызову дежурного врача, порывался позвонить в милицию, но Максиму все же удалось уговорить его не поднимать шум, сославшись на «секретный характер всего дела». В принципе, это была правда, хотя начальство Отдела пока пребывало в полном неведении относительно судьбы Гольцова.

Когда суeta наконец улеглась, Максим отослал подчиненных обратно в гостиницу, собираясь довести свое с Шаманом дежурство до конца, и в это время скрипнула дверь, раздалась шаркающие шаги и в холл вышел... Арсений Васильевич Гольцов собственной персоной, в халате и шлепанцах.

Чекисты оторопело посмотрели на раненого, который должен был лежать в полной отключке. Даже невозмутимый при любых обстоятельствах Итигилов выглядел озадаченным.

Максим вскочил:

— Вы?! Арсений Васи... вы же должны...

— Я здоров, — глубоким бархатистым — не своим голосом перебил его Гольцов. — Здесь что-то произошло?

— Вас пытались...

— Понятно. Кажется, вы снова спасли мне жизнь. Это уже превращается в норму, даже не знаю, как вас благодарить. Я бы хотел уйти отсюда.

— Вы же... ранены...

Гольцов улыбнулся, распахнул халат: бинта на его теле не было, а на том месте, где совсем недавно красовался послеоперационный шов, виднелся небольшой розовый шрамик.

— Все нормально, я вылечился. Оказывается, это совсем просто. Идемте. Или необходимо получить разрешение местных властей?

Из координаторской выскочила медсестра, в изумлении всплеснула руками:

— Вы куда, больной?! Вам надо лежать!

— Мы его забираем, — сказал Максим. — Здесь ему находиться небезопасно.

— Но он ранен! У него...

— Рана зажила. — Гольцов на мгновение показал медсестре свою грудь со шрамом. — Не волнуйтесь, я могу ходить самостоятельно. Только верните мне мою одежду.

— Я не могу, гардеробная закрыта... — растерялась медсестра.

— Мы откроем, — сказал Максим, — при вас.

— Но...

— Ведите!

В тоне Максима было столько начальственной уверенности, что медсестра повернулась и безропотно повела их за собой.

Через несколько минут вылечившийся чудесным образом раненый и его сопровождающие покинули больницу.

Максим думал сначала вернуться в гостиницу и дожидаться утра, но потом решил не рисковать и вызвал подчиненных:

— Полундра! Всем сбор в холле гостиницы!

В три часа ночи группа собралась в холле. Увидев свободно передвигавшегося Гольцова, члены группы опешили, но задавать вопросы не решились.

— Возвращаемся, — коротко сказал майор. — Так как все в машине не поместится, двое будут добираться своим ходом.

— Почему двое? — проворчал Кузьмич. — Один только не уместится...

— Останешься ты и... — Максим огляделся, — и ты. — Его палец указал на Писателя.

— Понятное дело — самых незащищенных отобрал.

— Помолчи! — оборвал Кузьмича Штирлиц. — Что случилось, командир? Почему кли... господин Гольцов здесь?

— Он залечил рану самостоятельно. А поскольку мы не знаем, кто его хочет... гм-гм, нейтрализовать и какие силы брошены на это мероприятие, лучше перестраховаться.

— Может быть, мы хотя бы доспим? — неуверенно проговорил Кузьмич. — Ночью ловить тачку до вокзала стремно. Да и там неизвестно сколько торчать...

— Доспите. К обеду чтоб были в Управлении.

— Само собой, — обрадовался лейтенант. — А все же интересно, как ему удалось залечить рану?

Никто Кузьмичу не ответил.

Заняли места в кабине.

За руль Максим посадил Штирлица, сам вместе с Гольцовым сел сзади:

— Поехали.

— Не заблудиться бы, я тут не ориентируюсь, — буркнул Герман Людвигович.

— Сейчас налево, — подсказал Гольцов с отрешенным видом; он о чем-то размышлял, не вмешиваясь в разговоры окружающих, но не терял нить разговора. — На перекрестке еще налево, там дальше я скажу, куда ехать.

Ночное движение в Муроме было несравнимо со столичным, поэтому выехали за город беспрепятственно. Одно время Максиму казалось, что их преследует какая-то белая отечественная «Лада», однако вскоре она свернула, и больше за кормой «Хендэ» никто не засветился.

— О чем думаете? — спросил Максим, когда Муром остался позади.

Гольцов очнулся, провел ладонью по лбу, смущенно улыбнулся:

— Не поверите... детство вспоминал. Такая ночь ясная, звезды... а я часто в школе телескоп брал домой, любил на звезды смотреть.

Шаман, сидевший впереди, рядом со Штирлицем, оглянулся. Его взгляд был полон подозрений, и Максим понял, что бурят чувствует биополе Гольцова. Но доставать сканер и включать не стал.

— Может быть, расскажете все же, почему вас преследуют эти типы?

Арсений Васильевич потускнел, откинулся на сиденье. Молчал несколько минут.

— Вы уверены, что вам это нужно знать?

— Уверен! — твердо сказал Максим. — Это нужно не столько мне, сколько вам. Если мы не будем знать, что происходит, мы не сможем защитить вас от бандитов.

— Это не бандиты — линоры, носители определенной программы. Они люди толпы, люди стаи, которых легко запрограммировать. — Гольцов криво улыбнулся. — А я люблю простых, искренних, скромных и добрых людей, твердых в своих убеждениях. Их нельзя купить или заставить предать, они переходят на другую сторону только добровольно. Часто — не понимая, что делают.

— Я тоже люблю простых и добрых. — Максим загнал нетерпение поглубже, чтобы не спугнуть собеседника. — Люди толпы, как правило, не имеют души, они в какой-то степени биороботы.

Гольцов посмотрел на него с любопытством:

— С чего вы взяли?

— Иногда мне удается почитать кое-какую специфическую

литературу, открывающую другие горизонты. Может быть, именно поэтому я и работаю в Отделе.

— Каком отделе?

— Я уже представлялся, вы забыли. Наша служба занимается контактами с экстрасенсами, изучает паранормальные способности людей. На вас мы вышли по указке сверху, начальство вдруг выдало координаты и послало группу в Жуковский.

— Я не экстрасенс.

— Но «Беркут» реагирует на вас!

— Я не экстрасенс, — повторил Арсений Васильевич, не уточняя, что такое «Беркут». — Я экзор.

— Вот и расскажите об этом поподробнее.

Гольцов снова замолчал на несколько минут.

Ровно гудел двигатель, шуршали шины, лучи фар выхватывали впереди асфальт дороги, изредка отражаясь от столбов и указателей по обочинам.

Наконец Гольцов заговорил:

— Я экзор — оператор внешней коррекции... как я им стал, вам знать необязательно, это случилось давно. В мои обязанности входит поддержание психоэнергетического равновесия на Карипазиме, в одной... м-м, в одной из метавселенных Мультиверсума.

Штирлиц оглянулся.

Машина вильнула.

— Не отвлекайся, — недовольно буркнул Максим, прочитавший во взгляде капитана: а не болен ли головой наш клиент?

— Где это? — спросил Максим.

— Вам показать пальцем? — иронически осведомился Гольцов.

Максим покраснел от досады, радуясь тому, что в кабине темно.

— Я имел в виду — на Земле, на другой планете...

— Даже не в соседней галактике. Карипазим действительно является метавселенной, а где она располагается, я не знаю. Думаю — за пределами нашей собственной метавселенной. Я связан с ней лишь энергоканалом. Был связан.

— Что же случилось?

Гольцова в очередной раз охватил ступор, будто он провалился куда-то, в иное время или иное пространство.

— Я отказался сотрудничать с...

— С кем?

— С Диспетчером...

— Кто это?

— Тот, кто отвечает за деятельность экзоров и линоров... внешних и внутренних линейных операторов.

— И он послал команду, чтобы вас отрезвить? — догадался Максим.

— Команды такой нет, просто в людей всаживают программы...

— И они делают дело! Никто и ниоткуда! А потом снова превращаются в обычных людей... или умирают.

— То есть как — умирают? — не поверил Гольцов.

— Очень просто, перестают дышать. Если вы правы и в этих людей внедрены были некие программы действия, то они вполне могли иметь и финальные файлы самоликвидации.

— Боже мой! — прошептал Гольцов. — Я совсем не думал... Так вот почему погибли те люди...

— Какие?

— Ко мне приходила милиция... тогда, наутро после того вечера, ко мне пришли двое из милиции и сообщили о трупах в машине... я грешным делом подумал сначала, что это вы их...

— Не мы.

— Теперь я понимаю...

— Да уж, дела вокруг вас разворачиваются серьезные. Думаю, вам будет лучше отсидеться какое-то время у нас.

— Я понимаю...

— Только я вас прошу, не рассказывайте нашему начальству о своей... э-э, «внешнекосмической» деятельности. Запросто можете заработать реноме психа.

Гольцов пожал плечами:

— Ну и что? Или вы тоже мне не верите?

Максим усмехнулся:

— Если бы не ваша дочь, наверное, решил бы, что у вас крыша поехала. Но, как говорил классик: «Вселенная более необычайна, чем мы можем представить». Почему бы и нет? Я не вам верю, а в то, что мир наш более сложен, чем принято считать.

— Спасибо.

— Не за что.

Еще помолчали.

Гольцов вздохнул, сказал с прорвавшейся тоской, не обращаясь ни к кому в особенности:

— Жаль только, что правила Игры назначаются не нами...

Максим не совсем его понял, но продолжать тему не стал. Хотелось спать и ни о чем не думать.

В Москву приехали ранним утром. Отвезли Гольцова в Управление, сдали под охрану Отдела. По телефону доложили полковнику о выполнении задания.

— Живи, майор. — буркнул в ответ Пишелко, явно не обрадованный тем, что его подняли ни свет ни заря. — Но запомни: впредь замазывать твои промахи я не намерен. В десять ко мне, с докладом. Все!

— Получил? — поинтересовался Штирлиц, заметив шевельнувшиеся на щеках командира желваки. — Медаль за службу?

— Орден, — мрачно ответил Максим. — Можешь идти досыпать.

Райхман подставил ладонь, Максим хлопнул по ней своей ладонью. На пороге капитан оглянулся:

— А вообще жаль мужика. Похоже, он вляпался в нехорошую историю. Может, не стоило его привозить сюда?

Максим молча махнул рукой: иди, мол. Он думал о том же.

СИСТЕМА

Три полевые анизотропные оболочки одна в другой. Принцип матрешки. Оболочки невидимы человеческому глазу, но пересечь их, не зная свойств каждой, а главное — координаты кодированных окон входа, невозможно. С виду же — невзрачное строение типа элеваторной станции: круглые бетонные башни, несколько окошек, унылые серо-зеленоватые цвета, запустение кругом, мрачный пейзаж, пустырь. В принципе, здесь когда-то и в самом деле располагалась элеваторная станция колхоза «Путь Ильича» в глубинке Саратовской губернии. В девяностых годах двадцатого века колхоз умер, хозяйство распалось, а новой власти было не до восстановления заброшенных башен, давно переставших выполнять свои функции. И даже потом, в начале двадцать первого столетия, когда были созданы вполне рентабельные сельскохозяйственные предприятия, окраинные земли колхоза «Путь Ильича», а ныне — совхоза «Свобода», так и остались неиспользованными. А вместе с ними продолжал выситься в гордом одиночестве старый элеватор, к которому вели две заросшие бурьяном дороги. Восстанавливать его никто не собирался. Да и не смог бы физически. Потому что именно это строение избрал своим временным обиталищем, изменив весь внутренний объем и интерьер, некий житель, которого далеко за пределами России, Земли и вообще Солнечной системы знали под псевдонимом Диспетчер.

Двадцать первого апреля Диспетчер принимал в своем «элеваторе» исполнителей Системы — инспекторов и линейных операторов, отвечающих за определенные участки контроля. Среди них были и чиновники высшего эшелона власти государства, как правило, заместители министров, председатели партий, главы комитетов Государственной думы, представители спецслужб. Система недавно произвела замену рядового состава исполните-

лей, и многие из тех, кому была подсажена программа подчинения, посещали «элеватор» впервые.

Диспетчер рисковал, собирая контингент исполнителей в полном составе в одном определенном месте. С другой стороны, все они прибывали в Россию «магическим транспортом», а не воздушным путем или на автомобилях, то есть через сеть внепространственных коммуникаций. Поэтому зафиксировать сбор со стороны было невозможно, разве что по птичьим стаям, то и дело сбивающимся над элеватором в гигантские ажурные шары, или по вспышкам торсионного излучения. Однако ни экологические ведомства России, ни спецслужбы не собирались вести мониторинг излучений в данном районе Саратовской губернии. О поселении здесь Диспетчера знали только его руководители.

Что же касается прибывших на съезд неофитов, имеющих глаза и уши, проявляющих естественное любопытство, то психофизическая Система, управляющая миром и контролируемая Диспетчером, подчиняла себе всех, кто в нее попадал, так жестко, что о сопротивлении или хотя бы о прозрении речь не шла. Случаи «информационного побега» были редки, и те, кто пытался сообщить миру о реальном положении вещей, долго не жили. Участие в Системе высших должностных лиц силовых структур позволяло ей контролировать не только рядовых граждан, но и все государственные структуры, а также преступные группировки, используя их в своих интересах.

Всего в это раннее утро апреля в оранжевом зале-коконе «элеватора» собралось около шестисот шестидесяти человек. Впрочем, «живых» людей, потомков древних богов, присутствовало мало, в основном программированию поддавались «искусственники», потомки созданных жрецами-левитами «из глины» десятки, сотни тысяч и миллионы лет назад слуг, по виду ничем не отличимых от богорожденных.

Собрание исполнителей воли Системы очень сильно напоминало партийные съезды в России середины двадцатого века, с той лишь разницей, что на сцене не заседал президиум, да и самого президиума не было. Председательствующий же вообще никогда не появлялся перед собравшимися, хотя его слышали все. Он спрашивал, приглашенные отвечали, без эмоций и лирических отступлений.

Дошла очередь до линейного оператора России. В данный момент им являлся председатель совета директоров РАО «ЕЭС России» господин Шволин. Он быстро и сжато — имел большой опыт — рассказал аудитории о стихийно сложившейся в стране системе государственного управления, порожденной криминальным мышлением и криминальными методами работы долж-

ностных лиц страны, озабоченных личными и корпоративными интересами, о контроле над культурой и экономикой, об успешно проводимых в жизнь принципах разделения властных функций, в результате которого никто ни за что в стране не отвечал. Несмотря на все «успехи» демократии и созданные законы по обеспечению порядка. Минуты Шволину хватило на то, чтобы скупно доложить о сопротивлении Системе отдельных социальных групп и школ типа Славянских соборов и казачьих общин.

— Все? — спросил Диспетчер.

— Все, — кивнул докладчик, сжав губы в линию и погладив ладонью блестящий лысый череп.

— Вы не доложили о результатах работы с вышедшим из-под контроля оператором.

— В скором времени он будет нейтрализован.

— Каким образом?

— Организована цепочка зависимых событий, заканчивающихся ограничением свободы оператора. Те, кто нам мешал, сами же и помогли. В настоящее время он заблокирован в отделе Федеральной службы безопасности, который контролируется нашими агентами. Но мы можем и ликвидировать оператора в любой момент.

— Какое-то время он нам еще будет нужен. Перекройте ему все пути отхода и каналы связи, лишите информации, в случае необходимости пригрозите замочить детей. Не поможет — запрограммируйте его.

— Программа может фрустрировать оператора до объективной психотравмы, а если это выйдет на уровень физиологии...

— Мне он нужен всего на полгода, пока я готовлю ему замену.

— Будет исполнено, Всеблагий, — наклонил голову Шволин.

— Теперь о главном. Необходимо до конца года увеличить в России плотность административно-чиновничьего поля до такого уровня, чтобы любое частное или правительственное решение нарушало чьи-либо интересы, как внутри страны, так и за ее пределами.

— Мы таким образом блокируем государственное управление...

— Одним ударом мы покончим с зарождающимся сопротивлением и добьемся фазового перехода страны в состояние постоянной внутренней войны.

— Я понял, Всеблагий.

— Идем дальше...

Более о конкретных личностях в ходе совещания не было сказано ни слова. Но судьба оператора, о котором шла речь, была окончательно решена.

Дощечка третья

ПЕРЕЖИВАНИЕ

ЛЕТО

Выпускники строились во дворе школы, перешучиваясь, толкаясь, улыбаясь, хохоча, радуясь лету, солнцу, свежему ветру — три одиннадцатых класса, почти девяносто юношей и девушек, готовых шагнуть в самостоятельную жизнь. Построились наконец, замерли. Директор начал торжественную речь, и его голос оказался последней каплей для Арсения: он заплакал! Не хватило сил сдерживать слезы. В этот момент он был, наверное, единственным из всех, кто понимал, что детство кончилось и они расстаются! С кем-то ненадолго, с кем-то навсегда.

Над школой зазвучала музыка, слышались слова школьного гимна:

*Вот и стали мы на год взрослей,
И пора настает —
Мы сегодня своих голубей
Провожаем в прощальный полет.
Пусть летят они, летят
И нигде не встречают преград...*

Музыка лилась и лилась, вызывая легкое веселое эхо, а он стоял и плакал с широко раскрытыми глазами, слепой от слез и сердечной тоски, чистый эмоциональный мальчик, веривший в счастливое будущее, мечтавший побывать на далеких планетах и увидеть звезды из космического пространства...

Темнота, мельтешение цветных пятен, серое безмолвие, какие-то бесформенные тени со всех сторон...

Боль в груди, будто на нее положили огромный камень, грозящий раздавить грудную клетку. Нечем дышать. Волны жара наплывают снизу, сменяются ледяным ветром...

Арсений Васильевич рванулся изо всех сил... и вынырнул из воды, хватая ртом воздух!

Он барахтался в холодной воде, мелкие злые волны сбивали дыхание, затагивали под себя, странное течение как гигантский

пылесос уносило его от близкого берега, и не было сил сопротивляться.

Сулой, пришло откуда-то понимание ситуации, приливное течение... утону...

Не утонешь! — возразил кто-то внутри, плыви параллельно берегу, поток сулая редко бывает шире тридцати метров, пересецшь и выплывешь. Только не суетись, не борись с течением, тогда действительно кранты.

У меня и так нет никаких сил...

Перевернись на спину, пусть сулой отнесет тебя от берега, метров через пятьдесят—сто он ослабеет, и ты вернешься обратно.

Арсений Васильевич послушался, лег на спину, отплываваясь от соленой воды. Стало легче. Но в этот момент с мрачного неба на него спикировал шар из множества кружащих в нем птиц, и Арсений Васильевич погрузился в воду.

Дробный — будто в голову вонзился миллион птичьих клювов! — удар.

Он начал тонуть.

В голове родился гулкий басовый звук — словно ударил колокол, и в его вибрации почудился каркающий, резонирующий в костях черепа голос:

— Включайся в работу! Будешь жить...

— Не хочу! — прошептал он.

На голову упала гора темноты. Он захлебнулся, стал тонуть, сознание медленно погасло...

Под ногами проступил смутно знакомый ландшафт: бесконечная равнина, бурые, коричневые, зеленоватые, фиолетовые о б ъ е м ы растительного покрова, холмы, россыпи клыкастых скал, похожих на бивни мамонта, ущелья с текущими в них потоками алого и желтого пламени... зеленое небо над головой, с белыми прожилками, напоминающими сеть трещин на листе стекла...

Карипазим, донесся тихий голос внутреннего гида.

Карипазим, кивнул Арсений Васильевич сам себе.

На горизонте выросли гигантские грибообразные смерчи, напоминающие ядерные взрывы.

Ландшафт под ногами — он висел над равниной на высоте двух десятков километров — задергался, задрожал, из буро-зеленых облаков — такими предстали перед глазами города Карипазима — вырвались фонтаны светящейся пыли. Воздух струнно загудел, завибрировал, пытаясь вовлечь наблюдателя в резонанс, разорвать его на части.

Война, констатировал внутренний гид без особых эмоций, представляя собой часть сознания Арсения Васильевича.

Война, согласился он.

Твой бунт не помог. Кто-то снова запустил процесс конфликтной коррекции на Карипазиме. Все было напрасно.

Посмотрим, еще не вечер...

— Включайся в работу! — громом грянуло с небес. — Ты еще можешь быть полезным! Прими интенционал!

Перед глазами возникла знакомая плоскость поля коррекции с картиной пересекающихся светлых, серых, фиолетовых и черных областей, узлов и линий, символически отражающих энергопоток. Серых очагов было гораздо больше, а вокруг них мерцали светлые ореолы, то сужаясь, то расширяясь, и Арсений Васильевич понял, что это зоны перемирья. В этих зонах обитатели Карипазима все еще пытались договориться жить в мире и согласии.

— Работай!

— Черта с два! — прошептал Арсений Васильевич. — Не надо им мешать, они сами договорятся...

— Предупреждаю в последний...

— Пошел вон!

Голос Диспетчера — или кого-то из его слуг — втянулся в кости черепа, пропал.

Сознание помутилось.

Пейзаж Карипазима стал бледнеть, подернулся туманом, скрылся в поднявшейся снизу тьме...

— ...лучше? — Приятный женский голос.

Арсений Васильевич открыл глаза.

— Вам лучше? — повторила миловидная женщина в белом халате. Медсестра или врач.

— Да... — хрипло выговорил он непослушными губами. — Где я?

— В спецклинике Федеральной службы безопасности.

Арсений Васильевич вспомнил возвращение в Москву вместе с майором ФСБ, приятелем дочери, беседы с руководителями Отдела по изучению экстрасенсорики, отдельный номер в какой-то особой гостинице в Бескудникове, на территории Управления. И больше ничего... Нет, еще страшные глаза! Он встречался с каким-то типом незапоминающегося облика, у которого были страшные белые глаза, а дальше — провал!

— Что... со мной... было?

— Вы почти три месяца пролежали в коме.

— Что?! В коме?! Без сознания?!

— Вас лечили, и вот теперь вы наконец очнулись.

— Я был в коме, — повторил Арсений Васильевич. — Боже мой!.. Ничего не помню!...

— Вспомните еще, такие случаи бывали, и пациенты излечивались. Вам принести чего-нибудь? Минералки, сок, чай?

— Спасибо, не надо.

Арсений Васильевич поднял исхудавшую руку, разглядывая ее как в первый раз, провел ладонью по лицу и понял, что у него отросли усы и борода.

— Красавец...

— Вы симпатичный, — с деланой кокетливостью улыбнулась медсестра (или все-таки врач?). — Вам бородака идет.

— Спасибо за комплимент. Наверное, я действительно постарел, если красивые барышни делают мне комплименты.

Девушка улыбнулась, но глаза ее остались холодными и оценивающими. От их взгляда хотелось увернуться, как от брошенного кирпича.

Впрочем, Арсений Васильевич забыл об этом, как только она ушла. Надо было проверить свои ощущения и определить, что внутри организма требует лечения и коррекции.

Он невольно усмехнулся, мысленно повторив словечко «коррекция». Подумал: я уже и в быту применяю термины операционного поля. Может быть, мне и в самом деле требуется коррекция? Психическая? Кто знает, что со мной делали, пока я валялся без памяти?

Мысли свернули в другое русло.

Надо лечиться. Приводить себя в порядок. Звонить детям, сообщить о себе, что жив и почти здоров. Они поди с ума сходят, не ведая, куда я подевался. Да и на работе небось суматоха! Три месяца от меня ни слуху ни духу! Надо немедленно звонить!

— Сестра! — Голос ослабел, осип, никто не слышит. — Сестра!

Вошла совсем молоденькая, худенькая, с ямочками на щеках. Чем-то похожая на Оксану. Кольнуло в груди: Оксане тоже надо бы сообщить, волнуется, наверное, ведь искренне любит.

— Вам плохо?

— Нет-нет, все нормально, девочка, мне просто надо позвонить. Принесите мне телефон. Или я могу сходить сам.

— Не велено.

— Вот те раз! Кем не велено?

— Заведующим медчастью.

— Но мне надо позвонить домой, объяснить детям, на работе...

Тон медсестры стал холодным, лицо вытянулось.

— Я передам вашу просьбу.

— Только побыстрее, пожалуйста. Что за порядки тут у вас? Это же не тюрьма, я надеюсь?

Девушка повернулась и вышла.

Арсений Васильевич фыркнул, покачал головой: строптивая особа, хотя и красавица. А с другой стороны, это режимное медицинское учреждение, чего от него ждать? Здесь все работают на ФСБ. Но ведь позвонить как-то нужно?

Полежав немного и не дождавшись медсестры, он начал анализировать свое состояние, пока не пришел к выводу: нигде ничего не болит, руки-ноги целы, голова варит. Хотя что-то такое с головой происходит, словно гвоздь торчит в виске, мешает иногда думать.

Арсений Васильевич даже потрогал это место — никакого гвоздя, разумеется. А ощущение неловкости, чужеродной детали осталось.

Ладно, разберемся. Давай-ка попробуем продолжить то, что начали три месяца назад: подъем информации из глубин психики в сознание или, если говорить современным языком, локализацию криптогнозы. Залечивать раны он вроде бы как научился, пора проверить, что там еще прячется в тайниках подсознания, какие кровяки.

Он улегся поудобнее, закрыл глаза, сосредоточился на дыхании. Раньше Арсений Васильевич никогда не придавал особого значения этой процедуре, хотя дед и заставлял его дышать ш и р о к о. Теперь же знание основ энергетического дыхания пришло само собой, будто он занимался этим всю жизнь.

Через несколько минут на внутренний мир Гольцова сошла большая тишина. Он стал слышать шум крови, бегущей по сосудам, скрипы сухожилий при малейшем движении мышц, сокращение сердца, шевеление легких, начал ощущать температуру тела, разных его участков и органов: она отличалась на десятые доли и даже на целые градусы. Палата исчезла, превратилась в некий непространственный кокон. Сквозь ее стены стали слышны шумы города. Но сфера гиперчувствования продолжала расширяться, захватила всю Москву, потом область, страну и планету. Сознанием завладела небывалая тишина космоса.

Ощущать себя бесплотным сгустком чувственного поля мешал «гвоздь в башке», и Арсений Васильевич усилием воли заблокировал его, превратил в зеркальное семечко, сразу потерявшее плотность, вес и силу. После этого уже ничто не отвлекало его слушать Вселенную...

Это состояние длилось долго, больше трех часов, потому что, когда он очнулся, наступило время обеда.

В палату вкатили столик с едой: овсяная каша, овощной салат, сухари, чай. Медсестра села рядом, собираясь кормить его из ложки, но он отстранил руку девушки:

— Я сам.

— Но вы только что были без сознания, — удивилась медсестра.

— Я спал и чувствую себя хорошо. Честное слово.

Арсений Васильевич соврал. Он чувствовал себя прекрасно, но шокировать медицинскую службу не хотел. Всему свое время. Он все же надеялся выйти отсюда и заняться привычным делом.

— Вы добились разрешения начальства на звонок?

— К сожалению, нет. После обеда придет врач, осмотрит вас, потом соберется консилиум и... в общем, потом все выяснится.

— Хорошо, я подожду, — кротно согласился Арсений Васильевич.

С удовольствием поел, выпил две чашки зеленого чая. Пожилам веселее побежала кровь, настроение повысилось. Ну-с, где этот врач?

Медсестра укатила столик, и тотчас же в палату вошел пожилой врач с тяжелым морщинистым лицом и острым взглядом бесцветных, почти белых глаз.

Арсений Васильевич вздрогнул. Эти глаза мерещились ему давно, когда он изредка всплывал из беспамятства, и принадлежать хорошему человеку они не могли.

Врач остановился у кровати, разглядывая пациента и рассказываясь с пятки на носок.

Арсений Васильевич почувствовал побежавшие по телу мурашки, стеснение в груди, на голове шевельнулись волосы, порождая странное чувство проникновения под кожу, в кости черепа, в мозг холодных шупалец. Он напрягся, окружая себя «виртуальным» зеркальным экраном. Неприятные ощущения прошли.

Мощные брови врача приподнялись, в глазах промелькнуло удивление.

— Кажется, вы действительно выздоровели, коллега. — Голос у врача был басовитый и скрипучий одновременно, смутно знакомый, хотя Арсений Васильевич был уверен, что никогда с этим человеком не общался.

— Я не врач, — сказал он, отвечая на слово «коллега».

— Мы коллеги в других планах, — усмехнулся гость.

Арсений Васильевич подобрался, пристально посмотрел на него:

— Диспетчер!

— О нет, всего лишь линор. Но через меня он слышит наш

разговор. Итак, коллега, каковы ваши планы? Вы собираетесь работать как прежде? Или предпочитаете помучиться? Пока что мы ограничивались минимальным воздействием, однако вполне можем перейти на более действенные методы укрощения строптивых экзоров. Сами понимаете, откуда мы вас выпустим либо нашим сотрудником, либо идиотом. Итак, ваши предпочтения?

Арсений Васильевич закрыл глаза, взвешивая решение.

СЛОМ

Он поставил машину на стоянку и не спеша направился домой, рассеянно поглядывая по сторонам.

Вторую неделю Максим жил у брата, уехавшего с семьей в Крым, к морю. Квартира располагалась в старом семиэтажном доме недалеко от метро «Таганская»-кольцевая. Несмотря на новые стеклопакеты, поставленные братом на окна, шум машин все же проникал в квартиру, Садовое кольцо не прекращало движения даже глубокой ночью, и Максиму это не нравилось. Он любил тишину. Однако брат просил присмотреть за котом Левкой, трехлетним красавцем британской породы, и майор согласился.

Проходя мимо кафе «Самогонщики», он колебался немного, размышляя, где лучше поужинать, потом все же решил заскочить в кафе на полчаса. Холодильник дома был почти пуст, а готовить яичницу не хотелось.

Народу в кафе оказалось мало. Кондиционеры не справлялись с июльской жарой, поэтому в зале было душновато, а поскольку летней веранды кафе не имело, пьющий пиво народ предпочитал другие заведения подобного рода. Максиму же здешняя кухня нравилась, и он частенько забегал в кафе позавтракать или поужинать в одиночестве. Марина гостила с дочерью где-то в деревне, в Муромском районе, жизнь без нее казалась серой и скучной, и Максим откровенно манкировал бытовыми обязанностями: брился раз в три дня, не обращал внимания на внешний вид, работу выполнял спустя рукава и забросил занятия с Шаманом, который учил его бесконтактному воздействию на людей.

В кафе ему как всегда выдали прикольное меню, выполненное в виде менделеевской таблицы под названием «Периодическая система алкогольных элементов». Символ лития Li в нем обозначал ликер, бор В — бренди, натрий Na — наливку, рутений Ru — ром, кремний Si — сидр, бром Br — брагу, мышьяк As — ассорти солений, уран U — тройную ушницу и так далее. Ус-

мехнувшись, Максим отложил меню, подозвал официанта и заказал обыкновенный овощной салат и куриное рагу. Алкоголь он в последнее время не употреблял вообще, даже пиво в жару, хотя организм иногда был не прочь отведать холодненького пивка.

В кафе раздалась трель соловья — включили музыку.

Вспомнилось, как в детстве он выходил летом за околицу родной деревни, где родился и вырос, выцеливал из самодельного лука жаворонка и пускал стрелу в небо. А потом бросался в траву и долго лежал навзничь, раскинув руки, смотрел в бездонное синее небо и мечтал взлететь когда-нибудь и парить над землей так же свободно, как птица. Естественно, стрелы до жаворонка не долетали, да он и не старался попасть в голосистую птаху, стрельба была своеобразным протестом против силы земного притяжения и рутинного бытия.

Зазвонил мобильник.

Он достал трубку.

— Алло, Максим?

Сбилось дыхание: звонила Марина.

После того как с отцом женщины случилась какая-то беда и он впал в коматозное состояние (Максим подозревал, что случилось это после каких-то экспериментов спецов Отдела с Гольцовым), Марина обвинила во всем Разина и перестала с ним встречаться. Он сделал две попытки объяснить ситуацию, ничего не добился, отступил. Женщина не хотела выслушивать его доводы и упрямо считала майора виновником всех бед. И вот спустя два месяца с момента последней встречи (о том, что она уехала в деревню, он узнал случайно) она вдруг решила ему позвонить.

— Слушаю.

— Ты давно не видел отца?

Максим хотел признаться, что вообще ни разу не видел, так как Гольцов лежал в спецклинике Управления, доступ в которую имел далеко не каждый сотрудник ФСБ, но вместо этого сказал:

— Давно. А что?

— Он меня звал!

— Как звал? — не понял Максим. — По телефону? Он тебе звонил? Или звал в открытое окно?

— При чем тут окно? Он звал меня! Я спала, видела какой-то неприятный сон, услышала его голос, проснулась...

— Сон и есть сон...

— Да нет же, голос был слышен и после, когда я проснулась! Понимаешь? Я действительно слышала отца, будто он говорил

со мной через стену! Я даже хотела бежать к соседям, но опомнилась. Там-то уж он точно не мог находиться.

— Что он говорил?

— Я почти дословно запомнила: «Маришка, я жив и здоров, лежу в больнице. Найди Максима, мне с ним надо поговорить».

— Все?

— Потом голос стал низким, как инфразвук, что-то еще сказал, я не разобрала, и пропал. Но папа жив и говорил со мной!

— Понял, попробую выяснить, что с ним.

— Максим... мне страшно!

— Не волнуйся, я сейчас же займусь твоими... — он хотел сказать: «звуковыми галлюцинациями», — но вовремя прикусил язык, — твоими предположениями. Как Стеша?

— Отправила на все лето в деревню, к прабабушке Наде, маме отца. Сама только что оттуда вернулась на несколько дней. Ты позвонишь?

— Непременно.

— Буду ждать!

Максим уставился в стол ничего не видящими глазами, пытаясь разобраться в своих чувствах, но основным среди них в настоящий момент было чувство радости: Марина позвонила сама и попросила помощи, — а это чувство всегда пьянит лучше всякого вина.

Торопливо доев, Максим расплатился и поспешил обратно к стоянке. По пути вызвал Райхмана:

— Герман, ты где? Что делаешь?

— Только что вылез из-под холодного душа, жарко, только вода и спасает, да и то ненадолго. Что-нибудь случилось?

— Похоже, наш клиент очнулся.

— Какой клиент? — не понял капитан.

— Гольцов Арсений Васильевич. Минуту назад мне позвонила его дочь, утверждала, что слышала его голос.

— Бред! Он же в отключке, насколько мне известно.

— Надо проверить. По ее словам, он хотел поговорить со мной о чем-то. Поеду в клинику.

— Тебя к нему не пропустят без пропуска.

— Черт! Мне надо обязательно туда попасть, я обещал!

— Может, поговоришь с начальством? Пищелко позвонит туда...

— Что я ему скажу? Что у дочери Гольцова галлюники и она слышит голос отца? А выше я пойти не могу, генерал меня на хрен пошлет за нарушение субординации!

— Да, как ни крутись, а ж... сзади! Слушай, что, если поговорить с Генкой? Его приятель работает у нас в конторе, в службе

информационной безопасности. Он тебе любой допуск оформит.

— Ты думаешь?

— Зуб даю!

— Попробую.

Максим набрал номер Писателя.

— Але? — отозвался старший лейтенант через пару мгновений.

— Добрый вечер, — сказал Максим и обрисовал ему ситуацию. — Поможешь?

— Да не вопрос, — хмыкнул Писатель. — Сейчас позвоню, он как раз должен сегодня дежурить.

Ждать пришлось четверть часа.

— Все в ажуре, командир, — позвонил наконец Писатель. — Езжай прямо в Бескудниково, предъяви удостоверение, тебя пропустят. Паша залез в сеть медицинской obsługi и обеспечил тебе допуск по «трем нулям».

— Спасибо! — обрадовался Максим. — С меня пузырь.

— Паша пьет только водку.

— Тогда пузырь «Абсолюта».

Писатель засмеялся, пожелал удачи и отключил связь.

Через сорок минут, в начале десятого, еще засветло, Максим подъехал к зданию спецклиники на Новгородской улице, поставил машину в тихом парке напротив, поднялся в вестибюль. Охранник, глянув на офицерское удостоверение, пощелкал клавишами компьютера, глядя на экран, открыл турникет:

— Оружие?

— Нет.

— Проходите.

Программа приятеля Пашкевича сработала безупречно.

Максим нашел регистратуру, наклонился к окошку:

— В какой палате у нас лежит пациент по фамилии Гольцов?

— У вас есть разрешение на посещение? — оторвала голову от глянцевого журнала строгая дама в огромных очках.

— Разумеется, — подтвердил Максим, вонзая взгляд в глаза под очками, как учил его Шаман.

Что подействовало — неизвестно, то ли психоэнергетический импульс Разина, то ли просто обаяние, но регистраторша требовать пропуск не стала. Посмотрела на монитор компьютера на столе:

— Он в пятом боксе, второй этаж налево.

— Благодарю, — кивнул Максим с начальственной вежливостью.

Поднялся на второй этаж, прислушиваясь к тишине здания.

Коридоры клиники сверкали чистотой, везде кафель, металл, зеркала, стеклянные панели, современные двери со светящимися изнутри зелеными номерами. И ни одного человека нигде, ни одного звука не доносится из-за плотно закрытых дверей. Слово вымерло все кругом.

Максим почувствовал спиной взгляд, но оборачиваться не стал. И так было ясно, что за коридором следит телекамера, иначе трудно объяснить отсутствие в режимном учреждении охраны на этажах.

Вот и дверь под номером «5».

Максим остановился, не зная, что делать дальше. По идее дверь должна была быть закрыта. Однако за ним действительно наблюдали, и стоило ему на секунду задержаться, как в двери что-то щелкнуло: сработал замок.

Максим толкнул дверь, она открылась.

Небольшая палата с белыми стенами — три на четыре метра, кровать, большое окно, до половины закрытое матовым стеклом. Умывальник, туалетная кабинка. Телевизор в углу — плоский, современный, с DVD-плеером, горка кассет на прозрачном журнальном столике. Непонятное устройство на стене — вычурной формы пластиковый ящик с линзами и десятком выпуклых глазков. Один глазок горит зеленым, второй оранжевым. Очевидно, сигнализатор состояния.

Гольцов лежал на кровати и читал. Отложил книгу, увидев посетителя. Мигнул, едва заметно скосив глаза на сигнализатор. Максим кивнул в ответ: Арсений Васильевич предупреждал о спецаппаратуре, прослушивающей и просматривающей помещение. Этого следовало ожидать.

— Здравствуйте, господин Гольцов. Рад вас видеть. Как вы себя чувствуете?

— Сад заглох, одичал. Сад запущен давно.

— На душе у меня одиноко, темно, — процитировал чье-то двустиишие Арсений Васильевич с усмешкой. — Честно говоря, я не ожидал вас увидеть.

— Мне позвонила ваша дочь. Ей показалось, что вы ее звали во сне.

— Не показалось. Вы с официальным визитом или, так сказать, с частным?

— Чисто по просьбе дочери. Я тоже не ожидал увидеть вас в полном здравии.

— Ну, до полного еще далеко, но я действительно здоров и хочу выйти отсюда. Не могли бы вы поговорить об этом с вашим начальством? Я пытался вызвать кого-нибудь, кто принимает решения, но медперсонал игнорирует все мои просьбы.

— Вы действительно... э-э, здоровы?

— Почему вы сомневаетесь?

— Потому что вы три месяца находились в состоянии комы, я узнавал, и вдруг...

— Для меня это тоже оказалось неожиданным, еще предстоит разбираться, почему так произошло. Но ведь я не в тюрьме? Не так ли? И имею право на свободу?

— Безусловно, — пробормотал Максим.

— Так вы мне поможете?

— Сделаю все возможное.

Гольцов сделал знак глазами. Максим наклонился к нему.

— Позаботьтесь о дочери, — торопливо шепнул ему на ухо Арсений Васильевич, — ей грозит опасность! Да и сыну тоже.

— Постараюсь, — кивнул он. — Значит, вы все-таки не...

— Об этом потом.

— Хорошо. — Максим разогнулся, сказал громче: — Я передам ваши заявления и просьбы начальству.

На миг глаза лежащего обрели пронзительную ясность и остроту, и Максим услышал-почувствовал мысленный голос Гольцова:

«Будь осторожен, *они* повсюду!»

Удивляться, переспрашивать, кто такие «они», Максим не стал. И так было ясно, что отец Марины имеет в виду агентов тех сил, которые пытались заставить его работать на некую Систему. Кивнув, он вышел из палаты и нос к носу едва не столкнулся с человеком в белом халате. Пропустил его, полагая, что это врач, направился было к выходу и вдруг в сердце занозой вошла тревога. Что-то поразило его в облике врача, уже немолодого человека, высокого, худого, с острым птичьим профилем и прозрачными, почти белыми глазами. Максим остановился, силясь разобраться в своих ощущениях. И вспомнил: глаза! У врача были странно неподвижные, как бы устремленные *внутрь*, мертвые глаза! Как и у всех кодированных исполнителей Системы, следивших и преследовавших Гольцова!

Круто развернувшись, Максим поспешил назад, прислушался. Из-за двери с номером «5» в коридор не доносилось ни одного звука, и тем не менее ему показалось, что он слышит тихий — на грани полета тополиного пуха — голос Арсения Васильевича: — Отстаньте от меня!.. Я никому ничего не должен!..

И вслед за тем — вскрик!

Не раздумывая больше, Максим ударил в дверь всем телом, ввалился в палату.

Гольцов полулежал на кровати, побледневший, с перекошенным лицом, вытянув перед собой ладонь. Врач навис над ним с

поднятыми руками, похожий на дирижера невидимого оркестра. Оглянулся на звук хлопнувшей о стену двери. Глаза его горели как раскаленные угли, оставаясь при этом неподвижными и мертвыми. Он резко махнул рукой, будто бросая что-то, и Максим инстинктивно уклонился от броска, внезапно осознавая, насколько тот опасен. И не зря!

Мимо с низким гулом пролетел вихристый сгусток дрожащего воздуха, слегка задев ухо майора, отчего он едва не оглох. Сгусток ударился о стену, срикошетировал и, попрыгав по комнате, запутался в мягком ворсе пола.

Врач взмахнул другой рукой, собираясь метнуть еще один сгусток дрожащего м а р е в а, однако Максим прыгнул к нему, на лету группируясь, изогнулся, пропуская вторую «звуковую гранату» сбоку от себя, и ударил метателя кулаком в грудь — прием «копье».

Врач кувыркнулся через кровать, взлетели полы халата, мелькнули подошвы туфель, из кармана выпал шприц. Он тотчас же подхватился на ноги и, ускорившись так, что глаз с трудом поспевал за его движениями, бросился мимо кровати, мимо Максима к двери, исчез за ней, лишь drobный топот донесся из коридора, будто сыграл стаккато оркестровый барабан.

Второй раз Максим сталкивался с людьми, которые действовали намного быстрее тренированных бойцов, каким являлся он сам.

— Извините, — выдохнул он, — я не ожидал, что они посмеют напасть на вас здесь, в спецклинике.

— Я тоже, — хрипло выговорил Гольцов, сел, держась за грудь. — Но не думаю, что они хотели меня убить. Попугать разве что. Я им нужен.

— Зачем?

— Не здесь.

Максим оглянулся на зрачок телекамеры, упрятанной за решеточкой воздушной вытяжки.

Арсений Васильевич тоже глянул в ту сторону, усмехнулся в бороду:

— Вряд ли охранник смотрит сейчас на монитор.

— Почему вы так думаете?

— Им надо было пройти мимо поста, чтобы никто парламентаря не остановил. Либо охраннику подселили программу содействия, либо отключили на время.

— В любом случае нам надо уходить отсюда. С каждым разом нападения будут готовиться тщательнее, пока они не добьются поставленной цели. Хорошо, что я успел сегодня, а если бы не пришел вообще?

— Тогда они попытались бы всадить в меня программу подчинения, хотя это и снижает возможности экзора.

— Вы стали бы зомби?

— Чем-то в этом роде, — скривил губы Гольцов. — Однако вряд ли нам удастся выйти отсюда даже с вашими документами.

Максим несколько мгновений размышлял, достал мобильник:

— Герман, быстро всех к нашей клинике! Аллюр три креста!

Спрятал телефон:

— Пойдемте.

Арсений Васильевич с недоверием посмотрел на майора:

— Вы уверены, что это... правильно?

— Другого случая может не представиться. Я вошел сюда благодаря знакомству, второй раз меня сюда не впустят.

Гольцов замешкался:

— Одежда...

— Нет смысла искать ваш костюм, пойдем так.

Они вышли из палаты; коридор был пуст. Либо охранник, контролирующий помещения клиники, и в самом деле был нейтрализован, либо ждал их внизу с соответствующей инструкцией относительно важного пациента.

— Не отставайте.

Максим сбежал по лестнице на первый этаж, готовясь к активному действию.

Конечно, их ждали.

Два охранника в синей форме, один у монитора, второй у турникета. И двое мужчин в холле, один — тот самый врач, что кидал в Разина «звуковые шары», второй — дюжий молодой человек в безрукавке и спортивных штанах, круглоголовый, с короткой стрижкой. Все четверо молча уставились на сходявших по лестнице беглецов с таким выражением лиц, будто увидели привидения.

— По приказу полковника Пищелко, — мрачно и веско сказал Максим, не снижая скорости. — Пропустите!

При этом он метнул на обоих стражей толкающий взгляд, опять же следуя инструкциям Шамана и добавляя тону властной непререкаемости.

Охранники переглянулись, не трогаясь с места.

Максим подошел к столу с монитором, нагнулся, вдавил зеленую клавишу на пульте, открывая турникет. Взял за руку подросшего Гольцова, подтолкнул вперед. Они миновали турникет, спустились по ступенькам в вестибюль клиники. Но на пути их встал могучий стриженный спортсмен с равнодушным гладким

лицом не сомневающегося ни в чем человека. Максим вынужден был остановиться.

— С дороги!

— Ваши документы, — скрипучим голосом потребовал врач, не подходя, однако, близко.

— А ваши? — прищурился Максим, не выпуская из поля зрения ни этих двоих, ни охранников; надо было тянуть время до прибытия группы, так как пробиваться к выходу силой, имея за спиной вооруженную охрану, было бы равносильно самоубийству.

Пищелко и так отдаст под трибунал! — мелькнула мысль.

— Я полковник Эрнст, — сказал врач, — заместитель главного врача этого учреждения. Кем бы вы ни были, вы не имеете права уводить пациента без предписания главврача.

— Ошибаетесь, имею, — качнул головой Максим. — Этот человек не пациент и не подопытный кролик, это вы не имеете права держать его здесь.

— Он болен...

— Больным его делают ваши эксперименты. Мы еще разберемся с этим, определим виновных и накажем так, что небо с овчинку покажется! Пропустите!

— Останови их, — повернул врач голову к спортсмену. — Я вызову спецгруппу.

Тот пошел на Максима, чуть косолапя, горбясь от чудовищных мышц плечевого пояса и шеи.

Максим не тронулся с места, только особым образом шевельнул пальцами рук, готовя их к мгновенному напряжению. Растянул губы в сардонической улыбке:

— Ну-ну, герой, подойди ближе.

Парень словно бы споткнулся, встретив его ощутимо колющий взгляд, в глазах мелькнуло сомнение. Кем бы он ни доводился заместителю главврача по фамилии Эрнст, судя по всему, рисковать своим здоровьем он не хотел.

— Максим! — крикнул вдруг Гольцов.

Еще не видя конкретной опасности — отвлекся-то всего на один миг! — Максим нырнул на пол с перекатом, ощущая всем телом, как над ним с угрожающим гулом пролетел знакомый «звуковой шар».

Воспользовавшись случаем, качок-спортсмен ударил Максима ногой, попал в бедро, ногу пронзила острая боль. Лишь бы не перебил сухожилие! — взмолился в душе Разин, подхватываясь и уворачиваясь от череды ударов: парень неплохо знал рукопашку и махал руками и ногами со знанием дела.

Краем глаза уловив движение руки Эрнста (как он это делает — формирует шары?! Что за прием?!), Максим ухватил руку противника, рывком развернул его, и брошенная врачом «звуковая граната» попала спортсмену в голову.

Раздался дикий крик!

Глаза, нос и уши парня буквально вскипели тоненькими фонтанчиками крови — лопнули кровеносные сосуды! Он схватился руками за уши, потом закрыл глаза ладонями, осел на пол, мотая головой, что-то мыча. Дернулся раз-другой, повалился на бок и затих.

Максим встретил бешеный взгляд врача, нагнул голову, выдохнул:

— Ах ты, сука поганая!

Прыгнул к нему, качая маятник, чтобы тот не смог точно применить свое грозное оружие (мистика какая-то!). Однако господин Эрнст не стал сражаться с разъяренным противником, метнулся к застывшим охранникам, перепрыгнул турникет.

— Стреляйте же, черт вас возьми! Это террорист! Он кончит вас всех!

Охранники потянулись к оружию, но воспользоваться им не успели. С грохотом распахнулись входные двери, дребезжа стеклами, и в вестибюль ворвались подчиненные Разина — Кузьмич, Писатель и Штирлиц. Навели стволы пистолетов на охранников.

— Оружие на пол! — рявкнул Кузьмич. — Руки за голову! Лечь, ... вашу мать!

Охранники послушно побросали пистолеты и легли. Судя по всему, они не были запрограммированы на выполнение приказов зама главного врача любой ценой.

— Что здесь происходит, командир? — подошел к Максиму Райхман, посмотрел на стоявшего в халате Гольцова. — А он что здесь делает?

— Все объяснения потом, — опомнился Максим. — Уходим.

Профессионально прикрывая друг друга, члены группы вывели Гольцова на улицу, по очереди держа охранников и застывшего столбом врача на прицеле. Последним уходил Разин. Бросил взгляд на лежащего с окровавленной головой (ну и силища в этом шаре!) парня, посмотрел на господина Эрнста:

— А с тобой, сволота, мы еще поговорим! Выясним, кто или что ты такое!

Дверь закрылась за его спиной, отрезая полный мрачной угрозы ответный взгляд заместителя главврача.

ОЖИДАЕМОЕ

Гольцов сразу отправился под душ, а Разин с командой устроились в гостиной, поглядывая друг на друга. Ничего лучшего Максим не придумал, отвозя отца Марины на квартиру брата, и теперь размышлял, что делать дальше.

— Ну ты и заварил кашу, — покачал головой Райхман. — Неизвестно теперь, как ее расхлебывать. Конечно, это приятная неожиданность, что наш бывший клиент жив и здоров, но стоило ли из-за него так рисковать?

— Осуждаешь?

— Как тебе сказать? Не хотелось бы из-за этого случая вылететь со службы. Погоны могут снять, еще чего...

— Я дам показания, что вы действовали по моему приказу.

— Да разве в этом дело?

— А в чем?

Штирлиц отвел глаза:

— Не надо было подставляться. Все мы теперь будем виноваты.

— Вы тоже так думаете? — оглядел Максим лица Кузьмича и Писателя.

— Я не считаю себя виноватым, — пожал плечами Геннадий. — Мы действительно работали по приказу и не знали, что происходит. Хорошо бы, если бы кто-нибудь мне объяснил — ради чего был устроен такой шум.

— А я согласен с командиром, — заявил Кузьмич. — Гольцов не должен сидеть в спецклинике в качестве подопытного кролика. Хотя мне тоже интересно, кого это он так разозлил, что его упекли в наш спецхран без права связи с родными и близкими. Командир, он тебе признавался, в чем дело?

Максим встал, зашел в туалет, постоял у зеркала, разглядывая физиономию. Вспомнилась чья-то старая шутка: «Если вы стали похожи на фотографию в своем паспорте, срочно идите в отпуск». Кажется, он уже достиг данной кондиции.

Вернулся в гостиную, сказал сухо:

— Все свободны.

Подчиненные переглянулись. Штирлиц молча направился к двери, за ним Писатель.

— Зря ты так, командир, — проворчал Кузьмич, поднимаясь вслед за ними. — Не стоит сходить с ума из-за юбки. Мы же добра тебе хотим.

Хлопнула входная дверь, в квартире стало тихо, только из-за двери ванной комнаты доносился плеск воды.

Максим постоял мгновение с каменным лицом, переживая

стыд и отвращение, метнулся в коридор, сбежал по лестнице вниз, опережая лифт. Догнал товарищей, спускавшихся в холл дома, перегородил им дорогу. Сказал, ни на кого не глядя:

— Простите, парни, нервничаю я...

— Да ладно, командир, — повеселел Кузьмич. — Мы понимаем.

— В случае чего мы с тобой, — добавил Писатель.

— Спасибо.

— Что ты собираешься делать? — хмыкнул Штирлиц.

— Доложу начальству, а там будь что будет.

— Пишелко взбеленится.

— Ничего, дальше Чечни не пошлет, — криво улыбнулся Максим. — Авось отобьюсь.

— А нам что делать?

— Идите по домам, утром в Отдел, разгребайте бумаги, я схожу к полковнику и выясню свой статус.

Подчиненные похлопали его по спине и плечам, ушли.

Разин вернулся в квартиру.

Из ванной выглянул Гольцов с мокрыми взъерошенными волосами:

— Извините, Максим, у вас какая-никакая передежка найдется? Не хочется больничный халат натягивать.

Максим порывлся в гардеробе брата, нашел джинсы, черную рубашку с надписью «Курение вредно для здоровья», протянул гостю. Арсений Васильевич появился в гостиной, помолодевший, преобразившийся, не похожий на себя прежнего; бороду и усы сбривать он не стал, только подровнял.

— Где остальные?

— Поздно уже, разъехались по домам. А вам я советую немедленно уехать из Москвы.

— Куда?

— Не знаю, на юг куда-нибудь, вообще за границу, к родственникам подальше отсюда.

— Все мои родственники в Муромском районе живут, в Рождомле, да в Ярославле тетки.

— Решайте сами. Но чем быстрее вы уедете, тем лучше. И заберите с собой Марину.

— Как она? — поднял голову Гольцов.

— С ней все в порядке, в Москве, отдала дочку в деревню, собирается сама туда ехать через несколько дней.

— Я могу поехать с ней.

— Дело ваше, только я все же рекомендую уехать прямо сейчас.

— Хорошо, я подумаю. А вы?

Максим усмехнулся:

— Я на службе, до отпуска еще далеко. Но если удастся вырваться на пару деньков, я к вам заскочу.

— В деревне у нас сейчас хорошо, земляника пошла, грибы-кокосовики. Приезжайте, я вас повожу по грибным и ягодным местам.

— Спасибо, я заядлый грибник. Да и по ягоды любил ходить в детстве. Хорошие ягодники у нас подальше, ехать надо, а по сосонничку пройдешься, кружечку земляники наберешь, дома посыплешь сахаром, зальешь молочком — кайф!

Арсений Васильевич сглотнул, и они оба засмеялись.

— Мы с вами похожи, — сказал Гольцов, отсмеявшись. — Я часто детство вспоминаю.

Максим припомнил слова Марины, что он похож на ее отца, заторопился:

— Поздно уже, Арсений Васильевич...

— Понимаю, надо уходить. Я готов.

— Я отвезу вас к дочери, она ждет, волнуется, и вы с утра пораньше отправляетесь в деревню.

— Маришу трудно уговорить что-то делать против ее воли, но я попытаюсь. А одежду верну попозже, когда заеду домой.

— Ни в коем случае не заходите домой! По сути дела вы сбежали... м-м, с моей помощью, из секретного медицинского учреждения, поэтому вас наверняка будут искать и устроят дома засаду. А поскольку мне вы так ничего толком и не сообщили — в чем ваши проблемы, то еще раз помочь вам я вряд ли смогу.

— Я уже говорил...

— Ну да, об энергорегулировании Карипазима — другой метавселенной, о Системе коррекции, о каких-то диспетчерах... кто в это поверит?

Арсений Васильевич вскинул голову, оценивая и с какой-то тайной надеждой посмотрел на Разина:

— Вы... не поверили?

— Не знаю. — Максим отвернулся. — С одной стороны, вы в самом деле неординарный человек. Можно спорить — экстрасенс или нет, но «Беркут» на вас реагирует. С другой...

— Понимаю, — погрустнел Гольцов. — В мою историю трудно поверить. Тем не менее это правда. Как хотите, так и воспринимайте. Не знаю, каким образом и кто передал мне информацию о Карипазиме на физическом плане, но я прозрел и не хочу больше корректировать реальность этого мира прежними методами.

— А что вы действительно там делали? — заинтересовался Максим против воли.

Гольцов усмехнулся:

— Как оказалось, я поддерживал равновесие сил Карипазима ценой провоцирования локальных войн и конфликтов.

Максим недоверчиво заглянул в печальные глаза Гольцова:

— Вы серьезно?

— Абсолютно. А потом понял, что процесс мирного урегулирования намного перспективнее, и даже успел создать нечто вроде «буферной зоны переговоров».

— После чего вас и начали давить и плющить.

— Совершенно верно.

— Вот, значит, как обстоят дела. А кто такой Диспетчер?

— Вы не бойтесь, что после контакта со мной вас тоже начнут преследовать?

— Пусть попробуют, — легкомысленно отмахнулся Максим. — Так кто же такой Диспетчер?

— Он отвечает за работу Системы на Земле, а также контролирует таких же, как я, экзоператоров.

Максим покачал головой:

— Царь и бог, владыка мира, главный наш распорядитель. Это не о нем ли ходит молва, как о дьяволе и Сатане?

— Какие-то ассоциации наверняка имеются, но это не библейский Сатана. Я ни разу его не видел, но знаю, что он не человек. И еще знаю, что он живет где-то на Земле, причем в России.

— Даже так? Интересно было бы с ним познакомиться.

— Упаси вас Бог! — серьезно сказал Гольцов. — Он легко запрограммирует вас, вы даже не поймете, что произошло, и начнете выполнять его распоряжения, принимая их за собственные решения.

— Как вы?

Гольцов потускнел, отвернулся:

— Я был введен в заблуждение...

— Извините, — проговорил Максим виновато. — Я не хотел вас обидеть. Просто хочу помочь, но пока не знаю как. Едем к Марине.

— Разве она дома?

— Позвоните ей.

Максим продиктовал телефон.

Гольцов набрал номер, рука его дрожала.

— Маришка? Это я... да, все хорошо... нет, я не из больницы, я у Максима... да, он... сейчас приеду, жди. — Арсений Васильевич передал трубку Разину. — Она хочет что-то сказать.

— Слушаю, — сказал Максим.

— Это твоих рук дело? — раздался в трубке взволнованный голос Марины.

- Ты о чем?
- Что папа на свободе?
- Так получилось.

Короткая пауза. Максим представил, как она сейчас прижимает трубку к уху, и с трудом сдержал вздох.

- Я была не права.
- Ерунда...
- Я вас жду!

Гудки отбоя.

Гольцов встретил взгляд Максима.

- Что?
- Нет, все нормально, едем.

Закрыли дверь квартиры, спустились во двор, сели в машину. Когда отъезжали, Максим заметил мелькнувшую сзади белую «Ладу», насторожился было, но она больше не показывалась, и он расслабился.

— Арсений Васильевич, а что за оружие использовал этот ваш Диспетчер? Я имею в виду зама главврача.

— Он не Диспетчер, возможно, его агент. Такие вещи принято называть мистикой или магией, но они существуют реально, это как бы другой уровень бытия на Земле, скрытый от подавляющего большинства населения. Врач использовал объемы воздуха с высокоамплитудными колебаниями молекул.

— Звуковые шары?

— Можно назвать и так. Внутри такого объема мощность звука достигает болевого порога, отчего лопаются кровеносные сосуды ушей и глаз.

— Я это видел. А вы раньше встречались с таким оружием?

— Нет.

— Откуда же тогда знаете его характеристики?

Арсений Васильевич помолчал, пригладил бородку, поймал взгляд собеседника:

— Никак не привыкну к бороде...

— Так вас труднее узнать. И все же, откуда вы знаете такие вещи?

— Во время одного из сеансов коррекции... — Гольцов снова помолчал, — я получил мощный энергоинформационный удар... до сих пор не знаю, что это было: то ли случайный срыв канала, то ли направленная передача... Но после него в памяти начали проявляться удивительные данные... и таких данных внутри меня — пропасть! Я пытаюсь выколупнуть оттуда информацию, и иногда это мне удается. Во всяком случае, сведения о том, как вылечить себя, я выудил из своей собственной памяти. Плюс еще кое-что...

— Я видел во время драки в ресторане: бандиты не могли нанести вам удар, вы были быстрее. Это меня поразило.

— Меня тоже, — усмехнулся Гольцов. — Что еще я откопаю в своей глубокой памяти, одному Богу известно. Но я чувствую, что запас информации огромен.

— Это здорово!

— Не уверен.

— Это здорово с практической точки зрения. Попробуйте выловить из вашей пропасти информацию прикладного характера, к примеру, как защищаться на физическом уровне, на ментальном, как выявлять врагов.

— Зачем?

— Как это зачем? — удивился Максим. — Вы что же, так и будете бегать от всех? Надеяться на чью-то помощь? А кто защитит ваших детей, родных и близких? Думаете, ваша Система вас отпустит? Как бы не так! Если все, что вы мне рассказали, правда, они вас из-под земли достанут! Особенно если вы и в самом деле им нужны.

Гольцов опустил голову, задумался.

Дальше ехали молча.

Когда поднимались на лифте на одиннадцатый этаж, где располагалась квартира, которую снимала Марина, Арсений Васильевич взял Максима за локоть:

— Только я прошу вас, Максим: Марине о моих проблемах ни слова! Ей о них знать ни к чему.

— Разумеется, — кивнул майор.

Дверь открылась тотчас же, как только палец Гольцова вдавил кнопку звонка. Выбежавшая в халатике Марина бросилась отцу на шею, а у Максима вновь перехватило дыхание, так на него действовала притягивающая манящая красота женщины.

— Входите, — опомнилась она, отступая.

— Нет, мне пора домой, — мотнул головой Максим. — Вы пока поговорите без меня, решите, что будете делать. Утром я позвоню с работы.

— Позвони и приходи завтра вечером. — Взгляд, который подарила Марина, был так многообещающ, что у Максима выросли крылья за спиной. — Мы будем ждать.

— Благодарю за приглашение, конечно, я приду, если только не изменятся обстоятельства. — Максим посмотрел на Арсения Васильевича. — Помните, о чем мы говорили.

— Естественно, я помню.

Максим повернулся к лифту, и в это время горячие ладошки легли ему на плечи, а щеку обжег поцелуй.

— Спасибо за папу!

Он обернулся, но Марина уже упорхнула вслед за отцом, закрыла за собой дверь. Улыбаясь, Максим вызвал лифт. Но уже внизу, на первом этаже, улыбка сбежала с его губ. Интуиция подсказывала, что над ним сгущаются тучи. Как оправдать перед начальником Отдела свое решение освободить Гольцова, он не знал.

Мрачные предчувствия Максима сбылись.

Полковнику Пищелко уже доложили об инциденте в бескудниковской спецклинике, и он рвал и метал, по словам Райхмана, который первым попался ему под руку.

— Будь осторожен, — посоветовал капитан, сочувственно глядя на командира. — Не перечь ему, соглашайся и обещай все исправить, авось пронесет.

— Не пронесет, — мрачно сказал Максим. — Он и так зуб на меня точит, уволить грозит.

— Никуда он тебя не уволит, такими спецами не бросаются. Ну, звездочку снимет, выговор в личное дело вlepит, и все.

— Ты его не знаешь.

— Какого черта в таком случае ты полез на рожон, зная, чем это тебе грозит?

— Вот тут я с тобой согласен, надо было подумать, как это сделать похитрей. Но что сделано, то сделано, пойду сдаваться в плен.

Максим привел себя в порядок, придал лицу безмятежный вид и направился в кабинет начальника Отдела.

Его ждали хозяин кабинета и посетитель — генерал Плевин Самсон Викторович собственной персоной, начальник научно-технического Управления. Оба о чем-то беседовали, склонившись над столом, и, когда Максим вошел, разогнулись.

— Здравия желаю! — вытянулся он по стойке «смирно».

Оба опять же не ответили, разглядывая майора, будто видели его впервые.

— Разрешите обратиться к товарищу полковнику, товарищ генерал?

— Зачем? — пожал плечами Плевин, большой, плечистый, с грубыми чертами лица; глаза его не были видны, скрытые черными очками. — Мы и так все знаем. У меня к тебе только один вопрос, майор: кто тебя надоумил отпустить Гольцова?

— Никто, товарищ генерал, — вытянулся еще больше Максим. — Решение я принял самостоятельно, затмение нашло. Показалось, что это будет справедливо — отпустить не виновного ни в чем человека на свидание с родными и близкими.

— Затмение нашло, — повторил Плевин.

— Так точно!

— Я же говорил? — буркнул Пишелко, оглаживая бороду. — Гольцов вывел интенционал на уровень прямого восприятия и получил возможность дистанционно воздействовать на окружающих.

— Если бы он умел дистанционно воздействовать на окружающих, он вышел бы сам, не прибегая к помощи твоего майора.

— Ну, не знаю, может быть, это у него получается неосознанно. В любом случае экзор становится непредсказуемо опасен, получая свободу выбора, его надо ликвидировать.

— Он нужен главному.

— Пусть решает.

Они разговаривали, а Максим слушал с выпученными глазами, делая вид, что ничего не понимает. Но мысли крутились в голове бешеным вихрем. Так как становилось ясно: и генерал, и полковник з н а л и, что Гольцов — экзооператор и что он делает. Возможно, именно они довели его до коматозного состояния, пытаясь подчинить взбунтовавшегося экзора, заставить продолжать работу в иных пространствах. И судя по их речи, — странно, почему они не боятся говорить при нем? — они знакомы и с бывшим начальником Арсения Васильевича по «внешне-космической» деятельности — с Диспетчером.

Свою мысль Разин развить не успел.

Оба собеседника посмотрели на него.

— Тебя может реабилитировать только выполнение приказа, майор, — сказал Самсон Викторович. — Гольцова надо найти и ликвидировать. Справишься?

Максим перестал делать вид недалекого служаки. Опустил плечи. Сжал губы:

— Основания, товарищ генерал?

Собеседники переглянулись.

— Какие, к дьяволу, основания? — нахмурился Пишелко. — Это приказ!

— В таком случае я отказываюсь его выполнять! Гольцов ни в чем не виноват.

— Что я говорил? — посмотрел Пишелко на генерала. — Нет никакого смысла подсаживать к нему линейщика, неизвестно, как он себя поведет в дальнейшем.

— Жаль, — сказал начальник Управления, слепо — сквозь очки — рассматривая Максима. — Ты хороший опер. Но рисковать мы не будем.

Пишелко вдавил клавишу селектора:

— Зайдите.

В кабинет вошли два могучих амбала в лопающихся на груди

белых рубашках, в черных брюках, с черными галстуками. Максим их знал: это были телохранители Плевина.

— Сдай оружие, майор.

Максим вынул из подмышечной кобуры пистолет, положил на стол.

— Уведите.

Крепыши взяли Максима под локти. Он дернулся:

— Я сам пойду!

Удар в живот! Огненные колеса в глазах!

Он обвис на руках парней, хватая ртом воздух. Его поволокли из кабинета в коридор, где он немного пришел в себя, и повели к выходу, спотыкающегося, под любопытными взглядами сотрудников Управления, попадававшихся на пути. Было больно и обидно, однако думал он не о своем незавидном положении, а о Гольцове и его дочери. Взмолился в душе: уезжайте поскорей! Бегите отсюда!

Его вывели во двор, впихнули в черный «Лэндкрузер» с темными стеклами.

— Куда поедет? — сипло выдохнул он.

— На кудыкины горы, — ответили ему со смешком.

Джип тронулся с места.

СИСТЕМА

В кабинет вошел немолодой человек с вальяжным породистым лицом, лицом профессора математики, и немигающими ледяными глазами, слегка поклонился:

— Куда его, Самсон Викторович?

Это был офицер по особым поручениям, выполняющий личные приказы начальника Управления.

— Он должен исчезнуть.

— Надолго?

— Навсегда. Лучше всего отправить его к Эрнсту, тот живо сделает из майора идиота. Но сначала допросите его, вдруг он что-нибудь знает о Гольцове.

Офицер по особым поручениям наклонил голову:

— Слушаюсь.

— Погоди, — остановил его Пишелко, — есть идея получше. Он все равно не скажет, где сейчас Гольцов. Поэтому есть смысл поиграть с майором в кошки-мышки. Он наверняка захочет предупредить Гольцова. Дайте ему эту возможность, засекуте звонок и накройте клиента.

— А если он сбежит? — проворчал Плевин. — Майор отличный боец, насколько мне известно.

— От нас не сбежит, — заверил генерала порученец. — А что делать с самим Гольцовым?

— Это противник посерьезней, несмотря на отсутствие у него боевого и оперативного опыта. Поэтому разрешаю применить всю нашу спецтехнику. Но убивать его не надо, он мне нужен. Удастся задержать — доставьте и его к Эрнсту. Попробуем подсадить к нему контролера.

— Слушаюсь! — козырнул порученец, повернулся через левое плечо, вышел.

— Справится? — с сомнением посмотрел ему вслед начальник Управления. — Лева уже стар для таких дел.

— Змей-то? — усмехнулся полковник. — Можешь не сомневаться. Он еще в хорошей кондиции.

— За что ему дали такую кликуху?

— Исключительно изворотливый стервец! Особо отличился в Чечне, продал аллахакбаровцам два десятка комплексов «Игла» и остался в стороне. Маму продаст, если потребуется. И, кстати, прекрасный рукопашник, несмотря на возраст, много лет занимался у какого-то китайского мастера кунгфу.

— Что ж, посмотрим. У тебя все?

— Кое-что по мелочам, но это я сам решу. Можешь докладывать Диспетчеру.

— Сначала пропустим по стопочке «кристалловской», холоденькой.

— Может, лучше по стаканчику рому?

— Ты же знаешь мои вкусы.

— А я люблю ром.

Пищелко открыл замаскированный под книжную полку холодильник, вмонтированный в стену рядом с баром и сейфом, достал початую бутылку «Абсолюта», ром, налил в небольшие стопки. И высокие чины, завербованные Системой, с удовольствием проглотили алкоголь, помогающий им расслабляться и не думать о последствиях своей тайной деятельности.

ПРЫЖОК

Июльская жара всегда воспринималась Арсением как обычное состояние лета. Он не понимал, когда знакомые или соседи начинали жаловаться на сухую и жаркую погоду, кляня ее почему зря. Для него летняя жара всегда ассоциировалась с каникулами, а глав-

ное — с возможностью отдаться без оглядки любимому занятию — чтению фантастики.

В эти июльские дни он читал роман Георгия Мартынова «Каллисто». История прилетевших на Землю жителей далекой планеты Каллисто, принадлежащей звезде Сириус из созвездия Большого Пса, настолько потрясла Арсения, что он читал книгу, как путник пьет воду в пустыне — по глотку: прочитает две-три страницы в прохладе сений, на матрасе, и бежит во двор, под жгучие лучи солнца. Пять минут на жаре — и ты уже потный! Ведро воды из колодца на голову — и вперед, к захватывающему воображение чтению. Еще две-три странички, и снова во двор...

Чья-то рука легла на плечо.

Арсений Васильевич восторженно вскидывая голову, узнал дочь, виновато улыбнулся:

— Извини, Мариш, вздремнул немного. Который час?

— Двенадцать.

— Максим не звонил?

— Нет. У меня плохое предчувствие, папа. Если он обещал позвонить и не сделал этого, значит, что-то случилось.

Арсений Васильевич с интересом посмотрел на взволнованное лицо дочери:

— Ты его любишь?

Марина покраснела, отвернувшись:

— Не знаю... он мне нравится... и Стеша к нему хорошо относится.

— Так в чем же дело? Выходи за него. Или он не предлагал тебе семейной жизни?

— Предлагал... Максим говорит, что любит меня... а я сомневаюсь.

— Зря, по-моему, он решительный и смелый мужик, за ним ты будешь как за каменной стеной.

— Он же чекист...

— Ну и что? Разве работа определяет характер и путь человека? Это как раз человек вносит в работу свое отношение к ней и к людям, оживляет ее. Главное, чтобы это отношение было добрым. Максим жесткий человек, но вполне адекватный, он не обидит напрасно.

— Почему же он не помог тебе, когда ты лежал в их клинике? Почему разрешил ставить на тебе опыты?

— Никто на мне не ставил никаких опытов, — поморщился Арсений Васильевич; в этом утверждении он не был уверен на все сто процентов, но волновать дочь не хотел. — И он к моей...

гм-гм, болезни не имеет никакого отношения. Он сделал свое дело, привез в Москву, а дальше я находился под опекой специалистов другого подразделения ФСБ.

— Все равно он мог бы поинтересоваться, что случилось, и помочь тебе.

— Если бы он не вызволил меня оттуда, кстати, не испугавшись ответственности, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

Марина опустила голову:

— Да, наверное... — Она встала, направилась к выходу из гостиной. — Я сварю кофе.

Арсений Васильевич покачал головой, глядя ей вслед.

Ночь после ухода майора они провели беспокойно, ожидая каких-то негативных последствий побега из клиники. Проснулись рано и стали ждать известий от Максима. Но он не позвонил ни в девять, ни в десять, ни в одиннадцать часов утра, и неудивительно, что у Марины начали сдавать нервы. Она любила Разина, это было видно невооруженным глазом, хотя и не хотела в этом признаваться ни отцу, ни самой себе.

Марина принесла кофе, села напротив. Она постаралась успокоиться, и лицо у нее было бесстрастным, разве что чуть бледнее обычного.

— Что будем делать, папа? Может, поедem в Родомль, к Стеше? Максим же советовал уехать.

— Я тоже об этом думаю, и вот что... — Арсений Васильевич запнулся, почувствовав укол тревоги.

И тотчас же зазвонил телефон.

Оба посмотрели друг на друга, потом Марина вспорхнула с дивана и метнулась к телефону, сорвала трубку:

— Алло!

— Марина, немедленно уходите! — раздался в трубке необычно глухой голос Максима. — Слышишь?

— Где ты?! Что с тобой?!

— Я вас найду! Только уходите... — Голос Максима исчез, в трубке заиграли гудки отбоя.

А Марине показалось, что из трубки выглянул чей-то глаз, подмигнул ей издевательски и скрылся. Она растерянно посмотрела на приблизившегося отца:

— Максим...

— Что он сказал?

— Уходите... я вас найду... и все.

— Значит, надо уходить. — Арсений Васильевич расправил плечи, преодолевая нежелание куда-то ехать и вообще что-то делать. — Собирайся.

Сам он был уже практически собран, все его вещи находи-

лись в Жуковском, однако ехать туда не советовал Максим, и Гольцов решил последовать совету, так как понимал, что его там и в самом деле может ждать засада: если не киллеров Системы, то сотрудников ФСБ. Что же случилось там, на работе у майора? Почему он так категоричен? Его арестовали? Поместили в следственный изолятор?

Арсений Васильевич закрыл глаза, сосредоточился на вхождении в общее энергоинформационное поле Земли, но не пошел дальше привычным путем — к трансперсональному каналу, связывающему его с миром Карипазима, а «свернул в сторону», попытался найти в общем кипящем «ментальном» поле человечества знакомую личность.

На мгновение голову пронзила колючка... нет, не боли, а очень странного ощущения: словно пчела ужалила, но незлобно, а как бы укоряюще, с сожалением. Хотя и это сравнение нельзя было считать удачным. Для объяснения феномена просто не хватало слов. При этом Арсений Васильевич отчетливо понимал свой организм, ставший по сути непрерывным потоком воспринимаемой и передаваемой информации. Да и внутренний голос, представлявший собой часть психики, часть душевного пространства, осознавшую запасы полученной извне информации, утверждал, что человек вообще является сыном огромной экосистемы под названием Природа и отражает в своем организме информационно-полевую сущность Вселенной, ее глобальную фрактальную конструкцию. А своему внутреннему голосу Арсений Васильевич верил безоговорочно.

Что-то произошло с головой: она превратилась в объемную световую медузу, пронзившую нитями-щупальцами весь околоземной космос. На миг потрясающая глубина всей этой сложной структуры раскрылась перед ним. Он уловил знакомые световые и цветовые комбинации, хотел было подсоединиться к ним, но тут же провалился в черную яму без дна и стен...

...брызнул свет в глаза!

Кто-то дотронулся до плеча.

— Пап, ты что? — раздался испуганный голос дочери. — Что с тобой?

Зрение восстановилось.

Он стоял в прихожей, прислонясь к косяку входной двери, чувствуя непривычную тяжесть тела и сдавливающее сознание плоть головы. Улыбнулся смущенно, отвечая на взгляд Марины:

— Все в порядке, Мариш, я просто задумался. И Максим прав, мы с тобой не должны здесь оставаться. Он сейчас находится где-то в Бескудникове, в темном помещении...

— Что с ним?!

— Ничего особенного, его заперли... очевидно, начальство не простило его поступка. Однако он чувствует себя бодро и намерен защищаться.

— Откуда ты знаешь?

— От верблюда, — подмигнул дочери Арсений Васильевич. — Почувствовал.

— Странно.

— Что?

— Раньше ты не отличался такой чувствительностью.

— То было раньше, а теперь я... другой.

— Ты стал очень скрытным, папа, ничего не рассказываешь, не делишься своими проблемами, как прежде. Почему тебя забрали в клинику ФСБ? Чем ты их достал? Может, ты работаешь на иностранное государство? Или ведешь подрывную деятельность?

Арсений Васильевич невольно засмеялся:

— Не веду, успокойся, и на иностранное государство не работаю. Просто я приобрел некие... м-м, неординарные способности, а в ФСБ есть отдел, который изучает подобные вещи.

— Максим мне говорил, что ты якобы экстрасенс, но я не поверила.

— Не экстрасенс, хотя могу кое-что, зализывать раны, к примеру... — Увидев круглые глаза дочери, Арсений Васильевич спохватился, что ляпнул лишнее, успокаивающе погладил ее по руке. — Мы еще поговорим на эту тему. Ты готова?

Марина не успела ответить.

Зазвонил дверной звонок. Потом дверь содрогнулась от нескольких ударов кулаком, из коридора донесся мужской голос:

— Откройте, милиция!

Марина побледнела, беспомощно посмотрела на отца:

— Что делать?!

Арсений Васильевич напрягся, усилием воли возвращаясь в состояние про с в е т л е н и я. Проговорил сквозь зубы:

— Это не милиция.

— А кто?!

— Они проследили звонок Максима... надо было сразу уходить.

— Спрячься в спальне!

— Это ничего не даст...

— А вдруг ты ошибаешься, и это все-таки милиция? Я скажу, что одна дома...

Новый звонок, удары в дверь, голос:

— Откройте, гражданка Гольцова, мы знаем, что вы дома!

— Прячься же!

Арсений Васильевич перестал колебаться, сжал руку дочери:

— Попробуй убедить их, что я уже ушел.

Скрылся в спальне, оглядывая интерьер комнаты: кровать, платяной шкаф, трюмо, комод, дверь на балкон... дверь на балкон! Ну конечно!

Он задернул шторы, прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за двери: там раздавались резкие мужские голоса, шаги, голос дочери, утверждавшей, что она одна, и требующей от гостей не проходить в зал в грязной обуви, — открыл дверь на балкон. Елки-палки — одиннадцатый этаж! Не спрыгнешь в сад и не убежишь!

Сзади послышался скрип открываемой двери, кто-то вошел в спальню, ощутимо недобрый и опасный.

Молния энергетического разряда пронзила тело Арсения Васильевича, заставила вибрировать и перенастраиваться всю нервную систему.

Черта с два я вам дамся! — вдруг разозлился он. Не на того напали! Маринка выкрутится как-нибудь, а мне возвращаться в клинику не резон.

Арсений Васильевич примерился и перемахнул через перила балкона, повис на руках, раскачался, спрыгнул на балкон десятого этажа. Притаился, вжавшись спиной в запертую балконную дверь.

Наверху послышался звук открываемой двери, кто-то глянул с балкона вниз, перегнулся через перила, пытаясь заглянуть на нижний балкон, но увидеть беглеца не смог, перила были слишком высокими. Раздался энергичный мат, мимо пролетел окурок, рассыпая искры. Стук двери.

Арсений Васильевич подождал секунду, затем снова перемахнул через перила балкона, чувствуя во всем теле пульсацию силы и бодрости, как в молодые годы. Качнулся на руках, спрыгнул на пол балкона девятого этажа.

Мало, оценил его подвиг внутренний голос. Пока есть возможность, надо спускаться ниже.

Перелез, повис, раскачался, спрыгнул.

Восьмой этаж...

Седьмой...

Шестой...

За окном мелькнуло удивленное женское лицо: хозяйка квартиры на шестом этаже увидела каскадера.

— Откройте, — попросил Арсений Васильевич, помогая себе жестами. — Не бойтесь, я не вор.

Однако женщина отпрянула от окна, подбежала к телефону,

схватила трубку, начала что-то торопливо говорить; судя по всему, она звонила в милицию. Арсений Васильевич понял, что положение осложняется. Времени на благоприятное разрешение ситуации у него практически не осталось, вот-вот визитеры должны были сообразить, что происходит, и перехватить беглеца внизу.

Он выглянул с балкона, посмотрел вверх. И буквально наскочил на ответный взгляд человека на одиннадцатом этаже, который в этот момент смотрел вниз. Человек свесился через перила, что-то крикнул назад, за спину, в руке его появился пистолет.

Арсений Васильевич отпрянул к балконной двери, озираясь, ища выход. Хотел было разбить стекло, чтобы войти в квартиру и прорваться на лестницу, но мелькнувшая мысль — потеряешь время и свободу! — заставила его остановиться. Он снова вернулся к перилам, глянул вниз: внизу газончик, кусты, асфальтовая лента тротуара. Почему бы и не рискнуть, экзор?

Вспомнился случай, когда он был пионервожатым в лагере, ему тогда только-только исполнилось шестнадцать лет, и поздно вечером, после отбоя, директор застал компанию пионервожатых «в неположенном месте» — у девочек. Ничего криминального в этом не было: сидели, слушали музыку, пили вино, шутили. Но поскольку порядки в лагере поддерживались строгие, попасться директору на глаза никто не хотел. Друг Арсения Саша Антошкин залез под одеяло свободной кровати, делая вид, что спит, остальные кинулись прятаться кто куда, а Арсений не придумал ничего лучшего, как сигануть с балкона четвертого этажа; пионерлагерь располагался в здании недавно отстроенного дома отдыха. Как ни странно, несмотря на темень — прыгал он как в воду, ничего не видя, — Арсений не разбился, не сломал ни руку, ни ногу, только пятки отшиб, хотя «затяжной» прыжок его мог закончиться печально. Попал он в треугольник между бетонной дорожкой, опоясывающей здание, кирпичным бордюром клумбы и мощной деревянной скамьей. Однако пронесло.

Вперед, экзор! — подбодрил себя Арсений Васильевич, все еще находясь в состоянии необычной оптимистической эйфории, сошло тогда, сойдет и теперь.

Над головой раздался выстрел, пуля вжикнула мимо, как злой шмель.

Не раздумывая более, он прыгнул.

Весь полет занял немногим более трех секунд. Перед тем как удариться ногами о газон, Арсений Васильевич совершенно инстинктивно «растопырился» в воздухе, пытаясь притормозить

падение, и это ему удалось! Удар в ноги оказался несильным. Он перекувырнулся через голову, подхватился, глянул вверх.

На балконе одиннадцатого этажа, где располагалась квартира Марины, размахивали руками трое мужчин. Раздались выстрелы. Пули с чмокающим звуком вонзились в дерн в нескольких сантиметрах от пятки Гольцова. Он отпрыгнул в сторону, побежал, петляя, к дороге, смешался с толпой прохожих.

Те, кто пришел за ним, не ждали его со стороны фасада, полагая, что высота здания является надежным сторожем для человека его лет и образа жизни. Но они просчитались.

Марина! — мысленно позвал дочь Арсений Васильевич. — Не волнуйся, я в порядке! Жди весточки! Тебя они не тронут, а за мной пусть погоняются!

Неизвестно, получила ли она «телепатограмму» или нет, Марина на нее не ответила, но Арсений Васильевич почему-то был уверен, что дочь его услышала.

ПОВЕГ

Голова гудела и кружилась, во рту скопилась горечь, будто он три дня не полоскал рот после выпитого пива, глаза жгло, кожа на спине и животе зудела, хотелось под душ и еще очень хотелось пить, чего-нибудь освежающего, кисленького, отрезвляющего, прибавляющего сил, к примеру, рассолу.

Рассол — напиток завтрашнего дня, всплыло в памяти чье-то изречение.

Максим сделал гигантское усилие и разлепил глаза.

Белый потолок, белые стены, окно, кровать, белый ящик на стене с мигающими индикаторами. Больничная палата?

Он повертел головой, разглядывая обстановку комнаты, слабый как после болезни, силясь вспомнить, как он здесь оказался. Может быть, и в самом деле заболел? Чем? Гриппом, что ли? Не похоже. Что-то посерьезней, раз в теле такая слабость. Гипертонический криз? Тоже не слишком правдоподобно, сердце работает ритмично и не болит...

Лишь бы не СПИД, угрюмо пошутил внутренний голос. С остальным мы справимся.

Где я, интересно?

В больнице, где же еще.

Почему?

Может, ты припадочный, вот тебя и забрала «Скорая помощь».

Спасибо за оценку.

Максим вспомнил строчку стихотворения: «Смерть надежней, чем «Скорая помощь». Однако мы еще живы, черт побери! Он напрягся... и вспомнил!

Разговор с генералом Плевиным, начальником Управления, и полковником Пищелко, начальником Отдела, мощные парни, умелый удар по почкам, джип, стремительная езда, еще удар — по голове, темнота... палата... он в спецклинике, вот где! Это абсолютно точно! Правда, странно, что до сих пор не может прийти в себя, били-то его не так уж и много... хотя... в памяти мелькают какие-то неясные фигуры, тени, крики, вопросы... ну, конечно, его допрашивали! И вполне возможно — с применением неких спецсредств типа «сыворотки правды» или «детектора лжи». Впрочем, этого он не помнит, просто можно допустить и такой вариант развития событий.

Взгляд зацепился за телефон на столике в углу.

Кажется, он звонил куда-то — сто лет назад... предупреждал кого-то...

Не кого-то — Марину и ее отца! Им грозила опасность! Интересно, успели они уехать из Москвы или до них все же добрались спеццы Отдела?

Максим попытался сесть, но не смог, нахлынула волна слабости. Тогда он вспомнил рекомендации Шамана и расслабился, устраиваясь поудобнее, принялся приводить в порядок нервную систему, настраивать каждый орган тела на нормальное функционирование.

Через несколько минут стало легче. Сердце заработало без перебоев, боль в легких ушла, хотя тут же выявились другие очаги боли — в груди и боках, в низу живота, на затылке. В этих местах обнаружили синяки и ссадины, говорящие о том, что Максима били не один раз. Хотя он этого и не помнил. Излечивать гематомы самостоятельно он еще не научился, как Гольцов, поэтому решил просто о них не думать. Полежал немного, чувствуя блаженство облегчения и возвращения сил, затем встал — медленно, осторожно, плавно, стараясь дышать ровно и глубоко, подошел к окну, как был, — голый. Но окно оказалось до половины закрытым матовым стеклом, а шпингалетов и ручек на раме не было. Если оно и открывалось, то лишь снаружи. Тогда Максим залез на подоконник и через прозрачную узкую верхнюю часть выглянул на улицу.

Парк, внизу — палата, очевидно, располагается на третьем этаже здания — густое плетение кустарника, тополя, липы, клен, несколько сосен, березы. За деревьями вдалеке виднеются две высотки, подъемный кран. Вот и весь пейзаж. И все же нет сомнений, что это Бескудниково. Значит, его и в самом деле по-

местили туда же, где лежал и отец Марины, в спецклинику ФСБ. В таком случае его кошмары имеют основание: допросы с применением психотроники либо психотропных препаратов имели место, отсюда и слабость и все остальные «прелестные» ощущения.

По листьям деревьев пробежал неслышимый ветерок.

Максим вспомнил, как он сдавал приемный экзамен по физике в МГУ. В те годы он мечтал стать специалистом по квантовой электронике и после окончания школы поехал в Москву сдавать экзамены в университет. Математику — письменно и устно — он сдал на «четыре», что позволяло надеяться на благоприятный исход всего предприятия, а вот на физике споткнулся, несмотря на то, что физика была его любимейшим предметом в школе. Из пяти вопросов лишь на три ответил конкретно и точно, а на оставшиеся лишь порассуждал, каким, по его мнению, должен быть ответ. Потому что ответов на эти вопросы он не знал. Время подумать еще было, но уже все было ясно, и Максим сидел у окна и печально смотрел на парк за окном кабинета, где проходил экзамен, понимая, что с таким знанием предмета учеба в университете ему не светит. Тогда он достал из пакета книгу — перед экзаменом он купил в магазине на Тверской сборник фантастики НФ № 4 — и начал читать, не обращая внимания на заинтересованные взгляды преподавателя.

В тот день ему поставили по физике тройку, однако он все равно не стал студентом МГУ, не прошел по конкурсу...

Спину мазнула волна воздуха: открылась дверь палаты.

Максим оглянулся.

В палату вошли двое в белых халатах: уже знакомый Разину зам главврача клиники господин Эрнст и могучий великан-санитар с равнодушно-сонной квадратной физиономией.

Максим спрыгнул с подоконника, завернулся в простыню, сел на кровати. Вспомнился старый анекдот:

— Алло, это военкомат?

— Да.

— Вы можете забрать меня сегодня в армию?

— А вы где?

— В тюрьме.

Максим улыбнулся. Спецклиника немногим отличалась от тюрьмы, а вот в армии он уже служил.

— У вас хорошее настроение, майор? — приподнял бровь Эрнст, разглядывая пациента. — Придется нам его испортить. Помните нашу встречу в этом заведении? Вы тогда пообещали разобраться со мной.

Максим поймал полный злобного удовлетворения взгляд

полковника и понял, что, если он не предпримет какого-либо неожиданного для окружающих шага к освобождению, шансов остаться нормальным человеком, а то и просто живым, у него не будет.

— У вас хорошая память, господин Эрнст, — усмехнулся Максим. — Приятно, когда меня цитирует такой большой начальник.

— Это прекрасно, что вы еще способны шутить, — в свою очередь усмехнулся заместитель главного врача. — Радуйтесь жизни, потому как скоро вы будете лишены этой возможности. У вас остался только один выход из положения, майор: сотрудничать с нами. Добровольно или принудительно. Добровольно лучше, ибо в этом случае не пострадает личность. В противном случае...

— На нас — это на кого? — перебил Эрнста Максим.

— В противном случае вы забудете не только свое игривое обещание разобраться со мной, но и свое имя, — закончил Эрнст.

— А если я вас пошлю куда-нибудь подальше?

Заместитель главврача оценивающе оглядел сидящего на кровати Разина, бросил через плечо:

— Неси.

Верзила-санитар молча повернулся и вышел.

— Надеюсь, он принесет мою одежду? — сказал Максим.

— Он принесет модем.

— Что?

— Аппарат для кодирования таких крутых парней, как вы, майор. Первая попытка не удалась, личность вы сильная, да и занимались вами мои помощники, теперь же займусь я сам. Попробуйте посопротивляться, даже интересно, как долго вы продержитесь.

— А если я выдержу?

— Вряд ли, у нас ломались и более сильные натуры.

Максим вспомнил изречение, принадлежащее известному шоу-политику середины девяностых годов:

— Все это так прямолинейно и перпендикулярно, что мне неприятно.

— Как? — удивился Эрнст.

— Так говорил наш отечественный Заратустра, — усмехнулся Максим. — Хотя вы его можете и не знать, он не проходил через вашу клинику.

— Кто это?

— Бывший премьер, посол в Украине.

— Черномырдин, что ли?

— Угадали.

Кто-то постучал в дверь.

Максим понял, что другого момента может не представиться, и прыгнул вперед особым манером, в прыжке разворачивая простыню.

Почему Эрнст не проявил былой подвижности и сверхреакции, оказался не готов к атаке, осталось неизвестным. Возможно, он не ожидал от пациента-пленника никаких активных действий. Факт оставался фактом: он не успел воспользоваться своими магическими возможностями и оказать сопротивление Максиму.

Простыня опустилась ему на голову, на плечи, спутала вскинутые руки, а затем Максим нанес удар головой в лоб Эрнста под простыней, и заместитель главного врача отлетел к двери, издав хриплый возглас. Свалился на пол, под ноги ворвавшегося в палату санитаря.

Впрочем, это был другой человек, хотя и в белом халате медицинского работника. На Максима глянули светящиеся голубые глаза, и он едва сдержал удар: гость излучал волну силы и сосредоточенной воли, но без ненависти, злобы и угрозы.

Голубые глаза мельком посмотрели на ворочавшегося на полу Эрнста, снова переместились на Разина.

— Поздравляю, майор, редко кому удавалось свалить такого зверя. Похоже, вы в хорошей форме. Идемте.

— Кто вы?

— Все объяснения потом.

— Одежда...

— Возьмите у него халат.

Максим повернулся к Эрнсту, без всякой жалости рубанул ребром ладони по толстой шее, в три движения сорвал с упавшего халат, натянул на себя. Хотел было снять и туфли, но стало противно. Добежишь босиком, проворчал внутренний голос, легче будет бежать.

Обладатель голубых глаз — не поймешь сразу, старый он или молодой, — ждал его в коридоре, следя за дверями и выходами на лестницы. Ни слова не говоря, двинулся к ближайшему выходу.

Рывком распахнулась дверь с табличкой «ЛК», из нее в коридор выскочили двое парней в синей форме, на поясе кобуры с пистолетами, в руках пистолеты покрупнее, с прямоугольными стволами, желтого цвета. Максим вспомнил изыятый у бандитов, следивших за Гольцовым, тазер — электрошокер, хотел крикнуть спутнику, предупредить, но не успел.

Голубоглазый шелкнул два раза пальцами, выстреливая не то

кнопки, не то скрепки, и охранники с криками схватились за лица, выпуская оружие из рук: металлические предметы (мгновением позже Максим понял, что это все-таки кнопки) попали каждому точнехонько в глаз!

Спутник майора скользнул вперед, ускоряясь так, что буквально размазался в воздухе призрачной струей, подхватил с пола тазер. Сверкнули две вспышки, дважды протрещало, охранники в судорогах попадали на пол.

Голубоглазый вернулся, сунул второй тазер Максиму:

— Не отставайте.

Они сбежали по лестнице на первый этаж.

Здесь им дорогу преградили еще двое: дюжий санитар и еще один охранник в синем.

Два выстрела слились в один: Максим и его проводник выстрелили одновременно. Получив по мощному электрическому разряду, стражи клиники вынуждены были присмиреть.

Турникет, охранник за пультом, хватается за пистолет.

Голубоглазый снова превратился в струю движения, достал охранника, выбил пистолет, вторым ударом послал в нокаут.

В коридоре за спиной Максима замелькали белые халаты — к выходу из клиники сбегались поднятые по тревоге сотрудники.

— Быстрее! — оглянулся голубоглазый.

Максим перепрыгнул турникет, и тотчас же спутник бросил в холл металлическое яйцо:

— Отвернитесь! К выходу!

Максим послушно отвернулся, бросаясь к двери центрального входа.

Сзади вспыхнул ослепительный свет, грохнуло! Посреди холла выросло облако белого трескучего дыма. Послышались крики полуослепших медиков.

Максим и его неожиданный освободитель выскочили на крыльцо, перемахнули ступеньки, направляясь к автостоянке напротив, где парковался весь личный транспорт сотрудников клиники.

Распахнулись дверцы белой «Калины», скромно пристроившейся рядом с черным «Лэндкрузером». Голубоглазый, на ходу снимая белый халат, подтолкнул Максима к машине, сел сам.

Водитель без слов рванул с места, лихо развернулся, погнал авто к воротам на территорию клиники. Не доезжая до них десяти метров, голубоглазый достал из бардачка зеленого цвета пеньальчик, нажал на нем кнопочку, и створки ворот дрогнули, стали расходиться. «Калина», почти не замедляя скорости, проскочила в раскрывшуюся щель — буквально в миллиметре от стоек ворот — и выехала на улицу. Через несколько секунд здание клиники и парк за ней скрылись из виду.

— Кто вы? — пробормотал Максим, ошеломленный всем происшедшим, особенно скоростью операции.

— Мы из РРР, — ответил, оборачиваясь, голубоглазый; фраза прозвучала как рычание собаки: р-р-р...

— Откуда? — вяло удивился ослोветший Максим: наступило расслабление после вспышки физического и психического напряжения.

— В скором времени узнаете. Вас найдут наши люди. А пока примите совет: уезжайте из столицы.

— Спасибо за совет. И все же...

— Здесь, — сказал голубоглазый водителю.

Тот мгновенно прижал машину к тротуару.

— Выходите.

— В таком виде? — не понял Максим.

— Вон ваша машина.

Максим посмотрел вперед и не поверил глазам. В ряду автомашин, припаркованных у «Макдоналдса», действительно стояла его серебристая «Хендэ Революшн».

— Как она здесь оказалась?!

— Не важно. Садитесь и уезжайте.

— У меня нет ключей...

Голубоглазый протянул Максиму ключи от машины.

— Мне надо заскочить домой, переодеться...

— У вас очень мало времени. Они спохватятся и пошлют спецгруппу по всем известным им адресам.

— Я понял. — Максим вылез из «Калины». — Как вас зовут?

— Зачем это вам? — прищурился голубоглазый. — Впрочем, меня зовут Расен. Прощайте.

Дверцы «Калины» захлопнулись. Она рванулась вперед, влилась в поток автомобилей и исчезла.

Заметив, что на него глазят прохожие, Максим заторопился, сел в машину, включил двигатель и только тогда осознал, что он свободен!

Заскочив домой буквально на две минуты, чтобы переодеться, он не удержался и позвонил Марине. Сначала по домашнему телефону, потом по мобильному. Никто не ответил.

В душе проклюнулся росток тревоги. Еще не было случая, чтобы Марина забыла где-нибудь мобильник. С другой стороны, оставался шанс, что она выехала из зоны приема либо не успела подзарядить свой телефон. Однако это было слабым утешением для майора, ставшего в одночасье изгоем, и он решил проверить свои ощущения.

В два часа дня Максим подъехал к дому Марины, внимательно проанализировал состояние двора на предмет возможной за-

сады и только после этого поднялся на одиннадцатый этаж, миновав консьержа, который его узнал.

На звонок в дверь и на стук никто не отреагировал. Квартира была закрыта. Ни Марины, ни ее отца здесь не оказалось.

Уехали! — вздохнул Максим с облегчением, собираясь вызвать лифт. И в это время открылась дверь соседней квартиры.

— Молодой человек, вам кого? — высунулась из двери пожилая женщина в домашнем халате.

— Здесь живет моя знакомая, — сказал Максим, — с дочерью, ее зовут Марина. Не знаете, она уехала?

— Ох, что тут было! — всплеснула руками соседка. — Приехали какие-то в штатском, суровые такие, угрюмые, стали стучать: мы, мол, из милиции, потом стрельба началась...

— Стрельба?! В кого?!

— У вашей знакомой кто-то был, так он спустился по балконам с одиннадцатого этажа на шестой или на пятый, уж не помню, а потом оттуда сиганул вниз и убежал. А Мариночку эти штатские с собой увели, вот и нет никого дома.

Максим сдержал готовое сорваться с языка ругательство. Стало ясно, что Марину и ее отца выследили коллеги, предупреждение запоздало, а может быть, причиной случившегося стал звонок Максима. Спецы Пищелко засекли адресата и прибыли на квартиру в тот момент, когда их не ждали. Но каков завлаб! Спуститься в пятьдесят пять лет по балконам с одиннадцатого этажа, а потом прыгнуть на землю и уйти! Нет, Гольцов не простой смертный, что-то он имеет за душой, что-то знает и умеет. Недаром за ним по пятам идут его бывшие приятели, эмиссары таинственного Диспетчера...

— А кто она вам, Мариночка? — полюбопытствовала соседка, с сочувствием глядя на Разина.

— Жена, — не раздумывая ответил он.

— Ах ты, беда какая! — снова всплеснула руками женщина. — Такая хорошенькая, добрая, а к ней милиция. Может, то и не милиция была? Террористы какие-нибудь?

Максим невольно улыбнулся:

— В самую точку. Когда все это произошло?

— Да вчера утром, около одиннадцати часов, я как раз внука к зубному собралась вести, ему брекететы ставить надо, зубки поправить. Тут все и началось.

Прошли сутки, чуть больше, прикинул Максим. Гольцов за это время мог ускакать за тридевять земель. С другой стороны, человек он в таких делах неопытный и далеко от дочери, которую он по сути бросил, от сына и внучки не уйдет. Куда он направится в первую очередь при данных обстоятельствах? Правильно, в родную деревню, где сейчас находится Стеша. Значит,

искать его надо там. Найти и выжать всю информацию, какую он скрывает. Только после этого можно будет планировать какие-то маневры. Знать бы, у кого сейчас Марина. Вдруг за ней пришли вовсе не орлы Пишелко, а зомби Диспетчера, непосредственно ему подчиненные? Если, конечно, он существует.

— Извините, ради Бога, от вас можно позвонить?

— Да пожалуйста, проходите, — засуетилась соседка, отступая в глубь прихожей. — Вот телефон.

Максим зашел в квартиру, набрал номер начальника Отдела. Полковник снял трубку через полминуты:

— Говорите.

— Добрый день, Валерий Францевич, — вежливо поздоровался Максим. — Это Разин. Марина Гольцова у вас?

Короткая пауза.

Максим представил, как полковник сейчас морщит лоб, гладит подбородок и усиленно с о о б р а ж а е т, что делать.

— Майор? Ты где?

— В Караганде, — насмешливо ответил Максим. — Марина Гольцова у вас?

Еще одна пауза.

— У нас. Но тебе...

— Спасибо, Валерий Францевич, это пока все, что я хотел знать. Не вздумайте с ней экспериментировать, как со мной, это будет стоить вам жизни, обещаю! Вы меня поняли?

— Майор, ты не понимаешь, во что вляпался...

— В дерьмо, разумеется, но я это переживу.

— Немедленно приезжай в...

Максим положил трубку, кивнул соседке:

— Спасибо вам, все выяснилось. Марина у моих... э-э, друзей. До свидания, всего вам доброго.

— Заходите еще.

Он вышел на лестничную площадку, вызвал лифт, спиной чувствуя, как соседка Марины смотрит на него в дверной глазок. В голове начал потихоньку формироваться вектор действий. Оставался невыясненным еще один вопрос, может быть, самый главный: кто помог ему бежать из клиники. Расен — вспомнил он имя голубоглазого спасителя, представитель какой-то странной организации, прячущейся под аббревиатурой PPP. Что это означает? «Романтические русские ребята»? Или что-нибудь вроде «Риск ради риска»?

Максим усмехнулся, сел в подъехавший лифт. Замысел сформировался окончательно. Надо было ехать в Родомль, на родину Гольцова. Как ни тяжело было осознавать, что любимая женщина находится в руках недобрых людей, но он в данный момент ничем не мог ей помочь.

РОДИНА

Как ни странно, ему нравились поездки на велосипедах с дядей Васей по крапиву. Точнее, Арсению нравился не сам процесс: надо было нарвать целый мешок крапивы, сдирая жгучие листья со стеблей — в рукавицах, разумеется, отмахиваясь от тучи комаров, в душном и жарком сумраке леса, на краю болота, — а возвращение. Какое же это было блаженство — выйти из душного лесного пространства на свежий воздух, где не было ни комаров, ни мошкеры, ни других насекомых, приторочить к багажнику набитый крапивой мешок, сесть на велосипед и с ветерком катить домой с чувством исполненного долга. Лето, июль, каникулы, свобода, детские игры и забавы, книги...

Впрочем, ему нравилось и вовсе уж не детское занятие — заготовка сена для коровы. Косить его учила бабушка, с шести лет, и к пятнадцати он уже мог почти как взрослый скосить хорошую делянку на берегу озерца Ругощ, славившегося своими водяными орехами — кыляными, как их называла бабушка.

Да, донимали слепни, комары, мухи, жара, но Арсений с упоением махал косой, оставляя за собой ровные валки свежескошенной травы, вдыхая запахи луга, и думал лишь о том, чтобы не допустить огрехов, за которые потом мать упрекала. Впрочем, упреки Арсений выслушивал редко, он был старательным косарем и не знал, что такое лень. Зато потом, после работы, до чего же приятно было искупаться в озере или ручье и обедать или ужинать со взрослыми, пить вкуснейший холодный квас или компот, хрустеть малосольным огурчиком, есть вареные куриные яйца — вкуснейшая еда на природе! — и чувствовать себя настоящим работником, кормильцем семьи, мужчиной...

Автобус остановился, и Арсений Васильевич с сожалением выбрался из дебрей памяти. Интуиция подсказывала, что его испытания не закончились, а путь в неизвестность только начался.

После впечатляющего бегства из квартиры Марины — удивление и страх пришли позже, когда он уже был на земле, — Арсений Васильевич не придумал ничего лучшего, как сесть на автобус и доехать до Жуковского. Возможностей преследователей он не знал, поэтому ехал и молился неизвестно кому, чтобы ему повезло. Молился до тех пор, пока не вспомнил деда, который не раз объяснял при нем бабушке свою позицию: молящийся жертве сам в конечном итоге становится жертвой, начинает зависеть от нее и заводит себя в тупик.

Поэтому Арсений Васильевич срочно перестроил свои мысли и стал думать не о том, что его могут подстеречь сотрудники ФСБ или агенты Диспетчера, а о формировании канала предвидения. В конце концов это ему удалось, и в Жуковском он сошел с автобуса в уверенности, что засада его дома не ждет.

Так и случилось. Никто за ним не следил, никто не сверлил спину мрачным взглядом, не шел в отдалении и не ждал во дворе или в квартире. Тем не менее ощущение формирующейся где-то и приближающейся грозы не отпускало, говоря о неких тенденциях дальнейшего развития событий, и Арсений Васильевич задерживаться дома не стал. Позвонил сначала на работу, сообщил, что жив-здоров и скоро вернется.

Звонок потряс сотрудников лаборатории, уже и не чаявших увидеть своего начальника или услышать. Толя Юревич сначала не поверил, что звонит пропавший без вести, разволновался, закричал, что сейчас приедет, но Гольцов пообещал встретиться позже и положил трубку. Оксане звонить не стал, так как не хотел ни объяснять свое отсутствие, ни лишний раз тревожить сотрудницу. Зная их отношения, Толя должен был сам рассказать ей о звонке друга и успокоить.

Затем Арсений Васильевич позвонил в Муром сыну, застал его на работе и коротко поведал историю своей «болезни» и о том, что его «только что выписали». Посоветовал быть осторожнее и с чужими людьми не контактировать. Обрадованный, растроганный и растерянный Кирилл хотел было узнать подробности таинственного лечения отца, но Арсений Васильевич пообещал ему скорую встречу и отключил связь.

На всякий случай он позвонил и Марине, имея слабую надежду на то, что ее не тронули, оставили в покое. Однако Марина на звонок не ответила, и стало ясно, что неизвестные «милиционеры» забрали ее с собой.

Ничего, Маришка, подумал Арсений Васильевич виновато, съезжу в деревню, позанимаюсь собой и найду тебя. Сначала Максима, потом тебя. Вдвоем мы горы своротим.

Перед тем как окончательно покинуть квартиру, он зашел в свой кабинет, сел в кресло, вдыхая знакомые запахи, огляделся. Со всех сторон его окружали любимые книги. И Арсений Васильевич на мгновение почувствовал себя счастливым.

Уходил он с ощущением, что сюда, вероятнее всего, уже не вернется.

Вывел из «ракушки» «Ниву», забросил на заднее сиденье сумку с вещами, еще раз оглядел «горизонт» пси-поля внутренним зрением, подозрительного движения не заметил и выехал со двора.

Путь от Жуковского до Муром и Родомля не близкий, поэтому Арсений Васильевич за несколько часов передумал о многом, в том числе о своем положении и перспективах. Положение, в принципе, было аховое, а перспективы и вовсе просматривались со знаком «минус». Система, коль уж взялась за «воспитание» бунтаря, наверняка имеет в арсенале набор необходимых для этого средств и методов, а он даже до конца не знает отпущенных ему возможностей. В который раз уже Арсений Васильевич задумался о причинах своего бунта и в который раз пришел к выводу, что таковых не имеется. Если не считать тяги к справедливости и зыбкого понятия под названием «совесть». Могли они заставить его изменить образ жизни, возмутиться тем, какими способами Система поддерживает равновесие в других метавселенных? Наверное, могли, раз это произошло. Плюс стечение обстоятельств. Плюс влияние людей, путь которых волею судеб пересекся с его путем. Того же Максима Разина, майора ФСБ, не побоявшегося пойти на должностное преступление ради спасения в общем-то чужого человека. Значит, и он тоже остро чувствует несправедливость реальной жизни? Кстати, не является ли перманентное состояние войны на Земле результатом воздействия той же Системы? Возможно, где-то в глубинах космоса обретается некто, такой же экзор по отношению к человечеству, который и корректирует его жизнь? Или все же здесь есть свои «пастухи», как намекал внутренний собеседник, расшифровавший часть засевшей в мозгу информации?

Около часа Арсений Васильевич обдумывал эту идею, но ни к чему не пришел. Для анализа и правильных выводов необходим был прорыв в глубины подсознания и подключение канала прямой связи — то есть вход в состояние инсайта, озарения. За рулем подобные эксперименты опасны, можно запросто создать ДТП со всеми вытекающими последствиями. Его траектория в этом направлении — скачивание информации — только начинается, а конечное состояние или аттрактор, если говорить научным языком, скрыто во мраке.

С другой стороны, аттрактором для любого человека является смерть. Если рассматривать человека разумного только как физическое тело. Как бы, не умирая, убедиться, что физическое тело есть лишь оболочка духовной сущности, как утверждают эзотерики и мистики, и эволюция этой сущности — это движение к Богу? Есть такие способы или нет? Правда ли, что аттрактором духовной сущности является более высокое состояние сознания? Так сказать, Странный Аттрактор?

Арсений Васильевич усмехнулся в душе. Раньше ему такие мысли в голову не приходили.

Так ты и не думал о своем предназначении, проворчал внутренний голос. Жил себе и жил, пока тебя не клюнул в темя жареный петух.

Никто меня не клевал, обиделся Арсений Васильевич. Просто я случайно узнал суть своей работы.

Это надо было сделать давно. Тогда бы не мучился сейчас, не искал пути спасения.

Так что же, взять и сдаться?

Вот это твое обычное состояние — сдаться, не волноваться, отступить, не думать о последствиях, лишь бы все было тихомирно и чтобы никто не мешал тебе заниматься любимым делом — книгами.

Я никому никогда не мешал...

Это тебе так кажется. Ситуация с Карипазимом — как лакмусовая бумажка. Ты ни там не сделал ничего хорошего, подчиняясь Системе, ни в реальной жизни. Вот теперь расхлебывай.

Так что же делать?

Думай! Не ломай ногти, пытаясь взобраться на недоступную вершину с первого наскока. Не воспринимай неудачи как поражение. Провалы, как и успехи, ведут к свободе, если продолжать свое дело, дают новый опыт. А ты уже мог убедиться, что кое-чем овладел. Во всяком случае махнуть с одиннадцатого этажа вниз и не разбиться — это круто! Вот и продолжай заниматься выводом спрятанных в тебе знаний в сознание.

Этому надо учиться...

А никто и не говорит, что это легко. Учись!

Арсений Васильевич усмехнулся, пробормотал вслух:

— Дай Бог себя осуществить, найти связующую нить своей души с космической вселенной...

Внутренний голос не отозвался, он был согласен с поэтом.

В Родомль Гольцов приехал к вечеру, благополучно преодолев более четырехсот километров за шесть с половиной часов. Посты дорожно-патрульной службы, которых он боялся больше всего, так как им могли дать ориентировку на беглеца, ни разу «Ниву» не остановили. Возможно, федералы не стали привлекать к поиску сбежавшего из клиники пациента лишних людей, а возможно, сработала мысленно созданная Арсением Васильевичем сфера невидимости, отводящая глаза милиционерам. Так это было или не так, неизвестно, однако до места назначения он доехал без приключений.

Родомль давно уже представлял собой поселок городского типа с населением более двенадцати тысяч человек. Центр его застроили более или менее совершенными пяти- и шестизэтаж-

ными домами, а год назад здесь появилась и первая «высотка» — жилой десятиэтажный дом, прозванный «водонапорной башней»: именно на этом месте, недалеко от автовокзала, стояла когда-то настоящая водонапорная башня времен Отечественной войны.

И все же, несмотря на городской вид центра с его заасфальтированными улицами и тротуарами, с двумя ресторанчиками, магазинами, рынком и библиотекой, Родомль на окраинах ничем не отличался от окружавших его деревень. А так как малые деревеньки и хутора русской глубинки продолжали умирать, их жители перебирались в Родомль, ставший районным центром, и увеличивали его площадь, поскольку ставили свои брусовые, бревенчатые, а кое-кто и каменные дома на окраинах, поближе к лесу.

Родной дом Арсения Васильевича, в котором он родился и вырос, стоял на улице Пушкина: пять минут ходьбы до любимого сосонника, через три улицы, и десять минут ходьбы до любимой школы, располагавшейся напротив Парка культуры и отдыха, на территории которого еще сохранился — с военных времен — деревянный Дом культуры. Во времена детства Арсения Васильевича в этом ДК крутили кино, а главное — на втором этаже здания была библиотека, которую он посещал не реже, чем школьную, выискивая фантастические рассказы, где только мог, в том числе в журналах «Техника — молодежи», «Знание — сила», «Наука и жизнь», «Юный техник», «Молодой колхозник». Неподалеку от парка, за рынком, располагался в те времена и книжный магазин, куда юный Арсений бегал по два раза на дню, чтобы не пропустить поступления новых книг. Особенно помнилась ему первая покупка: на большой перемене он помчался в магазин (все почему-то называли его «кагиз») и купил сборник рассказов Севера Гансовского «Шаги в неизвестное». Эта книга и стала первой в его личной библиотеке. Вторую же ему купил приятель-сосед Валик Баранов, учившийся в той же школе, но на два года старше. Книга называлась «На суше и на море» и содержала несколько фантастических рассказов, которые оказались настолько интересными, что врезались в память на всю жизнь. Особенно понравились Арсению рассказы американских писателей: Бима Пайпера «Универсальный язык» и Мюррея Лейнстера «Исследовательский отряд», потрясшие его воображение «космичностью» и необычностью ситуаций. В тот день Валик дал Арсению деньги, так как своих ему не хватало, и Арсений приобрел книгу, которую до сих пор хранил как раритет. Приятель давно умер — еще в молодости, от какой-то болезни, а память о нем до сих пор была жива. Арсений Васильевич всегда

вспоминал его, когда проходил или проезжал мимо дома Барановых.

Мать и Стеша встретили гостя с любовью и радостью, хотя и удивились при этом, так как не ждали увидеть сына и деда в середине лета. Надежде Терентьевне недавно исполнилось восемьдесят лет, у нее побаливало сердце, поэтому Марина не призналась бабушке, что отец почти целых три месяца пролежал в больнице без сознания, и Арсений Васильевич был ей благодарен за это. Любое волнение маме было противопоказано, она уже пережила два инсульта, третий вполне мог оказаться последним.

Стеша тоже не знала, где находился ее дед, а поскольку она постоянно скучала по нему, то встреча получилась изумительно теплой и счастливой.

Гостя обцеловали со всех сторон, усадили за стол, заставили выпить самодельного морса, накормили. Он рассказал о своем житье-бытье, на скорую руку придумав историю о «выполнении ответственного задания», и выслушал целый букет новостей от внучки, которая завела в деревне друзей и теперь играла с ними по вечерам, ездила на стареньком велосипеде, купалась в реке и ухаживала за бабушкиным садом-огородом. Не отстала от правнучки и Надежда Терентьевна, поделившись с сыном всеми деревенскими новостями. В разговорах незаметно пролетело время. Поздним вечером Арсений Васильевич погулял со Стешей по улице, здороваясь с соседями, точнее, с соседками мамы, так как почти все знакомые мужики на улице почему-то поумирали, посидел на лавочке с мамой и теткой Катей, с чьей дочерью Людмилой учился в одном классе. Потом показал Стеше звезды, хорошо зная все созвездия и расположение планет, уложил ее спать, а сам еще долго, до глубокой ночи, стоял во дворе дома, в тишине и покое, и смотрел на небо, как в детстве, мечтая взлететь и окунуться в глубокую бархатную бездну космоса.

Он уже собирался ложиться спать, когда в голове тихо пискнула свирель беспокойства.

Кто-то огромный, как Вселенная, посмотрел сверху глазами звезд и показал на него кому-то пальцем: мол, вот он, беглец, ищите его здесь!

Арсений Васильевич «ощетинился», окружил себя зеркальным экраном, отбил взгляд. Но было уже поздно: его вычислили. Неизвестно кто, неизвестно как, но вычислили.

Вполне возможно, что в клинике ему подсадили спецпрограмму, играющую роль чувствительного элемента или антенны, отзывающейся на внешний пси-сигнал. А могли и подсадить «жучка», то есть вшить под кожу микропередатчик, чтобы отсле-

живать передвижение пациента в случае удачного его бегства. Правда, непонятно, почему тогда его не запеленговали в дороге и не встретили где-нибудь в укромном месте, ведь он ехал полдня. С другой стороны, никто из недоброжелателей не знал, куда именно он направился. Теперь же агенты Диспетчера спохватились, начали вычислять наиболее вероятные пути бегства экзора и в конце концов напали на след.

— Ну уж фиг вам! — прошептал Арсений Васильевич, глядя в небо, увеличил толщину невидимого защитного экрана. — Я вам просто так не дамся!

На миг в голове гулко ухнул голос Диспетчера, пытавшегося нащупать в общем пси-поле ауру Гольцова:

— Вернись, Меченый! Я все прошу!

Арсений Васильевич мысленно показал ему кукиш и выдавил щупальце паранормальной «струны» за пределы чувственной сферы. Диспетчер умолк.

Постояв еще немного в ожидании других негативных ощущений, Арсений Васильевич пошел спать. Он был доволен своей силой, позволившей ему легко справиться с торсионной поисковой системой Диспетчера, но, с другой стороны, стало понятно, что долго в Родомле ему находиться нельзя.

Поживу пару дней и уеду, решил он, вытягиваясь на кровати под хрустящей от свежести и чистоты простыней.

Налетели воспоминания.

Как он брал на хоздворе школы телегу с лошадьёю и объезжал окраины деревни, собирая металлолом.

Как ходил в сосонник по ягоды, добираясь аж до кладбища на опушке леса.

Ездил на велосипеде в библиотеку и вез обратно книги, он даже помнил, какие: «Кумби» Геннадия Гора и «Мир приключений» со звездами и серебристой ракетой на обложке.

Выпускной бал, единственный и последний танец с девушкой, которую любил и которая просто «держала его при себе», на всякий случай.

Походы за грибами в лес под Скрабовку с другом детства Шуриком Гришенком и его отцом. Дядя Гриша был веселым человеком и всегда горланил длинные юморные песни, часть которых Арсений Васильевич помнил до сих пор.

Он улыбнулся, вспомнив:

«Бежит по полю санитарка, звать Тамарка:

— Давай я рану перьяжу и в санитарную машину «Студебеккер» вперед ногами положу...»

Ну и, конечно, ожили сцены жизни, которыми он всегда дорожил и часто вспоминал: очередь за хлебом в продуктовую па-

латку возле рынка, запуск самодельного планера (они, как правило, летали плохо, плюхались на землю, хотя он вроде бы и соблюдал технологию сборки), игры в «жопника» на траве с соседскими мальчишками и в «попа-загонялу», окучивание грядок на картофельном огороде, уборка картофеля с бабушкой и мамой, лето в деревне Ковали, охота за лягушками с самодельным арбалетом...

В висок вдруг вонзилась колючка странного ощущения, будто кто-то вытащил из головы шприц! И тотчас же в сознание вторглась темная сила, погасила воспоминания.

Арсений Васильевич напрягся, закрываясь «зеркалом», прислушался к тишине деревни, к тишине леса вокруг, к тишине пространства. Потом сжал зубы и погрозил кулаком неведомому Диспетчеру:

— Вы таки заставите меня драться!

Почему бы тебе все-таки не покопаться в своем мозговом «сейфе»? — заговорил проснувшийся внутренний голос. Максим прав, надо учиться защищаться.

Но я не уверен, что в полученном «файле» есть сведения о методах защиты...

Так проверь! Кто мешает? Пока есть время, пока тебя не гонят как зайца, поройся в памяти, найди нужное! Одно дело — сомневаться в своих знаниях, другое — точно знать, что там есть, чего нет.

Арсений Васильевич глубоко вздохнул, расслабляясь. Усмехнулся, подумав, что Расскажи он кому-нибудь о своих дискуссиях с самим собой, его приняли бы за сумасшедшего.

Ладно, экзор, начнем, пожалуй, без спешки, спокойненько, пока еще действительно есть время...

В голове снова возникло ощущение вытаскиваемой иглы шприца. Висок запульсировал горячей кровью, набух как пузырь, готовый вот-вот лопнуть. Арсений Васильевич даже дотронулся до него пальцем, чтобы проверить ощущение. Нет, все в порядке, кость, никаких «пузырей» и «шприцов».

Он попытался усилием воли нейтрализовать букет странных ощущений, и это ему удалось. Пульсация крови в виске пошла на убыль, «пузырь» сдулся, превратился в косточку сливы, перестал чувствоваться.

Арсений Васильевич вздохнул с облегчением, скорее заинтересованный, чем испуганный, повернулся на бок и закрыл глаза, поплыл в дрему, забыв о том, что собирался вскрыть «сейф» глубиной памяти с хранящимися там чужими знаниями.

Сомнения грызли душу, сердце сжималось и ворочалось в груди, как пойманная птица, хотелось немедленно мчаться в Управление выручать Марину, но Максим понимал, что эта задача невыполнимая, во всяком случае, на сегодняшний день, и продолжал поиски Гольцова, надеясь, что вместе они найдут способ освободить Марину. О том, что будет дальше, он не задумывался. Так далеко его воображение не заглядывало.

В Муроме Максим легко нашел квартиру Кирилла, сына Гольцова, поскольку адрес еще не выветрился из памяти, он был здесь с группой в апреле, спасая клиента от подосланных убийц.

Кирилл находился дома, возился с компьютером, сидел за столом в одних трусах — в квартире было жарковато, несмотря на открытые окна. Увидев Разина, он удивился, но впустил, так как помнил майора по апрельским событиям.

По его словам, отец к нему не заезжал, лишь позвонил недавно. Что Гольцов-старший три месяца провалялся в спецклинике ФСБ, Кирилл не знал.

— А что с ним? — разволновался он. — Где папа сейчас?

— Это я хотел тебя спросить — где он, — улыбнулся Максим. — Сам его ищу, думал, он из Москвы к тебе поехал.

— Нет, ко мне он не заезжал.

— В таком случае дай мне адрес ваших родичей в Родомле.

— Там бабушка Надя живет, папина мама.

— Туда я и поеду. Если не найду его там, буду искать дальше, мне твой отец нужен позарез. Ты знаешь адреса других ваших родственников?

— Дядя Вася живет в Твери, это его двоюродный брат... Тетя Валя в Ярославле... еще дедушка Иннокентий на Алтае, но того адреса я не знаю.

— Давай все, что есть.

Записав адреса, Максим немного успокоил парня, поговорив о компьютерах, — Кирилл великолепно знал тему, попрощался с ним и уехал, предупредив, чтобы он никому больше не говорил о возможном местонахождении отца.

От Мурома до Родомля Максим доехал за час, в аккурат к ужину. Захотелось есть, и он завернул к ресторанчику в центре селения, имеющего вполне городской вид. Ресторан назывался «Десна», внутри его было тихо, прохладно, уютно, играла негромкая музыка, посетителей можно было пересчитать по пальцам, и Максим с удовольствием поужинал, отдыхая после долгой дороги.

Пока он ел, погода снаружи изменилась. Небо закрыли облака, подул ветерок, выметая с улиц остатки жары.

У машины Разина толпились зеваки, мальчишки и пара взрослых, рассматривая невиданный здесь прежде аппарат.

— Дядь, а сколько в ней лошадей? — поинтересовался один из мальчишек, обнаружив знание технических терминов из области автотранспорта.

— Четыреста, — ответил Максим, боковым зрением отмечая действия взрослых, отодвинувшихся к своей машине — белой «Калине» и наблюдавших за ним.

— Ого! А за сколько секунд она набирает сто верст?

— За четыре.

— Круто!

Максим отъехал от ресторана, оставив позади восхищенных пацанов и двух мужчин, садящихся в «Калину», потом сдал назад, поправился с ней:

— Эй, мужики, не подскажите, где здесь улица Пушкина?

— Не здешние мы, — буркнул один из мужиков, небольшого роста, подвижный, с неприметным лицом и серыми глазами.

«Калина» хлопнула дверцами и уехала.

Максим проводил ее пристальным взглядом, вспоминая такую же отечественную лайбу, которая не раз попадалась ему на глаза в Москве и в Жуковском. Но не может же она следовать за ним незаметно от самой столицы? Даже если предположить, что ее пассажиры ведут за ним слежку. Или может?

Ерунда, не придавая значения совпадениям, заявил внутренний голос, так и свихнуться недолго. Вряд ли Пишелко успел организовать преследование сбежавшего майора, а куда тот поехал, полковник знать не мог.

— Дядь, улица Пушкина к лесу выходит, — сказал мальчишка, интересовавшийся машиной. — Вам сейчас надо по Краснофокинской прямо, на светофоре налево, хоть он и не работает, а через переулок по Толстого еще раз налево. Там церковь стоит новая, увидите.

— Спасибо, дружище, — сказал Максим. — Тебе сколько лет?

— Двенадцать.

— Машины любишь?

— Я уже трактор могу водить! — гордо заявил пацан, шмыгнув носом.

— Быть тебе гонщиком!

Улыбаясь, Максим направил «Хендэ» путем, который ему указал юный абориген.

У церкви повернул налево, разглядывая бревенчатыедомиш-

ки окраины Родомля, — чистая деревня, елки-палки, аж душу защемило, так она была похожа на родную деревню Максима на Брянщине, — и таблички с названиями улиц. Появилась и табличка «ул. Пушкина, 4». Действительно, недалеко от леса. Никакого асфальта, хотя улица явно подравнивалась грейдером, сплошной ковер травы у заборов, сады, пара стареньких «Жигулей» у ворот, продуктовый киоск, тишина. И... что это?

Максим остановил машину.

Над одним из домов метрах в ста пятидесяти от поворота, скрытом плодовыми деревьями, крутился, постепенно рассыпаясь, птичий шар!

Максим вспотел.

Ошибки быть не могло: это явление напрямую зависело от «космической» деятельности Гольцова, значит, Арсений Васильевич находится здесь. Однако что происходит? Он же утверждал, что больше не работает на Систему! Порвал с Диспетчером. Не включается в сеть коррекции. Почему же тут образовался шар? Может быть, там, в клинике, ему подсадили какую-то особую программу и он не знает, что продолжает работать под контролем?

Максим мотнул головой.

Не может быть! Такого рода деятельность требует включения сознания, интеллекта. В состоянии «сна» ничего не откорректируешь. Но, что если Гольцов теперь не экзор, а, скажем, просто передатчик? Ретранслятор? Диспетчер понял, что с ним не договоришься, и решил поступить иначе: превратить строптивца в ретранслятор потоков энергии, которыми может управлять другой человек. Или не человек. Сам Диспетчер, к примеру.

Молодец, майор! — восхитился внутренний голос. — Голова у тебя варит!

Максим усмехнулся собственной оценке... и напрягся. Кто-то посмотрел на него со стороны, такое впечатление — из дома напротив, и взгляд этот был так оценивающе профессионален, что оторопь взяла. Сомнений не было: улица находилась под чьим-то визуальным контролем.

Ах, Арсений Васильевич, Арсений Васильевич, мысленно покачал головой Максим, как вы неосторожны! Вам же нельзя выходить в эфир, сразу начинают проявляться побочные эффекты. Или вы это делаете неосознанно?

Однако что же делать в такой ситуации? Ввалиться к нему в хату, доложить о слежке и попытаться вывезти отсюда? Или дожидаться каких-то активных действий со стороны наблюдателей?

Мимо прошли две девушки с кружками молока в руках, по-

косились на диковинную машину Разина, отперли калитку, вошли в дом напротив под номером 5.

Решение созрело мгновенно.

Максим открыл капот, вылез из машины, поднял крышку капота, заглянул туда. Сделал вид, что копается в моторе. Потом направился к калитке, зашел в палисадник, постучал в дверь, не обнаружив кнопки звонка. Через минуту дверь скрипуче отворилась, на пороге возникла одна из девчушек, светленькая, большеглазая, с булкой хлеба в руке и кружкой молока в другой. На вид ей было лет десять. В глазах ни капли недоумения или страха, чистое детское любопытство.

— Вам кого?

— Мама-папа дома?

— Нет, на работе.

— Уже поздно. — Максим посмотрел на часы: девять часов с минутами. — А они на работе?

— Мама на вокзале кассиршей работает, а папа машинист, он в командировке.

— Понятно. Водички чистой у вас не найдется?

— Проходите в сенцы, вот ведро, ковшик. — Девчушка отступила в сторону, приглашая гостя. Она совсем его не боялась, и Максим мимолетно подумал, что только в русских деревнях сохранилась еще атмосфера доверия к людям и гостеприимное отношение, в городах никто не стал бы приглашать к себе незнакомого человека. Над городами теперь незримо носился призрак терроризма, заставляя людей прятаться в свои квартиры-норы и не высовываться даже тогда, когда в ночи раздается крик о помощи.

Максим напился — зубы ломило от пронзительной свежести чистой колодезной воды, набрал полный ковш и понес к машине, сделал вид, что заливает воду в бачок стеклоочистителя. Ощущение взгляда в спину несколько притупилось, но обольщаться не стоило. Он был почти на сто процентов уверен, что улица просматривается не с одной точки и что за ним сейчас кто-то внимательно следит.

Вернув ковш светловолосой девчушке, Максим залез в машину и медленно двинулся по улице, боковым зрением отмечая любое движение за деревянными — в основном из штакетника — заборами. Солнце зашло за облако на северо-западе, бросив последние лучи, оранжево-красные, густые, вдоль улицы. Начало смеркаться. Но сумерки не были Максиму помехой, он прекрасно ориентировался в темноте, поэтому не пропустил момент, когда в окне одного из домов — развалюха полная, а не

хата, даже странно, что в ней кто-то живет — мелькнул тусклый блик. Бинокль, однако!

Ну-ну, усмехнулся Максим, продолжайте в том же духе, мужики, квалификация-то у вас низенькая, прямо скажем, любительская. Кто же держит объект на трубе, когда он едет мимо? В Чечне в такой ситуации запросто можно пулю схлопотать.

Дом номер шесть, номер восемь, машина за воротами, «Нива»... Стоп! Это машина Гольцова! Здесь он, здесь! Да и птицы еще не все разлетелись, ходят кругами. Итак, твои действия, майор?

Знать бы местные дороги, проворчал внутренний голос, тогда можно было бы ломануться отсюда с клиентом на форсаже, хрен бы догнали.

Мы погодим, решил Максим, продолжая движение. Пусть обозначатся, начнут первыми. Тогда и определим тактику. Стратегия же такая — ждать. Хорошо бы предупредить экзора, да номер его мобилы неизвестен, и вообще — есть ли у него телефон.

Максим доехал до конца улицы, свернул налево и тут же еще раз налево, на параллельную улицу. Темнело быстро, но фары он не включал. Остановил машину у новостройки: хозяева воздвигали здесь кирпичный двухэтажный особняк, являя собой, наверное, местных «новых русских». Точнее, «новых деревенских». Впрочем, почему бы и не выгнать такой дворец, ежели средства позволяют? Не все же кругом воруют, кое-кто и зарабатывает честным путем. Теперь даже в тундре возводят суперкоттеджи, на Чукотке, к примеру, чего же удивляться, что бизнесмены осваивают деревни русской глубинки?

Максим посидел с минуту в кабине, выжидая, не появится ли кто из жителей и не спросит: какого черта он здесь делает? Не появился. Улица выглядела пустой, лишь в окнах домов кое-где зажегся свет.

Тогда он вспомнил наставления Шамана и в темпе провел упражнение под названием «ориентация в пещере».

Сосредоточился на себе, на своем теле, расслабив одну за другой каждую мышцу.

Перешел от себя на окружающее пространство: улица, дома по обеим сторонам, сады, соседние улицы, их дома и огороды.

«Обнял» весь Родомль со всеми его улицами, зданиями, строениями, магазинами, предприятиями, транспортными узлами и машинами.

Вознесся над селением, ощущая его живой, вздрагивающей, дышащей и думающей биосистемой. Получилось это само собой, и Максим почти не удивился, только мимолетно поблагодарил Шамана в душе, осознавая, что такое в и д е н и е мира дается не

каждому. Наверное, Иван Дрожевич не ошибся в своем командире (ставшем учеником), увидев его природные данные.

В голову вошла заноза тревоги.

Максим судорожно просканировал улицу «локатором паранормального зрения», заметил двух женщин, компанию молодежи, старика на лошади — ничего особенного, все в пределах здешнего бытия, и вернулся к «полету мысли». Однако тревога не проходила, что-то мешало ему проводить «внешний психоанализ» местности, и Максим не стал рисковать, прекратил «полет», спустился на грешную землю.

Достал из бардачка охотничий нож, подарок отца, сунул за ремень справа на бедро, под рубашку, вылез, закрыл машину. Медленно двинулся вдоль улицы, прикидывая, где стоит дом Гольцовых со стороны улицы Пушкина. Увидел железную крышу с высокой телеантенной — за невзрачным бревенчатым домиком, скорее всего — баней, и остановился. Следующим — с той стороны — стоял дом матери Гольцова. И подобраться к нему можно было, только преодолев чей-то забор, двор за ним, сад и еще два забора.

Танк бы не помешал, подумал Максим, пожалев, что с ним нет команды. С группой он решил бы все проблемы, даже будь рядом Кузьмич, и то было бы намного легче. Но Кузьмич остался в Москве, и все приходилось делать самому. А танк действительно пригодился бы. Подъехать к дому, усадить в башню Гольцова, и привет, мужики, попытайтесь нас остановить!

Вспомнилась чья-то шутка: не так страшен русский танк, как его пьяный экипаж.

Максим улыбнулся, толкнул калитку усадьбы рядом с баней: заперто. Но где-то должна быть шеколда, крючок или задвижка.

Все просто, вот она. Он повернул деревянную задвижку, бросил взгляд на улицу, на которой зажглись кое-где редкие фонари: никого. Что ж, пора действовать, майор.

Дом, на территорию которого он зашел, оставался темным и тихим. Хозяева то ли отсутствовали, то ли спать ложились рано. Не имели они и сторожевой собаки, что весьма облегчало замысел гостя.

Нож мешал прыгать, пришлось пристроить его в кармане джинсов на бедре.

Максим шмыгнул мимо хаты, перебежал двор, перелез через палисадник, огораживающий двор от огорода, притаился у разросшейся акации. Организм настроился на активное действие, послушно вошел в состояние боевого транса. Максим превратился в сложный чувствительный биомеханизм, реагирующий на любой звук, даже самый слабый, на любое движение, на ма-

лейшее изменение цветового контраста — при полном отсутствии света. К тому же ему помогали наставления Шамана, позволявшие усилить эффект сверхчувственного восприятия, и Максим словно растворился в воздухе, стал частью природы, частью ночи, не воспринимаемой никакими приборами как нечто чужеродное, сильное, опасное.

На улице с той стороны дома Гольцовых заурчал мотор: к дому тихо подъехала машина с погашенными фарами. Почти неслышно открылись дверцы. Вышли трое, ощущаемые Максимом как три жгута светящегося в инфракрасном диапазоне тумана. К ним присоединился четвертый, появившийся как чертик из коробки. По-видимому, это был наблюдатель, контролирующий улицу.

Раздались тихие, на грани слуха, команды.

Два «жгута» перепрыгнули забор, обошли дом, заходя с той стороны, где притаился Максим.

Еще два бесшумно отперли калитку, подошли к крыльцу, начали возиться у двери.

По улице пробежала собака, но не залаяла на чужаков, хотя и обнюхала машину.

Из кабины выбрался еще один «жгут тумана», неторопливо двинулся к дому.

Тотчас же двое, что возились у двери, справились с замками и шеколдами, распахнули дверь и ворвались в дом.

Максим терпеливо ждал.

Те двое, что обошли дом и застыли теперь во дворе, у второй двери, ведущей из сеней к сарайчику и туалету, также открыли дверь, и один из них исчез в сенях. Второй прошелся по двору, закурил.

В доме начался тихий переполох, вспыхнули лучи фонарей, кто-то вскрикнул в испуге, раздался шум, затарахтели, загремели, падая, стулья, зазвенела посуда.

Пора! — решил Максим и взвился в воздух, преодолевая хилый заборчик из редкого штaketника.

Тот, кто курил во дворе, оставаясь на всякий случай на страже, успел только повернуться на звук и отлетел к сарайчику от мощного удара в грудь. А так как на нем оказался спецкостюм военного образца, называемый на профессиональном сленге комбезом или «складом», ткань которого трудно пробить даже ножом, Максиму пришлось добивать противника ударом в голову. Обыскав его наскоро, он забрал пистолет — стандартный «ПЯ» образца две тысячи четвертого года, с глушителем и инфракрасным прицелом, и метнулся к сеням.

Дверь в дом распахнута, в глубине сеней мелькают тени, слышатся мужские голоса, плач ребенка.

— Заткни ей пасть! — раздался чей-то возглас.

Максим на цыпочках двинулся к двери... и еле успел увернуться от мелькнувшей справа ноги: целили в живот, умело и точно. Если бы не его «резонансное» состояние, удар достиг бы цели.

Он упал влево, расширяя панораму в и д е н и я угловым зрением, увидел сгустившийся мрак за дверью и выстрелил, не целясь, три раза подряд. Раздался сдавленный крик, притаившийся в темноте человек упал, загредев какими-то деревянными предметами.

В доме стало тихо.

— Что там у вас, Базло?

Максим вскочил на ноги, метнулся в хату, навел пистолет на оглянувшихся мужчин, вбирая глазами картину происходящего.

На полу, усталом домоткаными половиками, большой комнаты, представлявшей в доме гостиную, лежал в одних трусах Арсений Васильевич Гольцов, похоже, без сознания. Над ним склонился высокий мужчина с голым черепом, в камуфляже, держа в руках шприц. Рядом стоял второй, в добротном летнем костюме песочного цвета, с перламутровой искрой. У него был вид профессора, недовольного ответами студента.

Ни матери Гольцова, ни его внуки Стеши не было видно, они, очевидно, находились в спальнях, входы в которые были задернуты ситцевыми занавесочками.

Одна из занавесочек шевельнулась, и Максим выстрелил, не целясь.

Раздался вопль, занавесочка слетела с петель, и из комнаты лицом вперед вывалился верзила в комбезе, сжимая в руке пистолет. Пуля Максима попала ему точно в лоб.

— Стоять! — выдохнул майор, беря на прицел оставшихся на ногах налетчиков. — Руки за голову! И я не шучу!

— Майор Разин, — проговорил «профессор» без всякого страха или волнения. — Вы-то что здесь делаете?

— Гербарий собираю, — оскалился Максим. — Велите вашему холую сдать оружие и шприц. Видит Бог, при малейшем движении я его просто пристрелю!

— Вы не понимаете...

Максим навел ствол «ПЯ» в лицо вожака налетчиков:

— Раз, два...

— Шерхан, уважь майора, брось волюну.

Бритоголовый верзила аккуратно опустил шприц на пол, вынул из-под мышки пистолет, небрежно швырнул Максиму. Тот

поймал его... и полетел вперед от удара по затылку! Единственное, что он успел сделать, это слегка смягчить удар наклоном головы: учуял опасность в последний момент. И все же удар был таким сильным, что он на несколько мгновений потерял ориентацию. А когда очнулся, увидел рядом тело Гольцова и понял, что обезоружен и лежит на животе, придавленный чьей-то ногой в спецназовском ботинке с высокой шнуровкой. Вывернул голову, скосил глаза.

На него смотрели двое: верзила в камуфляже, с желтым электрошокером в руке — это он придавил шею Максима ногой, и пожилой «профессор».

— Вы не слишком осторожны, майор, — скривил губы последний. — Надо было просчитать все варианты. Мы предполагали, что вы будете где-то поблизости от объекта, и приняли меры. Кстати, зачем это вам? Он же вам не сват, не брат, не друг. Из-за чего вы пошли на измену Родине?

Максим еще раз пожалел, что с ним нет его команды, проговорил глухо:

— Я не изменял Родине.

— Но выглядеть это будет в глазах руководства именно так, мы представим все доказательства. В газетах же напишут, что при задержании бывшего майора ФСБ, работавшего на иностранную разведку, он погиб. И ничего изменить уже нельзя. Меня же интересует только один вопрос: зачем вы влезли не в свое дело? Зачем рисковали здоровьем, карьерой, жизнью?

— Вам не понять...

— Я-то как раз в состоянии понять, но вы, похоже, сами не знаете, что заставило вас пойти на предательство интересов конторы. Гольцов вас запрограммировал?

Максим закрыл глаза, делая вид, что ему стало плохо, начал готовиться к в з р ы в у.

— Или все сводится к банальнейшей причине — женщина? — продолжал говорить «профессор». — Мы знаем, что у Гольцова красавица-дочь. Я прав, майор?

Максим открыл глаза:

— Я вспомнил...

Брови командира налетчиков шевельнулись.

— Что именно?

— Где я вас видел.

— Где же?

— В милиции, — серьезно сказал Максим. — Вы попались за мелкую карманную кражу.

— Это смешно, — задумчиво кивнул «профессор». — Ротмистр, двинь-ка его в косинус, чтобы не шутил больше.

— Давайте я его кончу, — буркнул верзила.

— Не здесь, вам же потом труп тащить придется.

Верзила поднял ногу, собираясь с силой опустить ее на спину Разина, и Максим «спустил курок» боевого режима.

Нога ротмистра не успела опуститься на спину лежащего.

Максим откатился в сторону, сделал «ножницы», подсечка сработала, и верзила полетел на спину с изумлением в глазах.

Однако «профессор» вдруг проявил неожиданную прыть, в долю секунды оказался рядом и ударил Разина ногой, целя в лицо. Максим увернулся, перекатился через тело Гольцова, вскочил разгибом вперед. Но «профессор» снова возник в метре от него, проворный и быстрый, как хищный зверь. В воздухе мелькнула рука, другая. Максима отбросило в угол, и он разнес телом шахматный столик. Подхватился на ноги, поворачиваясь к «профессору» лицом и осознавая, что встретил достойного противника.

За эти несколько секунд успел вскочить на ноги и верзила-ротмистр (интересно, это у него кличка или реальное воинское звание?), поднял прямоугольный ствол электрошокера.

Не успею достать! — мелькнула мысль. — Хорошо подготовлены ребята!

И в этот момент что-то произошло.

За спиной верзилы сгустилась темнота, он вздрогнул, широко раскрывая глаза, и с грохотом упал лицом вниз. В спине ротмистра торчала рукоять ножа.

Текущий призрак, возникший, казалось, прямо из воздуха, переместился к застывшему «профессору», однако тот снова проявил невероятную для такого пожилого с виду человека реакцию и сноровку, сиганул через всю комнату и нырнул в окно головой вперед.

Треск, звон стекла, шум, удаляющийся топот...

Призрак остановился, превратился в невысокого и не слишком мощного мужчину неопределенных лет, на Максима глянули знакомые голубые глаза.

— Опять вы, — пробормотал он, опуская руки. — Расен...

— Идемте, — сказал голубоглазый, одетый как самый обыкновенный среднестатистический житель России: однотонная коричневая летняя рубашка с короткими рукавами, темные штаны, легкие дырчатые туфли.

— К-куда?

— В машину.

— К-какую машину?

— Ваша на ходу?

— Разумеется.

— Я поеду с вами.

— Но Гольцов...

Расен склонился над Арсением Васильевичем, что-то сделал, и тот зашевелился, застонал, с трудом сел, держась за голову. Глаза его были мутными, красными, в них стояла боль. Потом он увидел Разина, раскрыл глаза шире:

— Максим?! Как вы здесь оказались?

— Ведите его к машине, — сказал голубоглазый.

Максим подошел к Гольцову, подставил плечо:

— Идемте.

— Куда?

— К машине.

Они заковыляли к двери, но потом Арсений Васильевич вспомнил о внучке и матери, остановился:

— Стеша! Мама...

Голубоглазый Расен нырнул за ситцевую занавеску, вынес девочку.

— Что с ней?! — дернулся Гольцов.

— Все в порядке, сомлела немного.

— Я заберу ее! — Арсений Васильевич прижал внучку к себе. — А что с мамой?

— У нее сердечный приступ, наши люди отвезут ее в больницу. Не волнуйтесь, все будет хорошо, за ней присмотрят.

— Кто вы?

— Р-р-р-р, — проворчал Максим.

Голубоглазый усмешливо прищурился:

— Это звучит короче — РРР. Но по сути верно. Поторопитесь, скоро все узнаете.

Через полчаса, после преодоления всех заборов, огородов и соседского подворья, беглецы разместились в машине Максима, бесшумно объявился голубоглазый спаситель, и машина тронулась с места, направляясь в неизвестность.

Дощечка четвертая

ПРОЗРЕНИЕ

БАЛЯСЫ

Земля была мягкой как пух и не прилипала к голым коленкам. Арсений ползал по ней от одной кучки картошки до другой, набирал ведро, ссыпал в мешок. Когда набиралось четыре ведра, нес мешок в погреб и опорожнял в подклеть, где картошка и хранилась потом всю зиму.

Тепло.

Ласковое солнце греет спину.

Приятный ветерок овеивает лицо.

Пахнет патиной, землей, прелью.

Ранняя — бабье лето! — осень, трава еще вовсю зеленая, а вот листва деревьев уже начала буреть. Недалеко время, которое называется золотой осенью, когда листва берез и кленов принимает все оттенки желтого, оранжевого и красного цвета, красота необыкновенная!

Мама и бабушка копают картошку, о чем-то переговариваясь. Тихие будничные голоса, тишина, покой.

Арсений собирает урожай, но сам далеко отсюда — в будущем, где летают от звезды к звезде диковинные звездолеты и космонавты на каждом шагу встречаются с инопланетянами. Ему четырнадцать лет, и он совершенно счастлив, хотя еще не знает об этом...

— Дедушка! — слышался откуда-то, из других времен и пространств девчоночий голос.

Арсений Васильевич выплыл из омута памяти, вздохнул: до сих пор не прошла эта боль — сладкая боль расставания с детством, сидит занозой в душе, не дает сосредоточиться на реалиях теперешней жизни.

Третий месяц он со Стешей жил в лесу, на берегу небольшого озерца Светлояр, располагавшегося в ста километрах от Владимира и в пятнадцати от ближайшего села Кержень. Расен, голубоглазый воин неведомой структуры РРР, привез их сюда еще летом, сразу после нападения на дом Гольцовых в деревне спецгруппы ФСБ (об этом стало известно позже), вместе с Максимом, и оставил в деревянном домике, принадлежащем местному

охотничьему хозяйству, на попечение деда Павла, сторожа и хранителя озера.

— Поживите здесь, покуда все успокоится, — сказал Расен, познакомив гостей с дедом, — я приду за вами.

— Кто вы? — еще раз попытался выяснить Арсений Васильевич. — Какую организацию представляете?

— Правник вам все объяснит, — кивнул на деда Расен. — Устраивайтесь, отдыхайте.

Исчез он незаметно, словно растворился в ночи.

А спасенные им остались в доме, оказавшемся изнутри большим и просторным, совсем не таким, каким он виделся снаружи.

Максим выдержал неторопливой жизни всего неделю. Его деятельная натура не могла примириться с положением беглеца, с ровным течением бытия в природной глухомани, и, сообщив Арсению Васильевичу свое решение освободить Марину, он ушел из сторожки.

Дед Павел, кряжистый, седобородый, темнолицый, с виду простодушный, ему не препятствовал. Посоветовал только держать точно на север, следуя старой тележной колее; дорог здесь как таковых не имелось, и до шоссе от озера надо было ехать по лесу около двенадцати километров.

Максим уехал на своей «Хендэ» и, надо полагать, добрался до тракта, поскольку не вернулся. Да и дед Павел, хитрован и балагур, знаток и настоящий хозяин леса, не стал беспокоиться, словно знал, что с бывшим майором безопасности ничего не случится.

Арсений Васильевич много раз беседовал со стариком, возраст которого, судя по всему, зашкаливал за сто лет, и в конце концов уяснил, кого представляет собой голубоглазый спаситель по имени Расен. Хотя говорил дед Павел больше намеками, сыпал шутками и прибаутками и никогда не повторял сказанного.

Во-первых, Арсений Васильевич узнал, что территория вокруг озера Светлояр считается священной и принадлежит заповеднику «Керженский», а охотничье хозяйство и вовсе недоступно простым смертным, так как здесь с незапамятных времен и до начала двадцать первого века охотились высокие правительственные чины из Москвы. А вот в начале двадцать первого охотников как отрезало, и на леса вокруг Светлояр-озера сошли тишь и благодать.

Арсений Васильевич обошел озеро кругом, один и со Стешей, и убедился, что оно абсолютно круглое как монета, чистое и глубокое. Дед Павел уверял, что озеру одиннадцать тысяч лет, оставил его ледник, растаявший после наступившего в Европе потепления, а чистоту и целебные свойства водам озера придают сорок ключей, поднимающих грунтовые воды с больших глубин.

Дед уверял также, что Светлояр — дверь в параллельные миры, открывающаяся только избранным, чистым духом, и что на месте сторожки когда-то стоял храм Ярилы, поставленный предками еще в дохристианские времена. Само же озеро якобы заколдовано и скрывает в своих глубинах Светлоград, древнее русское селение, аналог знаменитого Китеж-града.

Неизвестно, о каком колдовстве, сохранявшем озеро от рышущих в округе любителей прибирать к рукам чистейшие заповедные уголья и строить там крутые коттеджи, шла речь, но действительно за все время «светлоярского сидения» Гольцова к озеру не приблизился ни один человек, ни один турист или охотник.

А на второй день вынужденного пребывания беглецов на территории сторожки наконец-то стало известно, что кроется под «рычащей» аббревиатурой РРР.

Расспросы начал еще Максим, привыкший во все вникать и во всем разбираться. Дед Павел сначала отнекивался: я, мол, ничего такого не знаю, не ведаю, потому как сторожем простым тут поставлен, — потом понемногу разговорился. То ли достали его настырные гости, то ли получил разрешение сверху, от тех, кого представлял Расен.

РРР означало Рать Рода Русского, и принадлежала эта «спецслужба» (впрочем, это слово можно было писать и без кавычек, поскольку оно отражало суть деятельности службы) Духовно-Ведической общине «Русь», сокращенно — ДВОР. Чем занималась община, Арсений Васильевич не шибко разобрался, так как дед Павел навел туману, наговорил с три короба, и в конце концов оказалось, что община «просто живет», славя древних русских богов и воссоздавая традиции Рода. А вот деятельность РРР не сводилась к одному лишь наведению порядка в общине и защите ее границ (хотя Арсений Васильевич не понял, о каких границах вел речь старик). Рать по сути занималась поиском и уничтожением всяческих тайных организаций, паразитирующих на теле России-Руси и пытавшихся окончательно сломить ее дух, ликвидировать как державу, подчинить себе и питаться ее святой силой.

Кое-что сообщил дед и о Системе управления миром, что весьма заинтересовало Арсения Васильевича, уже получившего представление об этой дьявольской структуре. По словам сторожа, Землей управляли двенадцать колдунов, двенадцать жрецов Чернобога, использующих внедрение в сознание людей определенных психоматриц или программ (дед называл их «сатанинскими письменами»). Люди для них были источником темной

энергии — энергии злобы, агрессии, боли, муки, страдания, ненависти.

Над ними стоял некто Всеблагий (по впечатлениям Арсения Васильевича — Диспетчер), над которым тоже существовала иерархия пастухов — от разного рода бесов до Вышнего, который и был скорее всего тем, кого люди называли Сатаной, Люцифером или Чернобогом. По словам деда Павла, выходило, что все эти пастухи людьми не были, даже Диспетчер, хотя он и родился на Земле.

Сведения эти совпадали с тем знанием, каким обладал Арсений Васильевич, хотя иногда ему становилось неловко, будто он участвовал в некоем розыгрыше или был актером фантастического фильма. И это при том, что он сам занимался деятельностью, которую любой посторонний человек назвал бы «бредятиной» и посоветовал бы ему обратиться к врачу.

На вопросы же Гольцова дед Павел отвечал своеобразно: либо шутил, либо пел песни из старых советских кинофильмов, либо принимался рассказывать истории из жизни великих людей, которых он знал множество. В общем, вел он себя несерьезно и в то же время давал такую информацию, над которой надо было размышлять и размышлять.

Например, во время одной из бесед (Стеша обычно в такие моменты была занята своими играми) он на полном серьезе сообщил, что Земля давно контролируется тварями из космоса, вывозящими в больших количествах алмазы и редкоземельные элементы.

— Зачем это им? — удивился Арсений Васильевич.

— Алмазы являются топливом для их космических кораблей, — ответил дед. — А редкоземельные — в качестве строительных материалов.

— Значит, у них есть космические корабли?

— А как же.

— Я думал, что они должны применять другие способы передвижения в пространстве. Иначе как объяснить, что мы ни разу не обнаружили прибытие их кораблей?

— Да сколько угодно. Об НЛО слышал, чай?

— НЛО? — разочарованно отмахнулся Арсений Васильевич. — Это же... — он искал слово, — это досужий вымысел журналистов.

— Вот! — назидательно поднял вверх палец дед Павел. — Все так думают! А допреж сие правда есть. Просто твари сумели внушить всем, что НЛО и другие аномальные явления, как нонче принято говорить, есть досужий вымысел, чепуха, проявление природных стихий в крайнем случае. Ложь вообще для этих па-

разитов является необходимым средством контроля народных масс. Наши космические родичи харийцы и дарийцы уже сталкивались с этой заразой и выработали против нее иммунитет, а вот у нас иммунитета пока нету, потому мы так легко поддаемся обману. Не только богосотворенные, но даже богорожденные! Но ничего, скоро инкубационный период болезни нашей закончится, и паразитам придется покинуть Землю-матушку. Для них и других тварей, им помогающих, это будет конец света, Апокалипсис, а для настоящих людей — конец тьмы.

Так Арсений Васильевич и не понял, верит дед Павел в собственную доктрину или нет, хотя сам он видел очень много совпадений с той информацией, которую имел.

— Чего они хотят от нас? — спросил он.

— Как чего? — вздернул кустистые брови старик. — Сжить нас со свету, потомков гипербореев, правнуков богов, настоящих людей, уничтожить Русь. Только мы еще и сопротивляемся, мешаем им завладеть планетой, хотя для выполнения своих планов твари используют все средства: алкоголь, телевидение, компьютеры, музыку и так далее. Таким манером они навязывают нам неправильный образ жизни и разрушают иммунитет.

Арсений Васильевич с интересом заглянул в светло-серые глазки старика, знавшего сотни древних словечек и одновременно такие научные термины, как «инкубационный период» и «иммунитет».

— Вы так убежденно говорите, будто встречались с этими... тварями.

— А как же, — прищурился дед, — и не один раз. Здесь, на заимке, их много перебивало, члены Политбюро, министры, партийные лидеры, государевы, так сказать, люди. Их легко узнать, они ведь никого за людей не считают, хотя сами нелюди. Русь из-за них и подняться никак не может, превратили державу в балаган. Олигархи, дышло им в селезенку, порвали Русь-матушку на клочья, вывозят богатство тоннами, устраивают шабаши, глумятся над памятью предков, губят души детей. — Дед сплюнул. — Нет на них управы!

— А президент?

— А что президент? Слово-то нерусское, президент он и есть президент, ставленник паразитов, не государь всяя Руси, радеющий за народ, не посланник Перуна али других наших богов, а п а с т у х, подчиняющийся воле паразитов. Страна наша не единая, хотя слава богам! — один народ, ибо порвись это единство — утонем в крови братоубийства и страха, будем кормить паразитов как и все.

Арсений Васильевич покачал головой. Возражения кое-ка-

кие у него имелись, но спорить со сторожем не хотелось, уж очень убежденно тот говорил. Да и не простым сторожем был дед Павел, ох не простым. Знал он столько, что иным академикам не снилось, и рассуждал здраво и основательно, явно имея факты. Ту беседу он вообще закончил утверждением, что белой расе на Земле приходит конец, чем еще больше укрепил мнение Гольцова о том, что он не простой сторож. Утверждение старика Арсений Васильевич поддержал, так как сам думал примерно так же, да и газеты почитывал, в которых прямым текстом писалось о разработке многими учеными — от корейского микробиолога Ри Час Ву до иранского медика Халиба Ваххаба — генетического, а точнее — этнического оружия, способного уничтожить выборочно любую расу. Причем белую — в первую очередь.

— Чума на их головы! — закончил свое рассуждение дед Павел. — Хотя и среди мусульман есть люди, радеющие за наше дело. Только у них работают законы, запрещающие ростовщичество, создание монополий, продажу ворованного, потребление спиртного, а главное — не допускающие обмана. Эти законы когда-то свято блюли на Руси. А теперь — где они? Вот и приходится жить среди паразитов и создавать новую этику, основанную на совести.

— Это... реально? — осторожно спросил Арсений Васильевич.

— Сбросим иго завоевателей, — усмехнулся старик в бороду, — уничтожим тварей — заживем по совести. Была бы жива Русь.

— Боже, сохрани мою Россию, отврати погромную стихию, просвети заблудший мой народ, — пробормотал Арсений Васильевич, вспомнив строки поэта.

Дед Павел прищурился:

— Сам придумал?

— Нет... читал когда-то...

— Хорошо сказал. Не ошиблись мы в тебе, пора бы и проснуться уже, годков-то много прошло.

Арсений Васильевич не понял, о каких годах идет речь, а переспрашивать не стал. Однако беседа с дедом задела его за живое, отложилась в памяти, и он долго размышлял над тем, что услышал, пытаясь определить истинный смысл сказанного сторожем. Уже было ясно, что дед Павел ничего просто так не говорит и все его беседы укладываются в некую систему, призванную будить мысль собеседника. Но суть этой системы пока не давалась. А прямо дед Павел говорить не хотел, желая, очевидно, проверить способности гостя делать выводы.

Беседовали же они много раз, особенно по вечерам у костра,

умело поддерживаемого стариком, и темы бесед случались самые разные.

О «кодексе строителя капитализма» в России.

О Русской православной церкви, с одной стороны, сохранявшей дух древнего и истинного Православия, а с другой — отстаивающей концепции христианства, всеми правдами и неправдами воюющего с возрождением русских ведических традиций.

О власти в глубинке России и о Власти государственной, подневольной, склонившейся, по словам деда, под «варяжским игом».

О житье-бытье простого русского мужика, специально спаиваемого той же властью, которая отстаивала интересы олигархата.

Мнение старика всегда при этом было жестким и бескомпромиссным: «дать по сусалам» всем пришельцам-паразитам, сбросить их с территории России, чтобы народ зажил вольно и широко, не обслуживая мерзостные институты шоу-бизнеса и чужой культуры.

— В конце концов, — сказал он как-то, — дело не в том, что ты думаешь, а в том, что делаешь. Начинать можно и с малого — с поиска правды. Один умный человек сказал: «Оправдайте, не карайте, но назовите зло злом»¹.

— Разве этого достаточно? — недоверчиво спросил Арсений Васильевич.

— На первых порах, — кивнул старик. — Но в принципе, победа должна быть не на стороне силы, а на стороне правды. На Руси всегда жили по этому принципу, а теперь и язык наш извратили, приспособили для своих нужд паразиты, многие слова, несущие силу и свет, превратили в ругательства. Ну да ничего, вернется еще правда и встрепенется Русь, скинет инородный гнет!

Арсений Васильевич промолчал. Его больше интересовала жизнь общины, ее цели и доктрины, устремления и планы. Однако дед Павел на конкретные вопросы не отвечал, отшучивался, говорил: сам все узнаешь, когда проснешься. Что он имел в виду под словом «проснешься», одному Богу было ведомо. Лишь однажды он проговорился, а может, и намеренно допустил «утечку информации», когда упомянул ратников — воинов РРР.

Арсений Васильевич понял его так, что эти люди не только защищали общину, но и противостояли той самой Системе, с которой столкнулся он сам и которая регулировала социум Зем-

¹ Ф.М. Достоевский.

ли с помощью обмана, инициации конфликтов, войн и концептуальных изменений психики народа, с помощью мощнейшей сети институтов лжи.

Поминал дед Павел и правителя ДВОР.

Всей общиной руководил выборный Князь всея Руси, а под его началом находились князья помельче и атаманы, пестующие общинные земли на местах по всей России, а также праведники-защитники, родомыслы, хранители Веры Рода. В понимании Арсения Васильевича эти люди были волхвами.

Голубоглазый Расен, определивший спасенных «на сидение в скит», принадлежал, по словам старика, к ратникам, дружинникам Князя, и носил воинское звание есаул. Он появился у озера лишь однажды, после ухода Максима, но ненадолго. Спросил, как себя чувствует гость, поговорил о чем-то со стариком и умчался в неизвестном направлении, словно растаял в воздухе. Арсений Васильевич хотел расспросить его о своей дочери, о маме, о Максиме, о положении дел в мире, но не успел. Пришлось те же вопросы задать деду Павлу, и тот ответил, привычно оглаживая бороду и блестя хитрыми глазками:

— Живы твои родичи, здоровы, токмо не вольны. Мама у тетки в Ярославле, ждет весточки от тебя. Дочь пока тоже печалится в неволе. Плетется куделя замысла, да не от нас все зависит.

Смысл ответа стал понятен Арсению Васильевичу позже, в настоящий момент ему было достаточно и того, что его дети и мама живы и здоровы. К тому же он надеялся, что ратники Расена помогут им в случае нужды, и продолжал терпеливо ждать, когда же к нему придут нужные люди и объяснят, что делать. Пока же он подолгу гулял с внучкой по лесу, у озера, рыбачил, размышлял.

Особенно ему нравились тихие летние вечера, когда огромное красное солнце, зацепившись за острые вершины елей на той стороне озера и расплавив воду, плавно скатывалось, обессилевшее, в лес. Холодало здесь быстро, и в воздух поднималась, низко стелясь над лугом, сизая полоска тумана. По воздуху разливался запах полыни и диких трав, и Арсений Васильевич, затаив дыхание, мог долго стоять у кромки озера и вдыхать этот запах, вбирать глазами красоту природы и вспоминать родные просторы, время детства, когда он жил в ожидании чудес и не думал о грядущих испытаниях. Так мало было надо человеку в этом возрасте, зато как много роилось в голове мыслей и как много неизведанного ждало впереди, душа жаждала не покоя — но воли и движения.

Любила и Стеша эти вечера, вполне понимая задумчивость деда и его мысленное отсутствие, хотя не могла так долго, как

он, предаваться созерцанию пейзажей, бегала вокруг, изучала травы и цветы, беседовала с птицами и насекомыми, легкая и вездесущая, как ветерок.

Дважды Арсений Васильевич пытался выйти в космос — в безбрежные дали иных пространств, качеств и категорий, и дважды сталкивался с непонятным ему сопротивлением, с блоком, который мешал ему выходить в канал связи с Карипазимом. И в то же время у него создавалось ощущение, что он таки пробивался в операционное поле системы коррекции и что-то там делал, хотя в памяти не осталось ни одного свидетельства подобного рода деятельности, ни одного факта связи с запредельем. Лишь косвенные доказательства.

Стеша вдруг сообщила, что видела птиц, собирающихся в «круглую тучу». И дед Павел как-то по-особенному посмотрел на гостя после его попытки настроиться на «состояние энерго-транса».

Зато вдруг удалось раскрыть один из «зарытых» в психике «кладов» информации и освоить кое-какие навыки владения физикой тела и сознательно изменить скорость химических реакций и процессов в нервных тканях и мышцах. Отныне он мог усилием воли ускорять эти процессы и двигаться со скоростями, на порядок превышающими предельные человеческие возможности.

И все же что-то мешало Арсению Васильевичу жить свободно, строить планы, размышлять о своем положении, а главное — реально менять это положение. Как только он начинал всерьез строить какие-то планы, в правом виске зарождалась странная пульсация, росла опухоль, не прощупываемая пальцами, но ощущаемая, как застрявший в голове осколок гранаты, и все становилось плывущим, нереальным, надуманным и ненужным. Словно срабатывал некий предохранитель, спасающий мозг от перенапряжения и отключающий сознание во имя благородной цели защиты психики от шизофренического синдрома.

Так и летели дни, вплоть до шестнадцатого сентября, пока Арсений Васильевич не понял, что больше так жить — как трава — нельзя.

КАРУСЕЛЬ

Несколько дней Максим метался по Москве в поисках подходов к своему бывшему месту работы. Только там он мог получить доступ к секретным файлам оперативного компьютера и найти координаты местонахождения Марины.

Сначала он попытался как ни в чем не бывало поговорить с секретаршей Отдела Александрой, которую все за глаза называли Гидрой. Однако она действительно оказалась достойным представителем экзотической фауны, знающим свое ремесло и положение, и, сразу сориентировавшись, предложила Разину явиться на переговоры с начальством. Пришлось пообещать ей, что он так и сделает в ближайшее время. На вопрос же Максима: где содержится Марина Гольцова, задержанная спецгруппой, — Гидра ответила, что ничего об этом не слышала. Соврала, конечно. Она всегда была в курсе всех дел, которые планировал полковник Пишелко.

После этого Максим по очереди обзвонил своих бывших подчиненных и узнал о них много нового — по отношению каждого к возникшей проблеме.

Райхман-Штирлиц, который, как оказалось, заменил Разина на посту командира группы, посоветовал ему сдать и пообещал содействие. Местонахождения Марины он не знал либо не захотел сказать, чтобы лишний раз не рисковать своим положением.

Писатель-Пашкевич также не смог помочь бывшему командиру, так как был переведен в другое подразделение и занимался совсем иными делами, не связанными с контролем экстрасенсов.

Шаман слышал о задержании дочери Гольцова и даже указал примерный район ее содержания — Бескудниково. Однако точные координаты учреждения — то ли спецклиника, то ли СИЗО, то ли база ФСБ — сообщить не смог, хотя и пообещал выяснить, как он выразился, «по своим личным каналам».

А Кузьмич — простая душа — обрадовался звонку командира и с ходу предложил провести операцию по освобождению Марины. Правда, куда ее упрятали порученцы полковника, он тоже не знал.

— Спасибо, Веня, — прочувственно ответил Максим. — Ты всегда любил драйв. Возможно, еще придется идти этим путем, но сначала я попробую мирные варианты.

Шаман позвонил на следующий день:

— Командир, Марину Гольцову вчера перевезли на дачу полковника Пишелко, улица Шишкина, двенадцать.

— Где это? — не сразу сообразил обрадованный и озадаченный одновременно Максим.

— Поселок Академии телевидения, недалеко от метро «Войковская». Учти, дача охраняется не хуже Кремля, лучше туда не соваться.

— Почему ты думаешь, что я туда сунусь?

— Есть такое подозрение.

Максим хмыкнул:

— Может, подскажешь другой способ вызволить Марину?

— Пока нет, — серьезно ответил Итигилов. — Обещаю подумать.

— Ладно, думай, время еще есть. Вот если бы удалось раздобыть чертежи дачи или хотя бы карту расположения охранных систем.

— Вряд ли, — с сожалением сказал Шаман. — К таким секретам я не допущен. Единственное, что я могу сделать, это указать примерное сосредоточение охраны.

— Спасибо и на этом. Когда к тебе можно подойти?

— Вечерком, часов в девять, можем встретиться у метро «Октябрьское Поле».

— Хорошо, не возражаю, встретимся у книжного магазина в девять.

Шаман действительно появился возле метро точно в указанное время и передал нарисованную от руки схему расположения объектов на территории дачи начальника Отдела. Они сели в кафе на перекрестке улиц Народного Ополчения и маршала Бирюзова, и Максим начал изучать схему, слушая объяснения как всегда невозмутимого Ивана-Доржо.

Шаман постарался на славу, поэтому схема была сделана тщательно и подробно, что говорило о немалых возможностях штатного экстрасенса Отдела. По его признанию, он дважды обошел поселок телеакадемиков на «Войковской», чтобы уточнить «кое-какие детали», и этого вполне хватило для составления схемы.

Дача полковника Пищелко представляла собой комплекс строений, соединявшихся крытыми переходами, и занимала площадь в десять соток. Комплекс имел двухэтажный коттедж со спальнями, гостиными, каминным залом, ванными комнатами и бассейном, а также два жилых бунгало для гостей, дворик с фонтаном, столовую, беседку, еще один отдельный бассейн с проточной водой и два гаража: подземный и небольшой наземный. Плюс винный подвал и летняя кухня. Плюс красивый «фонарик» на крыше с самым настоящим телескопом. По слухам, полковник Пищелко любил в ясные ночи наблюдать за звездами.

— Здорово! — не удержался от восклицания Максим, выслушав Шамана. — Такая дача стоит немалых финансовых вливаний. Интересно, откуда у нашего усаха такие средства?

Итигилов промолчал. Вопрос был задан не ему.

— Ладно, пошли дальше, — махнул рукой Максим. — Где сидит охрана?

Шаман показал крестиками места расположения постов охраны. Всего их было четыре, не считая сторожа у ворот центрального входа на территорию дачи.

— Системы защиты?

Итигилов покачал головой:

— Точно сказать не могу, однако предполагаю наличие системы телекамер по периметру и системы электронных датчиков, следящих за окнами всего комплекса. Плюс две сторожевые собаки.

— Собаки — это плохо, — приуныл Максим. — С детства не люблю злобных тренированных псов. Один такой чуть не загрыз соседскую девочку, и я на всю жизнь запомнил этот дикий случай. Боюсь, дача неприступна. Разве что украсть в какой-нибудь воинской части танк и заехать на дачу на танке?

Иван-Доржо усмехнулся:

— Такое возможно разве что в голливудской лабуде. Можно попробовать проникнуть туда другим путем.

— По воздуху? Вертолетом? — скептически поджал губы Максим.

— Под землей, по канализационной трубе.

Максим покачал головой:

— Такая же голливудская лабуда. Для этого как минимум надо знать схему местных коммуникаций.

— Попроси Гену, у него есть какие-то связи в Горводоканале, а уж они-то наверняка имеют схему канализации на «Войковской».

— Не думаю, что охрана не предусмотрела этого варианта.

— Другого у меня нет.

— Ладно, Иван Дрождевич, спасибо и на этом.

— Будь осторожен, Индоржийн зря предупреждать не стал бы.

— Это кто?

— Помнишь молодого монаха из Иволгинского дацана в Улан-Удэ?

— А-а... он, кажется, сулил мне возможное изменение моей карьеры.

— Разве он не прав?

— Прав, прав, кое-какими задатками экстрасенса парень и в самом деле обладает. Кстати, интересно было бы узнать, где он сейчас. Я его больше не видел.

Итигилов пожевал губами, разглядывая лицо бывшего командира группы, отвернулся:

— Индоржийн Цабха умер.

— Как умер?! — не поверил Максим. — Отчего умер?!

— Не знаю. Но его тело нашли в реке Коломенке местные

рыбаки и передали для похорон местной же буддистской диаспоре.

— Откуда ты знаешь?

— Знакомый сообщил.

— Странное дело. Насколько я помню, мы передали монаха ребятам Свиристенко, а уж он-то не мог взять и утопить в реке ни в чем не повинного монашка.

— Возможно, Индоржийн отказался сотрудничать с вашими вивисекторами.

— Все равно непонятно.

— Я тороплюсь, командир.

— Ладно, разберемся. Спасибо за помощь, Иван Дрожжевич. Будь здоров. Понадобится моя помощь — звони в любое время суток, мой телефон ты помнишь. Кстати, твои советы мне пригодились. До тебя мне еще далеко, но все же кое-что стало получаться.

— Тренироваться надо каждый день.

— Я стараюсь.

Они пожали друг другу руки, и Шаман ушел. А Максим уже в который раз пожалел, что его возможности в нынешнем положении весьма ограничены. Будь с ним группа, штурм дачи полковника уже не казался бы столь безнадежным делом.

Не паникуй, майор, проснулся внутренний голос. Еще не вечер. Главное — настроиться на удачу, все будет путем. К тому же у тебя есть друзья в РРР, можно обратиться за помощью к ним.

Максим покачал головой.

Эта мысль — попросить поддержки ратников из РРР — приходила к нему все чаще, но душа почему-то не принимала данный вариант развития событий. Что-то мешало Максиму просить помощи у защитников общины «Русь», словно срабатывал некий ограничитель, намекающий на то, что он еще не использовал все свои личные возможности.

Такое же примерно чувство сдерживало Максима и в отношении отца Марины. Хотелось самому выручить из неволи дочь Гольцова-старшего и с триумфом доложить ему об этом: мол, мы тоже не лыком шиты. Что будет после этого, думать не хотелось. Сначала надо было освободить Марину.

Совет Шамана — обратиться к Писателю — оказался дельным.

Старлей без лишних слов дал Разину телефон своего приятеля из службы Мосгорводоканала, а тот не стал спрашивать, зачем Максиму схемы канализационных стоков в районе метро «Войковская». Спустя два дня после встречи с Шаманом Максим имел у себя ксерокс схемы, которая на самом деле представ-

ляла собой документ под грифом «Секретно». Разрешение на работу с такими документами мог получить далеко не каждый сотрудник ФСБ в ранге полковника, не говоря уже об офицерах званием ниже.

Схему Максим изучал на квартире у друга, бывшего однокашника, откликнувшегося на просьбу принять неожиданного постояльца на пару недель. Изучение заняло два дня. В конце концов стало ясно, что шанс проникнуть через канализацию на территорию дачи теоретически существует. Теперь надо было проверить эту теорию на практике.

В пятницу вечером Максим встретился с Кузьмичом и предложил план действий. Обсуждение не заняло много времени. Лейтенант схватывал все на лету, если спорил, то по существу, замечаний типа: на хрена это надо? — не делал и только посетовал, что с ними нет Писателя и Штирлица. Веня любил рискованные предприятия и никогда от них не отказывался, даже если это грозило ему нехорошими последствиями.

Операцию по десантированию на «вражескую территорию» решили начать в субботу вечером. Вениамин пообещал достать два комбеза и кое-какие приспособления для работы ночью: тепловые очки, фонари и тросик с зажимами.

Когда он ушел, Максим еще раз по пунктам обдумал план действий и пришел к выводу, что сил у них для его выполнения маловато. Любой шум практически мгновенно приводил к огневому контакту, к бою, а в бою, как известно, всегда случаются жертвы. Избежать же этого в данных обстоятельствах не представлялось возможным. И все же Максим надеялся на свои силы, опыт и умение, на удачу и на чудо. Потому что больше надеяться было не на что, а спасти Марину, ставшую заложницей больших планов полковника Пишелко, мог только он.

Кузьмич не подвел.

В девять часов вечера в субботу он приволок на квартиру Максима сумку, набитую всякой всячиной, раскрыл и вывалил на диван камуфляжные спецкостюмы, маски, фонари, лазерные очки и оружие — ножи, метательные стрелки, арбалет «Ктырь» и пистолет с насадкой бесшумного боя «Щегол».

— Ограбил базу? — поинтересовался Максим происхождением экипировочного набора.

— Обижаешь, командир, — ухмыльнулся лейтенант. — Комбезы списаны давно, хотя вполне кондиционны, я их еще в прошлом году у прапора Овчины обменял на спирт и сало. Пистолет принадлежит одному криминальному авторитету, которого я брал еще до службы в Отделе.

— Почему не сдал?

— Жалко стало, больно хороша волына, прицельная дальность восемьдесят метров, слона завалить может.

— На «маузер» похожа.

— Во-во, разве что дизайн посовременней. Арбалет же я у своего приятеля-спортсмена одолжил.

— Ладно, в принципе это не главное. Выходим, когда стемнеет. — Максим развернул схему, ткнул пальцем в красный крестик. — Под землю лезем здесь.

— Где это?

— Рядом с кафе «Нуга» стройка идет, во дворе есть колодец, вход в канализационный коллектор. По субботам никто там не работает.

— Добро.

В десять они подъехали на разинской «Хендэ» к автомагазину напротив кафе, поставили машину во дворе жилого дома и направились к стройке. Она была огорожена, однако Максим давно сделал рекогносцировку и знал, что можно без особых помех проникнуть на территорию строящейся высотки.

Один за другим они скользнули в дыру между бетонной плитой и металлической сеткой, край которой отгибался руками без особых усилий. Фонари, освещавшие территорию стройки, кое-где не горели, поэтому «десантникам» не составило большого труда незаметно подойти к тому месту, где на схеме был отмечен канализационный коллектор.

Крышку канализационного люка отыскивали быстро. Стараясь не шуметь, подняли крышку, отодвинули в сторону.

— Переодеваемся, — шепнул Максим.

Сняли верхнюю одежду, натянули комбезы, пропахшие какой-то химией. Сумку с одеждой спрятали в углублении за грудой каменных блоков, прикрыли ее плитой.

— Прикрывай спину, — сказал Максим, скользнув в отверстие люка.

Опустились по скобам на дно колодца в пяти метрах от уровня двора, включили фонари.

Доски, обломки кирпичей, тряпье, жижа, вонь.

— М-да, — глухо проговорил Кузьмич. — Это тебе не американское кино, где канализация чище, чем городские трущобы. А запахи?

— Воняет прилично, — согласился Максим, сдерживая тошноту. — Надо было взять респираторы.

— Поздно уже. Куда идти?

Максим поворачивал лучом фонаря, выхватывающим сочащиеся сыростью бетонные стены коллектора и мрачные пасти труб, уходящих в темноту.

— Сюда.

Они направились в глубь одной из труб полутораметрового диаметра, согнувшись в три погибели.

Ботинки сразу намокли, поэтому протест в душе, вызванный неприятием подземного мира Москвы, усилился. В горле вскоре запершило, но сдерживались, стараясь не кашлять. Любой звук в трубе резонировал от стен, что заставляло напрягать слух и часто останавливаться, чтобы развеять иллюзию подкрадывающихся со спины таинственных жителей подземелья.

Дошли до перекрестка трубы с такой же трубой, только более сухой, повернули. Затем повернули еще раз.

Максим прочертил примерный маршрут движения и вел спутника уверенно, ни разу не посмотрев на схему коммуникаций. Через сорок минут утомительного пути он остановился и выключил фонарь.

Постояли, вслушиваясь в рокошующий шум над головой, то усиливающийся, то стихающий.

Кузьмич нащупал плечо Максима, приник губами к уху:

— Дошли?

Максим надвинул на глаза телескопические тепловые очки.

Тьма, обьявшая их, слегка рассеялась, превратилась в зыбкий зеленоватый провал, пронизанный более светлыми прожилками и темными кляксами. Текущая под ногами жидкость — слив канализации — светилась ярче всех остальных деталей, она была немного теплее стен трубы и воздуха.

Двинулись дальше, набрали на колодец в потолке — выход на поверхность. Именно он, по расчетам Максима, и вел на территорию дачи полковника Пищелко. Сердце забило сильнее: где-то там, в двух-трех десятках метров от канализационного люка, находилась пленница полковника и ждала освобождения.

— Жди, милая! — беззвучно выговорил Максим.

Кузьмич снова дотронулся до его плеча:

— Сетка...

— Вижу.

Отверстие колодца, прорезающее потолок трубы, было забрано металлической решеткой с прутьями в палец толщиной. Запиралась решетка огромным амбарным замком, висящим на ушках с той стороны. И добраться до замка снизу, из канализационной трубы, не имелось никакой возможности.

— Собаки бешеные! — процедил сквозь зубы разочарованный Максим. — Подстраховались!

— Отойди-ка. — Кузьмич отодвинул Разина. — Посвети.

Максим направил луч фонаря на замок.

Лейтенант поднял пистолет, прицелился.

Прозвучали один за другим два хлопка, усиленные дребезжащим эхом. Пули попали в замок, высекая искры, дужка замка выскочила из ушек, замок свалился вниз, едва не попав Кузьмичу по голове.

Они замерли, прислушиваясь к наступившей после грохота тишине.

— Готово, командир!

— Молодец, снайпер. Надеюсь, охрана не слышала выстрелов.

— Сейчас выясним.

Кузьмич уперся руками в решетку, приподнял. Максим помог ему, отодвинул тяжелый круг к стене колодца. Один за другим они протиснулись в щель, поднялись по скобам к ребристой крышке люка.

— Готов? — посмотрел на напарника Максим.

В отсвете фонаря блеснули зубы Кузьмича.

— Как пионер! Давно не гонял адреналин по жилам.

— Начали.

Максим выключил фонарь.

Надвинули очки ночного видения. Уперлись ладонями в крышку люка, нажали, приподнимая и сдвигая ее в сторону. Максим осторожно высунул голову в образовавшуюся щель, быстро огляделся.

Несомненно, это была чья-то дача, судя по аккуратным газончикам и клумбам, по ровным шпалерам кустарника и подсвеченным снизу деревьям; в основном здесь росли тополя и липы, да пара экзотических пальм. Дорожки из ровно уложенных шестиугольных плиток. Красивые розовые колонны из слоистого камня. Живописные холмики из каменных глыб. Ручей в берегах из мрамора. Беседка неподалеку и забор за ней, полностью скрытый виноградной лозой и плющом. А вот и гаражик.

Максим вздохнул с облегчением, сдвигая очки на лоб: это была дача Пищелко. Расчет оказался верным, они не промахнулись.

Рядом высунулась голова Кузьмича:

— Где мы?

— На месте.

— Телекамеры?

— Не вижу, но они наверняка есть.

Где-то в глубине двора хлопнула дверь, послышалось ворчание.

— Сторож с собаками...

— Слышу... Собак придется стрелять...

— Могу пойти первым.

— Пойдешь за мной, огонь не открывать, попытаемся тихо-тихо просочиться в коттедж.

— Через окно?

— Через дверь. Едва ли они запирают на ночь внутренние двери, страхуясь от непрошенных гостей. Чужие тут не ходят.

Максим вылез из колодца, метнулся под стену беседки. Территорию дачи освещал фонарь у главного входа, поэтому надо было искать тени и неосвещенные участки.

Кузьмич бесшумно последовал за командиром. Оперативником он был классным, прошедшим хорошую школу войны в Чечне. Замерли, прислушиваясь к долетавшим из-за коттеджа звукам. Судя по мужским голосам и повизгиванию, охранники кормили собак либо, наоборот, выводили на прогулку.

Слабо скрипнула вторая дверь, выходящая во двор, к гаражу и беседке. По ступенькам невысокого крыльца спустился мужчина в камуфляжном костюме, с автоматом через плечо.

Максим сжал локоть Кузьмича.

Охранник подошел к пальме, помочился на ствол, зевая, затем двинулся по дорожке к гаражу.

Максим дождался, пока он поравняется с выступом беседки, и прыгнул к нему сбоку, одной рукой зажал рот, второй вдавил парню кадык в горло. Тот рванулся, судорожно размахивая руками, пытаясь достать противника, но быстро успокоился, обмяк. Максим опустил его на газон, приложил ухо к груди: жив, очухается через полчаса. Парень врагом не был, убивать его было не за что.

Секунда на оценку обстановки.

Пока все тихо.

Собака повизгивала, голоса сторожей звучали буднично.

Максим подхватил охранника под мышки, Кузьмич взял за ноги, отволокли за шеренгу кустов. На всякий случай взяли оружие парня, новенький «никонов» десантного образца — со складывающимся прикладом и лазерным прицелом, сняли с пояса небольшую связку ключей. Посмотрели друг на друга.

Глаза Кузьмича светились азартом, для него это была некая игра с элементами реального риска, поэтому лейтенант в отличие от Максима жил в удовольствие.

— Чего ждем, командир?

Максим не ответил. Показалось, что на них сверху упала холодная тень, сгущая теплый ночной августовский воздух до состояния снежного облака.

— Давай я все же пойду первым.

Максим мотнул головой, отгоняя наваждение, и потянул за

ручку двери, из которой минуту назад вышел охранник с автоматом.

Нечто вроде стеклянной прихожей: зеркала, матовое стекло, белые панели, мрамор, вешалка с халатами, тапочки на полу, полка с какими-то флаконами, еще одна дверь.

Максим взялся за ручку двери, и ему остро захотелось вернуться обратно. Состояние боевого транса уловило изменение обстановки и подсказывало оптимальный вариант действий. Но отступить было поздно.

Он толкнул дверь от себя, прыгнул в проем, поднимая автомат, и словно споткнулся, обнаружив впереди большую комнату с бассейном и стоящих вдоль стен людей в комбинезонах. Их было около десятка, и все они держали в руках такие же автоматы, какой был у него.

Сзади тихо, сквозь зубы, выругался Кузьмич.

В комнате вспыхнула люстра.

Из-за спин парней в камуфляже выступил среднего возраста господин в песочного цвета костюме и черной рубашке, презрительно скривил губы:

— Ты вполне предсказуем, майор. Я ждал тебя раньше. Использовать канализацию — неплохая идея, однако стандартная. Я думал, что ты придумаешь что-нибудь покруче. Отдай автомат, он тебе не поможет. Ты же не дурак, должен понимать, чем это закончится.

Максим помедлил, опустил автомат на пол, выпрямился, сказал тихо Кузьмичу:

— Прости, я подставил тебя.

— Кто это?

— Майор Лев Резун, спец по особым делам. Мы с ним уже встречались... недавно. Кличка — Змей.

— Я могу завалить и этого Змея, и его ряженных мальчиков.

Порученец полковника Пищелко услышал лейтенанта, усмехнулся:

— Ну, завалишь ты пару-тройку солдатиков, что дальше? Остальные сделают из вас обоих дуршлаги. Кстати, лейтенант, ты-то как оказался в компании с майором? Он же тебе уже не командир.

— Я просто погулять с ним вышел, — ощерился Кузьмич.

— Брось пистолет!

Кузьмич поколебался немного, оценивая шансы одержать победу в прямом бою, швырнул пистолет в бассейн:

— Твоя взяла!

— Где Марина Гольцова? — угрюмо поинтересовался Максим.

— В Бескудникове, где же еще, — усмехнулся Резун. — Полковник Эрнст ждет не дождется твоего появления, у него к тебе много претензий.

— Значит, ее сюда... не привозили?

— Конечно, нет. Зная твои возможности, я решил пустить слухок о доставке девчонки на фазенду патрона. Стратегема сработала, ты здесь, все хорошо.

— Если Эрнст что-нибудь себе позволит в отношении...

— Оставь, майор, — поморщился Резун, — это не кино, реальная жизнь, а жизнь сама по себе скверная штука, очень жесткая и несправедливая, полная отвратительных моментов. Твои слова ничего не изменяют, не будь смешным. — Он вынул из кармана мобильник, раскрыл. — Они у нас, Валерий Францевич.

Пауза.

— Без проблем. Будет сделано. — Змей кивнул подчиненным. — Уведите их.

В спины Максима и Кузьмича уперлись стволы автоматов.

PPP

Сарово, обыкновенная деревня в Тверской губернии, такая же, как и сотни деревень по всей России, живущая по своим внутренним законам и распорядкам, исконно русская, древняя и славная. Предки нынешних саровчан жили здесь еще две тысячи лет назад и оставили памятники тех времен — устные предания о героях — защитниках земли русской, легенды и сказания, хранимые в памяти потомков, живущие посредством передачи из уст в уста по линиям скоморохов, офеней, гусельников, боянов и волхвов. Правда, стариков, знавших сказания, становилось все меньше, а в деревню пришли иные порядки, отрицающие древние родовые традиции, выполняющие навязываемые телевидением и шоу-бизнесом западные стереотипы, чуждый деревне образ жизни.

Однако в этом же селении, о чем мало кто догадывался, жили и те, кто участвовал в создании Духовно-родовой Ведической общины «Русь» и чья деятельность была не видна практически ни одному представителю местной власти. Именно в Сарове находился штаб РРР — ратников русского Рода, пытавшихся обуздать дикую оголтелую стихию пришельцев на Руси, помочь потомкам богорожденных людей осознать свои корни, свое божественное происхождение и обрести будущее.

Руководил деятельностью РРР светлый князь Меншута, избранный на этот пост два года назад на общей Раде общины. Не-

давно ему исполнилось пятьдесят лет, но это был мощный и сильный человек, не потерявший с возрастом ни физической выносливости, ни реакции, ни душевной уверенности. Бороды и усов он не носил, взгляд его стальных глаз внушал людям спокойствие и силу, поэтому выглядел Мёншута моложе своих лет. Правда, если он сводил свои густые брови в одну линию, мало кто из подчиненных ему атаманов не начинал искать, в чем он провинился.

В это утро конца августа в доме князя собрались пять человек, считая хозяина: думный старшина Прокопий, которого за глаза прозвали волхвом, родомысл Симеон, Хранитель Веры, атаман тверского казачества Степан Молебный и есаул центрального круга Рати Расен Пешков, получивший посвященное имя Правник.

Прокопий и Симеон были похожи друг на друга: высокие, седые, бородатые, прошедшие огни и воды многих испытаний. Лишь у одного глаза были голубоватые, а у другого карие.

Атаман Степан Молебный выглядел богатырем: косая сажень в плечах, мощные руки, мощные ноги, мощный живот, большая круглая голова, кудрявый седоватый волос, усы. Впрочем, он и в самом деле слыл силачом, на спор поднимавшим лошадь.

А вот есаул Правник никак не походил на воина ни ростом, ни статью, ни поведением. С виду он казался обыкновенным человеком, тихим и мирным, обладающим кротким нравом и неторопливой речью. Но стоило заглянуть ему в голубые глаза, как становилось ясно, что это о ч е н ь сильный человек, способный постоять за себя и ответить обидчику достойно. Впрочем, обидчиков у Правника не находилось, он владел тайной системой защиты русских витязей, называемой иногда казачьим спасом или х а р а в л а д о м, которая на самом деле являлась боковой веточкой более древней гиперборейской системы воинского умения — ж и в ы. Застать его врасплох было невозможно, он не просто предугадывал действия противника, но организовывал пространство этого действия и зачастую выигрывал бой до его начала.

Беседа руководителей РРР началась с доклада есаула о важнейших событиях, участником которых было подразделение центрального уезда Рати, охватывающего столицу России и близлежащие губернии. Как всегда первое слово после этого взял родомысл Симеон, Хранитель Веры, в обязанности которого входило соблюдение традиций Рода и обоснование военных действий, если общину к этому подталкивали обстоятельства. Он согласился с доводами Правника, но не преминул добавить, что прежде чем действовать, надо тщательно просчитывать по-

следствия каждого шага ратников, потому что непродуманные намерения могут сыграть на руку Системе, использующей так называемых «борцов за права человека» в своих целях.

— Я бы не стал на них оглядываться, — возразил ему старшина Прокопий, оглаживая бороду. — Нынче на Руси всяк, кто не в ладах с совестью, становится поборником прав человека.

— Но и недооценивать их вопли нельзя, — качнул головой Хранитель Веры, — ибо на них реагирует весь мир, в том числе простые люди.

— Верят только те, кому нужен поводырь, кто не может и не хочет думать.

— Все равно я склонен полагать, что наш народ — это такая огромность, которая переборет любое зомбирование. В ней уничтожатся в конце концов все мутные потоки, обрушенные на душу народа извне. Тысячи лет нами пытались управлять пришедшие люди...

— И нелюди.

— И нелюди, и тысячи лет наш народ борол чужое и ненавистное. Поборет и нынешний разгул мракобесия.

— Но этому процессу надобно помогать, — прогудел князь, боднув воздух крутым лбом. — Нас потеснили не в последнюю очередь из-за отсутствия витязей и ослабленной Веры предков.

— Витязи — иммунная система славянства, истоки которой уходят в тысячелетия Гипербореи, и хотя она была парализована две тысячи лет назад, с приходом на Русь чужого учения — м у ч е н и я, она не погибла!

Симеон-родомысл вздохнул:

— Согласен, мы разобщены, необходимо собирать силу, но мы все же не одни на этом свете и должны жить осторожно. Надобно помнить, что наш идеал — всецелость, всепримиримость и всечеловечность.

— Жаль только, — буркнул атаман Молебный, — что вокруг полно людей и мало человеков.

— Об этом лучше молчать, дабы на нас не навесили клеймо человеконенавистничества и национализма.

— Да и Сатана с ними! Я горжусь превосходством русских в бескорыстии, доверчивости, трудолюбию, гостеприимстве, отваге, свободолюбию, и мне абсолютно не нравится превосходство кого бы то ни было в корысти, стяжательстве, лицемерии, присвоении чужого и властолюбию. Особенно властолюбию! Именно поэтому я буду ограничивать каждого, кто лезет во власть не по праву! Раб во власти — страшное зло!

— Согласен, — кивнул старец Симеон, бросив на атамана одобрительный взгляд. — Много зла творится на Руси, плохо,

что наши юноши этого не понимают. Их надо учить отличать правду от лжи и не поддаваться на провокации полуправды, что еще хуже, чем ложь. Они же берут на вооружение нравственные ошибки западного образа жизни: мстительность, возмездие, жестокость, псевдочесть, духовная сытость. И не видят в этом зла. Как говорил духовидец Федор Михайлович: «Оправдайте, не карайте, но назовите зло злом».

— Пока что сатанинская Система сильнее, — вздохнул Проконий. — Она опережает нас, отнимает детей, убивает будущее. А ведь что надо? В чем наша идея? Достигнуть полного могущества знания и развития, чтобы каждый мог раскрыть свое «я» и отдать осознанное всем.

— Э, други, — мягко вмешался в беседу стариков князь, — мы не в Думе. Есть еще конкретные проблемы, которые тоже надо решать. Насколько я знаю, мы начали работать с Прозревшим очень высокого уровня. Что с ним? Чем занимается?

Атаман и есаул переглянулись.

— Ничем, — сказал бесстрастно Правник Расен. — Ведет беседы с наставником Павлом, много гуляет, о чем-то размышляет, но что-либо делать не торопится. Мы наблюдаем за ним давно, полгода назад он получил с в е т и м е ц и обрел правильное зрение. Это стало известно его поводырю — Диспетчеру, который сразу же подключил к нему канал пассионарного невезения, чтобы заставить Прозревшего продолжать работу экзора. Нам пришлось некоторое время отводить от Прозревшего беды и несчастья, пока канал не закрылся. А поскольку он и дальше сопротивлялся воле поводыря, причем успешно, тот внедрил в сознание Прозревшего блок-файл, не дающий ему возможности закончить процесс самореализации.

— В каком он состоянии?

— Спит, — коротко ответил Правник, подумал, добавил: — Душой спит.

— Духовный дрейф... это плохо.

— Может, разбудить его, подтолкнуть к д е л у? Человек ведь есть не то, что он думает, и не то, что говорит, а то, что делает.

— Мы надеемся, что скоро он проснется. Цenen самоличный выход в Путь, собственное решение. Возможно, когда он узнает, что его дочь и ее друг находятся в руках холуев Диспетчера, это заставит его стряхнуть с души путы пассивного созерцания жизни.

— Он живет детством, — вставил слово Симеон. — Я говорил с Павлом, тот уверяет, что наш поднадзорный устал от равномерности бытия и все чаще уходит в дебри памяти. С одной стороны, это хорошо, человек подпитывается энергией начала Пути,

с другой — нельзя же все время жить прошлым, получая от этого удовольствие. Не бывает удовольствия без исполнения долга и обязанностей!

— Он не первый Прозревший...

— И не последний, надеюсь. Но он потенциальный зоревестник. С такими мы еще не встречались.

— У тебя есть конкретные предложения?

— Нет, — подумав, ответил Правник. — Образно говоря, нужно добиться того, чтобы и овцы были целы, и волки сыты.

— И пастуху вечная память, — добавил атаман, мрачно усмехнувшись.

— Какому? — поинтересовался князь.

— Диспетчеру, знамо дело.

— Он далеко не главный в Системе.

— Нужно начать с него. Сколько можно терпеть?

— Хорошо, я понял, — хлопнул ладонью о колено князь. — Программа, внедренная в ум нашего ведомого, лишает его воли и, возможно, заставляет на подсознательном уровне работать на Систему. Подумайте, как это можно исправить. Он еще не потерян для Прави. А пока ищите тех, кто добровольно сотрудничает с Диспетчером. К сожалению, таких все больше и больше. Есть новые данные по этому вопросу?

— Мы вышли на военных людей, — сказал Расен. — Это непосредственные начальники Максима Разина, ставшего на нашу сторону, хотя пока и неосознанно.

— Дело зашло так далеко? Агенты Системы сидят в спецслужбах России?

— Без сомнений.

— Кто эти люди?

— Генерал Плевин и полковник Пищелко.

— У вас есть доказательства, что они работают на Систему добровольно?

Правник помолчал.

— Есть.

— Тогда давайте обсудим эту проблему.

Голубоглазый ратник раскрыл ноутбук.

САТОРИ

Дождь...

Голые ветки яблонь, будто светящиеся изнутри нежным коричнево-вишневым накалом, стучатся в окно. Ветер изредка сбивает космы дождя к дому, и тогда по окнам бегут ручьи, причудливо изгибаясь и искажая мир за стеклом.

Сад, улица, соседние дома затянуты пеленой дождя как туманом. Никого на улице. Низкие тучи цепляются за трубы и крыши домов, плывут к лесу, тащат за собой опадающие туманные хвосты.

Арсик сидит у окна в ожидании чего-то, как замороженный, и слушает равномерный шелест дождя, широко раскрыв глаза. Ему кажется, что он плывет на шхуне в неведомые дали, рядом стоит капитан Грей, держит руку у него на плече, а над их головами гордо реют алые паруса, несущие шхуну сквозь дождь и мрак...

Что-то прокаркала черная тарелка репродуктора на стене, оставшаяся в наследство от дедушки Терентия.

Арсик очнулся, оглянулся на светелку.

Тепло, уютно, половики на полу, занавески на дверных проемах в спальни отца, мамы и бабушки, запахи трав, дерева, молока, меда, ягод, родные домашние запахи, идеальный порядок и чистота, дело рук бабушки, неутомимой в работе. Вот и сейчас она что-то поет в сенях, мерно постукивает прялка, мяукает кот Матвей — родные домашние звуки...

Надо начинать делать домашнее задание, но Арсик снова поворачивается к окну и застывает. В душе поселяется светлое ожидание перемен, ожидание чуда, которому нет названия.

Ветки яблонь, облитые пленкой дождя, стучатся и стучатся в окно, будто зовут мальчика в неизведанные дали...

— Хорошо, правда, дед? — донесся сквозь шум дождя голос Стеши. — Я люблю дождь. А ты?

Арсений Васильевич встрепнулся, оживая, отвел взгляд от окна. За окном шел первый осенний сентябрьский дождь, обостривший воспоминания детства, и ни о чем не хотелось думать, только смотреть в окно и слушать музыку дождя.

— Я тоже люблю дождь, милая.

— Ты грустный. — Внучка прижалась к деду, обняла за шею. — Вчера был грустный, сегодня, не улыбаешься давно. Мы скоро отсюда уедем?

— Не знаю... может быть, скоро.

— Мне в школу надо, уже все учатся, Ленка, Настя, Катя...

— Будешь и ты учиться, не волнуйся. Читай пока.

— Не хочу читать, хочу в школу.

Арсений Васильевич погладил Стешу по голове, не зная, как ее успокоить. Ожидание перемен затягивалось. Максим уехал и исчез, ни разу не позвонив, не прислав ни одной весточки. Дед Павел почти перестал беседовать с постояльцем, ссылаясь на занятость, хотя чем он занимался в сторожке и вокруг нее, было

непонятно. Большую часть времени, весь август и половину сентября он где-то пропадал, появляясь то по утрам, то по вечерам. И при этом гостя и внучку всегда ждала еда. Не слишком разнообразная, но вкусная, домашняя. Арсений Васильевич все порывался спросить, откуда здесь, в глуши, хлеб, но каждый раз забывал об этом. В конце концов он сделал вывод, что хлеб кто-то привозит из райцентра, свежий, сногшибательно пахнущий, вкусный, хотя ни разу этот курьер не попался на глаза.

Ожидание новостей или каких-либо изменений в жизни превратилось в ритуал, что только добавляло уныния в долгие размышления Гольцова о смысле жизни вообще и о своем месте в этой жизни в частности. Диспетчер не беспокоил, словно забыл о его существовании, никто не стучался в мозг и не требовал выполнения обязанностей экзора, что смущало и настораживало. Камень в голове — заблокированный волей Арсения Васильевича чужой к о д о н, как он считал, продолжал ощущаться камнем или иногда пульсирующей опухолью, чем-то вроде гриба-трутовика на стволе дерева. Но и его постоянное давящее присутствие не подвигало Арсения Васильевича на какие-то решительные шаги. Наоборот, стоило ему попытаться выйти в общее операционное поле, которым он свободно владел когда-то, как «мозговой камень» начинал корчиться, болеть, стучать в голову потоками крови и утихал только тогда, когда Гольцов отказывался продолжать свои эксперименты. При этом он иногда просыпался по ночам с четким ощущением прорыва в запределье, с чувством исполненного долга, хотя ничего вспомнить не мог и лишь мучился сознанием утраченной информации, принимавшей формы дежа вю.

Дед Павел однажды заметил его состояние и долго с сомнением разглядывал отрешенное лицо постояльца, потом изрек:

— Вроде не больной ты психически, Арсений, а бежишь от себя и никак убежать не можешь. Знал бы, чем тебе помочь, помог бы, да ты сам должен решить, как жить дальше. Ты ведь не крещеный?

— Нет.

— То-то у бога нашего ничего не просишь. Это правильно, конечно, однако ты и не ищешь ничего, и не спрашиваешь. А это неправильно.

— Что спрашивать-то? — нахмурился Арсений Васильевич. — И у кого?

— Да хоть бы у меня. Человек я маленький, знаю немного, но подсказать кое-какие ответы могу.

Арсений Васильевич слабо усмехнулся:

— Объясни мне тогда, слабоумному и непонятливому, зачем

Бог создал слабых, сирых, убогих, жестоких и больных? Чтобы они мучили, насиловали, издевались, убивали добрых, сильных и здоровых? Чтобы те страдали? Какой в этом смысл? Неужели кому-то это и в самом деле надо — пестовать человеческое стадо и доить его энергию? Если ваш Бог всемогущ, зачем это Ему?! Зачем идти к Нему через боль и страдание?

Дед Павел взялся за бороду, посерьезнел.

— Видать, что-то задело тебя, мил человек, коль ты затронул эту тему.

— Передача по телевизору, — нехотя признался Арсений Васильевич. — О бедных и богатых. Стыдно стало...

— Разве ты настолько богат, что тебе есть чего стыдиться?

— Я не виноват, что люди живут беднее, чем я. А сердце все равно шемит...

— Ну, коль ты заговорил о таких понятиях, значит, совесть твоя уже не спит. Что же касается вопросов твоих, то я их тоже задавал в свое время и вот к какому выводу пришел. Может быть, муки наши и боль вовсе не Богу-Отцу нужны? Может быть, мы истинно дети его Оппонента?

— Я думал и об этом, — тихо сказал Арсений Васильевич. — Но тогда в чем смысл Бога-Отца? Зачем Он, если не может справиться со своей Тенью?

Старик ответил не сразу; глаза его стали печальными.

— Не думай пока о сих вещах, родич мой. Тебе ответят, когда ты будешь готов воспринять ответ.

— А я не готов?

— Прости, еще нет. Вот над этим и подумай хорошенько.

Дед ушел по своим делам.

Арсений Васильевич весь долгий дождливый осенний день просидел в светелке, у окна, в неподвижной задумчивости, даже Стешу напугал, что она теребить его стала:

— Что с тобой, дед? Ты заболел?

Он хотел успокоить девочку, отшутиться и вдруг понял, что сыт по горло ожиданием перемен. Надо было либо бежать из сторожки у озера, либо тихо умереть здесь от тоски по былому. Он выбрал первое.

Поздно вечером, уложив Стешу спать, Арсений Васильевич тщательно подготовился к «походу в запределье» и сосредоточился на полном включении внутренней энергетики.

Висок прострелил электрический разряд: «кирпич» внедренного, блокирующего волю дьявольского «чипа» предупреждал его о последствиях такого включения. Однако Арсений Васильевич пошел дальше, упрямо нащупывая канал связи с «менталом» — общим энергоинформационным полем Земли.

Еще одна электрическая искра прошла голову от уха до уха.

Он охнул, погружаясь в яму без дна, заполненную холодной, скользкой на ощупь тьмой. Рванулся вверх изо всех сил... и выпал в знакомое искрящееся коррекционное пространство. Нашел среди светлых волокон «звездочку цели» — Карипазим, устремился к ней сквозь бездну непередаваемых словами ощущений.

«Кирпич» блокирующей программы все еще ворочался в голове, шипел, стрелял искрами, дымился, но Арсений Васильевич уже прорвался в необъятный океан «запредельного пространства» и перестал обращать внимание на необычные переживания.

Мир Карипазима вырос впереди ощутимо твердым горным массивом, раздался вширь, превратился в бесконечную плоскость, уходящую краями в невообразимые дали. Вот и знакомые золотистые россыпи «городов», дымные струи природных образований, меняющие цвет и форму облака растительного покрова. И багрово-черные фонтаны на горизонте, пронизанные яркими «трассерами» «пулеметных очередей» и огненными сполохами взрывов. Судя по всему, мир Карипазима продолжал воевать. Попытки Гольцова-экзора установить здесь иной порядок вещей, заставить его жителей прекратить военные действия, провалились. Для достижения результата необходимо было перемирие, единственно способствующее образованию прочного мира. А его заставили-таки уйти отсюда, запугали, запрограммировали, превратили в обычный ретранслятор коррекции, управляемый дистанционно. Что ж, господа пастухи, мы еще посмотрим, кто кого!

Арсений Васильевич сосредоточился на одном из угрюмых черно-алых фонтанов, одновременно усилием воли возвращая себе видение поля коррекции с его черно-серо-белой мозаикой пятен и клякс, схематически отображающей узлы и зоны энергоинформационных взаимодействий. Напрягся, соединяя все черные кляксы и белые звезды сверкающими паутинками взаимопонимания.

Сознание как бы разделилось на две части: одна часть контролировала физические реалии Карипазима с его текучей, постоянно меняющей формы жизнью, вторая властвовала на символическом событийном пространстве, цветовые комбинации которого зависели от воли оператора.

На миг перед глазами Арсения Васильевича проявился пейзаж чужого мира: необычные геометрически правильные и в то же время асимметричные конструкции, переходящие одна в другую, удивительные светящиеся структуры, сочетающие все воз-

можные овально-сфероидальные линии — ни одного острого угла, ни одной перпендикулярно-плоскостной ориентации, клубы «дыма» зеленого, золотого, серебристого цвета, перистые и чешуйчатые наплывы и горбы — растительность Карипазима. И стремительно скользящие в разных направлениях нечеткие медузоподобные силуэты — то ли жители Карипазима, то ли представители местной фауны.

Один из этих силуэтов вдруг остановился. На Арсения Васильевича глянули огромные, зеленые, почти человеческие глаза со звездчатыми зрачками. Показалась длинная щупальцевидная рука с двумя многосуставчатыми пальцами. Один палец вытянулся в длину, коснулся виска Арсения Васильевича.

Потрясающей глубины, красоты и силы музыкальный аккорд потряс все его тело: карипазимец что-то сказал. Или, возможно, помыслил. И на голову Гольцова обрушился каскад странных вспыхивающих видений и ощущений, захлестнувший всю сферу сознания, прорвавшийся еще глубже — в подсознание, в темные подвалы психики.

Судорожно хватанув ртом воздух, Арсений Васильевич рванулся «вверх» — будто выныривал из воды, заполненный информацией как шарик воздухом. И выскочил «на поверхность» волны знаний-озарений, осознав себя сидящим, вцепившимся обеими руками в край кровати.

Перевел дух.

Помотал головой, глуша шум в ушах.

Прислушался к своим ощущениям.

Голова «дымилась», качалась, плыла, то увеличиваясь в размерах, то уменьшаясь до размеров спичечной головки. Но «кирпич» чужого блока в ней не чувствовался. Исчез. Испарился! То ли от прикосновения пальца карипазимца (вряд ли, возразил внутренний голос, образ карипазимца тебе просто почудился, таким его представила твоя фантазия), то ли от энергоинформационного разряда (что скорее всего и соответствует истине). И хрен с ним! Главное, что удалось освободиться от контролера, хотя это и не планировалось первоначально. И не суть важно, что или кто помог ему это сделать. Власть Диспетчера над его душой теперь окончательно нейтрализована, пусть попробует использовать его втемную — не удастся! Зато у нас появляется возможность заняться своими непроявленными знаниями вплотную.

Арсений Васильевич посидел немного, отдыхая от мысленно-психической перегрузки, хотел было пойти к озеру, искупаться и полюбоваться на звездное небо, если дождь прекратился и тучи разошлись, и вдруг поймал давно скребущую душу мысль: а ведь мне помогли! Уже второй раз! Сатори — просветление про-

сто так не приходит. Был, был «световой зайчик», некое воздействие «небес», отчего и случился прорыв в иные пространства. Кто же этот таинственный благодетель, опекающий Гольцова-экзора? Уж не дед ли Павел?

Арсений Васильевич прошлепал босыми ногами до двери, откинул занавеску: Стеша спала, посапывая, уткнувшись носом в подушку. За стенкой застонали пружины: дед Павел повернулся на другой бок, пробурчал что-то под нос.

Нет, не он.

Тогда кто?

Стеша заворочалась во сне, прошептала:

— Мама, спроси у дедули...

Арсений Васильевич невольно улыбнулся и тут же помрачнел. Марина была далеко отсюда и не могла ответить дочери. Ее надо было срочно искать и, возможно, спасти. Однако почему молчит Максим? Почему не звонит, не делится новостями? Что он узнал о Марине? Что с ней? Где она?

По крыше дома снова застучали капли дождя. Поход на озеро и созерцание звезд откладывались.

Почему бы не посмотреть, где сейчас Марина с Максимом, с помощью психосенсорики? Вдруг эксперимент удастся? Смог же он преодолеть барьер кодона и выйти во вселенную Карипазима.

Арсений Васильевич плеснул в лицо холодной ключевой воды из ковша, сделал глоток и снова сел на кровать. Сосредоточился на переживании полета и толчком вынес свое сознание за пределы тела.

Голова превратилась в стремительно расширяющийся воздушный шар. Мелькнули и исчезли стены сторожки, в теле действительно родилось ощущение полета, но ощущение странное, будто он летел во все стороны сразу. Изба с ее двускатной драчной крышей провалилась вниз, мелькнуло в стороне озеро, показался удаляющийся лес, темная тень на мгновение заслонила поле зрения — он миновал слой туч, и его приняла в себя бездна темно-синего неба с мириадами звезд.

Ни луны, ни солнца Арсений Васильевич не увидел. Да его это и не интересовало в данный момент. С высоты полета он глянул вниз, на гигантское тело Земли, имевшее вовсе даже не сферическую форму, а скорее форму бабочки, переливающейся всеми цветами радуги, и попытался в этой необыкновенной эфемерной световой вуали найти то, что было ему нужно.

Кто-то посмотрел на него из этой вуали удивленно. Еще один взгляд показался оценивающим, не дружественным, но и не враждебным. А вот третий нес недовольство и угрозу, будто

он своим выходом в ментальное поле планеты разбудил неведомого хищного зверя.

Арсений Васильевич попробовал закрыться зеркальным экраном, отражающим посторонние пси-лучи, и на какое-то время чужие взгляды перестали ощущаться как тонкие колющие световые иглы. Он сориентировался в ландшафте Земли-«бабочки», направил мысль-щуп в район Москвы. И уже через несколько мгновений увидел-почуял знакомые струйки характерных излучений — аур Максима и Марины. Они находились буквально в миллиметре друг от друга и при этом были накрыты чем-то вроде москитной сетки, отчего казались несчастными и слабыми.

Арсений Васильевич снизился над городом, пытаясь мысленно проникнуть под москитную сеточку, но в этот момент кто-то большой, тяжелый, шипастый и костистый свалился на него сверху, пробил защитный зеркальный панцирь, и он полетел в черную бездну, разверзшуюся под ногами. В последний миг изогнулся, миновал гигантские шипы и когти, метнулся к свету... и вывалился в пространство своего тела, а потом сторожки, почти бездыханный, с гулко колотившимся о ребра сердцем. Но несмотря на все неприятные физические переживания, сопровождавшие его выпадение из ментального в материальный континуум родного мира, он успел понять необходимое: его дочь и ее друг находились в беде! По крайней мере они были несвободны. И их надо было выручать.

Снова заворочался в своей спаленке дед Павел, появился в светелке в одной исподней рубаше до пят. Просияли в пламени свечи ясные прозрачные глаза.

— Чего не спишь, Арсений?

— Думаю, — глухо ответил Арсений Васильевич.

— Ну думай, думай.

Старик потушил свечу, направился в сени, загремел ковшом о железное ведро, набирая воды, вышел из сторожки.

Арсений Васильевич проводил его мысленным взглядом, не удивляясь, что может делать это свободно, будто всю жизнь занимался такими вещами. Слегка сдвинул диапазоны зрения... и действительно увидел деда Павла сквозь стены избы: тот стоял у изгороди и разговаривал с кем-то.

С кем?! Ведь только что никого возле сторожки не было!

Арсений Васильевич раздвинул спектр зрения еще больше и наконец разглядел появившегося незнакомца: это был ратник Расен. Интересно, когда он здесь появился? И как дед Павел его почуял?

Арсений Васильевич спохватился, метнулся к двери, как был, в одних трусах, выбежал во двор.

Темно, холодно, сыро.

Двое у заборчика оглянулись на звук шагов, но не двинулись с места. Арсений Васильевич хорошо видел их лица, несмотря на ночную темень. Приблизился, сказал хрипло:

— Мне нужно в Москву...

Расен промолчал.

Дед Павел провел ладонью по волосам, погладил бороду:

— Уверен, что тебе это надо, родич?

— Марина в опасности... и Максим тоже... их надо выручать.

Старик и его собеседник обменялись быстрыми взглядами. Судя по всему, они тоже прекрасно видели в темноте.

— Неужто проснулся?

Арсений Васильевич покраснел, с трудом сдержал недоброе слово.

— Проснулся вот. Вам надо было помочь мне.... Столько времени потеряно...

— Нет, мил-человек, прозреть должен был ты сам, иначе не будет толку. Да и не уверен я, что ты прозрел. Ведь не узнал же наших посланцев?

— К-каких посланцев? — не понял он.

— Вот его, к примеру. Да волхва Прокопия. А ведь это они к тебе приходили почитай сорок годков тому.

Тихая молния слетела с небес, пронзила голову. Арсений Васильевич вспомнил и понял, почему так мучился, находя в лице Расена знакомые черты.

— Вы?!

— Я, — невозмутимо кивнул ратник.

— Но... я думал... сначала принял вас за... дед предупреждал, что придут хорошие люди и я должен буду им помогать... Не может быть! Значит, вы тоже... работаете на Систему?!

Дед Павел усмехнулся, покачал головой:

— Обладая правильным мирознанием, ты ухитряешься делать неправильные выводы, родич. Тебе дано было Испытание, и ты с превеликим трудом его преодолел... спустя сорок лет. Мы даже сомневаться начали, не ошиблись ли. Особенно когда ты стал служить поводырям сынов человеческих, приняв их за «хороших людей». Они пришли позже нас, но ты поверил именно им.

— Я думал... верил... что вы... и они...

— Мы не можем действовать так же, как враги Рода, обманом и сокрытием истин, ложью и полуправдой, которая хуже лжи. Ты поверил другим, а должен был отличить зло от добра. Не смог, однако, а мы ждали.

Арсений Васильевич проглотил ком в горле, помял лицо ладонями:

— Меня всю жизнь преследовало ощущение, что я делаю что-то не то... Но я верил деду...

— Ты не поставил цели, а человек, не имеющий цели, — что щепка на воде, плывет туда, куда течет река. Даже если впереди обрыв.

— Я... не знал...

— Слава богам, ты нашел силы высунуть голову из течения, пора делать второе движение — выходить на твердый берег.

— А если бы я.... не выдержал этого вашего... Испытания?

— Мы бы тебя ликвидировали, — спокойно заговорил Расен.

Арсений Васильевич вздрогнул, пристально посмотрел на своего спасителя и проводника. В его ауре не просматривались синие или фиолетовые лучи злобы или ненависти, но оранжевый пламень говорил о силе и особой решительности есаула, далекого от сентиментальности и велеречивых розовых слюней борцов за права человека. Он верил в справедливость своего дела и мог запросто убить предателя и труса.

— Я... понял... простите меня...

— Мы не прощаем, — мягко сказал дед Павел, — мы просто живем по совести и принимаем или не принимаем тех, кто ошибается. Ты еще не заслужил благословения Рода, мы же только подвижники его. Каждому свое.

— С кем я должен встретиться, чтобы... меня приняли?

— Он сам тебя найдет. Думай, решай, иди.

Арсений Васильевич хотел было спросить: куда? — но сдержался.

— Мне нужно в Москву...

— Я могу подбросить тебя до Муром, — предложил Расен.

— Спасибо! — обрадовался Гольцов. — Когда вы уезжаете?

— Через полчаса.

— Полчаса?! Но я... — Арсений Васильевич с усилием остановил язык. — Хорошо, я только соберусь и... Можно, я оставлю у вас внуку, на время?

— Нет, — покачал головой дед Павел. — Я тоже уезжаю. Тебя запеленговали во время твоего недавнего с е а н с а, и наш схрон стал небезопасен.

— Запеленговали?! Кто?! — Арсений Васильевич шлепнул себя ладонью по лбу. — Ну, конечно, Диспетчер! Какой же я болван!

— Одевайся, — сказал дед Павел. — Даст бог, и ты научишься предвидеть последствия своих деяний.

Расен, стоявший рядом со стариком совершенно неподвижно, вдруг исчез и тут же появился через несколько секунд.

— У нас мало времени, сюда летит вертолет.

— Буди внучку. — Дед Павел направился к сарайчику во дворе.

Арсений Васильевич преодолел ступор, метнулся к дому.

Через четверть часа они уже ехали по лесной дороге в белой «Ладе»--«семидесятке», не включая фар. Стеша не особенно обрадовалась тому, что ее разбудили среди ночи, задала пару вопросов и тут же уснула на плече у деда.

Когда они отъехали от сторожки на несколько километров, сзади вдруг расцвело неяркое зарево, машину догнал рокочущий грохот взрыва, ослабленный расстоянием.

Дед Павел, сидевший на переднем сиденье рядом с водителем, оглянулся:

— Возврата назад не будет, родич.

— Я понял, — глухо отозвался Арсений Васильевич.

ВАМПИРЫ

Он полз по извилистому каменному коридору в полной темноте, то и дело натываясь плечами или головой на твердые углы, ребра и выступы. От столкновений особенно доставалось голове, превратившейся в сплошной узел боли, меньше плечам и коленям, а иногда боль пронизывала копчик, будто его кто-то кусал. От одного такого «укуса» Максим закричал... и очнулся, бессмысленно тараща глаза в белое н и ч т о. Потом начал различать в этом «ничто» кое-какие детали, напряг зрение и понял, что лежит навзничь в комнате с белыми стенами и потолком, с которого свисал белый плафон светильника.

Посмотрел налево: стена с белым кафелем, умывальник, полотенце на крючке.

Направо: стена в каких-то бурых пятнах, странные приспособления на ней, напоминающие раскрытые браслеты, ремни с металлическими бляхами, обручи.

Поднял голову, рассматривая кровать, стоящую не у стены, а посреди комнаты, попытался встать и обнаружил, что запястья рук и лодыжки пристегнуты к лежаку такими же браслетами, какие крепились к стене справа.

Что за бред?!

Он дернул руками, ногами, застонал от хлынувшей в голову боли. Опустил голову на твердый валик вместо подушки, не в силах вытереть заструившийся по лицу пот.

Где я, черт всех дери?!

Почти неслышно открылась дверь, в комнату, освещенную через окно (оно находилось за изголовьем лежака), вошли двое:

здоровенный детина с равнодушным лицом, в белом халате санитаря, и неопределенного возраста мужчина в песочного цвета костюме. Знакомые лица, однако.

Максим встретил абсолютно бесстрастный, буквально мертвый взгляд последнего и вздрогнул.

— Змей!

— Надо же, какая у тебя память, — скривил губы майор Резун. — Били тебя, били, а ты все помнишь. Даже жалко портить такой материал.

— А ты развяжи, — процедил сквозь зубы Максим. — Тогда и посмотрим, чей материал лучше.

Резун поднял бровь, оценивающе посмотрел на пленника:

— Ты не в той форме, чтобы соревноваться со мной.

— Развяжи, если не трус!

Порученец полковника Пишелко еще раз оглядел лежащего критическим взглядом, кивнул:

— Рассупонь его, сержант.

Санитар достал из кармана связку ключей, отомкнул браслеты.

Максим рывком сел на кровати и едва не свалился обратно от нахлынувшей слабости. Голова закружилась. Чтобы не показать этого, начал массировать кисти рук. Припомнил советы Шамана, расслабился, представил огненный шар в области живота, мысленно послал от этого шара струйки огня по артериям и венам. Стало легче. Тогда он слез с лежака, не обращая внимания на то, что раздет. Покачался с пятки на носок, встряхнул кистями рук. Плечи болели, болел бок, ныла спина, дергали сосудики в висках, отзывались колючками боли толчки крови в коленях. По-видимому, его и в самом деле крепко били, хотя он и не помнил, когда и кто.

Наблюдавший за ним Резун усмехнулся:

— Хорош, хорош, прямо Аполлон... отделанный. Ну, давай, покажи класс старику.

Максим прыгнул без подготовки, группируясь уже в прыжке, но Лев Резун, бывший инструктор спецназа, оказался быстрее. Удара Максим не увидел, лишь внезапно потемнело в глазах. Упал он, однако, не грудой костей и мышц, а упругим мячиком, откатился к стене, вскочил, прикрывая горло рукой.

Зрение восстановилось.

Противник стоял в двух метрах от него с опущенными вдоль туловища руками, будто это не он встретил только что атаку и отбил ее. Губы кривятся в полупрезрительной усмешке. В глазах прежняя пустота и равнодушие.

— Попробуй еще.

Максим мотнул головой, прогоняя муть релаксации, сосредоточился на зрении. Сильно зажмурился, до кровавой пелены в глазах, расслабил веки, в упор глянул на Резуна, резко увеличив давление взгляда.

Брови противника взлетели на лоб, в глазах появилась легкая тень недоумения.

В то же мгновение Максим кинул тело вперед по зигзагу, «качнул маятник», отвлекая внимание Змея, и на этот раз достал его! Отбил выпад левой руки, поднырнул под правую, ударил!

Резун с тихим изумленным воплем отлетел к окну, схватившись за челюсть.

Максим скользнул к нему «крабом», поймал движение руки и корпуса, ударил вразрез.

Резун кубарем укатился в угол палаты, впеллся боком в нижние браслеты, заворочался на полу, не сразу приходя в себя.

Максим хотел добить его, зная, что сентиментальность к добру в таких случаях не приводит, но упустил из виду стоящего сзади санитар и поплатился за это. Почувствовав угрозу, начал поворот... и не закончил, провалившись в темный колодец беспомощности.

Очнулся от боли в затылке, потом в руке: кто-то наступил ему на кисть, захрустели пальцы. Однако он не издал ни звука, не сделал ни одного движения, лежа безвольной тушей, из которой вынули все кости.

Восстановился слух.

— ...не приказывал! — донесся недовольный голос Резуна. — Ты же ему башку проломил!

— Он мог вас убить.

— Не мог! Я просто играл с ним, отвлекся... Зови полковника. Затопали тяжелые ботинки, открылась и закрылась дверь.

— Скотина! — проворчал Змей. — Чуть мне челюсть не сломал! Неплохо дерешься, майор.

Максим не ответил, собирая силы для атаки. Пульсирующая боль в затылке была столь острой, что хотелось кричать, по-видимому, санитар действительно пробил голову рукоятью пистолета, по шее на щеку и на плечо стекала горячая струйка — кровь, но он все же стоически выдержал эту боль, притворяясь лежащим без сознания.

Его толкнули носком туфли в колено, в плечо — он не пошевелился.

— Твою мать! — выругался Резун. — Если ты загнешься, полковник с меня шкуру сдерет. Вставай, майор!

Максима перевернули на спину, кто-то приставил пальцы к шее, нащупывая пульс. Он открыл глаза и безошибочно нанес

удар по ушам склонившегося над ним Змея. Тот с воплем отскочил, хватаясь за голову.

Вскочил и Максим разгибом вперед, метнулся к противнику, сделал отвлекающий маневр — руку вверх и в сторону, пальцы сжаты, удар назывался «гюрза». Резун инстинктивно защитился, и Максим нанес удар снизу наружной стороной стопы в низ живота. Порученец Пишелко вскрикнул, отлетая к кровати, осел на пол, держась за живот с выпученными глазами и открытым ртом.

Сзади открылась дверь.

Максим ударил ногой назад, не глядя, попал.

Сдавленный вопль. Кто-то шумно свалился на пол.

Максим оглянулся.

Удар достался не санитару, а полковнику Эрнсту, возившемуся теперь на полу с изумленным видом.

Бежать! — мелькнула мысль. Воспользоваться случаем и бежать! Другого шанса не будет!

Но реализовать мысль не удалось.

На пороге возник здоровяк-санитар и направил дуло пистолета в грудь Разину. Он не сказал ни слова, но пистолет, кажущийся игрушкой в его руке, не дрожал, а в глазах дымилась такая колебимая, непробиваемая, тупая, собачья преданность хозя и ну, что не приходилось сомневаться — выстрелит! А достать его в прыжке Максим не мог, не позволяло отсутствие маневра, да и силы были уже на исходе.

Он поднял руки, отступил.

И упал лицом вниз от очередного удара в спину от разъяренного, пришедшего в себя Резуна. Его начали бить ногами, и спасительное беспмятство приняло разлившуюся по телу боль.

Очнулся он, уже в который раз, лежащим ничком на кровати, но без браслетов на руках и ногах, что удивило и обрадовало; вероятно, враги посчитали его положение безнадежным. Прислушался, не шевелясь.

Разговаривали двое.

— Мне это надоело, — раздраженно сказал Резун-Змей. — Он не поддается дрессировке. Вы же видели, как он держался. И даже после ваших манипуляций майор отказался сотрудничать, практически на подсознанке. Предлагаю списать его в расход.

— Он нам нужен как приманка для более крупного зверя, — возразил Эрнст. — Только через него мы сможем выйти на Гольцова.

— В качестве приманки нам хватит и дочери экзора.

— Так будет верней.

— Как хотите, дело ваше. Но я бы все-таки не стал рисковать. Этот человек опасен, его надо контролировать.

— А вот это уже ваши проблемы, майор. Извольте держать его на поводке, не спускайте с него глаз.

— Нет ничего проще.

— Ну да, полчаса назад он вас едва не кастрировал. Снова понадеялись на свой опыт и знание кунгфу?

— Я последователь другой системы боя.

— Оно и видно. Этот парень сделал вас как любителя, а ведь он был на игле, я всадил ему пять кубиков уроксезазина. Представляете?

— Нет.

— Он должен был чувствовать себя в раю и целовать нам руки. Как ему удалось нейтрализовать наркотик в крови? Вот, смотрите, анализатор показывает всего ноль три промилле.

— А вот это уже ваши проблемы, полковник, — огрызнулся Змей. — Похоже, майор заразился от Гольцова какой-то экстрасенсорикой.

— Чушь!

— Чушь не чушь, а магические приемчики он знает. Перед тем как напасть на нас... на меня, он так посмотрел, что я потерял ориентацию.

— Ерунда, не может быть.

— А вы испытайте его приемчики на себе.

— Чепуха, — повторил Эрнст уже менее уверенно. — Никакой экстрасенсорикой или магией заразиться нельзя. Разве что...

— Договаривайте, я никому не скажу.

— Разве что кто-то помог ему разбудить паранормальный резерв организма. Это легко проверить.

— Вот и проверьте.

Тишина, шаги, дыхание склонившегося над кроватью человека.

— Сержант!

Скрип двери, топот.

— Камфармин, метронидазол, метамизол, нохайнмал.

— Слушаюсь.

Пауза, шорох одежды, ворчание. Скрип двери, тяжелые шаги санитара, позвякивание, хруст ампул.

— В плечо.

Толстые грубые пальцы взяли за предплечье Максима, приподняли. В тот же миг он повернулся на бок, открывая глаза, мгновенно сориентировался, вырвал из руки санитара шприц с молочно-белой жидкостью и всадил ему же в щеку. Санитар ухнул, отшатнулся, хватаясь за лицо. Максим, продолжая движение, не давая ему опомниться, рванул халат на его груди, выхватил пистолет:

— Получи, мразь!

Рукоять пистолета влипла в переносицу гиганта, и тот без звука отлетел к стене, сполз на пол, теряя сознание. Из носа на грудь толчком выплеснулась кровь: удар, очевидно, сломал носовую перегородку парня. Но Максим не почувствовал ни капли сострадания, санитар тоже бил его в полную силу, без жалости, а долг, как известно, платежом красен.

Кожу на спине всшершавил ледяной ветерок опасности — сакки, как говорят японцы, «ветер смерти».

Максим отпрянул в сторону, и пуля, выпущенная из пистолета Львом Резуном, прошла мимо, всего в паре миллиметров от уха. Ответный выстрел он сделал одновременно с выстрелом Змея. Не попал. Впрочем, промахнулся и противник. Змей тоже умел «качать маятник» и «сходить» с линии прицела.

Еще два выстрела и еще.

Пули разбили окно, плафон, с визгом срикошетировали от браслетов на стене.

И снова Максим — вот она, цена пробитой головы! — упустил из виду третье действующее лицо схватки.

Полковник Эрнст не дремал, а так как он был не просто врачом, но «подселенным» очень высокого ранга, с программой полного включения пси-резерва, в сущности — магом, то и оружием воспользовался магическим — метнул в Разина свой «звуковой шар».

Увернуться Максим не успел, лишь подставил плечо, что, естественно, остановить энергоудар не помогло, и соорудил «защитный зеркальный шлем», памятуя советы Шамана.

Это был настоящий взрыв! Внутри головы!

Казалось, взорвалась граната, начиненная не осколочным материалом, а сильнейшим грохотом! Череп разлетелся на мелкие брызги, мозги струями потекли через нос, уши, рот! Максим даже попытался остановить руками это «мозгоизвержение», но уже спустя мгновение боль затопила голову огненной пеленой, и он потерял сознание, растворяясь в собственном крике...

Темнота, каменный тоннель, содрогающийся под ухом, какие-то неясные шумы, налетающие то слева, то справа, то снизу, напоминающие шорох прибоя.

Он прислушался, пытаясь определить источник шума, и понял, что слышит гул бегущей по сосудам крови и неровные толчки сердца. Сосредоточился на сердце, заставляя его работать равномерно. Шум в ушах ослабел. Зато стали слышны другие шумы, вне тела: шелесты, скрипы, далекие неразборчивые голоса, стеклянное пощелкивание, похрустывание и позвякивание.

Максим попытался настроить слух, но что-то мешало, слов-

но в ушах торчали ватные тампоны. Он пошевелился, дотягиваясь до ушей невидимыми руками... и как воздушный шарик всплыл из тоннеля сквозь толщу камня в море света. Зажмурился, но тут же открыл глаза.

Над ним склонилось знакомое лицо.

— Эрнст!

— Очнулся, герой, — донесся чей-то скрипучий и дребезжащий — и опять же как сквозь вату — голос. — Удивительное здоровье, даже завидно.

— Нам бы таких добровольцев... — слышался другой дребезжащий голос.

— Что имеем, то и пользуем. Поработает и так, линейщиком.

— Где... я? — вяло поинтересовался Максим. Попытался подняться, но руки и ноги не слушались, голова кружилась, заполненная дымом и пеной, проколота каким-то острым шипом от затылка до лба. Этот шип не давал думать, и стоило Максиму напрычь волю, заставить себя анализировать ситуацию, как голову пронзала странная боль — словно шип пускал во все стороны тоненькие колючки.

— Не дергайся, майор, думай о приятном. Скоро ты забудешь, что такое свободная жизнь, станешь как все.

— Вытащите... вату...

— Что?

— Вытащите... вату... из ушей...

Пауза.

— Похоже, у него лопнули барабанные перепонки.

— Ничего, это излечимо. Сержант, уроксезазин, анальгетик, три кубика кортикона. Когда заснет, перевезите его в шестую палату и сделайте томографию головы. У него две серьезные травмы на затылке и на виске.

Плечо укусила оса.

Волна онемения побежала по руке, достигла головы, и Максим погрузился в дремотное состояние, не в силах ни двигаться, ни думать. Последней в голове погасла мысль о Марине. О Кузьмиче, попавшем в засаду вместе с ним, он даже не вспомнил...

Следующее пробуждение было намного приятней.

Почти ничего не болело, лишь изредка голову прокалывала от виска до виска необычная щекочущая судорога, будто там внутри начинала вибрировать натянутая гитарная струна и тут же умолкала. Зато после каждого такого резонанса на душе становилось веселей, дышалось бодрей, хотелось что-то делать, выполнять приказы командиров и быть полезным.

Редко-редко в непознанных глубинах души начинал шевелиться червячок сомнения: так ли уж тебе хорошо? Правильно

ли ты оцениваешь обстановку? Максим честно начинал оценивать свое положение, но проходила минута, другая, и все возвращалось в норму, начинало казаться, что все проблемы разрешимы, добро восторжествует и он в конце концов освободится из плена...

ОШИБКА

С утра выглянуло солнышко, и бабушка сказала:

— Собирайся, соколик, пойдем за кыльками.

Арсений отложил книжку, с готовностью побежал одеваться.

«Кыльками» бабушка называла опавшие сосновые иголки, необходимые для хозяйственных нужд: из них получалась прекрасная сухая подстилка для коровы и свиней, которую необходимо было менять не реже трех раз в неделю. Не то чтобы Арсений любил этот процесс — сбор кылек, но и не отказывался никогда, понимая, что бабушке будет тяжело одной сдирать толстый слой иголок в лесу, а потом и нести мешок домой.

До сосновых лесопосадок он обычно доезжал на велосипеде и ждал бабушку, идущую следом пешком. Собственно сбор кылек не занимал много времени, больше уходило на дорогу, зато в лесу можно было посвистеть, поаукать, поискать поздние грибы и просто поваляться в траве, глядя в небо.

В сумрачные дни лес выглядел примолкшим и печальным, в солнечные — тоже тихим, но каким-то печально-светлым, торжественным, ждущим неизбежного прихода зимы и в то же время — весны и лета. В такие дни в душе поселялась светлая прозрачная грусть, невыразимая словами, но предвещающая смену переживаний и чувств.

А потом он вез мешок, полный сосновых иголок, домой, перекинув его через раму или закрепив на багажнике за седлом. И — солнце в небе, ветер в лицо, запахи осени, лес, дорожка, пересекающая поле, окраина деревни — до чего же хорошо быть свободным после выполнения не такой уж и трудной обязанности...

Арсений Васильевич поймал глазом солнечный зайчик, прикрылся рукой, погрозил пальцем Стеше, забавлявшейся на балконе с зеркальцем.

Их привезли в Муром поутру, высадили у дома Кирилла, пообещали навестить попозже, к обеду, и уехали. А Гольцов с внучкой, успевшей поспать в машине, направился на квартиру сына, прикидывая, что скажет ему, как объяснит свое долгое отсутствие.

Конечно, Кирилл обрадовался появлению отца, да еще с любимой племянницей, однако не стал расспрашивать, где тот скрывался и почему не звонил, так как торопился на работу.

— Вечером поговорим, — сказал он после объятий и поцелуев, — я замещаю начальника отдела сбыта, дел по горло, а помочь некому, вот и спешу пораньше к компьютеру.

Выпив чашку чаю с бутербродом, Кирилл умчался, и Арсений Васильевич остался с внучкой ждать гостей. Воспоминания отвлекали его от излишних волнений, поэтому он специально вызывал в памяти образы, отзывающиеся в душе сладкой мукой детских мечтаний и переживаний. Однако в последнее время он стал замечать, что после этих воспоминаний делать вообще ничего не хочется, и стал ограничивать глубину погружения в прошлое, хотя это удавалось не всегда.

С балкона прилетел новый солнечный зайчик.

Когда-то и сам Гольцов пускал такие зайчики, сконструировав собственный гелиограф, и с гордостью показывал его друзьям. Как же давно это было!..

— Стеша, прекрати! Почитай лучше книгу.

— Не хочу, дедуля. Давай сходим куда-нибудь, мороженое съедим. Солнце на улице, тепло, погода хорошая, а я, между прочим, давно не гуляла и мороженое не ела.

Бабье лето, вздохнул Арсений Васильевич, погружаясь в очередное воспоминание — как он с бабушкой, тетей Ксеньей и двоюродными сестрами копал картошку на колхозном — уже убранном поле. Потом рассердился на себя, встряхнулся. Пришла идея покопаться в другом «подвале» памяти — в том, где хранилась полученная по «лучу сатори» чужая информация.

Погружение состоялось почти без усилий. Он уже настроился на нужную частоту резонанса с общим пси-полем Земли и входил в него как к себе домой. А затем началась необычная чехарда состояний, вытянувшаяся в цепь удивительных ощущений и озарений, к которым тоже надо было подстраиваться каждый раз, чтобы увидеть, понять и осознать каждую открываемую «ячейку» с хранящейся в ней информацией.

В конце концов удалось добраться и до того раздела «библиотеки», где располагались массивы информации о боевых и защитных системах человеческого опыта. Причем ощущение при этом было такое, будто он не просто находит нужные сведения, а спускается на своеобразном лифте вниз, в глубины тысячелетий человеческой — и нечеловеческой! — истории и одновременно проходит некий трекинг-трафик, повторяя и в п и т ы в а я основы воинских искусств на генетическом уровне. Лишь испуг Стеши («Дед, что с тобой?! Тебе плохо?!») помешал ему освоить ка-

кую-то очень древнюю боевую технику, имеющую странное название х а р а в л а д. Чуть позже, придя в себя, он понял, что дошел до боевых технологий, которыми владели предки-гиперборейцы десятки тысяч лет назад. И еще он понял, что его «лифт в прошлое» является не чем иным, как п а м я т ь ю Рода, хранящейся на уровне инстинкта в глубинах психических и генетических структур.

Кое-как успокоив внуку, Арсений Васильевич уединился в спальне и попробовал повторить на практике кое-какие тексты из тех, что он прочитал и освоил. И у него получилось! В течение всего одной секунды он дважды пересек спальню, ухитрившись ничего не разбить и не сломать, и сделал больше полусотни движений, укладываемых в единый цикл в с е о х в а т а. Любой, кто оказался бы на пути Гольцова, в зоне поражения, был бы неминуемо повержен! Остановила его только волна жара, охватившего кожу лица и рук, — двигался он с огромной скоростью, намного быстрее любого человека, — и боль в суставах и связках, не привыкших к столь интенсивному и быстрому маневрированию.

Холодный душ освежил тело, омыл трепещущие мышцы, снял внутренний жар, успокоил. Из ванной комнаты Арсений Васильевич вышел бодрым и подтянутым, готовым продолжить исследования «подземных кладовых» своей памяти. Но в это время пришли гости, пришлось отложить планы на потом.

Гостей было двое: Расен (как оказалось, он имел звание есаула, что говорило о казачьих корнях местного отделения РРР) и незнакомая миловидная женщина. На вид ей исполнилось не менее пятидесяти лет, а глаза, большие, васильковые, смотрели ясно и молодо. Звали ее Наталья. Отчество свое она не назвала.

По-видимому, Расен понял, чем занимался хозяин несколько минут назад. Он внимательно глянул на Арсения Васильевича, — в глазах разгорелись и погасли веселые искры, — и вдруг метнул в него столовый нож, лежащий на подносе с фруктами.

Арсений Васильевич не сразу понял, что произошло.

Его рука поднялась без участия сознания, поймала (!) летящий как молния нож за ручку и положила обратно на поднос. И только после этого он сообразил, что продемонстрировал боевое у м е н и е, каким раньше не обладал.

— Неплохо, — сказал есаул с одобрением. — Похоже, ты не зря провел время. Таким умением обладает не каждый человек. Чему еще ты научился?

— Правник, у нас другие заботы, — строго сказала Наталья. — Ратиборением займетесь позже. Арсений Васильевич,

нам надо осмотреть... — она прикусила губу, подыскивая выражение, — надо осмотреть вашу ауру, если не возражаете.

— Зачем? — спросил Арсений Васильевич, уже зная ответ.

— Вам могли подсадить в подсознание не стандартную линейную программу, а кодон другого уровня, действующий исключительно тонко. Понимаете?

Арсений Васильевич вспомнил «кирпич», засевший в голове и мешающий думать и действовать самостоятельно.

— Вообще-то один такой кодон я нейтрализовал, но все равно согласен, смотрите.

— Благодарствуем, это не займет много времени.

— Что я должен делать?

— Просто стойте и думайте о подключении к каналу связи с космосом, но не входите в канал.

— Хорошо. Внучка не помешает?

— Расен, поговори с девочкой на балконе.

Есаул взял Стешу за руку, увел на балкон, стал что-то показывать.

Арсений Васильевич поборол волнение, встал в свободной позе, расправил плечи.

Наталья обошла его кругом, оглаживая рукой воздух, отошла на три шага, посмотрела на Гольцова. Глаза ее наполнились глубоким сиянием, и Арсений Васильевич почувствовал дуновение странного ветра, пронзившего лоб, лицо, голову. Голова закружилась. Он напрягся, инстинктивно закрываясь от «ветра» «зеркальным экраном».

— Не сопротивляйтесь, — улыбнулась женщина. — Ничего дурного я вам не сделаю.

Арсений Васильевич расслабился.

«Ветер» продолжал дуть, очищая голову от остатков психо-энергетического «дыма» и следов чужеродной зависимости, приятно щекоча нейронные сети и структуры мозга. Длился весь процесс около минуты и закончился вспышкой внутреннего света — словно молния озарила мозг, заставив Арсения Васильевича зажмуриться. Как сквозь вату, послышался тихий голос Натальи:

— Слава богам, ничего серьезного. Вы действительно нейтрализовали «вшитую» в мозг программу. Такое удастся не каждому. Можете спать спокойно, вас никто теперь не заставит плясать под чужую дудку и не запеленгует.

Что она имела в виду, говоря: «можете спать спокойно», — Арсений Васильевич не понял, а спрашивать постеснялся. Вряд ли это было оценкой его состояния. Хотя и дед Павел говорил

ему те же слова, намекая на бездеятельность. Что ж, он проснулся и намерен действовать решительно.

В комнату с балкона вернулись Расен и Стеша.

Внучка улыбалась, ей было явно интересно разговаривать с новым знакомым. Посмотрев на Арсения Васильевича, она всплеснула руками:

— Дедуля, ты такой красивый!

Арсений Васильевич смешался, глянул на Наталью, на Расена.

— Вы давно на себя не смотрели в зеркало? — осведомился есаул.

— Н-нет... не помню... а что?

— Посмотрите.

Арсений Васильевич озадаченно потер лоб, зашел в ванную комнату, некоторое время рассматривал в зеркале свое умеренно надоевшее отражение, пока наконец не понял: у него исчезли залысины! И бородака потеряла серебристые пряди! Что за чудеса?!

Все правильно, пробудился ото сна внутренний голос, ты прокачал через себя большие энергоинформационные потоки, которые слегка подкорректировали твою физическую структуру, подправили волновую матрицу. Просто-напросто ты помолодел.

С ума сойти можно!

Лучше не надо.

Сам не хочу...

Арсений Васильевич умылся, вернулся к гостям, постаравшись выглядеть спокойным и уравновешенным.

— Ну как? — прищурился есаул.

— Нормально. Я к вашим услугам, господа. Можете мной располагать.

— Не господа — родичи, — мягко поправила Наталья. — Собственно, я закончила, можете заниматься своими делами. Всего вам доброго.

Она кивнула Расену, улыбнулась и подмигнула Стеше. Гости направились к двери.

— Вы уже уходите? — удивился Арсений Васильевич.

— Разумеется.

— А я?

— У вас есть какие-то планы?

— Н-ну... есть...

— Вот и действуйте.

— Мне нужно в Москву, там дочь...

— Можем подвезти, — предложил Расен, — я как раз еду в том направлении..

— Буду благодарен, — пробормотал сбитый с толку Арсений Васильевич. Он полагал, что ему предложат участвовать в делах

общины или РРР, но этого не произошло. Гостям будто и дела никакого не было до того, чем он будет заниматься. А переспрашивать — что ему делать в создавшейся ситуации, не позволяла гордость.

— Я только напишу записку сыну.

Арсений Васильевич черкнул Кириллу несколько строк, пообещал позвонить в ближайшее время, и они со Стешей сели в машину Расена, все ту же белую «семидесятку».

До Москвы доехали за три часа, к вечеру.

— Где вас высадить? — оглянулся Расен.

— На проспекте Жукова, — ответил Арсений Васильевич, подумав. Ключа от квартиры, которую снимала Марина, у него не было, но он надеялся, что ему удастся открыть дверь, не взламывая замка. — Позвольте пару вопросов, Наталья?

— Ну, если только пару и если я смогу ответить.

— Я беседовал с дедом Павлом...

— С каким дедом?

— С Живенцом, — подсказал Расен.

— Это наш душевед. Вы говорили с ним, и что?

— Он утверждает, что Россией... и вообще Землей управляет та же Система, которая... на которую работал и я...

— Все государственные структуры Руси и в самом деле жестко подчинены единому мировому правительству. Президенты и парламенты сами ничего не решают, они лишь выполняют определенные функции по отвлечению внимания населения Земли от реально идущих на ней процессов. Система же не является структурированным образованием, она просто создает необходимые структуры в нужный ей момент и в нужном месте. В этом смысле она управляет всей социальной жизнью Земли.

— Но ведь существуют операторы... Диспетчер...

— Диспетчер существует, он является целевым полагателем Системы и в основном занимается прямым зомбированием людей и поиском тех, кто внутренне готов служить Системе добровольно.

— Таких, как я?

— Вы вне оценок подобного рода. Произошла ошибка, и вы пошли не тем путем. Но потом прозрели, осознали несправедливость этого пути, хотя Испытание затянулось. Но это уже не вина ваша, а беда.

Арсений Васильевич покосился на смирно сидевшую рядом Стешу.

Наталья перехватила его взгляд:

— Не беспокойтесь, девочка наш разговор не запомнит. Что еще вы хотели спросить?

— Система так сильна...

— Это не вопрос, это утверждение. К сожалению, да. Но все больше рождается детей с уникальными способностями «шестой расы», как мы говорим, или с паранормальными экстрасенсорными способностями. Это наша надежда. И все больше становится прозревших, тех, у кого открываются глаза на происходящее, кому становятся подвластными скрытые информационные потоки о многоплановой программе Системы внедрения своих целевых методологических установок в социум Земли. А для этого ей надо уничтожить во что бы то ни стало Русь, наш Род, наши традиции, нашу культуру, наши души.

— Кто вы? Я имею в виду — по образованию, вы говорите как специалист.

— Я простой целитель, — улыбнулась Наталья. — Хотя закончила исторический факультет Харьковского госуниверситета и работаю на кафедре социальных исследований РАЕН.

— Она академик, — добавил Расен невозмутимо.

— Я понял, — пробормотал Арсений Васильевич. — И вы из-за меня ехали в Муром? Чтобы просто проверить — чист я или нет?

— Вы очень важная личность для нашего движения. Хотя я поехала бы и ради простого человека, потребуйся моя помощь.

— Приехали, — остановил машину есаул.

— Скажите, а Система...

— Простите, Арсений Васильевич, — остановила Гольцова Наталья. — Мы торопимся. С вами свяжется человек, который наверняка сможет ответить на любые ваши вопросы. А пока прощайте, будьте здоровы. У вас есть родственники, которым вы могли бы отдать на время внучку? Желательно не в Москве.

— Мама в деревне, под Муромом... правда, она сейчас у родственницы в Ярославле...

— Что ж, пусть будет Ярославль. Отвезите девочку туда. Иначе будете связаны постоянной заботой о ней и не сможете освободиться. У вас есть где остановиться в Москве?

— Есть.

— Тогда до свидания.

Арсений Васильевич и Стеша вылезли из машины, и она сразу уехала.

— А мама дома? — с надеждой посмотрела на деда внучка.

— Нет, твоя мама... все еще в командировке, — вздохнул Арсений Васильевич.

— Я к маме хочу... и в школу.

— Поедем к тете Вале, пойдешь там в школу.

— А почему не в Москве? Я же здесь учусь.

— Так надо, милая. — Арсений Васильевич погладил Стешу по головке. — Ничего, скоро все прояснится, успокоится, и мы будем жить, как раньше.

Они поднялись на одиннадцатый этаж (вспомнилось, как ему удалось спуститься по балконам на землю), и Арсений Васильевич подошел к двери квартиры, которую снимала Марина. Возникло ощущение, что внутри кто-то есть. Он прислушался к себе: опасностью «не пахло», но в квартире определенно кто-то был.

Хозяева, подсказал внутренний голос, кто же еще. Прошло три месяца, как ты бежал отсюда, а Марина так и не вернулась, вот хозяева и приехали, не получив очередного взноса.

Арсений Васильевич вдавил кнопку звонка.

Через несколько секунд из-за двери послышался женский голос:

— Кто там?

— Извините, — приник губами к щели Арсений Васильевич, — я отец Марины Гольцовой, она снимала у вас квартиру.

Звякнули запоры, дверь отворилась. На пороге появилась молодая женщина в халате, с полотенцем на голове, глянула на Гольцова, на Стешу, улыбнулась:

— Привет, ребенок. А где мама?

— В командировке, — стесненно ответила Стеша, оглянувшись на деда. — Это тетя Лариса.

— Очень приятно. Меня зовут Арсением Васильевичем.

— Проходите, — отступила Лариса. — Извините, что я в таком виде, готовлюсь к отъезду. Еще полчаса, и вы бы меня не застали.

Они сняли обувь, прошли в гостиную.

— Располагайтесь, я сейчас. — Лариса убежала в ванную комнату, откуда донесся звук включенного фена.

Гости сели на диван, поглядывая по сторонам. Ничего в квартире не изменилось с момента бегства Гольцова-старшего, лишь исчез стеклянный шкафчик с чайным и кофейным сервизами. Вполне возможно, его разбили налетчики, прибывшие за Арсением Васильевичем, и хозяйке пришлось возиться с уборкой груды стекла.

— Что тут произошло? — появилась она через две минуты, еще не успев как следует высушить волосы. — Я звонила много раз, потом в августе приехала, а квартира открыта! И шкаф разбит!

— Не знаю... — пробормотал застигнутый врасплох Арсений Васильевич. — Марина позвонила мне, что торопится в командировку... — приходилось сочинять на ходу, — а она такая несо-

бранная, что могла и шкаф случайно разбить, и дверь оставить открытой.

— Странно, она показалась мне целеустремленной натурой. А что за командировка у нее? Ведь Марина в гимназии работает?

— Пригласили за рубеж, — промямлил Арсений Васильевич, попытался перевести разговор на другую тему. — У вас, надеюсь, ничего не пропало?

— Мужнины часы найти не могу, а так вроде все на месте.

— Мы заплатим... за шкаф...

— Ничего, разберемся потом. До декабря квартира в вашем распоряжении, Марина заплатила вперед, а к Новому году будем по-новому договариваться.

— Спасибо вам.

— Не за что. — Лариса скрылась в спальне. — Хотите чаю?

— Мы бы хотели остаться на пару дней, это возможно? Только ключей у нас нет, Марина не оставила.

— У меня есть запасной комплект. — Лариса вышла из спальни одетой в брючный костюм. — Могу дать на время. Только вы уж, пожалуйста, не оставляйте дверь открытой. Позвоните мне, если будете уезжать, и я заберу ключи. Пока, ребенок. — Она помахала Стеше рукой, подхватила сумку, вторую повесила через плечо и убежала.

Гости переглянулись.

— Тетя Лариса всегда куда-то торопится, — серьезно сказала Стеша.

— Да уж, деловая женщина, — согласился Арсений Васильевич, чувствуя себя неважно; врать он не любил. — Что ж, давай располагаться. Где ваша комната?

— Мы с мамой спали здесь. — Девочка вскочила, распахнула дверь в боковую спальню. — Вот моя кровать.

— Тогда я буду спать на диване в гостиной. Займись пока своими делами, а я искупаюсь.

Раздевшись, он залез под душ, включил горячую воду, потом холодную. Настроение повысилось, мышцы заиграли, голова стала ясной и легкой. Появилось желание двигаться физически, бежать или играть в волейбол, будто он только что хорошо размялся. По жилам заструилась не кровь, а жидкий огонь. Арсений Васильевич вспомнил «звуковые шары», которые формировал и бросал полковник Эрнст, заместитель главврача спецклиники в Бескудникове, и попытался создать такой же шар.

Сел на край ванной, обмотанный полотенцем, представил внутри живота воздушный шарик, начал разогревать его, посылая по артериям струи энергии в живот. Дождался, пока шарик засветится, мысленным усилием перегнал его по телу вверх и в ла-

донь. Сосредоточился, удерживая шар «виртуального огня» на ладони, и резким взмахом послал его вперед.

Раздался треск, по комнате разлетелись куски кафеля, запахло озоном.

Арсений Васильевич с недоумением посмотрел на вмятину в стене и кафельные осколки на дне ванной. Проговорил глубоко-мысленно:

— Мы с Ларисой не расплатимся...

— Дед, что там у тебя разбилось? — долетел сквозь дверь голос Стеши. — Ты упал?

— Поскользнулся, — ответил он. — Не волнуйся, все в порядке.

Подумал: надо поосторожнее со своими экспериментами, ненароком дом разрушить можно. Лучше поискать точное местонахождение Марины и Максима, потом можно будет и поэкспериментировать.

Он убрал осколки кафеля в мусорное ведро, вскипятил на кухне воду, заварил чай. В шкафчике над мойкой нашлись сухари и сахар. Попили чаю с внучкой. Потом Арсений Васильевич уселся в гостиной перед выключенным телевизором и принялся мысленно манипулировать потоками энергии, привычно выходя в энергоинформационный эфир Земли.

Ощущения повторились, равно как и зримые картины, которые любой нормальный человек окрестил бы галлюцинациями. Можно было подниматься «выше», пробивать тоннель связи с Карипазимом, но цель у него была другая, и Гольцов «свернул в сторону», развернул свою психоматрицу над Землей, сориентировался и «раскинул крылья ментального видения» над Москвой.

Снова кто-то удивленно и недовольно посмотрел на него сквозь пространство; впечатление было такое, будто взгляд-луч вытянулся откуда-то из Подмосковья или из каких-то лесов чуть подальше. Арсений Васильевич закрылся «зеркалом», и взгляд погас, втянулся в лес, в какое-то необычное строение в форме башни. Оценить, что это за строение и где стоит, Гольцов не успел, да и не придал значения мимолетному взгляду, приняв его за игру воображения.

Через несколько мгновений «поисковый луч» пси-зрения Арсения Васильевича засек знакомые резонансные контуры. Запомнив их положение, он спроектировал увиденную картину на схематическую карту Москвы и вынырнул из операционного поля в реальный мир. Прикинул координаты аур обнаруженных людей. Как и предполагалось, Марина все еще находилась в Бескудникове и чувствовала себя достаточно хорошо, судя по свече-

нию ауры, хотя в нем и преобладали печальные тона. А вот Максим Разин в данный момент «светился» в районе метро «Войковская», и его аура сильно не понравилась Арсению Васильевичу. Она была оранжево-красная, с лиловыми и сиреневыми полосами, что указывало на какой-то инфекционный процесс, идущий внутри организма майора. Впечатление складывалось такое, будто он заболел и не в состоянии мыслить здраво.

Арсений Васильевич передернул плечами, ощутив тоскливую обреченность, поселившуюся в душе Максима. Решение созрело само собой: сначала попытаться освободить друга дочери, а потом вместе с ним — ее саму.

Он вышел из ванной, накинул джинсовую безрукавку, найденную в гардеробе Ларисы.

— Стеша, побудешь одна, не побоишься?

— Ты куда собрался, дед? — удивилась девочка, оторвавшись от телевизора. — Поздно уже.

— Я скоро вернусь. Никому не открывай и на звонки не отвечай, хорошо?

— А если мама позвонит?

— Не позвонит, она... далеко.

— Хорошо, дедуля.

Арсений Васильевич поцеловал Стешу в щеку, закрыл за собой дверь, задержался на секунду, услышав, как в замке дважды повернулся ключ, и, успокоенный, шагнул к лифту.

На часах было около девяти часов вечера, когда он вышел из метро «Войковская» и направился к поселку телеакадемиков, располагавшемуся недалеко от рынка, на территории старого парка. Состояние сатори-«антенны» поддерживать было нетрудно. Организм сам, без участия сознания, находил нужные полевые резонансы, анализировал поступающую информацию и выдавал в мозг готовые выводы и рекомендации. По Москве в данный момент шагал не человек Арсений Васильевич Гольцов пятидесяти пяти лет от роду, бывший завлаб и бывший экзор, а «биолокатор и магический оператор» — если употребить терминологию ученых, исследующих феномены экстрасенсорики, и оператор этот способен был «видеть невидимое» — в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах электромагнитного спектра, «слышать неслышимое» — от ультразвука до звуковых колебаний сверхнизкой частоты, и намного расширять свои физические возможности.

Было интересно глазеть по сторонам, отмечая особенности городских строений, о которых раньше просто не задумывался, наблюдать сквозь стены жизнь учреждений и жилых домов, видеть сквозь одежду (Боже мой, как же одежда может скрывать

физические недостатки и даже уродство!), слышать доносящиеся со всех сторон шумы, голоса, вибрации, складывающиеся в непрерывный клокочущий гул, и в то же время — улавливать звуки избирательно, отсекая ненужные, или вовсе блокировать улавливаемый ушами и всем телом шум и идти в полной тишине.

Заглядевшись на сцену в кафе (он свободно видел сквозь зеркальные стекла) — там кто-то кого-то материл, Арсений Васильевич едва не столкнулся с прохожим и заставил себя сосредоточиться на деле.

Выйдя на улицу Познера, он двинулся по ней, разглядывая особняки за высокими заборами, утопающие в зелени. Некоторые еще строились, но большинство коттеджей являло собой торжество архитектурного авангарда, реализованного в соответствии со вкусами и эстетическими склонностями владельцев. У одного такого шедевра Арсений Васильевич задержался. Возникло чувство узнавания, подчеркнутое поднявшимся в душе беспокойством.

С одной стороны, особых сомнений, что Максим находится внутри усадьбы, не возникало, с другой, непонятна была причина беспокойства, так как район поселка, окруженного высотками, с виду казался тихим и мирным.

Он напрягся, усилием воли еще больше раздвигая диапазоны зрения.

Забор, стены дома и других строений на территории усадьбы приобрели вид полупрозрачных пластов дыма. Стали видны комнаты, коридоры, перекрытия, ниши, мебель и предметы быта. Призраками проступили сквозь слоистое струение стен находящиеся внутри коттеджа люди. Четверо на территории, с оружием (блеск металла был осязательно опасен) — охранники, трое на первом этаже, на кухне и в подсобных помещениях — обслуга усадьбы, и четверо на втором этаже. Двое сидят в креслах у громадного — чуть ли не в полстены — телевизора, двое обнимаются в спальне. Мужчины. М-да... Где же Максим?

Арсений Васильевич еще раз ошупал территорию особняка «локатором» ментального зрения и обнаружил еще одного человека в отдельном строении, напоминающем котельную или гараж. Впрочем, это и в самом деле гараж, судя по стоящему внутри джипу, хотя почему-то стены этого гаража сложены из мощных бетонных блоков, а часть его за перегородкой и вовсе обшита изнутри металлическими листами. Человек лежал на топчане именно в отгороженном закутке гаража.

Максим?

Арсений Васильевич «переключил» диапазоны зрения ближе к длинноволновой части спектра, позвал мысленно:

«Максим!»

Человек встрепенулся, поднял голову, сел, озираясь.

«Максим!»

— Кто здесь? — хрипло отозвался майор вслух.

«Молчите, Максим, это я, отец Марины. Как вы себя чувствуете?»

— Сносно...

«Тише, не говорите вслух, просто отвечайте мысленно».

«Хорошо. Где вы, Арсений Васильевич?»

«Рядом с домом, где вы находитесь. Что это за особняк?»

«Дача полковника Пищелко».

«Разве он телеакадемик?»

«При чем тут телеакадемики? Он начальник Отдела...»

«Поселок принадлежит Академии телевидения».

«А-а... мало ли кому он принадлежит официально. Здесь селятся те, у кого есть связи и большие деньги».

«Откуда у вашего полковника большие деньги?»

«Это вы у него спросите. Как вы меня нашли? Что вообще творится в мире? Я тут кукую уже несколько дней, с момента, как меня перевезли из Бескудникова, и ничего не знаю».

«Я сам не слежу за новостями, все как обычно, по-моему: чinovники борются с терроризмом, люди живут своей жизнью. Я пришел освободить вас. Сможете в нужный момент помочь мне?»

«Вы один?»

«Спецподразделения у меня с собой нет».

«А дружина РРР?»

«Они сами по себе, я сам по себе».

«Это плохо. Один вы ничего не сделаете, дача охраняется слишком мощно. Я пытался освободить Марину, когда она была здесь, и попал в ловушку».

«Я вижу все ловушки».

«Может быть, вы действительно способны видеть сквозь стены и читать мысли, однако одному человеку пройти четыре линии охраны не под силу, даже если он колдун и чудотворец».

«Я все же попытаюсь».

«Что ж, отговаривать не буду, я не прочь выйти на волю. Но будьте предельно осторожны».

«В нужный момент я позову вас».

Арсений Васильевич прервал ментальный контакт с майором, собираясь послушать, о чем говорят сидящие перед телевизором мужчины на втором этаже особняка, и вдруг почувствовал морозный ветерок, подувший в спину.

Да, он получил знания, дающиеся большинству людей упор-

ным трудом, нервным перенапряжением, терпением, болью и потом. Однако все равно по натуре он не был человеком боя и даже просто жестким целеустремленным человеком, в каждую секунду знающим, что ему нужно. Поэтому, получив сигнал тревоги, Арсений Васильевич промедлил, не сразу сообразив, что следует делать. А потом начала разворачиваться цепь событий, над которыми он был не властен, потому что диктовали условия игры другие силы.

Ситуацию он увидел и оценил мгновенно, причем с двух позиций сразу: как экзор, то есть полевой оператор, манипулирующий особым виртуальным полем коррекции, и как живая биологическая система, имеющая большее, нежели у рядового человека, количество органов чувств.

В поле коррекции — на фоне меняющегося черно-белого рисунка — образовалась черная стрелочка и поползла к светлому колечку с лучистым ореолом; этим колечком был сам Арсений Васильевич.

На физическом событийном плане этот процесс выглядел иначе.

На улице — с двух ее сторон одновременно — появились черные джипы и понеслись к особняку полковника Пишелко, возле которого застыл столбом Гольцов.

Мгновением позже открылась калитка в заборе, ведущая на территорию усадьбы, и оттуда выскочили один за другим парни в камуфляже, то ли охранники владений полковника, то ли вызванный им спецназ.

Время для Арсения Васильевича затормозилось.

Джипы резко снизили скорость.

Охранники в пятнистых комбинезонах тоже почти остановились, неспешно и плавно переставляя ноги, как при замедленной киносъемке.

Замерли редкие прохожие.

Изменился и цвет фонарей — покраснел, словно лампы на столбах стали светить вполнакала.

Однако и Арсений Васильевич все еще медлил, не зная, с чего начинать, куда бежать, как решить возникшую проблему. Он понимал, что его каким-то образом запеленговали враги, вычислили или даже следили за ним, вызвали группу захвата, и теперь он находился в ловушке, готовой вот-вот захлопнуться.

Ну, и долго ты так будешь стоять? — осведомился внутренний голос. — Хочешь снова оказаться в лапах господина Эрнста?

Арсений Васильевич вздрогнул и гигантским усилием воли выдернул себя из трясины оцепенения.

Заработала инициированная подсознанием система боевого опыта, накопленного предками тысячелетия назад.

Мгновение спустя система запустила механизм не прогляда, и Арсений Васильевич — для всех, кто его видел в данный момент, — исчез! Непрогляд создавал вокруг человека слой высокоамплитудных колебаний молекул воздуха, который практически полностью поглощал световые лучи.

Затем включилась другая часть мозга, ответственная за создание фантома. И по улице зигзагами побежал «второй» Арсений Васильевич Гольцов — его голографический двойник, в то время как первый — «настоящий» Гольцов тихонечко отступил назад, к забору, и направился по тротуарчику прочь от особняка полковника Пишелко.

Операция же по захвату двойника-фантома продолжала между тем развиваться.

Джипы с визгом шин затормозили. Из них выбросились парни в камуфляже, развернулись в цепь, перекрывая дорогу беглецу. Он заметался между ними как заяц, перепрыгнул через джип (!), наткнулся на спецназовца, увернулся, бросился бежать. За ним метнулись пятнистые комбезы, начали кричать, стрелять по ногам...

Чем закончилась эта погоня, Арсений Васильевич не увидел. Все еще невидимый, он свернул в переулок, добежал до метро, спустился вниз и только там, став за колонну, сбросил с себя вуаль не прогляда.

Несколько пассажиров бросили на него удивленные взгляды, внезапно обнаружив соседа, но Арсений Васильевич этого не заметил. Сердце перестало гнать кровь по сосудам в бешеном ритме, дыхание понемногу успокоилось. А тревога в душе осталась. Пришло чувство забытой вещи. Что-то он упустил из виду, какую-то важную деталь. Но что именно — вспомнить не мог.

В начале двенадцатого он вышел из лифта на одиннадцатом этаже, позвонил в дверь.

Никто не откликнулся.

Сердце дало сбой.

Арсений Васильевич еще раз вдавил кнопку звонка, подержал подольше.

Тишина.

Тревога переросла в панику.

Он постучал в дверь, позвал внучку, еще раз постучал, надавил на ручку... и дверь открылась!

Облившись холодным потом, он вбежал в прихожую, окликнул Стешу.

Никто ему не ответил.

Дважды обойдя все комнаты, заглянув под кровати, диваны и в шкафы, Арсений Васильевич без сил опустился на стул.

Стеши нигде не было.

А уйти сама куда-нибудь она не могла. Во всяком случае до этого момента.

Кто-то бесшумно вошел в квартиру, остановился в дверях.

Арсений Васильевич вскочил, оглянулся...

СИСТЕМА

Самсон Викторович Плевин, генерал, начальник научно-технического Управления Федеральной службы безопасности, слыл человеком хитрым, умным, жестким и несправедливым. В принципе, так оно и было на самом деле, потому что другие люди до таких кресел добирались редко, а если и добирались, то долго в них не задерживались. Чиновничья с и с т е м а, коррумпированная снизу доверху, в том числе и в военной сфере, просто не допускала к власти совестливых и справедливых, ибо строилась она по принципу взаимодополнения и круговой поруки, и либо превращала прорвавшихся в к р у г в таких же холуев-винтиков, стремящихся сделать карьеру и обеспечить себя до конца жизни, возвыситься над всеми, либо выдавливала их из своей среды. Генерал Плевин стал с в о и м еще в юности, будучи по натуре расчетливым и сметливым карьеристом-комсомольцем. Неудивительно поэтому, что Система, управляющая социумом Земли (ниже — России, еще ниже — Министерством обороны и спецслужбами), обратила на него внимание и предложила работать в ином масштабе и по другим правилам. И Самсон Викторович согласился, не задумываясь. А потом нашел себе верного помощника в лице полковника Пишелко и устремился «к высотам самореализации», используя весь свой «творческий» потенциал.

Генералом он стал в тридцать шесть лет. Начальником Управления — в тридцать восемь. Заместителем директора ФСБ — в сорок. И готовился заменить директора на его посту не позднее чем через год.

Однако и он допускал ошибки, не будучи идеальным стратегом, да и полагался на помощников, которые тоже искали варианты, как бы «вырваться в люди», подняться «из грязи в князи». А именно таким человеком и был полковник Пишелко, имевший немалый опыт предательства и аппаратных игр.

Впрочем, Самсон Викторович неплохо знал способности своего визави и не давал ему особых возможностей прорваться выше, а тем более — занять его кресло. И все же иногда случались инциденты. Одним таким инцидентом был случай с про-

зревшим экзором, работающим на Систему много лет, но корректирующим не социум Земли, а жизнь другого мира, входящего в гигантскую сеть Системы. Таких внешних операторов иерархи Системы называли не экзорами, а — между собой — слепышами.

Когда слепыш Гольцов внезапно обрел eye-reality, то есть возможность видеть результаты своего экзо-труда, Самсон Викторович не сильно обеспокоился, поскольку объект не находился в ведении Отдела и лично генерал не отвечал за его профпригодность. И даже после того, как Диспетчер назначил Плевина ответственным за «возвращение блудного сына в лоно Системы», генерал не придал этому заданию большого значения, полагаясь на своего заместителя. А затем Гольцов-слепыш прозрел окончательно и сбежал, поставив под угрозу срыва процесс коррекции на Карипазиме, в мире, где расчищалась строительная площадка для одного из «райских уголков отдыха» для иерархов Системы. Знали об этом лишь сами иерархи, не отказывающие себе ни в чем, особенно — в удовольствии жить в соответствии со своими желаниями и контролировать жизнь «низших существ» по своему усмотрению.

В двенадцать часов дня семнадцатого сентября Самсон Викторович торопился на совещание к директору, когда зазвонил мобильный телефон. Плевин свернул в уютный уголок для курящих сотрудников огромного здания на Лубянке, сел в кресло:

— Слушаю.

— Генерал, почему не докладываете? — раздался в трубке бесполой голос Диспетчера.

— О чем? — насторожился Самсон Викторович.

— Вы что, белены объелись? — Диспетчер, не будучи человеком в прямом смысле этого слова, умел находить образные выражения. — У вас утечка информации, а вы не в курсе?

— Если вы о подключении к нашей Системе детских и юношеских группировок, — осторожно проговорил Плевин, — то результаты обнадеживающие. Наши агенты влияния уже работают с рейверами, скинхедами, рэпперами, панками и юзерами. Я имею в виду интернет-зависимую молодежь. Подбираемся к экстремалам. Но это полные отморозки. Для них главное — гонять по жилам адреналин, остальное не важно. Прыгают с гор на сноубордах, с крыш многоэтажек на парашютах, лезут на стены без всяких приспособлений, катаются на скейтах по перилам мостов в дождь. В общем, не признают никакого давления на психику, она у них и так сломана.

— Я имел в виду ситуацию с экзором.

— А что с экзором? — еще более осторожно поинтересовался Самсон Викторович.

— Он нейтрализовал кодон и вышел из-под контроля.

Сука! — подумал Плевин о полковнике Пищелко.

— Это чревато разверткой вариаций сопротивляющейся нам славянской системы во главе с общиной «Русь» и каскадной утечкой информации, — продолжал Диспетчер ровным, без интонаций, голосом.

— В ближайшее время мы ограничим его маневренность и организуем перехват. На какие меры мы можем рассчитывать?

— Припугните его. Он не боец, насколько я информирован, должен сломаться.

— А если не сломается?

— Тогда ликвидируйте.

— Есть!

Из трубки талой водой хлынула тишина.

Самсон Викторович посидел немного, прижимая мобильник к уху, набрал номер помощника.

— Да? — недовольным, как обычно, голосом отозвался Пищелко.

— Где Гольцов? — осведомился Самсон Викторович угрюмо.

— В Москве, — после паузы ответил начальник Отдела.

— Почему я об этом не знаю?

— Мы сидим у него на хвосте...

— Найти и ликвидировать!

— Но его благородие Вышний не...

— Диспетчер дал добро. Попробуйте еще раз уговорить этого идиота, я имею в виду слепыша, но если не получится — уничтожьте!

— Давно бы так. А что делать с его дочкой и ее ухажером?

— Меня это не волнует. Они были нужны вам как подсадные утки, не более того. Когда надобность в этом отпадет, разрешаю...

— Понял.

— Действуй, полковник.

Самсон Викторович выключил мобильник, поправил черные очки, которые не снимал ни днем, ни ночью, и направился по ковровой дорожке дальше, к приемной директора ФСБ.

ОВСТОЯТЕЛЬСТВА

Он смог выдержать без жены всего два месяца.

Сначала отослал ее с двухлетней дочкой домой, к маме, в деревню под Рязанью, захотелось пожить «по свободе», причем и причи-

на нашлась: какие особые условия жизни мог предоставить молодой красивой жене лейтенант зенитно-ракетного дивизиона, посаженный «на точку», то есть на голую вершину холма с тремя домиками офицерского состава и казармой? Естественно, никаких. И жена, рассудив, что муж прав, отправилась восвояси, через Уссурийск и Хабаровск, на поезде и на самолете сначала до Москвы, потом до Рязани и дальше, в деревню Чернава Милославского района. Однако свобода оказалась не такой милой, как представлялось. Через две недели Арсений заскучал, через месяц затосковал. Какие силы ему потребовались, чтобы продержаться еще месяц, знал только он.

Командира дивизиона долго уговаривать не пришлось, он понял лейтенанта и дал ему неделю на воссоединение семьи; дивизион не стоял на дежурстве и служба не требовала присутствия всех офицеров на зенитно-ракетном комплексе. И Арсений помчался к жене.

До Уссурийска доехал на попутке.

От Уссурийска поезд довез его до Хабаровска, ночью, где он удачно поймал такси и доехал до аэропорта.

Самолет за семь часов доставил лейтенанта в Москву. Там он успел на двухчасовую дневную электричку, которая домчала его до Рязани.

Еще четыре часа понадобилось Арсению на путь до Топилл.

На станции не оказалось автобуса до Чернавы, и он не стал ждать утра, пошел пешком, вспоминая пословицу: для бешеного кобеля пять верст не крюк, — хотя от Топилл до Чернавы было больше двенадцати километров, и этот путь он уже проходил пешком не раз, в том числе зимой, в мороз, без дороги, на одном дыхании.

Но ему повезло: на втором километре Арсения догнал «уазик» с брезентовым верхом, называемый в народе «козлом», и водитель подобрал военного человека, несмотря на то, что «козел» был забит пассажирами до отказа.

Уместились.

Доехали.

Арсения высадили в центре села в час ночи. До избы тещи он добежал за десять минут.

Конечно, его не ждали. А когда проснувшаяся жена, теплая, милая, домашняя, умопомрачительно пахнущая чистым телом и ландышами, бросилась к нему на шею, Арсений почувствовал себя на седьмом небе от счастья...

Боль отрезвила: он так прикусил губу, что выступила кровь.

Воспоминание втянулось в глубины души, оставив тоскливый след. Кто сказал?

Со своей душой наедине
Остаюсь, чтоб устремиться к Богу.
Устремиться к слову или к слогу —
Дай, Всевышний, высказаться мне...

Дай, Всевышний! Или верни меня в прошлое, а уж об остальном я позабочусь...

Арсений Васильевич поднял лицо, слепо посмотрел в потолок.

Никто не откликнется.

Никто не придет на помощь, не успокоит, не погладит по голове, как в детстве, не скажет ласково, как бабушка:

— Соколик мой ясный, не кукусь, все пройдет...

Или как жена:

— Арсений, ну что ты как маленький, не переживай, все обойдется, я же с тобой...

— Мила, если бы ты знала, как мне тебя не хватает!

Он поднялся, побрел в ванную комнату, умылся холодной водой, вернулся в спальню, лег, но сон все не шел, в голову лезли воспоминания, и лишь усилием воли Арсений Васильевич выбрался из дебрей памяти и принялся размышлять о своем положении.

Расен пришел не один. Вместе с ним в квартиру Марины вошел высокий худой старик, седоволосый, седобородый, с пронзительным взглядом голубых глаз. Одет он был в обычный гражданский костюм, разве что рубаха имела стоячий ворот, расшитый красным орнаментом. Но Арсений Васильевич сразу почувствовал его внутреннюю силу и жестом пригласил гостей присесть.

Они поклонились, есаул сел, сказал негромко:

— Твоя внучка у нас, Арсений, не волнуйся. Мы пришли поговорить. Это Симеон-родомысл.

С души Арсения Васильевича свалился камень.

— Стеша... у вас?! Слава Богу!

— Бог здесь ни при чем, — улыбнулся Симеон. — Хотя слово «слава» мне нравится. К великому сожалению, многие забыли, что богов своих надо славить, а не просить у них помощи и подарков. Предки наши не просили.

— Где они, эти предки... — глухо проговорил Арсений Васильевич.

— С нами, — спокойно ответил Симеон. — В душе, в сердце. А кто забыл об этом — мучается всю жизнь. Вот как ты, к примеру.

— Я не мучаюсь...

— Хорошо, коли так.

Арсений Васильевич усмехнулся:

— Вы пришли наставить меня на путь истинный?

— Я знаю, что у тебя есть вопросы, и пришел, чтобы ответить на них. Решать, что делать, будешь ты сам.

Арсений Васильевич с трудом сдержал резкое слово, уловив в речи гостя скрытый укор.

— Хорошо, поговорим. Кто вы?

— Вообще или я лично?

— Вы лично?

— Родомысл общины «Русь». Иногда нас называют дворниками — от аббревиатуры ДВОР: Духовно-Ведическая община «Русь».

— Родомысл — это мудрец, волхв?

— В некоем роде, хотя волхвами мы себя не называем. Время волхвов прошло, и это понятие уже не отражает истинного значения термина. Родомыслы — деятели, оказывающие благотворное влияние на судьбы людей, народов, целых государств — в зависимости от уровня влияния. Среди нас есть полководцы, князья, монархи, ученые, писатели, ну и ведуны, целители, хранители традиций Рода.

— Чем вы занимаетесь?

— Размышляю, даю советы. Веду счет Роду. В настоящее время помогаю Рати Рода беречь и хранить Русь-матушку.

— А конкретно?

— Пожалуйста. Система Сатаны, которой ты служил, — название достаточно условно, однако смысл отражает, — пытается нарушить сложившееся равновесие сил на Земле, изменить системный алгоритм — Божественный Замысел, чтобы захватить абсолютную власть, а для этого ей надо уничтожить Русь-Россию. Кое-что ей удалось сделать: Русь завоевана чужеродцами, поставлена на колени, население страны катастрофически сокращается...

— Пропаганда...

— Правда! Только за годы правления господина Ельцина население Руси сократилось на одиннадцать миллионов человек и продолжает сокращаться.

— Вы говорите как ученый-историк или социолог.

— А он и есть ученый, — вставил слово Расен. — Академик РАН, профессор, доктор исторических наук.

Арсений Васильевич невольно покачал головой:

— Отличные у вас кадры...

— Не жалуемся.

— Мы тоже не лыком шиты и не пальцем деланы, — добавил есаул.

— Расен! — свел брови Симеон.

— Прошу прощения.

— Кроме того, Система успешно действует и по другим направлениям, используя методологическое и идеологическое оружие, против которого очень трудно найти противоядие.

— Телевидение, радио, СМИ...

— Финансы, образование — на государственном уровне, мировые религии, историко-философские системы — на сверхгосударственном. Борьба с ними осложняется тем обстоятельством, что Система-то как раз с системой не является, это бесструктурный тип управления, способный порождать структуры и центры в нужный момент, которые, сделав дело, тут же распадаются, самоликвидируются.

— А Диспетчер?

— Ваш Диспетчер — пример такого временного центра. Сейчас он есть, завтра может исчезнуть, но обязательно в другом месте возникнет подобное конкретное образование.

— Мне говорили, что он — конкретное существо, не человек...

— Так и есть.

— И вы знаете, где он находится?

— Догадываемся. К сожалению, на него работают очень многие институты и спецслужбы, поэтому очень трудно вести успешную разведдеятельность. К тому же нам приходится биться на два-три фронта и отражать атаки с многих сторон.

— Что вы имеете в виду?

— Ты ведь корректировал социум чужого мира — Карипазима? Знаешь, как это делается?

— Я манипулировал... оперировал... потоками энергии...

— Ты был внешним оператором по отношению к Карипазиму. Точно такой же оператор, а точнее — прайд операторов, их ныне двенадцать штук, управляет и Землей. Диспетчер, как внутренний оператор, лишь систематизирует их работу, привлекая нужных специалистов.

— А если его... уничтожить?

— В принципе, это мало что изменит, хотя тактически такое событие полезно. И все же не стоит брать грех на душу, с Системой надо бороться иначе.

— Как?

— На основе чего жрецам Системы можно было закодировать человечество, превратить людей в рабов? Только на основе сокрытия изначального ключа познания Вселенной. Надо было дать такое представление о положении вещей, которое внешне казалось бы правдоподобным, а на самом деле являлось бы ложью. И таких парадигм было внушено человечеству великое множество, от религиозных — типа Торы, Ветхого Завета и буддист-

ского пофигизма, до научных — работ Эйнштейна, Канта и других. Плюс внушение калейдоскопического — не целостного — восприятия мира плюс наркотики, алкоголь, курение, доказательство правомерности однополрой любви. Примеров можно привести множество.

— Неужели с этими явлениями можно бороться? — недоверчиво проговорил Арсений Васильевич.

— Можно и нужно, — серьезно кивнул Симеон. — Как говорил замечательный поэт, наш родич: «Познай, где свет, поймешь, где тьма». Мы создаем «школы света», люди начинают прозревать.

— Что-то я не вижу особых результатов... мы все время воюем... растет число террористов-смертников... больных детей рождается все больше...

— Это результат действия «Закона сброса» населения: Биосфера недовольна нами, нашей деятельностью, давлением техногенного фактора. Однако данная проблема требует отдельного и обстоятельного разговора. Могу добавить, что на обстановке сказалась и деятельность наших «пастухов»-экзоров, управляющих Землей. Они выбрали неверную стратегию коррекции — посредством создания антагонистических энергоинформационных массивов, что привело мир к росту количества конфликтов, войн, терроризма и криминального передела власти. Что опять же работает на «Закон сброса». В общем раскладе сил на арене истории отдельные локальные бифуркации не играют большой роли. Просто тот, кто переиначил Божественный Замысел и построил нашу Вселенную, не знал иного способа Познания Мира. Равновесие нельзя поддерживать с помощью непрерывных войн. В глобальном плане фактор силы не должен иметь решающего значения. Главным фактором поддержки баланса должен быть фактор знания.

— Я это понял...

— Честь тебе и хвала. Хотя следовало сделать это раньше. Добавлю: закон, отрицающий совесть, не закон Божий! Да и единство и борьба противоположностей не является универсальным законом. Спектр взаимодействий потоков информации — и жизни — намного шире. Равновесие — в гармонии! Свет и Тьма не воюют! Зло и Добро — чисто человеческие категории, и они не враги! Враги — Зло и Зло! Воюют лишь те силы, которые х о т я т войны и власти.

— Но ведь и вы... воюете?

— Непротивление Злу — ложная стратегия! Это философия тех, кому нечего терять. Отрицание войны как инструмента регуляции социума вовсе не означает, что если носитель Зла хо-

чет тебя унижить, убить, то с ним не нужно сражаться. Нужно! Это Закон утверждения права жить! Не больше и не меньше. Наши враги демонстрируют абсолютное презрение к жизни, как чужой, так и своей. Именно поэтому им нет места на Земле!

— Я не хочу воевать...

— Никто тебя и не принуждает воевать, — мягко сказал Симеон. — Однако и в стороне остаться тебе не дадут. Нельзя долго сидеть меж двух стульев. И выбор тебе все равно придется делать.

Арсений Васильевич опустил голову. На душе стало тоскливо.

Решимость его освободить Марину и Максима после попытки захвата у особняка полковника Пишелко дала трещину. Не хотелось ни напрягаться, ни что-то делать, ни вообще думать о каких-то боевых действиях. Но и выглядеть в глазах гостей слабым и нерешительным тоже не хотелось.

— Дед Павел... вы его знаете? — через силу сказал Арсений Васильевич.

— Разумеется, это один из наших ведунов-душезнатцев.

— Он утверждал, что на Земле два вида людей... в смысле, не расы и не этнические группы...

— Это правда. Истинно люди — люди чести, совести, справедливости, добра, правды, любви. Богорожденные и потомки богорожденных. И бироботы, не отличимые от настоящих людей, созданные жрецами для выработки энергии страха, боли, чувственного наслаждения, злобы, жажды власти, расплодившиеся со временем. Они-то как раз и являются основной рабской силой Системы, сосущей энергию человечества. Вот почему Система нынче торжествует: псевдолюдей легче обмануть, легче запрограммировать, заставить поверить в ложь, воевать, уничтожать себе подобных. Их — легион!

— Но тогда Система... непобедима?

— Непобедима Правда. Остальное — временно. Просто мы живем в переломное время, отчего кажется, что все плохо. Пока на свете есть истинно люди, жив и Божественный Замысел.

— Я... сомневаюсь...

— Если радость кончается, как говорил один мудрец, ищи, в чем ошибся¹. У тебя еще есть вопросы, родич?

Арсений Васильевич помолчал, поглаживая пальцем циферблат часов на руке.

— Если существует Рать... община... почему об их создании и деятельности никто не знает?

— Во-первых, знают многие, — возразил Расен. — Главное, те, кто интересуется корнями русского Рода и хочет что-то изме-

¹ Л. Толстой.

нить в жизни. Во-вторых, нам нет смысла кричать на всех углах о нашей работе. Она видна тем, кто понимает ситуацию.

— И в-третьих, — добавил с усмешкой Симеон, — все средства массовой информации, включая телевидение, находятся в руках наших врагов, а они-то уж никак не заинтересованы рекламировать деятельность ДВОР.

— И все же я хотел бы знать...

— Пожалуйста. Два примера, из тех, которых ты не знаешь. Система работает на Земле много тысячелетий. И все это время она пытается уничтожить силу, которая ей сопротивляется. Это наш Род, уходящий корнями в седую древность.

— Гиперборея...

— Именно так. Дважды Системе удавалось брать верх: когда она с помощью темных магов сбросила на Землю астероид, в результате чего погибли почти все цивилизации планеты и резко изменились формы биосферы, и когда она столкнула лбами две суперцивилизации.

— Атлантиду и Гиперборею...

— И это верно. Причем опять же на оба континента были сброшены астероиды. Так вот наша ратная служба вынуждена принимать превентивные меры, чтобы на возрождающуюся Русь не был сброшен очередной астероид.

Арсений Васильевич скептически поджал губы, исподлобья глянул на собеседника:

— Вы обладаете такой мощью?

— Община, как и каждая общность людей, является энерго-полевым структурным образованием — эгрегором, вырабатывающим и объединяющим энергию. Пока нам удастся отводить астероиды мимо Земли, сил хватает. Однако наш враг не дремлет и ввел в действие более эффективные типы оружия — концептуально-методологическое, информационное, поголовное психоманипулирование с помощью прямого воздействия на психику людей и, что более действенно, через средства массовой информации. Это оружие действует медленнее, нежели материально-физическое, зато эффективнее.

— Но ведь с ним бороться... невозможно...

— Мы боремся. Рать Рода — не только витязи, спецназ, военные люди, защитники чести и достоинства, но и писатели, поэты, ученые, политологи, историки. Нас мало, но вместе мы — сила, которую Система боится и которую пытается дискредитировать любыми способами. Особенно работает метод клейма: любые наши попытки заявить о себе, защитить свои права тут же называются «националистическим бредом», «шовинизмом», «оскорблением других наций» и даже «фашизмом», попробуй потом

отмойся. Но мы боремся с врагом и на этом поле. Достаточно примеров?

Арсений Васильевич опустил голову. Он не знал, что ответить, ни гостю, ни себе.

Расен встал:

— Пусть подумает, я позвоню ему утром.

Поднялся и родомysl:

— Думай, родич. Тебе помогли обрести владение, дали свет и меч, зажгли свет впереди. Теперь твой черед делать шаг вперед, преодолеть душевную лень. И очень тебя прошу: не спеши действовать, не делай ошибок. То ты месяцами живешь как перекати-поле, то вдруг срываешься с места и ныряешь в омут неподготовленного де я н и я. Если бы не наши ратники, твою внучку увели бы враги, а ты уже и так потерял много.

Хлопнула дверь. Гости ушли.

Арсений Васильевич остался сидеть, понутив голову. Уши пылали, на душе скребли кошки, хотелось напиться до бесчувствия и забыть обо всем.

Тихо проблеял телефон.

Он встрепенулся, поднял трубку. Там царила глухая тишина.

Кто-то посмотрел на него, внимательно, оценивающе, с сомнением и надеждой.

— Мила, — прошептал он с комом в горле. — Я не знаю, что мне делать, помоги советом...

В трубке запульсировали гудочки отбоя.

Дощечка пятая

ПРЕОДОЛЕНИЕ

СИЛА

Хмурые тучи ползут над окраиной деревни, едва не цепляясь за трубы и крыши домов. Ветер дует порывами, неся мелкую водяную пыль. Холодно, сыро. Но Арсик ничего не замечает, наблюдая за тем, как его кораблики, вырезанные из толстой сосновой коры, плывут по огромной луже напротив дома: целая флотилия — двенадцать шхун, бригов, фрегатов под белыми и алыми парусами. На другом берегу «океана» — вражеская крепость с пушками, также вырезанными из коры, стенами и башнями из лучинок, и тысячи солдат, готовых открыть пальбу из мушкетов. Правда, в натуре солдат и мушкетов нет, их Арсений видит в своем воображении, но все равно будущее сражение захватывает дух. Еще немного — и начнется пальба.

А пока корабли плывут, подгоняемые ветром, не зная, что ждет их впереди...

На лицо упали капли дождя.

Арсений Васильевич поднял голову.

Низкие хмурые тучи придавили заросшее травой поле. Ветер. Холодно, сыро. Но это не Родомль, это небольшой аэродром под Жуковском, старый, практически не действующий, хотя здесь все еще стоит ангар чуть ли не столетней давности, вышка центра слежения и два стареньких «Ил-18», один из которых еще летает.

Впрочем, все это камуфляж. На самом деле здесь находится база РРР, спрятанная от любопытных глаз в подземных бункерах. И охраняется она очень даже неплохо и современными средствами, вплоть до лазерных сканеров и скрытых телекамер.

Послышался стрекочущий гул.

Арсений Васильевич вытер мокрое лицо ладонью, оглянулся.

Часть пейзажа с холмиком и кустами ракитника начала опускаться, ушла в сторону. Из открывшейся дыры площадью около шестисот квадратных метров вылетела металлическая стрекоза, зависла над полем. Платформа с гулом встала на место, закрыв отверстие подземного ангара. Пейзаж принял прежний вид. Вертолет опустился на траву летного поля, из него выпрыгнул летчик, махнул рукой.

— Идем, — сказал неслышно подошедший Расен.

Арсений Васильевич залез в вертолет; это был десятиместный «Ка-34», окрашенный в небесно-голубой цвет.

Вслед за Гольцовым и Расеном влезли еще четверо мужчин в камуфляже, похожие на пришельцев из космоса множеством приспособлений, кармашков, молний, зажимов и чехлов для оружия, и шлемами с черными стеклянными пластинами на глазах.

Есаул РРР покосился на спутника, наклонился к уху:

— Обойма поддержи.

Арсений Васильевич промолчал. Он до сих пор не был уверен в правильности своего выбора. Но теперь уже поздно было что-либо менять.

Поиски Максима и Марины неожиданно привели их в Серпухов.

Сначала Арсений Васильевич, выйдя в ментал, попытался уточнить местонахождение дочери и ее друга на прежних местах — в Бескудникове и в поселке телеакадемиков. Но их там не оказалось. Упустив Гольцова возле усадьбы полковника Пищелко, Система решила изменить тактику и перевезла «подсадных уток» в другое место. Куда именно — стало известно лишь после выхода Арсения Васильевича в общее энергоинформационное поле Земли. Новым местом заключения майора и Марины стал Серпухов. Точнее — секретный объект практически в центре города, недалеко от мужского Высоцкого монастыря, известный как «Автопредприятие № 17». На самом деле на территории автопредприятия располагалась база Системы, о чем Арсению Васильевичу доложил Расен. Естественно, база была хорошо замаскирована, укреплена и охранялась, наверное, не хуже государственных военных объектов. Однако делать было нечего, условия схватки диктовала Система, и ратники ДВОР вынуждены были эти условия принять.

Готовились к штурму базы два дня.

Все это время Арсений Васильевич жил у Расена, занимался с внучкой, размышлял о жизни, о своем странном положении, искал оправдание собственных поступков и соглашался с внутренним «я», которое то успокаивало его, то, наоборот, злобно упрекало в отсутствии цельности и твердости характера, а также в импульсивности принимаемых решений. Как правило, принятые впопыхах решения оказывались ошибочными. Вполне возможно, что и решение войти в состав десантной группы, собиравшейся освободить близких Гольцову людей, тоже было поспешным и непродуманным.

Вечером двадцатого сентября Расен пришел домой не один, а с командиром спецгруппы, бывшим полковником ВДВ Петром

Батогом, и они втроем долго обсуждали план штурма базы Системы в Серпухове. План был дерзок и рассчитан по минутам и секундам. Разрабатывали его специалисты своего дела, и Арсений Васильевич вынужден был признать, что он имеет шансы на успех. Ему в операции отводилась одна из главных ролей — прогнозирование непредвиденных осложнений и угроз, что являлось для него и дополнительным стимулом, и источником нервного напряжения. Впрочем, даже если бы он и захотел отказаться от участия в освобождении дочери, вряд ли признался бы в этом своим новым друзьям из РРР. Они шли на смертельный риск добровольно, ради спасения чужих им людей, и не переживали по этому поводу.

Ранним утром двадцать первого сентября Расена и Арсения Васильевича доставили на аэродром в Жуковском, откуда и началась бунтарская эпопея Гольцова против Системы. Ему даже захотелось заехать к себе домой, позвонить друзьям, услышать новости, рассказать о своих приключениях. Но мысль мелькнула и исчезла, о встрече с друзьями можно было помечтать и после операции.

Вертолет взлетел.

Арсений Васильевич откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза, настраиваясь на рабочий лад. До места назначения лететь было всего час, и за это время он должен был войти в состояние владения, чтобы не терять времени на процесс подготовки в точке посадки.

Внезапно на десятой минуте полета ровный гул двигателей прервался, на мгновение наступила странная глухая тишина, растянувшаяся для него на целую минуту, если не больше. Арсений Васильевич слышал шелест вертолетных винтов, каждый лопасти по отдельности: шширхх... шширхх... шширхх, — и почувствовал приближение острой разящей стрелы, попадание которой — как пули в птицу — превращает полет в падение. Вот она в километре от вертолета... ближе... шестьсот метров... четырехста... триста пятьдесят...

Еще не осознав окончательно, что это означает, Арсений Васильевич крикнул:

— Вниз! Быстрее! Она близко! — и добавил в ответ на взгляд Расена: — Ракета!

Неизвестно, каким образом Расену удалось в течение долей секунды связаться с пилотом и объяснить ему, что надо делать. Однако тот отреагировал мгновенно.

Вертолет резко свернул влево и завалился в штопор, демонстрируя фигуры высшего пилотажа.

Смертельная стрела тоже метнулась вправо-влево, пытаясь

догнать винтокрылую машину, но не смогла, пролетела мимо и где-то там, в тучах, расцвела неярким веером взрыва.

Еще некоторое время пилот бросал машину в крутые виражи, сбивая прицел неизвестному зенитчику с ПЗРК, однако второго выстрела не последовало. Стрелок понадеялся, что одной ракеты будет достаточно, а потом вертолет вышел из зоны поражения.

— Хорошая работа, — сказал Расен хладнокровно.

Арсений Васильевич хотел ответить, что ничего особенного он не сделал, но вовремя понял, что речь шла о пилоте. Тот действительно показал мастерство высочайшего класса.

— Интересно, — продолжал есаул уже другим тоном, — как они нас засекли?

— Боюсь, их разведка вышла на нашу базу, — нахмурился Батог. — Если так, они в любой момент могут бросить на базу федералов. Может быть, вернемся?

Расен посмотрел на Гольцова.

— По сути, операция «засвечена», нужен другой ход. Но ведь так думают и наши враги? Твое мнение?

— Не знаю, — пробормотал Арсений Васильевич.

Есаул некоторое время изучал его лицо, потом отвернулся к Батогу:

— Предупреди наших на месте, пусть порыщут в округе, найдет стрелка. Продолжаем наши танцы.

Через сорок минут вертолет снизился и сел на окраине Серпухова.

Погода благоприятствовала десанту и здесь: тучи висели низко над городом, моросил дождь, видимость была почти нулевой.

Датой рождения Серпухова считается тысяча триста тридцать девятый год, когда он был впервые упомянут в завещании Ивана Калиты. Со второй половины шестнадцатого века, после постройки белокаменного кремля, город становится важнейшей крепостью на южных границах тогдашней России. С тех времен сохранились многие памятники старины, в том числе остатки древних стен на кремлевском холме, небольшие колокольни, церквушки, монастыри — мужской Высоцкий, где хранится чудотворная икона Богоматери «Неупиваемая чаша», и женский Владычный, Троицкий собор, боярские палаты, привоз.

Автопредприятие № 17 располагалось на месте старой ситце-набивной фабрики, где до этого стояли хозяйственные лабазы купца Зосимы Серпуховского, а еще раньше — подземные пыточные камеры царского наместника Ставровича. Арсений Васильевич полагал, что пыточные камеры — это легенда, но Расен откуда-то достал самые настоящие чертежи камер, подземных коммуникаций и остального хозяйства автопредприятия, при-

шлось только пожать плечами, соглашаясь с есаулом, который и предложил подобраться к базе Системы по древним ходам и пещерам. У Арсения Васильевича родилось сомнение, что рискованное мероприятие сорвется, если ходы окажутся заваленными, замурованными или охраняемыми, но командир ратников усач Батог с добродушной усмешкой проворчал: нам лучше всего удаются предприятия невыполнимые, — и Гольцов не рискнул высказывать свое мнение вслух.

Отряд РРР ждали машины: темно-серая «Волга» и черный «Фольксваген Туарег». Расселись по машинам, двинулись в путь.

Дождь усилился, сокращая и без того плохую видимость, впереди колыхалась сизая пелена, по бокам мелькали размытые силуэты деревьев, редких строений и еще более редких машин. Но водители знали дорогу как свои пять пальцев и ни разу не замедлили скорость, не спросили, куда надо ехать.

Миновали кремль с громадой Троицкого собора, потом Серпуховской краеведческий музей, свернули к реке, попетляли по узким улочкам и остановились у глухого забора из высоких бетонных плит.

— Приехали, — сказал Расен будничным тоном, посмотрел на спутника. — Ты готов?

Арсений Васильевич, давно настроившийся на манипулирование энергопотоками, кивнул.

— Выходим.

Вылезли из машины под непрекращавшийся дождь.

Арсений Васильевич огляделся с недоумением, не увидев никого из сопровождавших их ратников.

— Они уже в колодце, — подсказал Расен, угадывая мысли Гольцова.

Только теперь Арсений Васильевич разглядел загороженное бортом «Туарега» отверстие канализационного люка.

— Сюда?

Расен вместо ответа полез в люк.

Арсений Васильевич вынужден был последовать за ним.

В нос ударили запахи гнили, испражнений, нечистот и медикаментов, будто по дну канализационной трубы стекали отходы и вода какой-то больницы. Однако труба оказалась почти сухой, хотя вонь от этого меньше не стала. Вверху звякнула задвигаемая крышка люка, стемнело.

Впереди вспыхнул фонарь, освещая чьи-то ноги в сапогах.

— Пошли, — сказал Расен негромко, направляясь в ту сторону. — Труба выведет нас к автобазе.

Арсений Васильевич промолчал. Он знал условия проникновения группы на территорию автопредприятия.

Высота трубы не позволяла идти во весь рост, приходилось сгибаться и двигаться на полусогнутых ногах. Ратники шагали практически бесшумно, как и есаул. Арсений Васильевич сначала цеплялся за разный мусор, скрипел песком и обломками бетонных плит, потом приноровился и тоже перестал шуметь.

Отшагали двести метров, поднялись по скобам колодца к люку. Задержались на минуту, пока спецназовцы обеспечивали безопасный выход группы на поверхность. Расен тронул спутника за руку, шепнул на ухо:

— Твоя очередь выходить на сцену.

Перед глазами Арсения Васильевича развернулась знакомая картина энергоинформационных связей данного района: серый фон, темные сгущения зданий, строений, сооружений, сеть более светлых прожилок — линий электропередачи, множество ярких точек — бытовые приборы, работающие электроплиты, телевизоры, двигатели автомашин, и пульсирующие колечки и звездочки — ауры живущих здесь людей. Вместе с тем другая часть мозга превратилась в своеобразный объемный биолокатор, отразивший ту же картину в ином диапазоне волн и цветовых сочетаний. Теперь Арсений Васильевич мог мысленно-волевым усилием подключаться к мыслесферам других людей и ощущать их настроение и намерения.

— Что? — коснулись уха губы Расена.

— Все в порядке, — так же тихо ответил он. — Максим и Марина здесь, в одном из подземных бункеров. Их охраняют четверо, с оружием. Еще четверо дежурят на втором подземном этаже. На первом — монитор службы контроля, шестеро в разных помещениях. На земле людей побольше, но только трое или четверо из них вооружены.

— Где эти трое?

— Все-таки четверо... там такое длинное здание — ангар с машинами, в торце — подсобное помещение, из которого есть ход вниз, под землю. И не один, по-моему, там еще лифт. Плюс телекамеры и лазеры.

— Ясно. — Расен выдвинул усик рации из воротника куртки (Арсений Васильевич видел его совершенно свободно, как днем, несмотря на полную темноту колодца). — Батог, ангар тридцать румбов на север, четверо комбатантов, лазерно-телекамерный контроль.

Ответа Арсений Васильевич не услышал, а Расен не стал сообщать, что сказал ему командир спецгруппы.

Прошла минута, другая... пятая...

— Пошли, — уже нормальным голосом — не шепотом — проговорил есаул. — Ребята вскрыли сейф.

По-видимому, это означало, что десант РРР обезвредил охрану секретного входа на базу Системы.

Они вылезли из люка под дождь, перебежали небольшую площадку с бензовозами, вошли в открытую дверь огромного деревянного строения, напоминающего барак. Свет внутри барака не горел, но это не мешало обоим ориентироваться в темноте.

Прошли ряд застывших грузовиков и подъемных кранов, приблизились к перегородке, дверь в которую была распахнута настежь. Помещение за перегородкой походило на контору: три стола, компьютеры, металлические шкафы с лежащими на полках папками, стенд с автозапчастями. Тело на полу. Рядом дыра люка.

Расен молча полез в люк.

Арсений Васильевич почувствовал озноб, обошел неподвижное тело: в голове трупа чернело пулевое отверстие, — быстро спустился за есаулом.

Помещение с голыми бетонными стенами и металлической дверью. На стене устройство кодирования замка с мигающей оранжевой искоркой. Дверь открыта, толстая, сейфовая — гранатой не прошибешь. За дверью короткий коридор, освещенный тусклой лампой в сетчатом колпаке, стены — из гофрированного серого материала, пол покрыт плиткой, потолок бетонный. В тупике коридора еще одна дверь с табличкой: «Вход воспрещен. Токсичные отходы».

Четверо десантников, ушедших вперед, замерли у двери с оружием в руках: у троих — стрелково-гранатометные комплексы «Соловей», у командира — снайперский комплекс «Винторез» образца две тысячи четвертого года. И у всех четверых — бесшумные пистолеты «варяг» калибра девять миллиметров с емкостью магазина восемнадцать патронов. Плюс еще какие-то необычного вида стреляющие «игрушки», закрепленные в спецзажимах на груди и на бедрах комбезов.

— Время пошло, — шевельнул усами Батог. — Через пять минут сработает контролька и включит тревогу.

— Откроешь? — кивнул на дверь Расен. — Или будем взрывать?

Сам он был вооружен только ножом, что, однако, не уменьшало степень опасности этого человека.

Ратники расступились.

Арсений Васильевич подошел к двери, ведущей в подземное хозяйство базы.

Дверь была такого же типа, что и первая, открытая ратниками с помощью монитора наверху. Ее запирал электронный замок, требующий наличия кодового ключа-карты. Такие системы

имели огромный запас цифровых комбинаций, и для подбора кода даже с помощью компьютера требовалось много времени.

Арсений Васильевич напрягся.

Панель замка стала прозрачной. На красном фоне стены проступила сеть пульсирующих электрических жилок, паутина микропроводников, соединяющих чипы и почти невидимые узлы микросхем. Знание принципа работы системы пришло само собой, словно из глубин памяти всплыл воздушный шарик и развернулся в инструкцию — как заставить замок открыться, не применяя ключа. Арсений Васильевич слепо погладил рукой панель, сосредоточился и мысленно-волевым усилием заблокировал нужные цепи.

Замок щелкнул, сработал исполнительный механизм, вытаскивая два ряда металлических пальцев, дверь начала открываться.

— Где пленники? — быстро спросил Расен.

Арсений Васильевич сориентировался в пространстве базы:

— Они на третьем этаже... там развилка трех коридоров, ниша в стене, где находится охранник с монитором... и еще трое — в каждом коридоре...

— Что нас ждет за дверью?

— Какой-то склад, коридор, пост охраны...

— Все, парни, за работу!

Дверь открылась, спецгруппа Батога бесшумно скользнула в темноту помещения, исчезла за штабелями ящиков и бочек.

— Жди здесь, — коснулся плеча Гольцова есаул. — Учнешь конкретную опасность — дашь знать.

— Как? У меня нет ни рации, ни мобильного...

— Разве тебе нужен мобильник? Настройся на меня и поддерживай канал связи открытым. Ты же это умеешь.

— Х-хорошо.

Расен растворился в воздухе, догоняя ушедших вперед десантников.

Арсений Васильевич сосредоточился на включении ауры есаула в свою «карту пси-контроля» и получил ответ: образ подмигивающего глаза, мягкий прыжок-полет барса, оскал зубов, полет пули... Так воображение отреагировало на посланный есаулом ментальный импульс. Все-таки возможности ратника РРР превосходили возможности нормального человека, даже специально тренированного. Во всяком случае, он владел мысленной связью и, скорее всего, умел читать мысли собеседника. Мимолетно подумав об этом (неприятное открытие, надо признаться), Арсений Васильевич двинулся вслед за Расеном на территорию склада, разглядывая ящики (кстати, в них находится оружие: автоматы, гранатометы, переносные зенитно-ракетные комплексы и мины!) и одновременно следя за развитием собы-

тий на двух уровнях ощущений сразу: схематически-виртуальном и объемно-голографическом. Впрочем, это его уже не удивляло, выведенная из подсознания криптоинформация по сути превратила бывшего завлаба в магического оператора, который мог творить и не такие чудеса.

Между тем события продолжали развиваться своим чередом.

Ратники рассредоточились. Двое принялись «чистить» первый горизонт базы, двое спустились на второй, Расен же направился сразу на третий, превратившись в текучую призрачную струю д в и ж е н и я.

Арсений Васильевич переключился на связь с Мариной.

Дочь откликнулась моментально, родная душа, хотя и не сразу поняла, что происходит:

— Папа?!

Она сидела, обхватив плечи руками, на кровати в тесной комнатке, не имеющей ничего лишнего, только кровать, крохотный туалет и полка с книгами. Услышав мысленный голос отца, вскочила, озираясь, и лишь после второго ментального вызова сообразила, что отец находится вовсе не рядом или за дверью, а в другом месте.

— Папа, где ты?!

«Я скоро приду за тобой, милая, — произнес Арсений Васильевич мысленно. — Не суетись и вслух ничего не говори».

— Я поняла. — Дочь перешла на «молчаливую речь». — «Где ты пропадал так долго?»

«Потом объясню, жди».

«Где Максим?»

«Недалеко от тебя».

«Он тоже здесь?!»

«Успокойся, веди себя тихо, за тобой наблюдают».

Арсений Васильевич послал дочери мысленный поцелуй, переключился на мыслесферу Разина.

Майор в отличие от Марины лежал на кровати и читал книгу. Почуввав мысленное присутствие Гольцова, поднял голову:

— Арсений Васильевич?

Судя по спокойному голосу, он ничуть не удивился «виртуальному появлению» отца Марины.

«Да, это я. Теперь моя очередь спасти вас. Будьте готовы, наши люди будут у вас через пару минут».

Максим отреагировал на это странным образом, двойственно, и Арсений Васильевич заподозрил неладное.

— Отлично, я готов, — сказал майор вслух.

«Отлично, все идет по плану», — проговорил кто-то внутри его.

«Мы пропали...» — еле слышно, с тоскливой обреченностью, добавил тонюсенький мысленный голосок-всхлип.

Арсений Васильевич замер, анализируя свои ощущения, и вдруг почувствовал морозный ветерок, протекший по спине к затылку. Показалось, где-то в недрах базы внезапно возникла заполненная мраком полость, лопнула, и мрак потек во все стороны враждебными всему живому ручьями.

«Расен! — опомнился Арсений Васильевич. — Это ловушка! Засада! Не знаю, почему я ее не почувал...»

«Види, — отозвался есаул. — Поздно отступать. Попробую вывести твоих наверх, помоги, если сможешь».

«Максим... э-э, майор, похоже, кодирован...»

«Ты хочешь оставить его здесь?»

«Н-нет».

«Тогда разговорам конец!»

Мыслесвязь прервалась.

Арсений Васильевич глубоко вздохнул, чувствуя эйфорическое возбуждение, проговорил мысленно: ни пуха ни пера, экзор! Сам же ответил себе: к черту! Напрягаться, лезть из кожи вон, драться по-прежнему не хотелось, но на кону стояли судьбы доверившихся ему людей, жизнь Марины, душа ее друга, и обмануть их он не мог, не имел права.

У вас был план, господин Диспетчер? Вы специально перевели моих близких в это место, чтобы устроить засаду? Что ж, план был хорош, мы клюнули, тем приятнее будет расстроить его.

Он сосредоточился на своих резервах, несколько секунд настраивался на режим боевого транса, охватывая подключавшимися к процессу **н а д ч у в с т в е н н ы м** и системами все новые и новые горизонты видения и подгоняя под предстоящее действие двигательльно-опорный аппарат, сердечно-сосудистую, нервную, сигнальную, парасимпатическую системы, и наконец обрел некий новый качественный **л о к у с**, который вывел его за пределы человеческих возможностей.

Черные струи, прорвавшиеся из лопнувшей полости (по-видимому, засадная группа до поры до времени сидела в каком-то хорошо экранированном бункере), продолжали двигаться, охватывая все горизонты базы, но кое-где их продвижение замедлилось, потому что вступили в бой ратники Батога. Сам Расен призрачным вихриком скользил по коридорам и лестницам базы, пересек одно из черно-туманных шупалец (оно распалось на отдельные черточки и пятнышки, рассосалось), опустился на третий горизонт, где располагались камеры с пленниками.

Арсений Васильевич легко сориентировался, нашел нужные переходы, вентиляционные и лифтовые шахты, колодцы, трубы, передал Батогу мысленный приказ-совет — куда надо направ-

лять ратников (командир группы не удивился его мысленному проявлению, что говорило о его высоком профессионализме), а сам, превратившись в трассу тающих призраков, скользнул к выходу из помещения склада. Началась смертельная игра двух боевых систем, управляемых своими лидерами — Диспетчером и его бывшим подчиненным, освободившимся от зависимости. Игра, финал которой не смог бы просчитать ни один из них. Но если на стороне Диспетчера было численное превосходство «пешек»-охранников, то на стороне Арсения Васильевича — ратники РРР, профессионалы боя экстра-класса, в том числе Расен, владеющий одним из древних воинских умений, равных которому среди современных техник боя не было. Да и сам бывший экзорц владел той же техникой, подкрепленной проснувшимся в памяти знанием приемов боя, которые были разработаны еще дочеловеческими цивилизациями.

Первый подземный этаж базы он проскочил без контакта с противником. Отреагировал на вызов Расена — на бегу разблокировал замки на камерах, где сидели Марина и Максим.

На втором этаже он легко обыграл и ликвидировал отряд чужого спецназа в количестве четырех единиц (все они были упакованы в новейшие боевые костюмы и вооружены не хуже ратников Батога), заставив их стрелять по своим.

На третьем вышел в тыл продвигавшейся к камерам группе в количестве трех человек и по сути спас от неминуемой гибели Расена и Марину, которую есаул успел вывести из камеры. Спецназовцы засады не ожидали появления противника в тылу и открыть огонь не успели.

Расен ничего не сказал, став свидетелем короткого боя Гольцова с тремя вооруженными до зубов бойцами засадной группы, но его взгляд был настолько красноречив, что Арсений Васильевич почувствовал себя почти счастливым.

— Папа! — бросилась к нему на грудь Марина, зарыдав.

— Все хорошо, моя милая, — погладил ее по волосам Арсений Васильевич. — Я тебя никогда больше не брошу, тебя и Стешу.

— Не время для сантиментов, — сказал Расен, подбирая выпавшие из рук поверженных охранников автоматы «печенег». — Надо выбираться отсюда.

В конце коридора мелькнул светлый силуэт.

Есаул вскинул автоматы и опустил. Это был один из ратников Батога, прорвавшийся на третий горизонт базы.

— Митя погиб, — сказал он коротко. — Остальные ждут на лестнице.

— Уходим!

Расен двинулся было к выходу на лестницу и остановился.

Впереди открылась дверь соседней камеры, и в коридор вы-

шел майор Максим Разин, спокойный, с печатью меланхолической отрешенности от мирской суеты на лице.

— О, привет, — сказал он небрежно, глянув на всех по очереди. — А мы вас ждали.

— Максим! — тихо вскрикнула Марина, сделав шаг к нему.

— Не подходи, — поднял он руку. — Прошу прощения, дорогая, но я себе не принадлежу. Тебе лучше быть подальше от меня.

— Что это значит?!

— Вот он объяснит, — кивнул майор на Гольцова-старшего.

— Не понимаю...

— И не надо, — скривил губы в непонятной усмешке Максим. — Может быть, чаша сия тебя минует.

— Предатель! — поднял автомат ратник из команды Батога.

Расен положил ему руку на локоть:

— Он не предатель. Его подставили.

— Умный старичок! — проговорил Максим каким-то не своим, гулким, kloкочущим, вибрирующим голосом, от которого задрожали стены коридора. Затем тело майора задымилось, струи черного дыма связались в узел, который за несколько мгновений превратился в массивную черную фигуру, напоминающую рыцаря в латах. Все пространство базы — стены коридора, пол, потолок, массив земли, бетонный фундамент — качнула угрюмая непреодолимая сила.

Максим упал на колени, словно из него вынули стержень, поддерживающий тело в вертикальном положении.

Ратник, стоявший ближе всех к черному «рыцарю», оглянулся на спутников, не зная, как поступить.

— Максим! — бросилась к любимому Марина, но Расен удержал ее за руку:

— Стойте! Погибнете оба!

Черный «рыцарь» сделал шаг вперед. Гулко вздрогнул пол коридора, с потолка посыпались кусочки отслоившегося бетона.

Ратник Батога снова оглянулся. Вскинул автомат, дал очередь. Пули с визгом срикошетировали от блестящих черных лат гостя. И тотчас же он ответил, метнув в ратника пучок светящихся алых стрел. Стрелы — разряды неизвестной энергии — прошли тело ратника насквозь, обожгли плечо увернувшегося Расена и нацелились в грудь Арсения Васильевича, успевшего прикрыть собой Марину. Однако за мгновение до этого вокруг тела Гольцова засиял лучистый золотой ореол, и стрелы отразились от него, ушли в потолок, пробив там десяток дыр.

Расен превратился в текучую молнию, разрядил в голову «рыцаря» оба автомата — без малейшего вреда для него — и атаковал противника по всем правилам рукопашного боя, заставив его отступить.

Новый пучок огненных стрел пронизал коридор, и снова на его пути встал Арсений Васильевич, налитый грозной сдержанной силой.

На короткое время бой приостановился.

— Уходите! — сквозь зубы процедил Арсений Васильевич. — Я его задержу.

— Кто это? — осведомился Расен.

— Диспетчер.

Расен мгновение смотрел на Гольцова оценивающим взглядом, потом взял за руку Марину, подхватил под локоть Максима, повел их к выходу на лестницу. Оглянулся:

— Я вернусь.

— Не надо, я справлюсь сам.

— Я вернусь! Только вместе мы — сила! Продержись пару минут.

Они двинулись дальше, скрылись за углом коридора.

Арсений Васильевич развернул плечи, повернулся лицом к черному гиганту в латах, расставил ноги шире. Усмехнулся:

— Поговорим, господин Диспетчер? Или как вас там?

Черный «рыцарь» молча двинулся к нему...

СЛАВОСТЬ

Хмурые тучи ползут над окраиной деревни, едва не цепляясь за трубы и крыши хат. Ветер дует порывами, неся мелкую водяную пыль. Холодно, неуютно на улице. Но Арсик ничего не замечает, наблюдая за тем, как его кораблики, вырезанные из толстой сосновой коры, плывут по огромной луже напротив дома: двенадцать шхун, бригов, фрегатов под разноцветными парусами. На другом берегу — вражеская крепость с пушками, также вырезанными из коры, стенами и бастионами из лучинок, и тысячи солдат, готовых открыть пальбу из мушкетов. Правда, в натуре солдат и мушкетов нет, их Арсений видит в своем воображении, но все равно будущее сражение захватывает дух. Еще немного — и начнется пальба! Он уже приготовил для этого кучу мелких камешков.

А пока кораблики плывут, подгоняемые ветром, не зная, что ждет их впереди...

На лицо упали капли дождя.

Арсений Васильевич поднял голову.

Низкие хмурые тучи придавили небольшое поле, поросшее травой. Ветер. Холодно, неуютно. Но это не Родомль, это небольшой аэродром под Жуковском, старый, практически не ра-

ботающий, хотя здесь все еще стоит ангар чуть ли не столетней постройки, вышка центра слежения и два стареньких «Як-40», один из которых еще летает.

Впрочем, все это маскировка. На самом деле здесь находится база РРР, спрятанная от любопытных глаз в подземных бункерах. И охраняется она очень даже серьезно и современными средствами, вплоть до лазерных сканеров и скрытых телекамер.

Послышался подземный гул.

Арсений Васильевич вытер мокрое лицо ладонью, оглянулся.

Часть пейзажа с холмиком и кустами жимолости начала опускаться, ушла в сторону. Из открывшейся дыры площадью около шестисот квадратных метров вылетела металлическая стрекоза, зависла над полем. Платформа с гулом встала на место, закрыв отверстие подземного ангара. Пейзаж принял прежний унылый вид. Вертолет опустился на траву, из него выпрыгнул человек, махнул рукой.

— Идем, — сказал неслышно подошедший Расен.

Арсений Васильевич залез в вертолет; это был десятиместный «Ка-34», способный поднять полторы тонны груза. Вслед за Гольцовым и Расеном влезли еще четверо мужчин, похожие в своих супернавороченных спецкостюмах, со шлемами на головах, на прищельцев.

Есаул РРР покосился на Гольцова, но ничего не сказал. Тот и так знал, что это группа сопровождения, которая должна была прикрывать их во время операции.

Арсений Васильевич до сих был не уверен в том, что сделал правильный выбор. Но было уже поздно что-либо менять.

Поиски Максима и Марины неожиданно привели их в Серпухов.

Сначала Арсений Васильевич, выйдя в ментал, попытался уточнить местонахождение дочери и майора на прежних местах — в Бескудникове и в поселке телеакадемиков. Но их там не оказалось. Упустив Гольцова возле усадьбы полковника Пищелко, агенты Системы решили изменить тактику и поместили «подсадных уток» в другой район. Куда именно — стало известно только после выхода Арсения Васильевича в ментал. Новым местом заключения майора и Марины и стал Серпухов. Точнее — секретный объект практически в центре города, недалеко от мужского Высоцкого монастыря, известный как Автоколонна № 17. На самом деле на территории автоколонны располагалась база Системы, о чем Арсению Васильевичу позже доложил Расен. Естественно, база была хорошо замаскирована, укреплена и охранялась не хуже военных объектов Министерства обороны. Однако делать было нечего, условия игры диктовала Система, и ратники общины вынуждены были эти условия принять.

Готовились к штурму два дня.

Все это время Арсений Васильевич провел на квартире у Расена, занимался с внучкой, размышлял о своем странном положении, искал оправдание своим поступкам и соглашался с внутренним «я», который то успокаивал его, то, наоборот, злобно упрекал в отсутствии цельности и твердости характера, а также в импульсивности принимаемых решений. Как правило, принятые впопыхах решения были ошибочными. Вполне возможно, что и решение войти в состав десантной группы, собиравшейся освободить близких Гольцову людей, тоже было поспешным и непродуманным.

Вечером двадцатого сентября Расен пришел домой не один, а с командиром спецгруппы, бывшим полковником ВДВ Петром Батогом, и они вдвоем долго обсуждали план штурма базы Системы в Серпухове. План был дерзок и рассчитан по минутам и секундам. Разрабатывали его специалисты своего дела, поэтому Арсений Васильевич вынужден был признать, что он имеет шансы на успех. Ему же в операции отводилась роль ясновидца: он должен был опережать непредвиденные планом осложнения и сообщать об опасности ратникам. В принципе, против этой роли он не возражал, находя в ней дополнительный стимул, помимо предполагаемого нервного напряжения. Даже если бы он и захотел отказаться от участия в операции, вряд ли признался бы в этом своим новым друзьям. Они шли на смертельный риск добровольно, ради спасения чужих им людей, и не переживали по этому поводу.

Ранним утром двадцать первого сентября Расена и Арсения Васильевича доставили на аэродром в Жуковском, откуда и началась бунтарская эпопея Гольцова против Системы. Ему даже захотелось заехать к себе домой, позвонить сотрудникам института, услышать новости, поделиться своими приключениями. Но мысль мелькнула и исчезла. Мечта встретиться с институтскими друзьями была, скорее всего, несбыточной.

Вертолет взлетел.

Арсений Васильевич откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза, настраиваясь на рабочий лад. До места назначения лететь было всего час, и за это время он должен был войти в состояние владения, чтобы не терять ни минуты на процесс подготовки в точке посадки.

Долетели незаметно.

Перед посадкой Расен пробормотал:

— Ничего не чуешь?

Арсений Васильевич покачал головой:

— Все нормально...

— В том-то и дело, что все нормально. Слишком нормально. Мне это не нравится.

— Может быть, отложим операцию?

— Боишься?

Арсений Васильевич сглотнул ставшую кислой слюну, криво улыбнулся.

— Я давно некомбатант... страшно...

— А ты выматерись, — посоветовал есаул серьезно, — помогает.

— Не умею.

— Учись, мат — великолепное средство энергетической очистки организма, хотя пользоваться им надо умеючи. Как пошутил один сатирик: только русский человек, рассматривая красивую картину, может материться от восхищения.

Арсений Васильевич покачал головой, все еще ощущая под ложечкой сосущую пустоту. Только сейчас он осознал, что за просто может погибнуть, несмотря на все свои достоинства и возможности, и потому ему никак не удавалось избавиться от охватившего душу страха.

Вертолет снизился, сел на окраине Серпухова.

Погода благоприятствовала десанту и здесь: тучи висели низко над городом, моросил дождь, видимость была почти нулевой.

Автоколонна № 17 располагалась на месте старой ситценабивной фабрики, где до этого стояли продовольственные лабазы купца Зосимы Рябкина-Серпуховского, а еще раньше — подземные пыточные камеры царского наместника Ставровича. Расену удалось где-то достать чертежи камер и всего хозяйства автоколонны, и отряд теперь должен был проникнуть на территорию базы через древние ходы и пещеры. Во время обсуждения плана операции Арсений Васильевич усомнился в успехе предприятия, но усач Батог проворчал с добродушной усмешкой: нам лучше всего удаются предприятия невыполнимые, — и Гольцов не рискнул спорить дальше.

Отряд РРР ждали машины: два черных «Туарега» без номеров. Точнее, вместо номеров имелись именные таблички: «Мafia» и «Банда». Какой в этом приколе был смысл, Арсений Васильевич не понял.

Расселись по машинам, двинулись в путь.

Дождь усилился, сокращая видимость, впереди колыхалась сизая пелена, по бокам мелькали размытые силуэты деревьев, редких строений и еще более редких машин. Но водители знали дорогу как свои пять пальцев и ни разу не снизили скорость, не спросили, куда надо ехать.

Миновали кремль с громадой Троицкого собора, свернули к

Серпуховскому краеведческому музею, попетляли по узким улочкам и остановились у глухого забора из высоких бетонных плит.

— Приехали, — будничным тоном сказал Расен, посмотрел на спутника. — Как настроение?

— Нормально...

— Выходим.

Вылезли из машины под непрекращавшийся дождь.

— Сюда.

Расен полез в отверстие канализационного люка у борта джипа.

Арсений Васильевич вынужден был последовать за ним.

В нос ударили запахи гнили, испражнений, нечистот и медикаментов, будто по дну канализационной трубы стекали отходы какой-то больницы. Вверху звякнула задвигаемая крышка люка, стало темно.

Впереди вспыхнул фонарь, освещая чьи-то ноги в ботинках.

— Пошли, — сказал Расен негромко, направляясь в ту сторону. — Труба выведет нас к автобазе.

Арсений Васильевич промолчал. Он хорошо помнил условия проникновения группы на территорию автоколонны.

Высота трубы не позволяла идти во весь рост, приходилось сгибаться и двигаться на полусогнутых ногах. Ратники шагали практически бесшумно, как и есаул. Арсений Васильевич сначала цеплялся за разный мусор, скрипел песком, спотыкался о куски бетонных плит, потом приноровился и тоже перестал шуметь.

Отшагали двести метров, поднялись по скобам колодца к люку. Задержались на минуту, пока ратники обеспечивали безопасный выход группы на поверхность. Расен тронул Гольцова за руку, шепнул на ухо:

— Вот и пришла твоя очередь закончить Испытание. Готов?

— Готов...

Перед глазами Арсения Васильевича развернулась знакомая картина энергоинформационных взаимодействий данного района: серый фон, фиолетово-коричневые сгущения зданий, строений, сооружений, сеть более светлых прожилок — линий электропередачи, множество ярких точек — бытовые приборы, включенные электроплиты, телевизоры, двигатели автомашин, и пульсирующие золотистые колечки и звездочки — ауры живущих здесь людей. Вместе с тем другая часть мозга превратилась в своеобразный голографический биолокатор, отразивший ту же картину в ином диапазоне волн и цветовых сочетаний. Теперь он мог мысленно-волевым усилием подключаться к мыслесферам других людей и ощущать их настроение и намерения.

— Что остановился? — коснулись уха губы Расена.

— Смотрю...

— И?..

— Максим и Марина здесь, в одном из подземных помещений. Их охраняют четверо, с оружием... Еще четверо дежурят на втором подземном этаже, на первом — монитор службы контроля, шестеро в разных помещениях.

— Сколько людей наверху?

— Трое или четверо...

— Где они?

— Все-таки четверо... там такое длинное здание — ангар с машинами, в торце — подсобка...

Расен придвинул к губам усик рации:

— Батог, ангар тридцать румбов на север, четверо в комбезах. Осторожнее, ангар контролируется телекамерами.

Ответа Арсений Васильевич не услышал, а Расен не стал общаться, что сказал ему командир спецгруппы.

Прошла минута, другая, третья...

— Пошли, — проговорил есаул. — Ребята вскрыли сейф.

По-видимому, это означало, что десант РРР обезвредил охрану секретного входа на базу Системы.

Вылезли из люка под дождь, перебежали небольшую площадь с бензовозами и тракторами, нырнули в открытую дверь большого деревянного ангара. Свет внутри ангара не горел, но это не мешало обоим ориентироваться в полной темноте.

Приблизились к распахнутой настежь двери в перегородке. Помещение за ней напоминало контору: три стола, компьютеры, металлические шкафы с лежащими на полках папками, стенд с автозапчастями. Тело на полу. Рядом дыра люка.

Расен молча полез в люк.

Арсений Васильевич почувствовал озноб, обошел тело, быстро спустился за есаулом.

Помещение с голыми бетонными стенами и металлической дверью. На стене устройство кодирования замка с мигающей красной искоркой. Дверь открыта, толстая, сейфовая — гранатой не прошибешь. За дверью короткий коридор, освещенный тусклой лампой в сетчатом колпаке, стены из гофрированного серого материала, пол покрыт кафельной плиткой, потолок бетонный. В тупике коридора еще одна дверь с табличкой: «Вход посторонним воспрещен. Токсичные отходы».

Четверо десантников, ушедших вперед, замерли у двери с оружием в руках.

— Время пошло, — глуховатым баском сказал командир группы. — Через шесть минут сработает таймер и включит тревогу.

Это не главный вход на базу, поэтому автоматика контролирует только внутренние контуры. На раскодировку требуется время.

— Откроешь? — кивнул на дверь Расен. — Или будем взрывать?

Ратники расступились.

Арсений Васильевич подошел к двери, сдерживая дрожь зубов.

Дверь была такого же типа, что и первая, которую ратники открыли сами, с помощью монитора наверху. Ее запирали электронный замок, требующий наличия кодового ключа-карты. Такие системы имели огромный запас цифровых комбинаций, и для подбора кода даже с помощью компьютера действительно требовалось много времени.

Он напрягся, зажмуривая глаза.

Панель замка стала прозрачной, на красном фоне стены проступила сложная схема соединений чипа замка. Будучи инженером, Арсений Васильевич в принципе знал, как работает такая схема, но все же вряд ли смог бы найти способ ее блокирования. Знание этого способа пришло само собой: из глубин памяти всплыл невесомый воздушный шарик и развернулся в инструкцию — как заставить замок открыться, не применяя ключа.

Арсений Васильевич слепо погладил панель рукой, мысленно-волевым усилием заблокировал нужные цепи.

Замок щелкнул, сработал исполнительный механизм, вытаскивая из гнезд два ряда металлических пальцев, дверь начала открываться.

— Где пленники? — быстро спросил Расен.

Арсений Васильевич сориентировался в пространстве базы:

— На третьем этаже... там развилка трех коридоров... по одному охраннику в каждом коридоре... какие-то люди еще... но охрана вооружена и...

— Понятно. Что за дверью?

— Какой-то склад, коридор, пост охраны...

— Парни, за работу!

Дверь открылась.

Батог выпустил короткую очередь в замок, засверкали искры, из замка стекла на пол струйка дыма. Теперь дверь уже было нельзя закрыть. Ратники бесшумно скользнули в темноту помещения, исчезли за штабелями ящиков и бочек.

— Жди здесь, — коснулся плеча Гольцова есаул. — Учнешь конкретную опасность — дашь знать.

— У меня нет рации...

— Разве тебе нужна рация? Настройся на мою ауру и поддерживай канал связи открытым. Я тебя услышу.

— Х-хорошо.

Расен растворился в воздухе, догоняя команду Батога. Ни один звук не долетел из глубин подземелья, наступила полная тишина.

Арсений Васильевич поймал себя на мысли, что ему хочется как можно быстрее выбраться отсюда на свежий воздух и никогда больше не встречаться с бойцами РРР, напропалую рискующими жизнью. Страх не отпускал, внутри была натянута каждая жилка, руки дрожали, и он ничего не мог с собой поделать.

Что-то изменилось вокруг.

Словно в глубине земли шевельнулся огромный крот, открыл глаза, оставаясь при этом слепым, и двинулся к базе, беззвучно сотрясая землю, гоня впереди себя волну почти неощутимых неприятных вибраций.

— Мама родная! — прошептал Арсений Васильевич, не в силах двинуться с места. — Засада! Не надо было соваться сюда...

В голове развернулся букет видений: пещера, тигр внутри, прыжок, горный обвал, оскал зверя. Есаул уловил вспышку эмоций Гольцова и в своеобразной манере спрашивал его, в чем дело.

— Засада! — повторил Арсений Васильевич вслух, вспомнил совет Расена, неумело выругался: — Сволочи хреновы! Надо уходить!

«Понял, принимаю меры!» — прилетела мысль Расена.

На черно-фиолетово-сером фоне символического видения перед глазами Арсена Васильевича изменился рисунок противостоящих сил. Черные тени кольцом окружили светлые точки и звездочки, перекрыли им пути отступления. В свою очередь белые «перья» и «снежинки» попытались объединиться, образовали струю движения, рассекающую одну из фиолетово-багровых щупалец. Ратники Батога и есаул решили пробиваться в одном направлении, чтобы не дробить силы.

Иди к ним на помощь, проворчал внутренний голос. Без тебя им хана, не вытащить Марину и майора.

Надо немедленно бежать отсюда, возразил Арсений Васильевич сам себе. Засада слишком многочисленна!

Расен и его команда рискуют больше, хотя ни Марина, ни Максим не являются им родственниками.

Мы все погибнем...

Делай что-нибудь, слизняк! Возможно, все погибнут, зато останется чистой совесть и никто не обвинит тебя в трусости!

Если я погибну, совесть мне уже больше не понадобится...

Тогда беги, Меченый, ты еще успеешь вырваться из ловушки.

Арсений Васильевич до боли прикусил губу, очнулся, сбросил оцепенение.

Ладно, попробуем прорваться!

Он метнулся к выходу из склада и наткнулся на трех «киборгов»-засадников, вооруженных автоматами.

По-видимому, его появление оказалось неожиданным и для них. Во всяком случае, они промедлили, и Арсений Васильевич, вооруженный знанием приемов боя куда более совершенных, нежели армейские, в доли секунды расправился с группой, заставив парней стрелять друг в друга.

Однако пока он сражался с бойцами засады, из другого коридора вынырнула еще одна тройка «киборгов», с ходу открыла огонь, и Арсений Васильевич не нашел другого способа избавиться от них, кроме бегства.

Наверное, он настолько ошеломил охранников скоростью бега и стремительностью движений, что они не сразу поняли, куда подевался их противник. А когда опомнились и бросились за ним, он был уже на втором горизонте базы.

Здесь ему пришлось пережить стресс еще одной схватки с бойцами засадной группы, заставивший его осознать простую истину: несмотря на владение техникой универсально-боевой системы харавад, он не стал мастером этой системы. Он был всего лишь носителем знаний, не прошедшим школу жизни, не прокачавшим философию этой системы через свою душу.

Да, он справился с отрядом спецназа Системы, но с превеликим трудом, и запаниковал.

В таком состоянии Арсений Васильевич и добрался до третьего горизонта базы, где Расен уже вывел из камеры в коридор Марину, а четверка ратников охраняла выходы на лестницы, готовая пройти огни и воды, отдать жизнь, если потребуется, ради выполнения поставленной задачи.

— Папа! — бросилась к нему на грудь Марина, зарывав.

— Все хорошо, моя милая, — погладил он ее по волосам. — Я тебя никогда больше не брошу, тебя и Стешу.

— Не время для сантиментов, — жестко сказал Расен, взвешивая в руке отбитые у противника автоматы. — Надо выбираться отсюда.

В этот момент впереди открылась дверь соседней камеры, и в коридор вышел майор Максим Разин, необычайно спокойный, с печатью меланхолической отрешенности на лице.

— Привет, — сказал он небрежно, глянув на всех по очереди. — А мы вас ждали, господа.

— Максим! — тихо вскрикнула Марина, сделав шаг к нему.

Расен удержал ее за руку:

— Держитесь от него подальше.

— Что это значит?! — изумилась она.

— Твой папа объяснит.

— Папа, в чем дело?

— Он... запрограммирован, — глухо проговорил Арсений Васильевич.

— Не понимаю...

— И не надо, — скривил губы в непонятной усмешке Максим. — Хотя вряд ли можно назвать программой то, что я ношу в себе.

Арсений Васильевич облизал ставшие сухими губы.

— Что ты хочешь... сказать?

— Не сказать — показать.

Тело майора задымилось, струи черного дыма потекли из него спиралями, связались в узел, который за несколько мгновений превратился в массивную черную фигуру, напоминающую рыцаря в латах.

Максим упал на колени, словно из него вынули стержень, поддерживающий тело в вертикальном положении.

Черный рыцарь сделал шаг к людям. Гулко вздрогнул пол коридора, с потолка посыпались кусочки отслоившегося бетона.

Ратник Батога, стоявший к нему ближе всех, вскинул автомат, дал очередь. Пули с визгом отскочили от блестящих черных лат гостя. И тотчас же тот ответил, метнув в ратника пучок огненных стрел. Стрелы — разряды неведомой энергии — прошли тело ратника насквозь, обожгли плечо увернувшегося Расена, нацелились в грудь Арсению Васильевичу, и он, не думая, инстинктивно, без оглядки на спутников... бросил себя — как ментальную сущность и как физическое тело — в «струну» перехода из мира Земли в иной мир.

Вспышка света, черный провал, ощущение удара, падение в бездну, еще одна световая зарница, и Арсений Васильевич оказался на поверхности объекта, принадлежащего иной метавселенной.

В первые мгновения присутствия на Карипазиме он был настолько ошеломлен происшедшим, что совершенно потерял ориентировку. К тому же мир вокруг оказался гораздо более необычным, чем ощущался в те моменты, когда Гольцов-экзор смотрел на него с высоты своего «божественного» положения. И еще здесь было почти невозможно дышать: воздух Карипазима содержал очень мало кислорода и очень много водяных паров.

Арсений Васильевич дико огляделся, зажимая рот ладонью и выпучив глаза.

Он стоял посреди скопления высоких плоских стеклянных колонн-стел. Причем в зависимости от угла зрения эти стелы казались либо совсем прозрачными, либо гранитными кристаллическими монолитами, либо вообще исчезали из поля зрения, чтобы проявиться на том же месте при любом движении глаз.

Впоследствии выяснилось, что зрительные впечатления соответствуют тактильным. На ощупь стелы то казались холодными и гладкими, стеклянными, то шершавыми, то металлическими, то не ощущались вовсе. Хотя стоило сделать одно движение — и стелы выпрыгивали ниоткуда и становились материально осязаемыми.

Лес! — пришло на ум сравнение.

Город! — возразил сам себе Арсений Васильевич.

Энергополевая форма жизни, сообщил сидящий внутри него всезнайка. Карипазим — мир непрерывных виртуальных преобразований полей, где нет места покою и стагнации.

Мир непрерывной войны...

Он сделал шаг, другой, инстинктивно переходя на аутоτροφное дыхание. Под ногами захрустело. Он опустил голову.

Те же кристаллические стеклянные наросты, стелы, только на три порядка меньше. «Кустарник», так сказать, или «травя».

Что-то прожужжало в сантиметре от носа.

По глазам резанул солнечный зайчик.

Арсений Васильевич дернулся в сторону, полагая, что это пуля. Но это была не пуля.

«Кто ты? — слышалось ему. — Зачем ты здесь?»

Только после этого вопроса он понял, что с ним заговорил житель Карипазима, и с ужасом осознал, что действительно сбежал с Земли в другой мир!

Шок, пронзивший сердце и душу, был физически плотен и ощутим как выстрел в упор! Он даже закричал — беззвучно, внутрь себя, все больше осознавая, что натворил.

Мысленный контакт с жителем Карипазима прервался. Абориген сбежал, напуганный реакцией пришельца.

Сбежал! — повторил мысленно Арсений Васильевич, думая о себе.

По сути — предал тех, кто понадеялся на него, и тех, кто ждал его помощи!

Но ведь он не хотел этого? Просто так получилось? И еще, может быть, не все потеряно?

Арсений Васильевич поднял голову, словно собираясь разглядеть на небосклоне Карипазима ответы на свои вопросы. Но слезы застлали глаза, слезы отчаяния и обреченности, тоски и горя, и он ничего не увидел...

Над школьным двором звучала песня, прощальный гимн уходящих во взрослую жизнь выпускников, а он стоял и плакал с широко раскрытыми глазами, слепой от слез и сердечной боли, еще чистый эмоциональный мальчик, мечтавший побывать на других планетах и увидеть звезды через иллюминатор звездолета...

В памяти всплыли прочитанные строки:

«О чем плакал он? Он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и не стыдился иступления сего»¹.

Что делать?! Как оправдаться перед родными и близкими?! Умереть?! Но послужит ли смерть основанием для прощения?!

Воздуху не хватало, слезы душили, Арсений Васильевич рванул рубаху на груди.

Боги! Если вы есть! Верните меня! Верните меня в детство, ко времени моих слез... и я начну с чистого листа, я все исправлю!

Верните меня...

Душа просит дождя...

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Он открыл глаза... Гостиная Марины, полумрак, тишина, только пульсируют часы на стене: тик-так, тик-так...

Двое напротив, Расен и седой старик — Симеон-родомысл. Смотрят строго, пытливо и вместе с тем сочувственно.

Арсений Васильевич повертел головой, ничего не понимая, потом осознал, что произошло, вытер мокрое лицо ладонью, отвернулся.

Ему предложили еще одно Испытание, и он его, скорее всего, не прошел.

— Это варианты твоей жизни, — проговорил родомысл. — И только от тебя зависит, как ты ее проживешь.

— Тебе дана сила... — начал есаул, но Симеон остановил его.

— Сила не всегда дается тем, кто ее заслуживает, — глухо произнес Гольцов.

— Так заслужи, — простодушно сказал Симеон. — А мы будем рядом.

Арсений Васильевич поднял голову и опустил.

Душа рвалась на части, корчилась и плакала. Прошное звало к себе, обещая счастливые переживания. Будущее казалось темным и беспросветным, обещая боль и муку. Или и там, впереди, еще возможны добрые встречи?

Смута на душе, дождь.

Что ответить?

Куда идти?..

¹ Ф.М. Достоевский.

Содержание

БЕСПОЩАДНЫЙ, ИЛИ ИСКАТЕЛИ СМЕРТИ. Роман.	5
ULTIMA THULE	
11652 ГОД ДО Н.Э.	
ДЕНЬ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ	7
КОСТРОМА	
XXI ВЕК	
15 ноября, вечер	11
ОСТРОВ МАУИ, ГАВАЙИ	
XXI век, 16 ноября	26
БУЙ-ТУР	
27—29 ноября	47
ФЕДОРОВ	
КОСТРОМА — МОСКВА	
1 декабря	64
МОН-СЕН-МИШЕЛЬ	
2 декабря	74
ФЕДОРОВ	
6 декабря	83
ДАНИЛИН	
7 декабря	88
РУССКИЙ ОРДЕН	
8 декабря	100
БУЙ-ТУР	
8 декабря	105
ТАРАСОВ	
12 декабря	120
КС	
16 декабря	137
ДАНИЛИН	
17 декабря	141
БУЙ-ТУР	
17 декабря	153
ТАРАСОВ	
18 декабря	167
ДАНИЛИН	
20 декабря	184
БУЙ-ТУР	
21 декабря	198

РуНО	
23 декабря	211
ДАНИЛИН	
23 декабря	215
БУЙ-ТУР	
24 декабря	226
ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ	
25 декабря	237
ТАРАСОВ	
26 декабря	244
ДАНИЛИН	
29 декабря	258
ТАРАСОВ	
29—30 декабря	270
ПЕРИМЕТР ВВС	
30 декабря	286
ТАРАСОВ	
31 декабря	291
ЗАЛОЖНИКИ	
31 декабря	301
БАЗА	
31 декабря	312
ТАРАСОВ	
31 декабря	318
ДЕРЕВНЯ СУКОННИКОВО	
Новогодняя ночь	329
ТАРАСОВ	
1 января	333
БУЙ-ТУР — ДАНИЛИН	
1 января	342
ОДИН ЗА ВСЕХ	
1 января	357
НА ВСЕ НАША ВОЛЯ	
2 января	368
КО ВРЕМЕНИ МОИХ СЛЕЗ. <i>Роман</i>	381
Дощечка первая. ПРОКЛЯТИЕ	383
Дощечка вторая. ПОСВЯЩЕНИЕ	468
Дощечка третья. ПЕРЕЖИВАНИЕ	549
Дощечка четвертая. ПРОЗРЕНИЕ	609
Дощечка пятая. ПРЕОДОЛЕНИЕ	675

Литературно-художественное издание

Головачев Василий Васильевич

ИСКАТЕЛИ СМЕРТИ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *И. Сауков*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *В. Фирстов*

Корректор *М. Фирстова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Лео Хао*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76,
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12

(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 20.10.2005.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 36,96. Уч.-изд. л. 40,0.

Тираж 6000 экз. Заказ 8593.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15

Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Лучшие игры на самых разнообразных платформах:
PC, PlayStation 2, Xbox, GameCube.

Мы поможем вам разобраться в этом
круговороте и сделать правильный выбор

Ca

Издательство «Эксмо» представляет

**В
Ж**

Роджер

**В СЕРИИ
«ОТЦЫ –
ОСНОВАТЕЛИ»**

ЖЕЛЯЗНЫ

Роджер Желязны –
знаменитый американский писатель,
самый парадоксальный фантаст XX века,
мастер техномифа, играющий людьми
и богами на шахматной доске
своего творчества!

www.eksmo.ru

Также в серии: «Кладбище слонов», «Лорд Демон»,
«Маска Локи», «Остров мертвых»,
«Хроники Амбера» в 2-х томах, «Князь Света»,
«Дилвиш проклятый», «Двери в песке»

Р О Б Е Р Т

ШЕКЛИ

В СЕРИИ

«ОТЦЫ-
ОСНОВАТЕЛИ»

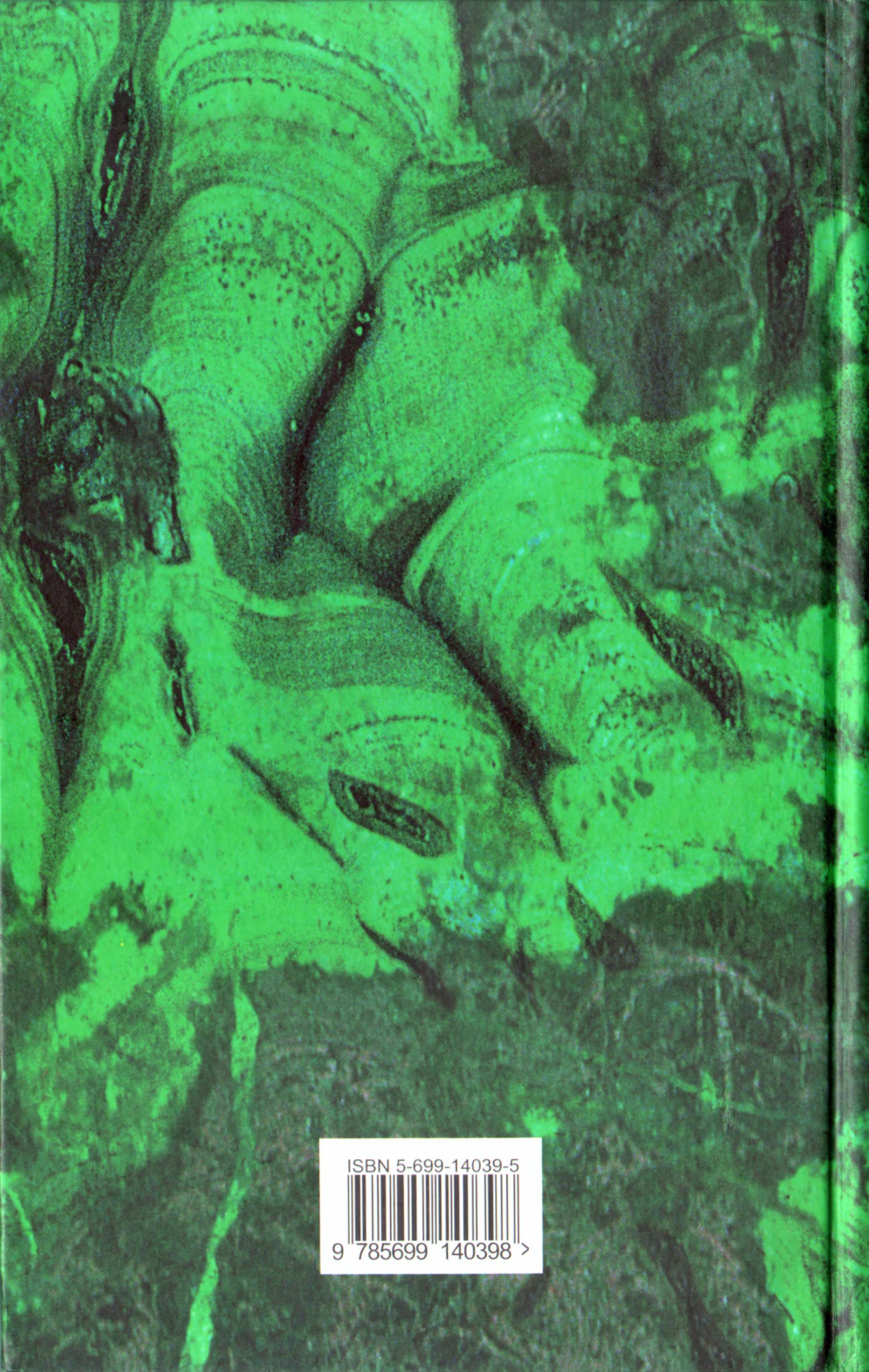

Все произведения
знаменитого
американского
писателя
Роберта Шекли
в 6 томах!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«Цивилизация статуса»
«Лабиринт Минотавра»
«Обмен разумов»
«Белая смерть»

ISBN 5-699-14039-5

9 785699 140398 >